

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

*Рыцарь
самодержавия*

УДК 94
ББК 63.3(2)6-8
Н 631

Исключительное право публикации книги «Николай Первый. Рыцарь самодержавия» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения или его части без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

Составление, вступительная статья
и комментарии *Б. Н. Тарасова*

Н 631 **Николай Первый. Рыцарь самодержавия** / Сост., вступит. ст. и коммент. Б. Тарасова. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 480 с.: ил. — (Загадки истории).

ISBN 978-5-373-01261-4

Николай I — одна из трагических фигур российского престола. Эпоха Николая I с ее основными жизнестроительными началами — православием, самодержавием, народностью — стала излюбленной мишенью для историков. Его правление обычно принято называть периодом мрачной реакции и безнадёжного застоя. Однако существует уважительное отношение к монарху, «который ничего не требовал для себя и сражался только за принципы», находясь мнения, характеризующие государя как «благороднейшего, верного сердцем человека». Многогранный, правдивый портрет Николая I предстает перед читателями в этой книге.

УДК 94
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-373-01261-4

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»,
издание, 2007

ЧЕРТЫ ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I

Гегель заметил однажды, что если в голове нет идеи, то глаза не видят фактов. Перефразируя это высказывание, можно с меньшей справедливостью утверждать, что чрезмерная увлеченность или даже одержимость той или иной идеей (либеральной, консервативной, демократической, классовой, социалистической и т. п.) также делает историка или философа, писателя или публициста слепыми к несоответствующим ей фактам, заставляя не только проходить мимо неудобных событий, лиц, явлений, но и превратно истолковывать их. Наша отечественная история и культура в XX веке не раз испытывали на себе трагические последствия революционных методов мышления и практики. Ю. Ф. Самарин нетривиально определял революцию как «рационализм в действии», «формально правильный силлогизм, превращенный в стенобитное орудие против живого быта», как подведение под априорную догму «данной действительности и приговор над последней, изрекаемый исключительно с точки зрения первой — действительность не сходится с догмой и потому осуждается на смерть» (сначала с помощью книг и журналов, а затем с использованием топоров и вил).

Еще один важный, но «скрытый» признак революции, дух которой, кстати говоря, был глубоко антипатичен Николаю I, отметил другой его современник, Ф. И. Тютчев: «Революция прежде всего враг христианства! Антихристианское настроение есть душа революции; это ее особенный отличительный характер». И действительно, либерально-демократические, а затем и радикально-социалистические догмы решительно отторгали от себя все то, что так или иначе было воспитано и взращено православными, государственными, народными традициями и не совмещалось с новаторской ломкой, политическим макиавеллизмом, моральной казуисти-

кой. Хирургия «правильных» силлогизмов осуждала на смерть не только характерные слои русского народа с христианским мироощущением (духовенство, дворянство, крестьянство, казачество), но и внедрялась в историческую мысль, которая оказывалась надолго плененной диктатурой «прогрессивистской» логики, «освободительных» клише, обрезавших полноту и искажавших подлинность протекших веков. Вследствие целенаправленного отторжения православных устоев, произвольного усечения и тенденциозной интерпретации тысячелетних пластов национального бытия на передний план общественного сознания длительное время искусственно выводилась и последовательно внедрялась линия отрицания, протеста и насильственных изменений в государстве, идущая, условно говоря, от А. Н. Радищева через декабристов к революционным демократам и готовившая методологическую почву для будущей беспамятной авангардистско-большевистской идеологии. Недаром последняя, пусть и значительно искажая их, опиралась на деятелей типа В. Г. Белинского или А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского или Д. И. Писарева, чьи научно-гуманистические идеи изначально не согласовывались прежде всего с христианскими традициями, разрушали исторические предания и обрывали преемственные связи, которые подвергались принципиальному шельмованию.

Неудивительно поэтому, что эпоха Николая I с ее основными жизнестроительными началами православия, самодержавия и народности стала излюбленной мишенью как для «либеральной», так и для «коммунистической» историографии (недаром К. Маркс и Ф. Энгельс считали русскую монархию одним из самых серьезных препятствий на пути практического осуществления собственных теорий). Его правление принято обычно называть периодом мрачной реакции и безнадежного застоя, когда повсюду водворялись деспотический произвол, казарменный порядок и кладбищенская тишина. Укротитель революций, жандарм Европы, тюремщик декабристов, неисправимый солдафон, «исчадие мундирного просвещения», «удав, тридцать лет душивший Россию» — таковы типичные оценки царя, свойственные означенным выше подходам. Показательно появление уже в 1993 году сборника «Российские государи», вышедшего в издательстве «Новости» при поддержке Российского независимого института социальных и национальных проблем. Представленная в нем статья о Николае I изобилует следующими выражениями: «Николай был по натуре своей тиран», задумавший «сделаться неограниченным властели-

ном России...»; «Бенкендорф, зверь в образе человека... безраздельно господствовал во всех отраслях правления...»; «Николай довел учащуюся молодежь до последней степени унижения... уничтожил в России окончательно следы умственного движения...»; «В своей собственной семье Николай был таким же деспотом, каким он был на троне...»; «Как многие утверждают, он принял яд и скончался в 1855 году 2 марта. Никто не помянул его добром. Вся Россия посылала ему проклятия и в гроб».

Необходимо подчеркнуть, что авторы подобных суждений, грубо грешащих даже с чисто фактической стороны, особо претендовали на научную объективность, но всячески избегали вводить в оборот многообразные сведения и другие точки зрения, противоречащие их собственным выводам. Категорические приговоры Николаю I и огульное осуждение целого царствования заставляли всякого рода «силлогистов» сокращать огромное количество фактов, дававших материал для совершенно иных, положительных умозаключений. Так, французский поэт и политический деятель А. Ламартин заявлял: «Нельзя не уважать Монарха, который ничего не требовал для себя и сражался только за принципы». Прусский король Фридрих-Вильгельм IV, с юных лет коротко знавший Николая I, также выделял после его кончины высокие качества русского царя: «Один из благороднейших людей, одно из прекраснейших явлений в истории, одно из вернейших сердец и, в то же время, один из величественных государей этого убогого мира отозван от веры к созерцанию». А. С. Пушкин, чьи отношения с императором были сложными и неоднозначными, отмечал несомненные достоинства и петровский масштаб его личности. О «благородной простоте обаятельного величия» царя говорил славянофил Ю. Ф. Самарин, хотя и встречал с его стороны довольно резкое несогласие в вопросах соотношения племенных и имперских начал во внутренней и внешней политике. По свидетельству И. С. Аксакова, «с величайшим уважением» отзывался о Николае I Ф. М. Достоевский, оказавшийся, как известно, по его воле на каторге за участие в кружке петрашевцев. «Государем-рыцарем» именовал его митрополит Анастасий (Грибановский), а К. Н. Леонтьев называл Николая I «великим легитимистом» и «идеальным самодержцем», призванным задержать «всеобщее разложение». А по словам В. С. Соловьева, «в императоре Николае Павловиче таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеа-

ла, поднимавшее его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего общественного сознания».

Казалось бы, столь высокие оценки глубоких и авторитетных писателей и мыслителей требуют соответствующего осмысления или хотя бы минимального внимания. Однако и в широко популярных, и в сугубо научных трудах почти невозможно найти ссылки на мнения, события и факты, не укладывающиеся в общепринятые силлогизмы. Поэтому важно вспомнить те черты личности, обстоятельства правления и особенности деятельности Николая I, которые выправляют крен, созданный мировоззренческой или идеологической предвзятостью, а также помогают построению более полной и сложной картины его царствования.

1

14 декабря 1825 года — день восстания декабристов — стал своеобразной отправной точкой правления Николая I, которая не только явилась испытанием его характера, но и оказала существенное влияние на последующее формирование его мыслей и действий. После кончины Александра I 19 ноября 1825 года возникла ситуация так называемого междуцарствия, когда оставался неоглашенным составленный еще в 1823 году его тайный манифест, назначивший наследником брата Николая. Кроме самого императора, цесаревича Константина и их матери о манифесте знали только три человека: митрополит Филарет, А. А. Аракчеев и А. Н. Голицын, переписавший документ и оставивший его на хранение в Государственном Совете, Сенате и Синоде. Будущий наследник трона, конечно же, мог догадываться о выраженной в таинственном конверте воле Александра I, недвусмысленно высказывавшейся ранее в интимных беседах, однако точное содержание и смысл манифеста оставались ему неизвестными. В дни междуцарствия великий князь Николай Павлович выказал отсутствие всякого честолюбия и редкую для многих своих предшественников приверженность к строго законному наследованию власти, к освященным историей правам старшинства. Он незамедлительно присягнул цесаревичу Константину, великодушно отказавшись от престола. «Никакого тут подвига нет, — отвечал он удивленным членам Государственного Совета, — в моем поступке нет другого побуждения, как только исполнить священный

долг мой пред старшим братом. Никакая сила земная не может переменить мыслей моих по сему предмету и в этом деле». Старший брат, в свою очередь, отказался от царской короны в пользу младшего. По словам В. А. Жуковского, началась трехнедельная «борьба не за власть, а за пожертвование чести и долгу трон», чем и воспользовались заговорщики тайных обществ. В армии распространился слух, будто великий князь Николай Павлович намерен узурпировать права цесаревича Константина...

По свидетельству всех современников, 14 декабря, когда, наконец, была назначена новая присяга и вместе с тем вспыхнуло восстание, новый царь выказал то присутствие духа, личную отвагу и твердую решимость, которые во многом способствовали очень быстрому и почти бескровному прекращению бунта. «Я видел, — вспоминал он позднее, — что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти наверно все, или, пощадив себя, жертвовать решительно государством».

Рано утром Николай I собрал гвардейских генералов и полковых командиров, ознакомил их с завещанием Александра I и с документами об отречении Константина, а затем зачитал манифест о своем восшествии на престол. Слушавшие единодушно признали его законным монархом и обязались привести к присяге войска, после чего он незамедлительно заявил: «После этого вы отвечаете мне головою за спокойствие столицы, а что до меня, если буду императором хоть на один час, то покажу, что был того достоин». Еще до встречи с гвардейским генералитетом он написал сестре Марии, герцогине Саксен-Веймарской: «Наш ангел (Александр. — Б. Т.) должен быть доволен, воля его исполнена, как ни тяжела, ни ужасна она для меня. Молитесь, повторяю, Богу за вашего несчастного брата: он нуждается в этом утешении, и пожалейте его».

Николай I не исключал возможности царствовать и вообще пребывать на этой земле всего лишь «один час», поскольку постоянно менявшиеся обстоятельства становились все более непредсказуемыми. Несмотря на церемонию присяги в Сенате, Синоде и в первых гвардейских частях, не было никакой уверенности в благоприятном исходе. Во время церемонии в лейб-гвардии Московском полку офицеры Д. А. Щепин-Ростовский, М. А. и А. А. Бестужевы уговорили часть солдат не присягать. Раздались первые выстрелы, когда пытавшиеся вмешаться полковой командир П. А. Фредерикс, генерал-майор В. Н. Шеншин и полковник Хвощинский получили тяжелые ранения. Полк

вывели из казарм на Сенатскую площадь, где к нему присоединились часть солдат лейб-гвардии Гренадерского полка и гвардейский экипаж. «Сегодня вечером, — говорил хмурым утром император А. Х. Бенкендорфу, — может быть, нас обоих не будет на свете, но, по крайней мере, мы умрем, исполнив наш долг». Такое же настроение владело им и накануне, когда он обращался к жене: «Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество и, если придется умереть, умереть с честью».

Для подобного героического пессимизма имелись все основания, ибо, узнав о восстании, царь решительно намерился самолично участвовать в его подавлении. Собираясь на Сенатскую площадь, государь наугад раскрыл всегда лежавшее на его письменном столе Евангелие и прочитал выпавший отрывок, обратившись к находившемуся рядом П. В. Кутузову: «Посмотри, Павел Васильевич, какой мне стих вышел: “Аз есмь пастырь добрый; пастырь добрый душу свою полагает за овцы, а наемник, иже несть пастырь, бежит”». Затем Николай I отправился во главе верных ему преобразенцев и конногвардейцев в гущу событий, сказав брату Михаилу: «Я или император, или мертв». Как признавался он позднее небезызвестному мемуаристу А. де Кюстину, именно решимость идти до конца и готовность умереть ради исполнения долга придавали ему силы для спонтанных и одновременно решительных действий среди всеобщей растерянности и сумятицы.

На Сенатской площади, окруженной сбегавшимся со всех сторон народом, Николай I неожиданно стал читать и разъяснять манифест, находясь на виду мятежного каре и подвергая свою жизнь ежеминутной опасности. «Самое удивительное, — как бы недоумевал он впоследствии, — что меня не убили в тот день». Желая предупредить кровопролитие, он пытался убедить бунтовщиков в законности своего права на престол и в необходимости мирного завершения противостояния. Однако увещевания митрополита Серафима и великого князя Михаила Павловича не имели успеха, а выстрел П. Г. Каховского нанес петербургскому генерал-губернатору М. А. Милорадовичу смертельное ранение. Стало ясно, что переговорные пути исчерпаны и нельзя обойтись без картечи, которая сразу же внесла смятение в ряды мятежников. Н. М. Карамзин так описывал свое впечатление от приснопамятного дня и господствующую атмосферу: «14 декабря я был во дворце, выходил и на Исаакиевскую площадь, видел ужасные лица, слышал ужасные слова, и камней пять-шесть упало к моим ногам. Новый император показал не-

устрашимость и твердость. Первые два выстрела рассеяли безумцев с Полярною Звездой, Бестужевым, Рылеевым и достойными их клеветами. Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж. Ни крест, ни митрополит не действовали!» Словно дополняя Карамзина, В. А. Жуковский, лично знавший многих декабристов, восклицал: «Какой день был для нас 14 числа! В этот день все было на краю гибели и все бы разрушилось. Но по воле Промысла этот день был днем очищения, днем ужаса, но в то же время днем великого наставления для будущего... Мы прожили вековой день... Государь отстоял свой трон... Отечество вдруг познакомилось с ним, и надежда на него родилась посреди опасности, устраненной его духом... Одним словом, во все эти решительные минуты Государь явился таким, каков он быть должен: спокойным, хладнокровным, неустрашимым. Он представился нам совершенно другим человеком; он покрылся честью в минуту, почти безнадежную для России».

Таков был взгляд, как говорится, со стороны. Сам же монарх испытывал «жгучую боль», которую, по его собственному ощущению, невозможно забыть до конца своих дней. «Я Император, — писал он брату, — но какою ценою. Боже мой! Ценою крови моих подданных». Он глубоко сожалел о том, что не удалось мирно разрешить возникший конфликт, искренне стремился разобраться в истинных причинах восстания и по справедливости оценить степень вины каждого заговорщика.

2

Назначенное царем следствие открывало, что в основе увлеченности декабристов, которых Пушкин называл «лучшим цветом» поколения, новыми идеями и их возможным приспособлением к русской действительности, лежали благородные побуждения уничтожить «разные несправедливости и угнетения» и сблизить сословия для роста общественного благоденствия. Примеры засилия иностранцев в высшей администрации, лихоимства, нарушения судопроизводства, бесчеловечного обращения с солдатами в армии волновали возвышенные умы молодых дворян, воодушевленных патриотическим подъемом 1812 года. Вместе с тем «великие истины» свободы, равенства, чести, необходимые для блага Отечества, ассоциировались в сознании декабристов с республиканскими уч-

реждениями и европейскими социальными формами, которые они в теории механически переносили на русскую почву, стремясь «пересадить Францию в Россию». Отвлеченность и умозрительность такого перенесения заключались главным образом в том, что оно осуществлялось без соотнесенности с историческим прошлым и национальными традициями, веками формировавшими духовные ценности, психологический и бытовой уклад жизни. Искренние упования декабристов на форсированное изменение сложившегося строя, на правовой порядок как на панацею от всех бед вступали в объективное противоречие с их благородными намерениями, ибо в стратегической перспективе открывали дорогу развитию далеких от благородства меркантильных эгоистических отношений, возрастающей нивелировке народов и культур, снижению духовных запросов личности, диктатуре денежного мешка. Так, ведущий идеолог декабризма Н. И. Тургенев связывал «усовершенствование системы представительства народного» с усовершенствованием «системы кредитной», поскольку «век кредита наступает для всей Европы». Однако он реально представлял скрытую порочную основу всех подобных прогрессивных новаций: «Древние достигли свободы и следственно счастья стезею природы: чистым, природным влечением души человеческой. Новейшие народы идут к счастью грязною дорогою: выгодами эгоизма и корысти. К стыду рода человеческого, может быть, надобно признаться, что путь новейших народов вернее, да теперь другого и существовать не может — вернее и прочнее: созданное на сих неблагородных основаниях стоит, как кажется, тверже».

По своему духу, воспитанию и воспринятым традициям Николай I чуждался «общей заразы своекорыстия», путей «коммерческих народов», господства эгоцентрических страстей, отрывающих права человека от его долга и обязанностей. Из материалов следствия он также узнавал, что декабристы были крайне разобщены не только с правительством, но и с народом. Более того, их преобразовательские планы, обернувшиеся военным переворотом, таили в себе, по позднейшему выражению А. И. Герцена, «зародыш и умственный центр грядущей революции». Действительно, в неотчетливые планы внедрения в России представительного правления в форме то ли конституционной монархии, то ли швейцарской или американской республики, активно просачивались (для успешного достижения поставленных целей) мотивы истребления царской фамилии или расчленения России. Обсуждались (хотя многими и от-

вергались) и практические методы, знакомые грядущим поколениям не только по роману Ф. М. Достоевского «Бесы». Так А. И. Якубович, готовый убить императора, предлагал отворить кабаки для черни, взбунтовать солдат и мужиков, напоить их водкой, а затем направить эту «смесь» на Зимний дворец и предать разграблению богатые кварталы Санкт-Петербурга. В случае же неудачи вырабатывался вариант поджога столицы и отступления к Москве для соединения с Южной ассоциацией. П. И. Пестель, не одобрявший революций снизу и размышлявший о предотвращении их последствий, вынашивал не менее радикальные и коварные планы: установить десятилетнюю диктатуру, отвлечь народ завоевательными войнами, завести 113 тысяч жандармов (почти в тридцать раз больше, чем при самодержавии Николая I) и таким образом продвигаться к «цивилизованному обществу».

Подобные факты из донесения следственной комиссии, нарушение офицерской присяги, попытка насильственного изменения государственного строя, преступное кровопролитие и т. п. предопределили то суровое наказание, которое в разной степени (в зависимости от тяжести доказанной вины) испытали на себе участники заговора. С точки зрения строгой законности и формальной логики действия императора, конечно, носили последовательный характер. Однако с точки зрения исторических перспектив самодержавия и высшей справедливости, только укрепляющей его внутреннюю силу, «закон» без «благодати» не решал сложных и глубоких проблем исторического развития. Участь приговоренных к виселице и осужденных на каторгу и ссылку могла быть без всякого ущемления юриспруденции смягчена. Тем более что для «милости к падшим» имелось достаточно оснований, прежде всего в искреннем раскаянии и даже подлинном перерождении немало числа декабристов, о котором многие десятилетия было принято вообще не упоминать. Так, незадолго до казни К. Ф. Рылеев уведомлял Николая I: «Чем же я возблагодарю Бога за Его благодеяния, как не отречением от моих заблуждений и политических правил? Так, Государь! Отрекаюсь от них чистосердечно и торжественно...» Предсмертное же письмо к жене этого вдохновителя и руководителя Северного общества проникнуто неподдельной верой и мужественным смирением: «Бог и Государь решили участь мою. Я должен умереть и умереть смертью позорною. Да будет Святая Его Воля! Милый мой друг! Предайся и ты воле Всемогущего, и Он утешит тебя. За душу мою молись Богу: Он услышит твои молитвы. Не

ропщи ни на Него, ни на Государя: это будет и безрассудно и грешно. Нам ли постигнуть неисповедимые судьбы непостижимого? Я ни разу не возроптал во время моего заключения, и зато Дух Святой давно утешил меня... Благодарю моего Создателя, что Он меня посвятил и что я умираю во Христе. Это дивное спокойствие порою, что Творец не оставит ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянию...»

А вот предсмертное письмо к брату еще одного из повешенных, С. М. Муравьева-Апостола: «Любезный друг Матюша! По неоставлению меня недостойного Божеского промысла и по истинно христианскому обо мне попечению доброго и почтенного отца Петра, общего нашего духовника... страхом и верою приступил к чаше Спасения нашего, принес в жертву то, что мог: сердце истинно сокрушенное и глубоко проникнутое как своим достоинством, так и благостью неизреченного Спасителя нашего, Христа, который, так сказать, ожидал малейшего от меня желания приобщиться к нему, чтобы прибегнуть ко мне, восхитить на рамена как погибшую овцу. Радость, спокойствие, воцарившиеся в душе моей после сей благодатной минуты, дают мне сладостное упование, что жертва моя не отвергнута, и сильно убедили меня, что мы слепо шествуем, когда по каким-либо, по-видимому, благовидным причинам уклоняемся от исполнения должностей наших христианских...»

В последующем годы тюремного заключения и каторги способствовали религиозно-нравственному перелому и у других заметных деятелей декабристского движения. В. К. Кюхельбекер утверждал, что мрачная темница стала для него источником духовного света, Г. С. Батеньков признавался, что после ареста он во всем видел «неисповедимую волю Божию», а А. И. Одоевский говорил, что «ссылка привязала его к религиозному самоотвержению». С. П. Трубецкой же воспринимал каторгу как второе крещение. Зная подобные факты и настроения и сам являясь по-настоящему верующим человеком, царь тем не менее неукоснительно следовал букве закона и долга, что вызывало глухое раздражение в обществе. «По совести нахожу, — писал П. А. Вяземский, — что казни и наказания не соразмерны преступлениям, из коих большая часть состояла только в одном умысле».

Буква мертвит — дух животворит. Это непреложное правило отражает одно из существенных противоречий николаевского царствования, в котором глубокие историософские интуиции и масштабные задачи религиозного, государственного и нацио-

нального строительства не получали полного и должного воплощения из-за господства казенного формализма, сковывавшего свободный почин и творческое развитие. С учетом перечисленных выше обстоятельств осознания заговорщиками своей вины и раскаяния неожиданная и открытая «милость к падшим» продемонстрировала бы неподдельную силу и дальновидную мудрость, сняла бы тот «зазор» между преступлением и наказанием, который порождал декабристскую мифологию, «будил» грядущие поколения западников, демократов, народников, большевиков и с преувеличенной активностью обыгрывался в перечне злоупотреблений власти.

3

Вместе с тем Николай I с пристальным вниманием отнесся к выводам следственной комиссии, вытекавшим из декабристской критики существовавших до него порядков. От старшего брата ему досталось сложное и запутанное наследие, формировавшееся прямо противоположными тенденциями. «Сначала был период либерализма и филантропии,— писал декабрист В. И. Штейнгель новому императору, — потом период мистицизма и, наконец, противных действий тому и другому». Подобные идеологические зигзаги, неожиданные колебания и постоянные противоречия объяснялись (помимо многочисленных субъективных причин) и тем, что при Александре I «старая» Россия, охваченная «новыми» веяниями европейских начал, в очередной раз оказалась на распутье, на границе двух веков и двух миров, когда подспудная, не всегда выходившая на поверхность общественной жизни борьба между самобытным развитием и подражательным заимствованием часто создавала ситуацию трудного и сложного выбора между «своим» и «чужим», самодержавием и конституционализмом, эволюционными и революционными методами правления. По словам С. М. Соловьева, нужно было выдержать первый напор революционного Запада, его порывистых движений, вперед и соответствующих реакций — столь же рьяных отступлений назад. Перед Александром I, подчеркивал он, стояла задача уклонения от крайностей и примирения сталкивающихся начал.

Для решения подобных задач требовались твердые убеждения и колоссальная духовная энергия, глубокое знание собственной

истории и живое единство мудрой, волевой и ответственной личности монарха с жизнью всех сословий страны, понимание стратегических перспектив будущего развития человечества. Однако дух времени располагал не к таким подходам, а к мечтательным идеалам, новым веяниям материализма и атеизма, вольтерьянства и республиканизма, масонства и мистицизма. Получив царский скипетр после насильственной смерти отца, Александр I поочередно испытывал их воздействия, начав с проектов «законно-свободных учреждений» и закончив военными поселениями. Его жизнь сфокусировала весь драматизм эпохи «блестящего дилетантизма» (П. В. Анненков), «разрыхления русской души» (Н. А. Бердяев), ее безмерной восприимчивости ко всякого рода идеям и социальным движениям. Благородной душе царя не хватало характера, а его религиозным воззрениям — глубины, определенности и твердости. «Язык Спасителя», которым он, по его собственным словам, не переставал говорить с 1812 года, размывался эзотерическими верованиями, о чем писал проницательный австрийский канцлер Меттерних: «Переходя от культа к культу, от одной религии к другой, он все расшатал, но ничего не построил. Все в нем было поверхностно, ничто не затрагивало его глубоко». Впечатлительный ум Александра I не выдерживал напора неудач в либеральных начинаниях и подступавших революционных угроз, которые естественно возникали на фоне европейских волнений, умственного брожения в русском обществе и повсеместного расстройств во всех отраслях внутреннего управления.

Стремясь установить реальное положение дел и уяснить возможное положительное содержание в планах декабристов, Николай I поручил делопроизводителю следственной комиссии А. Д. Боровкову изложить вытекающие из рассматриваемых материалов выводы о насущных государственных нуждах. «Надобно, — отмечалось в соответствующей записке, — даровать ясные, положительные законы; водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства; возвысить нравственное образование духовенства; подкрепить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях; воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами; направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию; улучшить положение земледельцев; уничтожить унижительную продажу людей; воскресить флот; поощрить честных людей к мореплаванию, словом, исправить немыслимые беспорядки и злоупотребления».

Первоначальная деятельность царя и была направлена как раз на устранение отмеченных изъянов, а также на кропотливую работу осуществления «постепенных усовершенствований» на «христианских правилах». «Я отличал и всегда отличать буду, — признавался он французскому посланнику де Сан При, — тех, кто хочет справедливых требований и желает, чтобы они исходили от законной власти, от тех, кто сам бы хотел предпринять их и Бог знает какими средствами». С целью эволюционного, а не революционного развития государства и общества и выработки неотложных преобразовательных мер он произвел своеобразный кадровый отбор, отсеяв так называемых реакционеров конца предшествующего правления (А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич и т. д.) и приблизив к себе двух самых видных инициаторов и проводников либеральных начинаний Александра I (М. М. Сперанский и В. П. Кочубей). Сперанский и Кочубей уже давно отошли от прежних конституционных взглядов и, так сказать, покаялись в грехах молодости. Первый возглавил успешную работу II отделения собственной Его Величества канцелярии по созданию первого полного свода законов по всем отраслям права и управления, изданного в 1833 г. Второй же стал председателем образованного в декабре 1826 г. Особого комитета, в котором должны были рассматриваться проектировавшиеся ранее реформы и необходимые изменения в устройстве государственных учреждений и положении отдельных сословий.

Вместе с тем Николай I стремился преодолеть непоследовательность политики и неопределенность задач предшествующего царствования, покончить с неплодотворным лавированием между самодержавными началами и республиканскими тенденциями. Новый правитель не находил плодотворных результатов в идейных мечтаниях одностороннего западничества, вылившихся в декабристское восстание. В манифесте от 13 июля 1826 года по случаю коронации говорилось: «Не от дерзких мечтаний, всегда раздражительных, но свыше усовершенствуются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления. В сем порядке постепенного усовершенствования всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к нам путем законным, для всех отверстым, всегда приняты будут нами с благоволением; ибо мы не имеем, не можем иметь другого желания,

как видеть отечество наше на самой высокой степени счастья и славы, Провидением ему предназначенной».

По убеждению Николая I, добиться такого усовершенствования, просвещения и процветания возможно лишь при самодержавном правлении, на что его вдохновлял и в чем полностью его поддерживал Н. М. Карамзин. Именно Карамзин (и отчасти В. А. Жуковский, входивший с 1817 г. в интимный круг Николая Павловича в качестве учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны) помогал молодому властелину России полнее уяснить и отчетливее сформулировать общие монархические воззрения и политические взгляды, ежедневно являясь по собственному почину во дворец с первых же дней междоусарствия.

Односторонность и дилетантизм верхушечного и навязывавшегося «сверху» в предшествующее правление реформаторства, не только не опиравшегося на весь народ, но даже и не находившего поддержки у большинства правящего сословия, подчинение основных линий развития русской истории и тысячелетней государственности чужеродной и искусственной схеме вызывали принципиальные возражения у Карамзина. В получившей широкую известность «Записке о древней и новой России», составленной еще в 1811 году, по словам Пушкина, «со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого», он критиковал «либералистов» за беспочвенность и отвлеченность предполагавшихся преобразований, за игнорирование вековых устоев и живоносных традиций, формировавших совокупную личность народа. Подчеркивая полезность заимствований в науках и художествах, он отмечал, что подражание иностранным державам во всем строе гражданской и нравственной жизни становится опаснее, чем при Петре I.

В передовых законах Карамзин находил множество ученых слов и книжных фраз и не обнаруживал ни одной мысли, учитывавшей своеобразие сложившегося в России общества. По его мнению, новоиспеченные законодатели испытывали излишнее уважение к внешним формам государственной деятельности, изобретали различные министерства и учреждения, что зачастую вело не к содержательному улучшению дел, а лишь к перемещению чиновников и перемене ведомственных наименований.

Между тем, настаивал автор «Записки...», законы народа должны вырастать из его собственных духовных ценностей, понятий, традиций и исторических обстоятельств, опираться на трезвое и

мудрое знание человеческой природы. «В мире мало агнцев, мало и злодеев, а больше добрых и худых вместе». И любое социальное реформаторство оказывается мнимым или даже вредным, если оно создает условия для развития и укрепления не лучших (благородно-возвышенных), а худших (корыстно-эгоистических) душевно-духовных качеств человека. Следовательно, «не формы, а люди важны». Поэтому в живой действительности, где правят не бумаги, а люди, важно «искать людей» для совершенствования имеющегося строя, а не ломать и перестраивать его с помощью чужеземных уставов или денег («за деньги не делается ничего великого»), поощрять людей с разумом, честью и совестью.

С точки зрения Карамзина, подобные исторические и этические воззрения лучше всего укореняются и развиваются не в республиканских учреждениях и министерско-бюрократических установлениях, а при самодержавном правлении и сохранении живых русских традиций. «У нас — не Англия, мы столько веков видели судью в монархе и добрую волю его признавали вышним уставом... В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит и любовь первых приобретает страхом последних... В монархе российском сохранились все власти, наше правление есть отеческое, патриархальное...»

По убеждению автора «Записки...», монархия, более всего приспособленная для эволюционных, а не революционных преобразований, всегда обеспечивала процветание и могущество государства (оно есть «палладиум России»), а ее ослабление приводило к возникновению анархии, усилению аристократии или созданию олигархии.

Карамзин особенно подчеркивал внутреннюю связь самодержавного принципа верховной власти с православной верой и нравственным духом народа. Царь как помазанник Божий и надсословная сила должен руководствоваться не юридическими законами и интересами политических партий и конкурирующих групп, а исходить из любви к добру и правде, опираться на «закон Божий» и «единую совесть», что его реально и объединяет со всем народом. Именно сила духа и веры, нравственное могущество государства, которое для его безопасного развития едва ли не важнее материального, сливали все слои общества в нераздельный союз во времена тяжелых испытаний.

Для Карамзина именно люди, обладающие не только обширными познаниями и отменными профессиональными качества-

ми, но и, главное, соотносящиеся с религиозно-этическим началом идеального самодержавия, и составляют основное богатство страны, обуславливают потенциальную возможность ее движения не по «грязной дороге» коммерческих народов, а благородными путями духовного самостояния и истинной силы. Отмечая факты исторического воплощения самодержавного принципа, он беспощадным пером обличал его многочисленные самоубийственные злоупотребления в деятельности конкретных лиц и как бы призывал властителей вместо скользких новшеств использовать несомненные нравственные резервы для совершенствования монархии, дабы предотвратить грядущие идейные блуждания или губительную бюрократизацию государства: «Да царствует благодетельно! Да приучает подданных к благу. Тогда родятся обычаи спасительные, которые лучше всех бранных форм удержат государей в пределах законной власти».

«Записка о древней и новой России» содержит в зародыше ту программу, которая в царствование Николая I будет развернута и акцентирована в триаде «православие — самодержавие — народность» и которая основана на убеждении в том, что общественно-политическая жизнь не может быть надлежащим образом устроена без опоры на религиозный фундамент. В XIX веке Россия оставалась практически единственной страной, в которой достаточно целеустремленно культивировалась устойчивая связь государства с народом в свете христианского самосознания. Причисленный ныне к лику святых митрополит Филарет, весьма представительная для эпохи Николая I фигура, в день празднования восшествия царя на престол возглашал: «В наше время многие народы мало знают отношение государства к Царству Божию, и, что особенно странно и достойно сожаления, мало сие знают народы христианские... Им не нравится старинное построение государства на основании благословения и закона Божия, они думают, гораздо лучше воздвигнуть здание человеческого общества в новом вкусе, на песке народных мнений и поддерживать оное бурями бесконечных распрей. Их новые построения никогда не достраиваются, каждый день угрожают падением, часто действительно рушатся».

Характеризуя «наш век», Филарет отмечает усиленное стремление к невнятным реформам при утрате духовного измерения жизни, когда люди становятся невосприимчивыми к добру и красоте, правде и справедливости и в отсутствии опоры на высшие религиозные принципы Откровения и Истины ищут свободы не

на путях подлинного совершенствования, нравственного возрастания, достоинства и чести, а на путях интриг и революций. Тогда в человеческом сердце и уме зарождаются и навязываются расудочные вымыслы и ложные теории, маскирующие и обслуживающие в «плюралистической» борьбе и благообразной оболочке своекорыстные страсти и низменные интересы. Поэтому следует с оглядкой смотреть на все «новое», что способно расшатать в «старом» изначально плодотворные божественные устои. «Было бы осторожно как можно менее колебать, что стоит, чтобы перестроение не обратить в разрушение. Бог да просветит тех, кому суждено из разнообразия мнений извлечь твердую истину».

Николай I, как последовательный сторонник монархической формы правления, намеревался строить государственную политику на основе Закона Божия, а потому отвергал всякую революцию как идею, как принцип, как метод преобразования действительности, который в своем противобожественном самозванстве и радикалистском самочинстве отторгает вместе с злоупотреблениями и достоинства атакуемого строя жизни, а также не учитывает возможные отрицательные последствия чаемых новшеств. После восстания декабристов он говорил великому князю Михаилу Павловичу: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохраняется дыхание жизни, пока Божиею милостью я буду императором».

Здесь вполне уместно вспомнить записку Ф. И. Тютчева «Россия и революция», составленную в связи с европейскими волнениями 1848 года и одобренную Николаем I. В ней резко ставится вопрос о судьбах России и Запада в контексте мировых тенденций и борений: «Уже с давних пор в Европе только две действительные силы, две истинные державы: Революция и Россия. Они теперь сошлись лицом к лицу, а завтра, может, схватятся. Между тою и другою не может быть ни договоров, ни сделок. Что для одной жизнь — для другой смерть. От исхода борьбы, завязавшейся между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества». Любопытно, что именно так ставился вопрос и Ф. Энгельсом (разумеется, с иными целями и противоположными задачами): «...Нам ясно, что революция имеет только *одного* страшного врага — Россию».

В отличие от Энгельса Тютчев рассматривал революцию на первичном духовном уровне как такое явление, в основе кото-

рого лежит возведенное в политическое и общественное право самовластие человеческого «я», не признающего иных авторитетов, кроме собственного волеизъявления во всех его несовершенных проявлениях и противобожественных устремлениях. Сила же России, напротив, заключается в смирении и самоотречении, призванных следовать Закону Божию и таким образом удерживать историческое развитие от разрушительных последствий.

Необходимо подчеркнуть, что в подобном историософском отношении к революционному началу и его конкретному преломлению в европейских событиях и декабристском движении и, соответственно, к русскому пути как к альтернативному принципу постепенных усовершенствований на христианских основах с политикой Николая I, перекликались идеи упомянутых выше и многих других писателей и мыслителей. В манифесте от 13 июля 1826 года также говорилось о «пагубной роскоши полупознаний», о «порыве в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — гибель». Дворянству же предлагалось стать «примером всем другим состояниям» и предпринять «подвиг к усовершенствованию отечественного, а не чужеродного воспитания» и «истинного просвещения». О «вредных мечтаниях», имевших «самое ужасное влияние на лучший цвет предшествующего поколения», достаточно много размышлял зрелый А. С. Пушкин. После декабристского восстания он пришел к выводу, что самые прочные и плодотворные изменения зависят от постепенного улучшения и совершенствования нравов. И П. Я. Чаадаев сожалел о том, что из просвещенных стран мира «мы принесли домой лишь идеи и стремления, плодом которых было безмерное несчастье, отодвинувшее нас на полвека». Он был убежден в соответствии монархического правления подлинному просвещению и считал, что «для нас невозможен никакой прогресс иначе, как при условии полного подчинения всех верноподданных чувствам Государя».

4

Вопросы истинного просвещения, его качественного наполнения и самобытного содержания занимали едва ли не первостепенное место в умах современников николаевской эпохи (о чем весьма мало говорится в исторической и исследовательской литературе). И это неудивительно, поскольку именно образование в сочетании с соот-

ветствующим воспитанием в духе православных традиций способно показать оборотную сторону тех или иных заимствованных «мечтаний» и стать естественным рычагом не революционных, а эволюционных преобразований в рамках существующей государственной системы. Не случайно в том же манифесте родители призывались обратить все свое внимание «на нравственное воспитание детей: не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мысли, источник буйных страстей...» В рескрипте Николая I от 13 сентября 1846 года повторена та же мысль применительно к более узкой, армейской, области: «Мне особенно приятно видеть, что главная цель военного воспитания обращена к развитию в юношах чистых правил нравственности и чувства чести».

Весьма показателен для характеристики Николая I выбор им на роль воспитателя будущего наследника трона поэта В. А. Жуковского, в представлении которого воспитание и образование составляли неразрывное единство, и который пользовался высочайшим моральным авторитетом в обществе. Как царь и Н. М. Карамзин, поэт считал монархию единственно возможной формой правления в России, в которой очень многое зависит от личности, системы взглядов, нравственных убеждений и исторических знаний самодержца, вырабатывающих у него понимание связи времен и священных задач правления. «Я хочу воспитать в моем сыне человека, прежде чем сделать из него государя», — заявлял император. «Человек во всяком сане есть главное», — как бы откликался на его пожелание поэт в письме к своему воспитаннику, стремясь внушить ему мысль об «уважении к человечеству», столь необходимому «во всякой жизни, особенно в жизни близ трона и на троне».

С душой на все прекрасное готовой,
Наставленный достойным счастья быть,
Великое с величием сносить,
Не трепетать, встречая век суровый...
Жить для веков в величии народном,
Для блага ВСЕХ — СВОЕ позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном,
С смирением дела свои читать!
Вот правила детей великих внуку.
С тобой еще начать сию науку...

Любовь царя к народу, «самоотвержение власти», неукоснительное соблюдение религиозно-нравственных устоев, способ-

ность соединить их с необходимыми преобразованиями изменяющегося времени и «отделять то, что оно уже умертвило, питать то, в чем уже таится зародыш мысли», — таковы важные начала воспитательно-образовательной программы Жуковского, находившей живой отклик в душе Николая I, что свидетельствовало и о его собственных устремлениях. Знаменателен тот факт, что для обучения своего сына, будущего инициатора «великих реформ», император привлек лучших специалистов России, отличавшихся к тому же несомненным внутренним достоинством. Так, географию и статистику преподавал К. И. Арсеньев, словесность — П. А. Плетнев, право — М. М. Сперанский. «Всякое право, — убеждал цесаревича последний, — а следовательно, и право самодержавия, потому есть право, что оно основано на правде. Там, где кончается правда и начинается неправда, кончается право и начинается самовластие». Сам Николай I, глубоко разделяя подобные мысли и чувства, исходил в планах и действиях из представления о божественном происхождении своей верховной власти и воспринимал ее как высший долг и самоотверженное служение, для адекватного понимания которого и нужны были новые акценты в умственной деятельности общества.

О соединении интеллектуального образования, нравственно-го просвещения и вытекающего из такого синтеза правильного направления деятельности размышлял и Пушкин в составленной в 1826 году по просьбе Николая I записке «О народном воспитании». По его убеждению, именно активное воспитание вместе со знанием мировой и отечественной истории, «образа мыслей и чувствований», «образа правления и веры», «особенной физиономии своего народа» не позволит юношам (намек на недавнее восстание) увлекаться «чужеродным идеологизмом» и республиканскими идеями, сняв с них прелесть новизны. Подобные рассуждения поэта не были каким-то предательством по отношению к декабристам. Как признался он царю после приезда в Москву, ему пришлось бы примкнуть к бунтовщикам на Сенатской площади, случись тогда оказаться среди них. Поступить иначе ему не позволяли представления о товарищеской чести. Но теперь он полагал несбыточной надеждой устранить невежество, жестокость, неустройство жизни с помощью смены социально-политической системы. Шоры прекраснодушных мечтаний о «заре пленительного счастья» исчезали при понимании глубокого несовершенства человеческой природы, неодинаково

распределяющей среди своих детей таланты, физическую силу и многие другие способности, таящей в себе темные желания и гибельные страсти, которые необходимо опознать и преодолеть, а уж затем приниматься за активное переустройство жизни.

Официальная идеология соединения образования и воспитания на основе православных и национальных традиций была сформулирована в 30-х годах одним из самых просвещенных людей николаевской эпохи, признанным знатоком классических древностей и европейской культуры, министром народного просвещения С. С. Уваровым. Он ставил целью, «при оживлении всех государственных сил, охранять их течение в границах безопасного благоустройства», намеревался «изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими: исцелить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в юных умах радушное уважение к отечественному и полное убеждение, что только приноровление общего, всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу может принести истинные плоды всем и каждому».

В отчете о десятилетии работы своего министерства Уваров так оценивал поставленную в 1833 году задачу: «Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, в виду печальных явлений, окружающих нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные остатки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить».

Таковыми спасительными началами были провозглашены православие («Исконно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть»), самодержавие («Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия... Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, чело-

веколюбивого, просвещенного, должно проникать в народное сознание и с ним развиваться») и народность («Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущие... Относительно народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях... Довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию»).

Единство веры, государства и народа предполагало в идеале такое развитие всех сторон социальной, экономической и политической жизни, при котором разные слои общества не утрачивали бы ее духовного измерения, свободно и добровольно умеряли бы эгоистические страсти и корыстные интересы в свете совестного правосознания и устремления к общему благу, органически сохраняли бы живые формулы человеческого достоинства: «быть, а не казаться», «служить, а не прислуживаться», «честь, а не почести», «в правоте моя победа». Следует подчеркнуть, что именно свободное и добровольное движение «вперед», осознанная солидарность и активность граждан, сочетание элементов внешнего прогресса с лучшими традициями и человеческими качествами цементируют монархию как высшую форму государственного правления, которой отдавали дань и выдающиеся представители русской культуры (Пушкин, Жуковский, Гоголь, Тютчев, Достоевский и др.). В противном случае, как отмечает И. А. Ильин, монархия таит в себе опасности властного произвола, чрезмерной опеки чиновничества над народом, погашения личностной самостоятельности и творческого почина, необходимых для преодоления вечно подстерегающего застоя и для расцвета плодотворной жизнедеятельности.

Подобных опасностей не удалось избежать и Николаю I, хотя в своих намерениях и планах он исходил из идеальных представлений о синтезе православия, самодержавия и народности и решимости укреплять Россию так же, как и высоко чтимый им Петр I. Недаром Пушкин в 1826 году надеялся, что молодой император пойдет по пути «прашура», будет «как он, неутомим и тверд». Славянским Людовиком XIV воспринимал Николая I уже упоминавшийся мемуарист А. де Кюстин, отмечавший слова самодержца о том, что тот продолжает дело Петра Великого. «Петр Великий, — писал де Кюстин, — гораздо ближе к импе-

ратору Николаю, чем его брат Александр, и потому Петр еще и теперь в большой моде».

На самом деле, не только в целях и задачах, но и в личности и характере Николая I проявлялось нечто, сближавшее его (при наличии и весьма существенных отличий) с великим предшественником. Стремясь поднять внутреннее благосостояние страны и упрочить ее внешнее значение, сменивший Александра I царь полностью подчинялся взятым на себя обязательствам, ничем не жертвовал для удовольствия и всем ради долга. «Странная моя судьба, — признавался он в одном из писем, — мне говорят, что я — один из самых могущественных государей в мире, и надо бы сказать, что все, т. е. все, что позволительно, должно бы быть для меня возможным, что я, стало быть, мог бы по усмотрению быть там, где и делать то, что мне хочется. На деле, однако, именно для меня справедливо обратное. А если меня спросят о причине этой аномалии, есть только один ответ: долг! Да, это не пустое слово для того, кто с юности приучен понимать его так, как я. Это слово имеет священный смысл, перед которым отступает всякое личное побуждение, все должно умолкнуть перед этим одним чувством и уступать ему, пока не исчезнешь в могиле. Таков мой лозунг. Он жесткий; признаюсь, мне под ним мучительнее, чем могу выразить, но я создан, чтобы мучиться».

5

Эпоха Николая I — это не время перестройки государственной и общественной жизни по отвлеченным идеологическим схемам, а период неустанного труда в самых разных областях. Вставая на рассвете, сам император иногда проводил за рабочим столом по восемнадцать часов в сутки, назначал аудиенции на восемь, а то и на семь часов утра и старался лично вникать во все дела. Получив недостаточное гуманитарное образование и испытывая равнодушие к умозрительному знанию, он тем не менее имел природную склонность к прикладным и военным наукам, строительному и инженерному искусству, обладал практическим складом ума и трезвой оценкой происходящего. Если Петр I воспринимался порою как плотник на троне, то его потомок любил говорить: «Мы — инженеры».

Действительно, еще будучи в должности генерал-инспектора по инженерной части, великий князь Николай Павлович вкла-

дывал всю присущую ему энергию в формирование русского инженерного корпуса, почти ежедневно посещал подведомственные учреждения, подолгу просиживал на лекциях офицерских и кондукторских классов Главного инженерного училища, изучал черчение, архитектуру и другие предметы, чтобы до деталей понять суть утверждаемых им проектов. И впоследствии, уже на царском троне, он стремился тщательно вникать не только в военные или строительные проблемы, но и в вопросы технического оборудования, полезного предпринимательства, финансовой и экономической политики и многие другие, пытался «все видеть своими глазами, все слышать своими ушами». Вахтпарады, смотры флота, маневры, испытательные стрельбы разрывными снарядами, работа комиссий по крестьянскому вопросу или строительству железных дорог — все это и многое другое не обходилось без прямого участия государя. Обычными стали его частые поездки по различным областям империи, осмотры больниц, тюрем, казенных складов, посещения присутственных мест, учебных заведений, вновь возводимых сооружений. Дальность расстояния, бездорожье, ненастье, телесное недомогание или душевная усталость не могли удержать царя от исполнения намеченных планов. Если он был убежден в полезности и справедливости какого-либо дела, то проявлял при его практической реализации непреклонную волю и твердую решимость. Достаточно взглянуть лишь на некоторые резолюции самодержца: «Мы все на службе не за тем, чтобы гулять, а чтобы дело делать...»; «Должно держаться неотступно данных приказаний и впредь не сметь от них отступать...»; «Я уже не раз приказывал с предложениями, противными закону, не сметь входить... когда закон есть, должно его соблюдать без изыскания предлогов к неисполнению».

Многие современники отмечали и рыцарские качества Николая I, который строго придерживался кодекса чести, верности данному слову, с «крайним омерзением» относился к хитроумной фальши, закулисным интригам, подкупам оппонентов и прочим нелегальным уловкам, часто допускаемым так называемыми цивилизованными государствами. Даже явный недоброжелатель А. де Кюстин писал, что ум царя «самый практичный и ясный, какой только бывает на свете. Не думаю, чтобы сыскался сегодня второй государь, который бы так ненавидел ложь и так редко лгал, как этот император». Император признавался этому мемуаристу, что слишком нуждается в прямом и откровенном высказывании

своих мыслей и что скорее отступит до Китая, нежели согласится на продажный и мошеннический способ правления, отличавший, по его мнению, конституционные монархии.

К рыцарским достоинствам Николая I, характеризовавшим его как «сильную, благородную и весьма идеальную натуру» (К. Н. Леонтьев), добавлялось и несомненное мужество, среди ярких проявлений которого выделяется поведение царя во время холерной эпидемии. Двигаясь из глубины Азии и усеивая свой путь тысячами трупов, заразная болезнь быстро распространялась вверх по Волге и в сентябре 1830 года достигла Москвы. «С сердечным соболезнованием получил я ваше печальное известие, — писал император московскому генерал-губернатору Д. В. Голицыну. — Уведомляйте меня эстафетами о ходе болезни. От ваших известий будет зависеть мой отъезд. Я приеду делить с вами опасности и труды...»

Очевидцы свидетельствуют об удивлении и радости москвичей, узнавших, что «царь в Москве». Рано утром 29 сентября огромные толпы народа шли к Кремлю, где у входа в Успенский собор митрополит Филарет говорил: «С крестом встречаем тебя, Государь. Да идет с тобою воскресение и жизнь». В гуще народа раздавались голоса: «Ты — наш отец, мы знаем, что ты к нам будешь... Где беда, там и ты, наш родной». Приложившись к иконе Божьей Матери в Иверской часовне, император начал свое десятидневное пребывание в древней столице, наполненное непрерывной деятельностью. Презируя опасность, он посещал холерные палаты в госпиталях, приказывал устраивать в разных частях города новые больницы и создавать приюты для лишившихся родителей детей, отдавал распоряжения о денежном вспомоществовании и продовольственной помощи беднякам, постоянно появлялся на улицах, дабы поднять упавший дух жителей. Ободренные москвичи стали охотнее соблюдать санитарные меры и соревноваться в пожертвованиях. Между тем женщина, находившаяся в одном дворце с государем, заразилась и умерла, несмотря на немедленно оказанное ей лечение. Постоянно общавшийся с ним слуга также скоропостижно скончался. По словам А. Х. Бенкендорфа, самого царя «тошнило, трясла лихорадка, и открылись все первые симптомы болезни. К счастью, сильная испарина и данные вовремя лекарства скоро ему помогли, и не далее как на другой день все наше беспокойство миновалось». Выполнив свою миссию, император отправился обратно в Санкт-Петербург и выдержал в Твери, как и полагалось по закону,

установленный карантинный срок. Его решительное и мужественное поведение вдохновило Пушкина на стихотворение «Герой», где рассказывается о смелости и милосердии Наполеона, будто бы посетившего чумный госпиталь в Яффе, и намекается на приезд царя в Москву. «Каков государь, — писал поэт П. А. Вяземскому, — молодец! того гляди, что наших каторжников простит — дай Бог ему здоровья».

По наблюдениям современников, Николай I, подобно Петру I, но на свой лад, в быту был весьма непритязателен, предпочитал обходиться простыми кушаньями вроде шей и гречневой каши, вел достаточно спартанский образ жизни, старался даже в заграничных путешествиях не изменять своим привычкам и спать по-походному на холщовом мешке с соломой вместо матра-са. Один из иностранцев восклицал, что и самый бедный французский землепашец вряд ли бы стал спать на таком жестком ложе. Царь и умер, как писала А. Ф. Тютчева, в маленьком кабинете на первом этаже Зимнего дворца «лежа поперек комнаты на очень простой железной кровати... Голова покоилась на зеленой кожаной подушке, а вместо одеяла на нем лежала солдатская шинель. Казалось, что смерть настигла его среди лишений военного лагеря, а не в роскоши пышного дворца. Все, что окружало его, дышало самой строгой простотой, начиная от обстановки и кончая дырявыми туфлями у подножия кровати».

Характеризуя Николая I, следует также заметить, что любовь ко всему военному, армейской организации и простоте не мешала ему владеть иностранными языками, обладать художественным вкусом, увлекаться театром, сочинять музыку, любить церковное пение и нередко самому в нем участвовать.

Отмеченные черты личности царя во многом способствовали движению страны к тем целям, о которых можно судить по его словам, начертанным в 1850 году на отчете министра иностранных дел К. В. Нессельроде и адресованным сыну: «Дай Бог, чтобы удалось мне сдать тебе Россию такую, какую стремился я ее поставить: сильной, самостоятельной и добро дающей — нам добро, — никому зло».

6

Если общие задачи государственного строительства по-своему продолжали петровские преобразования, то конкретные методы и пути их осуществления принимали порою прямо противоположный

характер. Петр I хотел добиться успехов во внешнем прогрессе и могуществе через слом национальных традиций и вековых установлений и их замену принципиально новыми предписаниями, законами, учреждениями, что усиливало разрыв между самобытной жизнью и заимствованным просвещением, увеличивало существовавшее отделение высших слоев общества от народа, приводило к забвению духовной сущности родной земли и ее истории. А. де Кюстин удивлялся, как мощно одарена от природы русская нация, сумевшая сохранить свое неповторимое лицо в условиях, когда власти предрержащие и знать беспрерывно «клянчили идеи и искали образцов для подражания во всех обществах Европы».

В идеологии и политике Николая I наблюдается вполне отчетливая и последовательная устремленность к преодолению отрицательных последствий безоглядных заимствований, восстановлению нарушенной связи времен, активизации плодотворных начал собственной истории. «Во мне поднимается волна почтения к этому человеку, — восхищался А. де Кюстин. — Всю силу своей воли он направляет на потаенную борьбу с тем, что создано гением Петра Великого; он боготворит сего великого реформатора, но возвращает к естественному состоянию нацию, которая более столетия назад была сбита с истинного своего пути и призвана к рабскому подражательству... чтобы народ смог произвести все то, на что способен, нужно не заставлять его копировать иностранцев, а развивать его национальный дух во всей его самобытности». Сам царь признавался мемуаристу, что хочет быть достойным доброго русского народа и в невзгодах времени старается искать убежища в глубине России, забывая о западных странах.

Действительно, Николая I можно считать самым национальным из всех монархов, занимавших до него престол Петра I. Он верил в мировое призвание Святой Руси и по мере сил и понимания пытался самоотверженно служить ей на всех направлениях своей деятельности. Так, большое значение царь придавал укреплению православия и мерам против распространения сектантства и невнятного мистицизма, свойственного предшествовавшему правлению. Он был озабочен и положением сельского духовенства, находя в нем опору народной нравственности, а также многое сделал для воссоединения в 1839 году греко-униатской церкви с православной. Когда в 1832 году был канонизирован епископ Митрофаний, он прислал золотой покров на раку святого и приехал в Воронеж для поклонения святому.

Если по отношению к революционным идеям император вел изоляционистскую политику, то материальные изобретения Запада привлекали его пристальное внимание. Господство самодержавного строя совсем не мешало развитию хозяйственной жизни и новых экономических связей. На период правления Николая I приходится строительство половины всей сети шоссейных дорог, проектировавшихся в России до 1917 года, а также железнодорожного сообщения от Петербурга до Царского Села и до Москвы. На Волге и Балтике появились первые пароходы, мануфактуры стали заменяться фабриками с современным оборудованием. В результате объем промышленного производства удвоился, а сбалансированная финансовая политика привела к укреплению рубля на мировом рынке, хотя устарелые крепостнические формы требовали соответствующего реформирования. Любопытно наблюдение известного французского экономиста середины XVIII века Моро-Кристофа, отметившего в своем фундаментальном исследовании пауперизма, что дело предупреждения нищеты при наименьших затратах казны поставлено в России лучше, чем на Западе (отношение количества неимущих к общему числу населения колебалось в европейских странах от 3 до 20%, а в европейской России не превышало 1%).

Большое внимание в правление Николая I уделялось развитию естествознания. В данном царем уставе Академии наук писалось, что «она старается расширить пределы всякого рода полезных человечеству знаний... имеет попечение о распределении просвещения. Она обращает труды свои непосредственно в пользу России, распространяя познания о естественных произведениях империи». По высочайшему повелению были оборудованы обсерватории в Казани и Киеве, приведена в порядок устаревшая обсерватория в Москве, а также выстроена новая близ северной столицы. В указе императора говорилось о том, что «желая споспешествовать успехам астрономии в Империи Нашей, повелели Мы соорудить в окрестностях Санкт-Петербурга, на Пулковской горе, Главную Астрономическую Обсерваторию и снабдить ее полным прибором совершеннейших инструментов». Академик Ф. А. Бредихин, создавший классификацию кометных форм, а также теорию распада комет и образования метеоритных потоков, видел в увлечении самодержца астрономией «какое-то внутреннее расположение к ней. Стройный порядок системы, строгое соподчинение частей целому, твердость и доказательность перехода от известного к неизвестному — и не в отвлеченной

области мышления, а в приложении к конкретному, имеющемуся пред очами и необъятному пространством организму вселенной — все это находило, по-видимому, сочувственные фибры в возвышенной душе Монарха, который в громадной империи своей стремился упрочить законность, стройный порядок и спокойное развитие на стезе правды и добра».

Ход жизни требовал грамотных чиновников, инженеров, агрономов, врачей, учителей, и правительство Николая I откликалось на эти насущные требования, развивая широкую сеть начальных, средних и высших учебных заведений. Количество гимназий в эти годы значительно увеличилось, а число учащихся в них почти утроилось. В Петербурге был восстановлен Главный педагогический институт, открыто Высшее училище правоведения для подготовки юристов, а Технологический институт выпускал инженеров. Начали работу Строительный институт, Земледельческий институт, Межевой институт в Москве и др.

В николаевское царствование заметное развитие получили и научные общества — Российское общество естественных наук, Географическое общество в Петербурге, Одесское общество истории и древностей, различные археографические комиссии для изучения памятников старины, разбора и издания древних актов и т. п. Царь поддерживал научные издания, заботился о их направлении и регулярно знакомился с соответствующими отчетами. Так, при прочтении одного из подобных отчетов монаршее внимание было обращено на «тот утешительный факт, что большинство одобренных произведений относилось к отечественной истории, к разработке нашего родного языка и к изучению юридического и общественного быта России». Действительно, Академия наук осуществляла масштабную исследовательскую программу в области русской истории и языковедения.

С особой выразительностью ориентация Николая I на национальные традиции и допетровские ценности проявилась в его художественно-архитектурной политике. Уже в конце 1826 — начале 1827 годов генерал-губернаторы и обер-прокурор Синода получили царские указания:

«Государь император высочайше повелеть изволил собрать немедленно сведения по всем губерниям:

1. В каких городах есть остатки древних замков и крепостей или других остатков древности.

2. В каком они положении ныне находятся.

Воля Его Величества в то же время есть, чтобы строжайше было запрещено таковые здания разрушать, что и должно оставаться на ответственности начальства городского и местных полиций...

Буде есть возможность снять с таковых зданий планы и фасады в нынешнем их положении, то сие Его Величеству весьма желательно... поскольку среди древних зданий много церквей и монастырей, то считаю нелишним послать и в Синод циркуляр, посланный губернаторам».

Своеобразным продолжением внимания царя к отечественному зодчеству стали его личные инициативы по реставрации храмов. Например, пребывая в 1834 году во Владимире, он повелел восстановить Дмитриевский собор «в первобытном его виде». В том же 1834 году К. Тон получил указание приступить к работам в Ипатьевском монастыре Костромы и «придать оному более наружного величия и благолепия... вместе с тем сохраняя все уцелевшие доселе остатки архитектуры и вкуса того времени, применяясь к ним в новой отделке монастыря».

Что же касается строительства новых храмов, то и здесь правительственным циркуляром впервые предписывалось создавать образцовые проекты по канонам древнерусского зодчества, «дабы удобнее в тех губерниях, где еще не имеется сведущих архитекторов и опытных, ввести строение церквей правильное, издать и разослать по епархиям для руководства собрание планов и фасадов церквей, составленных по наилучшим и преимущественно древним образцам». Интересен тот факт, что и избы, школы, волостные управления, постоялые дворы и т. д. проектировались, по желанию императора, в чисто русском вкусе и стиле.

Показательным примером воплощения принципов православия, самодержавия и народности в архитектуре может служить строительство Большого Кремлевского дворца, который должен был находиться в духовном и эстетическом единстве с храмом Христа Спасителя, а также с историческими воспоминаниями и национальными преданиями. В Высочайшем Рескрипте, отправленном Николаем I министру Императорского двора и опубликованном в газете «Московские ведомости», провозглашалось: «Сие изящное произведение зодчества будет новым достойным украшением любезной моей древней столицы, тем более, что оно вполне соответствует окружающим его зданиям, священным для Нас и по соединенным с ними воспоминаниями веков минувших и великих событий отечественной истории. Следуя мыс-

ли Моей, во всех частях оно и в самих вновь устроенных, искусство умело сохранить отличительный характер прежней истинно русской архитектуры, приспособив их вместе к настоящим потребностям, к усовершенствованию и вкусу нашего времени... В идее и проекте дворца разрешалась, кроме задачи невиданного доселе великолепия и колоссальности, та же задача народности, как и в Храме Спасителя: как в первом художник думал о том, чтобы, воздвигая храм, согласить его с общим оригинальным характером нашей древней столицы, характером ее сорока сороков церквей, так и в проекте дворца та же мысль напутствовала его относительно характера уцелевших царских теремов, понятий и верований народных, понятий и приличий, неразлучных с историей Москвы, даже линий видов и очерков в отношении пейзажном и чисто архитектурном».

В правление Николая I получило значительное развитие живописное, театральное и музыкальное искусство, появилось много выдающихся имен и блестящих талантов. Именно тогда русская литература достигла таких вершин, которые позволили называть это время ее «золотым веком». Сам царь старался не только морально и материально поддерживать художников (например, П. А. Федотова), артистов (например, П. А. Каратыгина) или писателей (например, Н. В. Гоголя), но и сделать их союзниками в деле укрепления могущества России. Характерны его взаимоотношения с Пушкиным, истинный масштаб личности которого он едва ли не первым среди современников сумел по достоинству оценить («умнейший человек»). Философ Г. Шпет замечал по этому поводу: «Верный инстинкт подсказал Николаю Павловичу обратиться к Пушкину. Карамзин, Жуковский, Пушкин, кн. Вяземский и все пушкинское были единственною возможностью для нас положительной, не нигилистической культуры».

7

По словам Д. Н. Толстого, «прощение Пушкина и возвращение его из ссылки составляет самую крупную новость эпохи». Монаршая милость и начавшийся диалог с самодержцем обернулись для поэта заменой обычной цензуры на высочайшую и просьбой императора составить упоминавшуюся выше записку «О народном воспитании». В дальнейшем высочайшая благосклонность сохранялась, и в 1831 году Пушкин с радостью сооб-

шал П. В. Нащокину: «Царь (между нами) взял меня на службу, т. е. дал мне жалованья и позволил рыться в архивах для составления “Истории Петра”. Дай Бог здоровья царю». Когда в «Северной пчеле» стали появляться издевательские выпады Ф. В. Булгарина против Пушкина, царь повелел А. Х. Бенкендорфу призвать журналиста и «запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения, и, если можно, то и закрыть газету». С тех пор Булгарин перестал задевать поэта в своих публикациях. В 1836 году Пушкин задумал издавать журнал «Современник», и император дал ему необходимое разрешение, несмотря на резкие возражения влиятельных лиц. И в дуэльной истории поэта царь показал себя беспристрастным и справедливым судьей, приказал позаботиться о материальном обеспечении его семьи, разжаловал Дантеса в солдаты и вместе с «гнусной канальей» Геккерном с позором изгнал из России.

Со стороны Пушкина также наблюдалось движение навстречу благородным устремлениям и государственным задачам Николая I. Ратуя за союз с государством на плодотворных и для народа, и для государства началах, поэт намеревается «пуститьсь в политическую прозу», вникает в монаршие проекты «контрреволюции революции Петра». «Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы», — агитирует он П. А. Вяземского на политическую деятельность.

С большим вниманием следит Пушкин и за европейскими событиями, разделяя, с одной стороны, их оценки императором, а с другой — выражая собственное видение сложных историософских и политических проблем. Когда волны французской революции 1830 года вызвали возмущение в Бельгии, Швейцарии, Италии, а в начале 1831 года Польский сейм объявил о низложении династии Романовых и об отделении своей страны от России, поэт в отличие от царя не доверял членам Священного Союза и не являлся сторонником вмешательства в европейские волнения, считая их «домашним» делом самих народов Запада.

Но и русско-польские отношения Пушкин, хорошо изучивший эпоху самозванцев, считал, как и Николай I, «домашним» спором еще с XVI века, когда Речь Посполитая владела исконными русскими землями и связанными с Москвой языком и культурой народами. В XVII веке русское государство находилось в большой опасности, избежать которой помогло земское опол-

чение, выгнавшее захватчиков в 1612 году из Кремля, подожженного отступавшими. «Для нас мятеж Польши, — писал он П. А. Вяземскому, — есть дело семейственное, старинная наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей».

Пушкина раздражало вмешательство в русско-польские военные действия, обусловленные «наследственной распрей», членов французского парламента, призывавших к вооруженной поддержке восставших и их требований присоединить к Польше Украину до Днепра, включая Киев. В написанных в августе и сентябре 1831 года стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» поэт напоминает «мутителям палат», как он называет западных политиков, об истории России, которую «война, и мор, и бунт, и внешних бурь напор... беснуясь потрясали» и которая в войну 1812 года своею кровью искупила «вольность, честь и мир» напавшей на нее Европы.

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?..
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Напоминает поэт «народным витиям», а также участникам русско-польских военных действий, и о традициях русских воинов, которые могут и должны служить гарантией добрых отношений:

В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

О том, каково было желание Пушкина участвовать в живой истории не только лирой, но и прямой публицистикой, можно судить по его собственному признанию: «Страстно бы взялся за редакцию политического и литературного журнала, то есть тако-

го, в коем печатали бы политические заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению». И когда друзья упрекали поэта без должных положительных доводов за стремление содействовать своим словом возможным правительственным преобразованиям, тот отвечал им:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу...

Николаю I не удалось избежать этой беды, хотя, как уже отмечалось, царь прекрасно осознавал огромную роль умных, честных и без лести преданных людей. Тем не менее его правительству не хватало вкуса и умения использовать таких людей, а легче жилось и дышалось среди пусть порою и морально несостоятельного, но привычного казенного верноподданничества. «Да и неприлично правительству заключать союз — с кем? с Булгариным и Гречем», — сокрушался Пушкин, за которым был установлен тайный надзор.

Кризис доверия со стороны официальной власти к творческому созиданию общественно-государственной жизни наглядно проявился в запрещении журнала «Европеец», созданного в начале 30-х годов И. В. Киреевским, который отличался глубоким умом и душевной чистотой, благородством натуры и пониманием собственного призвания. «Не думай, однако же, — писал он в начале своей литературной деятельности другу А. И. Кошелеву, — чтобы я забыл, что я русский, и не считал себя обязанным действовать для блага своего Отечества. Нет! все силы мои посвящены ему. Но мне кажется, что вне службы — я могу быть ему полезнее, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литератором, а содействовать просвещению народа не есть ли величайшее благодеяние, которое можно ему делать?»

С этой же целью Киреевский создает журнал «Европеец», к сотрудничеству с которым привлекает В. А. Жуковского, Е. А. Боратынского, Н. М. Языкова, А. И. Тургенева, А. С. Хомякова. Пушкин (не оставивший еще замысла выпуска политической газеты или журнала) готов прислать для нового издания пока еще не оконченные произведения, но оно неожиданно за-

прещается на третьем номере вследствие весьма примечательного доноса. «Киреевский, — замечает Пушкин в одном из писем, — представлен правительству сорванцом и якобинцем! Все здесь надеются, что он оправдается и что клеветники — или, по крайней мере, клевета — успокоится и будет изобличена».

Клевета легла на почву, отчасти удобренную самим правительством. Подозрение и недоверие к благородным, стремящимся приносить пользу, но «неслужащим» соотечественникам заставляло начальство III отделения прибегать к таким средствам, которые подрывали моральный авторитет государства, отталкивали от него лучших представителей народа и тем самым незаметно, но верно участвовали в расшатывании его могущества. В число неблагонадежных попал даже воспитатель царского наследника Жуковский, который, узнав о незаконной проверке его писем, сообщал А. И. Тургеневу: «Кто вверит себя почте? Что выиграли, разрушив святыню, веру и уважение к правительству! Это бесит! Как же хотят уважения к законам в частных лицах, когда правительство все беззаконие себе позволяет?»

Сам император обнаружил в статье Киреевского «Девятнадцатый век» «сокровенный» смысл. Сочинитель, передает мнение Николая I А. Х. Бенкендорф, рассуждая о литературе, понимает совсем иное: «Под словом просвещение он понимает свободу... деятельность разума означает у него революцию, а искусно отысканная середина не что иное как конституция». И хотя Жуковский обоснованно доказывал полную несостоятельность подобных истолкований и обвинений Киреевского в желании замаскировать философией политику, журнал окончательно прикрыли, изъяв из участия в общественной жизни честного и талантливого литератора, по сути союзника государственных начинаний в области просвещения. «Что делать! Будем мыслить в молчании и оставим литературное поприще Полевым и Булгариным», — писал Бортнынский Киреевскому после запрещения «Европейца».

Несмотря на такие стеснения, в эпоху Николая I появлялись новые журналы, устраивались публичные университетские чтения, на которые, по воспоминанию П. В. Анненкова, стекались не только люди науки, представители всех литературных партий и

университетская молодежь, но и «весь образованный класс города — от стариков, только что покинувших ломберные столы, до девиц, еще не отдохнувших после подвигов на паркете, и от губернаторских чиновников до неслужащих дворян». Также широко развернули свою деятельность литературные кружки и салоны. Например, в доме писателя Н. Ф. Павлова, пишет Б. Н. Чичерин, «до глубокой ночи происходили оживленные споры: Редкин с Шевыревым, Кавелин с Аксаковым, Герцен и Крюков с Хомяковым. Здесь появлялись Киреевские и молодой еще тогда Юрий Самарин. Постоянным гостем был Чаадаев с его голою, как рука, головою, с его неукоризненно светскими манерами, с его образованным и оригинальным умом и вечною позою. Это было самое блестящее литературное время Москвы. Все вопросы, и философские, и исторические, и политические, все, что занимало высшие современные умы, обсуждалось на этих собраниях, где соперники являлись во всеоружии, с противоположными взглядами, но с запасом знания и обаянием красноречия». Своеобразные интеллектуальные дуэли разворачиваются в салонах А. П. Елагиной и Е. А. Свербеевой, А. П. Глинки и Е. П. Ростопчиной. В сороковых годах, отмечает А. И. Герцен, наблюдалось небывалое оживление умственных интересов, когда философские и литературные проблемы становились вопросами жизни и обсуждались при всякой встрече в присутствии многолюдного общества. Появление примечательной книги вызывало критику и антикритику, читаемую и комментируемую даже некомпетентными барями и барынями. На обсуждения съезжались «охотники, даже охотницы, и сидели до двух часов ночи, чтоб посмотреть, кто из мажандоров кого отделаёт и как отделают его самого...» Русские, долго не бывшие на Родине и позднее узнававшие в Париже от Герцена о жизни в России, удивлялись, что его новости относились больше к литературному и университетскому миру, чем к политической сфере. По словам автора «Былого и дум», они «ждали рассказов о партиях, обществах, о министерских кризисах (при Николае I!), об оппозиции (в 1847!), а я им говорил о публичных лекциях Грановского, о статьях Белинского, о настроении студентов и даже семинаристов». Среди самых разных религиозных, философских, исторических, научных мнений особо выделялось обсуждение принципов православия, самодержавия и народности, вопросов соотношения русской культуры и западной цивилизации. Противопоставление христианско-монархической России и

революционно-республиканской Европы, отчетливо сформулированное и внедренное в общественное сознание идеологами николаевского царствования М. М. Сперанским, Д. Н. Блудовым, С. С. Уваровым, нашло благодатную почву в среде мыслителей, писателей и публицистов и получило более развернутое историко-культурное развитие в полемике западников и славянофилов, ставшей примечательным явлением общественно-литературной жизни 30—50-х годов XIX века. И те, и другие, замечает Ю. Ф. Самарин, часто не сходились во мнениях, но составляли как бы одно общество — оба крыла «нуждались одно в другом и притягивались временным сочувствием, основанным на единстве умственных интересов и на глубоком обоюдном уважении».

Обоюдное уважение представителей противоборствующих течений обуславливалось высотой их нравственных запросов, личным благородством, стремлением к улучшению человеческих отношений. Единство же интересов составили вопросы перспектив цивилизации, судьбы человека вообще в свете сравнительных особенностей России и Европы. Однако эти же интересы предопределили коренное различие в подходах и оценках сложившихся традиций и исторических ценностей в настоящем и будущем страны. «Мы (со славянофилами) разное поняли вопрос о современности, — подчеркивал А. И. Герцен, — мы разного ждем, желаем... Им нужно былое, предание, прошедшее — нам хочется оторвать от него Россию».

Теоретическая устремленность к осуществлению высоких идеалов свободы, равенства и братства сочеталась у западников (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, В. П. Боткин и др.) с практическим непониманием или даже отрицанием фундаментальных начал, глубинных пластов, древних корней совокупной личности народа. Религиозные верования, христианский быт, государственные установления, крестьянские обычаи казались им теми изжившими себя формами жизни, которые задерживают в стране отмену крепостного права, развитие демократии, расцвет науки. В собственном допетровском прошлом они не находили почти ничего достойного и призывали избавиться от его «предрассудков» ради общей для Востока и Запада гуманистической цивилизации будущего, чтобы встать в один ряд с европейскими странами, чья светская культура осмыслялась как законодательная и образцовая. Западники считали необходимым еще раз вслед за Петром I изменить естественное русло развития «отсталой» России и искусственно внедрить в нее пророс-

шие на иной исторической почве культурные достижения и социальные идеи.

Подобные умонастроения, установки и подходы наглядно проявились в идейно-мировоззренческих устремлениях В. Г. Белинского, который отрицал всякие верования, традиции и авторитеты и всегда готов был заклеить все «реакционное». Хотя в начале своей литературной деятельности он солидаризировался с просветительской программой С. С. Уварова в духе единства православия, самодержавия и народности и уповал на самобытное развитие в сочетании с лишь внешними заимствованиями: «Да, у нас скоро будет свое русское народное просвещение, мы скоро докажем, что не имеем нужды в чужой умственной опеке. Нам легко это сделать, когда знаменитые сановники, сподвижники Царя на трудном поприще народоправления, являются посреди любознательного юношества указывать путь к просвещению в духе православия, самодержавия и народности». Однако затем критические стрелы «неистового Ви́ссариона» все чаще стали направляться против христианских убеждений, правящих классов, любых стеснительных оков против свободомыслия. Не сомневался он лишь в своей вере в такие времена, когда рухнут все сословные и имущественные перегородки и люди заживут по-братски на земле. В результате он отвергал все формы исторического существования, противоречившие движению к чаемому научно-гуманистическому раю. Считая индивидуальный и общечеловеческий разум двигателем, а степень научного образования критерием социального прогресса, Белинский в спорах со славянофилами противопоставлял «более образованные» и «зрячие» народы «лапотной и сермяжной» России, которой следует без всяких раздумий усвоить новейшие достижения европейской мысли, дабы включиться в мировое движение за освобождение личности от вековых пережитков и установление справедливого общественного строя. По убеждению критика, такое движение не может обойтись и без гильотины, имеющейся в «еще более образованных странах», ибо трудно представить, что принципиальные перемены могут сделаться «само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови».

У А. И. Герцена происходил сходный процесс отказа, говоря его собственными словами, от «содомизма религии и философии» и перехода к «реализму». В результате он отверг гегелевскую диалектику как средство «гонять сквозь строй категорий всякую всячину» и как логическую гимнастику в оправдание

наличного бытия и воспринимал ее как «алгебру революции», не оставляющую «камня на камне от мира христианского, от мира преданий, переживших себя». Герцен, как и Белинский, ратовал за пафос научного знания, добываемого одним только разумом из материально понимаемой действительности. История представлялась ему прогрессией «разумности» сознания, все более гармонизирующей социальные отношения.

Однако в решении сложных человековедческих задач и в достижении высоких гуманистических целей трезвое знание выявляло свою ущербность и абстрактность, что выражалось в замкнутости сознания близлежащими проблемами, в преобладании обличительства над конкретным рассмотрением положительных начал, в сокращении противоречивого богатства истории и культуры до «революционного акта», то есть «всякого уничтожения «авторитета», «освобождения от гнета великих имен».

Вместе с тем оставался открытым вопрос о качестве духовных ценностей освободившейся от всех прежних авторитетов и традиций личности, о содержании, направлении, целях ее свободы и способности отклонить полученную независимость от естественного эгоистического русла, стать действительно свободной, то есть полностью нравственно вмняемой, от чего в конечном итоге зависит подлинное преуспевание общества. Рассудочные упования западников на достижения «внешней» образованности, на «разум» и «науку» как движущие силы благотворного изменения жизни повторяли предшествующий конфликт декабристов с реальной действительностью, поскольку прогресс в области законодательства, науки, техники создавал предпосылки для формально свободного существования и материального процветания людей, но не для преобразования их внутреннего мира. Более того, демократические учреждения, юридические установления, позитивистские знания не только не затрагивали душевно-духовного ядра «свободной» личности, где коренятся властолюбие, зависть, тщеславие, не прекращается искание увеличения собственной выгоды и прав, но и маскировали подспудное дисгармоническое воздействие подобных психических сил. В результате дум высокое стремление неизбежно обочивалось торжеством посредственности и денежного мешка, а научные победы порождали меркантилизм и индустриализм, который, по словам опаматовавшегося Герцена, представляет собою «сифилитический шанкр, заражающий кровь и кость

общества». Неизменный эгоцентризм, неспособность к жертвенной любви, разъединяющее людей гедонистическое жизнепонимание — таковы побочные плоды любых успехов и достижений, если они не одухотворены высшими ценностями. К тому же механическое перенесение на русскую действительность европейских институциональных форм и социальных идей, органически сложившихся в иных исторических обстоятельствах, осуществлялось в сознании западников, как уже отмечалось, не только без соотнесенности, но даже вопреки собственному прошлому и национальным традициям, веками влиявшим на духовный уклад жизни и собирательную личность народа. Такое взаимопроникновение разнородных тканей с неодинаковой генеалогией могло вести к неузнаваемому перерождению соединяемых частей, а диктат узкого «трезвого» знания над всем объемом исторической жизни грозил насильственной хирургией всему, что не вмещалось в его прокрустово ложе.

Славянофилы же (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и др.) предвидели подобную логику развития событий и считали, что любые, даже самые здравые, новшества не осуществляются с помощью прямолинейных решений и механических переносов, а их успех зависит от учета всего исторического объема и метафизической глубины народной личности, от обогащенности плодами духовного труда предшествующих поколений. Ведь подлинно плодотворный результат любого дела зависит не только от верного экономического расчета, модернизированных учреждений или научных знаний, а от золотого запаса благородных людей, создаваемого постоянно растущим из древних корней и непрерываемым христианским преданием, которое как раз и было принципиально отвергнуто западниками.

Славянофилы прекрасно осознавали, что «былое, предание, прошедшее», если вспомнить слова А. И. Герцена, совершенно необходимо для всякого плодотворного движения вперед и истинного просвещения, в понимании которого они сближались с Николаем I и С. С. Уваровым, Пушкиным, В. А. Жуковским или Н. В. Гоголем. Последний, например, подчеркивал: «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово „Просвещение“. Даже и не задумывались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветить человека во всех его силах, а не в одном уме,

пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружавшие, и знает, зачем произносит».

Вместе с Гоголем славянофилы полагали, что православие, в котором христианство отразилось «в полноте, т. е. в тождестве единства и свободы, проявляемом в законе духовной любви», является подлинным началом истинного просвещения, существенно преобразовывающего нравственное сознание человека «силою извещающей в нем истины». Отсюда особый тип образованности, направленный не на увеличение и утончение материальных удобств наружной жизни, а на очищение сердца и добролюбящее устройство ума. Такая образованность предполагает не блестящую игру автономной культуры в смене рациональных научных методов, художественных школ, философских систем, в борьбе сословных и частнособственнических интересов, а коренное духовное преображение и твердое нравственное устройство человека, способного направить свои усилия на настоящее единение с другими поверх писанных кодексов, теоретических программ, индивидуалистических пристрастий. Из глубины этого единства, в союзе со всеми другими получает свое назначение и каждая отдельная личность, всякий вид деятельности, что не распаляло и не множило реально неизбежные сословные и корпоративные противоречия, а, напротив, сдерживало и смягчало их.

По убеждению славянофилов, «внутреннее» просвещение давало русским людям силу духа, без которой невозможно было вынести многовековые испытания и страдания, как бы распятость на кресте истории. Оно предопределило на долгое время синкретизм в литературе и искусстве (летописи, жития, храмовая иконопись, музыка), неразвитость экономики, хозяйства, техники как подчиненных и второстепенных элементов жизни. Оно же способно в будущем уберечь Россию от скрытых отрицательных последствий на «грязной дороге», по которой идут «коммерческие народы». Причем речь шла не о реставрации и консервации ушедших или уходящих форм жизни. По мнению И. В. Киреевского, «такое перемещение прошлого в новое, отжившего в живущее было бы то же, что перестановка колеса из одной машины в другую, другого устройства и размера: в таком случае или колесо должно сломаться, или машина». К тому же славянофилы отличали начала истинного просвещения от осложнений и противоречий их недостаточ-

ного воплощения в трагической русской истории. В их работах нередко можно встретить резкую критику отдельных сторон русской действительности, крепостного права, бюрократического своеволия государственной власти. Хомяков писал, что не шегольство перед обществом знанием русского быта и духа и «выдумывание чувств и мыслей, которых не знал русский народ», а понимание хотя и не проявившейся вполне нормы его нравственного закона должно составить главную задачу в активном освоении прошлого. Речь шла именно о полноте нравственного закона, который следует принять за высшую норму человеческого развития и осветить ей все виды государственной и общественной деятельности, чтобы освободиться от дурных влияний, говоря словами Николая I, «общей заразы своекорыстия».

В лице славянофилов царь, казалось бы, мог найти самых верных союзников для плодотворного проведения в жизнь принципов христианской национальной политики, реального оживления самобытных начал русской истории, соединения широкого общественного мнения и народной инициативы с государственными задачами и начинаниями. На деле же наблюдается печальный парадокс. И. С. Аксаков без особого преувеличения отмечал, что «ни один западник, ни один социалист не подвергается такому гонению». Говоря о постоянно приготавливаемых правительством цензурных и запретительных ловушках для славянофилов, А. И. Герцен писал: «Оно само поставило знаменем времени народность, но оно и тут не позволяет идти дальше себя: о чем бы ни думали, как бы ни думали — нехорошо. Надобно слуг и солдат, которых вся жизнь проходит в случайных интересах и которые принимают за патриотизм дисциплину». Славянофилы хорошо понимали губительность для будущего России подобного «патриотизма», который нарушал благотворную иерархию и субординацию в единстве православия, самодержавия и народности и препятствовал истинному просвещению. «В своем попечительском вдохновении, — подчеркивал о. Георгий Флоровский, — “полицейское государство” неизбежно оборачивается против Церкви. Государство не только ее опекает. Государство берет от Церкви, отбирает на себя, берет на себя ее собственные задачи, берет на себя безраздельную заботу о религиозном и духовном благополучии народа. И если затем доверяет или поручает эту заботу снова духовному чину, то уже по титулу государственной полезности и нужды. Поэтому само государство опре-

деляет объем и пределы обязательного и допустимого даже в вероучении. И поэтому на духовенство возлагается от государства множество всяческих поручений и обязательств. Духовенство обращается в своеобразный служилый класс. И от него требуется именно так и только так думать о себе. За Церковь не оставляется и не признается право творческой инициативы даже в духовных делах. Именно на инициативу всего более и притязает государство, на исключительное право инициативы, не только на надзор...»

По заключению одного из современников, при такой постановке дела самодержавие грозило превратиться в «систему полицейско-канцелярской диктатуры», православие — в освящающую ее духовно-консервативную силу, народность — в верноподданническое прикрытие государственного фасада. Для предотвращения внутреннего саморазложения этих основных устоев, преодоления отчуждения и укрепления связи между властью и обществом славянофилы ратовали не за казенный, а одухотворенный патриотизм, который предполагал свободу выражения народного мнения, созыв земских соборов, создание условий для единения «верхов» и «низов» в их общем устремлении к историческому творчеству. Именно такой патриотизм нередко вызывал подозрение и недоверие со стороны многих важных сановников и значительных лиц. К тому же предполагал главенство нравственного начала в их деятельности, отказ от привычных привилегий, излишеств и удобств, подлинно жертвенное служение, без чего невозможно развязывание сложнейших узлов социальной жизни, к каковым принадлежал вопрос отмены крепостного права.

9

Царю приписывали следующие слова: «Я не хочу умереть, не совершив двух дел: издания свода законов и уничтожения крепостного права». По мнению известного литератора А. В. Никитенко, первое желание было вполне осуществлено и может служить утешением его царствования. Действительно, стремясь быть последовательным легитимистом, Николай I постоянно следил за деятельностью кодификационной комиссии М. М. Сперанского, получал еженедельные сведения о ходе ее работ и лично просматривал некоторые рукописи. В министерских записках и журналах неред-

ко можно было встретить его собственноручные замечания о том, что необходимо «держаться закона и никогда сего не забывать». Выступая перед членами Государственного совета, он специально подчеркнул, что устройство правосудия стало его главной заботой после вступления на престол: «Я еще смолоду слышал о недостатках у нас по этой части, о ябеде, о лихоимстве, о несуществовании полных на все законов или о смешении их от чрезвычайного множества указов, нередко между собой противоречивых». Главную причину подобного положения вещей император находил в неупорядоченности старых законов при появлении множества новых. Поэтому в предельно сжатые сроки II отделением собственной канцелярии царя была проведена под руководством Сперанского колоссальная работа по инвентаризации и систематизации сорока пяти томов «Полного собрания законов Российской империи», начиная с «Соборного уложения» 1649 года до 1825 года. К 1833 году были изданы и шесть томов законов, принятых уже при Николае I, а также пятнадцатитомный «Свод законов», расположенных по тематико-хронологическому принципу.

Что же касается уничтожения крепостного права, то здесь дела шли не столь успешно, несмотря на горячее желание и решительные намерения императора. Он хорошо понимал важное значение для России крестьянского вопроса и осознавал не только нравственную несовместимость крепостного права с православными и самодержавными принципами, но и его экономическую нецелесообразность, сдерживающую хозяйственную инициативу, промышленное и торговое кровообращение. «Я не понимаю, — обращался царь к депутации смоленского дворянства, — каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе, как хитростью и обманом с одной стороны и невежеством — с другой». В разговоре с П. Д. Киселевым, которого он в шутку называл своим «начальником штаба по крестьянской части», он раскрывал давнюю озабоченность: «Видишь ли эти картонки на полках моего кабинета? Здесь я со вступления моего на престол собрал все бумаги, относящиеся до процесса, который я хочу вести против рабства, когда наступит время, чтобы освободить крестьян во всей Империи».

За годы правления Николая I было создано одиннадцать секретных комитетов по освобождению крестьян и принимались частные меры для ограничения их личной зависимости. «При Николае, — писал позднее К. Д. Кавелин, — водворяется принцип,

что крепостные крестьяне государства — свободные люди; сельские общества образуют особые общины, под управлением выборных; множество натуральных повинностей по владению землей заменяется денежными; многие разряды крестьян освобождены от телесного наказания. Юридически их быт установлен и права признаны. Допущен свободный переход из городов в села, из сел в города, под известными условиями. Но над свободой крестьян тяготеет правительственная опека и произвол чиновников».

В рамках правительственной опеки запрещалось продавать крепостных на публичных торгах с раздроблением семей, дарить их или платить ими частные долги, отдавать на заводы и ссылая в Сибирь по своему усмотрению. Помещики получали право отпускать дворовых на волю без земли по обоюдному договору, а крестьяне — право выкупа на свободу при продаже имений. Дворянам, не имевшим имений, запрещалось покупать крестьян без земли, а последним с согласия помещиков разрешалось приобретать недвижимую собственность.

Тем не менее затрачиваемые усилия не соответствовали получаемым результатам и не могли кардинально разрешить проблему крепостного права. Вставало множество вопросов, на которые было трудно дать заранее определенные ответы. Например, Н. В. Гоголь в споре с В. Г. Белинским спрашивал: «Что для крестьян выгоднее, правление одного помещика, уже довольно образованного... или быть под управлением многих чиновников, менее образованных, корыстолюбивых и заботящихся о том только, чтобы напиться?» Возникали также опасения по поводу того, что капитальная реформа может привести, с одной стороны, к обезземеливанию дворянства, а с другой — к зарождению беспочвенного пролетариата, способного привести страну к новой пугачевской «раскачке». К числу ее противников в разные годы относились такие влиятельные и авторитетные люди, как митрополит Филарет или Н. М. Карамзин. Об их позиции можно судить по намерению П. Я. Чаадаева написать сочинение о необходимости сохранения в России крепостного права или по убеждению С. С. Уварова, что его отмена приведет к краху самодержавия, поскольку они развивались вместе из одного исторического начала. В результате подобных колебаний и сомнений царь приходил к выводу, что «крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному теперь было бы злом еще более видимым».

Однако сосредоточенность на крестьянской проблеме и постоянная работа над ней подготовили ту необходимую почву, без которой были бы невозможны «великие реформы» последующего царствования. В этом отношении несомненны заслуги П. Д. Киселева, одного из самых видных и приближенных к Николаю I государственных деятелей. Итогом работы возглавлявшегося им особого комитета V отделения императорской канцелярии, содействовавшего делу крестьянского образования и самоуправления, стал указ 1842 года «Об обязанных крестьянах», согласно которому как бы предлагался средний путь: крестьянам предоставлялась личная свобода, а земля по-прежнему оставалась у помещиков, право собственности на которую ограничивалось обязанностью выделять крестьянам определенные наделы за установленные повинности. Немало было сделано ведомством П. Д. Киселева и для улучшения положения государственных крестьян: малоземельные наделялись землей, перестраивалось обложение податями в соответствии с местными хозяйственными условиями, учреждались «вспомогательные ссуды», расширялась сеть запасных магазинов на случай неурожая, создавались медицинские и ветеринарные пункты в деревне, строились школы, пропагандировались агрономические знания и т. п.

Тем не менее усиление опеки над крестьянами порождало свои противоречия, приводило к новым видам взяточничества и произвола по отношению к опекаемым. А. Х. Бенкендорф во всеподданнейшем отчете III отделения за 1842 год писал: «Теперь остается решить: улучшается ли их положение с учреждением над ними нового попечительства, этот вопрос разрешили сами крестьяне. Беспокойства, возникшие в прошедшем году между ними в Олонецкой, Вятской, Пермской, Казанской и Московской губерниях, имели два главных повода: притеснения и поборы чиновников государственных имуществ и желание остаться по-старому под ведением земской полиции, которая если не более заботилась о благе крестьян, то по крайней мере не так дорого им стоила, ибо прежде целый уезд жертвовал для одного исправника и двух или трех заседателей, а ныне за счет крестьян живут десятки чиновников».

И все же, несмотря на подобные осложнения, медлительность и осторожность, нельзя не согласиться с выводом И. А. Ильина, отмечавшего заметную роль царя в преодолении сопротивления дворянской аристократии и в подготовке отмены крепостного права: «Надо признать, что весь XVIII век в истории России про-

шел под знаком борьбы честолюбивых и властолюбивых вельмож и дворян за выгодное им престолонаследие... и только при Николае I власть Государя упрочилась настолько, что “мнение меньшинства” могло быть утверждено его сыном и “великие реформы” шестидесятих годов могли быть проведены в жизнь».

10

Противоречия, которые сопровождали и преломляли идеальные устремления Николая I во внутренней политике, по-своему проявлялись и во внешней. Если во внутренней политике господствовал принцип «самодержавие, православие, народность», то во внешней — договоренности Священного Союза. Как известно, этот политико-мистический союз европейских монархий был создан на Венском конгрессе в 1815 году по инициативе Александра I. По его убеждению, отношения между государствами должны были строиться на христианских началах, «руководствоваться не иными какими-либо правилами как заповедями сея святыя веры, заповедями любви, правды и мира». Они взаимно обязались всегда «подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь, как братья и соотечественники», а подданными своими управлять, как «отцы семейства», на основе «вечных законов Бога-Спасителя».

Однако воплощение принципов христианской политики в реальной действительности было далеко от патриархальной семейственности и религиозной благочестивости. Еще при составлении акта Священного Союза хитроумный австрийский канцлер Меттерних назвал его «звонкой, но пустой бумагой», которую можно конъюнктурно использовать, а религию превратить в удобное средство для достижения собственных интересов и дипломатических целей. Что на самом деле и происходило. Независимо от этой «бумаги» возник тайный сговор между Францией, Австрией и Англией. На последующих конгрессах Священного Союза в 1818—1822 годах принятое в Вене обязательство взаимной братской помощи было истолковано европейскими дипломатами в духе прямолинейного легитимизма и вмешательства во внутренние дела отдельных стран для подавления в них революционных поползновений. В результате благородные начинания имели тенденцию принимать несоответствующее им выражение, а «братская» солидарность оборачивалась подавлением национальных движений и поддержкой недо-

стойных правителей. Например, восстание греков-христиан против притеснителей турок Александр I воспринимал как «революционный признак времени» и рассматривал его как бунт подданных против законной власти, не считая себя вправе заступаться за угнетенных единоверцев. Незаметно для себя русский император становился орудием в чужой европейской игре.

Николаю I были близки и понятны благородные начала христианской политики, сохранения мира, законности и европейского равновесия, в чем он стремился следовать своему предшественнику, наследуя вместе с ним и его проблемы. Ему как последовательному законнику и решительному противнику любых революционных проявлений приходилось даже заступаться за турецкого султана от восставших христиан, не допускать агитации в пользу славян в Османской империи и в Австрии. По словам К. Н. Леонтьева, «он не желал позволить, чтобы вассалы и подданные (хотя бы и православные) восставали против законной власти». Мыслитель полагал, что такая позиция не противоречила интересам России. Более того, он считал заслугой царя понимание того, что «эмансипационная политика и за пределами государства есть дело, хотя бы и выгодное вначале, но по существу крайне опасное и могущее при малейшей неосторожности обратиться на собственную главу эмансипатора».

Вряд ли можно согласиться с однозначностью суждений К. Н. Леонтьева, поскольку «малейшая неосторожность» носит обоюдоострый и многосторонний характер. Получаемая в результате брешь в триаде «православие-самодержавие-народность», нарушение мудрой грани между имперскими и племенными началами, общеевропейскими и национальными интересами способны доставлять не меньшие и скрытые в долгосрочной перспективе неприятности поклоннику языческой силы и легитимности любой ценой. Поэтому Николай I в отличие от своего предшественника вел более гибкую политику по отношению к единоверцам, в чем-то жертвуя прямолинейностью исходных принципов. Показательны в этом плане результаты Адрианопольского мира после русско-турецкой войны 1828—1829 годов, во время которой боевые действия развернулись на Балканах, на Черноморском побережье и в Армении. Потерпевшая сторона была вынуждена признать не только присоединение к России Грузии и Восточной Армении, но и предоставить русским, а также дружественным им нациям свободу торговли и прохода через Босфор и Дарданеллы. Условия мирного до-

говора предусматривали еще полную автономию и покровительство России подвластных ранее Турции Молдавии, Валахии и Сербии и обеспечивали Греции государственную независимость. Таким образом, Адрианопольский мир стал важнейшей вехой в освобождении балканских народов от османского ига, блестящей победой и высшей точкой николаевской дипломатии в решении так называемого «восточного вопроса» и в заступничестве одноплеменных и единоверных России подданных султана. Султан был вскоре вынужден сам прибегнуть к помощи России во время восстания против него египетского паши, в благодарность за что был заключен с Россией особый договор, которым султан обязался закрыть проливы для военных судов всех иностранных государств. Тем самым Россия становилась как бы покровителем «больного человека» (так Николай I называл распадавшуюся Турцию) и приобретала преимущественное влияние на его политику. Достижение наиболее выгодного использования черноморских проливов, поддержка национально-освободительного движения народов Балканского полуострова, расширение морской торговли, укрепление позиций в Константинополе, возросший авторитет у южнославянских народов не могли не беспокоить европейскую дипломатию, что, собственно говоря, и предуготовило неизбежные предпосылки нагнавшей спустя два десятилетия Крымской войны.

Между тем в самой Европе нарастало революционное брожение, по отношению к которому Николай I стремился, как известно, строго следовать легитимистским принципам. Революционный взрыв во Франции, устранивший в 1830 году с политической арены Карла X и приведший к власти Луи-Филиппа, воспринимался им как вызов «старому порядку». Тогда же революционным путем была обретена независимость Бельгии, также признанная европейскими государствами. Таким образом было ясно, что члены Священного Союза отнеслись достаточно свободно к установленным ранее соглашениям и манипулировали ими в собственных стратегических целях и дипломатических маневрах. Тем не менее под впечатлением означенных выше переворотов и польского восстания 1830—1831 годов Россия, Австрия и Пруссия в 1833 году заключили договор, подтверждавший венские принципы 1815 года. В результате Россия обязывалась вмешиваться в европейские дела и «поддерживать власть везде, где она существует, подкреплять ее там, где она слабеет, и защищать ее там, где на нее открыто нападают».

После заключенных соглашений русский царь оказался в сложном положении. Когда в феврале 1848 года вспыхнула очередная революция во Франции, нашедшая отклик в других европейских странах, он лично составил манифест, в котором говорилось: «Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии, и разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшею по мере уступчивости правительств, раздражительный поток сей прикоснулся наконец и союзных нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей, Богом нам вверенной России».

Николай I преувеличивал опасность для России европейских революций и под влиянием неискренней и недальновидной дипломатии своего министра иностранных дел К. В. Нессельроде чересчур доверял и помогал своим союзникам, которые таковыми по сути не являлись. Следуя духу и букве предшествующих конвенций, он отправил в марте 1849 года русские войска для подавления венгерского восстания против законного правительства Австрии. Однако вскоре ему пришлось убедиться в неискренности и своеобразной «благодарности» союзников, когда Австрия и Пруссия объединились с Англией и Францией при первой удобной возможности ослабить государственную мощь России и нанести ей военное поражение.

Рост влияния российской державы в черноморском бассейне и на Ближнем Востоке постоянно вызывал подспудное сопротивление европейских стран, которые противопоставляли ему там экономическую экспансию, политическое давление и антирусскую пропаганду в прессе. Особенную активность проявляли английские политики, которые при каждом повороте событий на Балканах приписывали России захватнические замыслы и создавали из нее образ врага. Так, еще в 1833 году влиятельный член палаты общин, враждебно настроенный банкир Т. Аттвуд заявлял, что «пройдет немного времени... и эти варвары научатся пользоваться мечом, штыком и мушкетом почти с тем же искусством, что и цивилизованные люди». Следовательно, необходимо не мешкать, а объявить войну России, «подняв против нее Персию, с одной стороны, Турцию — с другой, Польша не останется в стороне, и Россия рассыплется, как глиняный горшок». В стенах английского парламента раздавались оскорбительные выпады против Николая I и Екатерины II, называвшейся «чудовищной бабкой чудовищного императо-

ра» и даже «разнузданной проституткой». Так называемая вторая Лондонская конвенция 1841 года, свидетельствовавшая о дальнейшем ослаблении Османской империи, предоставляла больше права западным государствам для вмешательства в ее внутренние дела и одновременно лишала Россию возможности строить с ней взаимоотношения на двусторонней основе. И когда в конце 40-х годов вновь обострились противоречия интересов европейских стран на Ближнем Востоке при параллельном развитии национально-освободительного движения на Балканах, царю не удалось избрать верную тактику в решении восточного вопроса. Под влиянием недалековидного оптимизма лживых и льстивых дипломатов он рассчитывал на якобы непримиримые интересы Англии и Франции, надеялся на мнимый нейтралитет Австрии и Пруссии, когда в 1853 году турецкое правительство нарушило права Православной Церкви в Палестине. Из-за происков французских дипломатов ключи от Вифлеемского храма были переданы католикам. Как отмечает Н. Я. Данилевский, «само требование Франции было не что иное, как вызов, сделанный России, не принять которого не позволяли честь и достоинство. Этот спор о ключе, который многие представляют себе чем-то ничтожным... имел для России, даже с исключительно православной точки зрения, гораздо более важности, чем какой-нибудь вопрос о границах».

Понимая важность для православной монархии возникшего конфликта, английский посол в Константинополе лорд Редклиф и французский император Наполеон III всячески способствовали его обострению и подталкивали Турцию к военным действиям против России. Русские дипломаты требовали от султана восстановить права православного духовенства в Палестине и подписать конвенцию, которая сделала бы Николая I покровителем всех православных в подданстве турецкого главы. Английское же правительство подсказывало ему такое половинчатое решение вопроса, при котором не исключалась возможность разжечь русско-турецкую войну, превратить ее затем под лозунгом «защиты Турции» в коалиционную и подорвать позиции России на Ближнем Востоке и Балканах. Султана, жаждавшего обладать северным побережьем Черного моря, Кубани и Крыма, не пришлось долго уговаривать, и в октябре 1853 года он объявил войну России, против которой вскоре объединились все западные страны и партии. В проклятиях самодержавию польские эмигранты вставали под турецкие знамена, венгерские революционеры смы-

кались с австрийским императором, Маркс и Энгельс находили общий язык с Наполеоном III и Пальмерстоном. Даже маленький Пьемонт изыскал возможность послать пятнадцатитысячный корпус в Крым.

Прозревая грядущую ситуацию еще в ноябре 1853 года, Ф. И. Тютчев писал: «В сущности, для России опять начинается 1812 год; может быть, общее нападение на нее не менее страшно теперь, чем в первый раз... И нашу слабость в этом положении составляет непостижимое самодовольство официальной России, до такой степени утратившей смысл и чувство своей исторической традиции, что она не только не видела в Западе своего естественного и необходимого противника, но старалась только служить ему подкладкой». Через сто лет современный английский историк как бы вторит русскому поэту, отмечая, что «до 1854 года Россия, быть может, пренебрегала своими национальными интересами ради всеобщих европейских дел».

Действительно, верность данному слову, принятым обязательствам, сложившемуся порядку в Европе в какой-то степени заставляла Николая I действовать чересчур прямолинейно и терять гибкость в отстаивании собственных интересов. Видя, однако, как поворачивается дело и затягивается узел враждебной коалиции, он замыслил провозгласить действительную независимость поработенных Турцией народов и придать готовящейся войне освободительный характер, что могло обеспечить не только моральную поддержку славян и освобождение их от политической изоляции, но и расширение и укрепление военной базы. Тем не менее канцлер Нессельроде воспротивился этому плану, находя его несовместимым с традиционными «принципами легитимизма» во внешней политике России.

Дипломатические просчеты, потеря союзников, излишняя самонадеянность, слабая военная и техническая оснащенность войск, отсутствие необходимых дорог и коммуникаций привели к тому, что, несмотря на героические действия армии, Россия потерпела поражение в Крымской войне. Осада Севастополя, завершившаяся в августе 1855 года, истощила силы союзников, не рисковавших более предпринимать активные наступательные действия. Обе воюющие стороны заговорили о мире, который они и заключили в Париже уже после кончины Николая I в марте 1856 года на невыгодных для России условиях.

Крымская война обнажила внутренние противоречия и скрытые недостатки, которые изнутри подтачивали материальную силу и политические позиции русского государства. Совершенно необходимое для его независимого существования и самостоятельных действий усиление военной мощи порою принимало неадекватные формы, а наведение порядка и укрепление дисциплины в армейской среде переходили разумную грань и становились самоцелью. По свидетельству одного из современников, уже после славного завершения Отечественной войны 1812 года «военные качества заменились экзерцирмейстерской ловкостью». Даже М. Б. Барклай де Толли, подчиняясь желаниям А. А. Аракчеева, стал требовать красоты фронта, доходившей до акробатства, и сгибал свою высокую фигуру до земли, чтобы равнять носки гренадер. Молодость великого князя Николая Павловича была затронута этим увлечением Александра I, и строевые и вахт-парадные привычки юношеских лет отразились и на его собственном правлении, как бы диссонируя с его обширными военными познаниями. На полках царского кабинета можно было видеть множество фигурок из папье-маше с изображением униформ различных полков. Император предпочитал носить мундиры подшефных ему частей и не любил нарушений формы одежды. Вольно или невольно мундир, муштра, формуляр, циркуляр порою перевешивали у подчиненных суть дела и ставились во главу угла. По словам Дениса Давыдова, «для лиц, не одаренных возвышенным взглядом, любовью к просвещению, истинным пониманием дела, военное ремесло заключается лишь в наносно-педантическом, убивающем всякую умственную деятельность парадировании». Знаменитый партизан по собственным впечатлениям хорошо представлял себе последствия вдохновенного изучения правил вытягивания носков, равнения шеренг, исполнения ружейных приемов и т. д., чем «щеголяют все наши фронтовые генералы и офицеры, признающие устав верхом непогрешимости, служащим для них источником самых высоких поэтических наслаждений». Наследник суворовских традиций сетует на то, что ряды армии постепенно наполняются грубыми солдафонами: «Грустно думать, что к этому стремится правительство, не понимающее истинных требований века, и какие заботы и огромные материальные средства посвящены им на гибельное развитие системы, которая, если

продлится надолго, лишит Россию полезных и способных слуг. Не дай Бог убедиться нам на опыте, что не в одной механической формалистике заключается залог всякого успеха. Это страшное зло не уступает, конечно, по своим последствиям татарскому игу! Мне, уже состарившемуся в старых, но несравненно более светлых понятиях, не удастся видеть эпоху возрождения России. Горе ей, если к тому времени, когда деятельность умных и сведущих людей будет ей наиболее необходима, наше правительство будет окружено лишь толпою неспособных и упорных в своем невежестве людей. Усилия этих лиц не допускать до него справедливых требований века могут ввергнуть государство в ряд страшных дел».

Механическая формалистика, способная мертвить живой и содержательный подход к военному делу, по-своему сказала на недостаточной подготовленности русских войск к ведению боевых действий в годы Крымской войны. Да и о реальном положении солдата можно судить по цифрам одного из отчетов за 1835 год: из 231 099 человек 173 892 оказались больными, причем 11 023, то есть каждый двадцатый, умерли. Болезни подавляющего большинства носили изнурительный и воспалительный характер. «Явилась мысль пересоздать человека. Требуют, чтобы солдат шагал в армии... после всех вытяжек и растяжек солдат идет в казармы, как разбитая на ноги лошадь». Справедливости ради следует отметить, что сам император был неутомим в личных осмотрах военных заведений, строгой проверке содержания, обучения и боевой подготовки отдельных частей армии и флота и предпринимал существенные усилия по улучшению довольствия войск и призрения больных и престарелых воинов.

Что же касается умных и сведущих людей, то Николай I, как уже говорилось, умел их ценить и использовать на государственной службе, несмотря на предвзятое отношение к ним целого ряда лиц из своего ближайшего окружения. Так, после кончины М. М. Сперанского в 1839 году он заметил: «Михаила Михайловича не все понимали и не все умели довольно ценить; сперва я и сам в этом более всех, может стать, против него грешил. Мне столько было наговорено о его превратных идеях, о его замыслах; но, потом время и опыт уничтожили во мне действия всех этих наговоров. Я нашел в нем верного и ревностного слугу с огромными сведениями, с огромной опытностью, с неусыпавшею никогда деятельностью».

Сперанский не был единичным случаем привлечения царем к ответственной деятельности тех людей, которые, как ему ка-

залось или как преподносилось, относились нелояльно к его мнениям. Например, он возвел в графское достоинство и награждал орденом св. Андрея Первозванного Н. С. Мордвинова, чьи взгляды ранее привлекали внимание декабристов, а теперь нередко существенно расходились с решениями правительства. Возглавляя департамент Государственного Совета, Мордвинов смело критиковал министров, выступал против прижимистого министра финансов Е. Ф. Канкрин за строительство железных дорог, ратовал за рассредоточение из ведения казны разных отраслей народного хозяйства, представлял императору записки, указывающие на необходимые преобразования. И сам председатель Государственного Совета И. В. Васильчиков порою делал несогласные с царскими выводы, по некотором размышлении с благодарностью принимавшиеся государем.

И все же, подобно своему предшественнику, Николай I испытывал серьезные затруднения в кадровой политике и выборе достойных сотрудников. После восстания декабристов осторожное и недоверчивое отношение к окружающим не покидало его, особенно если он подозревал их в критике своих действий или вообще в либеральном образе мыслей. И хотя по характеру царь был добр и доверчив, открыт и отходчив, самолюбие и вспыльчивость иногда заставляли его упорствовать в однажды принятом решении или предвзятом мнении. Особенно наглядно своеобразная кадровая глухота императора проявилась в отстранении от активной деятельности «проконсула Грузии» А. П. Ермолова, подозревавшегося в участии в заговоре декабристов и в нелояльности к новому царю. Рассеять возникшие сомнения и опасения могла бы личная встреча царя с опальным полководцем, как это было в случае с Пушкиным или М. М. Сперанским. Однако она не состоялась. К тому же личные интересы новых приближенных государя, И. И. Дибича и И. Ф. Паскевича, заставляли их неточно представлять имеющиеся факты, и выдающийся полководец, прекрасно понимавший разницу между механической формалистикой и реальным положением вещей, оказался не у дел.

Вообще следует признать, что люди независимые и самостоятельно мыслящие представляли для Николая I какую-то интеллектуальную неуютность и раздражали его. Он неоднократно признавался, что предпочитает не умных, а послушных исполнителей. Своеобразная иллюстрация к такой настроенности приведена в «Записках» С. М. Соловьева: «Посещает император

одно военное училище; директор представляет ему воспитанника, оказывающего необыкновенные способности, следящего за современной войной, по своим соображениям верно подсказывающего исход событий, Что же отвечает император: "...Мне таких не нужно, без него есть кому думать и заниматься этим; мне нужны вот такие..." — и выдвигает из толпы дюжего малого, огромный кусок мяса без всякой жизни и мысли на лице и последнего по успехам».

Подобные воспитанники, становясь военными или чиновными проводниками монаршей воли, мертвили всякое живое дело, превращая необходимый порядок в слепую дисциплину, а верность долгу — в бездумный формализм. Между царем и народом постепенно образовывалось мощное средостение бюрократии, становившейся самостоятельной и действующей по собственным законам силой. Структура департаментов усложнялась, число чиновников увеличивалось (с 16 тысяч в начале века до 74 тысяч к 1851 году), количество требуемых документов возрастало, а задача делопроизводителя заключалась в том, чтобы «бумаги, присылаемые из министерства, не лежали долго без ответа». Отгораживаясь от непосредственной связи с земскими началами империи, чиновничество не только торпедировало любые попытки преобразований, способных нарушить его устоявшееся положение, но и начинало исподволь диктовать свои условия игры. «Эта тупая среда, — подчеркивает Ю. Ф. Самарин, — лишенная всех корней в народе и в течение веков карабкавшаяся на вершину, начинает храбриться и кривляться перед своей собственной единственной опорой... Власть отступает, делает уступку за уступкой без всякой пользы для общества». После объезда нескольких губерний в 1841 году один из генерал-адъютантов отмечал во всеподданнейшей записке всесилие корыстолюбивой бюрократии, не ведающей никакого общественного контроля и заботящейся лишь о личном обогащении, отчего нет истины в делах и правды в судах. К тому же каждый министр стремился доказать важность своего учреждения и завести множество департаментов, комиссий, канцелярий, а управление идет гораздо хуже, даже если принять во внимание весьма простое соображение — чем более предметов окружает движущееся тело, тем медленнее и неправильнее его движение. На примере образования министерства государственных имуществ в записке показывалось, к каким плачевным, порою прямо противоположным задуманным, результатам может приводить пре-

ломляюще-искажающая среда бюрократии: «Вы мыслили улучшить благосостояние казенных крестьян, но с самого его учреждения оно приняло характер разорения и положение крестьян не только не улучшилось, но бедность их достигла высочайшей степени... Из одного департамента Министерства финансов вдруг выросло три департамента, несколько канцелярий, полсотни палат, сотни окружных управлений, так что вместо ста двадцати прежних управлений явилось более 1500. Подобное умножение чиновников во всяком государстве было бы вредным, но в России оно губило и губит империю». Когда при создании III отделения А. Х. Бенкендорф просил у царя соответствующих инструкций, тот ответил ему: «Утирай слезы обиженных и наказывай виновных — вот твоя инструкция!»

Известно и другое его убеждение, как бы восполняющее юридическую ущербность: «Лучшая теория права есть добрая нравственность». Однако в реальной действительности не только с доброй нравственностью и защитой справедливости, но и с самой законностью возникали большие проблемы. Казнокрадство и воровство, особенно процветавшие в губернских администрациях, порою переходили опасную черту. Показательно, что даже во время Крымской войны наблюдались масштабные злоупотребления и хищения, начиная от столичных департаментов и заканчивая провиантскими комиссиями в Симферополе.

12

Подобные и иные противоречия стали обостряться в последнее семилетие николаевского царствования, когда после очередных европейских революций 1848—1849 годов в России произошло резкое изменение общественной обстановки. Получив первые известия о событиях в Париже, царь явился во дворец наследника, где проходил бал, и громко провозгласил среди танцующих: «Седлайте коней, господа, во Франции объявлена республика...» Для предупреждения революционных эксцессов в Австрии или Германии царь намеревался послать трехсоттысячную армию на Рейн, но основные усилия были направлены внутрь страны. Правительство, опасаясь «заразного» духа, предприняло ряд мер по ужесточению контроля над распространением идей и просвещения. Прием студентов в университеты значительно сокращался, а

для постоянного наблюдения за цензурой и печатными изданиями был создан так называемый бутурлинский комитет, призванный отыскивать в каждом тексте скрытый подтекст. В знак протеста против таких мер министр народного просвещения С. С. Уваров подал в отставку, подчеркивая: «Я вижу себя принужденным заметить на это, что стремление, не довольствуясь видимым смыслом, прямыми словами и честно высказанными мыслями, доискиваться какого-то внутреннего смысла, видеть в них одну лживую оболочку, подозревать тайное значение, что это стремление неизбежно ведет к произволу и несправедливым обвинениям». Сокрытую в благонамеренных нововведениях деструктивность отмечал и митрополит Филарет: «Данное жандармской команде право доносить со слухов и безо всякой ответственности за ложные сведения лишает подданных спокойствия».

Говоря о создавшейся литературно-общественной обстановке этих лет, М. П. Погодин замечал, что цензуре подвергались уже почившие писатели Кантемир, Державин, Карамзин, Крылов, запрещались сочинения Платона, Эсхила, Тацита, исключались из публичного рассмотрения целые исторические периоды. Обсуждение богословских, философских, политических вопросов становилось затруднительным, а упоминание злоупотреблений или проявление каких-либо знаков неудовольствия вменялось в преступление. «Литература ушла, ограничилась только посредственными или гадкими повестями... порядочные люди решились молчать, и на поприще словесности остались одни голодные псы, способные лаять или лизать».

Но когда все пути выражения мысли закрыты, продолжает Погодин свое рассуждение, когда нет ни гласности, ни общественного мнения, власть, не подозревая того, под видом усиления на самом деле ослабляется, а подчиненные развращаются. Ложь, обман и лесть получают право гражданства, ибо всякий желающий пользы отечеству и указывающий на недостатки может прослыть за либерального злоумышленника, а потому предпочитает искать любым путем благосклонности начальника и предугадывать его малейшие желания. А начальник, пишет Погодин, одуренный каждением мнимым успехом, ношением лент и звезд, всякое замечание принимает за личное оскорбление и неуважение государства. «Кто не хвалит его, тот беспокойный человек. Не давай ему ходу. А бездарностям, подлецам, посредственностям то и на руку: как мухи на мед, налетают они в наши канцелярии, а еще охотнее в комитеты,

где скорее, без всякого труда, награждаются за отличие. Все они составляют одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество, чувят всякого мыслящего человека, для них противного, и, поддерживая себя взаимно, поддерживают и всю систему бумажного делопроизводства, систему взаимного обмана и общего молчания, систему тьмы, зла и разврата, в личине подчиненности и законного порядка».

Полное отстранение общественных сил от осуществления правительственных начинаний, исполняемого исключительно бюрократическими средствами, не только развращало многочисленный чиновный люд, но и сковывало здоровые силы нации. Сила и дисциплина, лишенные существенного нравственного содержания, лишь по видимости давали действенные результаты, а на деле естественно и незаметно ослабляли государство и подготавливали его будущий развал. Требуя от других, многие высокопоставленные деятели, прикрываясь пышными фразами и дутыми отчетами, заботились лишь об увеличении собственного благосостояния и показывали народу примеры совсем иного рода. Так, один из любимых министров царя, главноуправляющий путями сообщения П. А. Клейнмихель, в начале 50-х годов украл довольно значительную сумму, предназначенную на изготовление дворцовой мебели. В том же духе отличился накануне Крымской войны и директор канцелярии Комитета о раненых, камергер двора А. Г. Политковский, который на протяжении многих лет жил на широкую ногу, принимал «весь Петербург», в том числе и управляющего III отделения Л. В. Дубельта. И хотя в конечном итоге все члены комитета были преданы суду, подобные и иные, оставшиеся без должного внимания явления, несомненно, изнутри разлагали государство.

Вместо того чтобы искоренять зло в собственных рядах и тем самым вносить свой вклад в предупреждение революционных начинаний, иные государственные мужи предпочитали бороться с мятежным духом в весьма карикатурных формах. Так, в секретных документах III отделения говорится о том, что борода является «принадлежностью баррикадных героев». А потому носящие оную должны стать «предметом непрерывного полицейского наблюдения, ибо в Европе борода есть отпечаток принадлежности какому-либо злонамеренному политическому обществу». Сменивший А. Х. Бенкендорфа шеф жандармов А. Ф. Орлов передавал министру внутренних дел Л. А. Перовскому решение царя

о необходимости пресечь ношение бороды как недостойное подражание западной моде. Министр же весной 1849 года разослал циркуляр всем предводителям дворянства о том, что «государю неуютно, чтобы русские дворяне носили бороды, ибо с некоторого времени из всех губерний получаются известия, что число бород очень умножилось».

Особую «любовь» к славянофилам питал А. А. Закревский, назначенный в 1848 году московским военным генерал-губернатором и наделенный небывалыми полномочиями: он имел бланки с собственноручной подписью Николая I и мог написать на них какое угодно распоряжение. «Он нас терпеть не мог, — писал о Закревском А. И. Кошелев, — называя то „славянофилами“, то „красными“, то „коммунистами“. Как в это время всего чаще собирались у нас, то генерал-губернатор подверг нашу приемную дверь особому надзору и каждодневно подавали ему записку о лицах, нас посещающих».

К. Н. Леонтьев обмолвился однажды о несостоявшейся встрече в правление Николая I между «петербургской властью» и «московской мыслью», синтез которых мог бы оказаться весьма полезным для России. Действительно, власть отталкивала от себя наиболее образованных, честных и патриотически настроенных граждан, способных внести в нее незатухающие нравственные начала и оживить ею же провозглашенную связь религии, народа и государства. Императору необходимо было пойти на риск, отказаться от привычного поиска государевых слуг в придворной среде и расширить круг советников и сотрудников за счет иных слоев русского общества. Однако сила инерции заставляла его пользоваться услугами тех, кто «жадною толпой» стоял у трона и злоупотреблял высочайшим доверием. В результате во второй половине его царствования во главе важных ведомств и начинаний нередко оказывались люди, не всегда соответствовавшие по своим моральным и профессиональным качествам занимаемому положению, более всего озабоченные сохранением монаршего расположения, а потому пытавшиеся скрывать от государя неприглядные факты и нежелательные процессы. В своем рукописном дневнике князь П. П. Гагарин даже отводит чиновному люду существенную роль в поражении России в Крымской войне, поскольку «люди, которые должны были говорить истину императору, скрывали ее от него, потому что наши посланники, в видах своих личных интересов, предпочитали сглаживать

то, что они должны были говорить, и что остальные поступали так же, как и они».

К концу николаевского царствования возникали проблемы, справляться с которыми становилось все труднее и труднее, и для решения которых приходилось опять-таки вращаться в заколдованном кругу не всегда достойных исполнителей. «К несчастью, — признавался император, — более чем часто бываешь вынужден пользоваться услугами людей, которых не уважаешь, если они могут принести хоть какую-нибудь пользу». Однако польза неуважаемых людей в конечном итоге оказывается иллюзорной и никогда не перевешивает приносимый ими вред, выражающийся в разрушении идеальных устремлений и высших нравственных начал монархического правления, которые составляют его истинную силу и предполагают естественное развитие всех слоев общества и свободное следование каждым из его членов принятому долгу. Чрезмерная централизация, носившая бюрократический характер, поток инструкций и распоряжений, не учитывавших местных условий, государственная опека «сверху» всех жизненных функций нации, замедлявшая встречное творческое движение «снизу», — все это свидетельствовало не о внутреннем и органическом, а о внешнем и механическом осуществлении монархических принципов, противопоставляло правительство народу, казенное частному, видимость сути, форму содержанию, удобряло почву для всевозможных злоупотреблений и проникновения социалистических идей (в конце 40-х годов в России образовался революционный кружок Д. М. Буташевича-Петрашевского).

Николай I глубоко чувствовал и понимал необходимость живого развития плодотворных особенностей русской истории и культуры, не укладывавшихся в западную модель и способных предохранить страну от отрицательных последствий сугубо секулярных и революционных тенденций. Он как бы соглашался с Пушкиным, что в отличие от Европы Россия требует «другой мысли, другой формулы», и внес огромный вклад в развитие ее самосознания и могущества. Отчасти верен вывод К. Н. Леонтьева, что «сама наша Россия при нем именно достигла той культурно-государственной вершины, после которой оканчивается живое государственное созидание и на которой надо приостановиться по возможности, и надолго, не опасаясь даже и некоторого застоя». Однако вторая часть высказанной мысли опровергается практикой и завершением николаевского

царствования. Застой не может длиться долго, представляет опасную болезнь для достигнутых вершин, открывает широкий путь для обозначенных выше и многих иных самоубийственных тенденций. Непрерывно связанная с «адскими принципами революции» общая зараза своекорыстия, которую царь пытался изгнать через дверь, влезала в хорошо видимое им окно.

Говоря о духовных уроках Крымской войны, Ф. И. Тютчев, в частности, писал: «Нам было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишком продолжительное стеснение и гнет, без существенного вреда для общественного организма. Видно, всякое ослабление и заметное умаление умственной жизни в обществе неизбежно влечет за собою усиление материальных наклонностей и гнусно-эгоистических инстинктов. Даже сама власть с течением времени не может уклониться от неудобств подобной системы. Вокруг той сферы, где она присутствует, не встречая извне ни контроля, ни указания, ни малейшей точки опоры, кончает тем, что приходит в смущение и изнемогает под собственным бременем еще прежде, чем бы ей суждено пасть под ударами злополучных событий».

Для преодоления подобных кризисных явлений необходим был творческий порыв власти, способный пробудить в решении общих задач добровольное и единодушное соучастие всего народа («сила власти — царю, сила мнения — народу», — ратовал К. С. Аксаков за взыскиваемое единство). Однако для такого порыва становилось все меньше и меньше возможностей. «Я работаю, чтобы оглушить себя, — писал царь Фридриху-Вильгельму, — но сердце мое будет надрываться, пока я жив». Подавленность настроения самодержца от бессилия справиться с возникавшими трудностями бросалась в глаза, и уже в 1845 году он признавался А. О. Россет-Смирновой: «Вот уже скоро двадцать лет я сижу на этом прекрасном местечке. Часто случаются такие дни, что, смотря на небо, говорю, зачем я не там? Я так устал».

Тяжелые заботы, напряженные труды, непредвиденные изменения, неизбежные огорчения не могли не пошатнуть железного здоровья Николая I. Незадолго до своей кончины он писал М. Д. Горчакову: «Вероятие хорошего оборота дел с Австрией, всегда мне сомнительное, с каждым днем делается слабее, коварство — яснее, личина исчезает, и потому все, что в моих намерениях основывалось на надежде безопасности с сей стороны,

не состоялось и возвращает нас к прежнему тяжелому положению. Но, — буди воля Божья! — буду нести крест мой до истощения сил».

В конце января 1855 года царь заболел острым бронхитом, но не переставал заниматься государственными делами. Продолжая болеть, он даже выезжал из дворца при двадцатиградусном морозе для осмотра и напутствования выступавших в поход маршевых батальонов 1-й гвардейской дивизии. На заявление же лейб-медика о явной опасности таких выездов лишь заметил: «Ты исполнил свой долг; позволь и мне исполнить мой». У многих создавалось впечатление, что император как бы искал смерти, не в силах пережить текущие неудачи и близившееся поражение в Крымской войне. Вскоре заболевание его усилилось и перешло в воспаление обоих легких, но и в постели он не прерывал своих трудов. Когда болезнь приняла необратимый характер и перешла в безнадежную стадию, вся августейшая семья собралась в малой церкви Зимнего дворца на общую молитву. Причастившись, царь простился со всеми близкими, а затем поблагодарил министров за службу. Наследнику же своему поручил передать благодарность «войску, флоту и, в особенности, защитникам Севастополя». Николай I скончался 18 февраля 1855 года. И в последние минуты жизни признался цесаревичу, как бы передавая ему нелегкую эстафету: «Мне хотелось, приняв на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России, я вас любил более всего на свете».

Борис Тарасов

І. ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ

Слово

в день рождения Благочестивейшего Государя, Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссийского, сказанное в Киево-Печерской Лавре Киевской Духовной Академии Ректором Братским Архимандритом Иннокентием, июня 25 дня, 1832 года.

Идеже Дух Господень, ту свобода.
(2 Кор. III, 17)

Каждое время имеет свой дух, и каждый дух имеет свое время. Есть века умозрений и предначертаний; есть века деятельности и усовершенствований: в иное время сомневаются, разрушают и разделяются; в другое веруют, соглашаются и воссоздают: то слишком привержены к древнему и думают, что оно совершенно свободно от всех недостатков; то стремглав увлекаются всем новым, будучи ни чем не довольны в настоящем.

Нашему времени достался в удел — в награду или наказание, покажет время — вопрос самый привлекательный и самый опасный, в разрешении коего первый опыт так несчастно сделан еще первым человеком; я разумею вопрос о Свободе. Каких благ не обещало себе человечество от разрешения сего вопроса? И каких зол не видело? Сколько переиспытано средств? Принесено жертв? И как мало доселе успеха! Как не много даже надежды на успех! Ибо что видим? Те же народы, кои все принеся в жертву Свободе, по-видимому всего достигли, — через несколько дней начинают снова вздыхать о Свободе и плачут над собственными лаврами.

Что значит сие? Уже ли образ Божий на земле должен быть в узах? — Или для человека нет свободы? Есть, только не там, где обыкновенно ищут ее; — есть, только не в том виде, в каком думают найти. Когда целые народы ищут свободы и не находят; малое число людей всегда наслаждалось истинною Свободою, не ища оной.

Кто сии избранные? Те, кои верно следуют учению Иисуса Христа, и следуя ему, водятся с Духом Божиим. *Идеже Дух Господень, ту свобода.* В истинном Христианстве, и только в нем

одном, находится начало Свободы истинной, полной, всеобщей и живоносной.

Раскроем сию благотворную истину в честь Августейшего Виновника настоящего Торжества, который для того, кажется, и воздвигнут Промыслом не в другое, а в наше время, дабы среди треволнений всемирных быть верховным блюстителем истинной Свободы народов и Царей.

Ум человеческий любит расширяться в умозрениях и обнимать более надлежащего. Особенно в отношении к свободе, он хвалится обширностью своих видов, всеобъемлемостью предначертаний. И что же? Ни один из самых пламенных мечтателей о свободе не осмелился доселе, даже хотя бы в мыслях, простереть ее туда, куда простирается Евангелие. Ибо на чем останавливаются самые пламенные ревнители Свободы? В отношении к внешней жизни человека, на независимости от других, на равенстве различных прав, на беспрепятственности путей к достоинствам и т. п.; — в отношении к внутренней жизни, на свободе от предрассудков, невежества, порочных желаний и страстей. Сложить прочие узы с человечества, как то: узы телесных недостатков, болезней, смерти, хотя сии узы тяготят всех и каждого, почитается делом совершенно невозможным, о коем посему никто и не мыслит. Тем менее думают об участи прочих тварей земных; хотя они все видимо находятся в состоянии тяжкого рабства, страдают подобно человеку и подобно ему воздыхают об избавлении от работы исления¹.

Не так поступает Евангелие! Оно проповедует *отпущение всем пленным*², возвещает свободу от всякого вида зла; призывает к такому состоянию, в коем нет никакой печали и никакого воздыхания³. И во-первых, человек, по учению Евангелия, должен освободиться от всех недостатков и зол, его угнетающих; должен сделаться светлым в душе, чистым в сердце, Богоподобным в духе, бессмертным по телу, вознесенным над всеми нуждами, даже над всею природою, его окружающею⁴. Вместе с человеком и вся тварь должна освободиться от работы нетления и войти в свободу и блаженное состояние чад Божиих⁵. Такую свободу возвеща-

¹ Рим. VIII, 21.

² Лук. IV, 18.

³ Апок. VII, 16—17.

⁴ Апок. XXII, 5.

⁵ Рим. VIII, 2.

ет всему человечеству, или иначе миру, Евангелие! Кто не исполнится чувством благоговейного умиления при одной мысли о событии сего утешительного величественного обетования? Сама всеобъемлемость его ручается за его Божественную действительность: ибо свобода действительная может быть только всеобщая; частная свобода даже всего человечества, среди рабства прочих тварей, была бы растворена горестию и воздыханием.

Обещая такую всеобъемлющую свободу, Евангелие знает, как много обещает и чего требуется для исполнения обещания. Оно видит, что для освобождения человека и тварей, его окружающих, потребна не перемена только законов человеческих, а превращение самого сердца и духа человеческого¹, — не новое токмо уложение, а новое Небо и новая земля²: и потому решительно говорит, что над всем человечеством, и даже миром совершается новое, великое творение, следствием коего будет новое Небо и новая земля³. Видит, что для произведения сего великого дела паки бытия всемирного недостаточны силы не только всего человечества, но и всех тварей⁴: посему решительно объявляет, что сие дело будет произведено самим Богом, чрез Сына его и Духа Святого⁵. Видит наконец, что и самое Божественное всемогущество, имея дело с существами свободными, не может вдруг совершить их восстановления: посему решительно возвещает, что восстановление человечества в первобытную свободу чад Божиих произойдет не прежде, как по скончании времен, по употреблении в дело всех средств Благодати, после решительной победы добра над злом⁶. — К сему-то славному времени, или иначе исполнению времен, Евангелие учит человека обращать чаяния свои и воздыхания⁷: а до того времени, по уверению его, род человеческий, при всех усилиях, никогда не освободится от бедствий, неразлучных с состоянием изгнания Эдемского.

Сие однако же не значит того, чтобы Евангелие все обетования свои о Свободе заключало в будущем, предоставляя чело-

¹ Иоан. III, 5.

² 2 Пет. III, 7.

³ Апок. XXI, 1.

⁴ Апок. V, 5.

⁵ Апок. XXI, 5.

⁶ 2 Сол. II, 1—10.

⁷ 3 Пет. III, 11—15.

века всем скорбям и ужасам настоящего. Нет, в будущем только полное окончание обетований, и то потому, что сей полноты никак не может вместить настоящее; а все прочее — начало и продолжение, даже часть окончания в настоящем. По учению Евангелия, каждый может и должен теперь, в сей жизни, на сей земле сделаться свободным свободою внутреннею, духовною, состоящею в свободе ума и сердца, в независимом избрании добра и уклонении от зла, в свободном подчинении воли своея Воли Божией¹.

Таковой свободе не могут препятствовать никакие внешние обстоятельства, ни даже узы; в темнице и под мечем можно быть свободным сею свободою Божественною так же, как и на троне, среди величия земного². Одно непреодолимое препятствие сей предначинательной свободе в человеке — его немощь, которая так велика, что он сам собою *не может и помыслить ничего*, истинно доброго³, тем паче совершить его, тем паче неспособен всегда желать и делать одно доброе. — Но, Евангелие совершенно восполняет сию немощь многими видимыми средствами, особенно же невидимою Благодатию Святого Духа, которая, коль скоро человек, признав свое бессилие и ничтожность, обращается к ней молитвенно и предает себя ее водительству, облакает его волю такую силою, коей не могут противустоять никакое могущество и никакой соблазн⁴. Облеченные сею Благодатною силою, многие до того раскрывали в себе внутреннюю духовную свободу предначинательную, что видимо приближались и к оной будущей, славной, свободе окончательной и даже приближали с собою все, их окружающее. От избытка духовной силы и внутреннего Богоподобия, таковые избранные еще здесь на земле, до наступления всеобщего совершенноголетия человечества, вступали едва не во все права чад Божиих; — освобождаясь из-под тягостной опеки земных стихий, кои теряли над ними силу, и покорялись их воле и слову⁵; воспринимая мирное владычество над прочими живыми тварями, кои в присутствии их с радостью забывали свою мнимоестественною

¹ Гал. V, 1; Рим. VI, 18—25.

² 2 Тим. II, 9.

³ 2 Кор. III, 5.

⁴ Фил. IV, 13.

⁵ Евр. XI, 34.

лютость¹, — возносясь даже над брэнностью собственного тела, которое или было преставаляемо на небо без разлучения с духом², или, по разлучении с ним, остается на земле, среди тления, на целые тысячелетия не только неразрушимым, но и способным к уврачеванию всякого вида разрушения. Мы сами, обитатели сего Богоспасаемого града, не поставлены ли непрестанными свидетелями того, как свобода Христианская торжествует над самыми узами смерти, соделывая нетленными останки тех, кои были во время своей жизни совершенно свободными для Христа и Христом³!

И такие чудеса свободы Христианской происходят здесь и теперь, здесь, где все поражено смертноcтью, теперь, когда самые Праведники должны наиболее терпеть и страдать, чтобы наиболее очиститься и прославиться!⁴ Что же будет там, под новым небом, на новой земле, где живет одна правда и одна Свобода? Как померкнет тогда все великое и славное пред сокровенным ныне величием Святых Божиих человеков! В каких благолепных чертах не обнаружится тогда, среди всеобщего торжества освобожденная от работы нетления твари, вечная свобода чад Божиих? О, Божественная свобода, не выходи никогда из мыслей наших, давай направление нашим желаниям и предприятиям, защищай от всего низкого и греховного, утешай среди многообразных печалей и уз земного странствования!

Нисколько неудивительно, если Евангелие ведя человека к такой свободе не обращает прямого внимания на свободу так называемую Гражданскую: ибо последняя не имеет непосредственного отношения к Свободе духовной. Можно среди уз быть свободным духом, и на Престоле можно быть рабом страстей. Даже бедствия внешние и угнетения более благоприятствуют раскрытию духовной свободы в человеке, нежели счастье и независимость, которые редко не ослепляют его гордостью и не делают рабом пожеланий и страстей. История Христианства представляет немалое число таких рабов, кои, быв рабами человеков, были вместе самыми верными рабами Божиими: не имея внешней свободы, обладали величайшею свободой духа, и еще

¹ Дан. VI, 22.

² Цар. II, II.

³ I Кор. VII, 21.

⁴ 2 Тим. III, 12.

при жизни, тем паче по смерти, когда вполне открывалось сокрытое в них богатство Благодати, делались предметом благоговейного уважения для самых Вельмож и Царей. С другой стороны, та же История представляет немало примеров свободных людей, кои от преизбытка внутренней свободы о Христе, отдавали себя в узы и рабство для блага ближних. Так мало значили гражданское рабство и гражданская свобода для тех, в коих раскрывалась свобода духовная и предназначала раскрываться небесная!

Оставляя таким образом порядок всех званий гражданских неприкосновенным, истинное Христианство сим самым не благоприятствует однако же нисколько духу преобладания и порабощения. Напротив везде, где только усиливалось и распространялось деятельное Христианство, немедленно являлся и усиливался дух истинной свободы Гражданской. Кто вещал небоязненно истину пред Тивериями и Неронами, когда самые Буры и Сенеки умолкли? Истинные Христиане. Кто за грех почитал присутствовать на ужасных зрелищах гладиаторских, куда стремились люди хвалившиеся тонким вкусом и образованием? Христиане. Кто наиболее искуплял пленных, и своих и чужих, у Варваров, и самых Варваров потом отучил всех пленных обращать в рабов? Христиане. Откуда наиболее вышло понятий о свободе, во всех ее видах? Из Христианства. Какие народы пользуются большею свободою? Христианские. И такое благотворное действие на свободу гражданскую Христианство произвело тогда, когда большая часть Христиан суть Христиане только по имени. А что было бы, если бы вместо блистательных умозрений распространилось и усилилось деятельное Христианство между людьми? Церковь Апостольская, в коей и душа и имущества были всем общие,— ясно показывает сие каждому¹.

Напротив везде, где недоставало свободы Христианской — свободы ума и сердца от страстей, свобода гражданская, при всех усилиях, или вовсе не могла явиться, или появлялась только на краткое время. Буйство страстей свергнув все узы, вскоре само на себя налагало новые, многочисленнейшие, — свергнув нередко узы мнимые, налагало действительные, — свергнув благотворные и необходимые, налагало совершенно излишние и губительные, — свергнув благое иго закона, порядка, человеколюбия, налагало рабский ярем безначалия и тиранства.

¹ Деян. II, 44.

Сократим для памяти все сказанное в немногих изречениях:

I. По учению Евангелия, не только все человечество, но и весь мир предопределены к достижению свободы полной и вечной.

II. Сие великое освобождение человека и всех тварей будет произведено самим Богом.

III. Оно наступит по скончании мира, под новым небом и на новой земле.

IV. В ожидании сей свободы человек должен при помощи Благодати стяжевать свободу духа и сердца от страстей и грехов как необходимый залог и основание своего будущего освобождения и величия.

V. Свобода или несвобода гражданская не составляют существенного различия в отношении к сей свободе Христианской.

VI. Впрочем, за свободу Христианскую не может рано или поздно не следовать в обществе и свобода гражданская, и, напротив, последняя не может прочно существовать без первой.

Нужно ли подробно сказывать, что следует из сего Божественного учения? Следует, во-первых, то, что для людей, кои жребием рождения лишены свободы гражданской, нет причин к безотрадной печали¹: ибо состояние рабства, в коем они находятся, есть состояние временное, скоро преходящее, есть следствие и вид всеобщего рабства, в коем находится весь род человеческий, по изгнании его из Рая. Служа земным своим владыкам, рабы служат не людям, а Христу², коего премудрость допустила стать им при рождении в сие состояние, и от него примут воздаяние за все труды, кои совершаются без воздаяния; если только совершали их от души, по-Христиански³. Там верным рабам дано будет то, с чем не может сравниться слава Царей земных.

Следует, во-вторых, то, что люди, пользующиеся правом Господства над другими, не должны превозноситься сим правом, памятуя, что оно есть следствие падения человеческого, потери свободы райской, и посему имеет прейти; тем паче не должны злоупотреблять сим правом, представляя себе, что и они имеют

¹ 1 Кор. VII, 21.

² Кол. III, 24.

³ Кол. III, 25.

*Господа у себя на Небесех*¹, который потребует у них строгого отчета за всякую слезу и вздох угнетаемого человечества².

Следует, в-третьих, то, что все, и свободные, и рабы, должны, первое и более всего, стараться о восстановлении внутри себя Свободы духовной: ибо без сего те и другие останутся вечными рабами греха и бедствий в то время, когда весь мир будет торжествовать свое освобождение.

Следует наконец то, что истинные ревнители гражданской свободы, потому самому ни о чем столько не должны ревновать, как о распространении между собратиями своими деятельного Христианства, которое даруя свободу духовную и предрасполагая к свободе Небесной, вместе с тем наидействительнейшим образом оживляет и распространяет и истинную свободу гражданскую.

Идеже Дух Господень, ту, и только ту, свобода истинная, всеобъемлющая, вечная! Аминь.

Митрополит Московский и Коломенский Филарет

Слово

*в день рождения Благочестивейшего Государя Императора
Николая Павловича*

Говорено в Успенском соборе июня 25 дня 1851 год

Яко свободни, а не яко прикровенные имущие злобы свободу, но яко раби Божии: всех почитайте, братство возлюбите, Бога бойтесь, царя чтите.

(1 Пет. 2:16—17)

Что важнейшие из сих заповедей, преданных апостолом, знакомы нам и не остаются у нас без действия, — о том свидетельствовать может нынешний день.

Заповедь *царя чтите* — является в действии, когда благословенный день рождения благословенно царствующего царя вы вспоминаете радостно и торжественно.

Заповедь *Бога бойтесь* — является в действии, когда вы вашу радость о царе, ваши о нем желания и надежды приносите пред

¹ Кол. IV, 1.

² Еф. VI, 9.

Бога, чтобы Он благословил вашу радость, призрел на ваши желания, совершил ваши надежды.

И да будет неразрывен союз сих двух заповедей, прекрасный и благотворный! Народ, благоугождающий Богу, — достоин иметь благословенного Богом царя. Народ, чтущий царя, — благоугождает чрез сие Богу: потому что царь есть устроение Божие.

Как небо, бесспорно, лучше земли, и небесное лучше земного, то также, бесспорно, лучшим на земле должно быть то, что устроено по образу небесному, чему и учил Бог Боговидца Моисея: *Видь, да сотвориши по образу показанному тебе на горе*¹ то есть на высоте Боговидения.

Согласно с сим Бог, по образу Своего Небесного единоначалия, устроил на земле царя, по образу Своего вседержительства — царя самодержавного, по образу Своего Царства непроходящего, продолжающегося от века и до века, — царя наследственного.

О, если бы все цари земные довольно внимали своему небесному достоинству и к положенным на них чертам образа небесного верно присоединяли требуемые от них богоподобную правду и благодать, небесную недремленность, чистоту мысли, святость намерения и деятельности! О, если бы все народы довольно разумели небесное достоинство царя и устроение царства земного по образу небесному и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа — благоговением и любовью к царю, смиренным послушанием его законам и повелениям, взаимным согласием и единомыслием, и удаляли от себя все, чему нет образа на небесах, — превозношение, раздор, своеволие, своекорыстие и всякое зло мысли, намерения и действия! Все, по образу небесному благоустроенное, по образу небесному было бы блаженно. Все царства земные были бы достойным преддверием Царства Небесного.

Россия! Ты имеешь участие в сем благе паче многих царств и народов. *Держи, еже имаши, да никтоже приимет венца твоего*². Сохраняй и продолжай украшать твой светлый венец, непрерывно подвизаясь совершеннее исполнять венцедательные заповеди: *Бога бойтесь, царя чтите*.

Простираясь от известного к тому, что, может быть, менее усмотрено и понято в слове апостольском, обращаю ваше вни-

¹ Исх. 25:40.

² Апок. 3:11.

мание на то, что апостол, уча страху Божию, почтению к царю, повиновению начальствам, с тем вместе учит свободе. *Повини-
теся*, — говорит, — *всякому человеку начальству Господа ради; аще
царю, яко преобладающе, аще ли же князем, яко от него послан-
ным*, — *яко свободни*. Повинуйтесь, как свободные. Повинуйтесь,
и пребывайте свободны.

Кто усомнился бы, довольно ли совместимы сии части уче-
ния, того спросил бы я: если есть обязанные долгом повинове-
ния тебе, например — подчиненные по званию и должности,
слуги, работники, — не примечаешь ли, что из них одни пови-
нуются только по необходимости, неохотно, принужденно, дру-
гие — добровольно, охотно, усердно, следовательно — свобод-
но? И не разумеешь ли, что повинующийся только по необхо-
димости будет уступать сей необходимости не более, поскольку
не может преодолеть ее, будет работать для тебя как можно ме-
нее, с малой заботой о успехе дела и о твоей пользе, и даже
готов совсем пренебречь дело, как скоро не будет понуждать
надзор или угрожать наказанием и лишением платы? Напротив
того, повинующийся по свободному расположению будет тру-
диться для тебя полной силой, верно и без надзора, тщательно
и вне страха наказания. Итак, не очевидно ли, что повиновение
может быть соединено со свободой и что такое повиновение
лучше повиновения несвободного?

Но есть трудность в том, каким способом согласить и соеди-
нить повиновение и свободу, когда их направления представля-
ются противоположными — свобода хочет расширять человече-
скую деятельность, а повиновение ограничивает ее. В сем слу-
чае дело зависит наиболее от того, как понимают свободу. Ибо
едва ли есть в языках человеческих слово, которое столько было
бы подвержено неправому пониманию и злоупотреблениям, как
слово «свобода».

Некоторые под именем свободы хотят понимать способность
и невозбранность делать все, что хочешь. Это мечта; и мечта не
просто несбыточная и нелепая, но незаконная и пагубная.

Знаете ли, кто первый на земле прельщен был сей мечтою? —
Первый человек, Адам. Получив при сотворении высокие спо-
собности и могущественные силы, был поставлен владыкой рая
и земли, он пользовался обширнейшей свободой, какую может
иметь сотворенное существо. Но и сей свободе поставлен был
предел — древо познания добра и зла. Адаму не предоставлено

было свободы вкусить от плода его. Злоупотребитель свободы, старейший человека, чрез употребление свободы сделавшийся духом тьмы и злобы, темными внушениями научил тому же злоупотреблению человека. Человек захотел иметь свободу совершенно неограниченную, как Бог, и дерзнул переступить за предел, положенный заповедью Божией. И что же последовало? — Он не только не приобрел большей свободы, но утратил большую часть и той, которую имел. И если бы и не осудил его Бог, то естественная необходимость поврежденной грехопадением его природы так же осудила бы его на рабский труд: *В поте лица твоего снеси хлеб твой.*

Удивительно покушение праотца незаконно расширить область свободы и без того почти всемирную. Впрочем, оно может быть объяснено недостатком знания опытного, хитростью искуителя и самой обширностью действительного владычества, при которой легко было не остановиться перед пределом, по-видимому, ничтожным. Что касается до его потомков, обнаруживающих подобное стремление, не знаю, более ли надобно дивиться тому, что они не уважают и как бы не видят пределов, указуемых человеческой свободе и законом Божиим, и самим составом общества человеческого, и необходимостью природы; или более оплакивать сию прирожденную заразу, которую они наследовали от зараженного злоупотреблением свободы праотца и которую, по омрачению ума, подобным образом наследственному, не довольно умеют усмотреть и еще менее уврачевать, хотя это и просто при свете истинном.

*Разумейте же, — скажу с пророком, — разумейте безумнии в людех, и буиши некогда умудритесь*¹. Поймите, мечтатели безграничной свободы, гибельное безумие ваших мечтаний — поймите, наконец, хотя после жестоких опытов, когда сокрушившая свои пределы свобода не раз обагряла лицо земли невинной кровью и, проливая потоки крови человеческой, утопляла в них и сама себя!

Но как же правильное понять и определить свободу? — Любомудрие учит, что свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и делать лучшее и что она по естеству есть достояние каждого человека. Чего бы, кажется, и желать более? Но сие учение имеет свой свет на высоте умозрения природы

¹ Пс. 93:8.

человеческой, как она должна быть, а нисходя к опыту и деятельности, какова она есть, оно встречает темноту и преткновения.

В неисчислимости рода человеческого многие ли имеют так открытый и образованный разум, чтобы верно усматривать и отличать лучшее? И те, которые видят лучшее, всегда ли имеют довольно силы — решительно избрать оное и привести в действие? От лучших из человек не слышим ли жалобы: *Еже хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю?*¹ Что сказать о свободе людей, которые хотя не в рабстве ни у кого, но покорены чувственности, обладаемы страстью, одержимы злой привычкой? Свободен ли корыстолюбец? Не закован ли в золотые цепи? Свободен ли плотоугодник? Не связан ли, если не жестокими узами, то мягкими сетями? Свободен ли гордый и честолюбивый? Не прикован ли, не за руки, не за ноги, но головой и сердцем, не прикован ли к своему собственному истукану?

Таким образом, опыт и сознание, по крайней мере, некоторых людей, в некоторых случаях, не говорят ли того, что вообще говорит Божественная Истина? *Всяк творяй грех, раб есть греха?*²

Наблюдение над людьми и над обществами человеческими показывает, что люди, более попустившие себя в сие внутреннее, нравственное рабство — в рабство грехам, страстям, порокам, — чаще других являются ревнителями внешней свободы — сколь возможно расширенной свободы в обществе человеческом пред законом и властью. Но расширение внешней свободы будет ли способствовать им к освобождению от рабства внутреннего? — Нет причины так думать. С большей вероятностью опасаться должно противного. В ком чувственность, страсть, порок уже получили преобладание, тот, по отдалении преград, противопоставляемых порочным действием законом и властью, конечно, неудержимее прежнего предастся удовлетворению страстей и похотей и внешней свободой воспользуется только для того, чтобы глубже погружаться во внутреннее рабство. Несчастливая свобода, которую, как изъяснился апостол, *имеют, яко прикровение лобы!* Благословим закон и власть, которые поставляя, указуя и

¹ Рим. 7:18.

² Ин. 8:34.

защищая по необходимости поставленные пределы свободным действиям, сколько могут, препятствуют злоупотреблению свободы естественной и распространению нравственного рабства, то есть рабства греху, страстям, порокам.

Я сказал, сколько могут, потому что совершенного прекращения злоупотреблений свободы и погруженных в рабство греха возведения в истинную и совершенную свободу не только нельзя ожидать от закона и власти земных, но для сего не дозволяет и закон Небесного Законодателя. Закон предостерегает от греха, согрешившего обличает и осуждает, но не сообщает рабу греха силы расторгнуть узы сего рабства и не преподает средства загладить содеянные беззакония, которые, как огненная печать греховного рабства, лежат на совести. И в сем-то состоит *неможное закона*¹, о котором не обвинясь свидетельствует апостол.

Здесь вновь представляет вопрос, что же есть истинная свобода, и кто может ее дать, и — особенно — возратить утратившему ее грехом? — Истинная свобода есть деятельная способность человека, не поработенного греху, не тяготимого осуждающей совестью, избирать лучшее при свете истины Божией и приводить оное в действие при помощи благодатной силы Божией.

Возратить сию свободу рабу греха может только Тот, Кто даровал ее при сотворении безгрешному человеку. Сие объявил сам Творец свободы: *Аще Сын вы свободит, воистину свободни будете*². *Аще вы пребудете во словеси Моём, воистину ученицы Мои будете, и узразумеете истину, и истина свободит вы*³. Иисус Христос, Сын Божий, в воспринятом естестве нашем пострадав и умерши за нас, Своей *кровию очистил совесть нашу от мертвых дел*⁴, и, расторгши узы смерти Своим воскресением, расторг и связующие нас узы греха и смерти, и, по вознесении Своём на небо, ниспослав Духа истины, даровал нам чрез веру свет Своей истины — усматривать лучшее, и Свою благодатную силу — творить оное.

Вот свобода, которой не стесняет ни небо, ни земля, ни ад, которая имеет пределом волю Божию, и это не в ущерб себе,

¹ Рим. 8:3.

² Ин. 8:36.

³ Ин. 31:32.

⁴ Евр. 9:14.

потому что и стремится к исполнению воли Божией, которая не имеет нужды колебать законные постановления человеческие, потому что умеет в них усматривать ту истину, что *Господне есть царствие, и Той обладает языки*¹, которая непринужденно чтит законную человеческую власть и ее повеления, не противные Богу, поскольку светло видит ту истину, что *несть власть, аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть*². Итак, вот свобода, которая совершенно согласна с повиновением закону и законной власти, потому что она сама того хочет, чего требует повиновение.

Много имел бы я сказать о христианской внутренней, а не внешней, нравственной и духовной, а не плотской, всегда благо делающей и никогда не мятежной свободе, которая может жить в хижине так же удобно, как в доме вельможеском или царском, которой подвластный, не переставая быть подвластным, может пользоваться столько же, как властелин, которая и в узах, и в темнице ненарушима, как то можно видеть в христианских мучениках. Но уже время положить конец слову.

Возлюби свободу христианскую — свободу от греха, от страсти, от порока, свободу охотно повиноваться закону и власти и делать добро Господа ради, по вере и любви к Нему. И никто да не будет прельщен людьми, от каких остерегает нас апостольское слово, — которые *свободу обещевают, сами раби суще тления*³. Аминь.

¹ Пс. 21:20.

² Рим. 13:1.

³ 2 Пет. 2:19.

II. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

ЗАПИСКИ, РЕЧИ, МАНИФЕСТЫ

Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно

Всем известно, кто был мой отец и кто моя мать; я могу только добавить, что родился 25 Июня стар. ст. 1796 г. в Царском Селе.

Говорят, мое рождение доставило большое удовольствие, так как оно явилось после рождения шести сестер подряд и в то время, когда родители мои перенесли чувствительный удар вследствие несостоявшегося бракосочетания старшей из моих сестер — Александры с Королем Шведским Густавом-Адольфом, тем самым, которого впоследствии так жестоко преследовала судьба, лишив его даже престола и наследия его предков; она обрекла его на прозябание без пристанища, скитание из города в город, нигде не позволяя остановиться надолго и разлучила с женой и детьми.

Причиной этого несостоявшегося брака было, говорят, упрямство Короля, который ни за что не хотел согласиться на то, чтобы сестра моя имела при себе православную часовню, а также неумелость графа Моркова, которому было поручено составление брачного договора и который, желая устранить это затруднение, откладывал существенный пункт договора до последнего момента — пункт, который, как это ему было известно, положительно отвергался Королем и без соблюдения которого Императрица Екатерина не желала согласиться на брак, *как почти основной закон Нашего Дома*. Это было очень жестоким ударом для самолюбия Императрицы. Сестра моя была уже причесана, все подружки ее в сборе — ожидали лишь жениха, когда пришлось все это остановить и распоряжения отменить. Все, которые были этому свидетелями, говорят, что это событие чуть не стоило жизни Императрице, с которой приключилось потрясение, или

апоплексический удар, от которого она уже более не могла оправиться.

Я родился и думаю, что рождение мое было последним счастливым событием ею испытанным; она желала иметь внука, — я был, говорят, большой и здоровый ребенок, она меня благословила, сказав при этом: «*Экий богатырь*». Слабое состояние ее здоровья не позволяло ей лично участвовать в обряде крещения; она присутствовала при крестинах, помещаясь на хорах Придворной церкви Царского Села. Государь, тогда еще Великий Князь Александр, и сестра моя Александра были моими воспитанниками.

С давних пор существовал обычай определять к каждому из нас по Англичанке в качестве няньки и нескольких дам, долженствовавших по очереди находиться при наших кроватях в течение всего первого года. При мне была назначена состоять мисс Лайон, шотландка, взятая от генеральши Чичериной; г-жи Синицына и Панаева состояли при ночных дежурствах, и не более и не менее, как четыре горничных для услуг, кроме кормилицы — крестьянки Московской Славянки.

Императрица Екатерина скончалась 6-го ноября того же года; при ее жизни все мои братья и сестры всюду неотлучно за нею следовали; таким образом мы, разлученные с отцом и матерью, мои сестры и я, оставались на попечении графини Ливен, уважаемой и прекрасной женщины, которая была всегда образцом неподкупной правдивости, справедливости и привязанности к своим обязанностям и которую мы страшно любили. Мой отец по вступлении на престол утвердил ее в этой должности, которую она и исполняла с примерным усердием. Обязанности ее при жизни Императрицы были тем более тяжелыми, что отношения между сыном и матерью были часто натянутыми и она, постоянно находясь между обеими сторонами, только благодаря своей незыблемой прямоте и доверию, которое она этим внушала, умела всегда выходить с честью из этого трудного положения.

6-го ноября отец удостоил зачислить меня в Конную гвардию, зачислив моих братьев во 2-й и 3-й гвардейские полки. По возвращении в 1799 г. из Итальянского похода, брат мой Константин был переведен в Конную гвардию, а я получил вместо него 3-й гвардейский полк, который с тех пор навсегда и сохранил. Впечатление, которое на меня произвело это известие, было

столь сильно, что оставило в памяти моей живой след о том, каким образом я об этом узнал и сколь мало я в то время был польщен этим назначением. Это было в Павловске, я ожидал моего отца в нижней комнате, он возвращался, я пошел к нему к калитке малого сада у балкона; он отворил калитку и, сняв шляпу, сказал: *«Поздравляю, Николаша, с новым полком, я тебя перевел из Конной гвардии в Измайловский полк, в обмен с братом».*

Я об этом упоминаю лишь для того, чтобы показать, насколько то, что льстит или оскорбляет, оставляет в раннем возрасте глубокое впечатление — мне в ту пору было едва три года!

Вскоре после кончины Императрицы Екатерины ко мне представили в виде старшей госпожу Адлерберг, вдову полковника, урожденную Багговут. Во время коронавания Государя и путешествий, как предшествующего, так и последующего, сестра моя Анна и я, так как были слишком малы, чтобы сопровождать Государю, были оставлены в Петербурге под присмотром обер-шенка Загряжского. Одновременно с сестрою Анною же нам была привита оспа, что по тогдашним временам представлялось событием необычайной важности, как совсем в обиходе не знакомое. Оспа у меня была слабая, у сестры же она была сильнее, но мало оставила следов.

Одновременно с нами также привили оспу сыну и единственной дочери госпожи Адлерберг, сыну Панаева и еще несколькими детям. Это происходило в Зимнем дворце; некоторое время спустя ввиду того, что в то время переезжали в Павловск, мы были отделены от прочих и помещены с сестрою в доме Плещеева. Михаил, родившийся 28 января 1798 года, находился в то время сперва в Мраморном дворце с Дурновым, а впоследствии в Царском Селе.

Когда мы поправились, нас взяли в Зимний дворец, и я был помещен в верхнем этаже, над комнатами Государя, близ малого садика. События того времени сохранились весьма смутно в моей памяти, и я могу перечислить их лишь без соблюдения последовательности. Так, помню, что видел Шведского Короля, вышеназванного Густава-Адольфа, в Зимнем дворце, в прежней голубой комнате моей матушки; он мне подарил фарфоровую тарелку с фруктами из бисквита. В другой раз помню, что был в Зимнем дворце, в комнате моего отца, где видел католических священников в белых одеяниях или куртках и страшно их испугался. Припоминаю свадьбу моей сестры Александры в Гатчи-

не с Эрцгерцогом Австрийским, ожидавшим начала церемонии в спальне моей матушки. Императрица, в то время еще Великая Княгиня, Елисавета возила меня на шлейфе своего платья.

Во время венчания по православному обряду меня посадили в кресло на хорах; раздавшийся пушечный выстрел меня сильно испугал, и меня унесли; во время католического венчания, происходившего в большом верхнем зале, престол был устроен на камине. Мне помнится, что я видел желтые сапоги гусар венгерской дворянской гвардии. У меня еще сохранилось в памяти смутное представление о лагере Финляндской дивизии, пришедшей на осенние маневры в Гатчину; стрелки были поставлены на передовые линии, в лесу; я был этим поражен так же, как и всем порядком тогдашнего лагеря. Помню также, как несли первые штандарты кавалеров мальтийской гвардии. То были серебряные орлы, держащие с помощью цепочек малиновую полосу материи с серебряным на ней крестом ордена Св. Иоанна. Во время происходившего на гатчинском дворе парада отец, бывший на коне, поставил меня к себе на ногу. Однажды, когда я был испуган шумом пикета Конной гвардии, стоявшего в прихожей моей матери, в Зимнем дворце отец мой, проходивший в это время, взял меня на руки и заставил перецеловать весь караул.

Пока я числился в Конной гвардии, я носил курточку и панталоны сперва вишневого цвета, потом оранжевого и, наконец, красного, согласно различным переменам в цветах парадной формы полка. Звезда Св. Андрея и крестик Св. Иоанна были пришиты к платью; при парадной форме — лента под курточкой. А иногда — супервест Св. Иоанна из золотой парчи с серебряным крестом под обыкновенной детской курточкой.

Отец мой нас нежно любил; однажды, когда мы приехали к нему в Павловск, к малому саду, я увидел его, идущего ко мне на встречу со знаменем у пояса, как тогда его носили, он мне его подарил; другой раз Обер-Шталмейстер граф Ростопчин от имени отца подарил мне маленькую золоченую коляску с парюю шотландских вороных лошадок и жокеем.

В это время я познакомился с детьми госпожи Адлерберг: дочь ее, Юлия, была 8-ю годами старше меня, а сыну ее, Эдуарду, было тогда пять лет. Я шел по Зимнему Дворцу к моей матушке и там увидел маленького мальчика, поднимавшегося по лестнице на антресоли, которые вели из библиотеки. Мне хоте-

лось с ним поиграть, но меня заставили продолжать путь; в слезах пришел я к матушке, которая пожелала узнать причину моего плача; — приводят маленького Эдуарда, и наша 25-летняя дружба зародилась в это время. Сестра моя в то же время нашла в лице Юлии подругу, которая 25 лет спустя должна была сделаться гувернанткой моей старшей дочери.

Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей, за исключением этикета, которому тогда придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребенка к нему приставляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех няnek или горничных, кормилицу, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев и восемь истопников. Во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга, в фижмах, в высокой прическе, напوماженную, напудренную и затянутую в корсет до удушения. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только отец мой при рождении Михаила освободил этих несчастных от этой смешной пытки. Только в течение первого года дежурные дамы находились ночью при детской кровати, чередуясь между собой, — позднее они оставались лишь в течение дня — ночью же присутствовали лишь няньки с одной горничной.

Когда нас возили на прогулку в экипаже, что при жизни Императрицы никогда не случалось без предварительного разрешения самой Императрицы, после же ее смерти, с дозволения графини Ливен, то мы обыкновенно выезжали в полдень, моя сестра со мною вместе; впоследствии сестра выезжала одна, а Михаил и я катались вдвоем.

То были позолоченные шестиместные кареты, которым предшествовали два гвардейских гусара, позднее впереди ехали два вестовых в сопровождении конюшенного офицера с вестовым; два лакея — сзади за каретой. В праздничные дни карета была в семь стекол, т. е. вся прозрачная, кроме спинки. Две англичанки с детьми на коленях занимали заднее сидение, две дежурные дамы помещались против них. Когда госпожа Адлерберг была приставлена ко мне, то преимущественно она со мною выезжала, и с нею дежурная дама.

Ничто не делалось без разрешения графини Ливен, которая часто нас навещала. Обедали мы, будучи совсем маленькими,

каждый отдельно, с нянькой, позднее же я обедал вместе с сестрою. Обыкновенно это давало повод к частым спорам между детьми и даже между англичанками из-за лучшего куска.

Спали мы на железных кроватях, которые были окружены обычной занавеской; занавески эти, также как и покрывшки кроватей, были из белого канифаса и держались на железных треугольниках таким образом, что ребенку, стоя в кровати, едва представлялось возможным из нее выглядывать; два громадных валика из белой тафты лежали по обоим концам кроватей. Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий матрас, обтянутый кожей, составляли саму постель; две подушки, набитые перьями; одеяло летом было из канифаса, а зимой ватное из белой тафты. Полагался также белый бумажный ночной колпак, которого мы, однако, никогда не надевали, ненавидя его уже в те времена. Ночной костюм кроме длинной рубашки, наподобие женской, состоял из платья, с полудлинными рукавами, застегивавшегося на спине и доходившего до шеи.

Скажу еще несколько слов о занимаемых нами помещениях в Царском Селе. Я помещался с самого дня моего рождения во флигеле, который в настоящее время занят лицеем, в комнате, находившейся против помещения покойной Александры, устроенной немного лет тому назад для Императрицы. Брат мой помещался за мною с противоположной стороны. В Зимнем дворце я занимал все то же помещение, которое занимал Император Александр до своей женитьбы. Оно состояло, если идти от Салтыковского подъезда, из большой прихожей, зала с балконом по середине над подъездом и антресолей в глубине, полукруглое окно которых выходило в самое зало. Зало это было оштукатурено, и в нем находились только античные позолоченные стулья да занавеси из малиновой камки. Зало это или гостиная предназначалась в сущности для игр; комната эта, пока я не научился ходить, была обтянута в нижней части стены, также как и самый пол, стеганными шерстяными подушками зеленого цвета; позднее эти подушки были сняты. Стены были покрыты белой камкой с большими разводами и изображениями зверей, стулья — с позолотой, обитые такой же материей, в глубине стоял такой же диван с маленьким полукруглым столом — маркетри; две громадных круглых печи в глубине занимали два угла, между окнами помещался стол белого мрамора с позолоченными ножками.

Затем следовала спальня, в глубине которой находился альков; эта часть помещения, украшенная колоннами из искусственного мрамора, была приурочена к помещению в ней кровати, но там я не спал, так как находили, что слишком жарко от двух печей, которые занимали оба угла; напротив двух других, у алькова, крайне узкого, находились два дивана, упиравшиеся в печи; два шкафа в стене алькова помещались в двух углах напротив печей, а рядом со шкафом, стоящим с правой стороны, находилась узкая, одностворчатая дверь, которая вела к известному месту.

Комната была оштукатурена с богатой живописью фресками в античном вкусе по золоченному фону; такой же был и карниз; паркет великолепного рисунка был сделан из пальмового, розового, красного, черного и другого дерева, в некоторых местах сильно попорченный ружейными прикладами и эспантонами моих старших братьев, — изъян, который Михаил и я с тех пор старались усугубить, свалив, конечно, все это на наших братьев. Два больших трюмо стояли одно против другого, одно из них помещалось между двумя окнами этой комнаты, другое же находилось между двумя арками алькова. В комнате стоял лишь античный позолоченный диван, крытый зеленой камкой с ярко зелеными разводами и огромные стулья со съемными пуховыми подушками. Диваном, крытым подобной же материей и помещавшимся у левой стены, пользовалась англичанка; перед диваном находился маленький полукруглый столик, украшенный деревянной мозаикой. Два наброска, писанные масляными красками «Александр у Апеллеса» и тот же «Александр, отвергающий подаваемый ему воином шлем с водой», висели на боковых стенах, один против другого.

Налево под ним находился рисунок карандашом моей матери: белая ваза, а под ним миниатюрный портрет моего отца. Между окнами помещался белый мраморный стол на ножке из красного дерева, а треугольный, красного дерева, стол в левом углу комнаты предназначался для образов; существовал обычай, и я его сохранил для моих детей, что Императрица дарила каждому новорожденному икону его святого, сделанную по росту ребенка в день его рождения. За этой комнатой следовала другая, узенькая, в одно окно, по стенам которой стояли большие красного дерева шкафы; в них в прежнее время помещались книги Императора Александра, а самая комната служила ему кабине-

том; в глубине этой комнаты находилась лестница, о которой я упоминал выше.

Маленькая одностворчатая дверь вблизи этой лестницы вела в другую, сходную с ней по размерам, комнату, оканчивающуюся большой стеклянной дверью; эти две комнаты предназначались: первая — для дежурной горничной, позднее для хранения халатов, а вторая была отведена для остальных служащих; для хранения вещей прислуга имела маленькую каморку под этими деревянными лестницами, которые вели к тем же антресолям, как и другая лестница; эти антресоли были расположены над обеими комнатами и находились под помещением госпожи Адлерберг; в них моя англичанка занимала одну часть, а госпожа Адлерберг — другую.

Нас часто посещали доктора: господин Роджерсон, англичанин, доктор Императрицы, господин Рюль, доктор моего отца, господин Блок, другой его доктор, господин Росберг, хирург, господин Эйнброт и доктор *Голлидей*, который нам привил оспу.

Говоря о свадьбе моей сестры Александры, я забыл сказать, что смутно вспоминаю мое прощание с ней в ее комнатах в Гатчине, но не могу припомнить ни ее вида, ни ее лица; с трудом представляю себе лицо моей сестры Елены. То же самое могу сказать и относительно Великой Княгини Анны, первой супруги брата моего Константина, которую припоминаю тоже лишь в редких случаях; так, помню ее во время спуска кораблей *«Благодать»* и *«Св. Анна»*, из коих спуск первого не удался — событие, наделавшее в то время много шума, в особенности же в моих ушах. Нас поместили у Императрицы Елисаветы. Бастион Адмиралтейской крепости находился тогда как раз под ее окнами, и, когда раздался пушечный выстрел, я с криком бросился на диван; Великая Княгиня Анна старалась насколько возможно меня успокоить. Видел я ее на вечере у моей матушки в голубой комнате; я стоял тогда за ее карточным столом. Это было в один из вечеров, когда мой отец, проходивший всегда через спальню, дверь которой Кутайсов ему открывал изнутри, дал мне пачку гравюр, которую он держал под мышкою; гравюры эти представляли нашу армию в прежней форме; фигуры были такие же, как они изображены в коллекции прусской армии времен Фридриха II.

Одно из последних событий этой эпохи, воспоминание о котором будет для меня всегда драгоценным, это удивительное

обстоятельство, при котором я познакомился со знаменитым Суворовым. Я находился в Зимнем дворце, в библиотеке моей матери, где увидел оригинальную фигуру, покрытую орденами, которых я не знал; эта личность меня поразила. Я его осыпал множеством вопросов по этому поводу; он стал передо мной на колени и имел терпение мне все показать и объяснить. Я видел его потом несколько раз во дворе дворца на парадах, следующим за моим отцом, который шел во главе Конной гвардии. Это повторялось моим отцом каждый день. По окончании парада мой отец свертывал знамя собственноручно. Я помню также несколько неудавшихся парадов. Мой отец несколько раз заставлял проходить неудачно парадировавшую гвардию.

Одно лето мы провели некоторое время в Царском Селе. Помню парад там и учение на дворе. Под колоннадой близ аркад находился артиллерийский пикет, который шел в караул под начальством офицера; я помню, что присутствовал при его смене; одна батарея была расположена близ спуска к озеру. Как мне кажется, именно в это время скончалась маленькая Великая Княжна Мария Александровна в Новом дворце; я был у нее перед ее смертью один или два раза. Я припоминаю парад Семеновскому полку во время моего пребывания в Петергофе и происшедший от удара молнии взрыв порохового погреба в Кронштадте. Я находился в портретной комнате близ балкона, когда произошел взрыв.

Надо думать, что чувство страха или схожее с ним чувство почитания, внушаемое моим отцом женщинам, нас окружавшим, было очень сильно, если память об этом сохранилась во мне до настоящего времени; хотя, как я уже говорил, мы очень любили отца и обращение его с нами было крайне доброе и ласковое, так что впечатление об этом могло быть мне внушено только тем, что я слышал и видел от нас окружавших.

Я не помню времени переезда моего отца в Михайловский дворец, отъезд же нас, детей, последовал несколькими неделями позже, так как наши помещения не были еще окончены. Когда нас туда перевезли, то поместили временно всех вместе, в четвертом этаже, в анфиладе комнат, находившихся не на одинаковом уровне; довольно крутые лестницы вели из одной комнаты в другую. Отец часто приходил нас проводить, и я очень хорошо помню, что он был чрезвычайно весел. Сестры мои жили рядом с нами, и мы то и дело играли и катались по всем

комнатам и лестницам в санях, т. е. на опрокинутых креслах; даже моя матушка принимала участие в этих играх.

Наше помещение находилось над апартаментами отца, рядом с церковью; смежная комната была занята англичанкою Михаилой; затем следовала спальня, потом — комната брата, столовая была общая, моя спальня соответствовала спальне отца и находилась непосредственно над нею; потом шла угловая круглая комната, занятая сестрою Анною, за нами помещались сестры; за моей спальней находилась темная витая лестница, спускавшаяся в помещение отца. Помню, что всюду было очень сыро и что на подоконники клали свежее испеченный хлеб, чтобы уменьшить сырость. Всем было очень скверно и каждый сожалел о своем прежнем помещении, всюду слышались сожаления о старом Зимнем дворце.

Само собою разумеется, что все это говорилось шепотом и между собою, но детские уши часто умеют слышать то, чего им знать не следует и слышать лучше, чем это предполагать. Я помню, что тогда говорили об отводе Зимнего дворца под казарму; это возмущало нас, детей, более всего на свете.

Мы спускались регулярно к отцу в то время, когда он причесывался; это происходило в собственной его опочивальне; он тогда бывал в белом шлафроке и сидел в простенке между окнами. Мой старый Китаев, в форме камер-гусара, был его парикмахером, — он ему завивал букли. Нас, т. е. меня, Михаила и Анну впускали в комнату с нашими англичанками, и отец с удовольствием нами любовался, когда мы играли на ковре, покрывавшем пол этой комнаты.

Как только прическа была окончена, Китаев с шумом закрывал жестяную крышку от пудреницы, помещавшейся близ стула, на котором сидел мой отец, и стул этот отодвигался к камину; это служило сигналом камердинерам, чтобы войти в комнату и его одевать, а нам, — чтобы отправляться к матушке; там мы оставались некоторое время, играя перед большим трюмо, стоявшим между окнами, или же нас посылали играть в парадные комнаты; серебряная балюстрада, украшающая придворную церковь и в прежнее время окружавшая кровати большой опочивальни, была местом наших встреч и ее-то мы по преимуществу и избирали для лазания по ней.

Однажды вечером был концерт в большой столовой; мы находились у матушки; мой отец уже ушел, и мы смотрели в за-

мочную скважину, потом поднялись к себе и принялись за обычные игры. Михаил, которому было тогда три года, играл в углу один в стороне от нас; англичанки, удивленные тем, что он не принимает участие в наших играх, обратили на это внимание и задали ему вопрос: что он делает? он не колеблясь отвечал: «Я хороню своего отца»! Как ни малозначащи должны были казаться такие слова в устах ребенка, они тем не менее испугали нянек. Ему, само собою разумеется, запретили эту игру, но он тем не менее продолжал ее, заменяя слово отец — Семеновским гренадером. На следующее утро моего отца не стало. То, что я здесь говорю, есть действительный факт.

События этого печального дня сохранились также в моей памяти, как смутный сон; — я был разбужен и увидел перед собою графиню Ливен.

Когда меня одели, мы заметили окно, на подъемном мосту под церковью, караулы, которых не было накануне; тут был весь Семеновский полк в крайне небрежном виде. Никто из нас не подозревал, что мы лишились отца; нас повели вниз к моей матушке и вскоре оттуда мы отправились с нею, сестрами, Михаилом и графиней Ливен в Зимний дворец. Караул вышел во двор Михайловского дворца и отдал честь. Моя мать тотчас же заставила его молчать. Матушка моя лежала в глубине комнаты, когда вошел Император Александр в сопровождении Константина и князя Николая Ивановича Салтыкова; он бросился перед матушкой на колени, и я до сих пор еще слышу его рыдания. Ему принесли воды, а нас увели. Для нас было счастьем опять увидеть наши комнаты и, должен сказать по правде, наших деревянных лошадок, которых мы там забыли.

Сочинение В. К. Николая Павловича о Марке-Аврелии

Письмо к профессору морали Аделунгу 1813 г.

Ученическое произведение покойного государя, написанное в бытность его великим князем в 1813 г. и ныне печатаемое в «Русской Старине», составляет только один образчик из целой серии подобных упражнений, оригиналы которых мне довелось видеть и читать в архиве IV Отделения Собственной Его Вели-

чества Канцелярии, где они составляют папку значительного объема под общим названием: «Les études du grand duc Nicolas»¹.

Существование этой папки вместе с другою, такого же содержания и характера: «Les études du grand duc Michel»², мне пришлось открыть по следующему поводу.

Приглашенный к составлению истории с.-петербургского Воспитательного Дома по архивным источникам, я узнал случайно в 1871 г., что в архиве IV Отделения находится особый шкаф с бумагами, никем еще не разобранными, которые по смерти императрицы Марии Федоровны (в 1828 г.) были опечатаны в ее кабинете статс-секретарем Вилламовым и без описи сданы в архив IV Отделения. Так и оставались они там в течение 40 с лишком лет. Поработав несколько недель в неожиданно открывшихся мне сокровищах, — где было много материалов и для истории Воспитательных Домов, — я сделал им краткую опись, которую, помнится, и передал одному из лиц, служащих в IV Отделении.

Из этой описи видно, что в помянутом собрании бумаг сохранилось множество в высшей степени важных документов кроме вышеупомянутых вместе с огромною, занявшею несколько коробок, собственноручною перепискою знаменитой государыни. Так, например, здесь нашел я письма к императрице: Вязмитинова, Кутузова-Смоленского, Оленина, барона Николаи, Уварова и других значительных лиц той эпохи. Помнится, там же есть и краткий отчет Уварова об осмотре им, по поручению императрицы, московских институтов. Встречаются и собственноручные записки императора Александра Павловича, также как и письма к императрице от некоторых европейских дворов. Словом, все эти бумаги настолько любопытны и так живо знакомят нас с личностью императрицы, с ее общественными заботами и семейными интересами, что было бы вполне необходимо издать их особым сборником, хоть, например, под названием: «Кабинет императрицы Марии Федоровны». Русская история была бы от этого в явном выигрыше, а личность Марии Федоровны, — столь памятная в развитии филантропических и образовательных учреждений в России, — осветилась бы совершенно новым и вполне благоприятным для нее светом.

¹ Учебные занятия великого князя Николая (фр.).

² Учебные занятия великого князя Михаила (фр.).

Возвращаясь к сочинению Николая Павловича о Марке Аврелии, я должен заметить, что оно написано было по вызову профессора Аделунга, который, состоя преподавателем морали при великом князе (предмет этот заключался в чтении и разборе нравоучительных статей преимущественно исторического содержания), воспользовался с моральною целью «Похвальным словом Марку-Аврелию», прочтя его в подлиннике великому князю. Сочинение это носит следы стилистических поправок (над строками) профессора Аделунга и, как все учебные упражнения Николая Павловича, не избежало внимания заботливой матери, следившей изо дня в день за ходом занятий своих сыновей.

Не лишним будет прибавить, что «Похвальное Слово Марку-Аврелию» было переведено Фон-Визиным, и некоторые мысли, заимствованные отсюда, вложены автором «Недоросля» в уста Стародума, на что есть указания в статье моей в примечаниях, помещенных в последнем (1866 г.) издании «Сочинений Фон-Визина».

А. П. Пятковский

24-го января 1813 г.

Милостивый государь! Вы доставили мне удовольствие прочесть, на одном из ваших дополнительных уроков, похвальное слово Марку-Аврелию, соч. Томб, этот образчик возвышенного красноречия принес мне величайшее наслаждение, раскрыв предо мною все добродетели великого человека и показав мне в тоже время, сколько блага может сотворить добродетельный государь, с твердым характером. Позвольте мне, милостивый государь, возобновить перед вами уверения в моей благодарности за то, что вы пожелали познакомить меня с этим интересным и прекрасным произведением французского красноречия. Вы были так добры, что предложили мне написать сочинение по поводу прекрасного произведения Томб; я чувствую всю трудность этой работы, но буду вполне счастлив, если мне удастся преодолеть ее.

Томб изображает нам тот момент, когда пышная и торжественная процессия со смертными останками Марка-Аврелия, умершего в Виенне, приближается к Риму в невозмутимой тишине и мертвом молчании. Коммод, во главе населения всемирной столицы, выходит на встречу тела — своего отца и отца

народа. В этой толпе находился и воспитатель Марка-Аврелия, Аполлоний — человек редкой добродетели, безупречный по своей жизни. Остановив погребальное шествие, к удивлению всех присутствовавших, почтенный старец, обладавший величественной наружностью, произнес речь в честь Марка-Аврелия, в которой он, чтобы дать сильнее почувствовать всю горечь утраты, только что причиненной смертью необыкновенного государя, указал в беглом обзоре главнейшие черты его общественной и частной жизни. Самым замечательным в этой речи мне кажется то место, где Аполлоний, описывая физическое и нравственное воспитание Марка-Аврелия, говорит: «Он был деятелен и ловок во всех телесных упражнениях, что дало ему возможность впоследствии выносить все тягости войны; учился он также весьма старательно, так как понимал всю пользу этих занятий для своего будущего». Далее Аполлоний повествует о мудрости Марка-Аврелия как частного человека и в доказательство того, что этот государь чувствовал всю трудность управления своей обширной империей, сообщает, что в ту минуту, когда он получил известие о своем избрании на престол, он впал в задумчивость, а потом, бросившись на шею к своему учителю, просил у него советов, чтобы сделаться достойным выбора римлян. Затем автор, приводя размышления Марка-Аврелия об его двойных обязанностях, как человека и как члена общества, влагает в уста его следующую речь:

«Я пришел к мысли, что люди смыкаются в общества по велению самой природы. С этой минуты я смотрел на себя с двух точек зрения: прежде всего я видел, что составляю лишь ничтожную частицу вселенной, поглощенную целым, увлеченную общим движением, которое охватывает собой все живущее; затем я представлял себя как бы отделенным от этого безмерного целого и соединенным с человечеством посредством особого союза. Как частица вселенной, ты обязан, Марк-Аврелий, принимать безропотно все, что предписывает мировой порядок; отсюда рождается твердость в перенесении зол и мужество, которое есть не что иное, как покорность сильной души. Как член общества, ты должен приносить пользу человечеству: отсюда возникают обязанности друга, мужа, отца, гражданина. Переносить то, что предписывается законами естества, исполнять то, что требуется от человека по существу его природы: вот два руководящих правила в твоей жизни. Тогда я уразумел, что назы-

вается добродетелью, и уже не боялся более сбиться с прямого пути».

Далее, сообразив свои обязанности, как государя, и изумившись тяжести их, Марк-Аврелий говорит о себе:

«Испуганный моими обязанностями, я захотел познать средства к их выполнению, — и мой ужас удвоился. Я видел, что мой долг превышал силы одного человека, а мои способности не выходили из размера этих сил.

Для выполнения таких обязанностей нужно было бы, чтобы взор государя мог обнять все, что совершается на огромнейших расстояниях от него, чтобы все его государство было сосредоточено в одном пункте пред его мысленным оком. Нужно было бы, чтобы до его слуха достигали все стоны, все жалобы и вопли его подданных; чтобы его сила действовала так же быстро, как и его воля, для подавления и истребления всех врагов общественного блага. Но государь так же слаб в своей человеческой природе, как и последний из его подданных. Между правдою и тобою, Марк-Аврелий, воздвигнутся горы, создадутся моря и реки; часто от этой правды ты будешь отделен только стенами твоего дворца, — и она все-таки не пробьется сквозь них. Помощь, тебе оказанная, не слишком пособит твоей слабости. Дело, доверенное чужим рукам, или идет медленно, или уторопляется, или извращается в самой своей задаче. Ничто не исполняется согласно с замыслом государя; ничто не доходит до него в надлежащем виде: добро преувеличивается, зло — прикрывается, преступление — оправдывается, и государь, всегда слабый или обманутый, всегда подверженный влиянию заблуждений или измены тех лиц, которые поставлены им затем, чтобы все видеть и слышать, — постоянно колеблется между невозможностью знать и необходимостью действовать».

Правление этого государя вполне подтверждает, что он не говорил пустых фраз, но действовал по плану, глубоко и мудро обдуманному, никогда не отступая от принятого пути. Я предполагал было, милостивый государь, поговорить об ораторской отделке этой речи; но опасаясь растянутости и думая, что для моей цели достаточно двух приведенных отрывков, — скажу в заключение этого сочинения, что я писал его с величайшим сочувствием к личности государя, вполне достойного удивления и подражания.

Свидетельствуя вам еще раз мою признательность, остаюсь, милостивый государь, с особенным к вам почтением и пр.

Заметка Аделунга

С чувством живейшего удовольствия я узнаю в этом сочинении и силу впечатления, произведенного на великого князя «Похвальным словом Марку-Аврелию», и старание, которое приложил он, чтобы достойным образом передать свое впечатление.

Записки Николая I

Часто собирался я положить на бумагу краткое повествование тех странных обстоятельств, которые ознаменовали время кончины покойного моего благодетеля императора Александра и мое вступление на степень, к которой столь мало вели меня и склонности и желания мои; степень, на которую я никогда не готовился и, напротив, всегда со страхом взирал, глядя на тяжесть бремени, лежавшего на благодетеле моем, коему посвящено было все его время, все его познания, и за которое столь мало стяжал благодарности, по крайней мере при жизни своей! Меня удерживало чувство, которое и теперь с трудом преодолеваю — боязнь быть дурно понятым. Я пишу не для света, — пишу для детей своих; желаю, чтоб до них дошло в настоящем виде то, чему был я свидетель. Решаюсь на сие для того, что испытываю уже после шести лет, сколь время изглаживает истину и память таких дел и обстоятельств, кои важны, ибо дают настоящее объяснение причинам или поводам происшествий, от коих зависит участь, даже жизнь людей, более, честь их, скажу даже — участь царств. — Буду говорить, как сам видел, чувствовал — от чистого сердца, от прямой души: иного языка не знаю.

1

Лишившись отца, остался я невступно пяти лет; покойная моя родительница, как нежнейшая мать, пеклась об нас двух с братом Михаилом Павловичем, не щадя ничего, дабы дать нам

воспитание, по ее убеждению, совершенное. Мы поручены были как главному нашему наставнику генералу графу Ламздорфу, человеку, пользовавшемуся всем доверием матушки; но кроме его находились при нас 6 других наставников, кои, дежуря посуточно при нас и сменяясь попеременно у нас обоих, носили звание кавалеров. Сей порядок имел последствием, что из них иного мы любили, другого нет, но ни который без исключения не пользовался нашей доверенностью, и наши отношения к ним были более основаны на страхе или большей или меньшей смелости. Граф Ламздорф умел вселить в нас одно чувство — страх, и такой страх и уверение в его всемогуществе, что лицо матушки было для нас второе в степени важности понятий. Сей порядок лишил нас совершенно счастья сыновнего доверия к родительнице, к которой допускаемы мы были редко одни, и то никогда иначе, как будто на приговор. Беспрестанная перемена окружающих лиц вселила в нас с младенчества привычку искать в них слабые стороны, дабы воспользоваться ими в смысле того, что по нашим желаниям нам нужно было, и должно признать, что не без успеха.

Генерал-адъютант Ушаков был тот, которого мы более всех любили, ибо он с нами никогда сурово не обходился, тогда как гр. Ламздорф и другие, ему подражая, употребляли строгость с запальчивостью, которая отнимала у нас и чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а часто и незаслуженное. Одним словом — страх и искание, как избежать от наказания, более всего занимали мой ум.

В учении видел я одно принуждение и учился без охоты. Меня часто, и я думаю не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко гр. Ламздорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков.

Таково было мое воспитание до 1809 года, где приняли другую методику. Матушка решилась оставаться зимовать в Гатчине, и с тем вместе учение наше приняло еще более важности: все время почти было обращено на оное. Латинский язык был тогда главным предметом, но врожденная неохота к оному, в особенности от известности, что учимся сему языку для посылки со временем в Лейпцигский университет, сделала сие учинение¹ напрасным. Успехов я не оказывал, за что часто строго был нака-

¹ Так в оригинале.

зываем, хотя уже не телесно. Математика, потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика привлекали меня исключительно; успехи по сей части оказывал я особенные, и тогда я получил охоту служить по инженерной части.

Мы редко видали государя Александра Павловича, но всегда любили его, как ангела своего покровителя, ибо он к нам всегда был особенно ласков. Брата Константина Павловича видали мы еще реже, но столь же сердечно любили, ибо он как будто входил в наше положение, имев гр. Ламздорфа кавалером в свое младенчество.

Наконец настал 1812 год; сей роковой год изменил и наше положение. Мне минуло уже 16 лет, и отъезд государя в армию был для нас двоих ударом жестоким, ибо мы чувствовали сильно, что и в нас бились русские сердца и душа наша стремилась за ним! Но матушке неугодно было даровать нам сего счастья. Мы остались, но все приняло округ нас другой оборот; всякий помышлял об общем деле; и нам стало легче. Все мысли наши были в армии, ученье шло, как могло, среди беспрестанных тревог и известий из армии. Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа. Наступил 1813 год, и мне минуло 17 лет; но меня не отпускали. В это время в первый раз случайно узнал я от сестры Анны Павловны, с которой мы были очень дружны, что государь, быв в Шлезии, видел семью короля прусского, что старшая дочь его принцесса Шарлотта ему понравилась, и что в намерениях его было, чтоб мы когда-нибудь с ней увиделись.

Наконец, неотступные наши просьбы и пример детей короля прусского подействовали на матушку, и в 1814 году получили мы дозволение отправиться в армию. Радости нашей, лучше сказать сумасшествия, я описать не могу; мы начали жить и точно перешагнули одним разом из ребячества в свет, в жизнь.

7-го февраля отправились мы с братом Михаилом Павловичем в желанный путь. Нас сопровождал гр. Ламздорф и из кавалеров, при нас бывших, Саврасов, Ушаков, Арсеньев и Алединский, равно инженерный полковник Джанотти¹, военный наш наставник. Мы ехали не по нашему желанию, но по при-

¹ В рукописи — Жианноти.

хотливым распоряжениям гр. Ламздорфа, который останавливался, где ему вздумывалось, и таким образом довез нас в Берлин чрез 17 дней! Тяжелое испытание при нашем справедливом терпении! Тут, в Берлине, провидением назначено было решиться счастием¹ всей моей будущности: здесь увидел я в первый [раз]² ту, которая по собственному моему выбору с первого раза возбудила во мне желание принадлежать ей на всю жизнь; и Бог благословил сие желание шестнадцатилетним семейным блаженством.

Пробыв одни сутки в Берлине, повезли нас с теми же расстановками чрез Лейпциг, Веймар, где мы имели свидание с сестрой Марией Павловной, потом далее на Франкфурт-на-Майне. Здесь, несмотря на быстрые успехи армий наших, отнимавшие у нас надежду поспеть еще к концу кампании, те же нас встретили остановки, и терпение наше страдало несколько дней. Наконец повезли нас на Бруксаль, где жила тогда императрица Елисавета Алексеевна, на Раштад, Фрейбург, в Базель. Здесь слышали мы первые неприятельские выстрелы, ибо австрийцы с баварцами осаждали близлежащую крепость Гюнинген. Наконец, въехали мы чрез Альткирх в пределы Франции и достигли хвоста армий в Везуле в то самое время, когда Наполеон сделал большое движение на левый наш фланг. В этот роковой для нас день прибывший флигель-адъютант Клейнмихель к состоявшему при нас генерал-адъютанту Коновницыну, высланному к нам навстречу во Франкфурт, привез нам государево повеление возвратиться в Базель.

Можно себе вообразить наше отчаяние!

Повезли нас обратно той же дорогой в Базель, где мы прожили более двух недель и съездили в Шафгаузен и Цюрих, вместо столь желанного нахождения при армии, при лице государя. Хотя сему уже прошло 18 лет, но живо еще во мне то чувство грусти, которое тогда нами одолело и в век не изгладится. Мы в Базеле узнали, что Париж взят, и Наполеон изгнан на остров Эльбу. Наконец получено приказание нам прибыть в Париж, и мы отправились на Кольмар, Нанси, Шалон и Мо.

¹ Первоначально — «участи», затем исправлено «счастію».

² Пропущено в оригинале.

О наследии после императора Александра I

В лето 1819-го года находился я в свою очередь с командую-
мою мной тогда 2-й гвардейской бригадой в лагере под Крас-
ным Селом. Пред выступлением из оного было моей бригаде
линейное ученье, кончившееся малым маневром в присутствии
императора. Государь был доволен и милостив до крайности.
После ученья пожаловал он к жене моей обедать; за столом мы
были только трое. Разговор во время обеда был самый друже-
ский, но принял вдруг самый неожиданный для нас оборот, по-
трясший навсегда мечту нашей спокойной будущности. Вот в
коротких словах смысл сего достопамятного разговора.

Государь начал говорить, что он с радостью видит наше се-
мейное блаженство (тогда был у нас один старший сын Алек-
сандр, и жена моя была беременна старшей дочерью Мариею);
что он счастья сего никогда не знал, вина себя в связи, кото-
рую имел в молодости; что ни он, ни брат Константин Павло-
вич не были воспитаны так, чтоб уметь ценить с молодости сие
счастье; что последствия для обоих были¹, что ни один, ни дру-
гой не имели детей, которых бы признать могли, и что сие чув-
ство самое для него тяжелое. Что он чувствует, что силы его
ослабевают; что в нашем веке государям, кроме других качеств,
нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и
постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтоб
по совести исполнять свой долг, как он его разумеет; и что по-
тому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правле-
ния с той минуты, когда почувствует сему время. Что он не-
однократно о том говорил брату Константину Павловичу, кото-
рый, быв одних с ним почти лет, в тех же семейных
обстоятельствах, притом имея природное отвращение к сему ме-
сту, решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем бо-
лее что они оба видят в нас знак благодати Божией, дарован-
ного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы
призываемся на сие достоинство.

Мы были поражены как громом. В слезах, в рыдании от сей
ужасной неожиданной вести мы молчали! Наконец государь,

¹ Вычеркнуто — «те».

видя, какое глубокое, терзающее впечатление слова его произвели, сжалился над нами и с ангельскою, ему одному свойственною ласкою начал нас успокаивать и утешать, начав с того, что минута сему ужасному для нас перевороту еще не настала и не так скоро настанет, что может быть лет десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкать к сей будущности неизбежной.

Тут я осмелился ему сказать, что я себя никогда на это не готовил и не чувствую в себе сил, ни духу на столь великое дело; что одна мысль, одно желание было — служить ему изо¹ всей души, и сил, и разумения моего в кругу поручаемых мне должностей; что мысли мои даже дальше не достигают.

Дружески отвечал мне он, что когда вступил на престол, он в том же был положении; что ему было тем еще труднее, что нашел дела в совершенном запущении от совершенного отсутствия всякого основного правила и порядка в ходе правительственных дел; ибо хотя при императрице Екатерине в последние годы порядку было мало, но все держалось еще привычками; но при восшествии на престол родителя нашего совершенное изменение прежнего вошло в правило: весь прежний порядок нарушился, не заменяясь ничем. Что с восшествия на престол государя по сей части много сделано к улучшению, и всему дано законное течение; и что потому я найду все в порядке, который мне останется только удерживать.

Кончился сей разговор; государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается² под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться. Вот — совершенное изображение нашего ужасного положения.

С тех пор часто государь в разговорах намекал нам про сей предмет, но не распространяясь более об оном; а мы всячески старались избегать одного. Матушка с 1822-го года начала нам про то же говорить, упоминая о каком-то акте, который будто бы братом Константином Павловичем был учинен для отрече-

¹ Первоначально было написано — «от».

² Зачеркнуто «открывается».

ния в нашу пользу, и спрашивала, не показывал ли нам оный государь.

Весной 1825-го [года]¹ был здесь принц Оранский; ему государь открыл свои намерения, и на друга моего сделали они то же ужасное впечатление. С пламенным сердцем старался он сперва на словах, потом письменно доказывать, сколь мысль отречения от правления могла быть пагубна для империи; какой опасный пример подавала в наш железный век, где каждый шаг принимают предпочтительно с дурной стороны. Все было напрасно; милостиво, но твердо отверг государь все моления благороднейшей души.

Наконец настала осень 1825-го года, с нею — и отъезд государя в Таганрог. 30-го августа был я столь счастлив, что государь взял меня с собою в коляску, ехав и возвращаясь из Невского монастыря. Государь был пасмурен, но снисходителен до крайности. В тот же день я должен был ехать в Бобруйск на инспекцию; государь меня предварил, что хотел нам приобрести и подарить Мятлеву дачу, но что просили цену несбыточную, и что он, по желанию нашему, жалует нам место близ Петергофа, где ныне дача жены моей Александрия.

Обед был в новом дворце брата Михаила Павловича, который в тот же день был освящен. Здесь я простился навсегда с государем, моим благодетелем, и с императрицею Елисаветой Алексеевной.

Дабы сделать яснее то, что мне описать остается, нужно мне сперва обратиться к другому предмету.

До 1818-го года не был я занят ничем; все мое знакомство с светом ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате, где, подобно бирже, собирались ежедневно в 10 часов все генерал-адъютанты, флигель-адъютанты, гвардейские и приезжие генералы и другие знатные лица, имевшие допуск к государю. В сем шумном собрании проходили² мы час, иногда и более, доколь не призывался к государю военный генерал-губернатор с комендантом и вслед за сим все генерал-адъютанты и адъютанты с рапортами и мы с ними, и представлялись фельдфебели и вестовые. От нечего делать вошло в привычку, что в сем собрании делались дела по гвардии, но большею

¹ «года» пропущено в оригинале.

² Так в оригинале.

частью время проходило в шутках и насмешках насчет ближнего; бывали и интриги. В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя начальников, ни правительство.

Долго я видел и не понимал; сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял; многих узнал — и в редком обманулся. Время сие было потерей временно¹, но и драгоценной практикой для познания людей и лиц, и я сим воспользовался.

Осенью 1818-го года государю угодно было сделать мне милость, назначив командиром 2-й бригады 1-й гвардейской дивизии, т. е. Измайловским и Егерским полками. За несколько пред тем месяцев вступил я в управление Инженерною частию.

Только что вступил я в командование бригады, государь, императрица и матушка уехали в чужие края; тогда был конгресс в Ахене. Я остался с женой и сыном одни в России из всей семьи. Итак, при самом моем вступлении в службу, где мне наиболее было иметь наставника, брата благодетеля, оставлен был я один с пламенным усердием, но с совершенною неопытностью.

Я начал знакомиться с своей командой и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю моего государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила оной были в нас твердо влиты. Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде даже моими начальниками. Положение было самое трудное; действовать иначе было противно моей совести и долгу; но сим я явно ставил и начальников и подчиненных против себя, тем более что меня не знали, и многие или не понимали или не хотели понимать.

Корпусом начальствовал тогда генерал-адъютант Васильчиков; к нему я прибег, ибо ему поручен был как начальнику покойной матушкой. Часто изъяснял ему свое затруднение, он входил в мое положение, во многом соглашался и советами исправлял мои понятия. Но сего не доставало, чтоб поправить дело; даже решительно сказать можно — не зависело более от

¹ Так в оригинале.

генерал-адъютанта Васильчикова исправить порядок службы, распущенный, испорченный до невероятности с самого 1814 года, когда, по возвращении из Франции, гвардия осталась в продолжительное отсутствие государя под начальством графа Милорадовича. В сие-то время и без того уже расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и к довершению всего дозволена была офицерам носка фраков. Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день.

В сем-то положении застал я и свою бригаду, хотя с малыми оттенками, ибо сие зависело и от большей или меньшей строгости начальников. По мере того как начинал я знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в прочих полках, я возымел мысль, что под сим, т. е. военным распутством, крылось что-то важнее; и мысль сия постоянно у меня оставалась источником строгих наблюдений. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три¹ разбора: на искренно усердных и знающих; на добрых малых, но запущенных и оттого не знающих; и на решительно дурных, т. е. говорунов дерзких, ленивых и совершенно вредных; на сих-то последних налег я без милосердия и всячески старался оных избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь чрез все полки и в обществе имели покровителей², коих сильное влияние оказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне отплачивалось.

Государь возвратился из Ахена в конце года, и тогда в первый раз удостоился я доброго отзыва моего начальства и милостивого слова моего благодетеля, которого один благосклонный изгляд вселял бодрость и счастье. С новым усердием я принялся за дело, но продолжал видеть то же округ себя, что меня изумляло и чему я тщетно искал причину.

¹ Первоначально было написано — «два», затем исправлено на «три».

² Зачеркнуто: «протекторов».

Надо было решиться — или оставаться мне в совершенном бездействии, отстранясь от всякого участия в делах, до коих в строгом смысле службы, как говорится, мне дела не было, или участвовать в них и почти направлять тех людей, в руках коих, по званию их, власть находилась. В первом случае, соблюдая форму, по совести я бы грешил, попуская делам искажаться может быть безвозвратно, и тогда бы я заслужил в полной мере название эгоиста. Во втором случае — я жертвовал собою с убеждением быть полезным отечеству и тому, которому я присягнул. Я не усомнился, и влечение внутреннее решило мое поведение. Одно было трудно: я должен был скрывать настоящее положение дел от мнительности матушки, от глаз окружающих, которых любопытство предугадывало истину. Но с твердым упованием на милость Божию я решился действовать, как сумею.

Город казался тих; так, по крайней мере, уверял граф Милорадович, уверяли и те немногие, которые ко мне хаживали, ибо я не считал приличным показываться и почти не выходил из комнат. Но в то же время бунтовщики были уже в сильном движении, и непонятно, что никто сего не видел. Оболенский, бывший тогда адъютантом у генерала Бистрома, командовавшего всею пехотой гвардии, один из злейших заговорщиков, ежедневно бывал во дворце, где тогда обычай был собираться после развода в так называемой Конно-Гвардейской комнате. Там, в шуме сборища разных чинов офицеров и других, ежедневно приезжавших во дворец узнавать о здоровье матушки, но еще более приезжавших за новостями, с жадностью Оболенский подхватывал все, что могло быть полезным к успеху заговора, и сообщал соумышленникам узнанное. Сборища их бывали у Рыльева. Другое лицо, изверг во всем смысле слова, Якубовский¹ в то же время умел хитростью своею и некоторою наружностью смельчака

¹ Так в оригинале.

втереться в дом графа Милорадовича и, уловив доброе сердце графа, снискать даже некоторую его к себе доверенность. Чего Оболенский не успевал узнать во дворце, то Якубовский извещивал от графа, у которого, как говорится, часто с е р д ц е б ы л о н а я з ы к е.

Мы были в ожидании ответа Константина Павловича на присягу, и иные ожидали со страхом, другие — и я смело ставлю себя в число последних — со спокойным духом, что он велит. В сие время прибыл Михаил Павлович. Ему вручил Константин Павлович свой ответ в письме к матушке и несколько слов ко мне. Первое движение всех — а справедливое нетерпение сие извиняло — было броситься во дворец; всякий спрашивал, присягнул ли Михаил Павлович.

— Нет, — отвечали приехавшие с ним.

Матушка заперлась с Михаилом Павловичем; я ожидал в другом покое — и точно ожидал решения своей участи¹. Минута неизъяснимая. Наконец дверь отперлась, и матушка мне сказала:

— Eh bien, Nicolas, prosternez vous² devant votre frère, car il est respectable et sublime dans son inaltérable détermination de vous abandonner le trône³.

Признаюсь, мне слова сии было тяжело слушать, и я в том винюсь; но я себя спрашивал, кто большую приносит из нас двух жертву: тот ли, который отвергал наследство отцовское под предлогом своей неспособности и который, раз на сие решившись, повторял только свою неизменную волю и остался в том положении, которое сам себе создал сходно всем своим желаниям, — или тот, который, вовсе не готовившийся на звание, на которое по порядку природы не имел никакого права, которому воля братняя была всегда тайной, и который неожиданно, в самое тяжелое время и в ужасных обстоятельствах должен был жертвовать всем, что ему было дорого, дабы покориться воле другого? Участь страшная, и смею думать и ныне, после 10 лет, что жертва моя была в моральном, в справедливом смысле гораздо тягче.

Я отвечал матушке:

¹ Первоначально: «своего жеребья».

² Первоначально: prosternez vous à genoux.

³ Ну, Николай, преклонитесь перед вашим братом: он заслуживает почтения и высок в своем неизменном решении представить вам трон (фр.).

— Avant que de me prosterner, maman, veuillez me permettre de savoir pourquoi je devrais le faire, car je ne sais lequel des sacrifices est le plus grand: de celui qui refuse ou de celui qui accepte en pareilles circonstances!¹

Нетерпение всех возростало и дошло до крайности, когда догадывались по продолжительности нашего присутствия у матушки, что дело еще не решилось. Действительно, брат Константин Павлович прислал ответ на письмо матушки хотя и официально, но на присягу, ему данную, не было ответа, ни манифеста, словом ничего, что бы в лице народа могло служить актом удостоверения, что воля его непременна, и отречение, оставшееся при жизни императора Александра тайною для всех, есть и ныне непременной его волей. Надо было решить, что делать, как выйти из затруднения, опаснейшего в своих последствиях, и которым, как увидим ниже, заговорщики весьма хитро воспользовались.

После долгих прений я остался при том мнении, что брату должно было объявить манифестом, что, оставаясь непреклонным в решимости, им уже освященной отречением, утвержденным духовной императора Александра, он повторяет оное и ныне, не принимая данной ему присяги. Сим, казалось мне, торжественно утверждалась воля его и отымался² всякая возможность к усумлению.

Но брат избрал иной способ: он прислал письмо официальное к матушке, другое — ко мне, и, наконец, род выговора князю Лопухину как председателю Государственного Совета. Содержание двух первых актов известно; вкратце содержали они удостоверение в неизменной его решимости, и в письме к матушке упоминалось, что решение сие в свое время получило ее согласие. В письме, ко мне писанном как к императору, упоминалось только в особенности о том, что его высочество просил оставить его при прежде занимаемом им месте и звании.

Однако удалось мне убедить матушку, что одних сих актов без явной опасности публиковать нельзя, и что должно непременно стараться убедить брата прибавить к тому другой в виде ма-

¹ Прежде чем преклоняться, позвольте мне, матушка, узнать, почему я это должен сделать, ибо я не знаю, чья из двух жертв больше: того ли, кто отказывается (от трона), или того, кто принимает (его) при подобных обстоятельствах (*фр.*).

² Так в рукописи; первоначально было «отымались».

нифеста, с изъяснением таким, которое было¹ развязывало от присяги, ему данной. Матушка и я, мы убедительно о том писали к брату; и фельдъегерский офицер Белоусов отправлен с сим. Между тем решено было нами акты сии хранить у нас в тайне.

Но как было изъяснить наше молчание пред публикой? Нетерпение и неудовольствие были велики и весьма извинительны. Пошли догадки, и в особенности обстоятельство неприсяги Михаила Павловича навело на всех сомнение, что скрывают отречение Константина Павловича. Заговорщики решили сие же самое употребить орудием для своих замыслов. Время сего ожидания можно считать настоящим междуцарствием, ибо повелений от императора, которому присяга принесена была, по расчету времени должно было получать, — но их не приходило; дела останавливались совершенно; все было в недоумении, и к довершению всего известно было, что Михаил Павлович отъехал уже тогда из Варшавы, когда и кончина императора Александра и присяга Константину Павловичу там уже известны были. Каждый извлекал из сего, что какое-то особенно важное обстоятельство препятствовало к восприятию законного течения дел, но никто не догадывался настоящей причины.

Однако дальнейшее присутствие Михаила Павловича становилось тягостным и для него, и для нас всех, и потому решено было ему выехать будто в Варшаву, под предлогом успокоения брата Константина Павловича насчет здоровья матушки, и остановиться на станции Неннале, дабы удалиться от беспрестанного принуждения, и вместе с тем для остановки по дороге всех тех, кои, возвращаясь из Варшавы, могли повестить в Петербурге настоящее положение дел. Сия же предосторожность принудила останавливать все письма, приходившие из Варшавы; и эстафет, еженедельно приходивший с бумагами, из канцелярии Константина Павловича приносим был ко мне. Бумаги, не терпящие отлагательств, должен был я лично вручать у себя тем, к коим адресовались, и просить их вскрывать в моем присутствии. Положение самое несносное!

Так прошло 8 или 9 дней. В одно утро, часов в 6 был я разбужен внезапным приездом из Таганрога лейб-гвардии Измайловского полка полковника барона Фредерикса, с пакетом «о

¹ Так в оригинале.

самонужнейшем» от генерала Дибича, начальника Главного Штаба, и адресованным в собственные руки императору!

Спросив полковника Фредерикса, знает ли он содержание пакета, получил в ответ, что ничего ему неизвестно, но что такой же пакет послан в Варшаву, по неизвестности в Таганроге, где находился государь. Заключив из сего, что пакет содержит обстоятельство особой важности, я был в крайнем недоумении, на что мне решиться. Вскрыть пакет на имя императора — был поступок столь отважный, что решиться на сие казалось мне последнею крайностью, к которой одна необходимость могла принудить человека, поставленного в самое затруднительное положение, и — пакет вскрыт!

Пусть изобразят себе, что должно было произойти во мне, когда, бросив глаза на включенное письмо от генерала Дибича, увидел я, что дело шло о существующем и только что открытом пространном заговоре, которого отрасли распространялись чрез всю империю, от Петербурга на Москву и до второй армии в Бессарабии.

Тогда только почувствовал я в полной мере всю тягость своей участи и с ужасом вспомнил, в каком находился положении. Должно было действовать, не теряя ни минуты, с полною властью, с опытностью, с решимостью — я не имел ни власти, ни права на оную; мог только действовать чрез других, из одного доверия ко мне обращавшихся, без уверенности, что совету моему последуют; и притом чувствовал, что тайну подобной важности должно было наитщательнейше скрывать от всех, даже от матушки, дабы ее не испугать, или преждевременно заговорщикам не открыть, что замыслы их уже не скрыты от правительства. К кому мне было обратиться — одному, совершенно одному без совета!

Граф Милорадович казался мне, по долгу его звания, первым, до сведения которого содержание сих известий довести должно было, князь Голицын, как начальник почтовой части и доверенное лицо императора Александра, казался мне вторым. Я их обоих пригласил к себе, и втроем принялись мы за чтение приложений к письму. Писанные рукою генерал-адъютанта графа Чернышева для большей тайны, в них заключалось изложение открытого обширного заговора, чрез два разных источника: показаниями юнкера Шервуда, служившего в Чугуевском военном поселении, и открытием капитана Майбороды, служившего в

тогдашнем 3-м пехотном корпусе. Известно было, что заговор касается многих лиц в Петербурге и наиболее в Кавалергардском полку, но в особенности в Москве, в главной квартире 2-й армии и в части войск, ей принадлежащих, а также в войсках 3-го корпуса. Показания были весьма неясны, неопредетельны; но, однако, еще за несколько дней до кончины своей покойный император велел генералу Дибичу, по показаниям Шервуда, послать полковника лейб-гвардии Измайловского¹ полка Николаева взять известного Вадковского, за год выписанного из Кавалергардского полка. Еще более ясны были подозрения на главную квартиру 2-й армии, и генерал Дибич уведомлял, что вслед за сим решился послать графа Чернышева в Тульчин, дабы уведомить генерала Витгенштейна о происходящем и арестовать князя С. Волконского, командовавшего бригадой, и полковника Пестеля, в оной бригаде командовавшего Вятским полком.

Подобное извещение, в столь затруднительное и важное время, требовало величайшего внимания, и решено было узнать, кто из поименованных лиц в Петербурге, и не медля их арестовать; а как о капитане Майбороде ничего не упоминалось, а должно было полагать, что чрез него получатся еще важнейшие сведения, то решился граф Милорадович послать адъютанта своего генерала Мантейфеля к генералу Роту, дабы, приняв Майбороду, доставить в Петербург. Из петербургских заговорщиков по справке никого не оказалось налицо: все были в отпуску, а именно — Свистунов, Захар Чернышев и Никита Муравьев, что более еще утверждало справедливость подозрений, что они были в отъезде для съезда, как в показаниях упоминалось. Граф Милорадович должен был верить столь ясным уликам в существовании заговора и в вероятном участии и других лиц, хотя об них не упоминалось; он обещал обратить все внимание полиции, но все осталось тщетным и в прежней беспечности.

Наконец наступил роковой для меня день. По обыкновению обедали мы вдвоем с женой, как приехал Белоусов. Вскрыв письмо брата, удостоверился я с первых строк, что участь моя решена, — но что единому Богу известно, как воля Константина Павловича исполнится, ибо вопреки всем нашим убеждениям решительно отказывал в новом акте, упираясь на то, что, не признавая себя императором, отвергая присягу, ему данную

¹ Николаев был полковником лейб-гвардии казачьего полка.

как такую, которая неправильно ему принесена была, не считает себя вправе и не хочет другого изречения непреклонной своей воли, как обнаружение духовной императора Александра и приложен(ного)¹ к оному акта отречения своего от престола. Я предчувствовал, что, повинувшись воле братней, иду на гибель, но нельзя было иначе, и долг повелевал сообразить единственно, как исполнить сие с меньшею опасностью недоумений и ложных наветов. Я пошел к матушке и нашел ее в том же убеждении, но довольною, что наступил конец нерешимости.

Изготовив в скорости проект манифеста, призвал я к себе М. М. Сперанского и ему поручил написать таковой, придерживаясь моих мыслей; положено было притом публиковать духовную императора Александра, письмо к нему Константина Павловича с отречением и два его же письма— к матушке и ко мне как к императору.

(Прибавить о Ростовцеве)².

В сих занятиях прошел вечер 12 декабря. Послано было к Михаилу Павловичу, дабы его воротить, и надежда оставалась, что он успеет воротиться на другой день, т. е. в воскресенье 13-го числа. Между тем весть о приехавшем фельдъегере распространилась по городу, и всякий убедился в том, что подозрения обратились в истину.

Гвардией командовал генерал Воинов, человек почтенный и храбрый, но ограниченных способностей и не успевший приобрести никакого веса в своем корпусе. Призвав его к себе, поставил его в известность воли Константина Павловича и условился, что на другой же день, т. е. в понедельник, соберет ко мне всех генералов и полковых командиров гвардии, дабы лично мне им объяснить весь ход происходившего в нашей семье и поручить им растолковать сие ясным образом своим подчиненным, дабы не было предлога к беспорядку. Требован был также ко мне митрополит Серафим для нужного предварения и, наконец, князь Лопухин, с которым условлено было собрать Совет к 8 часам вечера, куда я намерен был явиться вместе с братом Михаилом Павловичем как личным свидетелем и вестником братней воли.

¹ Конец слова написан неразборчиво.

² Вписано между строк.

Но Богу угодно было повелеть иначе. Мы ждали Михаила Павловича до половины одиннадцатого ночи, и его не было. Между тем весь город знал, что Государственный Совет собран, и всякий подозревал, что настала решительная минута, где томительная неизвестность должна кончиться. Нечего было делать, и я должен был следовать один.

Тогда Государственный Совет собирался в большом покое, который ныне служит гостиной младшим моим дочерям. Подойдя к столу, я сел на первое место, сказав:

— Я выполняю волю брата Константина Павловича.

И вслед затем начал читать манифест о моем восшествии на престол. Все встали¹, и я также. Все слушали в глубоком молчании и по окончании чтения глубоко мне поклонились, при чем отличился Н. С. Мордвинов, против меня бывший, всех первый вскочивший и ниже прочих отвесивший поклон, так что оно мне странным показалось.

Засим должен был я прочесть отношение Константина Павловича к князю Лопухину, в котором он самым сильным образом выговаривал ему, что ослушался будто воли покойного императора Александра, отослав к нему духовную и акт отречения и принеся ему присягу, тогда как на сие права никто не имел.

Кончив чтение, возвратился я в занимаемые мною комнаты, где ожидали меня матушка и жена. Был 1-й час и понедельник, что многие считали дурным началом. Мы проводили матушку на ее половину, и хотя не было еще объявлено о моем вступлении, комнатные люди матушки с ее разрешения нас поздравляли.

Во внутреннем конно-гвардейском² карауле стоял в то время князь Одоевский, самый бешеный заговорщик, но никто сего не знал; после только вспомнили, что он беспрестанно расспрашивал придворных служителей о происходящем. Мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждого совесть была чиста, и мы от глубины души предались Богу.

Наконец наступило 14-ое декабря, роковой день! Я встал рано и, одевшись, принял генерала Воинова; потом вышел в залу нынешних покоев Александра Николаевича, где собраны были все генералы и полковые командиры гвардии. Объяснив³ им сло-

¹ В оригинале — «стали».

² В оригинале — «кон. гвард.».

³ Так в оригинале.

весно, каким образом, по непременной воле Константина Павловича, которому незадолго вместе с ними я присягал, нахожусь ныне вынужденным покориться его воле и принять престол, к которому, за его отречением, нахожусь ближайшим в роде; засим прочитал им духовную покойного императора Александра и акт отречения Константина Павловича. Засим, получив от каждого уверение в преданности и готовности жертвовать собой, приказал ехать по своим командам и привести к присяге.

От двора поведено было всем, имеющим право на приезд, собраться во дворец к 11 часам. В то же время Синод и Сенат собирались в своем месте для присяги.

Вскоре засим прибыл ко мне граф Милорадович с новыми уверениями совершенного спокойствия. Засим был я у матушки, где его снова видел, и воротился к себе. Приехал генерал Орлов, командовавший конной гвардией, с известием, что полк принял присягу; поговорив с ним довольно долго, я его отпустил. Вскоре за ним явился ко мне командовавший гвардейской артиллерией генерал-майор Сухозанет с известием, что артиллерия присягнула, но что в гвардейской конной артиллерии офицеры оказали сомнение в справедливости присяги, желая сперва слышать удостоверение сего от Михаила Павловича, которого считали удаленным из Петербурга, как будто из несогласия его на мое вступление. Многие из сих офицеров до того вышли из повиновения, что генерал Сухозанет должен был их всех арестовать. Но почти в сие же время прибыл наконец Михаил Павлович, которого я просил сейчас же отправиться в артиллерию для приведения заблудших в порядок.

Спустя несколько минут после сего, явился ко мне генерал-майор Нейдгарт, начальник штаба гвардейского корпуса, и взойдя ко мне совершенно в расстройстве, сказал:

— Sire, le régiment de Moscou est en pleine insurrection; Chenchin et Frederichs (тогдашний бригадный и полковой командиры) sont grièvement blessés, et les mutins marchent vers le Sénat, j'ai à peine pu les dévancer pour vous le dire. Ordonnez, de grâce, au 1-er bataillon Préobrajensky et à la garde-à-cheval de marcher contre¹.

¹ Ваше величество! Московский полк в полном восстании; Шеншин и Фредерикс тяжело ранены, и мятежники идут к Сенату; я едва их обогнал, чтобы донести вам об этом. Прикажите, пожалуйста, двинуться против них первому батальону Преображенского полка и конной гвардии (фр.).

Меня весть сия поразила как громом, ибо с первой минуты я не видел в сем первом слушании действие одного сомнения, которого всегда опасался, но, зная существование заговора, узнал в сем первое его доказательство.

Разрешив первому батальону Преображенскому¹ выходить, дозволил конной гвардии седлать, но не выезжать; и к сим отправил генерала Нейдгарта, послав в то же время генерал-майора Стрекалова, дежурного при мне, в Преображенский батальон для скорейшего исполнения. Оставшись один, я спросил себя, что мне делать, и, перекрестясь, отдался в руки Божии, решил сам идти туда, где опасность угрожала.

Но должно было от всех скрыть настоящее положение наше, и в особенности от матушки, и зайдя к жене, сказал:

— Il y a du bruit au régiment de Moscou; je veux y aller².

С сим пошел я на Салтыковскую лестницу; в передней найдя командира Кавалергардского полка флигель-адъютанта генерала Апраксина, велел ему ехать в полк и сейчас его вести ко мне. На лестнице встретил я Воинова в совершенном расстройстве. Я строго припомнил ему, что место его не здесь, а там, где войска, ему вверенные, вышли из повиновения. За мной шел генерал-адъютант Кутузов; с ним пришел я на дворцовую главную гауптвахту, в которую только что вступила 9 егерская рота лейб-гвардии Финляндского полка, под командой капитана Прибыткова. Полк сей был в моей дивизии. Вызвав караул под ружье и приказав себе отдать честь, прошел по фронту и, спросив людей, присягали ль мне и знают ли, отчего сие было и что по точной воле сие брата Константина Павловича, получил в ответ, что знают и присягнули. Засим сказал я им:

— Ребята, московские шалят; не перенимать у них и свое дело делать молодцами!

Велел зарядить ружья и сам скомандовал: «Дивизия вперед, скорым шагом марш!» — повел караул левым плечом вперед к главным воротам дворца. В сие время разводили еще часовых, и налицо была только остальная часть людей.

Съезд ко дворцу уже начинался, и вся площадь усеяна была народом и перекрещавшимися экипажами. Многие из любопытства заглядывали на двор и, увидя меня, вошли и кланялись мне

¹ В оригинале: «1 бат. Преобра.».

² В Московском полку волнение; я отправляюсь туда (фр.).

в ноги. Поставя караул поперек ворот, обратился я к народу, который, меня увидя, начал сбегаться¹ ко мне и кричать ура. Махнув рукой, я просил, чтобы мне дали говорить. В то же время пришел ко мне граф Милорадович и, сказав:

Cela va mal; ils marchent au Sénat, mais je vais leur parler², ушел, — и я более его не видал, как отдавая ему последний долг.

Надо было мне выигрывать время, дабы дать войскам собраться, нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным — все эти мысли пришли мне как бы вдохновением, и я начал говорить народу, спрашивая, читали ль мой манифест. — Все говорили, что нет; пришло мне на мысль самому его читать. У кого-то в толпе нашелся экземпляр; я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Бог меня поддержал.

(О Хвощинском прибавить)³.

Наконец Стрекалов повестил меня, что Преображенский 1-й батальон готов. Приказав коменданту генерал-лейтенанту Башуцкому остаться при гауптвахте и не трогаться с места без моего приказания, сам пошел сквозь толпу прямо к батальону, ставшему линией спиной к комендантскому подъезду, левым флангом к экзерциргаузу. Батальоном командовал полковник Микулин, и полковой командир полковник Исленьев был при батальоне. Батальон мне отдал честь; я прошел по фронту и, спросив, готовы ли идти за мною, куда велю, получил в ответ громкое молодецкое:

— Рады стараться!

Минуты единственные в моей жизни! Никакая кисть не изобразит геройскую, почтенную и спокойную наружность сего истинно первого батальона в свете, в столь критическую минуту.

Скомандовав по-тогдашнему: «К атаке в колонну, первый и восьмой взводы, в вполоборота налево и направо!» — повел я батальон левым плечом вперед мимо заборов тогда достраивавшегося дома Министерства Финансов и Иностранных дел к углу Адмиралтейского бульвара. Тут, узнав, что ружья не заряжены,

¹ Первоначально было: «сбегаться».

² Дело плохо; они идут к Сенату, но я буду говорить с ними (фр.).

³ Вписано между строк. Хвощинский — полковник Московского полка, раненый Щепиным-Ростовским.

велел батальону остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мне лошадь, но все прочие были пеши. В то же время заметил я [y]¹ угла дома Главного Штаба полковника князя Трубецкого; ниже увидим, какую он тогда играл роль.

Зарядив ружья, пошли мы вперед. Тогда со мною были генерал-адъютанты Кутузов, Стрекалов, флигель-адъютанты Дурново и адъютанты мои — Перовский и Адлерберг. — Адъютанта моего Кавелина послал я к себе в Аничкин дом, перевести детей в Зимний дворец. Перовского послал я в конную гвардию с приказанием выезжать ко мне на площадь. В сие самое время услышали мы выстрелы, и вслед засим прибежал ко мне флигель-адъютант князь Голицын Генерального Штаба с известием, что граф Милорадович смертельно ранен.

Народ прибавлялся со всех сторон; я вызвал стрелков на фланги батальона и дошел таким образом до угла Вознесенской. Не видя еще конной гвардии, я остановился и послал за нею одного бывшего при мне конным старого рейткнехта из конной гвардии Лондыря с тем, чтобы полк скорее шел. Тогда же слышали мы ясно — «Ура, Константин!» на площади против Сената, и видна была стрелковая цепь, которая никого не подпускала.

В сие время заметил я слева против себя офицера Нижегородского драгунского полка, которого черным обвязанная голова, огромные черные глаза и усы и вся наружность имели что-то особенно отвратительное. Подозвав его к себе, узнал, что он Якубовский, но не зная, с какой целью он тут был, спросил его, чего он желает. На сие он мне дерзко сказал:

— Я был с ними, но услышав, что они за Константина, бросил и явился к вам.

Я взял его за руку и сказал:

— Спасибо, вы ваш долг знаете.

От него узнали мы, что Московский полк почти весь участвует в бунте, и что с ними следовал он по Гороховой, где от них отстал. Но после уже узнано было, что настоящее намерение его было под сей личиной узнавать, что среди нас делалось, и действовать по удобности.

В это время генерал-адъютант Орлов привел конную гвардию, обогнув Исаакиевский собор и выехав на площадь между оным

¹ Пропущено в оригинале.

и зданием военного министерства, то¹ тогда было домом князя Лобанова; полк шел в галоп и строился спиной к сему дому. Сейчас я поехал к нему и, поздоровавшись с людьми, сказал им, что ежели искренно мне присягнули, то настало время сие мне доказать на деле. Генералу Орлову велел я с полком идти на Сенатскую площадь и выстроиться так, чтобы пресечь елико возможно мятежникам сообщение с тех сторон, где их окружить было можно. Площадь тогда была весьма стеснена заборами от стороны собора, простиравшимися до угла нынешнего синодского здания; угол, образуемый бульваром и берегом Невы, служил складом выгружаемых камней для собора, и оставалось между сими материалами и монументом Петра Великого не более как шагов 50. На сем тесном пространстве, идя по шести, полк выстроился в две линии, правым флангом к монументу, левым достигая почти заборов.

Мятежники выстроены были в густой неправильной колонне спиной к старому Сенату. Тогда был еще один Московский полк. В сие самое время раздалось несколько выстрелов: стреляли по генерале Воинове, но не успели ранить тогда, когда он, подъехав, хотел уговаривать людей. Флигель-адъютант Бибилов, директор канцелярии Главного Штаба, был ими схвачен и, жестоко избитый, от них вырвался и пришел ко мне; от него узнали мы, что Оболенский предводителствует толпой.

Тогда отрядил я роту его величества Преображенского полка с полковником Исленьевым, младшим полковником Титовым и под командой капитана Игнатьева чрез бульвар занять Исаакиевский мост, дабы отрезать сообщение с сей стороны с Васильевским островом и прикрыть фланг конной гвардии; сам же с прибывшим ко мне генерал-адъютантом Бенкендорфом выехал на площадь, чтоб рассмотреть положение мятежников. Меня встретили выстрелами.

В то же время послал я приказание всем войскам собираться ко мне на Адмиралтейскую площадь и, воротясь на оную, нашел уже остальную часть Московского полка с большею частью офицеров, которых ко мне привел Михаил Павлович. Офицеры бросились мне целовать руки и ноги. В доказательство моей к ним доверенности поставил я их на самом углу у забора, против мятежников. Кавалергардский полк, 2-й батальон Преобра-

¹ Пропущено в оригинале.

женского стояли уже на площади; сей батальон послал я вместе с первым рядами направо примкнуть к конной гвардии. Кавалергарды оставлены были мной в резерве у дома Лобанова. Семеновскому полку велено было идти прямо вокруг Исаакиевского собора к манежу конной гвардии и занять мост. Я вручил команду с сей стороны Михаилу Павловичу. Павловского полка воротившиеся люди из караула, составлявшие малый батальон, посланы были по Почтовой улице и мимо конногвардейских казарм на мост у Крюкова канала и в Галерную улицу.

В сие время узнал я, что в Измайловском полку происходил беспорядок и нерешительность при присяге. Сколь мне сие ни больно было, но я решительно не полагал сего справедливым, а относил сие к тем же замыслам, и потому велел генерал-адъютанту Левашову, ко мне явившемуся, ехать в полк и, буде есть какая-либо возможность, двинуть его, хотя бы против меня, непременно его вывести из казарм. Между тем, видя, что дело становится весьма важным, и не предвидя еще, чем кончится, послал я Адлерберга с приказанием шталмейстеру князю Долгорукову приготовить загородные экипажи для матушки и жены и намерен был в крайности выпроводить их с детьми под прикрытием кавалергардов в Царское Село. Сам же, послав за артиллерией, поехал на Дворцовую площадь, дабы обеспечить дворец, куда велено было следовать прямо обоим саперным батальонам — гвардейскому и учебному. Не доехав еще до дома Главного Штаба, увидел я в совершенном беспорядке со знаменами без офицеров Лейб-гранадерский полк, идущий толпой. Подъехав к ним, ничего не подозревая, я хотел остановить людей и выстроить; но на мое — «Стои!» отвечали мне:

— Мы — за Константина!

Я указал им на Сенатскую площадь и сказал:

— Когда так, — то вот вам дорога.

И вся сия толпа прошла мимо меня, сквозь все войска, и присоединилась без препятствия к своим одинако заблужденным товарищам. К счастью, что сие так было, ибо иначе бы началось кровопролитие под окнами дворца, и участь бы наша была более, чем сомнительна. Но подобные рассуждения делаются после; тогда же один Бог меня наставил на сию мысль.

Милосердие Божие оказалось еще разительнее при сем же случае, когда толпа лейб-гранадер, предводимая офицером Пановым, шла с намерением овладеть дворцом и в случае сопро-

тивления истребить все наше семейство. Они дошли до главных ворот дворца в некотором устройстве, так что комендант почел их за присланный мною отряд для занятия дворца. Но вдруг Панов, шедший в голове, заметил лейб-гвардии саперный батальон, только что успевший прибежать и выстроившийся в колонне на дворе, и, закричав:

— Да это не наши! — начал ворочать входящие отделения кругом бежать с ними обратно на площадь. Ежели б саперный батальон опоздал только несколькими минутами, дворец и все наше семейство были б в руках мятежников, тогда как занятый происходившим на Сенатской площади и вовсе безызвестный об угрожающей с тылу оной важнейшей опасности, я бы лишен был всякой возможности сему воспрепятствовать. Из сего видно самым разительным образом, что ни я, ни кто не могли бы дела благополучно кончить, ежели б самому милосердию Божию не угодно было всем править к лучшему.

Здесь должен я упомянуть о славном поступке капитана лейб-гвардии Гренадерского полка князя Мещерского. Он командовал тогда ротою его величества, и когда полк, завлеченный в бунт ловкостью Панова и других соумышленников, отказался в повиновении своему полковнику Стюрлеру, из опасения нарушить присягу своему законному государю Константину Павловичу, Мещерский догнал свою роту на дороге и убеждением и доверием, которое вселял в людей, успел остановить большую часть своей роты и несколько других и привел их ко мне. Я поставил его с саперами на почетное место — к защите дворца.

Воротившись к войскам, нашел я прибывшую артиллерию, но, к несчастью, без зарядов, хранившихся в лаборатории. Доколь послано было за ними, мятеж усиливался; к начальной массе Московского полка прибыл весь гвардейский экипаж и примкнул со стороны Галерной; а толпа гранадер стала с другой стороны. Шум и крик делались беспрестанны, и частые выстрелы перелетали чрез голову. Наконец, народ начал также колебаться, и многие перебегали к мятежникам, пред которыми видны были люди невоенные. Одним словом, ясно становилось, что не сомнение в присяге было истинной причиной бунта, но существование другого важнейшего заговора делалось очевидным. «Ура Конституция!» — раздавалось и принималось чернию за ура, произносимое в честь супруги Константина Павловича!

Воротился генерал-адъютант Левашов с известием, что Измайловский полк прибыл в порядке и ждет меня у Синего моста. Я поехал к нему; полк отдал мне честь и встретил с радостными лицами, которые рассеяли во мне всякое подозрение. Я сказал людям, что хотели мне их очернить, что я сему не верю, что, впрочем, ежели среди их есть такие, которые хотят против меня идти, то я им не препятствую и позволяю присоединиться к мятежникам. Громкое ура было мне ответом. Я при себе велел зарядить ружья и послал полк с генерал-майором Мартыновым, командиром бригады, на площадь, велел поставить в резерв спиной к дому Лобанова. Сам же поехал к Семеновскому полку, уже стоявшему на своем месте.

Полк под начальством полковника Шилова прибыл в величайшей исправности и стоял у самого моста на канале, батальон за батальоном. Михаил Павлович был уже тут. С этого места было еще ближе видно, что с гвардейским экипажем, стоявшим на правом фланге мятежников, было много офицеров экипажа сего и других, но видны были и другие во фраках, расхаживавшие между солдат и уговаривавшие стоять твердо.

В то время как я ездил к Измайловскому полку, прибыл требованный мною митрополит Серафим из Зимнего дворца, в полном облачении и с крестом. Почтенный пастырь с одним поддиаконом вышел из кареты и, положи крест на голову, пошел прямо к толпе; он хотел говорить, но Оболенский и другие сейшайки ему воспрепятствовали, угрожая стрелять, ежели не удалится.

Михаил Павлович предложил мне подъехать к толпе в надежде присутствием своим разуверить заблужденных и полагавших быть верными присяге Константину Павловичу, ибо привязанность Михаила Павловича к брату была всем известна. Хотя страшился я для брата изменнической руки, ибо видно было, что бунт более и более усиливался, но, желая испытать все способы, я согласился и на сию меру и отпустил брата, придав ему генерала-адъютанта Левашова. Но и его увещания не помогли; хотя матросы начали было слушать, мятежники им мешали, и Кюхельбекер взвел курок пистолета и начал целить в брата, что однако три матроса ему не дали совершить.

Брат воротился к своему месту, а я, объехав вокруг собора, прибыл снова к войскам, с той стороны бывшим, и нашел прибывшим лейб-гвардии Егерский полк, который оставил на пло-

щади против Гороховой за пешей гвардейской артиллер. бригадой.

Погода из довольно сырой становилась холоднее; снегу было весьма мало, и оттого — весьма скользко; начинало смеркаться, — ибо был уже 3 час¹ пополудни. Шум и крик делались настойчивее, и частые ружейные выстрелы ранили многих в конной гвардии и перелетали через войска; большая часть солдат на стороне мятежников стреляли вверх.

Выехав на площадь, желал я осмотреть, не будет ли возможности, окружив толпу, принудить к сдаче без кровопролития. В это время сделали по мне залп; пули просвистали мне чрез голову и, к счастью, никого из нас не ранило. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями. Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска были бы в самом трудном положении.

Я согласился испробовать атаковать кавалериею. Конная гвардия первая атаковала по-эскадронно, но ничего не могла произвести и по тесноте, и от гололедицы, но в особенности не имея отпущенных палашей. Противники в сомкнутой колонне имели всю выгоду на своей стороне и многих тяжело ранили, в том числе ротмистр Веллио лишился руки. Кавалергардский полк равномерно ходил в атаку, но без большого успеха.

Тогда генерал-адъютант Васильчиков, обратившись ко мне, сказал:

— Sire, il n'y pas un moment à perdre; l'on n'y peut rien maintenant; il faut de la mitraille!²

Я предчувствовал сию необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не мог решиться на подобную меру, и меня ужас объял.

— Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon règne?³ — отвечал я Васильчикову.

— Pour sauver votre Empire⁴, — сказал он мне.

¹ Т. е. — третий час.

² Ваше величество, нельзя терять ни минуты; ничего не поделаешь: нужна картечь! (фр.).

³ Вы хотите, чтобы я пролил кровь моих подданных в первый день моего царствования? (фр.).

⁴ Чтобы спасти вашу империю (фр.).

Эта слова меня снова привели в себя; опомнившись, я видел, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти наверно все; или, пощадив себя, жертвовать решительно государством.

Послав одно орудие 1-й легкой пешей батареи к Михаилу Павловичу с тем, чтобы усилить сию сторону, как единственное отступление мятежникам, взял другие три орудия и поставил их пред Преображенским полком, велел зарядить картечью; орудиями командовал штабс-капитан Бакунин.

Вся во мне надежда была, что мятежники устроятся таких приготовлений и сдадутся, не видя себе иного спасения. Но они оставались тверды; крик продолжался еще упорнее. Наконец, послал я генерал-майора Сухозанета объявить им, что ежели сейчас не положат оружия, велю стрелять. Ура и прежние восклицания были ответом и вслед затем — залп.

Тогда, не видя иного способа, скомандовал: пали! — Первый выстрел ударил высоко в Сенатское здание, и мятежники отвечали неистовым криком и беглым огнем. Второй и третий выстрел от нас и с другой стороны из орудия у Семеновского полка ударили в самую середину толпы, и мгновенно все рассыпалось, спасаясь Английской набережной на Неву, по Галерной и даже навстречу выстрелов из орудия при Семеновском полку, дабы достичь берега Крюкова канала.

Велев артиллерии взяться на передки, мы двинули Преображенский и Измайловский полки через площадь, тогда как гвардейский Конно-пионерный эскадрон и часть Конной гвардии преследовали бегущих по Английской набережной. Одна толпа начала было выстраиваться на Неве, но два выстрела картечью их рассеяли, — и осталось собирать спрятанных и разбежавшихся, что возложено было на генерал-адъютанта Бенкендорфа с 4 эскадронами Конной гвардии и гвардейским Конно-пионерным эскадроном под командою генерал-адъютанта Орлова на Васильевском острове и 2 эскадронами Конной гвардии на сей стороне Невы. Вслед засим вручил я команду сей части города генералу-адъютанту Васильчикову, назначив ему оставаться у Сената и отдав ему в команду Семеновский полк, 2 батальона Измайловского, сводный батальон Московского и Павловского полков, 2 эскадрона Конной гвардии и 4 орудия конной артиллерии. Васильевский остров поручил в команду генерал-адъютанту Бенкендорфу, оставя у него прежние 6 эскадронов и при-

дав лейб-гвардии Финляндского полка 1 батальон и 4 орудия пешей артиллерии. Сам отправился ко дворцу. У Гороховой, в виде авангарда, оставил на Адмиралтейской площади 2 батальона лейб-гвардии Егерского полка и за ними 4 эскадрона Кавалергардского полка. Остальной батальон лейб-гвардии Егерского полка держал пикеты¹ у Малой Миллионной, у Большой Миллионной, у казарм 1-го батальона Преображенского полка и на Большой Набережной у театра. К сим постам придано было по 2 пеших орудия. Батареи о 8 орудиях поставлены были у Эрмитажного съезда на Неву, а другая о 4 орудиях против угла Зимнего дворца на Неву. 1-й батальон Измайловского полка стоял на набережной у парадного подъезда, 2 эскадрона кавалергардов — левее, против угла дворца. Преображенский полк и при нем 4 орудия роты его величества стоял на Дворцовой площади спиной к дворцу, у главных ворот в резерве, а на дворе оставались оба саперных батальона и рота 1-я гренадерская лейб-гвардии Гренадерского полка.

5

Ночь с 14-го на 15-е декабря была не менее замечательна, как и прошедший день; потому для общего понятия всех обстоятельств тогдашних происшествий нужно и об ней подробно упомянуть.

Едва воротились мы из церкви, я сошел, как сказано в первой части, к расположенным перед дворцом и на дворе войскам. Тогда велел снести и сына, а священнику с крестом и святой водой приказал обойти ближние биваки и окропить войска. Воротясь, я велел собраться Совету и, взяв с собой брата Михаила Павловича, пошел в собрание. Там в коротких словах я объявил настоящее положение вещей и истинную цель того бунта, который здесь принимал совершенно иной предлог, чем был настоящий; никто в Совете не подозревал сего; удивление было общее, и, прибавлю, удовольствие казалось общим, что Бог избавил от видимой гибели. Против меня первым налево сидел Н. С. Мордвинов. Старик слушал особенно внимательно, и тогда же выражение лица его мне

¹ Слово читается неясно; может быть прочтено и «посты».

показалось особенным; потом мне сие объяснилось в некоторой степени.

Когда я пришел домой, комнаты мои похожи были на Главную Квартирu в походное время. Донесения от князя Васильчикова и от Бенкендорфа одно за другим ко мне приходили. Везде собирали разбежавшихся солдат Гренадерского полка и часть Московских. Но важнее было арестовать предводительствовавших офицеров и других лиц.

Не могу припомнить, кто первый приведен был; кажется мне — Щепин-Ростовский. Он в тогдашней полной форме и в белых панталонах был из первых схвачен, сейчас после разбития мятежной толпы; его вели мимо верной части Московского полка, офицеры его узнали и в порыве негодования на него как увлекшего часть полка в заблуждение, они бросились на него и сорвали эполеты; ему стянули руки назад веревкой, и в таком виде он был ко мне приведен. Подозревали, что он был главное лицо бунта; но с первых его слов можно было удостовериться, что он был одно слепое орудие других и подобно солдатам завлечен был одним убеждением, что он верен императору Константину. Сколько помню, за ним приведен был Бестужев Московского полка, и от него уже узнали мы, что князь Трубецкой был назначен предводительствовать мятежом. Генерал-адъютанту графу Толю поручил я снимать допрос и записывать показания приводимых, что он исполнял, сидя на софе пред столиком, там, где теперь у наследника висит портрет императора Александра.

По первому показанию насчет Трубецкого я послал флигель-адъютанта князя Голицына, что теперь генерал-губернатор смоленский, взять его. Он жил у отца жены своей, урожденной графини Лаваль. Князь Голицын не нашел его: он с утра не возвращался, и полагали, что должен быть у княгини Белосельской, тетки его жены. Князь Голицын имел приказание забрать все его бумаги, но таких не нашел: они были или скрыты или уничтожены; однако в одном из ящиков нашлась черновая бумага на оторванном листе, писанная рукою Трубецкого, особой важности; это была программа на весь ход действий мятежников на 14 число, с означением лиц участвующих и разделением обязанностей каждому. С сим князь Голицын поспешил ко мне, и тогда только многое нам объяснилось. Важный сей документ я вложил в конверт и оставил

при себе и велел ему же, князю Голицыну, непременно отыскать Трубецкого и доставить ко мне. Покуда он отправился за ним, принесли отобранные знамена у лейб-гвардии Московских, лейб-гвардии гранадер и гвардейского экипажа, и вскоре потом собранные и обезоруженные пленные под конвоем лейб-гвардии Семеновского полка и эскадрона конной гвардии проведены в крепость.

Князь Голицын скоро воротился от княгини Белосельской с донесением, что там Трубецкого не застал, и что он переехал в дом австрийского посла, графа Лебцельтерна, женатого на другой же сестре графини Лаваль.

Я немедленно отправил князя Голицына к управлявшему министерством иностранных дел графу Нессельроду с приказанием ехать сию же минуту к графу Лебцельтерну с требованием выдачи Трубецкого, что граф Нессельрод сейчас исполнил. Но граф Лебцельтерн не хотел вначале его выдавать, протестуя, что он ни в чем не виновен. Положительное настояние графа Нессельрода положило сему конец; Трубецкой был выдан князю Голицыну и им ко мне доставлен.

Призвав генерала Толя во свидетели нашего свидания, я велел ввести Трубецкого и приветствовал его словами:

— Вы должны быть известны об происходившем вчера. С тех пор многое объяснилось, и, к удивлению и сожалению моему, важные улики на вас существуют, что вы не только участником заговора, но должны были им предводительствовать. Хочу вам дать возможность хоть несколько уменьшить степень вашего преступления добровольным признанием всего вам известного; тем вы дадите мне возможность пощадить вас, сколько возможно будет. Скажите, что вы знаете?

— Я невинен, я ничего не знаю, — отвечал он.

— Князь, опомнитесь и войдите в ваше положение; вы — преступник; я — ваш судья; улики на вас — положительные, ужасные и у меня в руках. Ваше отрицание не спасет вас; вы себя погубите — отвечайте, что вам известно?

— Повторяю, я не виновен, ничего я не знаю.

Показывая ему конверт, сказал я:

— В последний раз, князь, скажите, что вы знаете, ничего не скрывая, или — вы невозвратно погибли. Отвечайте.

Он еще дерзче мне ответил:

— Я уже сказал, что ничего не знаю.

— Ежели так, — возразил я, показывая ему развернутый его руки лист, — так смотрите же, что это?

Тогда он, как громом пораженный, упал к моим ногам в самом постыдном виде.

— Ступайте вон, все с вами кончено, — сказал я, и генерал Толь начал ему допрос. Он отвечал весьма долго, стараясь все затемнять, но, несмотря на то, избличал еще больше и себя и многих других.

Кажется мне, тогда же арестован и привезен ко мне Рылеев. В эту же ночь выяснилось, что многие из офицеров Кавалергардского полка, бывшие накануне в строю и даже усердно исполнявшие свой долг, были в заговоре; имена их известны по делу; их одного за другим арестовали и привозили, равно многих офицеров гвардейского экипажа.

В этих привозах, тяжелых свиданиях и допросах прошла вся ночь. Разумеется, что всю ночь я не только не ложился, но даже не успел снять платье и едва на полчаса мог прилечь на софе, как был одет, но не спал. Генерал Толь всю ночь напролет не переставал допрашивать и писать. К утру мы все походили на тени и насилиу могли двигаться. Так прошла эта достопамятная ночь. Упомнить, кто именно взяты были в это время, никак уже не могу, но показания пленных были столь разнообразны, пространны и сложны, что нужна была особая твердость ума, чтоб в сем хаосе не потеряться.

Моя решимость была с начала самого — не искать виновных, но дать каждому оговоренному возможность смыть с себя пятно подозрения. Так и исполнялось свято. Всякое лицо, на которое было одно показание, без явного участия в происшествии, под нашими глазами совершившемся, призывалось к допросу; отрицание его или недостаток улик были достаточны к немедленному его освобождению. В числе сих лиц был известный Якубович; его наглая смелость отвергала всякое участие, и он был освобожден, хотя вскоре новые улики заставили его вновь и окончательно арестовать. Таким же образом лейб-гвардии коннопионерного эскадрона поручик Назимов был взят, ни в чем не сознался, и недостаток начальных улик был причиной, что, допущенный к исправлению должности, он даже 6 января был во внутреннем карауле; но несколько дней спустя был вновь избличен и взят под арест. Между прочими показаниями было и на тогдашнего полковника лейб-гвардии Финляндского пол-

ка фон-Моллера, что ныне дивизионный начальник 1-й гвардейской дивизии. 14 декабря он был дежурным по караулам и вместе со мной стоял в главной гауптвахте под воротами, когда я караул туда привел. Сперва улики на него казались важными — в знании готовившегося; доказательств не было, и я его отпустил.

За всеми, не находящимися в столице, посылались адъютанты или фельдъегери.

В числе показаний на лица, но без достаточных улик, чтоб приступить было можно даже к допросам, были таковые на Н. С. Мордвинова, сенатора Сумарокова и даже на М. М. Сперанского. Подобные показания рождали сомнения и недоверчивость, весьма тягостные, и долго не могли совершенно рассеяться. Станным казалось тоже поведение покойного Карла Ивановича Бистрома, и должно признаться, что оно совершенно никогда не объяснилось. Он был начальником пехоты гвардейского корпуса; брат и я были его два дивизионные подчиненные ему начальники. У генерала Бистрома был адъютантом известный князь Оболенский. Его ли влияние на своего генерала, или иные причины, но в минуту бунта Бистрома нигде не можно было сыскать; наконец, он пришел с лейб-гвардии Егерским полком, и хотя долг его был — сесть на коня и принять начальство над собранной пехотой, он остался пеший в шинели перед Егерским полком и не отходил ни на шаг от одного, под предлогом, как хотел объяснить потом, что полк колебался, и он опасался, чтоб не пристал к прочим заблудшим. Ничего подобного я на лицах полка не видал, но когда полк шел еще из казарм по Гороховой на площадь, то у Каменного моста стрелковый взвод 1-й карабинерной роты, состоявший почти весь из кантонистов, вдруг бросился назад, но был сейчас остановлен своим офицером поручиком Живко-Миленко-Стайковичем и приведен в порядок. Не менее того поведение генерала Бистрома показалось столь странным и мало понятным, что он не был вместе с другими генералами гвардии назначен в генерал-адъютанты, но получил сие звание позднее.

Рано утром все было тихо в городе, и, кроме продолжения розыска об скрывшихся после рассеяния бунтовавшей толпы, ничего не происходило.

Воротившиеся сами по себе солдаты в казармы из сей же толпы принялись за обычные свои занятия, искренно жалея, что

невольню впади в заблуждение обманом своих офицеров. Но виновность была разная; в Московском полку слушание и потом бунт произошли в присутствии всех старших начальников — дивизионного генерала Шеншина и полкового командира ген.-майора Фредерикса и в присутствии всех штаб-офицеров полка; два капитана отважились увлечь полк и успели половину полка вывести из послушания, тяжело ранив генералов и одного полковника и отняв знамена. В Лейб-Гренадерском полку было того хуже. Полк присягнул; прапорщик, вопреки полкового командира, всех штаб-офицеров и большей части обер-офицеров, увлек весь полк, и полковой командир убит в виду полка, которого остановить не мог. Нашелся в полку только один капитан, князь Мещерский, который умел часть своей роты удерживать в порядке. Наконец, в гвардейском экипаже большая часть офицеров, кроме штаб-офицеров, участвовали в заговоре и тем удобнее могли обмануть нижних чинов, твердо думавших, что исполняют долг присяги, следуя за ними, вопреки увещаний своих главных начальников. Но батальон сей первый пришел в порядок; огорчение людей было искренно, и желание их заслужить прощение столь нелицемерно, что я решился, по представлению Михаила Павловича, воротить им знамя в знак забвения происшедшего накануне.

Утро было ясное; солнце ярко освещало бивакирующие войска; было около десяти или более градусов мороза. Долее держать войска под ружьем не было нужды; но, прежде отпуска их, я хотел их осмотреть и благодарить за общее усердие всех и тут же осмотреть гвардейский экипаж и возвратить ему знамя. Часов около десяти, надев в первый раз Преображенский мундир, выехал я верхом и объехал сначала войска на Дворцовой площади, потом на Адмиралтейской; тут выстроен был гвардейский экипаж фронтом, спиной к Адмиралтейству, правый фланг против Вознесенской. Приняв честь, я в коротких словах сказал, что хочу забыть минутное заблуждение и в знак того возвращаю им знамя, а Михаилу Павловичу поручил привести батальон к присяге, что и исполнялось, покуда я объезжал войска на Сенатской площади и на Английской набережной. Осмотр войск кончил я теми, кои стояли на Большой набережной, и после того распустил войска.

В то самое время, как я возвращался, провезли мимо меня в санях лишь только что пойманного Оболенского. Возвратясь к

себе, я нашел его в той передней комнате, в которой теперь у наследника бильярд. Следив давно уже за подлыми поступками этого человека, я как будто предугадал его злые намерения и, признаюсь, с особенным удовольствием объявил ему, что не удивляюсь ничуть видеть его в теперешнем его положении перед собой, ибо давно его черную душу предугадывал. Лицо его имело зверское и подлое выражение, и общее презрение к нему сильно выражалось.

Скоро после того пришли мне сказать, что в ту же комнату явился сам Александр Бестужев, прозванный Марлинским. Мучимый совестью, он прибыл прямо во дворец на комендантский подъезд, в полной форме и шеголем одетый. Взошед в тогдашнюю знаменную комнату, он снял с себя саблю и, обошед весь дворец, явился вдруг, к общему удивлению всех, во множестве бывших в передней комнате. Я вышел в залу и велел его позвать; он с самым скромным и приличным выражением подошел ко мне и сказал:

— Преступный Александр Бестужев приносит вашему величеству свою повинную голову.

Я ему отвечал:

— Радуюсь, что вашим благородным поступком вы даете мне возможность уменьшить вашу виновность; будьте откровенны в ваших ответах и тем докажете искренность вашего раскаяния.

Много других преступников приведено в течение этого дня, и так как генералу Толю, по другим его обязанностям, не было времени продолжать допросы, то я заменил его генералом Левашовым, который с той минуты в течение всей зимы, с раннего утра до поздней ночи, безвыходно сим был занят и исполнял сию тяжелую во всех отношениях обязанность с примерным усердием, терпением и, прибавлю, отменною сметливостью, не отходя ни на минуту от данного мной направления, т. е. не искать виновных, но всякому давать возможность оправдаться.

Входить во все подробности происходившего при сих допросах излишне. Упомяну только об порядке, как допросы производились; они любопытны. Всякое арестованное здесь ли, или привезенное сюда лицо доставлялось прямо на главную гауптвахту. Давалось о сем знать ко мне чрез генерала Левашова. Тогда же лицо приводили ко мне под конвоем. Дежурный флигель-адъютант доносил об том генералу Левашову, он мне, в котором бы часу ни было, даже во время обеда. Доколь жил я в комна-

тах, где теперь сын живет, допросы делались, как в первую ночь — в гостиной. Вводили арестанта дежурные флигель-адъютанты; в комнате никого не было, кроме генерала Левашова и меня. Всегда начиналось моим увещанием говорить сущую правду, ничего не прибавляя и не скрывая и зная вперед, что не ищут виновного, но желают искренно дать возможность оправдаться, но не усугублять своей виновности ложью или отпирательством.

Так продолжалось с первого до последнего дня. Ежели лицо было важно по участию, я лично опрашивал; малозначащих оставлял генералу Левашову; в обоих случаях после словесного допроса генерал Левашов все записывал или давал часто им самим писать свои первоначальные признания. Когда таковые бывали готовы, генерал Левашов вновь меня призывал или входил ко мне, и, по прочтении допроса, я писал собственноручное повеление Санкт-Петербургской крепости коменданту генералу-адъютанту Сукину о принятии арестанта и каким образом его содержать — строго ли, или секретно, или простым арестом.

Когда я перешел жить в Эрмитаж, допросы происходили в Итальянской большой зале, у печки, которая к стороне театра. Единообразие сих допросов особенного ничего не представляло: те же признания, те же обстоятельства, более или менее полные. Но было несколько весьма замечательных, об которых упомяну. Таковы были Каховского, Никиты¹ Муравьева, руководителя бунта Черниговского полка, Пестеля, Артамона Муравьева, Матвея Муравьева, брата Никиты, Сергея Волконского и Михаила Орлова.

Каховский говорил смело, резко, положительно и совершенно откровенно. Причину заговора, относя к нестерпимым будто притеснениям и неправосудию, старался причиной им представлять покойного императора. Смоленский помещик, он в особенности вопил на меры, принятые там для устройства дороги по проселочному пути, по которому государь и императрица следовали в Таганрог, будто с неслыханными трудностями и разорением края исполненными². Но с тем вместе он был молодой

¹ Николай спутал имена: он имеет в виду Сергея Ивановича Муравьева-Апостола.

² Так в рукописи.

человек, исполненный прямо любви к отечеству, но в самом преступном направлении.

Никита Муравьев был образец закоснелого злодея. Одаренный необыкновенным умом, получивший отличное образование, но на заграничный лад, он был во своих мыслях дерзок и самонадеян до сумасшествия, но вместе скрытен и необыкновенно тверд. Тяжело раненый в голову, когда был взят с оружием в руках, его привезли закованного. Здесь сняли с него цепи и привели ко мне. Ослабленный от тяжелой раны и оков, он едва мог ходить. Знав его в Семеновском полку ловким офицером, я ему сказал, что мне тем тяжелее видеть старого товарища в таком горестном положении, что прежде его лично знал за офицера, которого покойный государь отличал, что теперь ему ясно должно быть, до какой степени он преступен, что — причиной несчастья многих невинных жертв, и увещал ничего не скрывать и не усугублять своей вины упорством. Он едва стоял; мы его посадили и начали допрашивать. С полной откровенностью он стал рассказывать весь план действий и связи свои. Когда он все высказал, я ему отвечал:

— Объясните мне, Муравьев, как вы, человек умный, образованный, могли хоть одну секунду до того забыть, чтоб считать ваше намерение сбыточным, а не тем, что есть — преступным злодейским сумасбродством?

Он поник голову, ничего не отвечал, но качал головой с видом, что чувствует истину, но поздно.

Когда допрос кончился, Левашов и я, мы должны были его поднять и вести под руки.

Пестель был также привезен в оковах; по особой важности его действий, его привезли и держали секретно. Сняв с него оковы, он приведен был вниз в Эрмитажную библиотеку. Пестель был злодей во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелости в записательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг.

Артамон Муравьев был не что иное, как убийца, изверг без всяких других качеств, кроме дерзкого вызова на цареубийство. Подл в теперешнем положении, он валялся у меня в ногах, прося пощады.

Напротив, Матвей Муравьев, сначала увлеченный братом, но потом в полном раскаянии уже некоторое время от всех отставший, из братской любви только спутник его во время бунта и

вместе с ним взятый, благородством чувств, искренним глубоким раскаянием меня глубоко тронул.

Сергей Волконский набитый дурак, таким нам всем давно известный, лжец и подлец в полном смысле, и здесь таким же себя показал. Не отвечая ни на что, стоя, как одурелый, он собой представлял самый отвратительный образец неблагодарного злодея и глупейшего человека.

Орлов жил в отставке в Москве. С большим умом, благородной наружностью — он имел привлекательный дар слова. Быв флигель-адъютантом при покойном императоре, он им назначен был при сдаче Парижа для переговоров. Пользуясь долго особенным благорасположением покойного государя, он принадлежал к числу тех людей, которых счастье избаловало, у которых глупая надменность затмевала ум, считав, что они рождены для преобразования России. Орлову менее всех должно было забыть, чем он был обязан своему государю, но самолюбие заглушило в нем и тень благодарности и благородства чувств. Завлеченный самолюбием, он с непостижимым легкомыслием согласился быть и сделался главой заговора, хотя вначале не столь преступного, как впоследствии. Когда же первоначальная цель общества начала исчезать и обратилась уже в совершенный замысел на все священное и цареубийство, Орлов объявил, что перестает быть членом общества, и, видимо, им более не был, хотя не прекращал связей знакомства с бывшими соумышленниками и постоянно следил и знал, что делалось у них. В Москве, женатый на дочери генерала Раевского, у которого одно время был начальником штаба, Орлов жил в обществе как человек, привлекательный своим умом, нахальный и большой говорун. Когда пришло в Москву повеление к военному генерал-губернатору князю Голицыну об арестовании и присылке его в Петербург, никто верить не мог, чтобы он был причастен к открывшимся злодеяниям. Сам он, полагаясь на свой ум и в особенности увлеченный своим самонадеянием, полагал, что ему стоит будет сказать слово, чтоб снять с себя и тень участия в деле.

Таким он явился. Быв с ним очень знаком, я его принял как старого товарища и сказал ему, посадив с собой, что мне очень больно видеть его у себя без шпаги, что, однако, участие его в заговоре нам вполне уже известно и вынудило его призвать к допросу, но не с тем, чтоб слепо верить уликам на него, но с душевным желанием, чтоб мог вполне оправдаться; что других

я допрашивал, его же прошу как благородного человека, старого флигель-адъютанта покойного императора сказать мне откровенно, что знает.

Он слушал меня с язвительной улыбкой, как бы насмехаясь надо мной, и отвечал, что ничего не знает, ибо никакого заговора не знал, не слышал и потому к нему принадлежать не мог; но что ежели б и знал про него, то над ним бы смеялся как над глупостью. Все это было сказано с насмешливым тоном и выражением человека, слишком высоко стоящего, чтоб иначе отвечать как из снисхождения.

Дав ему договорить, я сказал ему, что он, по-видимому, странно ошибается насчет нашего обоюдного положения, что не он снисходит отвечать мне, а я снисхожу к нему, обращаясь не как с преступником, а как со старым товарищем, и кончил сими словами:

— Прошу вас, Михаил Федорович, не заставляйте меня изменить моего с вами обращения; отвечайте моему к вам доверию искренностью.

Тут он рассмеялся еще язвительнее и сказал мне:

— Разве общество под названием «Арзамас» хотите вы узнать?

Я отвечал ему весьма хладнокровно:

— До сих пор с вами говорил старый товарищ, теперь вам приказывает ваш государь; отвечайте прямо, что вам известно.

Он прежним тоном повторил:

— Я уже сказал, что ничего не знаю и нечего мне рассказывать.

Тогда я встал и сказал генералу Левашову:

— Вы слышали? Принимайтесь же за ваше дело, — и, обращаясь к Орлову: — А между нами все кончено.

С сим я ушел и более никогда его не видел.

Собственноручная записка Императора Николая 1830 года «Ma confession»¹

(Политическая исповедь Императора Николая)

Важность предстоящих обстоятельств в их связи с прямыми интересами России привела меня к необходимости дать себе отчет в их значительности. В результате этого дознания

¹ «Моя исповедь» (фр.).

перед судом своей собственной совести очертились мои обязанности.

Географическое положение России столь счастливо, что оно делает ее почти независимой, когда речь заходит о ее интересах, от происходящего в Европе; ей нечего опасаться; ей достаточно границ и ничего не нужно в этом отношении, поэтому она не должна бы никому доставлять беспокойства. Обстоятельства, в которых заключились существующие договоры, относятся ко времени, когда Россия, победив и уничтожив неслыханную агрессию Наполеона, пришла освободить Европу и помочь ей свергнуть удушающий ее гнет. Но память о благодеяниях стирается скорее, чем об обидах; уже в Вене недобросовестные силы чуть было не разрушили едва скрепленный союз. И понадобилась новая известная опасность, чтобы отдельные государства открыто объединились с державой, которая уже была однажды их освободительницей и всегда сохраняла великодушие.

В течение 10 последующих лет казался тесным союз между Россией, Австрией и Пруссией. Однако не раз эти два государства отклонялись от буквального смысла или от основополагающих начал, на которых строились союзнические соглашения. И всегда терпение и умеренность Императора, его неисчерпаемое желание сохранить видимость самой совершенной близости помогали находить истинный путь или скрывать расхождение мнений. Когда Провидение забрало его у России, мы увидели вскоре, что за самыми прекрасными заверениями Австрия скрывала свои задние мысли. Пруссия действительно дольше сохраняла нам верность, но значительная разница обнаружилась между личными отношениями с Королем и с его министрами.

Тем не менее расхождения не были столь заметными до позорной июльской революции. Уже давно мы предвидели это ужасное событие и исчерпали при дворе Карла X и его министров все средства убеждения, которые допускают дружба и наши хорошие отношения. Все было напрасно. Отныне мы не колеблемся громко осудить незаконные демарши Карла X, но можем ли мы, в то же самое время, признать законным главой во Франции лишь того, кто по полному праву должен быть к тому призван? Это означало бы исполнить наш долг и сохранить верность принципам, которыми руководствова-

лись во всех своих действиях союзники уже 15 лет. Однако наши союзники, не посоветовавшись с нами в столь важном и окончательном решении, поспешили своим признанием увенчать революцию и захват — фатальный и непостижимый поступок, породивший цепь бедствий, которые с тех пор не переставали обрушиваться на Европу. Мы сопротивлялись, как и должны были делать, и я уступил лишь по единственной причине сохранения союза. Но легко было предвидеть, что пример столь пагубной низости повлечет за собой серию подобных событий и поступков. И верно, за Парижем не замедлил последовать Брюссель. В Париже королевская власть совершила ошибку, так как она породила разразившуюся революцию. В Брюсселе, напротив, не происходило ничего подобного, если не считать благодеяний со стороны государя. Однако там использовали тот же принцип, было сказано: страна не признает более наследственного главу и, следовательно, становится независимой; поспешим ее узаконить таковой, дав ей главу. Но государь еще оставался владыкой своей древней вотчины и, заботясь лишь о сохранении чести, не поколебался приложить все усилия для ее сохранения — возвышенный пример, который заслуживал бы лучшей судьбы и более достойного главу для его оценки!

Что же касается Франции, то Австрия и Пруссия поторопились дать ей свое одобрение, не посоветовавшись предварительно со старым союзником. Но мы с самого начала шли более благородным путем и, оставаясь единственными поборниками справедливости, смогли пренебречь гневом Англии и Франции. Можем ли мы, не позора себя, изменить свое поведение?

Но оставим вопрос и поговорим только об интересах. Полезно ли нам согласиться с новым актом несправедливости? Способствует ли сохранению старого союза совместная работа по разрушению нашего собственного труда? Существует ли еще прежний союз, когда две из держав идут прямо в противоположном направлении относительно сложившихся договоренностей? Существует ли он еще, когда Пруссия дает нам понять, что, даже в случае французского вторжения в Австрию, она окажет ей лишь моральную помощь! Это ли, Боже милостивый, союз, созданный нашим бессмертным Императором? Сохраним сей священный огонь неприкосновенным и не обесчестим его молчаливым одобрением малодушных и несправедливых действий тех

держав, которые заручаются нашим союзничеством лишь тогда, когда они хотят видеть в нас сообщников для таких поступков. Сохраним, повторяю я, сей священный огонь для торжественного момента, который никакая человеческая сила не может отклонить или отсрочить, момента, когда должна разразиться борьба между справедливостью и inferнальным началом. Этот момент близок, станем в таком случае знаменем, к которому поневоле и для их же собственного спасения присоединятся вторично те, кто сегодня трепещет.

Мы признали факт независимости Бельгии, потому что его признал сам Король Нидерландов; но не признаем Леопольда¹, ибо не имеем никакого права на это, поскольку его не признает Король Нидерландов. Однако в то же время не станем скрывать нашего явного неодобрения двойного и фальшивого поведения Короля и отстранимся от участия в конференции.

Если Франция и Англия объединятся для нападения на Голландию, мы будем протестовать, так как не можем сделать большего; по крайней мере, русское имя не будет замарано сообщничеством в подобном акте. Наш язык с Австрией и Пруссией должен оставаться одинаковым и постоянно показывать им опасность дороги, по которой они следуют, и доказывать, что именно они отклоняются от союзнических принципов. Должно быть ясно, что мы никогда не совершим той же ошибки, поскольку видим в ней непоправимую потерю для правого дела. В минуту опасности нас всегда увидят готовыми незамедлительно прийти на помощь союзникам, которые остались бы верными нашим старым принципам. Однако в противном случае Россия никогда не пожертвует ни своими сокровищами, ни драгоценной кровью своих солдат.

Вот моя исповедь, она серьезна и решительна. Она ставит нас в новое и изолированное, но, осмелюсь сказать, почтенное и достойное положение. Кто осмелится нас атаковать? А если и осмелится, то я найду надежную опору в народе, который смог бы оценить такую позицию и наказать, с Божьей помощью, дерзость агрессоров.

(Без даты). Арх. Мин. Иностр. дел.

¹ Принц Леопольд Кобургский, избранный в Бельгийские короли Лондонскою конференцией.

Речь Императора Николая Павловича римско-католическим епископам в 1844 г.

Я призвал вас в столицу с тем намерением, чтобы вы познакомились с управлением католической церкви в России и пригляделись к действиям здешней духовной коллегии, которою я вполне доволен. Не полагайте, чтобы я призвал вас сюда с намерением враждебным вашему вероисповеданию. Знаю, что такое мнение стараются распространить между вами; до единого знаю всех тех, которые рассевают между вами такие нелепости, мог бы их наказать, но это не согласуется с моим императорским царским достоинством.

Да, я ни в чем не желаю вредить католическому исповеданию, потому что я сам католик. Душевно и сердечно привержен к своему исповеданию, и был бы столько же привержен и к римскому, если бы в оном родился; в отношении религии церкви католической намерения мои чисты.

Достаточно знаю, как далеко простирается моя императорская власть и как далеко может подвинуться, не нарушая вашего исповедания, и потому-то именно требую приверженности и повиновения, и тем более должен этого требовать, что сие повелевает вам Сам Бог, пред Которым я должен буду ответствовать за благополучие вверенного мне народа. Глава вашей церкви подтверждает вам то же. Да, не безызвестно мне, что святой отец желает, чтобы вы повиновались и были привержены к своему государю. Папа мне друг, но весьма сожалею, что апостольская столица дает к себе доступ ложным и враждебным донесениям, относительно состояния католицизма в моем государстве. Последний его отзыв основан на подобных донесениях. Таким путем папа ничего со мною не выиграет, — во всяком случае, надлежало ему обратиться ко мне, а не делать публичной огласки. Не хочу, чтоб отзыв этот был опровергаем публично и официально; это было бы не соответственно моему сану, и потому я не велел отвечать на оный гласно. Еще раз повторяю вам: повинуйтесь вашему государю, и единственно с этим условием я есть и буду вашим покровителем. Ежели духовенство ваше будет мне искренно повиноваться, то может быть уверенно в своем благоденствии.

Давно бы уже церковь ваша пала в моем государстве, если бы я не поддерживал ее верными средствами. Знайте, что она должна опасаться не правительства, но своего собственного духовенства. Между вами есть столько порочных священников, что даже

страшно вспоминать о том. Духовенство ваше преисполнено или фанатизма или равнодушия, но фанатизма не религиозного, а политического, и под религиозными предлогами старается оно скрыть неповиновение и сопротивление правительству. Сколько с одной стороны я покровитель вашей церкви, столько с другой буду наблюдать за благонаравием епископов и всего вашего духовенства, и буду строго наказывать преступных, потому что отвечаю за их поступки. Мне хорошо известно, чем вы обязаны каноническому, то есть церковному вашему уставу, и потому желаю, чтобы он был исполняем в точности. Знаю, что должное направление воспитания духовенства составляет самое лучшее средство к образованию хороших священников, и потому желаю, чтобы воспитание это было католическое, но не менее того утверждено на монархических основаниях; желаю, чтоб образовались подданные верные, послушные и преисполненные христианской любви и приверженности престолу. Итак, да будет воспитание духовенства католическое, но не иезуитское, как в Галиции или редемптистов во Франции. Признаюсь, откровенно, что я не потерплю иезуитов, и если бы августейший мой предшественник Александр 1-й не удалил их из государства, я сам бы это сделал.

Крайне сожалею, что вы собрались здесь в весьма печальное время кончины митрополита вашего Павловского. Кончина его составляет невозвратную потерю для церкви и государства. Но, верно, известно вам, что перемещение духовной академии из Вильны в С.-Петербург было мною сделано с единственною целью подчинить оную непосредственному надзору покойного митрополита; в прежнем состоянии она никак не могла далее оставаться. Я имел справедливые причины быть недовольным тогдашним ее направлением.

Стремление ее было неблагонамеренно. Кончина митрополита расстроила все мои намерения, — я в величайшем беспокойстве и даже в крайнем затруднении, потому что ни в империи, ни в царстве не нахожу никого, кто бы мог достойно занять его место.

Записки Имп. Николая Павловича о прусских делах

I. С некоторого времени носится слух о военном действии, предпринимаемом против Берлина. Какая его цель — неизвестно, но можно предполагать, что оно будет обращено против

черни, делающей почти каждый вечер из Берлина арену всех своих неистовств. Надо надеяться, что цель эта будет легко достигнута помощью многочисленного и верного войска, нетерпеливо желающего отомстить за оскорбления и унижения, так мало им заслуженных.

Но когда этот факт совершится, какое будет дальнейшее правительства и что надо будет ему сделать, чтоб возратить монархии бывшую ее силу и восстановить ее прошедшую власть.

В ответ на этот вопрос, казалось бы, сначала необходимым определить: какой именно род правления подходит более к географическому положению Пруссии, к ее прошедшему и к ее настоящему составу?

История свидетельствует, что Пруссия своим величием была обязана мужеству и победам своих властителей и в высшей степени воинственному духу, который преобладал в этой стране, опираясь на воспоминаниях славы и несчастий, из которых Пруссия вышла победительницей при бессмертном ее короле Фридрихе Вильгельме III.

Устройство, данное покойным королем своему войску, было тесно связано с правительственным устройством страны. Все носило на себе отпечаток военного духа, потому что всякий проходил через военную шеренгу, всякий был приучен к военной дисциплине и всякий повиновался по наследственной привычке.

Если, к великому несчастью страны, эта самая дисциплина не была обращена на старинную систему общественного образования, она по крайней мере вменялась в обязанность для каждого лица пройти через военную шеренгу. Поэтому можно сказать, что Пруссия, до кончины короля, была обширною военною колониею, которая, при зове своего короля, составляла один лишь лагерь, один лишь вооруженный народ, с радостью и счастьем следующий за одним лишь голосом своего государя.

Какая же была цель нынешнего короля к разрушению оснований подобного устройства и в желании заменить его — правлением с конституционными формами? Была ли эта страна несчастлива? Была ли она бедна, недовольна? промышленность, искусства, науки находились ли в бедственном положении? не представляло ли королевство вид самый богатый, самый счастливый, какого только можно было встретить? Что же было причиной посягательства на столь блестящее прошедшее?

Рассмотрим теперь эти столь хваленые, и столь загадочные конституционные нормы; могли ли они быть применены с некоторым основанием к стране, в высшей степени военной и привыкшей повиноваться одной лишь воле?

Не ясно ли то, что там где более *не повелевают, а позволяют* рассуждать вместо повиновения, — там дисциплины более не существует; поэтому повиновение, бывшее до тех пор распорядительным началом, — переставало быть там обязательным и делалось *произвольным*. Отсюда происходит беспорядок во мнениях, противоречие с прошедшим, нерешительность насчет настоящего и совершенное незнание и недоумение насчет неизвестного, непонятного и, скажем правду, *невозможного будущего*. Таким образом, установим тот факт, что Пруссия, для того, чтоб остаться той, чем она была: великой и сильной военной державой, должна возвратиться к старинным своим учреждениям, основанным на опытах и преданиях прошедшего, или же она должна перестать быть военной державой, должна спуститься в разряд государств, правда, обширных, но слабых, с очень разнообразными, вовсе не однородными местными интересами, и подвергнуться всем превратностям, происходящим от пустословия и страстей 100 или 200 повелителей, заменяющих благотворную волю одного государя, отца своих подданных.

Можно надеяться, что военное действие против Берлина не может и не должно иметь целью восстановить и скрепить то, что было сделано в последнее время и с чего уже получают горькие плоды, но напротив, восстановить старинное правительственное здание в таком виде, в каком оно было в года славы и благосостояния монархии. Никто не может желать лишить *самого себя* жизни, потому что взять вторично оружие для того лишь, чтоб укрепить гнусный образ февральского правления, было бы преступлением, ибо это значило навсегда погубить Пруссию и заменить ее жалким государством, без силы и прочности. Но мгновенное военное действие во всей монархии, во имя короля, для восстановления или водворения старинного порядка вещей, мне кажется возможным.

Оно должно быть сопровождено провозглашением от самого короля, объявляющего, что во время мартовских событий король не мог без ужаса видеть проливающуюся кровь своих подданных в этой братоубийственной борьбе; что, желая во что бы то ни стало прекратить эту борьбу, он уступил мольбам,

выраженным ему во имя народа, пожаловав стране желаемые ею учреждения; что, впрочем, он заранее был убежден в том, что неодобрения не замедлят выразиться со стороны большинства народа, как вещь, противоречащая духу народных преданий, воспоминаниям о монархии и к тому же в совершенной противоположности с интересами страны. Что убеждение это овладело теперь всеми благонамеренными сословиями, что почти ежедневные неистовства самой презренной берлинской черни, не знавшей более никаких границ, угрожали и жизням и собственности. Что с этой минуты король полагает, что наступило время прекратить такой порядок вещей, нетерпимого и несовместного с честью Пруссии и что, опираясь на непоколебимую верность своего войска, прошедшего через целую эпоху всевозможных испытаний невредимым и непорочным, — он объявляет все случившееся с февраля 1847 года, отстраненным и несуществующим; прежние же законы и постановления монархии вновь установленными во всей своей силе и лица, противящиеся им будут сочтены изменниками и вне закона и что, наконец, везде, где оно только окажется нужным, войско и военная сила будут отвечать за исполнение настоящего постановления.

II. После бедственных берлинских дней, прусский король объявил, что *отныне Пруссия сливается с Германией*. Без сомнения, значение этого выражения было понято немногими лишь людьми, но большая часть пруссаков, в особенности войско, оплакивает это решение, не будучи в состоянии свыкнуться с мыслью, что столь исключительно военного характера монархия, имеющая такие исключительные интересы и предания, должна вдруг отказаться от своего прошедшего и впредь признать своим — прошедшее всей остальной Германии, с которой она не имеет ни тесных связей, ни даже каких-либо хорошо доказанных сношений по общим интересам, по крайней мере в большинстве провинций, составляющих королевство. Неудовольствие существует, это несомненно; честь войска столько же оскорблена, сколько оскорблены и его самые дорогие преданья; сама страна испытывает и, очень вероятно, долго еще будет испытывать лишь неблагоприятные результаты, происходящие как от совершенного переворота, так и от неурядицы мыслей, от совершенного расстройтва всего общественного порядка и частных отношений, которые, по несчастю, заменяют прошедшие: бла-

госостояние, безопасность и благоденствие, бывших предметами справедливого удивления Европы.

Но если к этим грустным истинам надо еще прибавить, что прошедшее *свергнуто* и ничто не создано, *что могло бы его заменить*, что безначалие продолжается, что нахальство увеличивается и затрагивает уже принцип о законности престолонаследия, — надо согласиться, что всякий истинный пруссак должен испугаться результата беспорядков двух последних месяцев и он отныне смотрит на гибель своего отечества, как на вещь почти неминуемую.

Естественно, что чувство благородной любви к отечеству заставляет искать средства спасти отечество, вопреки лицам, желающим его гибели, и восстановить старинное прусское знамя для того, чтоб соединить под ним всех тех, которые не желают дать погибнуть монархии.

Берлин, изменнически восставший против своего короля, имеет ли право предписывать законы всему королевству? Подчиниться воле толпы, овладевшей властью, не значит ли это предоставить ей странную силу? И если правительство настолько слабо, что не может найти средство восторжествовать над нею, следует ли из этого, что вся монархия должна ей подчиниться? Если смелость нескольких подлецов приговорить прусского принца, законного наследника престола, к лишению всех прав его, надо ли из этого вывести, что Пруссия должна признать столь гнусное действие?

Если, по несчастию, подобное действие прошло бы в Берлине безнаказанно и король дал бы на то свое согласие, нельзя предполагать, что король сохранил действие своей свободной воли; подобное согласие было бы у него вынужденно, как у пленника — силой. В этом несчастном случае я полагаю, что принц прусский не должен бы подчиняться подобному решению. Ему бы следовало требовать возвращения своих неотъемлемых прав; он должен их требовать посредством вооруженной силы; все войско и большинство всей страны приняли бы его сторону.

Два средства представились бы ему, чтоб снова завладеть своим престолом: первое состояло бы в соединении его с войсками, находящимися в настоящую минуту в Голштинии, преданность которых ему известна; войско это немногочисленно, но испытано и находится ближе других к Берлину. С ним он мог

бы тотчас идти на Берлин, освободить короля, овладеть столицей и подвергнуть справедливому наказанию всех подлецов, которые там преобладают.

Второе средство состояло бы в том, чтобы сначала удостовериться в чувствах графа Дона, командующего 1-м корпусом, и генерала Колломба, командующего войсками в Познани; я же не сомневаюсь в искренности их национального чувства. Принц прусский мог бы тогда отправиться в Данциг или Пиллау, собрать 1-й корпус на берегах Вислы, присоединить к ним часть или даже все находящееся в Познани войско, которым можно располагать, — и всем вместе идти на Берлин.

В обоих случаях успех несомненен. Первый представляет более выгод по скорости своего исполнения; второй имел бы преимущество опираться на наше войско, как на резерв, готовый идти на помощь принцу, — но *только* в случае вмешательства Франции. или Южной Германии.

Настало, по-моему, время с полным доверием открыться генералам графу Дона и Колломбу чрез посредство здешнего прусского министра. Его дело будет выбрать верный и непредвзятый способ, чтоб в этом удостовериться.

Но если принц прусский так слаб, что возвратится *теперь же* в Берлин, после того, как настоящее направление оказалось таким гнусным в отношении его, то это была бы непростительная ошибка, могущая наконец совершенно погубить Прусскую монархию, потому что принц должен бы был подписать унижительные, почти позорные условия, и *правая сторона* с той же самой минуты потеряла бы всякий предлог к противодействию и всякую надежду на спасение правого дела.

Высочайший Манифест 14 марта 1848 г.

**БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,
и прочая, и прочая, и прочая**

Объявляем всенародно:

После благословений долголетнего мира, запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства.

Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии и, разливаясь повсеместно с наглостию, возраставшею по мере уступчивости Правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных Нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумии своем, и Нашей, Богом Нам вверенной России.

Но да не будет так!

По заветному примеру Православных Наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов Наших, где бы они ни предстали, и, не шадя Себя, будем, в неразрывном союзе с *Святою* Нашей Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов Наших.

Мы удостоверены, что всякий Русский, всякий верноподданный Наш, ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за веру, Царя и отечество, и ныне предрекает нам путь к победе: и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем:

С нами Бог! разумеите языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!

Дан в С.-Петербург в 14 день марта месяца, в лето от Рождества Христова 1848-е, Царствования же Нашего в двадцать третье.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано: «НИКОЛАЙ»

Император Николай Павлович
в его речи к депутатам Санкт-Петербургского дворянства,
21 марта 1848 г.

Сообщаемая далее на страницах «Русской Старины» речь императора Николая Павловича к депутатам С.-Петербургского дворянства, приносившим Его Величеству благодарность за вновь дарованные дворянству права и преимущества и выражавшим государю чувства дворян по поводу Венгерской кампании, была записана одним из депутатов, сенатором графом Василием Петровичем Завадовским (р. 21 июня 1798 г. — ум. 10 октября 1855 г.), и хранится в подлинной рукописи, в числе прочих бумаг графа, в моем архиве.

За буквальную верность сказанного Государем, по записке графа Завадовского, конечно нельзя ручаться, но, ввиду исторического интереса слов Императора Николая Павловича, я считаю необходимым сообщить записку графа Завадовского редакции «Русской Старины», для напечатания на страницах ее уважаемого и столь интересного издания.

Позволяю себе надеяться, что лица, слышавшие, вместе с графом Завадовским, слова государя и прочитавшие их теперь на страницах «Русской Старины», не откажут исправить записанное графом Василием Петровичем Завадовским, если что-либо из сказанного государем императором Николаем Павловичем 21-го марта 1848 г., было им забыто или невольно изменено.

В. В. Голубцов.

15-го июня 1883 г.

*Александровский-Голубцовский завод
Пермской губернии*

21 марта 1848 года Государь Император удостоил принять избранных депутатов С.-Петербургского дворянства, для поднесения Его Величеству всеподданнейшего благодарения за всемиловейше дарованные дворянству права и преимущества¹, а также для изъявления желания поднести Его Величеству адрес о готовности дворян снова принести в жертву престолу и отечеству личность и достояние.

Государь Император, удостоив братски обнять нас, изъявил монаршее благоволение за прежнюю и настоящую службу дворян и сказал, что он никогда не сомневался в преданности дворянства к престолу и отечеству.

После того Его Величество изволил сказать нам:

«Господа! Внешние враги нам неопасны; все меры приняты и на этот счет вы можете быть совершенно спокойны. Войска, одушевленные чувством преданности к престолу и отечеству, готовы с восторгом встретить мечем нарушителей спокойствия. Из внутренних губерний я получил донесения самые удовлетворительные. Не далее как сегодня возвратились посланные мною туда два адъютанта мои, которые также свидетельствуют об искренней преданности и усердии

¹ Порядок совершения дворянских выборов и статья 107 тома IX Свода Законов. Гр. В. П. Завадовский.

к престолу и отечеству. Но в теперешних трудных обстоятельствах я вас прошу, господа, действовать единодушно. Забудем все неудовольствия, все неприятности одного к другому. Подайте между собою руку дружбы, как братья, как дети родного края, так чтобы последняя рука дошла до меня и тогда, под моею главою, будьте уверены, что никакая сила земная нас не потревожит.

В учебных заведениях дух вообще хорош, но прошу вас, родителей, братьев и родственников наблюдать за мыслями и нравственностью молодых людей. Служите им сами примером благочестия и любви к царю и отечеству, направляйте их мысли к добру и если заметите в них дурные наклонности, старайтесь мерами кротости и убеждением наставить их на прямую дорогу. По неопытности они могут быть вовлечены неблагонадежными людьми к вредным для общества и пагубным для них самих последствиям. Ваш долг, господа, следить за ними.

У нас существует класс людей весьма дурной, и на который я прошу вас обратить особенное внимание — это дворовые люди. Будучи взяты из крестьян, они отстали от них, не имея оседлости и не получив ни малейшего образования. Люди эти вообще развратны и опасны как для общества, так и для господ своих. Я вас прошу быть крайне осторожными в отношениях с ними. Часто, за столом или в вечерней беседе, вы рассуждаете о делах политических, правительственных и других, забывая, что люди эти вас слушают и по необразованности своей и глупости толкуют суждения ваши по-своему, т. е. превратно. Кроме того, разговоры эти, невинные между людьми образованными, часто вселяют вашим людям такие мысли, о которых без того они не имели бы и понятия. Это очень вредно!

Переходя к быту крестьян, скажу вам, что необходимо обратить особенное внимание на их благосостояние. Некоторые лица приписывали мне по сему предмету самые нелепые и безрассудные мысли и намерения. Я их отвергаю с негодованием. Когда я издал указ об обязанных крестьянах, то объявил, что вся без исключения земля принадлежит дворянину-помещику. Это вещь святая и никто к ней прикасаться не может. Но я должен сказать с прискорбием, что у нас весьма мало хороших и попечительных помещиков, много посредственных и еще более худых, а при духе времени, кроме предписаний совести и закона, вы должны для собственного своего интереса заботиться о благосостоянии вверенных вам людей и стараться всеми силами снис-

кать их любовь и уважение. Ежели окажется среди вас помещик безнравственный или жестокий, вы обязаны предать его силе закона. Некоторые русские журналы дозволили себе напечатать статьи, возбуждающие крестьян против помещиков и вообще неблагоприятные, но я принял меры и этого впредь не будет.

Господа! У меня полиции нет, я не люблю ее: вы моя полиция. Каждый из вас мой управляющий и должен для спокойствия государства доводить до моего сведения все дурные действия и поступки, какие он заметит. Если и в моих имениях вы усмотрите притеснения и беспорядки, то убедительно прошу вас, не жалея никого, немедленно мне о том доносить. Будем идти дружную стопою, будем действовать единодушно и мы будем непобедимы.

Правило души моей откровенность, я хочу, чтобы не только действия, но намерения и мысли мои были бы всем открыты и известны; а потому я прошу вас передать все мною сказанное всему С.-Петербургскому дворянству, к составу которого я и жена моя принадлежим, как здешние помещики, а кроме того всем и каждому».

Император Николай и освобождение христианского Востока

В «Русской Старине», в заметках по поводу Восточной войны 1853—1856 годов, была высказана мысль, что если со временем появится в печати обширная собственноручная переписка императора Николая, прервавшаяся только за несколько дней до кончины государя и обнимающая собою все политические и военные вопросы того времени, то это будет лучшим памятником, воздвигнутым этому державному вождю России¹. С тех пор прошло много лет, но каждое вновь открываемое историческое свидетельство, касающееся этой эпохи и вообще тридцатилетия с 1825 по 1855 год, служит только подтверждением справедливости высказанного тогда взгляда.

К числу таких драгоценных памятников, доселе еще не сделавшихся достоянием истории, относится, без сомнения, помещенная ниже собственноручная записка императора Николая о

¹ См. «Русскую Старину» 1875 г., т. XIII, с. 639.

восточном вопросе, предназначавшаяся для государственного канцлера графа Нессельроде; она написана государем в начале ноября 1853 года, в то время, когда недоброжелательство западных держав (в особенности же Англии) к России обрисовалось уже с достаточною ясностью. До сих пор ни один историк Восточной войны 1853—1856 годов не упомянул об этой записке и никто не подозревал о том новом направлении русской политики, которую намеревался придать ей император Николай в 1853 году. Предания священного союза, связавшие Россию по рукам и по ногам, готовы были, наконец, прерваться и русскому государственному эгоизму предстояло вступить в свои законные права. Но злой рок воспрепятствовал осуществлению благих намерений государя и на Россию обрушились беспримерные испытания...

Вот что начертал император Николай для вразумления своего канцлера.

«Непозволительные заявления лорда Абердина, заключающие в себе явное намерение затруднить наши действия на море и в то же время дозволение действовать против нас этим же путем¹, вынуждают нас обратиться к комбинации, способной вести нас прямо к нашей цели, увеличив наши средства действия и обеспечив их от нападений англичан.

Кажется, что английское правительство, вступаясь за турок, предвидит, что существование их империи в Европе сделается невозможным в весьма близком будущем и теперь уже соображает свои действия таким образом, чтобы иметь возможность обратить против нас последствия этого кризиса. Для этого, может быть, оно само встанет во главе освобождения европейских

¹ Великобританское правительство объявило, что оно ничего не предпримет на берегу Дуная, пока война не будет перенесена на правый берег; затем Англия предупреждала, что она доставит материальную поддержку Турции только в случае атаки, направленной нами с моря, против одного из турецких черноморских портов. Принимая подобную систему действий, Англия утверждала, что она тем не менее не находится с нами в разрыве.

На депеше барона Бруннова, сообщившего это оригинальное решение лондонского кабинета 26-го октября 1853 г., император Николай написал:

«C'est infâme. Et les turcs pourraient inopinément passer la rive gauche; voilà un paradoxe digne des anglais. Ainsi c'est la guerre avec nous. Soit».

«Это подло. И турки смогли бы внезапно перейти на левый берег; вот порядок, достойный англичан. В результате война с ними. Пусть будет так» (фр.).

Синопский бой произошел 18-го ноября; англо-французский флот вступил в Черное море 22-го декабря 1853 года.

христиан с целью дать им затем такое устройство, чтобы условия их будущего существования шли бы *совершенно вразрез с нашими существеннейшими интересами.*

Не представляется ли, следовательно, нашим настоятельным долгом предупредить этот постыдный расчет и объявить теперь же всем державам, что, сознавая всю бесполезность общих усилий обратить турецкое правительство на путь справедливости, и вынужденные к войне, исход которой не может быть определен заранее, мы остаемся верны нашему провозглашенному уже принципу отказаться, по возможности, от всякого завоевания, но вместе с тем признаем, что наступило время восстановить независимость христианских народов в Европе, подпавших несколько веков тому назад оттоманскому игу. Принимая на себя почин этого святого дела, мы приглашаем все христианские нации присоединиться к нам для достижения этой священной цели. Дело идет не только о христианах греко-католического вероисповедания, но и о судьбе всех христиан, без всякого различия, подвластных в Европе мусульманскому владычеству. Таким образом, мы провозглашаем желание действительной независимости молдаво-валахов, сербов, болгар, босняков и греков с тем, чтобы каждый из этих народов вступил в обладание страной, в которой живет уже целые века, и управлялся человеком по собственному выбору, *избранным им самим из среды своих же соотечественников.*

Я думаю, что сделанное таким образом воззвание или заявление должно произвести быструю перемену во мнении всего христианского мира и, быть может, возвратить его к более правильным понятиям об этом важном событии или, по крайней мере, освободить его от исключительного и злонамеренного руководства английского правительства.

Я вижу только одно средство, способное положить предел недоброжелательству англичан, так как невозможно предположить, чтобы после подобного заявления они все-таки решились бы примкнуть к туркам, чтобы вместе с ними сражаться против христиан.

Само собою разумеется, что после достижения первоначальной цели, будущее устройство освобожденных областей должно быть предоставлено общему соглашению. Нет сомнения, что оно представит еще немало затруднений, но я вполне убежден, что разрешение их не встретит непреодолимых препятствий. К тому

же, если успех увенчает *наши намерения*, то представится более вероятия одержать верх и в остальных наших намерениях.

Было бы крайне необходимо послать без малейшего замедления в эти области способных людей, чтобы ознакомиться с их положением и собрать на месте как можно скорее точные сведения о действительном настроении местных жителей и о содействии, на которое мы можем рассчитывать со стороны их. Люди, подобные *Ковалевскому*, были бы для этого весьма полезны. Это следовало бы сделать по отношению к сербам и боснякам, так как все, что касается до болгар, нам уже известно. Сверх того, следует немедленно вызвать сюда из Молдавии и Валахии депутацию, избранную из самых рассудительных бояр и духовных лиц, чтобы ознакомить их с нашими намерениями насчет их будущности и тем склонить их на сторону этого проекта».

Император Николай передал эту записку гр. Нессельроде и по поводу содержавшихся в ней мыслей имел с ним продолжительную беседу. Легко себе представить, с каким ужасом престарелый представитель преданий 1815 года выслушал смелые предположения, высказанные при этом свидании государем! Чтобы поколебать решимость императора Николая, граф Нессельроде ухватился за верное средство: он выставил противоречие этого проекта с политическим направлением, которому неуклонно придерживались почти полстолетия, и невозможность для консервативной Европы (*l'Europe conservatrice*) следовать за Россией по этому новому пути. Не довольствуясь словесным опровержением и выраженными сомнениями, граф Нессельроде представил государю, 8-го ноября 1853 года, еще записку¹, в которой доказывал невозможность для нас вызвать восстание христиан, не становясь в тоже время в противоречие с основными правилами, которыми мы до сих пор руководствовались, и не лишая вместе с тем консервативную Европу возможности присоединиться к нам и согласиться с нами. Она будет иметь право, писал граф Нессельроде, возражать нам словами всех наших заяв-

¹ «Последний разговор, которым в. в. угодно было удостоить меня, оставил во мне самое тягостное впечатление, так как я имел несчастье не угодить в. в. Но почитая своим священным долгом не скрывать от в. в. ни одной из своих мыслей и представлять свои сомнения относительно проектов, которые совесть моя заставляет меня считать опасными для интересов России, представляю при сем записку о тех камнях преткновения, которые в. в. встретите на пути своем при выполнении плана, изложенного в вашей предыдущей записке». Н. Ш.

лений, в которых мы постоянно уверяли, что, вступая в пределы княжеств, мы не предпримем ничего, что могло бы вызвать восстание христианского населения против султана.

По мнению канцлера, вопрос этот может представиться совершенно в ином виде в том случае, когда с наступлением весны мы будем вынуждены необходимостью вести против Порты беспощадную войну; если в это время, что весьма вероятно, христиане, без всякого с нашей стороны подстрекательства, восстанут поголовно, тогда мы можем принять их восстание как совершившийся факт. При решительном движении значительных сил, которые мы должны будем выставить на театре военных действий и при согласовании этого движения с восстанием христиан, Оттоманская империя не будет в состоянии выдержать такого удара и перестанет существовать. Конечно, Англия и Франция не возьмут на себя труда вновь завоевать шаг за шагом в пользу султана освобожденную уже территорию, защищаемую Россией и христианскими народами, готовыми умереть с оружием в руках за свою национальную независимость. Тогда независимость эта может быть провозглашена Россией пред лицом всего мира, и это будет носить на себе *характер такого беспристрастия и великодушия* (un tel caractère de désintéressement et de générosité), что недоброжелательность и недобросовестность не будут в состоянии ее оспорить. Вследствие этого, граф Нессельроде признавал необходимым теперь же разведать о настроении населений, о которых идет речь, и собрать точные данные о средствах борьбы, которыми они будут располагать, а также о размере денежной помощи, которая будет необходима им для приобретения оружия и боевых припасов.

Император Николай возражал государственному канцлеру. «Я не разделяю вашего чувства безопасности; я убежден, что англичане, весьма мало разборчивые в своих действиях, лишь только убедятся в том, что успех войны склоняется на нашу сторону, не задумаются переменить роль и тотчас же пожелают присвоить себе дело освобождения христиан, чтобы лишить нас инициативы в этом предприятии. Преследуя, без всякого стеснения, исключительно свои личные интересы, они постараются придать делу освобождения такое направление, которое, по их мнению, окажется для нас самым вредным. Должны ли мы допустить это? — полагаю, что нет. Провозглашение освобождения

должно быть сделано нами лишь тогда, когда мы будем наверное знать, что христиане не только желают освобождения, в чем не может быть сомнения, но что они готовы действовать не щадя жизни и с напряжением всех их усилий при нашей поддержке».

Мнение графа Нессельроде восторжествовало. Все было отложено в долгий ящик и благоприятный момент безвозвратно утрачен.

26-го декабря 1853 г. барон Мейендорф донес из Вены, что, по сведениям, полученным из Константинополя, представители четырех великих держав настаивают у Османской Порты на освобождении ею христианских подданных. Император Николай написал на этой депеше следующие многозначительные слова: «Вот оно, прав ли я?»

Н. К. Шильдер.

Собственноручная записка Императора Николая I о войне с Турцией

Разослана в начале ноября 1853 года

Кампания 1854 года может открыться при разных условиях; она быть может:

1) *оборонительною* против одних турок в Европе и *наступательною* в Азии;

2) *оборонительною* против турок в союзе с Францией и Англиею и *наступательною* в Азии;

3) *наступательною* и в Европе и Азии против *одних турок*, и

4) наконец, *наступательною* и в Европе и Азии, несмотря на союз турок с Францией и Англиею.

Неуверенность или сомнение, что предпримут Англия и Франция при открытии кампании, требует с нашей стороны таких соображений, которые бы, обеспечив собственные наши границы от неприятельских предприятий, давали, однако, нам возможность наносить наибольший вред Турции, не тратя без необходимости русской крови.

Итак, следует меры наши разделить на два отдела:

1) *обеспечение собственных границ*;

2) *действия против врагов наступательно.*

Нападения на наши границы сухопутно предвидеть нельзя; ожидать можно только морских действий или высадок.

В Балтике требуются особые соображения, и потому здесь об этом говорить не стану.

В Черном море нападения на границы наши могут быть: на Одессу, на Крым или на береговые форты по берегу Кавказа.

Из трех случаев последний самый для нас невыгодный, и ежели флоты французский и английский войдут в Черное море, вряд ли возможно будет продолжать занимать берег, разве Анапу, Новороссийск, Геленджик, Сухум-Кале; прочие форты, вероятно, надо будет покинуть, сколько бы ни желательно было избегнуть сей необходимости.

Атака на Крым равномерно возможна только при содействии французов и англичан, и появление их войск в Царьграде потребует уже предохранительных мер против подобного покушения.

Атака на Одессу из трех случаев наименее опасна, ибо, кроме цели бомбардировки беззащитного города, других последствий иметь не может, не представляя удобств к высадке, ежели вблизи отряд некоторой силы.

Переправа через Дунай вблизи Измаила или Рени также невероятна по трудности самой переправы и во всяком случае удобно может быть отбита.

Итак, кажется, на *первый* случай сим ответствовано.

Приступаю ко *второму*.

Оставаясь при принятом уже плане *оборонительной войны в Европе*, 2-х назначенных корпусов с 8-ю казачьими полками достаточно, чтоб не только оборонять Молдавию и Большую Валахию, но и Малую Валахию; а как турки уже заняли переправу у Калафата, то нужно будет сперва изгнать их оттуда и остановиться до обстоятельств, о которых ниже упомяну.

В то же время, ежели Господь благословит оружие наше, желательно, чтобы кавказский корпус наступал и овладел Карсом, Баязетом и Ардаганом, что исполниться должно в течение зимы или ранней весны.

Ежели перемены не будет в упорстве турок в течение сего времени, тогда наступит *второй период действий*, и уже тогда мы приступим к *переправе через Дунай* (примерно в марте 1854 года).

Начав с сильной демонстрации у Сатунова войсками, в Бесарабии расположенными, и в то же время в виду переправы у

Гирсова войсками 3-го корпуса, *настоящую переправу исполним выше Видина* 4-м корпусом. Есть надежда, что предприятие сие удасться может, и вслед затем надо будет обложить и приступить к осаде Видина.

Расположение сербов к нам дает мне надежду, что наше появление в сем крае их побудит приняться за оружие и стать рядом с нами, чем можно действия наши облегчить.

Как бы турецкая армия сильна ни была, но попытки наши с начала кампании к переправе на двух точках должны держать их в недоумении, *в чем именно состоит настоящее намерение наше*, и не даст им вовремя собрать все главные их силы на верховья Дуная. Но ежели они не вдалились в обман и стянули главные свои силы к Видину, тогда наши *фальшивые атаки обратятся в настоящие*, и войска у Сатунова и Гирсова овладеют переправами и *занять должны край до Троянова вала*, блокируя Исакчу, Тульчу и Кюстенджи, ежели крепости сии восстановлены и того требуют.

Полагая, что обе сии переправы будут исполнены 15-ю и 9-ю дивизиями, *будет за Дунаем здесь 34 батальона и, вероятно, одна кавалерийская дивизия с 2-мя казачьими полками*.

В то же время останутся в окрестностях Бухареста 7-я и 8-я дивизии с *одною кавалерийскою бригадою и 2-мя казачьими полками* для защиты края до дальнейшего развития обстоятельств.

Сим кончается 2-й период действий.

Третий период будет осада Видина, действия против турецкой армии, ежели она пойдет на помощь Видину, или против войск в Бабадагской области. У Видина надо идти к ним навстречу и стараться их разбить, *напустив сербов им в левый фланг и тыл*. У Троянова вала, ежели не сильны, разбить их; ежели очень сильны, отступить к Гирсову, и тогда, вероятно, уже у Видина не будут они сильны, и осада беспрепятственно произведется.

Вероятно, за сербами поднимутся и болгары, и тем положение турок еще более затруднится.

Взятием Видина (вероятно, в августе) кончится третий период.

Во все эти три периода на флоте может лежать обязанность не только способствовать защите берегов наших, но наносить возможный вред туркам, препятствуя свободному сообщению с их портами; все это возможно будет лишь тогда, когда английского и французского флотов в Черном море не будет, по крайней мере в превосходных силах.

Эскадре на Абхазских берегах в особенности следует усугубить надзор за недопуском турецких судов их Батума и Анатолии.

Флотилия на Дунае состоять должна в распоряжении князя Горчакова; ее содействие будет весьма полезно как для воспрепятствования переправам турок от Гирсова вниз по Дунаю, так и для способствования переправ наших войск и прикрытия мостов, когда действия наши дойдут до сей эпохи.

Ежели потеря Видина, Карса, Баязета и Ардагана не поколеблет упорства турок, тогда наступит *четвертый период*.

Полагаю, что ему предшествовать должно воззвание к единоплеменным и единоверным народам к восстанию объявлением, что мы идем вперед для избавления их от турецкого ига. Вероятно, сие последует чрез год, т. е. в ноябре 1854 года, в ту эпоху года, где уже военным действиям в тех краях природа препятствует.

Разрешенное формирование волонтерных рот будет тогда служить основанием или корнем новых ополчений в Сербии и Бугарии, на что употребится зима.

Следует здесь решить: как армии нашей зимовать?

Полагаю, что 4-й корпус, занимая Видин, может расположиться вокруг его по сербским селениям, или частию в Малой Валахии. Войска в Большой Валахии останутся в ней. Те же, которые переправились чрез Дунай у Сатунова и Гирсова, могут занять собственно Бабадаг и окрестности и мостовое укрепление в Гирсове.

В этом положении проведем зиму с 1854 на 1855 год.

В Азии желательно завладеть Кабулетом и Батумом, не подаваясь далее вперед, но делая частые набеги, дабы держать турок в тревоге, и предоставляя персиянам вести наступательную войну для их пользы.

Начало 1855 года укажет нам, какую надежду возлагать можем на собственные способы христианского населения Турции, и останутся ли и тогда Англия и Франция нам враждебны. Мы не иначе должны двинуться вперед, *как ежели народное восстание на независимость примет самый обширный и общий размер; без сего общего содействия нам не следует трогаться вперед; борьба должна быть между христианами и турками; мы же как бы оставаться в резерве.*

Быть может, что для развлечения турецких сил приступить можно будет к осаде Силистрии, но мудрено сие теперь же предугадать.

Канц. Воен. Мин., секр. Дело № 60, 1853 г.

**Воззвание, написанное собственноручно
Императором Николаем**

Препровождено князю Варшавскому 7 апреля 1854 г.

На переписанном пометка Государя: «Очень хорошо; приготовить к отправлению к князю Варшавскому и сообщить к сведению графу Нессельроду. Письма к фельдмаршалу пришли попозже».

Единоверным братьям нашим в областях Турции

По воле Государя Императора Российского, вступил я с победоносным и христолюбивым воинством Его в обитаемый вами край, не как враг, не для завоеваний, но с крестом в руках, с святым знамением Богоугодной цели, для которой подвигаемся.

Сия единственная цель Благоверного и Всемиловитейшего Государя моего есть защита Христовой Церкви, защита вас, православных ее сынов, поруганных неистовыми врагами. Не разлилась уже за вас Русская кровь и, с благословением Божиим, лилась не даром. Ею орошены права, приобретенные теми из вас, которые менее других стеснены в своем быте. Настало время и прочим христианам стяжать те же права не на словах, а на деле.

Итак, да познает каждый из вас, что иной цели Россия не имеет, как оградить святость Церкви, общей нашей Матери, и неприкосновенность вашего существования от произвола и притеснений.

Братья во Христе, воскресшем в искупление человеков! Соединимся в общем подвиге за Веру и ваши права! Дело наше свято! Да поможет нам Бог!

Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. 35

**Собственноручно написанный и исправленный
Императором Николаем манифест 11 апреля 1854 г.**

Пометка Государя: «Напечатать завтра, а раздать в день Светлого Воскресения, послав несколько экземпляров к Г. Закревскому, так, чтобы пришли во время».

С самого начала несогласий Наших с Турецким Правительством Мы торжественно возвестили любезным Нашим верно-подданным, что единое чувство справедливости побуждает Нас восстановить нарушенные права православных Христиан, подвластных Порте Оттоманской. Мы не искали и не ищем завоеваний, ни преобладательного в Турции влияния сверх того, которое по существующим договорам принадлежит России.

Тогда же встретили Мы сперва недоверчивость, а вскоре и тайное противоборство Французского и Английского правительств, стремившихся превратным толкованием намерений Наших ввести Порту в заблуждение. Наконец, сбросив ныне всякую личину, Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело в глазах их второстепенное, но что общая их цель — обессилить Россию, отторгнуть у нее часть ее областей и низвести Отечество Наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею Десницею.

Православной ли России опасаться сих угроз! Готовая сокрушить дерзость врагов, уклонится ли она от Священной цели, Промыслом Всемогушим ей предназначенной.

Нет!! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за Веру Христианскую и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами.

Да познает же все Христианство, что как мыслит Царь Русский, так мыслит, так дышит с ним вся русская семья, верный Богу и Единородному Сыну Его Икупителю Нашему Иисусу Христу Православный Русский народ.

За Веру и Христианство подвигаемся! С нами Бог, никто же на ны!

Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., с. д. № 36.

ПИСЬМА

Письмо Великого Князя Николая Павловича к архиепископу Московскому Августину

*по случаю рождения Великого Князя
Александра Николаевича¹ 1818*

Со страхом свойственным человеку слабому и с надеждой не покидающей человека верующего, видел я приближение решительнейшей минуты в моей жизни. Не зная, что определило мне Провидение, радость или горесть, я подкрепил душу мою обещанием и ожидал с покорностью воли Божией. Ему угодно было благословить меня счастьем отца; Он сохранил и мать и младенца. Изъявление благодарности не нужно Тому, Кто читает в глубине души, но оно необходимо душе благодарной. Обещание мое, которое спешу исполнить, состояло в том, чтобы во имя Александра Невского воздвигнуть придел в церкви Нового Иерусалима: это смиренное приношение счастливого отца,веряющего Отцу Всемогущему свое драгоценное благо — участь жены и сына. Вас, преосвященнейший владыко, прошу быть мне помощником и руководителем во исполнении сего обета, священного моему сердцу. Пускай перед алтарем, воздвигнутым благодарностью отца, приносятся молитвы и о матери и сыне, да продлит Всемогущий их жизнь для собственного их счастья, на службу Государю, на честь и пользу Отечеству. Прося благословения вашего и им и себе, пребываю и пр. Николай.

(Из приложений к книге И. М. Снегирева о жизни архиепископа Августа.)

Высочайшая грамота на имя Филарета Московского

Преосвященный архиепископ московский Филарет! Мне приятно было получить письмо ваше от 18-го числа сего ме-

¹ Рождением этим утверждалась династия, так как у императора Александра Павловича детей не было, бездетный цесаревич Константин Павлович находился в разводе с супругой, а великий князь Михаил Павлович еще не был женат. — П. Б.

сяца и видеть в нем изъявление чувств преданности вашей и усердия по случаю восшествия моего на прародительский престол и архипастырские молитвы ко Всевышнему Царю царствующих, о благословении на начинающееся царствование Мое. Примите благодарность мою за сие, равно как и за доставленное Мне описание открытия хранившегося в Успенском соборе акта в Бозе почившего Императора, любезнейшего брата моего. Достоинства ваши были Мне известны; но при сем случае явили вы новые доводы ревности и приверженности вашей к отечеству и ко Мне. В воздаяние за оные, всемилостивейше жалуя вам бриллиантовый крест, у сего препровождаемый, для ношения на клобуке. Пребываю вам всегда доброжелательный НИКОЛАЙ.

Санкт-Петербург 25 декабря 1825 года.

Письмо императора Николая I к гр. Витгенштейну
15 декабря 1825 года

Граф Петр Христианович. Вам известна непоколебимая воля Брата Моего Константина Павловича, исполняя которую, Я вступил на Престол с пролитием крови Моих подданных; вы поймете, что во Мне происходить должно и верно будете жалеть обо Мне.

Что здесь было — есть тоже, что и у вас готовилось, и что, надеюсь, с помощью Божиею, вы верно помешали выполнить. С нетерпением жду от вас известий насчет того, что г. Чернышев вам сообщил; здесь открытия наши весьма важны и все почти виновные в моих руках; все подтвердилось по смыслу тех сведений, которые Мы и от г. Дибича получили.

Я в полной надежде на Бога, что сие зло истребится до своего основания.

Гвардия себя показала, как достойно памяти ее покойного Благодетеля.

Теперь Бог с вами, любезный Граф. Моя доверенность и уважение вам давно известны и Я их от искреннего сердца здесь повторяю вам искренний Николай.

С. П. Б. 15 декабря 1825 года.

Император Николай Павлович и Карамзин в последние его дни

Их переписка

Покойная Екатерина Николаевна Муромцева передала нам из архива своего деда — дяди князя А. Н. Голицына два подлинных письма Карамзина, одно к нему, другое к Императору Николаю Павловичу, в царствование которого историограф жил около полугода. Печатаю здесь эти письма, присоединяю к ним и другие два письма его, как и ответы на них, заимствуя их из книги М. П. Погодина (М., 1866).

31 октября 1825 года, на вечере у императрицы-матери, Карамзин читал выдержку из XII тома своей истории, про осаду Троицкой лавры. На чтении присутствовал великий князь Николай Павлович, и оно произвело на него сильное действие. 15 ноября Карамзин переехал из Царского Села в Петербург, а 14 декабря провел почти весь день в Зимнем дворце и на Дворцовой и Исаакиевской площадях, куда императрица-мать посылала его в мундирном одеянии, в башмаках, шелковых чулках, узнавать о ходе рокового события. В него кидали камнями. К концу дня он изнемог и уже не был в силах исполнить желание нового государя о составлении статьи для Северной Почты о происшедшем и указал для того на Д. Н. Блудова. За тем императрица-мать ежедневно звала его к себе, и тут он в присутствии Николая Павловича говорил смело и решительно про ошибки предыдущего царствования, должен был вступать в споры с Мариею Федоровною. Эти поездки в Зимний дворец подорвали здоровье Карамзина, и хотя потом он оправлялся несколько, но 22 марта 1826 года написал к Государю следующее письмо.

Всемилоостивейший Государь.

В начале примите еще от слабого Историографа невольное слабое выражение чувства сильного: живейшей сердечной благодарности за трогательные для меня знаки вашего участия в моей тяжелой болезни... И в какие дни! Вы делали то, что делал Александр. Эта мысль еще более умиляла меня.

Оправляюсь, но тихо: чувствую еще раздражение в груди, кашляю и буду кашлять долго, как говорят медики, если *нынешним летом* не удалюсь отсюда в климат лучший, и, по мое-

му собственному чувству, необходимый для восстановления физических сил моих. Третьего года я здесь умирал, прошлого изнемогал и худел, а ныне был в опасности, и в первую зиму и осень могу снова иметь воспаление в груди, уже расстроенной. Медики решительно советуют мне *пожить во Флоренции*; но с семейством многочисленным¹ и состоянием недостаточным², особенно с того времени, как наши крестьяне, подобно другим, худо платят оброк, не могу и думать о путешествии. Есть однакожь способ, и зависит единственно от вашего соизволения, без всякого ущерба или убытка для казны. Резидент наш во Флоренции, г. Сверчков, будучи весьма слабого здоровья, думает, как мне сказывали, *скоро* оставить свое место, которого смиренно, но убедительно прошу для себя у Вашего Императорского Величества, уже изъяснив причину: надежду действием хорошего климата спастись там от чахотки и, может быть, преждевременной смерти. Без нескромности, кажется, могу сказать, что имею понятие о политических отношениях России к державам Европейским, и не хуже другого исполнил бы эту должность.

23 года, *по воле* Императора Александра, я неумоимо писал Историю, назывался *Государственным* Историографом, но не получал никакого жалования от Государства и никаких денежных наград, кроме суммы, выданной мне в 1816 году из кабинета для платежа типографщикам за печатание десяти первых томов, и кроме двух тысяч пенсии (ассигнациями), определенной мне, как почетному члену Московского Университета. Я жил плодами своих трудов; но теперь уже дописываю последний том: с ним кончится и моя деятельность и мой важнейший доход.

Если Ваше Императорское Величество милостиво исполните мою всеподданнейшую просьбу, то это будет для меня величайшим благодеянием: других желаний и видов не имею. Неисполнение, признаюсь, огорчит меня; но да будет воля Божия! Ничто не охладит в душе моей истинной любви к вам и призна-

¹ У Карамзина было четыре сына и три дочери. Ему шел 61-й год. В 1823 г. родился у него последний сын Владимир. — П. Б.

² Сам Карамзин был беден; за второю супругою своею он получил Нижегородское поместье, около тысячи душ, но, кажется, никогда не был там. В Петербурге жил он скромно, но проживал много. Дочь его Елисавета Николаевна рассказывала, что за покупками чаю, сахару и пр. он сам ходил в лавки. — П. Б.

Император Николай I. Портрет работы Ф. Крюгера

Император Павел I. Гравюра Д. Вилькера с портрета Д. Аткинсона

Императрица Мария Федоровна. Гравюра с портрета А. Беннера

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ.

Императрица и Самодержица
всероссійская,
и прочая, и прочая, и прочая.

Оформленъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ воляемымъ.

Въ 25 й день Июня НАША любезная дѣвственъ Великая Княгиня разрѣшилася отъ бремени рожденіемъ НАМЪ сына, а изъ императорскихъ ВЫСОЧЕСТВАМЪ сына нареченнаго НИКОЛАЕМЪ.

Тяготею императорскаго Дона НАШЕГО вращенію прислать МНѢ видѣнь милостѣмъ благодѣла Божьиннаго на НАСЪ и НАШУ Имперію обильно милостивъ, а по тому возбудя въ сѣбѣ НАШИМЪ вѣрнымъ воляемымъ предвѣдѣнь утѣшительнымъ, что всѣ оны соединилъ съ НАМИ усердіемъ къ Богу желаніемъ о благополученіи возрѣсній возмужаловаго и преуспѣваніи во всемъ что въ разумную славу Дона НАШЕГО и славу ошестствъ служить имѣетъ. Повѣдѣвася впрочемъ во всѣхъ дѣлахъ гдѣ вращаются всѣмъ писанъ и исполненъ сего любимаго НАМЪ сына ЕГО императорскимъ ВЫСОЧЕСТВОМЪ Великимъ Княземъ. Дамъ въ Царсконъ сѣбѣ имѣя бо въ дѣтѣ отъ Рождества Христова 1796 е, Царствованіи же НАШИХЪ Всероссійскихъ въ тридцать пять и Трѣхцѣсати въ тридцать пять.

На воляемомъ повелѣніи
собственнаго ЕЯ императорскаго
величества
рукою шлю:

ЕКАТЕРИНЪ.

Печатанъ въ Свѣтлицѣ
Штербургъ при Сенатѣ
Іюля 9 дня 1796 года.

Манифест 6 июля 1796 г. о рождении великого князя Николая Павловича

Великий князь Николай Павлович в детстве. Гравюра начала XIX в.

Император Александр I. Гравюра Одуена с портрета Бурдона

Великий князь Николай Павлович. Гравюра Жоно с портрета А. Беннера

Арка Главного штаба. Литография К. Бегрова. Начало 1820-х гг.

Великий князь Николай Павлович.
Портрет работы Рокштуля. 1821 г.

Великая княгиня Александра Федоровна. Гравюра Ж. Меку с портрета А. Беннера

Великий князь Николай Павлович в costume Алариса, царя Бухарского и великая княгиня Александра Федоровна в costume Лалла-Рук. Из книги «Lalla-Roukh. Divertissement executé au chateau royal de Berlin le 27 Janvier 1821, pendant le séjour de L. L. A. A. J. J. Magr. Le grand duc Nicolas et Mad. La grande duchesse Alexandra Feodorowna» (Berlin, 1822)

Прогулка великого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Федоровны в кабриолете. Гравюра начала 1820-х гг.

Великий князь Константин Павлович. Гравюра С. Карделли

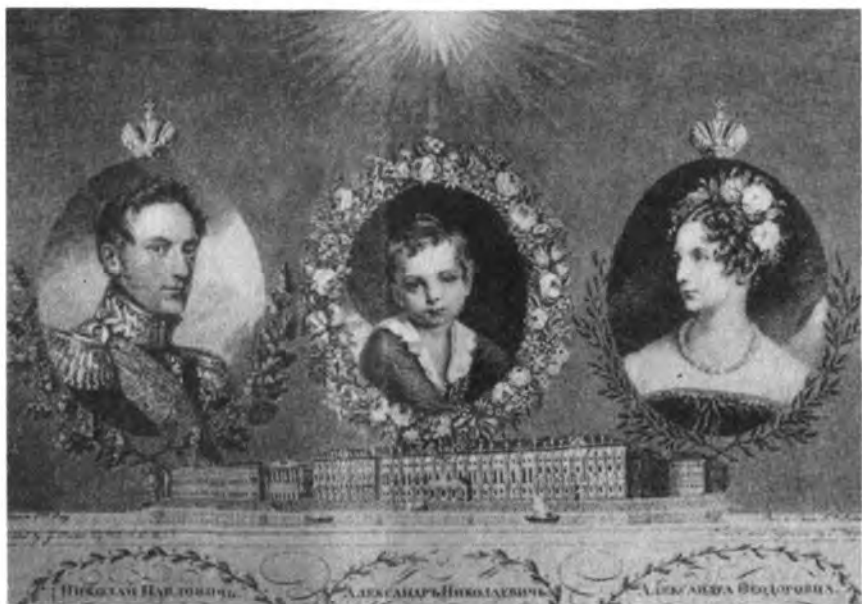
Великий князь Николай Павлович. Рисунок А. С. Пушкина в черновиках поэмы «Руслан и Людмила». 1818–1819 гг.

Император Николай I на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Литография Рябцова с рисунка В. Садовникова

Император Николай Павлович. Гравюра с портрета Д. Доу

Император Николай Павлович, императрица Александра Федоровна и цесаревич Александр Николаевич. Гравюра Т. Райта с портрета Д. Доу

Императрица Александра Федоровна с великим князем Александром Николаевичем и великой княжной Марией Николаевной. Гравюра Т. Райта с портрета Д. Доу

Офорты, сделанные императором Николаем I собственноручно

Торжественное шествие в Успенский собор в день коронации императора Николая I. Гравюра из «Коронационного альбома», 1828 г.

А. С. Пушкин. Гравюра Т. Райта, 1836 г.

Николай I с семейством на катере (с русской литографии)

Архиепископ Херсонский
и Таврический Иннокентий (Борисов)

М. М.: Сперанский.
С гравюры Т. Райт

Николай I на ночных маневрах (с русской литографии)

тельности за благоволение и лестную доверенность, которые вы мне уже оказали.

Могу ли ждать ответ? По крайней мере мысль о долговременной неизвестности в теперешнем моем физическом состоянии несколько тревожит мое воображение.

Государь отвечает 6 апреля 1826, из Царского Села:

Ежели не ранее вам отвечал, любезный Николай Михайлович, то не полагайте, чтобы то было из забывчивости, но, напротив, из желания о всем дать ответ удовлетворительный. Я искал приладить желание ваше с возможностью, и полагаю, что может успел в том. Предлагаю вам следующее, но наперед благодарю вас сердечно, и за доверенность, и за содержание письма вашего; жалею сердечно, что первая услуга, которую вы ставите меня в возможность вам оказать, клонится к тому, чтоб вас удалить от всех нас. Вы поверите, надеюсь, без труда, что с сердечным прискорбием убеждаюсь, что сие временное удаление необходимо. Но так, видно, Богу угодно, и должно сему покориться без ропота. Однако покуда я, быв здесь, привел в порядок ваше летнее квартирование¹ в надежде, что пригодится.

Но обратимся к делу. Вам надо ехать в Италию — вот что хотят медики; надо их послушать и избрать лучший способ, т. е. покойнейший, как туда доехать: морем ли до Италии или только до Любека, или сухим путем? Пребывание в Италии не должно вас тревожить, ибо хотя место во Флоренции еще не вакантно, но Российскому Историографу не нужно подобного предложения, дабы иметь способ там жить свободно и заниматься своим делом, которое, без лести, кажется, стоит дипломатической корреспонденции, особенно Флорентийской. Словом я прошу вас не беспокоиться об этом, и, хотя мне в утешение, дайте мне озаботиться способом устроить вашу поездку.

Про Стутгарт я вам и не говорю; хотят, чтобы вы были в Италии; стало, туда и ехать должно. Прошу вас только уведомить меня, как и куда решитесь ехать, а прочее я *все* устрою.

Повторяю, что мне больно слышать и верить, что вам надо ехать; дай Бог, чтобы здоровье ваше скоро восстановилось и возвратило бы вас к тем, кои вас искренне любят и уважают: причтите меня к этим. Вас искренне любящий Николай.

¹ Т. е. в одном из Китайских домиков Царского Села. — П. Б.

На другой день вот что написал Карамзин Государю. Это письмо впервые появляется в печати. Оно сохранилось в бумагах князя А. Н. Голицына, которому было вероятно передано Государем.

С.-Петербург, 7 апреля 1826.

Всемиловитейший Государь!

И любезнейший! прибавляю от глубины сердца. Какое неизъяснимо трогательное и гораздо более, нежели милостивое, письмо! Нет слов для выражения моей благодарности: она, пока дышу, будет одним из живейших чувств моей души. Пишу это сквозь сладкие слезы, с умилением необыкновенным. О! как буду желать скорее оправиться, чтобы скорее возвратиться в отечество. И в чужой земле надеюсь беспрестанно заниматься Россиею: во-первых, думаю кончить последний том Истории во Флоренции; во-вторых, буду читать с жадностью о всех действиях вашего царствования и ежедневно молить Бога, чтобы Он даровал успех всем вашим намерениям для государственного блага вверенной вам от Него державы. Смею сказать простосердечно, что вы, императрицы и все ваше августейшее семейство постоянным изъявлением ко мне благоволения и ласки сделались как бы родными для моего сердца. Но чтобы наслаждаться счастьем быть при вас, должно быть здоровым; а внутреннее чувство мое, еще более всех медиков, удостоверяет меня, что действительнейшее к тому средство есть путешествие и перемена климата, не лекарства.

Вы приказываете мне с истинно отеческим участием, сказать: как мы хотим ехать? Вот наш план: в июне сесть со всем семейством на корабль в Кронштадте и плыть до *Бордо* (плавание, совершаемое обыкновенно недели в 3); там выйти на берег, сухим путем ехать до Марселя и в ней сесть снова на корабль, чтобы плыть в Ливорну. Вы говорите: Я все устрою! Читая и повторяя это слово, умею только плакать. Без забот и сомнений предаюсь в волю Божию и вашу... между тем смотрю на портрет Александров с любовью, которую имел к нему живому: он оставил мне богатое наследство в вашей ко мне милости. Вы, мой второй хозяин Царскосельский, подумали о приготовлении и тамошнего нашего жилища. К сожалению, сборы путешествия не дадут мне времени пожить еще до отъез-

да в месте столь великих и трогательных воспоминаний. Но если бы нашелся в зданиях, принадлежащих к Таврическому дворцу, уголок скромный, сухой и теплый для историографа с семейством, то мы могли бы еще недели три подышать там лучшим городского воздухом, занимаясь в то же время и нашими сборами.

Повергаю себя к вашим стопам с благоговением и любовью. Верноподданнейший Николай Карамзин.

Тогда же, кажется, Карамзину были даны и деньги на путешествие, которое он думал начать в июне месяце.

В первых числах мая Карамзины переехали в Таврический дворец. Доктор объявил, что он не в состоянии будет перенести путешествие. Тогда Жуковский принялся ходатайствовать, и 13 мая, т. е. за 9 дней до кончины Карамзина, принесли ему последнее письмо Государя с указом министру финансов о пенсии ему и после него семейству его по 50 тысяч рублей в год.

Николай Михайлович.

Расстроенное здоровье ваше принуждает вас покинуть на время отечество и искать благоприятнейшего для вас климата. Почитаю за удовольствие изъявить вам мое искреннее желание, чтобы вы скорее возвратились к нам с обновленными силами, и могли снова действовать для пользы и чести отечества, как действовали доньше. В то же время и за покойного Государя, знавшего на опыте вашу благородную, бескорыстную к нему привязанность, и за себя самого, и за Россию, изъявляю вам признательность, которую вы заслуживаете своею жизнью, как гражданин, своими трудами, как писатель. Александр сказал вам: *Русский народ достоин знать свою Историю*. История, вами написанная, достойна Русского народа. Исполняя то, что желал, но чего не успел исполнить брат мой. В приложенной бумаге найдете вы изъявление воли моей, которая, будучи с моей стороны одною только справедливостью, есть для меня и священное завещание Александра. Желая, чтобы путешествие вам было полезно и чтобы оно возвратило вам силы для довершения главного дела вашей жизни. Пребываю вам всегда благосклонный, Николай.

Всемилоостивейший Государь!

Рескрипт, которым вы осчастливили меня третьего дни, написанный столь трогательно, с таким благоволением, воспоминание в нем о незабвенном Александре, хвала смиренному историографу сверх его достоинств, омочил слезами бледное лицо мое. Прочитав же указ к министру финансов, я не поверил своим глазам: благодеяние выше меры. Никогда скромные желания так далеко не простирались. Но изумление скоро обратилось в умиление живейшей благодарности; если сам не буду пользоваться плодами такой царской беспримерной у нас щедрости, то закрою глаза спокойно; судьба моего семейства решена наисчастливейшим образом. Дай Бог, чтобы фамилия Карамзиных, осыпанная милостями двух монархов, заслужила имя верной, ревностной к Царскому дому. О, как желаю выздороветь, чтобы последние дни мои посвятить вам, бесценный Государь, и любезному отечеству. Вчера не мог я писать, и ныне голова моя очень слаба. Видом, говорят, я поправлюсь, но слабость не выпускает меня из полулюдей. Заклучу тем: милости, благодеяния ваши ко мне так чрезвычайны, что я и здоровый не умел бы выразить вполне моей признательности. Повергаю себя к стопам вашим со всем семейством. Душою и сердцем верноподданный. Николай Карамзин.

С.-Петербург, 15 Мая 1826 г.

Скончался Карамзин 22 Мая. Николай Павлович на другой день приезжал поклониться его телу и заливался слезами. Одиннадцать лет спустя он плакал о Пушкине, посылал Наследника к телу его и ранним утром, когда еще было темно, приходил к дому князя Волконского, на Мойку и спрашивал дворника о здоровье поэта. П. Б.

Из переписки Николая I и Константина Павловича (1 сентября 1826 г. — 26 января 1827 г.)

Несколько отрывков из переписки Николая I и Константина Павловича за последние месяцы 1826 г. и первые 1827 г. помещаются здесь как естественное заключение всех предыдущих

материалов. В этих письмах оба брата, бывшие главными действующими лицами в тех событиях, которые пережила за год царская семья, ретроспективно вспоминают о них и дают их оценку, каждый со своей точки зрения.

1

Николай I — Константину Павловичу

Москва, 15 сентября 1826 года.

Примите мою искреннюю благодарность, дорогой и бесценный Константин, за ваше доброе и любезное письмо от 18-го, полученное мною три дня тому назад; ваша доброта, в нем выраженная, преисполняет меня счастьем. Дай Бог, чтобы вы были мною довольны — это все, чего я могу желать.

...Ваша записка относительно формы суда настолько важна в моих глазах, принимая во внимание статью, которой вы ее заканчиваете, что она даже меня беспокоит. Нельзя колебаться в выборе формы, раз опасность настолько очевидна; но я жалею и всегда буду жалеть, что обстоятельства таковы, что принуждают нас выбрать эту форму, которую я сам не могу признать совершенно законной, особенно после того как мы у себя в России дали пример процедуры чуть-чуть не с участием представителей¹, показав этим самым перед всем миром, насколько наше дело было просто, ясно и священно. Между тем в Польше, стране конституционной, мне придется назначить для сужения государственных преступников почти некомпетентный суд, и это при первом случае, когда я мог оказать нации доверие, призвав ее самое быть судьей тех граждан, которые по неблагодарности к своему благодетелю осмелились определить его намерения, присоединив и другие разрушительные и преступные виды и зная отчасти то, что замышлялось против его священной особы в другой части его государства. Будет ли это более верным средством охранить страну от всяких волнений и закрыть рот тем, которые пожелали бы видеть несправедливость в каре, которую предстоит наложить на преступников? У меня нет ни знания местных

¹ L'exemple d'une procédure presque représentative.

условий, ни опыта, и я говорю поэтому совершенно на ветер и исключительно по долгу безусловного доверия к моему брату, моему лучшему другу. Итак, дорогой Константин, примите мои слова за то, чем они и являются — за исповедь сердца. В остальном, будьте уверены, я исполняю то, что вы укажете мне как необходимое и неизбежное. С нетерпением жду доклада Комиссии, как резюме того дела, о котором я имею лишь общее и неясное представление.

2

Константин Павлович — Николаю I

Варшава, 12 октября 1826 года

...Следствие, слава Богу, почти закончено, и теперь заняты составлением доклада и записок о каждом из подсудимых. Это займет довольно времени и выйдет очень объемисто. Что касается суда и его состава, мне остается только поклониться перед тем, что вы по этому поводу говорите в вашем письме. Позволяю себе, однако, представить вам, что учреждение суда, наподобие того как это было сделано у вас, не может иметь места здесь без нарушения всех конституционных начал, потому что чрезвычайные суды не допускаются, а петербургский суд был именно таким, так как, наряду с Сенатом, в состав его введены были члены, назначенные специально для этого случая. Все конституционные страны уже отвергают компетентность и правосудность петербургского суда, называя его чем-то вроде военного суда (*cour prévôtale*); к тому же и самое судопроизводство представляется им незаконным, так как не было допущено гласной защиты и виновные, или, точнее, подсудимые, были осуждены, не будучи, так сказать, заслушаны публично и не воспользовавшись правом публичной защиты. В конституционных странах суды должны быть постоянные, а процесс публичным. То же имело место и здесь со времени истории Лукасинского, правда, только в военном ведомстве. Впрочем, я приказал составить для вас по этому вопросу записку, которая, надеюсь, окажется вам полезной и даст вам ясное понятие о том, что можно предпринять, чтобы остаться по возможности на законной почве.

Николай I — Константину Павловичу

Санкт-Петербург, 27 октября 1826 года

...С нетерпением ожидаю записки, о которой вы мне говорите. Понятно, род суда, подобный здешнему, не может быть применен в Польше и был бы тем более бесполезен, что польский Сенат состоит из сенаторов, взятых из всех отраслей службы; притом я никогда не имел в виду чего-либо другого, как строго держаться в этом случае требований закона. Здесь же, где не существует ничего подобного, нужно было действовать, насколько возможно, законно, и, следовательно, не изобретать ничего, а руководствоваться примерами прошлого.

Константин Павлович — Николаю I

Варшава, 5 ноября 1826 года

Со вчерашней эстафетой имел счастье получить ваше доброе и дружеское письмо от 27 прошедшего октября, дорогой и бесценный брат. Спешу засвидетельствовать вам мою самую искреннюю, самую сердечную признательность. Будьте уверены, дорогой брат, что ничего на свете я не желаю больше, как знать, что вы довольны и удовлетворены и способствовать вам в этом; нет таких страданий, которых я не прилагал бы для этого, в моей преданности. Словом, вы можете постоянно и смело рассчитывать на вашего старого брата, «который не выдаст». Да будет так!..

...Наше следствие закончено; доклад будет прочитан, его обсудят и разделят подсудимых по категориям, после чего я буду иметь честь представить его на ваше усмотрение вместе с запиской, о которой шла речь.

У нас, слава Богу, все совершенно спокойно, и, уповая на его милосердие, смею надеяться, что так будет и впредь. Рекрутский набор кончен; он был еще лучше, чем прежний; некоторые попали уже в строй, службу несут хорошо, и я ею доволен...

Николай I — Константину Павловичу

Санкт-Петербург, 25 ноября 1826 года

Уже давно я должен был бы поблагодарить вас, дорогой и бесценный Константин, за ваше доброе и милое письмо от 5; но мне нужно вам много сказать, а времени у меня не было, и я мой ответ все откладывал до удобного момента, когда я мог бы написать свободно.

Матушка в Павловске, куда она уехала на время этих грустных дней, чтоб избежать воспоминаний, связанных со здешними местами; у меня поэтому больше досуга, и вот я вам пишу.

В то время как я вам пишу, исполняется ровно год, как я получил через несчастного Милорадовича первую весть о явной опасности, грозящей нашему ангелу, как я молил Бога поддержать меня в этом ужасном испытании и провел ночь в передней матушки в мучениях, которые могу сравнить только с предсмертными. Какая ночь, великий Боже! И какой затем наступил день и какой ужасный был следующий! Я себя часто спрашиваю, как мы все это выдержали, и как Господь, по своему милосердию, сохранил матушку!

Накануне дней, память о которых мне так же тягостна, хотя они и более торжественны для меня, я испрашиваю благословения у вас, как у того, кого в душе считаю — и да будет мне всегда позволено считать — своим повелителем, у того, кто замещает для меня обожаемого благодетеля, и кому посвятил я всю мою жизнь. Сохраните прежде всего вашу снисходительность ко мне, вашу доброту, доверие, дружбу, если я их достоин, и поймите, что вся моя жизнь посвящена оправданию вашего доверия перед Богом, перед вами, перед людьми и передо мною самим. Да поможет мне в этом Бог!

Константин Павлович — Николаю I

Варшава, 6 декабря 1826 года

С фельдъегерем Завитаевым аккуратно получил я ваше доброе и милое письмо от 25 числа прошедшего месяца, дорогой и бесцен-

ный брат. Примите за него мою самую прочувствованную и самую искреннюю благодарность. Если бы я не любил вас, как люблю издавна, ваше письмо вызвало бы у меня это чувство; с первой и до последней строки его невозможно читать без волнения. Я благословил за него Господа, возблагодарил его и просил, чтобы он ниспослал мне возможность еще послужить вам и быть полезным на склоне моей жизни, молодые годы которой в продолжение 31 года сряду были посвящены верной, усердной и преданной службе двум повелителям. Те же чувства от полноты сердца я отдаю вам, дорогой брат, только бы мои физические силы были те же, что и раньше, чтобы я мог вполне в том успеть. Рассчитывайте всегда на меня! Конечно, у меня нет никаких задних мыслей, никаких особенных стремлений, но уже мой личный интерес, если бы его можно было принять в расчет, и если бы я не был одушевлен высокими чувствами, заставил бы меня всегда поступать согласно долгу, сообразно верности, привязанности и искренней преданности, одушевлявших меня всегда в отношении моих повелителей, и которые будут одушевлять меня до конца моих дней. Да будет так!

7

Константин Павлович — Николаю I

Варшава, 31 декабря 1826 года

Благоволите разрешить мне, дорогой и бесценный брат, выразить вам мои самые горячие, самые искренние пожелания, равно как и поздравление по поводу наступления Нового Года. Пошли вам Бог столько счастья, сколько я могу вам пожелать, и да не будет у вас ни в чем на свете недостатка во всех отношениях и со всевозможных точек зрения! Лышу себя надеждой, что среди пожеланий, предложенных вам по настоящему случаю со всех сторон, вы не оттолкнете мои, ибо они столь же правдивы, как и искренни, и прежде всего — бескорыстны. Да сохранит вас Бог в добром здоровье, как и нашу дорогою и добрую Александру и ваших детей! да окажет он вам свою поддержку во всех ваших начинаниях, направляя вас всегда в доброе и к добру! Сохраните ко мне вашу дружбу и доверие, которые я постараюсь заслужить своим всегдашним усердием и преданностью вашей службе и вашей особе. Моя бывшая служба двум моим покойным государям — вам порукой за

меня на будущее. Да будет мое усердие вам приятно и верьте его искренности. В противном случае скажите мне прямо, и повторять вам не придется — вы избавитесь от моей особы тот же час.

Вспоминайте иногда брата, любящего вас сердцем и душою, который останется навсегда вашим верным и искренним другом.

Константин

8

Николай I — Константину Павловичу

Санкт-Петербург, 8/20 января 1827 года

Благоволите, дорогой и бесценный Константин, принять мои самые искренние пожелания к наступившему новому году. Да сохранит он всех, кто нам дорог! Пусть я всегда буду заслуживать вашу доброту и снисходительность вашу и доверие! Таково было всегда мое самое заветное желание. Таким оно останется на всю мою жизнь.

При окончании 1826 года позвольте мне засвидетельствовать вам выражение моей вечной признательности за все многочисленные доказательства вашей доброты и снисходительности. Ваше письмо от 6 декабря было мне еще новым доказательством этого. Это милое письмо тронуло меня больше, чем когда-либо, и я не в силах вам выразить это. Можно ли быть добрее и снисходительнее, чем вы ко мне! Бог мне свидетель, что мое единственное желание доказать вам, как я хочу заслужить это доверие!

Если вы припомните, быть может, письмо, написанное вами мне в это же время, в прошлом году, вы вспомните указания, какие тогда мне дали и которые я постарался добросовестно исполнить.

Иstekший год был одним из самых тяжелых, и Бог благословил нас тем, что нам удалось сохранить все, что завещал нам наш ангел. Все идет и, быть может, сказал бы я, идет с большей энергией, чем вначале. Наши внешние дела идут хорошо, невзирая на трудность момента. К счастью, мы расположены так, что можем быть независимы в действиях и во мнениях. В этом отношении я старался держаться середины между молчанием и таким образом действий, когда твердо высказанное наше мнение могло бы оказать пользу, не ставя нас в неловкое положение. Благословение Божие до сих пор было явно с нами, положимся же на него с доверием и твердостью.

Вчера вечером дошло до меня ваше письмо от 31-го. Примите мою благодарность за него, дорогой Константин. Не скрою, однако, от вас, что нашел в нем слова, меня огорчившие. Разве может встать между вами и мной вопрос о неудовольствии? Вы с вашей постоянной ко мне добротой, которая меня смущает и которую не знаю, чем достаточно заслужить! Неужели я с моей стороны подал вам чем-нибудь повод подумать нечто подобное? Это сделало бы меня очень несчастным. Если же это только, как я смею надеяться, выражение, вырвавшееся у вас из особо *дружеского намерения*, то знайте, что оно меня очень огорчило и что оно уничтожает иллюзию, которая одна только делает сносным мое положение, иллюзию, в которой я представляю себе, что вы и я, мы оба служим еще *нашему ангелу*. В глазах остальных, пусть будет, как вы хотите, — но между нами не может и не должно быть иначе. Поэтому, ради Бога, пощадите меня в другой раз, и если я буду иметь несчастье сделать что-нибудь, конечно без умысла, что вы могли бы дурно истолковать, пожалуйста, скажите мне совершенно откровенно; я вам отвечу на это с той же откровенностью, к какой привык всегда в отношении к вам.

...Здесь все благополучно; нет больше ни слухов, ни каких-либо глупостей. Я очень доволен войсками, исключая некоторых пустяков. Михаил преуспевает и, без всякого сомнения, достигнет хороших результатов. Гражданские дела продвигаются; я ими теперь более доволен: работа идет ровнее и скорее, улучшения же придут потом, когда мы узнаем, что делать. Главное то, что вот уже год прошел и *какой год*, и ничто не переменилось, даже лица, за исключением одного, которое настолько злоупотребило доверием нашего ангела, что напечатало его *собственноручные* письма для раздачи своим друзьям. При первой возможности вам будет вручен экземпляр его публикации.

Константин Павлович — Николаю I

Варшава, 14/26 января 1827 года

Поручаю барону Моренгейму передать вам это письмо, дорогой брат, а также отвезти вам доклад Следственного Комитета, учрежденного здесь по вашему приказанию и окончив-

шего свои труды. К докладу приложены подлинные акты, которые составляют, так сказать, целую библиотеку. Если здешнее следствие тянулось больше петербургского, причина не в недостатке усердия и преданности делу — члены комитета выказывали их постоянно в своих расследованиях фактов и лиц, — но в самом существе дела, потому что здесь нет явных преступных действий, которые дали бы возможность, отчасти или вполне, обнаружить виновных. Здесь следствие было предпринято лишь на основании слухов и подозрений. Я далек от того, чтобы преуменьшать факты или их извинять, но могу смело сказать, что от планов русских, которые начали уже отчасти приводиться в исполнение, далеко до планов поляков, которые, как они ни виновны и ни преступны, уже в своем положении всегда найдут извинение в глазах мыслящих людей всех веков.

Благоволите дать аудиенцию барону Моренгейму и выслушать то, что он будет иметь честь представить на ваше усмотрение:

- 1) относительно самого следствия,
- 2) относительно формы суда и его процедуры,
- 3) относительно церемонии коронации.

Теперь же я позволю себе заметить раз навсегда следующее:

1) Я не вмешивался в следствие: собрав комитет, я в нем больше не появлялся, ибо противно всякой справедливости, всем понятиям для человека чести быть судьей и держать сторону в собственном деле; все же козни обвиняемых были направлены, как утверждали, прямо против императорской фамилии и меня в частности — что, впрочем, не удалось доказать.

2) Я только следовал предположениям Комитета относительно освобождения, отпуска или пересылки обвиняемых, равно как их ареста и их разделения на разряды.

Вот отчет в моем поведении. В общем, если его рассмотреть и судить беспристрастно, я надеюсь, за мною будет признана и лояльность, и прямота.

Не желая отнимать у вас времени больше, чем нужно для этого доклада, от занятий более важных, я кончаю свое письмо, прося вас верить в одушевляющие меня неизменную преданность и усердие к вашей службе и к вашей особе, с которыми не перестану быть вам вернейший брат и друг.

Константин

Николай I — Константину Павловичу

Санкт-Петербург, 26 января/7 февраля 1827 года

Третьего дня утром Моренгейм передал мне ваше письмо, дорогой Константин, так же как и все бумаги, которые вы благоволили поручить ему для меня. Прежде всего благоволите принять мою благодарность за те слова, в которых вы мне сообщаете ваше понимание следствия, мною вполне разделяемое. Когда станут известны все предосторожности и заботы, приложенные вами для освещения малейших сомнений и подозрений, всякий беспристрастный человек воздаст только полную справедливость тому поведению, какого вы держались. Я уверен, что наш дорогой ангел был бы удовлетворен вашим осторожным образом действий в этом деле.

Третьего дня и вчера у меня хватило времени закончить чтение одного только следствия; завтра я буду продолжать чтение других бумаг; и не могу подвигаться скорее ввиду моей остальной работы. Моренгейм расскажет вам о моих немногих замечаниях, на которые он дал мне объяснения. Подсудимые начинают прибывать сюда; предполагаю, что некоторые будут необходимы для процесса поляков, и я поручил Моренгейму отметить тех, кого он сочтет нужным для очных ставок и которых придется на время отослать вам обратно.

Письмо Императора Николая I А. Х. Бенкендорфу

Петергоф, 19 июня 1837 года

Я должен благодарить вас, мой милый друг, за три ваших любезных письма, на которые не мог отвечать ранее среди окружающей меня суматохи. Прежде всего благодарю Бога за то, что ваше выздоровление успешно подвигается вперед, а затем благодарю вас самих за то, что вы были благоразумны и согласились докончить ваше лечение на месте. С тех пор, как я стал переписываться с вами, я исполнял свойственное этой части года *perpetuo mobile*. Я остался очень доволен войсками на маневрах, происходивших перед выступлением в лагерь, но был менее доволен поведением генералов. Однако я делаю исключе-

ние в пользу г. Ланского, который в первый раз командовал большим отрядом и очень хорошо сделал свое дело. Из него может выйти отличный и дельный начальник. Напротив того, ген. Б.¹ испугался и умолял меня уволить его от командования, что очень неприятно. Погода, которая была до тех пор хороша, переменялась с первого дня, и холод был довольно силен. Сегодня вечером я еду в город для того, чтоб присутствовать при выпуске кадет, которые должны быть здесь завтра вечером. Кронштадские сооружения сильно подвигаются вперед и обещают быть великолепными. Вы будете удивлены всем, что построено заново и величественным видом сооружений. В особенности великолепное впечатление производят арсенал и находящаяся перед ним площадь. В этом году будут совершенно окончены укрепления, возводимые на твердой земле. Идут работы в форте Александр, который также будет великолепен через пять лет: Гранитная пристань также много подвигается вперед. Петергоф очень украсился; театр окончен и производит очень приятное впечатление. Английский-то король умер! Его заменила королева Виктория, а герцог Кумберландский сделался королем ГанOVERским. Посмотрим, что из этого выйдет. Орлов уезжает 26-го в Лондон, чтоб приветствовать новую королеву; с чем-то он оттуда воротится! Донесение Вельяминова сообщает о новых низостях англичан. Борьба идет горячая, но мы подвигаемся вперед; он занял Пшад и работает над укреплением, который должен защищать эту важную позицию. Раевский также занял пост, называемый Адлером. Вот мои новости. Теперь прощайте, мой милый и добрый друг. Будьте здоровы и возвращайтесь сюда как старый молодец. Навсегда преданный вам сердцем и душою, нежно любящий вас Н. Мое почтение графине и всем вашим дамам.

Император Николай — Великому Князю Михаилу Павловичу

С.-Петербург, 3 (15) февраля 1837 года

Отправляя к тебе Философова², по твоему желанию, любезный Михайло, начну с повторения моего поздравления с прошедшим днем твоего рождения; да благословит тебя во всем

¹ В подлиннике одна буква Б.

² Великий князь Михаил Павлович был в то время в Риме.

милосердый Бог и да соединит нас всех с радостью видеть тебя совершенно излеченным. Досель известен я только о счастли-
вом проезде твоём чрез Швейцарию и о въезде в Сардинскую
границу, далее ничего не знаем. С последнего моего письма
здесь ничего важного не произошло, кроме смерти известного
Пушкина от последствий раны на дуэли с Дантесом. Хотя дав-
но ожидать было должно, что дуэлью кончится их неловкое по-
ложение; но с тех пор, как Дантес женился на сестре жены
Пушкина, а сей последний тогда же письменно отрекся от тре-
бованной сатисфакции, надо было надеяться, что дело заглу-
шено. Дотоль Пушкин себя вел, как каждый бы на его месте
сделал; и хотя никто не мог обвинять жену Пушкина, столь же
мало оправдывали поведение Дантеса, и в особенности гнусно-
го его отца, Гекерна. Но последний повод к дуэли, которого
никто не постигает и заключающийся в самом дерзком письме
Пушкина к Гекерну, сделал Дантеса правым в сем деле. *C'est le cas de dire, chasser le naturel, il revient au galop*¹. Пушкин по-
гиб, и слава Богу умер христианином. Это происшествие воз-
будило тьму толков, наибольшую частью самых глупых, из коих
одно порицание поведения Гекерна справедливо и заслуженно;
он точно вел себя как гнусная каналья. Сам сводничал Данте-
су в отсутствие Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дан-
тесу, который будто к ней умирал любовью, и все это тогда от-
крылось, когда после первого вызова на дуэль Дантеса Пуш-
киным, Дантес вдруг посватался на сестре Пушкиной; тогда
жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведения обоих,
быв во всем совершенно невинна. Так как сестра ее точно
любила Дантеса, то Пушкин тогда же и отказался от дуэли. Но
должно ему было при том и оставаться — чего не вытерпел.
Дантес под судом равно как Данзас, секундант Пушкина; и
кончится по законам; и, кажется, каналья Гекерн отсюда вы-
будет.

По корпусам все в порядке. — На днях был в Царском Селе
и не был доволен видом детей в Александровском корпусе; они
бледны, и видно общее расположение к болезненности, против
велел принять меры. Показывал принцу Карлу дивизион Образ-
цового полка, которым был очень доволен, и лейб-эскадроны

¹ Вот когда поистине можно сказать: «Гони природу в дверь, она влетит в окно» (фр.).

моего Гусарского полка, первым был очень доволен, но не гусарами, которых погонял.

Вчера сюрпризом вывел весь здешний гарнизон в полной походной форме и с обозами и был очень доволен; тем более что никто и не подозревал сего смотра. Грипп у нас перебрал весь гарнизон и дурно действует на слабых грудью; по должном совещании признано весьма полезным вывести поочередно полки за город, для малого похода, вместо прогулки и освежения людей, и для очистки и проветривания в казармах. Так как Павловский полк, а за ним и Финляндский, более других болели, то с них и начнем.

По спискам рекруты нынешнего года будут весьма хороши, но иные поздно приходят; те, которых уже видел, отличны. Великая княгиня была все это время здорова; но вчера жаловалась ревматизмом в лице, и сегодня вырвали коренной зуб, после чего ей было легче. Лили я видел сегодня, ей также лучше, и она очень выросла. Жена моя, благодаря Мандту, начинает поправляться; зато сын Николай 10-й день в постели от лихорадки, и хотя уверяют, что это ничего, но все нас беспокоит. Впрочем, все по-прежнему и по городу идет прежняя кутерьма. У нас для жены бывают комнатные спектакли в концертном зале, что очень приятно, и не утомляет. Карл Иванович¹ здоров, и вчерашний весьма не продолжительный смотр выдержал верхом, как нельзя лучше. За сим прощай, любезный Михайло, не забывай меня и верь искренней неизменной дружбе старого верного друга и брата.

Письма императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу

№ 1

С-Петербург. 5-го мая 1837 г.

1) Получено в Твери 7-го мая 1837 г.²

С сердечным удовольствием получил письмо твое, любезный Саша, из Зайцова, дай Бог, чтоб все твое путешествие было столь же счастливо, как начало оно; из сделанного тебе при-

¹ Бистром, генерал-адъютант, командовавший всею гвардейскою пехотой.

² Помечено цесаревичем Александром Николаевичем. Нумерация писем также принадлежит цесаревичу.

ема в Новгороде, где, однако, и прежде уже тебя видали, готовься к тому, что тебя далее ждет, где никого из нас еще не видали, но помни, что я тебе про это сказал и не ослепляйся, а *чувствуй* и моли Бога, чтоб тебя укрепил и дозволил оправдать *сию надежду*.

Поблаговари Кавелина за его письмо и скажи ему, что я с особым удовольствием его читал и прошу продолжать столь же мне подробно писать¹. Жаль мне очень, что нельзя было тебе посетить Новгородский графа Аракчеева корпус, но оно точно благоразумнее. Сегодня был парад отличный во всех частях и погода — рай! Все оружия показались очень хорошо и даже <Митавский> полк прошел прекрасно. Одним словом, редко видал я столь удачный смотр, и твой Папá очень весел и был бы еще веселей, если б твою милую рожу видал на смотре и потом за обедом, но что тут делать, служба службой, была пора веселья, теперь знай и службу.

Всем твоим спутникам кланяюсь, Бог с тобой, милый Саша, продолжай класть на него свою надежду и помни мои слова: «думай о будущем»! Целую тебя от всего сердца.

Твой старый верный друг папá.

Н.

№ 2

С-Петербург. 8-го мая 1837 г.

2) Получено 11-го мая 1837 г.

На дороге из Ярославля близ Ростова

Сегодня утром прибыл фельдъегерь с письмом твоим, любезный Саша, от 6-го мая из Твери. Благодарю Бога, что ты здоров и совершаешь благополучно свою поездку; с радостью и любопытством читал я все подробности твоего пребывания. Меня не удивляет, что тебя хорошо принимают; теперь только что ты въехал в сердце России, тут-то увидишь, до какой степени добр народ и как жива привязанность его к нашей семье.

¹ Письма А. А. Кавелина к императору Николаю I о путешествии цесаревича Александра Николаевича с 3 мая по 13 октября 1837 г. (ГАРФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 362).

Мне приятно весьма слышать от Кавелина, что твое поведение согласно с моими желаниями и что ты показываешься таким, как должно будущему Царю Русскому. Не одного, а многих увидишь подобных лицам «Ревизора», но остерегись и не показывай при людях, что смешными тебе кажутся, иной смешон по наружности, но зато хорош по другим важнейшим достоинствам, в этом надо быть крайне осторожным. Сегодня ты следуешь Ярославлем и вспомнишь меня в угловой комнате или на балконе, любопытно знать, как это тебе понравится. Погода у нас другой день стоит холодная, и я не мог произвести полковых смотров, вчера мы прибавали знамена, и мы за тебя вдали в гвозди; завтра будет им освящение в малой церкви; и сборный взвод их примет и отнесет в свое место. Сегодня был я в Первом кадетском корпусе и был весьма доволен ученьем, незначай сделанным, учились молодцами. Нового, впрочем, ничего нет.

Поблагодари Кавелина за письмо и журнал и прошу так продолжать. Кланяйся спутникам, надеюсь, что Виельгорский отделался от простуды. Князю Ливену лучше.

Прощай, любезный Дидешка, Бог с тобой. Обнимаю тебя от всего сердца.

Твой старый верный друг.
Н.

№ 3

Царское Село. 14-го мая. 1837 г.

3) Получено 21-го мая 1837 г.

На дороге из Вятки между Глазовым и Ижевским заводом

Вчера после обеда получили мы твое письмо, любезный Саша, из Ярославля; благодарю Бога, что доселе все благополучно в вашем путешествии, несмотря на калязинские происшествия. Скажи Кавелину, чтоб чрез передового фельдъегеря открытым предписанием от моего имени к местным властям строжайше запрещено было выпрягать у тебя лошадей. Всего более опасаясь подобных сцен, тут до беды не далеко. Хотя ты мне про Ярославль не говоришь, но кажется, это место тебе полюбилось. Сегодня <ищу> тебя в Костроме в Ипатьевском монастыре, где предвижу те же сцены.

Хотя ты уверяешь меня, что от 5 1/2 часов осмотров ты не утомляешься, однако смотри лишнего не делай, а дели по силам твоим, ибо успеть можешь и не сряду смотреть. Я замучен ученьями, всеми был очень доволен, кроме Финляндских; Литовский очень понравился, а Павловским был отменно доволен¹. Теперь дал себе несколько дней отдыха и займусь чтением бумаг. На той неделе буду смотреть кавалергардов и конную гвардию. Погода у нас стоит отличная, сегодня вечером была небольшая гроза и славный дождик, после которого мы с Мамб проехали в кабриолете; вечер был отличный и воздух напитан духом от сырых берез, т. е. чудо!

Кавелину мое искреннее спасибо за письмо и журнал. Всем твоим мой поклон. Князю Ливену гораздо лучше; а Бенкендорф благополучно прибыл в Ревель; вот тебе и все наши новости, за которыми в заключение тебе доношу, что тебя от души люблю и сердечно обнимаю.

Твой верный старый друг. Н.
Твой Нептун со мной. Знакомится хорошо и гуляет,
и очень мне послушен.

№ 4

Царское Село. 19-го мая. 1837 г.

4) Получено 28-го мая 1837 г.

На Кушвинском Благодатском Заводе

Сегодня утром, вставая, нашел я письмо твое, любезный Саша, из Костромы, и благодарю милосердного Бога, что путешествие твое до сих пор идет благополучно, и молю Его, чтоб дал тебе довершить все сходно с нашим желанием и ожиданием. Радуюсь, что ты ознакомился с частью сердца России и увидел всю цену благословенного сего края, увидел и как там любят свою надежду. Какой важный разительный урок для тебя, которого чистая душа умеет ощущать высокие чувства! Не чувствуешь ли ты в себе новую силу подвизаться на то дело, на которое Бог тебя предназначил? Не любишь ли отныне еще

¹ Имеются в виду лейб-гвардии Финляндский, Литовский и Павловский полки.

сильнее нашу славную, добрую Родину, нашу матушку Россию. Люби ее нежно; люби ее с гордостью, что ей принадлежит и **родиной** называть смеешь, ею править¹, когда Бог сие определит для ее славы, для ее счастья! Молю Бога всякий день в всяком случае, чтоб сподобил тебя на сие великое дело к пользе, чести и славе России. Благодарю искренно Кавелина за продолжение его писем, желаю, чтоб упоминал мне, как тобой доволен.

Журнал пишется хорошо, но нужно в нем помещать более подробностей об виденном вами, ибо он должен быть общий *resumé*², или ваш памятник поездки, дабы со временем, в него заглядывая, вспоминать про виденное. Здесь нового ничего у нас нет, погода стоит прекрасная, сего дни учил оба 1-х бат/альона/ Преображенского и Семеновского полков. Первым был очень доволен, вторым не столько. После завтра смотреть буду кавалергардов и конную гвардию и едем на несколько дней на Елагин, где праздновать будем именины великой княгини³. Ждем завтра брата ее. Князю Ливену опять похуже. Жаль мне, что Виельгорский все плохо поправляется, лишь бы не хуже было; кланяйся всем твоим спутникам.

Бог с тобой, любезный Саша, обнимаю тебя от души. Где-то письмо сие получишь? Полагаю, в Перми.

Прощай, твой старый верный друг папá.
Н.

№ 5

Царское Село. 25-го мая 1837 г.

5) Получено 4-го июня 1837 г.

На дороге между Тобольском и Тюменью

С истинным удовольствием и радостью получил я, любезный Саша, письмо твое из Вятки; душевно радуется меня видеть, что ты со дня на день более понимаешь всю важность предпринятого путешествия, и, созревая умом, готовишься быть полезным ма-

¹ Так в тексте. Очевидно, пропущено слово «будешь».

² Обобщение, резюме (*фр.*).

³ 21 мая праздновали тезоименитство ее императорского величества великой княгини Елены Павловны, урожденной принцессы Вюртембергской. Елагин остров, расположенный в устье Невы, в 1817 г. был куплен Александром I у гофмейстера И. П. Елагина для вдовствующей императрицы Марии Федоровны, архитектором К. И. Росси там был построен дворец.

тушке России. Продолжай так и Бог милосердый благословит и подкрепит тебя в исполнении благих твоих намерений. С любопытством читал твое письмо. К несчастью, сведения о тех глупостях, которые вятское начальство наделало, пришли ко мне слишком поздно, чтоб успеть их остановить вовремя. Но зло не без добра, ибо оно послужило тебе доказательством неоднократно тебе мною сказанного, т. е. сколь у нас трудно избежать, чтоб самые благие намерения не были изгажены глупостями исполнителей, ибо дурного намерения я в этом не хочу подозревать. Губернатор Тюфяев слыл прежде исправным и часто за это был награждаем; я не был им доволен, перевел его из Перми в Тверь, где он так же надурачил; его перевели в Вятку, ибо там менее должно было случаться поводов ему ссориться с другими властями. Зато он пустился в другие неслыханные глупости, о которых мне официально донес и <получил>, но поздно, заслуженного дурака. Придется его сменить. Что заведения Приказа не завидны, должно также приписать его небрежению, еще более стыдно, что ты нашел много нищих, ибо для уничтожения сего класса людей существуют строгие и весьма ясные правила. По крайней мере хорошо то, что нашел Капцевича команду в порядке, так и везде <почти> у него: спасибо старику, он на это мастер. Рад, что ты в порядке нашел наших отпускных. Жаль очень бедного Виельгорского, но я также полагаю, что гораздо благоразумнее было отправить его лечиться в Казань, чем рисковать его где-либо в другой глуши оставить.

Здесь у нас нового ничего нет. Намедни учил кавалергардов и конную гвардию, первыми был я отменно доволен, учились <дистанции> хорошо, вторыми не столько, от невнимания офицеров к дистанциям. Потом Измайловскому и Финляндскому полкам было прекраснейшее линейное ученье вместе, и, наконец, вчера стреляли в цель два бат/альона/ сводных наугад из одной роты, потом с каждого полка 1-й и 2-й дивизий, в 30 рядов батал <...> огнем в цель: начав с трехсот шагов по 3 патрона на сей дистанции, попало более третьей части пуль! На 200 шагов более третьей же части, а на 150 — более половины! Невероятно хорошо. За сим стреляли застрельщики в узкие мишени, начав с **400 шагов**, попало из 74 пуль 14 — и на 150 шагов более 1/2, т. е. прекрасно.

В Константинов день подарил я Косте прекрасную модель, игрушку въезда в крепость, со всеми возможными деталями и

даже с <пушками калибрам>¹. Авось он полюбит играть с толком и не дурачась. В тот день был бал у в/еликой/ княгини, которой брат за несколько дней приехал. В воскресенье был вечер на Елагином, играли и плясали. Бедная Осиповна² захворала, во время ужина с ней сделался столь сильный обморок, что я на руках ее положил на кушетку в прихожей внизу у Мама́, и до часу с ней провозились, ей лучше, только Мандель и Маркус не довольны этим припадком и требуют, чтоб серьезно полечилась. Твой Нептун так меня полюбил, что не отходит и даже бегаёт на учёнье. На днях дал он тягу в город и оттуда ко мне на Елагин. Гуляет со мной и ест и сделался преласковый и с Драгуном³ мирен.

Погода у нас после сильной грозы 22 числа, убившей женщину на Васильевском острове, сделалась сыра и холодна, но, кажется, будет опять хороша, ибо барометр высок. Рад, что у тебя опять приятная погода. Ежели Бог даст, будет тепло, то в воскресенье-хотим в Петергоф. Благодарю за любопытное письмо доброго и почтенного Кавелина. Поклонись всем твоим. Смеялся я, читав сцену с Бобчинским, хорош, должен быть, гусь; но спасибо тебе, что <приучился> не показывать смеху при других. Вчера простился с Дургамом, который все мил. За сим прощай, любезный мой Саша; да простит и наставит тебя милосердый Бог. Целую тебя душевно.

Твой верный старый друг папа́.
Н.

№ 6

Царское Село. 30-го мая. 1837 г.

6) Получено 8-го июня в Златоусте

Не желая тебя оставлять долго без наших известий, мы решились тебе писать сегодня, любезный Саша, хотя с минуты на минуту ждем твоего фельдъегеря из Перми. Мама́ и мы все, слава Богу, здоровы; отъезд наш в Петергоф отложен до вторника, ибо все эти дни были сильные дожди. Несмотря на сие, вчера утром делал я учёнье полкам кирасирскому и гусарскому; грязь

¹ Очевидно, «пушками по калибрам».

² Имеется в виду фрейлина О. О. Калиновская.

³ Драгун — кличка собаки императора Николая I.

была непомерная; гусары учились славно, видно, что хозяин дома, кирасиры довольно хороши, но офицеры слабы. Завтра смотр образцовый кавалерийский. Нового ничего нет, кроме приезда графа Воронцова и рождения сына у здешнего Воронцова. Видел я Катенина, который нам рассказал про встречу с тобой. С удовольствием вспоминаю, что ежели Бог благословил твое путешествие, то завтра достигнешь самого дальнего от нас пункта. Странно мне писать к тебе в Сибирь! Как и тебе странно и приятно быть должно, что ты первый из нас в сем отдаленном крае!

Обними Кавелина и всем спутникам твоим от меня поклонись. Бог с тобой, любезный Саша, да хранит тебя и соединит нас. Целую тебя душевно.

Твой верный старый друг папá.
Н.

№ 7

Царское Село. 1-го июня 1837 г.

7) Получено 16-го июня в Верхне-Уральске

Вчера вечером получили мы твоего фельдъегеря из Перми, любезный Саша, и благодарим Бога, что ты здоров и продолжаешь благополучно свое путешествие. С удовольствием вижу, что с любопытством видишь предметы, чувствуешь их пользу для тебя и начинаешь привыкать об них правильно судить. И с этой стороны письма твои мне приятно читать и я более и более замечаю, как уже ныне начинаешь уметь видеть предметы с настоящей точки.

Замечание твое на разницу Вятской губернии с прочими тобой виденными я полагаю справедливым, ибо все сведения, мною полученные, согласно с сим гласят. Но сие столько же приписать должно дурному управлению, сколько и географическому ее положению. Замечания твои на Ижевский завод справедливы, кроме одного — возможности усилить способы оного переводом части тульских оружейников. Когда ты в Туле будешь — удостоверись, что класс сей искони составлял коренное население города, имеет свою оседлость, свои права и частию весьма зажиточен, частью-же бедно¹;

¹ Так в тексте. Очевидно, пропущено «живет».

переводить их невозможно, но усилить способы Ижевского завода рекрутами имеется в виду. Про уничтожение железоделательного завода збираю справки. Об уничтожении излишней роскоши и не сообразного обхождения с будущим назначением кантонистов вновь подтверждено, полагаю, что хотели не трогать существующие предметы, дабы не бросать понапрасну.

Вчера делал я смотр образцовому кавалерийскому полку и во время оногo по тревоге собрал весь гарнизон. Учились все славнo и можно сказать удивительно хорошо, ибо отменно скоро выехали, и хотя с одним офицером на эскадрон, все шло быстро и чисто.

Через несколько часов едем в Петергоф. Завтра <полагаю> после развода ехать в Кронштадт. В конце недели предполагаю посмотреть конно-гренадер, улан и, может быть, и конную гвардию. На Троицын день положил быть в городе для полкового праздника. Около 12-го числа войска начнут скапливаться к Царскому Селу; предположено для первого дня маневра действовать одним гренадерам и первым бат/альоном/ 1-й гвард/ейской/ дивизии с частью кавалерии и артиллерии в составе Новгородского корпуса; а 2-м полкам 2-й дивизии с Образцовым пехот/ным/ и 2-мя гусарскими — защищать Царское Село и Пулково. На следующий день Новгородскому корпусу атаковать и брать Царское Село, а на третий — маневрировать против Лифляндского корпуса в треугольнике между Царским, Красного Села и Пулкова; Лифляндский корпус <созывается> из третьей дивизии с придачею <...>; а кирасиры будут у меня в кармане до востребования. Начальника я еще не решил назначать, дабы менее готовились. Кадеты под командой Пушина, ибо Шлиппенбах все болен, выступят около 20-го числа, по обыкновению, и в том же составе.

Итак, ежели Бог благославил, ты сегодня в столице Сибири! Какая даль! Но какое тебе и на всю жизнь удовольствие, что там был, где еще никто из Русских Царей не бывал. Любопытен я знать, что ты там найдешь; не скоро получим мы твои письма; <и разве> около 10-го числа. Бедный Сукин, вероятно, сегодня кончит; слабость его не позволила ранам заживиться. Лобанов все плох. Зато по крайней мере Бенкендорф, благодаря Богу, гораздо лучше.

Александрия.

Вот мы и в любезном **Коттедже**¹, но без тебя и это грустно. Здесь нашли мы прибывшего Рауха, к большой радости, обедали и много с ним толковали. Здесь очень много нового. Церковь очень подвинулась, театр почти готов, дом графа Кушелева, тоже с прекрасным садом, вышел один из лучших. В Знаменском прекрасная Греческая зала готова, и точно весьма удачно. Парад отделан еще больше и роют и доканчивают большой пруд; словом везде работают. Сестры твои будут учиться у тебя на Ферме. Вот и все мои вести. Благодарю Кавелина за любопытные его письма и кланяйся всем твоим спутникам. Бог с тобой, любезный Саша, обнимаю тебя душевно.

Твой старый верный друг папá.

Н.

№ 8

Александрия. 9-го июня 1837 г.

8) Получено 16-го июня 1837 г. в Уральске

Благодарю тебя, любезный милый Саша, за доброе твое письмо из Екатеринбурга, которое вчера утром получил. С душевной радостью его читал, ибо вижу в нем явно твое доброе чистое сердце. Все твои чувства мне доказывают, что желания мои исполняются и что благословением Божиим предмет твоей поездки будет достигнут. Ты зреешь умом, учишься видеть сам и сравнивать с <слышанным> собственным ответом; учишься этим настояще судить о вещах и делах, и этим же збираешь себе запас драгоценных знаний для будущей службы. Продолжай так, и верно благославит тебя милосердный Бог нам, старикам, в утешение.

Все подробности твоего письма мне были весьма любопытны. Ты прав, находя особую важность в делах раскольников: предмет трудный, требующий особой бдительности и осторожности в принимаемых мерах. Терпеть их своеволия нельзя, но притеснять их доколь они тихи столь же несправедливо и не благоразумно. Их желание снять с них запрещение брать к себе беглых попов бессмысленно; ибо где и в каком крае на свете до-

¹ Александрия, Коттедж — собственная дача ее величества императрицы Александры Федоровны в Петергофе. (См.: Мир русской императрицы. Каталог выставки. СПб., 1997.)

пустить можно, чтоб явно и с разрешения правительства кто-либо покидал произвольно свою должность и нагло поступал в должность мнимую к людям, не терпящим над собой никакой власти? Никто им не запрещает избирать или приглашать к себе священников, но не беглых. Вот в чем они виновны. Но согласен я полагать, что одним сим воспрепятствованием не ограничиваются земские власти; но, пользуясь поводом, весьма вероятно, приобщают другие произвольные насильственные меры, вовсе даже противные воле высшего начальства. К несчастью, сему причиной искать должно общую нищету нашу в хороших и благомысленных исполнителях. Все поданные тебе о сем просьбы ровно и 2 записки, из коих одна весьма основательна, рассмотрены будут в секретном комитете о раскольниках¹, и надеюсь, что некоторому помочь можно будет.

Побеги и разбои от ссыльных, к несчастью, довольно часты и входят тоже в разряд вещей, довольно трудных к <изменению>, ибо куда девать сей класс людей? В войска и то поступает много слишком людей за поступки, вредных дурным примером для рекрут и опасных с оружием. Остаются одни арестантские роты; военные все полны, гражданские по губернским городам формируются местами и не без пользы, но сие сопряжено с затруднениями, ибо нужны помещения и казармы. Зато приятно знать, что отставные солдаты свой долг не забыли. Сегодня утром прибыл п/ринц/ Ольденбургский с женой, но по своим правилам изволил прямо проследовать в город, и я его не видел. Завтра оба сюда будут. После последнего моего письма было у нас здесь весьма удачное пешее ученье конно-гренадер. Потом смотр прибывшим Гвардейскому и гренадерскому стрелковым бат/альонам/. Первый в блестящем, второй в весьма хорошем положении. Потом конное ученье конно-гренадер и улан вместе, весьма хорошее. В городе вчера показывал я Преображенский и Егерский полки в ученье с паролем<ем> прибывшему прусскому генералу Квиту; отличное учение, потом его же возил в 1-й корпус и, все показав, учил бат/альон/ славно. Завтра собираюсь с п/ринцем/ Фридериком в Кронштадт. Вот тебе и все наши новости.

¹ Секретный (междуведомственный) комитет по делам раскола 1820—1858 гг. Архивный фонд комитета (№ 1473) хранится в Российском государственном историческом архиве.

Из-за границы, как кажется, Дон Карлос имеет успехи¹; король английский при смерти, и все тут. В Вознесенск будет эрцгерцог Иоанн и турецкий посол Фушад-паша, по времени подберутся, вероятно, и еще кой-какие фигуры.

Со вчерашнего числа погода у нас опять славная, но еще не л/ейб/-г/вардии/ петергофская.

Скажи А. А.², что он хорошо сделал, что по совету Енохина кормит вас среди дня; в жары хорошо бы и останавливаться, дабы проезжать в прохладе. Скажи А. А., что я его искренно благодарю за письма и счастлив, что тобой может быть совершенно доволен. Журнал хоть трудновато молодежи писать, но им оно здорово, ибо приучает к трудам и службе и очень пригодится вперед.

Всем твоим спутникам мой искренний поклон, а Енохину пропой с нами «Господи, люди Твоя». Слава Богу, Бенкендорфу так хорошо, что и доктор его ко мне сегодня прибыл с известием, что ему он больше не нужен.

Прощай, милый Саша. Бог с тобой,
продолжай меня утешать. Твой верный старый друг папá.
Н.

№ 9

Царское Село. 14 июня 1837 г.

9) Получено 20-го июня 1837 г. в Лантеве

Милый любезный Саша, третьего дни, к большой нашей радости, получили мы, наконец, письма твои из Tobольска; первое мое движение было благодарить Бога, что дозволил тебе достичь отдаленнейшей точки твоего путешествия благополучно. С особым удовольствием читал я письмо твое: меня душевно радует, что вижу, с каким удовольствием обращаешь ты внимание на все предметы и начинаешь правильно о них судить. Прием, тебе сделанный в Сибири, останется тебе навсегда приятной памятью, и сделает, несомненно, глубокое и хорошее впечатление на весь край. Замечания твои, к несчастью, весьма справедливы, но по-

¹ Речь идет о борьбе за власть в Испании между сторонниками правительства и сторонниками младшего брата короля Фердинанда VII Дона Карлоса. 24 мая 1837 г. Дон Карлос перешел через р. Эбро и угрожал Мадриду, но уже 15 сентября он отступил на французскую территорию.

² А. А. Кавелин.

мочь многому ежели не вовсе невозможно, то, по крайней мере, крайне трудно; ты в сем сам удивишься. Пишу тебе в самом пылу маневренных занятий и насилу нашел на то минуту, ибо встал сегодни в 2 часа утра, а должен в 4 встать и завтра. Но зато я отлично всем доволен. Ланской, командовавший Новгородским авангардом, примерно хорошо действовал против Сумарокова. Завтра все кончиться должно в Красном Селе. Были все жары и вдруг, как нарочно, сегодни только 6 градусов. Поблагодари искренно почтенного Кавелина за письмо его, которое с удовольствием читал, производства и прошения и все разрешил. Журнал ныне пишет прекрасно и довольно подробно, он будет вам крайне приятен и любопытным источником воспоминаний.

Всем спутникам мой поклон.

Прощай, милый Саша, да хранит тебя Бог, обнимаю тебя от души.

Твой верный старый друг papà.
Н.

№ 10

Александрия. 18-го июня 1837 г.

*10) Получено 23-го июня
на второй станции от Казани
по дороге в Симбирск*

Вчера во время вечернего здесь собрания получили мы письма твои, любезный Саша, из Златоуста; и с новым удовольствием читал их. Дай Бог, чтоб продолжал всегда чувствовать столь же сильно и глубоко цель своего назначения и продолжал бы извлекать всю возможную пользу из любопытного своего путешествия.

С удовольствием я согласился на твое желание облегчить участь виденных тобой преступников в Кунгуре и других. Всегда рад, чтоб милости могли чрез твое ходатайство от меня исходить, когда сие возможно, учинить без опасности и без несправедливости к другим. Край, тобой описываемый, должен точно быть прелестен и что за богатство! Способ, изобретенный П. Аносовым, мне был известен и весьма замечателен, даже ежели по недостатку топлива или кислоты невозможно будет принять его к введению в большем виде, все честь делает ему как изобретателю столь важного явления. Ежели пробы введения кирас столь выгодны, как ты их описываешь, то, наконец, получим мы кирасы как следует, а не каст-

рюли; сии новый род работ там будет полезен, ибо <белого> ору-
жия выделяется более потребности. Сегодня ты уже выехал, как
полагаю, из областей, управляемых Перовским, и несколько еще
с нами сближаешься. Третьего дни кончились наши маневры бла-
гополучно. Ланской отлично хорошо исполнил свою задачу, равно
и Арбузов, и Сумароков весьма порядочно, Кнорринг слабее. Вой-
сками был очень доволен, и все шло прекрасно. Теперь отдыхаю
до завтра; ибо завтра вечером выступают кадеты, а сюда будут в
воскресенье вечером. Погода с первой ночи маневров перешла с
тепла на чувствительный холод и на ежедневные грозы; вчера ве-
чером был столь сильный шквал, что чуть не опрокинул кадетских
фрегатов, которые спаслись только тем, что бросили якорь. Наш
адмирал в море, и полагаю, и его порядком покачало¹. Король Ан-
глийский умер² и королевой — la Prin/cess/ Victoria, а Ганноверским
королем герцог Кумберландский. Французские газеты полными
колоннами описывают праздники свадьбы Орлеанского. На одном
были беды от давки. Впрочем, нового ничего нет. Князь Ливен
<пока> с нами, но все сыпь не проходит.

Благодари почтенного А. А. и Жуковского за письма и скажи
им, что <предугадали> мои мысли. Всем спутникам мой поклон.

Бог с тобой, милый любезный Саша,
не забывай старого верного друга papà.

Н.

№ 11

Александрия. 24-го июня 1837 г.

11) Получено 29-го июня 1837 г.

*на ст/анции/ Чунаки,
между Саратовом и Пензой*

Благодарю тебя искренно, любезный Саша, за доброе твое
письмо из Оренбурга, которое вчера вечером получил. Благода-
рю Бога, что твоя поездка продолжает быть успешной и что ты
с пользою видишь любопытный этот край. Искренно же благо-
дарю тебя за все твои добрые чувства ко мне по случаю дня

¹ 15 июня 1837 г. второй сын императора Николая I великий князь Кон-
стантин Николаевич — будущий генерал-адмирал русского флота, отправился
в учебное плавание на фрегате «Аврора». (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 74-А. Л. 39
об. Дневник великого князя Константина Николаевича. 1837 г.)

² Вильгельм IV.

моего рождения. Знай же, что лучший для меня подарок есть **ты сам**; тогда, когда имею случай и причину тебе сказать, что **и тобой доволен**. Все, что ко мне доходит про тебя, дает мне право с радостью тебе сказать, **да, я тобой доволен**. В мои лета начинаешь другими глазами смотреть на свет, и утешение свое находишь в детях, когда они отвечают родительским справедливым надеждам. Этим счастьем, одним, величайшим, истинным, наградил нас досель милосердый Бог, в наших милых детях.

На тебя же взираю я еще иными глазами, может быть, еще с важнейшей точки; я стараюсь в тебе найти себе залог будущего счастья нашей любимой матушки России, той, для которой дышу, которой вас всех посвятил еще до вашего рождения, за которую ты также отвечать будешь Богу! Когда вижу, что надежды мои обещают быть не тщетными, что ты чувствуешь, что я хочу, чтоб ты чувствовал, что ты час от часу более узнавая край, более и более его любишь и чувствуешь всю огромность будущей твоей ответственности, — тогда я счастлив. Спасибо тебе.

С удовольствием читал я описание всего тобой виденного, и, кажется, наш старый Перувинский¹ умел тебя потешить. Башкиры добрый народ, но я полагаю, что полезнее со <временем> обратить его в хлебопашцы, ибо пользы военной от него нет, зло же может когда-нибудь от них произойти. Вообще дикий вооруженный народ иметь за собой не удобно. Погода у нас сделалась ужасная, холод и дожди не перестают. Несмотря на то вчера в Красном Селе в 5-м часу утра делал я тревогу и был всем отлично доволен и тем более что не было ни одного даже бат/альонного/учения, все шло славно. Князю Ливену хотя лучше, но ему необходимо ехать к водам за границу и он едет на будущей неделе. Благодарю почтенного А. А. за любопытное письмо и кланяюсь всем твоим. У Перовского с удовольствием крестить согласен. Сегодня открывается <театр>, а ход завтрашнего дня предположенный, обычный. Каскателли были все без воды от переделки канала, но второй день <...>. Прощай, милый Саша, Бог с тобой.

Твой навечно старый друг papà.

Н.

Жена мне вручила твои подарки, милый Саша, за которые искренно благодарю; завтра явлюсь с твоим палахом.

¹ Имеется в виду Перовский.

Лагерь при Красном Селе. 28-го июня 1837 г.

12) Получено 2-го июля 1837 г.

между Пензой и Тамбовом, недалеко от Моршанска

Вчера после обеда прибыл фельдъегерь с твоими письмами из Казани, и мы благодарим Бога, что ты завершил важную часть своей поездки благополучно. Все, что ты пишешь про Уральское войско, любезный Саша, совершенно справедливо; строгость с ними нужна, но и крайняя осторожность, дабы не возбудить в них справедливых жалоб и неудовольствий¹. Поданное тебе прошение тем дерзко, что не подписано; безымянный же донос не принимается и потому Перовский должен доискаться, кто его послал. Я вперед уверен, что Казань тебе понравится и красотой места, и устройством. Не то ты найдешь в Симбирске.

Сегодня было у нас вечером практическое артиллерийское ученье. Действовали шрапнелями и э<...>рическими гранатами; первых действия ужасны, вторые — порядочно. Идет об них спор; Сумароков и его офицеры стоят за них, прочие все против. Присутствуя на опытах, мне кажется, что для дальних дистанций они очень могут быть хороши, как усвершенствуются, более чем «хороши».

Скажи. Жуковскому, что я вполне согласен на поездку его в Белев, как он о том просил. Жаль мне бедного Виельгорского; эдак было лучше ему совсем не ездить.

Благовари почтенного А. А. за письмо. Журналом Саши Адлерберга я очень доволен. Всем твоим спутникам мой поклон.

Прощай, милый Саша, Бог с тобой. Более мне некогда писать. Твой навеки старый друг папá.

Н.

¹ Уральское казачье войско (до 1775 г. Яицкое войско) с начала XIX в. подчинялось Оренбургскому губернатору, впоследствии Военному министерству. Реформа 1803 г. дала казакам строгое военное устройство — введен мундир, служба по найму отменена, установлена очередная служба; но в 1806 г. вновь введена служба «по найму». В 1835 г. общее положение о казачьих войсках было распространено и на уральских казаков, в соответствии с которым звание войскового атамана всех казачьих войск было предоставлено наследнику престола, управление казаками — наказному атаману.

Александрия. 2-го июля 1837 г.

13) Получено 6-го Июля 1837 г. в Воронеже

Не было мне никакой возможности ранее отвечать тебе, милый Саша, на последнее твое письмо из Симбирска. Душевно благодарю Бога, что дозволил тебе благополучно далее продолжать свое путешествие и молю Его дать тебе и остаток оногo столь же удачно довершить. Приятно мне было знать, что ты доволен был пребыванием своим в Казани и Симбирске, первый город точно прекрасный. Вчера исполнил я поручение твое и вручил доброй мамб твой подарок, который украшает один из каминов гостиной. К сожалению, погода до того нам не благоприятствовала, что заставила отказать иллюминации; почти весь день были грозы и проливные дожди. Развод один удался и то после дождя. Маскарад был очень ладен и заключил с обычным ужином весь праздник. Зато сегодня прекрасная погода, и народу очень много. Был кадетский развод и Костя¹ стоял на часах по обыкновению; в час их сменил Гвар/дейский/ гарнизон/ный/ бат/альон/. Потом простился я с князем Ливеном, который воротится только к весне; потом и с Веймарном, который едет к тебе. Затем было гуляние в экипажах с дипломатами и приезжими гостями по саду и в Александрии, где много было народу; даже теперь везде полно. Вечером в городе спектакль, а у нас бал в большом дворце, потом ужин и гулянье для иллюминации, народ все более, более набирается, и вечер прекрасный. Завтра все разъезжаются, а для остальных — бал в Знаменском², в воскресенье спектакль, а утром смотр казачьего ремонта. В понедельник кадетский обед, во вторник должен ехать в Кронштадт, а в среду смотр флота. Потом шабаш до субботы вечера, в который предполагаем перебраться в Красное Село и остаться на окончание частных учений. Потом начнутся маневры в стороне Гастинец; а там збираться должно будет в поход. Теперь ты к нам збираешься на время и скоро увидишься с Мамá; с радостью жду, когда и мне с довольным сердцем достанется тебя обнять.

¹ Вел. Кн. Константин Николаевич.

² Знаменское (Знаменка) — летняя резиденция императора на берегу Финского залива близ Петергофа; впоследствии резиденция вел. кн. Николая Николаевича.

Кланяйся Кавелину и всем твоим спутникам. На днях мы ждем Михаила Павловича, который за смертью короля не поехал в Англию и на «Геркулесе» сюда едет. Орлов поехал поздравить королеву. Вот тебе и все наши новости.

Бог с тобой, милый Саша; не забывай старого друга папá.
Н.

№ 14

Александрия. 5-го июля 1837 г.

14) Получено 8 июля 1837 г.

*на дороге между Воронежем и Тулой
близ стан/ции/ Никитской*

Сегодня обрадованы мы были получением писем твоих из Пензы, милый Саша, а вчера утром получили писанные из Саратова. Благодарю тебя искренно за добрые твои чувства ко мне и к доброй твоей Мама; да сохранит ее Бог на долгие лета мне в утешение и вам всем на счастье. Все, что ты пишешь про Вольск, Саратов и дорогу при проезде туда, мне было весьма любопытно читать. Радуюсь, что немецкие колонии найдены тобой в столь отличном виде и духе. Раскольничьи дела по Саратовской губернии почти то же возбуждают рассуждение, что и по Пермской губернии, но, может быть, важнее в том смысле, что Иргизские монастыри всегда почитались центром или сердцем раскола; уничтожение их было необходимо и в одном исполнении <мер> последовали невероятные глупости. Гораздо опаснее то, что делается на Урале, я имею донесения от Перовского; надеюсь, что принятые им меры остановят зло в самом его начале, но тут не одна нужна строгость, надо дело делать ловко и не возбуждать бунта, на что буйные их головы всегда были готовы. Я приказал прежде Перовскому выкомандировать сколько можно более полков на внешнюю службу, с тем чтоб число вооруженных людей уменьшить. Потом решительно приступить к главным виновникам зла, которые заслоняются дураками, которые как и всегда и везде вперед выставляются. Туда едет Белосельский, чтоб быть всему очевидцем и мне лично привезет известия. Погода у нас все холодная, хотя и лучше прошлых дней; говорят, что везде тоже. Сегодня утром делал я ученье всему учебному отряду и был очень доволен, хотя в первый раз они вместе учились. Потом был обычный им обед. Завт-

ра Мама́ збирается в город, а я в Кронштадт смотреть флот, а после <смотря> флоту — дамский смотр.

Теперь мы знаем, что в Вознесенск будут эрц-герцог Иоанн и прусский п/ринц/ Август, и до 30 генералов и офицеров австрийских, прусских и шведских. Вот тебе и все наши новости.

Почтенному А. А. Кавелину и всем твоим спутникам мой искренний поклон. Письма Кавелина мне крайне приятны. Журнал Адлерберга очень хорош. Чем занят Паткуль? Прощай, милый Саша; целую тебя от души, Бог с тобой.

Твой верный старый друг папá.
Н.

№ 15

Александрия. 8-го июля 1837 г.

15) Получено 11-го июля 1837 г.

на дороге из Тулы в Калугу в Алексине.

Вчера утром получили мы письмо твое, любезный Саша, из Тамбова и благодарим Бога, что дозволил <...> благополучно продолжаться твоему путешествию. Благодарю тебя за все подробности твоего пребывания и о всем тобой виденном. Тамбовское дворянское училище тебе служит примером всех неудобств заведений, которые, т/ак/ с/казать/, ни то ни се, то есть ни военные ни гражданские и без всякого твердого основания. Хорошо, что удалось убедить дворянство согласиться на присоединение оно́го с Воронежским кадетским корпусом, тогда можно ожидать толка и порядка. В Туле найдешь корпус хотя не лучше, но также вовсе не таким, каким бы ему следовало быть для пользы общей. Молоканы тоже дурная <ноша>, с которою тоже постоянные строгие правила необходимы, как и для других. Но они не столь дерзки, ибо чувствуют, что не правы.

С прискорбием должен я тебя уведомить о геройской кончине бедного твоего товарища толстого Долгорукова, он пал в десантном деле на берегах Абхазских, изумив всех своей неимоверной храбростью, вот собственные слова Вельяминова. Жаль его весьма и еще более жаль бедного отца! Но что делать, славно, кто так умирает.

Третьего дни под вечер прибыл к нам Михаил Павлович совершенно здоровый, бодрый и веселый, слава Богу, и дай-то Бог,

чтоб здесь он не расстроился. Он и великая княгиня будут тоже в Вознесенск.

Мама́ была сегодня в городе, и оттого к тебе не пишет сама. Она тебя целует, равно как и я. Поклонись от меня Кавелину и всем твоим. Прощай, любезный милый Саша, Бог с тобой.

Твой верный старый друг папа́.
Н.

Ежели в Москве 1-го августа бывает парад, то ты при нем быть должен верхом и войска потом проходить должны мимо тебя; в противном случае не за чем изменять обыкновенного порядка.

№ 16

Лагерь при Красном Селе. 11-го июля 1837 г.

16) Получено 17-го июля 1837 г. в Вязьме

Благодарю тебя, милый Саша, за письмо твое из Воронежа, которое получил я, едучи с Мама́ у самых ворот в Александрии, радуюсь, что и пребыванием своим в Воронеже ты был доволен, молю Бога, чтоб до конца благословил твое странствование. По расчету моему, ты должен быть сегодня в Калуге; и <въезжая> <напомнятся> <нам> славы России; да сохранит нас Бог от подобного времени, но ежели в Его неисповедимой воле определено тебе подобное же искушение, то знай, что может Россия на одного милосердного Бога свою надежду возлагать и под скипетром подобного царя, каков был тот, которого имя ты носишь¹.

Приехав вчера вечером сюда, Мама́ была у обычной большой зари² и потом вечер провели мы вместе дома. Сегодня был церковный парад и развод в авангардном лагере. День был прекрасный, несмотря на довольно сильную проходящую грозу. Мы обедали на Дудергофе; а вечером была снова общая заря. Сегодня смотрел выстроенный для тебя прекрасный домик³. Точно

¹ Император Николай I вспоминает о событиях Отечественной войны 1812 г. и императоре Александре I.

² Обычная большая заря (зоря) — военный сигнал, подаваемый в строго определенное время утром и вечером в сухопутных войсках и на флоте (с конца XVII в.). Вечерняя заря сопровождалась торжественной церемонией (построение, перекличка, объявление приказов, пение молитв).

³ Речь идет о летнем дворце цесаревича Александра Николаевича «Ферма» в Петергофе, в парке Александрия.

делает честь вкусу <владельца>, точная игрушка. Завтра ученье в 6 часов 1-й дивизии, а вечером 2-й. Мери осталась в Александрии за чирием на ляжке, и хотя прорвался, но все так нельзя ей выезжать. Именинница была весела, хотя и одна с Адиной¹. Костя в море до 25-го числа и должен был идти до Борегольма.

Благодаря Кавелина за доброе его письмо и кланяйся всем твоим. Бог с тобой; целую тебя от всей души.

Твой старый верный друг папá.
Н.

№ 17

Александрия близ Петергофа. 15-го июля 1837 г.

17) Получено 19-го июля в Брянске

Отвечаю сегодня на два твои письма, любезный Саша, из Тулы и из Калуги, которые оба получил на военном поле во время маневров. Раньше писать мне было по той же причине невозможно. Я счастлив тем, что досель милосердный Бог благословляет твою поездку и что Кавелин мне постоянно отзывается об тебе с похвалою; ты знаешь, что нужно моему счастью знать, что мои надежды на тебя не тщетны и что, глядя на тебя, могу с спокойным духом взирать на будущность, да подкрепит тебя милость Божия так продолжать.

Все наши занятия в Красном Селе кончились, к моему совершенному удовольствию. Одно несчастное приключение меня, однако, крайне огорчило. Благодаря обычной ветрености Шильдера при опытах при нас смертельно ранен один из солдат, бывших зрителями, и ранен в палатке другой офицер. Чуть мы не все пострадали, и один Божий Промысел нас спас, ибо все через нас перелетело и ранило стоявших за нами. Он за то сидел под арестом, и поделом.

Сегодня был большой маневр всего корпуса и весьма удачный. С 19-го числа начинаются большие маневры и продолжаться будут по 24-е число. Я пришлю тебе программу. Рад, что ты доволен был полками 4-й дивизии, она всегда была хорошей. Скажи А. А., что я совершенно согласен чтоб ты пробыл **все время** пребывания Мама́ в Москве с нею, и даже можешь к ней

¹ Вел. кн. Александра Николаевна.

выехать сюрпризом на станцию навстречу. Так как мы все решились на обратном пути пробыть некоторое время в Москве, то где не успеем ныне остановиться на дороге в Вознесенск, то можем при возвращении долее остановиться. Я разумею Харьков, Чугуев и Полтаву.

За сим прощай, милый Саша, Бог с тобой. Поручения твои М. П.¹ я завтра исполню. Целую тебя от души. Всем твоим сделай мой сердечный поклон.

Твой старый друг папá.
Н.

№ 18

Александрия, 23-го июля 1837 г.

18) Получено 25-го июля 1837 г. в Москве

Возвращаясь сегодня только с маневров, отвечаю, любезный Саша, на два твои письма из Смоленска и Калуги. Мне очень приятно было удостовериться, что ты с тем же любопытством и с теми же чувствами, которые от тебя ожидал, рассматривал места славных воспоминаний 1812 года. Смоленск мне всегда нравился особенною красотою местоположения и его древних стен и величественного собора, которому подобного и не знаю. Итак, сегодня ты ночуешь уже в Москве — твоей почтенной родине, и я за тебя чувствую, с каким ощущением ты, вступивши в Успенский собор, в нем молиться будешь! Ты вспомнишь, верно, что скоро или поздно ты тут дашь обет перед Богом блюсти Ему за Россию! И не ужаснись, ибо, прибегая к Нему, Он дает тебе силы и укрепляет дух твой, но на Него одного клади свою надежду.

Наши маневры кончились весьма хорошо, все шло примерно хорошо и я не помню никогда любопытнее маневров. Сегодня близ Дятлиц было настоящее сражение на большом пространстве, но при крепкой позиции; вид был бесподобный. Г/нерал/ Ушаков и наш — Да! — действовали славно; Кнорринг и Блом посредственно. При/лагаю/ тебе и программу маневров. Потом мы обедали в Гастилицах и с Мама́ вернулись сюда. Погода была все время прелестная, нежаркая, кроме 21-го числа.

¹ Вел. кн. Михаил Павлович.

Вчера в Ропше был обычный бал, который кончился в 11 часов, а в три утра уже мы были на ногах. Теперь отдохну здесь и навоюсь с кадетами. В четверг смотр; а на другой день будем в город, в субботу же с благословением Божиим пустимся в путь в разные стороны. В Варшаву, вероятно, не буду, ибо князь¹ распустил корпус за усилением холеры. И я проеду чрез Вильну в Бобруйск, в Киев, почти в то же число. Скажи Кавелину, что о твоём маршруте после Вознесенска поговорим с ним там, ибо успеем приготовить, что нужно, в то время как ты будешь с нами. Ему и всем твоим мой поклон. Прощай, милый Саша, Бог с тобой.

Твой верный старый друг папá.
Н.

№ 19

Александрия: 28-го июля 1837 г.

19) Получено 30-го июля 1837 г. в Москве

Вчера утром получил я письмо твое из Москвы, милый Саша, и благодарю милосердного Бога, что ты успел благополучно совершить большую часть своего путешествия. Пишу тебе сегодня в <...> моего близкого отъезда и не знаю, когда мне можно будет тебе снова писать. Скажи А. А., чтоб фельдъегерей <новых> ко мне направлял сперва к Мама́ по ее маршруту; от нее же, приняв письма, будут направлены Волконским ко мне. Холера в Варшаве прибавляется и, кажется, что, наверно, я туда опять не попаду, что мне очень неприятно, зато буду в Вильне и Бобруйске.

Ты можешь выехать к Мама́ навстречу в Черную Грязь, где она будет обедать в последний день, ты ее хорошенько береги в особенности в народе и помогай подмышку, когда прикладываться будете в Успенском. Не давай ей ходить по высоким лестницам, но вели всегда носить. На балах уговаривай не много танцевать и пуще всего не долго оставаться в ночь.

Завтра она едет прямо водой в город, а я в ночь в лагерь для завтрашнего смотра, а потом обедать на Елагин. Потом, в пят-

¹ Имеется в виду И. Ф. Паскевич, наместник Царства Польского.

ницу, спуск корабля и потом вместе будем в Казанский¹. Вечером переедем в Царское Село, а в субботу утром, с Богом, в путь. Стало, ежели Бог поможет, в Вознесенске тебя обниму через месяц с радостью и душевным удовольствием, ибо я тобой могу быть доволен. Продолжай так для нашего общего счастья. Прощай, старый московский калач, мой Мурфич, от души тебя целую.

Твой верный старый друг папá.
Н.

А. А. и всем нашим равно князем Д. и С. Голицыным, С. И. Муханову и П. А. Толстому мой поклон.

№ 20

Царское Село. 30-го июля 1837 г.

*20) Получено 3-го августа на ст/анции/ Солнечная Гора
из рук самой императрицы*

На Аптекарском острове, выезжая из Елагина сегодня после обеда получили мы письма твои, любезный Саша, от 28-го числа. Ответ мой вручит тебе Мама́; потому и не стану много тебе писать; завтра с помощью Божией пускаемся в путь. Вчера был у нас смотр весьма удачный, в особенности был я доволен кавалерией и артиллерией, пехота прошла хорошо, но было б еще удачнее, ежели б ветром не заглушало совершенно музыку. Сегодня утром был парадный спуск корабля «Волы» в 4 часа в новом адмиралтействе. Отобедав и немного отдохнув, пустились мы в путь. Меня очень радует, что ты доволен всем, что в Москве видишь; любопытно знать, как найдешь войска, и в особенности 6-ю Легкую дивизию. Крутицкий монастырь давно до меня уничтожен, восстановить церковь будет и легко и прилично; но многое, что пропало, происходит от разорения в 1812 году; и не стало бы способов все привести в первобытное состояние, даже в Кремле многие церкви и ныне в жалком положении и хотели их уничтожить, чему, однако, я воспротивился и велел их постепенно исправлять и устраивать. В Оружейной па-

¹ Имеется в виду Казанский собор в Санкт-Петербурге.

лате много вздору и многое, даже корона Мономахова, не под настоящим значением. Трудно, однако, <гнать> предрассудки, которые сохранились в общем убеждении и походят на святыни, потрясать, и то в такой век, где и незыблемое потрясается. Наводить сомнения вообще опасно.

Обними за меня Мама́ и береги ее. Бог с тобой, милый Саша, с помощью Божией, до скорого свидания.

Прощай, твой верный старый друг папа́.

Н.

А. А. и всем твоим мой искренний поклон.

№ 21

Ковно. 7-го августа 1837 г.

21) Получено 12-го августа 1837 г. в Нижнем Новгороде

Два слова только, милый Саша, в ответ на твое последнее письмо из Москвы. Радуюсь, что ты имел счастье принять Мама́ и нашел ее здоровою. Здесь всем я очень доволен и нашел корпус в отличном состоянии, в особенности кавалерия сделала большие успехи. Послезавтра <начнем> маневры на два корпуса. Полагаю ехать в Вильну ночевать, и, пробыв там сутки, следовать на Бобруйск в Киев. Радуюсь за тебя, что на днях последуешь Нижним; вспомни меня, когда будешь на месте, где строится дом военного губернатора и напиши мне, как идут вообще все работы по городу. Поклонись А. А. и всем твоим.

Бог с тобой, не забывай старого друга папа́.

Н.

№ 22

Вознесенск. 20-го августа 1837 г.

22) Получено 22-го августа 1837 г.

на перепутье из Белгорода в Харьков

Милый Саша, два слова только тебе с моим спасибо за два твои письма из Москвы и из Нижнего. Я уверен был, что ты будешь поражен величественной красотой Нижнего. Подвиг дворянства прекрасный и меня сердечно радует.

Здесь все так хорошо, так прекрасно, что все превзошло мое ожидание, но скоро сам увидишь. Так как ты обратно ехать будешь через те же места, то скажи Кавелину, что я позволяю кроме ночлегов тебе нигде не останавливаясь, прямо ехать сюда, оставя даже свиту кроме Енохина, назади. Писать мне далее недосуг. Обнимаю тебя от души и твоим всем кланяюсь. Прощай, Бог с тобой, до скорого свидания.

Твой старый верный друг папá.
Н.

№ 23

Эривань. 5-го октября 1837 г.

23) Получено 13-го октября 1837 г. в Чугуеве

Благодарю тебя, любезный Саша, за доброе письмо из Алупки с сухопутным фельдъегерем, другое и до ныне не получал еще. Слава Богу, что ты добрую Мамá застал и обнял здоровой, надеюсь на милость Божию, что возвратит ее восвоюси тоже благополучно. Благодарение Богу, мы сюда добрали весьма хорошо. Почти везде я был доволен, <за что> весьма доволен и редко бранил. Меня везде принимают с радостью и край прелюбопытный. Начинают к нам привыкать, сами жители меня конвоируют и с радостью, и сегодня целый полк Кенгерли, порусски командуемый и щегольски одетый одинаково в белом, вышел мне навстречу, ничего красивее видеть нельзя. Войска почти везде порядочные, есть хорошие, есть отличные (Грузинские/ ие/ <...>), есть и поганые (Грузинская/ легкая/ батарея/). Крепость Гулери, ныне Александрополь, удивительно успешно строится и прелесть, точная игрушка, невероятно хороша, жаль <хотя>, что здесь Ахалцих и в особенности Эривань сухи, <полнейшая> дрянь.

Вчера принимал Эрзрумского сераскира, завтра Персидского наследника 7 лет¹; и потом с помощью Божией пушусь домой. В твоём маршруте, скажи А. А., надо будет сделать перемену, ибо я полагаю прибыть не позже 21 числа в Черкасы; поэтому ты из

¹ 6 октября 1837 г. Император принимал персидское посольство, в котором находился и персидский принц Вилиат. Присланный шахом с поздравлением императору Николаю I. (ГАРФ. Ф. 672. Оп. I. Д. 35. Л. 156. Описание путешествия императора Николая I по России в апреле — октябре 1837 г.)

Полтавы ехать должен по остальному маршруту, выпуская Харьков и Чугуев, и ждать меня на последней станции, объехав Черкас, итак, ежели Бог поможет, через 16 дней мы увидимся.

Поклонись от меня А. А. и всем твоим.

Обнимаю тебя от всей души.

Твой верный старый папá.

Н.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К ПИСЬМАМ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I К ЦЕСАРЕВИЧУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

Инструкция и наставление цесаревичу

Общая инструкция, данная нам Государем по случаю предприняемого путешествия по России в 1837 г.¹

Путешествие Наследника имеет двоякую цель, узнать Россию сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным.

Время на сие назначенное достаточно, чтобы исполнить обе цели, не обременяя сим великого князя. Но, осматривая все любопытные предметы, откинуть излишние, разумея под сим посещение нескольких предметов однородных, как-то: фабрик или заводов того же самого рода. Посещать же только, которые приобрели заслуженно знаменитость. Осмотру подлежать будут везде непременно все казенные учебные заведения, гошпитали, ежели в них нет прилипчивых болезней; заведения Приказов общественного призрения и тюрьмы. Казармы осматривать тогда, когда только дозволит время и там, где красота зданий и устройство сего заслуживает, т. е. в крепостях.

Разделение или порядок путешествия примерно будет следующий.

Встав в 5 часов, ехать в 6 утра, не останавливаясь для обеда, ни завтраки² на дороге до ночлега; буде на пути есть предмет любопытный, то остановиться для осмотра, не принимая нигде ни обедов ни завтраков. По приезде на место посетить в губернских городах собор или даже в уездах те места, где хранятся

¹ Инструкция сия была вручена самим Государем князю Ливену, у коего оригинал и должен храниться.

² Так в тексте. — *Примеч. публ.*

предметы особого Богомолия. Засим по приезде на квартиру обедать, призывая к столу только губернаторов, вечер посвятить записыванию в журнал всего виденного в течение дня и ложиться пораньше спать.

На другое утро, встав в 7 часов, ежели воскресный или праздничный день, быть у обедни в соборе. Потом в условленное время принять представление дворянства, чиновников и купечества, потом видеть те полевые войска, которые в том месте находятся, гарнизонных же не нужно. За сим начать осмотр назначенных к посещению предметов. По возвращении взять час отдыха, потом обедать, приглашая губернатора, губернского предводителя, купеческого голову и тех почетных из отставных, кои службой и отличиями, на оной полученными, сего заслуживают. Приглашений же, кои будут, нигде не принимать. Где есть военное начальство — приглашать главных к столу.

Буде наследник будет зван на бал, принимать подобные приглашения в губернских городах, в прочих отклонять, извиняясь неимением времени. На сих балах Его Высочеству танцевать с некоторыми из почетных дам польский, с молодыми же знакомыми или же лучше воспитанными — французские кадрили две или три, но никаких других танцев. На ужин не оставаться и вообще не долее часу или двух, и уезжать неприметно. Где по расписанию назначено пробыть более одного дня, предметы к осмотру разделять, соображаясь со временем и удобством. Тогда на другой день обедать с одними своими, приглашая только губернатора и, ежели есть войско полевое, главного их командира.

Так располагать порядком путешествия. Ежели представляемы будут прошения, не отказывая принимать и, запечатав в особый пакет, присылать ко мне в собственные руки. Бедным же, требующим скорой помощи, давать, оставляя на сие губернатору с архиереем и дворянским предводителем в губернских городах по 5 т/ысяч/ р/ублей/ на раздачу.

Прошений на крестины принимать с крайнею разборчивостью, также и помещение детей в заведения пансионерами Его Высочества.

Из каждого губернского города присылать мне фельдъегеря с известиями о благополучном путешествии Наследника, отправлять же их пред выездом в дальнейший путь. Фельдъегери будут для сего туда предварительно высланы.

Доктору Енохину собственноручно присылать мне донесения о здоровье Его Высочества и сопровождающих теми же фельдъегерями.

Ежели чего, Боже упаси, Его Высочество сделается нездоров, то по требованию Енохина остановиться, где нужно будет, или продлить пребывание по его усмотрению, мне же немедля донести с нарочным.

На пути Его Высочество никто ни под каким видом из местных начальников сопровождать не должен, что наистрожайше запрещаю. В тех местах, где повешено будет, что Его Высочество изволит остановиться для осмотра, начальствующему встретить у самого предмета. В городах же сопутствовать главному лицу, а в губернских городах губернатору ехать с Его Высочеством в одном экипаже.

Дорогой у церквей не останавливаться, разве будет встреча с крестом, к которому всегда прикладываться.

Карлаулов нигде не принимать, ставить одних часовых у ворот дома и при экипажах.

В дороге экипажам делиться на 2 отделения: в первом, которому отправляться с вечера, быть: 1. фельдъегерю, заготавливающему лошадей, 2. кухне, 3. камердинеру Его Высочества, 4. коляске полковника Юрьевича, 5. коляске полковника Назимова. Во втором отделении: 6. коляске Его Высочества, 7. коляске генерал-адъютанта Кавелина с доктором Енохиным, <и> фельдъегери при Его Высочестве, 9. дормезу князя Ливена, 10. коляске действительного статского советника Жуковского, а фельдъегерю, платящему прогоны, 11. заключать шествие 6-ю часами позже.

В дороге Его Высочеству и всей свите быть в сюртуках, в городах, где бывает пребывание для осмотра, в обыкновенных мундирах. В губернских городах при принятии представлений в полковом мундире и шарфе, а при смотрах войск по <...лу> оных в той же форме, или когда дивизия в строю, то в полной парадной форме.

Во время пребывания в Москве Его Высочеству остановиться в Чудовом, в месте своей родины, в моих комнатах, в которых провел первую ночь своей жизни. В Москву спешить приезд поздно вечером. На другое утро в полной парадной форме следовать сперва пешком в Успенский собор, потом чрез Красное крыльцо в Грановитую палату и во дворец, оттолъ ехать явиться к военному генерал-губернатору и после того быть к разводу, где на сей раз почести принять Его Высочеству Наследнику. За сим быть в Чудовский собор и, придя к себе, принять

представление всех военных, гражданских чинов и купечества. Потом раздеться, отдохнуть и ехать с князем Голицыным прогуляться, во время сей прогулки остановиться у образа Иверской Божией Матери и приложиться. Приехав домой, отдохнуть и ехать обедать к князю Голицыну за малый стол. Потом вечером быть в Русском театре. Следующие дни употребить на смотр войск, арсенала, кадетского корпуса и прочих любопытных предметов.

Буде Его Высочеству приятно будет, то можно будет переехать на остальное время в Александрийский дворец.

Во все сие время через день принимать к обеду знатнейшие лица как военные, так и гражданские поочередно.

Приглашения принять на балы как в зал Дворянского собрания, так и у знатных особ, но не на обеды, кроме у князя Сергея Михайловича Голицына. Ежели время дозволит, можно объехать и любопытные места в окрестностях.

В Киев Наследник должен приехать под вечер прямо в Печерский монастырь, где приложиться к образу и мощам в соборе и после того ехать на свою квартиру. На другой же день рано утром должен явиться к фельдмаршалу князю Сакену в полной парадной форме, потом к обедне в Софийский собор и на поклонение в Михайловский монастырь к мощам Св. Варвары. Потом, переодевшись в обыкновенную форму, ехать в Печерский монастырь для посещения пещер. Засим посвятить время на осмотр арсенала, крепостных работ и прочего любопытного. Для осмотра войск условиться с корпусным командиром. Бал, ежели предложено будет, то принять оный у графа Гурьева, но не от дворянства.

Для издержек по путешествию Наследника отпущится первоначально <30> т/тысяч/. Я <и> кредит <...> на таковую же сумму на губернские казначейства, когда первая сумма истощится.

Петергоф, 3-го марта 1837 года.

Н.

**Наставление для путешествия, врученное мне Государем
в Аничковом дворце пред исповедью 14 апреля в среду
1837 г.¹**

Предпринимаемое тобой путешествие, любезный Саша, составляет важную эпоху в твоей жизни. Расставаясь в первый раз с родительским кровом, ты некоторым образом как бы самому себе

¹ Надпись на конверте, в котором находилось письмо.

предан, на суд будущих подданных, в испытании твоих умственных способностей. Вникая в сие, ты удостоверишься во всей важности сего предприятия, на которое взирать тебе следует не с одной точки любопытства или приятности, но как на время, в которое ты, знакомясь с своим родным краем, сам будешь строго судим.

Первая обязанность твоя будет все видеть с той неперменной целью, чтобы подробно ознакомиться с государством, над которым рано или поздно тебе определено царствовать. Потому внимание твое должно равно обращаться на все, не показывая предпочтения к которому-либо одному предмету, ибо **все полезное** равно тебе должно быть важным; но при том и **обыкновенное** тебе знать нужно, дабы получить понятие о настоящем положении вещей. Время и опытность — одни укажут тебе впоследствии причину многому, что с первого взгляда покажется не понятным или противным. На все ты должен смотреть глазом будущности, как на приобретаемое себе в запас, на твои соображения. Для того же предмета обращение твое должно быть крайне осторожно; непринужденность, простота и ласковость со всеми должны к тебе каждого расположить и привязать. Оказывая должное уважение старшим властям, ты не столько взирать должен на личные их качества, до слуха твоего дойти могущих, сколько на доказываемую степень доверия к ним от правительства по важности занимаемой ими должности.

Суждения твои должны быть крайне осторожны, и тебе должно, елико можно, <избечь> сии необходимости, ибо ты едешь не судить, а знакомиться и, увидев, судить **про себя и для себя**. С дворянством обходиться учтиво, отличая тех, кои прежней службой или всеобщим уважением того заслуживают, во всяком случае, обращать должное внимание к губернскому предводителю как к избранному сим сословием себе в голову. С купечеством ласковое и простое приветливое обхождение будет прилично, отличая среди их тех, кои известны своею добродетелью или полезными предприятиями. С простым народом доступность и непритворное ласковое обращение к тебе <привяжет>. Где смотреть будешь войска, помни, что ты им не инспектор, потому ежели и найдешь что не в должном порядке, свои замечания ни под каким видом непосредственно делать не должен, но сообщи наедине ближайшим начальникам; то же <наблюдать> должен и в казачьих войсках, где ты предстанешь хотя и атаманом, но не действительным начальником. С духовенством соблюдай учтивость и должное уважение; где же

случиться посещать <предметы> Богомолия, исполняй все обряды с подобающим уважением к Святыне.

Нет сомнения, что везде тебя с искренней радостью принимать будут; ты внутри России увидишь и научишься ценить наш почтенный, добрый русский народ и русскую привязанность, но не ослепись этим приемом и не почти сие за заслуженное тобой, тебя примут везде как свою Надежду, Бог милосердый поможет ее оправдать, ежели постоянно пред глазами иметь будешь, что каждая твоя минута должна быть посвящена матушке России, что твои мысли и чувства одну ее постоянным предметом иметь будут.

С тобой едет князь Ливен и прочие тебя окружавшие; в частных с ними разговорах и в сообщении им твоих впечатлений получишь ты поверку в их правильности. Почтенный князь Ливен готов будет всегда наставить тебя добрым советом; ты молод, неопытен и сам почувствуешь, что подобный драгоценный друг тебе истинное счастье. Не нужно мне припомнить тебе, с каким уважением ты с ним обращаться должен. То же внимание имей и к прочим твоим спутникам; с товарищами будь дружен по-прежнему, но в общении соблюдай всегда должное приличие с ними, не позволяя им никакого запанибратства.

Желаю, чтоб ты держал журнал своей поездки; ты имеешь уже сию привычку, никогда она не будет тебе столь полезна, как ныне, и время для сего будет достаточно.

Пиши мне только на досуге, просто как к лучшему твоему другу.

Ступай с теплой молитвой и с надеждой на милость Божию. С Богом.

Н.

*Письмо Императора Николая Павловича
к сыну его Великому Князю Николаю Николаевичу¹*

Теплиц, 27 июля (9 августа) 1838 г.

Пишу тебе в первый еще раз, любезный Низи, с благодарным к Богу сердцем вспоминая, что тобою наградил нас Господь, в минуты самые тяжкие для нас, как утешение и как предвестник

¹ С соизволения Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича-Младшего, печатается с своеручного подлинника. — П. Б.

конца наших разнородных бедствий¹. Вот и семь лет тому прошло, и вместе с этим, по принятому у нас в семье обычаю, получил ты *саблю!!!* Великий для тебя и для нас день! Для нас, ибо сим знаком посвящаем третьего сына на службу будущую брату твоему и родине; для тебя же тем, что получаешь первый знак твоей будущей службы. В сабле и в мундире офицера ты должен чувствовать, что с сей минуты вся будущая твоя жизнь не твоя, а тому принадлежит, чьим именем получил ты сии знаки. С сей минуты ты постоянно должен не терять из мыслей, что ты беспрестанно стремиться должен постоянным послушанием и прилежанием быть достойным носить сии знаки, не по летам тебе данные, но в возбуждение в тебе благородных чувств, и с тем чтобы некогда достойным быть своего звания.

Молись усердно Богу и проси Его помощи. Люби и почитай своих наставников, чти твоих родителей и старшего брата и прибегай к их советам всегда и с полною доверенностью, и тогда наше благословение будет всегда над твоей дорогой головой. Обнимаю тебя от души, поручаю тебе поцеловать братцев и поклониться от меня искренно Алексею Илларионовичу².

Н.

*Письмо Императора Николая Павловича в Палермо
к дочери его Великой Княжне Ольге Николаевне*

Варшава, 26 декабря 1845 г. (9 января 1846 г.)

Благодарю тебя, милая Олли, за доброе письмо твое от 10 (22) числа. Ты вообразить себе не можешь, с каким счастьем я читал уверение, что нашей доброй Мамá точно лучше и что силы ее приметно поправляются. Это одно мое утешение в разлуке и вознаграждение за носимую жертву³. Слава Богу, и дай Боже, чтобы все ваше пребывание так же счастливо кончилось, как началось, и чтобы через пять месяцев я мог прижать вас к сердцу дома.

Теперь ты отгадаешь, что меня более занимает!.. Как ты, по Бо-

¹ Война и мор

И бунт, и внешних бурь напор, —

Пушкин так писал про 1831 год. — П. Б.

² Философову. — П. Б.

³ Слабая здоровьем Императрица Александра Федоровна с Великим Князем Константином Николаевичем и с Великою Княжною Ольгою Николаевной находилась в это время в Палермо. — П. Б.

жию наитию, решишь свою участь? С полной свободой, с спокойным испытанием твоего сердца, без предупреждений и без наущений, *сама одна ты*. Минута важная, решительная на всю жизнь.

Твое сердце, твой здравый ум, мне порукой, что то, что *ты одна* решишь, будет к лучшему, будет изречением Божией воли, ибо ты одному Богу предаешься; потому я и спокоен, и оттого жду, чему быть. Никто не может тебе советовать: ты *одна* можешь и должна судить об этом деле; мы же можем только судить *de la position sociale*¹, как уже тебе писал в пользу предлагаемого тебе. Если б прежнее и могло быть, то сравнения нет между двух предложений, в отношении условий твоего положения. Видев же ныне вблизи, в какую семью ты могла бы попасть, и до какой степени, с одной стороны, беспорядок, а с другой — фанатизм у них сильны, я почти рад, что дело не состоялось². Теперь выбирай только между *предлагаемого* или всегдашнего пребывания *дома* в девицах: ибо нет, вероятно, какого-либо предложения, достойного тебя, когда нет на то *лица*. Повторяю, что ты решишь, то будет, по моей вере, к лучшему: ибо по моему чувству к тебе я той веры, что в тебе будет в эту минуту глас Божий изрекаться. Аминь.

Надеюсь, что мои безделки на Рождество тебя позабавили; кажется, статуйка молящегося ребенка мила: это ангел, который за тебя молится, как за своего *товарища*. Бог с тобой, мой ангел! Люби Папá, как тебя любит. Обнимаю тебя от души.

Твой старый друг папá Н.

В 3-й тетради «Русского Архива» помещено прекрасное письмо Николая Павловича к семилетнему его сыну Великому Князю Николаю Николаевичу. За сообщение настоящего письма, дающего возможность еще раз полюбоваться великим Государем в его семейной доблести, читатели наши обязаны Ольге Николаевне Шереметевой, получившей это письмо в списке от родной тетки своей Анны Алексеевны Окуловой, которой, как своей воспитательнице, сообщила его сама Ольга Николаевна. Письмо написано перед тем, как Великой Княжне предстояло выразить согласие на предложение наследного принца Виртембергского, в следующем 1846 году сделавшегося ее супругом. П. Б.

¹ О положении общественном (фр.).

² Было предположение о браке с одним из австрийских эрцгерцогов. См. Записки А. О. Смирновой в «Русском Архиве» 1895 года. — П. Б.

III. ИЗ МЕМУАРНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ И ИСТОРИЧЕСКИХ ОСМЫСЛЕНИЙ

Из дневников Александры Федоровны

Мы располагаем двумя записями Александры Федоровны в форме дневника: «Кратким дневником» за время междуцарствия и «Большим дневником», который она вела в течение большей части своей жизни.

«Краткий дневник» носит в подлиннике название: «*petit Journal depuis le 27 Nov. Jusqu'au 12 Décembre 1825*» и представляет рукопись, написанную по-французски почти без помарок на листке почтовой бумаги малого формата с траурной рамкой. Быть может, это действительно подённая запись, сделанная Александрой Федоровной среди самых событий. Во всяком случае, взглядываясь в почерк записей, как будто без опасения ошибки можно сказать, что они сделаны не менее, чем в три приема: 1) — за 27 ноября, 2) — за 28 ноября и 3) — за 29 ноября и остальные дни, до конца рукописи. Впрочем, все эти заключения «от почерка» очень гадательны. «Краткий дневник» хранится в «Особом Отделе Архива Октябрьской Революции» в бумагах быв. «Библиотеки Зимнего Дворца», под № 2389. Здесь печатается он полностью, в русском переводе.

«Большой» дневник Александры Федоровны хранится в том же отделе того же архива среди тех же бумаг «Библиотеки Зимнего Дворца» под № 2363. Он представляет шесть больших, продолговатого формата альбомов в кожаных тисненых переплетах; все альбомы, за исключением первого, с замочками. Альбомы довольно объемисты: в 240—320 и даже 520 страниц. На крышке первого из них вытиснена надпись: «*Princesse Charlotte*», и на задней крышке: «*le 13 du Juillet 1813*». Альбом этот открывается записью от 19 июля 1813 г., сделанной в Кунцендорфе, и заканчивается записью от 6 октября 1816 г. в Шарлоттенбурге. Среди записей встречаются рисунки, много засушенных цветов. В 1814 г. несколько записей сделаны

на немецком языке, но русским алфавитом. — Второй альбом содержит записи с 6 октября 1816 г. по 31 декабря 1820 г.; первая сделана в Шарлоттенбурге, последняя во время пребывания в Берлине, большая часть промежуточных записей сделана в России, в Петербурге. На заглавном листе написано по-русски «Александра Федоровна». — Третий альбом заканчивается записью от 5 февраля 1825 года, старого стиля, сделанной в Петербурге; четвертый — записью 27 декабря 1828 г.; пятый содержит в себе записи с 29 декабря 1828 по 23 ноября 1835 г. Этот альбом объемистее предыдущих (527 страниц). Последний альбом начинается записью 28 ноября 1835 г. и обрывается на записи 1855 г. без более точной даты. Почерк в этом томе значительно меняется, строки идут шире одна от другой, а самые записи становятся более краткими. В 1850 году они еще более или менее пространны; но записи за 1851 год заполняют уже всего лишь 8 страниц (с 376 по 384); за 1852 год имеются всего 3 строки от 15 февраля; 1853-й и 1854-й годы отмечены суммарными записями: первый — в 9, второй в 3 1/2 строчки, и в этих трех строчках говорится о войне, о Севастополе. 1855-й год отмечен всего лишь черным крестом, выведенным дрожащей рукою под датой года. На титульных листах всех шести альбомов как девиз написаны слова: «Glaube, Liebe, Hoffnung» («Вера, Любовь, Надежда»), сопровождаемые в разных томах теми или иными изречениями.

Начиная со второго альбома, в дневнике встречаются вырезанные страницы, довольно много мест вымарано чернилами, другие вычеркнуты красным или черным карандашом. Все записи сделаны на немецком языке, изредка по-французски. Почерк беглый и не особенно разборчивый; местами текст может быть прочитан с большим трудом и не без догадок.

Записи носят большею частью интимный, узкосемейный, личный характер. В настоящем сборнике, согласно его плану, приведены в переводе несколько записей за 1825 и 1826 годы.

Краткий дневник с 27 ноября по 12 декабря 1825 г.

27 ноября

Ужасная весть между 11 и 12 во время молебна¹. Николай тотчас же присягнул императору Константину. Совет делал ему

¹ На краю листка против этой записи поставлен крест.

представления, указывал ему на волю императора Александра, но Николай не изменил решения; он знал, что делал. Члены Совета, по принесении присяги, были приняты матушкой. Николай послал своего адъютанта Лазарева к Константину.

28 ноября, суббота

Ужасный день, проведенный в слезах. Заупокойная обедня. Вечером письма от Константина и Михаила от 22 ноября, когда они еще ничего не знали. Карамзин.

29 ноября, воскресенье

Приготовления к причастию. Утром Воинов и Бенкендорф у матушки.

Понедельник, 30 ноября

Причащение в маленькой церкви.

Вторник, 1 декабря

Панихиды. В городе все спокойно.

Среда, 2 декабря

По-прежнему. Вечером много говорили с матушкой.

Четверг, 3 декабря

Михаил приехал в 6 часов утра; между 9—10 он был у матушки, где долгое время пробыл один; затем позвали Николая. Трогательные письма и важные бумаги от 26 ноября. Милорадович и Голицын были осведомлены о содержании их, но это должно остаться в тайне. Матушка весь день писала. Николай тоже с Опочининым. В 9 часов отправлен фельдъегерь; Опочинин уехал ночью с письменным изложением всего, что происходило здесь.

Пятница, 4 декабря

Заупокойная обедня. Михаил имел долгое свидание с матушкой. Он смотрит на все совсем иначе, чем мы. Николай вечером у матушки; он очень взволнован мнениями Михаила.

Суббота, 5 декабря

В течение нескольких часов споры и горячие обсуждения у матушки с обоими великими князьями и Милорадовичем.

Последний передал все ходящие по городу толки и разговоры солдат.

Матушка решила, что Михаил должен тотчас же поехать в Варшаву, чтобы умолять Константина дать манифест; она написала Константину, на коленях заклиная его приехать, чтобы покончить все. Михаил уехал в 6 часов.

Воскресенье, 6 декабря

Николин день. Обедня. Письмо Ожаровского, прибывшее сегодня вечером с нарочным из Варшавы, которое было очень интересно для нас. Матушка впервые обедала с нами.

Понедельник, 7 декабря

Матушка обедала с нами двумя. Вечером, около 8 часов — курьер из Варшавы от 3 декабря с письмом к матушке¹ и с копией официального письма кн. Лопухину, прямо-таки громового. Он не признал себя императором. Милорадович и Голицын у Николая; туда же пришла матушка с письмами и бумагами. Решено пока держать все в тайне. В 12 часов ночи приехал Перовский с письмами от 2 декабря, которые должен был привезти Лазарев. Письмо матушке, несколько слов Николаю.

Вторник, 8 декабря

Заупокойная обедня. В 2 часа — в крепости, где матушка молилась и пожелала благословить Николая на могиле его отца. Тяжелое чувство при виде пустого места, которое ожидает нашего ангела.

Среда, 9 декабря

Николай показал свой манифест Карамзину. Вечером, в 7 часов Аракчеев — у матушки.

Четверг, 10 декабря

Сперанский — у Николая, чтобы проредактировать манифест. Отнесла матушке письмо от моего брата Вильгельма. Вечером Аракчеев у Николая; он показал ему два трогательных письма императора.

¹ Далее в оригинале зачеркнуто «quelques mots a Nik. de la part de Constantin» («несколько слов Ник. от Константина»), над строкой написано: «avec la copie» («с копией»), конец слова «Constantin» переправлено на «d'une»; слова «lettre officielle» («официальное письмо») — написаны уже в строке.

Пятница, 11 декабря

Курьер от Михаила; он задержал в Неннале ген. Толля, ехавшего в Варшаву, и Сабурова, возвращающегося из Варшавы.

Суббота, 12 декабря

Заупокойная обедня. После обеда, в пятом часу курьер из Варшавы, выехавший 8 декабря вечером. Длинное письмо матушке, прекрасное, доброе и дружественное письмо Николаю. Он остается при своем решении, таким образом, судьба Николая решена!

Из дневника 1813—1855 годов

Зимний дворец. 27 ноября 1825 г.

Пятница, вечером

Ужаснейшее совершилось! У нас больше нет государя. Ангел действительно стал ангелом на небесах, он у Бога. Ах, вся его жизнь была лишь приготовлением к смерти; с радостью говорил он о той минуте, когда для него закончатся все земные мучения. Но какие ужасные часы пришлось нам пережить с того времени, как я писала в последний раз!

Он скончался в Таганроге 19 ноября, в 10 часов утра. Боже! И мне приходится это писать о нем! — что его, нашего государя, больше нет! Что я его больше никогда не услышу, никогда не увижу! Какая это мука! День этот отмечен в моей жизни черным. А мой Николай, мой дорогой возлюбленный! Какая это для него потеря и сколько забот несет она ему. Да поможет ему Господь, и да будет его прекрасная мать еще долгие годы такой же поддержкой для него, какой она была в эти дни.

25 ноября, т. е. третьего дня, вечером я ездила к ней и плакала там; она выглядела на 10 лет старше, чем обыкновенно. На другой день, рано утром, я снова была у нее; все еще не было получено никаких новых сообщений; но 15 ноября государь спокойно и благоговейно приобщился. Мы молились в церкви о выздоровлении отсутствующего. Каждый раз, как только отворялась дверь, сердца начинали учащенно биться. Вызвали Николая, он тотчас же поспешил вернуться, принес несколько лучшие известия. В эти минуты восторга императрица-мать простерлась ниц, благодарила Бога и плакала слезами радости, хотя

все говорили и повторяли, что еще не следовало слишком предаваться надежде. Это письмо было прочтено с матушкой. Что-бы...¹ спокойнее, но Николай все говорил, что хорошего мало, и что лучше приготовиться к самому худшему. Так прошел день, было несколько спокойнее, ждали следующего утра. Наступило утро. Боже, что это был за день!

С утра я опять поехала к императрице-матери; мы говорили обо всем, что могло произойти; после 10 часов мы опять пошли в церковь, снова те же молитвы, снова под конец вызвали Николая. Ах, на этот раз он так долго не возвращался! Непередаваемый страх охватил нас. Я была одна с матушкой, она отправила даже камердинера, чтобы скорей получить известия; я стояла около стеклянной двери; наконец, я увидела Рюля; по тому, как он шел, нельзя было ожидать ничего хорошего. Выражение его лица досказало все. Свершилось! Удар разразился! Матушка стояла с одной стороны, я — с другой. Николай вошел и упал на колени; я чуть было не лишилась сознания, но пересилила себя, чтобы поддержать бедную матушку. Она открыла дверь, которая ведет к алтарю, и прислонилась к ней, не произнеся ни слова. Она приложила к распятию, которое ей протянул священник, я тоже поцеловала крест нашего Спасителя, который один может даровать утешение. Войдя к себе в комнату, она села; мы прочли письма бедной императрицы Елизаветы, несчастнейшей из всех женщин на земле. Николай должен был тотчас же удалиться, чтобы принести присягу. О, сколь достойны сожаления мужчины в подобные минуты! А он в особенности! И как благородно он держал себя, как все на него дивились! Он распорядился принести Константину присягу, несмотря на то, что в совете было вскрыто завещание государя, где находилась бумага, в которой Константин формально передавал свои права наследования своему брату Николаю. Все устремились к нему, указывая на то, что он имеет право, что он должен его принять; но так как Константин никогда не говорил с ним об этом и никогда не высказывался по этому поводу в письмах, то он решил поступить так, как ему приказывала его совесть и его долг: он отклонил от себя эту честь и это бремя, которое, конечно, все же через несколько дней падет на него.

¹ Два слова не разобрано.

29 ноября 1825 г.

Милая императрица-мать была для моего Николая большой поддержкой. Как она совладала с собой в момент, когда самое дорогое было у нее отнято; как она сохранила ясность мысли, как горячо сочувствовало ее материнское сердце ее сыну Николаю, положение которого в это время было так необычайно трудно! Все устремились к нему, убеждая его в том, что он должен принять царствование, даже его мать пыталась вначале склонить его к этому.

Когда же она услышала, как он поступил, и узнала, что им руководило, она сочла своей обязанностью поддержать Николая и взяла на себя переговорить с членами Совета. Это был восхитительный момент. Опираясь на мою руку, она приняла членов Совета, старейших слуг государства; среди них находилось несколько ничтожных личностей, но были и некоторые достойные. Она попыталась сначала говорить стоя, но затем был вынуждена сесть, и хотя ей мешали слезы, она тем не менее говорила отчетливо и разъяснила волю государя, которую она хорошо знала и которая была записана с выраженного ею согласия; она сказала, что происходящее ныне свершается вопреки воле покойного, но что они должны признать за Николаем право так именно поступать, так как старший брат никогда при своей...¹ и так как Константин является наследником по закону природы; воля же покойного состояла в том, чтобы его преемником был Николай; это она повторяла много раз. Все выслушали ее в немом волнении и...² с громкими восклицаниями скорби, орошая слезами руку этой прекрасной, замечательной матери. Действия Николая вызвали единодушное одобрение и восхищение, и я, которая являюсь его собственным вторым я, которая так хорошо его знает, нахожу, что он не мог поступить иначе. Но он сделал это с таким великодушием, с таким благородством, которые пребудут замечательными, и, конечно, отошедший от нас ангел был бы им доволен. Посмотрим только, захочет ли Константин признать все это. Как все запуталось! Бедная Россия представляется пораженной, убитой молнией, покрытой траурным флером. Повсюду царит зловещая тишина и оцепенение; все ждут того, что должны принести с собой ближайшие дни.

¹ Не разобрано.

² Не разобрано.

Четверг 3 (15) декабря 1825 г.

Мы жили все это время в печали и к тому же в тревожных опасениях за ближайшее будущее, за те известия, которые должны были быть нами получены из Варшавы. Но Николай был внутренне спокоен, потому что он поступил так, как ему веле-ла совесть, и покорно ожидал того, что должно было последо-вать. Сегодня приехал из Варшавы Михаил с важным письмом от Константина. Но тогда он еще не знал, что здесь ему была принесена присяга. Однако письмо его было очень трогательно и отношение его ко всему столь же благородно и великодушно, как и поведение Николая.

Он написал Николаю очень дружелюбное письмо как брат; в письме этом после выражения своей неизъяснимой печали он сообщает Николаю, что его желанием всегда было и остается до сих пор отречься от короны и что он останется навсегда его покорным братом и подданным; здесь же было и особое пись-мо, адресованное уже на имя императора Николая, в котором он торжественно излагал то же самое. Он написал также и импе-ратрице-матери и просил ее и уполномочивал свою мать все это довести до сведения Совета и Сената и все разъяснить. Нико-лай был тронут до слез. Все это, однако, нисколько не меняет положения вещей, поскольку еще не имеется ответа, после того как Константин был здесь действительно признан императором. Все это дает лишь представление о том, что предстоит Николаю несколькими днями раньше или позже, но все это — великая тайна: ее знаем лишь мы пятеро — наша семья, Милорадович и Голицын — больше никому ни слова! Однако по лицам мож-но прочесть, как все насторожены, как приезд Михаила возбу-дил всеобщее любопытство, в каком напряженном состоянии был весь двор и все это множество людей, которые собрались в зале конной гвардии и глаза которых, казалось, пронизывали нас, когда мы с Еленой¹ проходили сквозь эту толпу.

Какие решающие дни! Я уже грущу при мысли о том, что мы больше не сможем жить в нашем доме, где мне придется поки-нуть мой милый кабинет, что наша прекрасная частная жизнь (*bürgerliches Leben*) должна окончиться. Мы были так тесно свя-заны друг с другом, мы так неизменно делили друг с другом все наши горести, печали и заботы! Ах, это горе, эта боль в серд-

¹ Елена Павловна, жена в. кн. Михаила Павловича.

це — она все не прекращается, не прекращается также и тревога, ожидание этого неизбежного будущего! Я не ошиблась в Константине: я была убеждена, что он так поступит; все-таки это радостно не ошибиться в мнении о человеке. Императрица-мать, несмотря на все переживаемое ею волнение, от всего сердца благодарит Бога за то, что он дал ей таких благородных сыновей. Ах! это пример для всей Европы, великий пример! И каждая семья может почерпнуть из этого урок для себя!

Как бы я хотела оказаться достойной такого прекрасного, образцового человека и выполнить в отношении его все обязанности, которые ложатся на меня, его жену!

Мой жребий все же прекрасен. Я буду и на троне только его подругой! И в этом для меня все!

Воскресенье 6 (18) декабря, 2 часа

Какое это было бурное утро, — вчерашнее!

Мы вчетвером собрались у императрицы-матери. Михаил высказывал такие ложные мысли о благородном поведении Николая, которое он называет революционным! После этого он вечером...¹ бедный Николай на одну минуту... самому себе...² но только на одну минуту. Особенно поразило его место из Библии: «...и св. Павел сказал Совету — до сих пор совесть моя перед вами была чиста»³.

И с тех пор он еще более спокоен и с покорностью ожидает бури. Самым худшим может быть сильный гнев Константина. Однако, чем дольше длится такое положение, тем оно становится опаснее. Общество поражено тем, что император Константин не приезжает лично; эта длительная неизвестность — волнует, и присутствие Константина совершенно необходимо: без него ничто не может уладиться достойным образом. Милорадовичу, чтобы он мог предусмотреть все возможности, доносят все толки, которые слышны в городе. Императрица-мать была очень взволнованна и говорила с такой горячностью, чувствуя всю серьезность и даже опасность положения. Почему не приехал Констан-

¹ Не разобрано.

² Не разобрано.

³ Надо полагать, Александра Федоровна не совсем точно цитирует стих 1, из гл. 23 «Деяний апостолов», который в русском синодальном переводе читается: «Павел, устремив взор на синедрион, сказал: «Мужи братия! я всею доброй совестью хил перед Богом до сего дня».

тин! Она на коленях просит Михаила склонить к этому Константина, сказать ему, что она на коленях умоляет его приехать сюда.

Что было сегодня важно для Николая, так это письмо, полученное Грабовским из Варшавы от Ожаровского, который провел два часа у Константина и все от него узнал: что он просил у своего покойного брата как милости разрешить ему отречься от наследования ему на троне и что он решил не изменять своего решения; что так как распоряжения его по этому поводу не были достаточно оформлены, то он послал своего брата Михаила с бумагами, в которых излагал свою волю. Ожаровский добавлял при этом: «Однако, если в Петербурге уже принесли присягу вел. кн. Константину как законному монарху, то он волей-неволей уже император. Но если еще ничего не сделано в Петербурге, если здесь ждали указа из Варшавы, тогда императором будет Николай. Великий князь решил не изменять принятого им решения вопреки всем письмам и депутациям».

Императрица-мать однако из всех этих соображений (Ausdenken) выводит как раз обратное заключение — что Константин останется императором.

Сейчас 7 часов; мы вернулись из нашего дома, где мы спали в течение получаса в моем милом кабинете на старом...¹. Отдых Николая был однако скоро прерван. В дальнейшем это будет повторяться все чаще и чаще.

10 (22) декабря, четверг; 11 часов вечера

В понедельник 7 декабря, в 8 часов вечера, прибыл курьер из Варшавы от 3 декабря с письмом на имя императрицы-матери и копией письма к Лопухину, содержащего прямо-таки громовое обвинение Совета в нарушении воли императора и написанного в таком тоне, который самого Константина рисует в дурном свете. Константин настаивает на своем решении и отнюдь не смотрит на себя как на государя, которому присягнула вся нация.

По поводу этих важных вопросов состоялось длительное совещание у Николая с императрицей-матерью, Голицыным и Милорадовичем. Было решено не передавать письмо Лопухину и подождать ответа на письмо, посланное с Опочиныным. Если и после этого Константин не захочет ничего изменить в форме

¹ Не разобрано одно слово.

своего отречения, тогда Николаю не остается ничего иного, как издать манифест, в котором он определенно изложит положение вещей и, согласно воле покойного государя и своего брата Константина, провозгласит себя императором. В работе над этим манифестом прошли последние дни; он сам его составил, обсудил его с Карамзиным и дал его для редактирования Сперанскому. Таково наше положение. Наше будущее, судьба моего Николая уже определилась! С каким чувством ожидаем мы ответа, который должен все окончательно разрешить и который не может быть получен здесь ранее 13-го!

12 (24) декабря. Половина пятого. Суббота

Прибыл курьер. Я видела его, но что он привез, я еще не знаю, Николай у матушки. Сердце мое мучительно сжимается. О, Господи, дай мне силы! Мы, бедные люди, так легко поддаемся волнению, теперь же приходится переживать больше, нежели обычно! О, этот день! День, в который 48 лет тому назад родился он, — наш незабвенный!¹ День, который был таким праздником благодаря его присутствию! Сегодняшний вечер, счастливейший вечер в детские годы — теперь же он может стать таким решающим!

Получасом позже

Итак, впервые пишу в этом дневнике как императрица. Мой Николай возвратился и стал передо мною на колени, чтобы первым приветствовать меня как императрицу. Константин не хочет дать манифеста и остается при старом решении, так что манифест должен быть дан Николаем.

Константин написал брату прекрасное письмо, такое братское и откровенное, как того и заслуживало письмо Николая от 3 декабря.

15 (27) декабря, вторник

Я думала, что мы уже достаточно выстрадали и вынесли. Но волею неба нам было суждено иное. Вчерашний день был самый ужасный из всех, когда-либо мною пережитых. И это был день восшествия на престол моего мужа! Только бы мне собраться с мыслями, чтобы записать эти страшные часы!

¹ 12 декабря 1777 г. родился Александр Первый; по новому стилю — это 24 декабря, т. е. рождественский сочельник.

Воскресенье прошло в приготовлениях, в работе; Николай писал, чтобы вечером отнести свой манифест в Совет и провозгласить себя императором. Мы ждали, вздыхали и опять ждали до полуночи, так как Николай так хотел видеть в Совете Михаила. Но когда наступила полночь, он все же решился пойти. Императрица-мать помолилась с нами обоими, благословила его, он пошел. Прошло полчаса; когда он вернулся, я обняла его уже как моего действительного государя. Нас поздравляли; я все время говорила, что нас скорее нужно жалеть; нас уже называли ваше величество. Мы вдвоем проводили матушку в ее комнаты, причем нам пришлось пройти совсем близко около караула, офицер которого на другой день должен был сыграть такую постыдную роль¹. Никогда не знаешь, что принесет с собой ближайшее будущее!

Я еще должна здесь записать, как мы днем 13-го отправились к себе домой, как ночью, когда я, оставшись одна, плакала в своем маленьком кабинете, ко мне вошел Николай, стал на колени, молился Богу и заклинал меня обещать ему мужественно перенести все, что может еще произойти.

— Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество, и если придется умереть, — умереть с честью.

Я сказала ему:

— Дорогой друг, что за мрачные мысли? Но я обещаю тебе. — И я тоже опустилась на колени и молила небо даровать мне силу и около бюста моей покойной матери я думала о ней и о возлюбленном императоре Александре.

Мы легли спать очень поздно, и Николай встал очень рано, чтобы принять всех генералов и полковых командиров, которые собрались к нему и спешили к себе по своим казармам приводить солдат к присяге. Когда я была готова, я пошла с Николаем к матушке. Мы пробыли у матушки некоторое время. Она была растрогана и с волнением ожидала известия о том, как прошла у солдат присяга; тут пришел Милорадович и радостно сообщил, что Орлов только что принес ему весть о том, как он сам читал и разъяснял манифест, при чем кирасиры ответили ему: Обыи молодцы!² и громко кричали «ура!». Это очень порадовало императрицу. Я пошла к графине Ливен и, вернувшись

¹ Караул от конной гвардии, под командою А. И. Одоевского.

² По-русски в оригинале.

от нее, встретила в приемной Орлова, который в первый раз поцеловал мне руку как императрице и сказал мне, что у него все закончилось благополучно. Николай сказал мне: «В артиллерии — некоторые колебания». Преображенцы, напротив, прогнали одного молодого поручика, который спрашивал их, не думают ли они играть в присягу: один день Константину, другой день Николаю¹.

Я забыла сказать, что 12 декабря из Таганрога прибыл Александр Фредерикс с важными бумагами от Дибича, которыми устанавливалось, что против императора Александра и всей семьи существовал целый заговор. Николай сообщил это мне, но я должна была хранить это в тайне.

Михаил приехал в 12 часов и тотчас же поспешил к артиллерии. Я сидела одна, когда ко мне вошел Николай со словами: «Мне необходимо выйти». Голос его не предвещал ничего хорошего; я знала, что он не намеревался выходить; я почувствовала сильное волнение, но затаила его в себе и принялась за свой туалет, так как в два часа должен был состояться большой выход и молебен. Вдруг отворилась дверь, и в кабинет вошла императрица-мать с крайне расстроенным лицом; она сказала:

— Дорогая, все идет не так, как должно бы идти; дело плохо, беспорядки, бунт!

Я, не произнеся ни слова, мертвенно-бледная, окаменелая, набросила платье и с императрицей-матерью — к ней. Мы прошли мимо караула, который в доказательство своей верности крикнул: «Здорово желаем!» Из маленького кабинета императрицы мы увидели, что вся площадь до самого Сената заполнена людьми. Государь был во главе Преображенского полка, вскоре к нему приблизилась конная гвардия; все же нам ничего не было известно, — говорили только, что Московский полк возмутился.

Наконец пришел Лоло Ушаков²; он первый определенно сообщил нам, что, собственно, произошло. В казармах Московского полка возмутились две роты, они кричали: «Ура, Константин!» Генерал Фредерикс бросился к ним, но тут капитан по фамилии Щепин поверг его ударом сабли на землю; он прямо плавал в крови и был тотчас же унесен. То же постигло и бри-

¹ Это был А. В. Чевкин, адъютант Смоленского генерал-губернатора кн. Хованского.

² Алексей Павлович Ушаков, адъютант Михаила Павловича.

гадного командира Шеншина, который тоже был ранен. Так как более их никто не задерживал, они отправились прямо к Сенату, где выстроились в каре. Они кричали: «Ура, Константин!» и все были более или менее пьяны; их пыл поддерживался водкой. Государь велел собрать к нему все гвардейские полки; он хотел попытаться, насколько возможно, призвать мятежников к исполнению их долга мерами кротости и терпения. Милорадович, более чем кто-либо другой выведенный из себя этим беспорядком, хотел попробовать говорить с ними; в эту минуту его настигла пуля, также он получил удар штыком; от этих ран он тою же ночью скончался.

Каково же было мое состояние и состояние императрицы, — ее как матери, мое — как жены моего бедного нового государя! Ведь мы видели вдалеке все эти передвижения, знали, что там стрельба, что драгоценнейшая жизнь — в опасности. Мы были как бы в агонии. У меня не хватало сил владеть собою: Бог дал мне их, так [как] я возвала к нему в моей нужде. Мне все приходили на ум слова: «Услышь меня, Господи, в моей величайшей нужде!»

Каждую минуту мы посылали новых гонцов, но все они оставались там и не возвращались; генерал Демидов, который похож на Наполеона...¹ был тоже туда послан. Трубецкой, Евгений², Фредерикс приносили то одни, то другие вести; они говорили, что мы можем успокоиться; между тем мы видели, как мимо пронеслась конная гвардия, затем в полном беспорядке подошел батальон лейб-гренадеров. Они хотели проникнуть во дворец, но, увидев сильный караул, двинулись дальше.

Начало смеркаться. Все, кто были очевидцами этих событий, находили, что государь был слишком терпелив, что ему следовало прибегнуть к пушкам. Я же так хорошо понимала, что должно было происходить в сердце моего Николая. Все дивились его спокойствию, его хладнокровию, его кротости. Но хотели, чтобы он скорее приступил к решительным действиям. Евгений вернулся очень взволнованный; он отвел меня и императрицу в другую комнату и сказал, что не считает себя вправе скрывать, что по его мнению все обстоит плохо, что большая часть войск отказывается повиноваться, что полки отпадают

¹ Не разобрано.

² Принц Евгений Виртембергский.

один за другим. Я должна заметить, что мне тогда же показалось, что он смотрит слишком мрачно, однако нельзя было скрывать от себя опасности этого момента. О, Господи, уж одного того, что я должна была рисковать драгоценнейшей жизнью, было достаточно, чтобы сойти с ума! Все время у меня не шла из головы мысль о заговоре. Но я об этом никому ничего не сказала.

Государь велел призвать митрополита; тот приблизился к мятежникам с крестом и сказал им, что он может засвидетельствовать перед Богом, что воля покойного государя и желание самого великого князя Константина состояли в том, чтобы царствовал Николай. Напрасно! — Ответ был:

— Ты из партии Николая, мы тебе не верим; другое дело, если бы это нам сказал Михаил, друг Константина.

Над головой митрополита засверкали сабли, и он должен был вернуться. Подлая чернь была тоже на стороне мятежников; она была пъяна, бросала камнями, кричала...

Мы узнали, что к ним примкнули не только лейб-гвардейцы, но присоединился и батальон гвардейского экипажа. Это причинило мне большую боль. Люди, делившие с нами опасность путешествия, люди, по отношению к которым Николай был всегда так приветлив, они-то и оказались изменниками! Впрочем, потом мы узнали, что они лишь ненадолго дали себя одурачить; но тогда я ведь не могла еще этого знать.

Наконец нам сказали, что показалась артиллерия. При первом залпе я упала в маленьком кабинете на колени (Саша был со мною). Ах, как я молилась тогда, — так я еще никогда не молилась! Я видела пушечный огонь: было лишь 4 или 5 выстрелов; в течение еще нескольких минут мы не имели известий. Наконец наш посланный влетел к нам, задыхаясь, и объявил, что враги рассеялись и обратились в бегство. При первом выстреле они как бы замерли, когда же после 2-го и 3-го залпов рассеялись облака дыма, оказалось, что многие из них стали на колени. Все бросились в бегство, как трусы, некоторые же были убиты. Ах, русская кровь была пролита русскими же! Государь будто бы приближается ко дворцу. Мы видели из окна людей, среди которых, вероятно, находился и он на лошади. Вскоре он въехал во дворцовый двор и взошел по маленькой лестнице — мы бросились ему навстречу. О, Господи, когда я услышала, как он внизу отдавал распоряжения, при звуке его голоса сердце мое

забилось! Почувствовав себя в его объятиях, я заплакала, впервые за этот день. Я увидела в нем как бы совсем нового человека. Он вкратце рассказал обо всем происшедшем; он первый сказал нам, что Милорадович смертельно ранен, может быть, уже даже умер. Это было ужасно! Увидев, что Саша плачет, он сказал ему, что ему должно быть стыдно...¹ и вышел с ним на двор. Там находился саперный батальон. Государь показал им Сашу и сказал:

— Я не нуждаюсь в вашей защите, но его я вверяю вашей охране!

При этом старейшие солдаты обнимали крошку и кричали «ура». Николай снова сел на лошадь и сам распорядился размещением войск для охраны дворца.

Мы все же должны были идти в церковь, хотя вместо двух часов было уже 7, и все большое светское общество ожидало нас там в течение пяти часов. Я как была в утреннем платье, прошла твердым шагом через передние комнаты; огромная толпа расступилась, чтобы дать дорогу мне, спасенной императрице. Я обняла Елену, которая еще ничего не знала о происшедшем; одевая на себя креповое белоснежное русское платье, я рассказывала, плакала, все наспех и торопясь. Вскоре пришел и Михаил. Он собрал остальную верную часть Московского полка, убедил их принести присягу и привел их к своему брату. Это, должно быть, был прекрасный момент! Как я пожалела в тот день, что я не мужчина. Вернулся и Николай; в сущности говоря, он не выглядел усталым, напротив, он выглядел особенно благородным, лицо его как-то светилось, на нем лежал отпечаток смирения, но вместе с тем и сознания собственного достоинства. Об руку с ним вошла я, наконец, в зал, полный празднично одетых людей. Все взволнованно склонились при виде молодого государя, подвергшего свою жизнь такой большой опасности. Сatiche приветствовала его очень сердечно; государь высказал благодарность караулу; мы вошли в церковь. Митрополит вышел нам навстречу с распятием и святой водой; пройдя на свое место, мы оба стали на колени и в таком положении молились Богу в течение всей недолгой службы. Саша тоже был в церкви, впервые с орденской повязкой. Таким же образом мы возвратились к себе. На глазах у Николая стояли слезы.

¹ Не разобрано.

Боже, что за день! Каким памятным останется он на всю жизнь! Я была совсем без сил, не могла есть, не могла спать; лишь совсем поздно, после того, как Николай успокоил меня, сказав, что все тихо, я легла и спала, окруженная детьми, которые тоже провели эту ночь как бы на бивуаках. Три раза в течение ночи Николай приходил ко мне сообщить, что приводят одного арестованного за другим, и что теперь открывается. Что все это — тот самый заговор, о котором нам писал Дибич. В 3 часа Милорадович скончался.

Совсем с новым чувством проснулась я на другое утро, с новым чувством смотрела я на моего Николая, как он проходил по рядам солдат и благодарил их за верную службу; затем он покинул Дворцовую площадь, и все вернулись к своему обычному спокойному состоянию; внутренне же ужас этого дня еще долгое время не будет изжит. Мне день 14-го представляется днем Промысла Божия, так как эта открытая вспышка даст возможность скорее и вернее установить как участников, так и самые размеры заговора.

Суббота, 19 (31) декабря. Вечером

Я пыталась все это записать, так как все это останется на всю жизнь таким бесконечно важным для меня. Ах, я не могла не оплакивать того, что наша прежняя частная жизнь в нашем собственном милом доме кончилась! Теперь я вижу Николая так редко. Началась новая жизнь. И как сурово она началась! Когда я обняла Николая 14 декабря на маленькой лестнице, я чувствовала, что он вернулся ко мне совсем другим человеком. Когда он ушел на другое утро, я так восхищалась им, он представляется мне таким возвышенным; и все же я плачу о том, что он уже не прежний Николай. Однако, прочь эти мысли! Однажды я сказала ему:

— Теперь я на втором плане в твоём сердце, так как первое место в нём занимает Россия.

Он ответил:

— О нет, ты ошибаешься, ибо ты и я — одно; таким образом ничего не может измениться.

Как это чудно! Можно ли после таких слов не быть счастливой, счастливой без конца! Его друзья оправдали его доверие; Бенкендорф и Орлов были первыми на площади; они...¹ вместе

¹ Не разобрано. Бенкендорф командовал кавалергардами, а Алексей Орлов — конной гвардией.

с кавалерией. Положение Орлова было не из легких, так как он командовал полком Константина; солдаты этого полка получали от Константина пенсии и были ему преданы. Перед их каравами слышались крики: «Ура, Константин!» и все же он привел полк в порядке на площадь, и ни один из них не посмел уклониться. Императрица-мать долго говорила с ним и была очень тронута, и он так плакал и так хорошо говорил! Со мной было иначе. Я только протянула ему руку. На другое утро я застала его одного у Николая; он был очень печален, так как брат его участвовал в заговоре; я ничего не сказала ему по этому поводу, но он заметил мое участие к себе, просил дать ему руку, я дала ее ему. Одним этим, без слов, было так много сказано. Итак, в нем я не ошиблась! Он показал себя в минуту опасности. Что его воодушевляло?.. — в этом я не могла сомневаться.

Вторник, 22 декабря (3 января)

Сегодня у меня так спокойно на душе, так как случилось то, чего я так хотела — говорить с ним долго и спокойно обо всем. Так и случилось сегодня. Я просила его прийти, так как хотела спросить его о Федоре Барикове¹ и узнать, действительно ли он невинен. Когда он вошел, я стояла у окна, в платье с длинным шлейфом, закутавшись в черный шарф. Сначала мы говорили о Федоре; слава Богу, он чист, — иначе это было бы ужасно для Varette²; он поцеловал мою руку. Потом спросил, не отразились ли все эти ужасные потрясения на моем здоровье. Как я порадовалась, видя его таким верным другом Николая! Он чудно, прекрасно, восторженно отзывался о Николае, говорил, что он даже не ожидал, он, который так хорошо его знает, все же он не думал, что Николай так чудесно поведет себя в минуту опасности; это бесконечно его порадовало; он говорил, что солдаты тоже исполнились воодушевления к своему государю, после того как увидели его в своей среде. Много, много говорил об этом, потом о Милорадовиче, о покойном государе. Потом он рассказал мне, как это было странно, — на площади ему вспомнился балет Рауля де Греньи, который он однажды видел вместе с нами и который ему очень понравился; как он думал тогда еще, что сделал бы он, чтобы доказать свою верность, если бы граф и графиня очутились бы в

¹ Федор Васильевич, корнет конной гвардии.

² Варвара Павловна Ушакова, фрейлина Александры Федоровны.

подобном положении; тогда он пожелал для себя роль солдата, который спас знамя; и вот в этот ужасный день во время мятежа ему все это вспомнилось, вспомнился этот самый балет, который и на меня произвел такое впечатление. Это так странно.

— Мое сердце угадало ваше — сказал он мне. Потом, помолчав, он спросил меня очень взволнованно:

— Верите ли вы моей преданности?

Я спокойно ответила ему:

— Да, верю, вы ее доказали.

Я никогда не забуду этого часа, когда я так разговаривала с ним наедине, и он так хорошо держал себя, с таким чувством и все же так сдержанно; он проявил себя таким верным, таким преданным. О Господи, это такое счастье, это так благотворно действует на мое горе, так смягчает его! Я хорошо знала его чувства к государю, но теперь я слышала это так определенно, от него самого. Я думаю, что если бы покойная видела и слышала нас, то она была бы довольна. Все-таки хоть однажды в жизни я имела возможность так много ему высказать. Это навсегда послужит для меня успокоением. При уходе он с таким чувством несколько раз поцеловал мне руку.

Воскресенье, 12 (24) июля, ночью

Сегодня канун ужасных казней. 5 виновных будут повешены; остальные разжалованы и сосланы в Сибирь.

Я так взволнованна! Господь видит это. Еще бы! — Столица и такие казни — это вдвойне опасно. Счастье, что я осталась здесь¹, но я бы хотела знать, как все пойдет дальше. Да сохранит Господь священную жизнь моего Николая! Я бы хотела, чтобы эти ужасные два дня уже прошли... Это так тяжело. И я должна переживать подобные минуты... О, если б кто-нибудь знал, как колебался Николай! Я молюсь за спасение душ тех, кто будет повешен.

1) Пестель, 2) Сергей Муравьев, 3) Бестужев-Рюмин, 4) Рылеев, 5) Каховский.

Понедельник, 13 (25) июля

Что это была за ночь! Мне все время мерещились мертвецы. Двумя письмами Кутузов и Дибич доносили, что все прошло без каких-либо беспорядков; виновные вели себя трусливо и недо-

¹ Т. е. не уехала в Москву.

стойно, солдаты же соблюдали тишину и порядок. Те, которые не подлежали повешению, были выведены, разжалованы, с них были сорваны мундиры и брошены в огонь, над их головами ломали оружие; это должно быть для мужчин так же ужасно, как сама смерть. Затем пятеро остальных были выведены и повешены, при этом трое из них упали. Это ужасно, это приводит в содрогание! Мало того...¹ но присутствовавшая при этом толпа приблизилась к виселице и глумились над трупами; говорили, что они заслужили это наказание и умерли так же, как жили. Сопровождавшие преступников солдаты держали себя с большим достоинством. Мой бедный Николай так много перестрадал за эти дни! К счастью, ему не пришлось самому подписывать смертный приговор.

Я благодарю Бога за то, что этот день прошел, и прошу его защиты на завтра. На Сенатской площади, где 14-го произошло восстание, должен быть молебен. Еще одно 14-е! Я бы хотела, чтобы оно уже было позади, чтобы мы уже были на пути в Москву! Но, Боже, я не хочу быть малодушной и сомневаться в Твоей благодати!

Жены высылаемых намерены следовать за своими мужьями в Нерчинск. О, на их месте я поступила бы так же.

Из дневников Марии Федоровны

В «Особом Отделе Архива Октябрьской Революции» среди бумаг бывш. «Библиотеки Зимнего Дворца» находятся две записи императрицы Марии Федоровны в форме дневников, имеющие отношение к событиям междуцарствия и восстания декабристов: 1) отдельная запись о дне 14 декабря 1825 года под № 644 и 2) дневники за конец 1825 года и большую часть 1826 года, под № 647 и 651.

«Собственноручная записка о 14 декабря 1825», как она именуется в каталоге рукописей «Библиотеки Зимнего Дворца», не имеет заглавия, проставленного самой составительницей ее. Она представляет запись на французском языке, сделанную мелким почерком, косыми строчками на листке почтовой бумаги небольшого формата с черной траурной каймой. Надо полагать, что запись сделана вскоре после событий.

«Дневники», в собственном смысле слова, составляют три небольших альбомчика. Первый (№ 647), в кожаном сафьяно-

¹ Не разобрано несколько слов.

вом переплете песочно-коричневого цвета, открывается записью от 19 июля 1825 г., после которой идет перерыв, и пять листов оставлены незаполненными. Затем следует запись о поездке Александра I в Таганрог, его болезни и смерти; она открывается вступительным рассказом, начинающимся словами: «L'empereur est parti le 11 octobre, dimanche pour Taganrog»¹; с 17 ноября запись принимает уже поденный характер и заканчивается изложением событий в Петербурге 26 ноября. По окончании этой записи проставлена дата: «27 Novembre, Vendredi»², за которой, однако, не следует более никакой записи и идет вновь 20 чистых листов. После перерыва записи вновь начинаются с 26 февраля 1826 года и заканчиваются 22 марта того же года, после чего до конца альбомчика остаются незаполненных 15 листов.

Продолжением этого дневника являются два альбомчика в красных сафьяновых переплетах, хранящиеся под № 651. Они открываются записью от 25 апреля 1826 г., в день выезда автора из Петербурга в Москву, и заканчиваются — во втором альбоме — записью от 10 октября того же года, после которой следуют 10 чистых листов. Почерк Марии Федоровны, вообще с трудом поддающийся прочтению, в этих альбомчиках особенно неразборчив, так как записи сделаны большею частью карандашом, на цветной бумаге и кое-где постерлись от времени.

Дневники заполнены разными мелочами придворного быта, замечаниями о здоровье автора, о посещении церковных служб и большим количеством сентиментальных и достаточно монотонных размышлений; но наряду с тем часто встречаются записи и по вопросам внешней и внутренней политики, обычно воспроизводящие те или иные рассказы или замечания Николая Павловича. В настоящем сборнике приведены в выдержках записи Марии Федоровны о событиях междоусобицы, о следствии и суде над декабристами и их казни.

Собственноручная записка 14 декабря 1825 г.

К чтению манифеста в Совете в полночь Михаил не приехал. Все спокойно. Перед уходом Николая мы помолились втроем Богу: Александра, Николай и я. Благословение. Это длилось добрых полчаса.

¹ «Император отправился в воскресенье 11 октября в Таганрог» (фр.).

² «27 ноября, пятница» (фр.).

С утра все казалось мирным, спокойным: в Сенате манифест был выслушан с восхищением, с умилением. Это рассказали нам Милорадович и Голицын, а также и племянник. Было собрано много знамен, после чего была принесена присяга. Милорадович рассказал мне о присяге конногвардейцев. По прочтении манифеста солдаты кричали: «Обыи молодти!»¹ Видела несколько раз государя. Он шепотом рассказал мне о попытке одного офицера, адъютанта...² полка, который был в гвардейском батальоне Преображенского полка и старался посеять среди них сомнения относительно принесения присяги Николаю после присяги, только что принесенной Константину. Солдаты схватили офицера и привели его во дворец. Наконец около 12 часов Николай выразил желание, чтобы я повидала членов Государственного Совета, которые хотели меня поздравить. Я приняла их в голубой гостиной, крайне волнуясь при воспоминании о тяжелом 27 ноября. Я сказала им несколько слов и сочла своей обязанностью передать им прекрасный отрывок из письма Константина. Потом я видела Голицына и Лобанова, который привез манифест.

После всего этого я спокойно начала писать Константину. Вдруг раздаются крики «ура». Я спрашиваю, в чем дело, — мне говорят, что государь на площади, окружен народом. Подхожу, вижу, что он окружен, что он говорит с ними, временами слышны отдельные голоса, все они плакали от умиления при виде такой преданности народа. Через несколько времени после этого до меня донеслись снова крики «ура»; я опять подхожу, вижу государя читающим народу манифест; это меня поразило и испугало, так как я не сомневалась в его...³ Я отошла от окна, но была вновь привлечена криками «ура». Тут я увидела батальон Преображенского полка в шинелях, выстроившийся перед воротами. Это меня удивило, и удивление мое возросло, когда я увидела, что они двинулись по направлению к Адмиралтейству и остановились, чтобы зарядить ружья; затем они снова пошли в ту сторону; император следовал за ними. Я недоумевала, чем все это вызвано. На площади было сильное движение; вскоре мы увидели, что на этой же стороне выстроились конногвардейцы. Наконец государь прислал ко мне Евгения с сообщением о том,

¹ По-русски в оригинале.

² Зачеркнуто в оригинале не поддающееся прочтению слово.

³ Не разобрано одно слово.

что две роты Московского полка отказались принести присягу и призывали к возмущению.

Я отправилась за Александрой и малюткой и, проходя, громко сказала:

— Я иду к императрице.

Вернувшись к себе, мы увидели, что войска все прибывали; Павловский полк также прошел перед дворцом. Государь, чтобы успокоить нас, прислал ко мне Трубецкого и Фредерикса...¹ мое ужасное состояние. Наконец мы увидели, как в совершенном беспорядке прошло двести-полтораста человек из Гренадерского полка; они как будто хотели остановиться перед дворцом; с ними было лишь двое офицеров; они направились к Адмиралтейству. То, как они шли, малочисленность офицеров и беспорядок в их рядах заставили меня сначала предположить, что...² В это самое время ко мне пришел Евгений и сказал, что он считает своим долгом предупредить меня, что дело принимает скверный оборот, что к мятежникам присоединились моряки и часть гренадерского корпуса.

Некоторое время мы пробыли без известий. Карамзин отправился туда, но присоединившиеся к мятежникам негодяи из толпы стали бросать в него камнями. Государь приказал привести этих негодяев в порядок. К нам с вестями от государя явился Трубецкой. Это ужасное состояние продолжалось два или три часа. Тем временем Михаил, приехавший лишь в двенадцать часов дня, отправился к артиллерии, где были некоторые колебания относительно присяги, но они прекратились с его прибытием. Так он узнает, что Московский полк не захотел присягать; он немедленно направляется туда, находит в казармах шесть рот, которые не захотели присягнуть Николаю, так как они уже присягали Константину, но которые остались в казармах, не желая следовать за мятежниками. Он убеждает их принести присягу вместе с ним, приводит эти шесть рот к государю и уговаривает их покорно сражаться заодно с их остальными товарищами против восставших, которые тем временем пролили уже кровь. Заметили, что в числе этой шайки находились люди во фраках и круглых шляпах. Снова обеспокоенная отсутствием вестей, я попросила находившихся в гостиной ген. Демидова и ген. Сиверса отправиться к государю за сведениями. Государь велел мне передать, что дело еще не кончилось, но что оно будет кончено. Один из бунтов-

¹ Несколько слов не разобрано.

² Несколько слов не разобрано.

щиков отделился от своей группы и, подойдя к государю, сказал ему, что он был в числе мятежников, но, видя, какой оборот принимает дело, перешел на сторону императора; это — некто по фамилии Якубович. Государь ответил ему, что он принимает его раскаяние, и что тот может остаться около него.

Наконец, государь сделал последнюю попытку воздействовать кротостью: он велел позвать митрополита, который вышел к ним с распятием в руках, чтобы их образумить; но это оказалось бесполезным: мятежники сказали ему, что он из партии Николая, и что они хотят говорить с Михаилом, который впрочем...¹ уже наступил вечер. После того как были испробованы все средства, была вызвана артиллерия. Мятежникам было опять сделано предупреждение, что если они не сдадутся, то по ним будет сделан залп картечью, и после того как это повторное предупреждение не возымело никакого результата, государь был вынужден во избежание еще больших бедствий, раз что несчастные... не могли или не желали... приказать сделать несколько пушечных залпов. Из моего кабинета был виден огонь.

Когда раздались выстрелы, я думала, что я умру при мысли о жертвах, которые должны были пасть. После нескольких пушечных выстрелов они обратились в бегство; кавалерия, атаковавшая мятежников, преследовала их; вся шайка рассеялась; многих из них взяли, другие скрылись, но к вечеру взято было до 600. Это сообщение мне принес Адерберг.

Около 6 часов государь поднялся к нам по маленькой лестнице, где я встретила его с его женой и его сыном; я бросилась ему на шею счастливая тем, что снова вижу его здоровым и невредимым после всех волнений той ужасной бури, среди которой он находился, после такого горя, такого невыразимого потрясения. Эта ужасная катастрофа придала его лицу совсем другое выражение. Он сказал мне, что бедный Милорадович пал жертвой своей преданности — он был смертельно ранен выстрелом из пистолета.

Из дневников за 1825 и 1826 годы

Вторник, 24 ноября 1825 г.

Так как я по-прежнему находилась в смертельной тревоге, мои дети провели этот день у меня; я не выходила, каждое

¹ Несколько слов не разобрано.

движение заставляло меня вздрагивать в ожидании известий. Нужно было даже скрывать свое волнение, так как князь Волконский написал графу Нессельроде от 12 числа следующее: «Государь еще вынужден не покидать комнаты, но жар спал. Его величество еще испытывает время от времени небольшое повышение температуры, но она прекращается каждый раз, как наступает испарина. Виллье старается вызвать испарину, поскольку это является необходимым; я сообщаю вам эти подробности, чтобы вы могли опровергнуть все ложные слухи и успокоить общую тревогу». Таким образом, мне предписывалось молчание. Между тем Дибич написал ген. Потапову, чтобы он осведомил обо всем Милорадовича и обратился к Рюлю по вопросу о бюллетене.

Они пришли ко мне и к моему сыну Николаю, и мы сообщили им подробности, предупредив, что, согласно письму к Нессельроде, это должно храниться в тайне. Какой ужасный день! Я была на панихиде по моей дочери Екатерине; вышла на минуту на воздух в сад Эрмитажа и немного успокоилась.

Среда, 25 ноября

Утро прошло без известий. К нам приходил граф Милорадович; он старался меня ободрить, но сердце мое сжималось в смертельной тоске и тревоге. У меня обедали мои дети; в 8 часов вечера во дворец приехал почт-директор Булгаков, чтобы повидать Вилламова и передать ему письмо от ген. Дибича; тем временем граф Милорадович поспешил к Николаю, который был у себя. Ко мне вошел Рюль; я спросила его, не получены ли известия; он сказал, что Булгаков приехал говорить с Вилламовым. Я велела его позвать; мне сообщили, что он отправился к графине; я ее встретила по пути к ней и там прочла это ошеломляющее письмо Дибича, в котором он писал, что считает своим долгом сообщить сведения о состоянии здоровья государя от 15 ноября; что при возвращении из Крыма в Таганрог 5 числа сего месяца государь в дороге почувствовал сильную простуду, что первые дни по приезде симптомы желчной лихорадки повторялись регулярно, но они еще не внушали сильных опасений. С 13 же и особенно 14 приступы проявились в более сильной степени, и болезнь государя начала вызывать большую тревогу особенно потому, что лихорадочное состояние почти не прекращалось; ввиду такого состояния моего сына окружающие его решились посоветовать ему прибегнуть к св. причастию; он со свойственной ему набожностью и присутствием духа исповедался

и причастился. После этого при помощи пиявок и лекарств жар и пароксизмы были несколько ослаблены; тем не менее врачи, не теряя еще окончательно надежды, все же не скрывают того, что состояние государя является крайне опасным; Дибич дал распоряжение Потапову ежедневно отправлять отсюда курьеров; точно так же будут прибывать курьеры и оттуда.

Подобные же письма были на имя гр. Милорадовича, князя Лопухина и ген. Воинова; от Виллье не было никакого бюллетеня. Признаюсь, при этом ужасном известии меня охватило отчаяние; перо не в силах выразить эту скорбь. Ко мне прибежали Николай и Александрина, также пришел граф Милорадович. Этот ужасный вечер был предвестником страшного утра 27-го; я не в состоянии его передать¹. Николай хотел быть около меня и оставался во дворце. Я провела ночь в моем кабинете, на диване, ожидая и в то же время страшась получения известий; ужасный отдых! Но я не роптала; я была в отчаянии, вручая себя воле Божьей и воссылая из глубины моего сердца, от всей моей опечаленной души молитвы к милосердному Господу, чья десница тяжело простерлась над нами. Я написала императрице.

26 ноября. Четверг

Мы были в церкви, в нашей обычной комнате, молились милосердному Богу о выздоровлении нашего ангела, моего сына, моего ребенка; во время службы в самом конце молебна, когда мы все стояли на коленях, Николая вызвали; он вернулся, говоря мне: «Матушка, — курьер; есть улучшение; вот письмо от императрицы». Моим первым движением было поблагодарить Бога, простершись ниц; по окончании службы я прочла письмо императрицы от 17 числа, где сообщалось, что после отчаянного дня — 16-го...² растирания и лекарства привели к решительному улучшению в состоянии здоровья государя; сам Виллье это говорил. Я была не в силах дочитать это письмо: сердце мое было слишком переполнено, слишком взволновано; я могла дочитать его лишь через несколько минут. О, Боже, что я испытала и как я это только перенесла! Бюллетень Виллье и письмо Дибича не были столь обнадеживающими; Виллье писал, что лекарствами

¹ Это упоминание о 27 ноября и дата 27 ноября после записи о событиях 26 позволяют заключить, что записи были сделаны не в дни, указанные в их заголовках, а 27 ноября или даже позднее.

² Одно слово не разобрано.

удалось несколько вывести государя из его сонливого состояния, и таким образом его надежда на выздоровление увеличилась. Дибич писал, что состояние государя подает слабую надежду. Этот день прошел в такой смене надежд и опасений, которую нельзя выразить пером. Письмо императрицы было полно отчаяния, но тем не менее в нем проглядывала, как слабый луч во мраке, надежда. Вечером по почте был получен бюллетень от Виллье, от 16-го, т. е. составленный накануне того дня, в который обнаружилось улучшение. В бюллетене этом сообщалось, что государь отказывался от принятия лекарств до утра предыдущего дня, но что в этот день, после того как он с величайшим благоговением исповедывался и приобщился, он уступил просьбам императрицы и духовника и, будучи по-прежнему уверен в серьезности своей болезни, согласился принять лекарства; в час дня пульс был в том же состоянии...¹ частота пульса была 96. Замечались перебои, дыхание было затруднено и спазматически прерывисто, глаза были неподвижны, зрачки были нечувствительны к раздражению, но сердце и артерии работали правильно; государь лежал на спине и казался спокойным, умиротворенным, углубленным в созерцание заслуженного им вечного блаженства; до сих пор ни одно из данных внутрь лекарств, а также и поставленные на оба бедра горчичники не дали никаких результатов. Короче говоря, Виллье в заключение давал понять, что государь при смерти. Бюллетень не был мне целиком переведен, так как сообщения от 17-го воскресали надежду. Милорадович заходил часто в продолжение утра; город был охвачен тревогой, несмотря на то что сведения не получили широкой огласки; было решено отслужить у митрополита² молебен о ниспослании государю выздоровления. Так, в колебаниях между надеждой и страхом прошел этот день.

6 марта 1826 г. Суббота

...У меня были мои дети. Николай сказал мне, что все³ прошло очень хорошо, за исключением одного ужасного происшествия: один несчастный крестьянин, взобравшийся на крышу, чтобы лучше видеть церемонию, свалился и умер два часа спус-

¹ Не разобрано два слова.

² Т. е. в Александро-Невской лавре.

³ Процессия при встрече тела Александра I в Петербурге.

тя; это ужасно, и как печально, что в день, и без того столь скорбный, подобный случай облек в траур еще одну семью. Мой сын сказал мне еще, что, по полученным им сообщениям, толпы народа приходили приложиться ко гробу. И насчитывали, что в течение часа проходило более двух тысяч человек. Да и кто более дорогого Александра заслуживает такого проявления благоговения и признательности!

Имея очень слабое зрение и, конечно, не желая пользоваться лорнетом, я не могла наблюдать за выражением лиц, но я видела, что у многих женщин были в руках платки, и видела также, как плакали солдаты, находившиеся вблизи кареты; но, как я уже сказала, порядок и тишина ничем не нарушались. На Сенной среди присутствующих я видела нескольких лиц в круглых шляпах, которые они не снимали при следовании нашей кареты; но вполне возможно, что это произошло лишь случайно, и что после проследования траурной колесницы, перед которой, я полагаю, они обнажили свои головы, они подумали, что в этом более нет необходимости. Никогда, никогда я не обращала внимания на подобные вещи до этого злополучного 14 декабря! Но я надеюсь, что настроение публики, слава Богу, значительно улучшилось и даст нам теперь больше и больше спокойствия.

8 марта. Понедельник

...Я не записала вчера, что за несколько минут перед отъездом нашим на вечернюю службу Новосильцов¹ принес мне распечатанное письмо на имя государя, которое сынишка моей горничной Прасковьи Семеновны нашел на комендантской лестнице; он передал его слуге, который помещается около моих горничных, а тот отнес его управляющему моей канцелярией; последний отказался его принять, тогда он передал его моему дежурному лакею Матвею, который отдал его Новосильцову, а тот — мне. Это оказалось доносом на одного печного мастера, которого этот аноним обвинял в сильной причастности к делу 14 декабря, в предоставлении своих лошадей в распоряжение этих господ, в раздаче денег, в попытках содействия к побегу некоторых из них. Доносчик советовал не терять времени и удостовериться в...² имя и адрес которого он указывал. Я тотчас же

¹ Николай Петрович, секретарь Марии Федоровны.

² Не разобрано.

отослала это письмо с Новосильцовым к государю, извещая его записочкой, что я направляю к нему своего секретаря. Государь ответил мне, что он часто получает подобные письма, что часто они лишены какого-либо основания, но что всегда необходимо принять меры предосторожности.

11 марта. Четверг

Мой сын сказал мне, что он получил донесение Волконского о задержании очень подозрительного лица, которое бродило по Таганрогу, исчезло оттуда и появилось в Ростове; при нем нашли ужасную клятву и множество кинжалов; кажется, он принадлежит к этой шайке убийц — да простит им Бог, — постоянно молюсь об этом Господу.

12 марта. Пятница

...Мой сын рассказал нам также, что был допрошен некий Поджио, который сознался и сообщил, как должно было произойти и истребление нашей семьи; что касается его самого, то он предложил обе свои руки, чтобы обратить их против Николая, — решили, однако, что необходимо шесть. Это тайное собрание происходило у некоего Давыдова. Брата того Давыдова, который женат на прелестной Грамон, после кончины государя...¹ По получении этой вести проекты эти были временно отложены; было решено разделаться с ним и со всем нами. По получении известия об его смерти заговорщики решили, что эти замыслы должны бы привести в исполнение, но что если в осуществлении их больший успех будет на стороне партии Муравьева, то партия Пестеля, заклятого врага Муравьева, в свою очередь истребит ее. Великий Боже, какая...² какие люди! И только кончина нашего ангела предотвратила гибель нашей семьи и государства; иначе бы кровь полилась ручьями! Как это наводит на размышление! Во всем виден перст Божий, но пути его неисповедимы.

14 марта. Воскресенье

Государь рассказал нам вчера, что 12 декабря он получил письмо от одного офицера стрелкового Гренадерского полка, который был у меня камер-пажем, некоего Ростовцева, который сообщил ему, что что-то затевается, что он это предполагает на основании толков сре-

¹ Не разобрано.

² Не разобрано.

ли офицеров и умоляет государя распорядиться арестовать его, чтобы защитить его от подозрений его товарищей в намерении раскрыть их планы. Государь показал это письмо Милорадовичу и князю Голицыну; они полагали, что письмо это написано сгоряча, и что оно не заслуживает внимания. Этот Ростовцев — адъютант Бистрома, так же как и Оболенский; не подозревая, что Оболенский причастен к заговору, он сообщил ему о своем письме к государю; Оболенский ответил ему, что убьет его, и тотчас же отправился к соучастникам, чтобы предупредить их, что необходимо поторопиться, что они рискуют быть выданными Ростовцевым. Было решено устранить его, и на другой день — 14-го, когда Бистром послал его передать его распоряжения стрелкам, он подвергся нападению и был избит; его отнесли к нему на квартиру без сознания, и только 15-го государь послал за ним и поместил его у Михаила.

Теперь только что обнаружили, что одним из заключенных при содействии одного инвалида отправлено в город письмо; впрочем, письмо не имело иной цели, кроме желания заключенного получить известия от приехавшей из Москвы жены. Я благословляю небо за то, что горести заключенных не причиняли нам беспокойства вчера¹; я вспомнила о них лишь при виде каземата и у подножия могилы моего сына я молила Бога даровать им раскаяние и отпущение грехов.

15 марта. Понедельник

Николай пришел ко мне сегодня вечером; мы много говорили о поездке Елены и моей² и на всякий случай сделали кое-какие приготовления; мой сын и Александра проведут вечер и переночуют в Аничковом дворце, чтобы принять ванну; завтра я должна буду там обедать. Николай рассказал мне, что в показаниях, сделанных вчера этими несчастными, содержащимися в крепости, один из них — я полагаю, что это Поджио — сообщил, что было решено также убить и Марию и Анну за границей.

16 марта. Вторник

Князь Голицын, Михаил, Бенкендорф, Николай рассказывали мне вчера, что на вчерашнем допросе Вадковский сообщил, что если бы тот, кто принял его в это общество, потребовал от

¹ При посещении Петропавловского собора в крепости.

² В Москву.

него, чтобы он убил отца, мать, брата и сестру, то он бы выполнил это; его принял Пестель. Это заставляет содрогаться! Все время, пока длилось погребение, Михаил Орлов, который тоже в тюрьме, простоял на коленях. Бог ниспослал ему раскаяние. Вечер прошел спокойно, Оранский¹ пил у меня чай. Я получила известие от императрицы от 8 марта; она сообщает, что состояние дорог вынуждает ее задержаться еще до апреля.

17 марта. Среда

У меня обедали Елена, Вильгельм Оранский, моя племянница, Евгений и Нелидова; после обеда я работала, а затем провела вечер с Александрой, после чего снова работала.

Николай рассказывал нам, что Каховский, который содержится в крепости, сознался, что 13-го вечером Рылеев побуждал его отправиться на другой день во дворец в форме гренадерского конвойного офицера, чтобы убить в коридоре Николая, и что для этого он должен был переодеться и надеть гренадерский мундир; он отказался и сказал им, что хотя они начали ранее его, но он хочет умереть с ними, и он действительно явился на площадь. Какой ужас! Это заставляет содрогаться, тем более что, замыслив убийство, они говорили о нем со спокойствием и хладнокровием, на которые способны лишь развратные натуры! Да будет милостив к нему Господь!

21 марта. Воскресенье

После обедни я приняла множество генералов, половину из них я не знаю; после того ко мне пришел генерал Шереметев с приветствием от Вильгельма. Мы много говорили о нем, затем о ходе следствия; он рассуждает очень здраво; он весь охвачен ужасом перед крайней развращенностью этих несчастных, многие из коих настоящие чудовища.

Понедельник. 22 марта

Вечером я видела своих детей. Государь был сегодня очень интересен, — он говорил о Турции, сообщая различные новости, сказал, что не хочет смешивать греческие дела с турецкими, что останется верен системе политики покойного императора, что не следует поддерживать возмущившихся, но что он твердо намерен добиться от Турции возобновления переговоров относительно

¹ Принц Вильгельм Оранский, муж Анны Павловны.

Молдавии и Валахии. Эпизод с Сербией. Затем Николай рассказал мне, что в Варшаве один из арестованных¹ после допросов повесился в тюрьме, и что это очень досадно, так как он мог бы сделать важные сообщения.

Суббота. 17 июля

При моем пробуждении мне доложили о приезде генерал-адъютанта Чернышева, который привез мне вести от государя. Я быстро встала и, совершив молитву, велела ему войти. Он передал мне письмо от моих детей от 13-го числа. Чернышев рассказал мне все подробности этого ужасного дня.

В 3 часа утра их вывели из тюрьмы...² Два батальона Павловского полка...³ Пятеро приговоренных к повешению вели себя очень сдержанно, особенно Сергей Муравьев, Бестужев и Каховский. Говорят, Пестель жаловался на объявленный ему род смерти: он надеялся, что его расстреляют. Входя на ужасную доску, трое упомянутых мной выше молились Богу за государя. Произошел ужасный случай: палач взял для Рылеева, Сергея Муравьева и, кажется, Бестужева слишком тонкую веревку...⁴ Когда роковую доску выдернули из-под них, веревка оборвалась, и они со связанными руками и ногами, упали, как мешки, и даже расшиблись; пришлось начинать сначала; при этом Рылеев в столь страшную минуту, вместо того, чтобы возвысить свою душу, сказал: «И тут мне надобно лбом смерть пробивать»⁵.

Когда это было окончено, тех, которые должны были подвергнуться разжалованию, выстроили перед их полками, а тех, которые... принадлежали, ...⁶ каре, образованное Павловским полком. Чернышев говорил мне, что большая часть этих негодяев имела вызывающий и равнодушный вид, который возмутил как присутствующих, так и войска; были такие, которые даже смеялись, между прочим, и сын нашей бедной княгини⁷. Он имел дерзость раскланиваться и здороваться со своими знакомыми. Церемония была ужасна. Перед полками, к которым они при-

¹ Сабинский, см. ниже письмо Николая I к Константину Павловичу от 22 марта 1826 г., с. 192.

² Не разобрано.

³ Не разобрано.

⁴ Не разобрано.

⁵ По-русски в подлиннике.

⁶ Не разобрано.

⁷ С. Г. Волконский, его мать состояла при Марии Федоровне.

надлежали, они были лишены дворянства, затем они были должны стать на колени: полковой профос сорвал с них эполеты и знаки отличия, после чего над их головами ломали шпаги; затем их силой увели.

Все это продолжалось почти до пяти часов. Толпа не была велика, но она увеличилась к концу казни. Тела оставались в течение двух часов на виселице, после чего их сняли и погребли. Да будет к ним милостив и милосерд Господь! Чувства некоторых из них, побудившие их молиться за нашего дорогого Николая, позволяют мне верить в их раскаяние и надеяться на Божественное Милосердие. Я также надеюсь, что по милости Провидения моему сыну никогда больше не придется переживать в течение своего царствования столь ужасного дня.

Государь прислал мне манифест, который должен был быть обнародован 14-го. Он хорошо составлен; в нем родители призываются заботиться о первоначальном воспитании детей, так как оно может дать хорошие результаты. Благословим Господа за то, что все окончилось, и удвоим решение в выполнении нашего долга!

Сон юности:

**записки дочери Императора Николая I великой княгини
Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской
(отрывки)**

*Посвящается моим горячо любимым вну-
чатым племянницам
Принцессам Эльзе и Ольге Вюртембергским*

Дорогие дети! Возможно, что в один прекрасный день, когда вы подрастаете, вы захотите узнать, какова была юность вашей бабушки, в далекой стране, которая является также и родиной вашей матери. Возможно, что тогда уже не будет в живых никого из тех, кто жил вместе со мной, никого для того, чтобы рассказать вам об этом.

Я постараюсь собрать свои воспоминания в одно целое, чтобы вы узнали, какой счастливой была моя юность, под кровом отцовской любви.

Мое желание — вызвать в ваших сердцах любовь и почитание к памяти наших родителей, которых мы не перестанем лю-

бить и благословлять до нашего смертного часа. Им мы обязаны жизнью в драгоценном семейном союзе, который представляет собою единственное счастье на земле. Сохраните мой рассказ о нем неискаженным, чтобы ответ этого тепла согрел вас всю жизнь!

Этого желает вам ваша старая бабушка Ольга. Штутгарт.

Начато в январе 1881 года. Закончено 18 января 1883 года.

Зима 1833 года

Итак, все мы, семеро, были уже на свете, и наступает момент, когда я хочу описать нашу семейную жизнь, это тепло очага, которое свяшенно и неисчерпаемо и благословляет на всю последующую жизнь.

Мне очень трудно передать, что значила Мама́ моему детскому сердцу. Она была именно Матерью и описать это невозможно. У нее мы чувствовали себя дома, как в раю. Каждую свободную минутку я бежала к ней, зная, что никогда не помешаю. Единственное, что мы иногда слышали, это «Будьте чуточку спокойны», в то время как Вилламов или Лонгинов, секретари Благотворительного Общества, бывали у нее на докладе. Обычно она сидела за своим большим письменным столом, занимаясь корреспонденцией, и в это время мы свободно могли играть у нее в кабинете. Это была красивая, угловая комната с видом на Неву, обтянутая зеленым с амарантом штофом, всегда наполненная цветами. Мама́ любила одеваться в светлое, по утрам же всегда в белый вышитый перкаль с душегрейкой из кашемира или бархата. Я не помню ее иначе, как веселой, доброй и всегда в одинаковом настроении. Ей не надо было ни под кого подлаживаться, ничего прятать. В прелести и простоте своего существа она была недоступна ничему злему. Я помню, как одна дама высоких нравственных качеств так была захвачена ее существом, что долго раздумывала над причиной этой прелести. Было ли это привычкой обращаться с людьми, женской прозорливостью или же расчетом и желанием обворожить? В конце концов она пришла к убеждению, что Мама́ держала себя совершенно естественно и она склонилась перед этой простой добротой, которая была сильнее всех духовных сил. Эта дама была баронессой Мейендорф, урожденной графиней Брюль, проводившей свою жизнь в утонченных дипломатических кругах.

Если Мама́ и не была тем, что называют «*femme d'esprit*»¹, то она имела способность очень тонко оценивать людей и вещи, и ее мнение, если о нем спрашивали в серьезных делах, бывало всегда поразительно верно. Однако главное ее назначение было быть любящей женой, уступчивой и довольной своей второстепенной ролью. Ее муж был ее Водителем и Защитником, пользовался ее абсолютным доверием и единственное, что утоляло ее тщеславие, было знать, что он счастлив. Удалось ли ей сделать его счастливым? Прощальные слова моего отца, обращенные к ней перед смертью, пусть будут этим ответом: «С первого дня, как я увидел тебя, я знал, что ты добрый гений моей жизни».

Что касается общения с нами, детьми, то в нем не было никакой предвзятости, никаких особых начал, никакой системы. Мы просто делили с ней жизнь, и это было так легко, как воздух, который вдыхаешь, как будто иначе и не могло быть. Если Мама́ была в отъезде, мы были как потерянные. И тем не менее я не могу сказать, чтобы она занималась нами. Может быть, сильное впечатление производил пример ее жизни. Только когда я сама была уже замужем, я поняла, что значит иметь такой пример перед глазами. Выезжала ли она, навещала ли институты или принимала дам у себя, всегда что-то от ее существа захватывало и нас, и в те вечера, когда мы стояли у рояля и слушали игру и пение, мы учились глазами и ушами, без длинных тирад тому, как надо себя вести с людьми. В ее личности было что-то обезоруживающее. Окруженная роскошью, она никогда не позволила бы себе подпасть под влияние чрезмерной элегантности или пышности. Ее единственной искренней потребностью, которую она себе разрешала, было то, что время от времени ей приносились и затем сменялись картины из Эрмитажа. Потом Папа́ заказал для нее копии тех картин, которые она особенно любила.

Распределение дня Мама́ не было регулярным из-за ее многочисленных обязанностей и различных визитов, которые она должна была принимать. Вход к ней был свободен для князя Волконского, на обязанности которого лежало обсуждение с ней приглашений на балы, а также выбор подарков к крестинам и свадьбам; и — для генерал-адъютанта и флигель-адъютантов. Все они, а также и некоторые привилегированные друзья, дамы и кавалеры, могли приходить к ней, без того, чтобы стоять в списке.

¹ «остроумная женщина» (фр.).

Они приходили уже с утра, чтобы выпить с Мама́ чашку шоколада, в то время как обсуждалось необходимое. По воскресеньям, после обедни, представлялись мужчины, по вечерам — дамы. В большинстве случаев их бывало от сорока до пятидесяти человек: матери, которые привозили представляться своих только что вышедших замуж дочерей, дамы, приезжавшие прощаться перед каким-нибудь отъездом или такие, которые благодарили за очередное производство их мужей, все они в придворном платье с длинным шлейфом. Это были утомительные обязанности. Мама́ была освобождена от них только после того, как сдало ее здоровье. Нам, детям, доставляло громадное удовольствие, если мы иногда совместно с Папа́ могли наблюдать через дверь. При этом Папа́ делал знак рукой некоторым хорошим знакомым.

По вечерам ходили во французский театр, ансамбль которого привлекал знатоков, а также и тех, кто любил бывать в блестящем кругу. Папа́, который, после шестнадцатилетнего брака, все еще был влюблен в Мама́, любил видеть ее нарядно одетой и заботился о самых мелочах ее туалета. Бывали случаи, что, несмотря на все ее протесты, ей приходилось сменить наряд, потому что он ему не нравился. Это, правда, вызывало слезы, но никогда не переходило в «сцену», так как Мама́ сейчас же соглашалась с ним, и Папа́, немного смущенный и сконфуженный, усиливал свою нежность к ней.

В определенные дни недели нам читали в Сашиной библиотеке французских классиков, особенно Мольера. Это делалось актерами Французского театра. Я вспоминаю при этом уже сильно пожилую мадам Бра, неподражаемую в характерных ролях, которая приводила в восторг и потешала Папа́ и дядю Михаила. Вся эта французская театральная публика занимала дом на Крестовском на берегу Невы. Часто, когда мы ехали кататься, мы останавливались под балконом и Папа́ звал: «Мадам Бра, вы дома?» Старая дама пышных размеров сейчас же появлялась и начинался шуточный диалог. Папа́ смеялся до слез, в то время как Мама́ не очень одобряла скабрзные шутки в нашем присутствии.

И несмотря на это, были и такие добродетельные дамы, которые обвиняли Мама́ в легкомыслии и фриivolности! Никак не угодишь всем на свете. Эти дамы жаловались Московскому Митрополиту Филарету, что Мама́ вместо того, чтобы думать о спасении души, только и делает что танцует и гоняется за развлечениями. На что тот возражал: «Возможно, но я думаю, что

она танцую попадет в рай, в то время как вы еще будете стучаться в дверь...»

Я помню, что после недель светских развлечений, Мама́ испытывала потребность в покое и серьезных разговорах. Пользуясь поездками Папа́ в Кронштадт или в другие места, она приглашала к себе Софи Бобринскую. Это была одна из тех ее подруг, которая внутренне более всех ей подходила. Софи Бобринскую знали немногие ввиду того, что она редко бывала в обществе, но эти немногие ценили ее. Я никогда не слышала от нее ни одного пустого слова и если я, будучи ребенком, и не могла следить за тем, о чем они говорили с Мама́, то все же я чувствовала что-то необыкновенное в ее разговорах и мыслях. Если Мама́ брала нас с собой, чтобы навестить ее, это было для нас всегда большой радостью. Когда она приезжала в Зимний дворец, Мама́ запиралась с ней в красном кабинете. Этот кабинет был подобием алтаря, в котором хранились разные ценные вещи. Там был мраморный бюст Королевы Луизы Прусской, портреты Императора Александра 1-го, бабушки и других родственников, а также разные предметы, которыми они пользовались при жизни, как, например, молитвенники и усеянные камнями кресты. Перед церковной службой часто Адини и я тайком пробирались туда, становились на колени перед семейными реликвиями и целовали портреты предков, усердно молясь перед ними. Страх быть пойманными и выбранными, вероятно, еще усиливал потребность к этим тайным богомольям, благодаря которым мы научились молиться непосредственно от сердца.

Наше религиозное воспитание было скорее трезвым. Нас окружали воспитатели протестанты, которым едва были знакомы наш язык и наша церковь. Мы читали в их присутствии перед образами Отче Наш и Верую, нас водили в церковь, где мы должны были прямо и неподвижно стоять, без того чтобы уметь вникать в богослужения. Чтобы не соскучиться, я повторяла про себя выученные стихотворения. Наш первый преподаватель Закона Божия и духовник, о. Павский, читал нам Евангелие, не давая ничего нашему детскому представлению и только позднее о. Бажанов стал объяснять нам Богослужение, чтобы мы могли следить за ним. Вероятно, из оппозиции к безразличному религиозному отношению нашего окружения, в нас, детях, развилось сильное влечение к нашей православной вере. Благодаря нам, наши Родители выучились понимать чудесные обряды нашей

церкви, молитвы праздников и псалмы, которые в большинстве случаев читаются быстро и непонятно псаломщиками, и которые так необычайно хороши на церковнославянском языке.

Для Папá было делом привычки и воспитания никогда не пропускать воскресного Богослужения и с открытым молитвенником в руках он стоял позади певчих. Но Евангелие он читал по-французски и серьезно считал, что церковнославянский язык доступен только духовенству. При этом он был убежденным христианином и глубоковерующим человеком, что так часто встречается у людей сильной воли.

Для Мамá религиозным направлением были впечатления ее протестантского воспитания. В нашей религии для нее радостью и утешением были только молитвы об умерших, оттого что они теснее соединяли ее с покойной матерью. Ни Богослужения, ни молитвы не могли умилить ее до слез. И все же, кому случалось быть свидетелем того, как Мамá с Папá готовились к Причастию, должен был неминуемо прийти к заключению, до какой степени верующими они были. В эти дни Папá был преисполнен детски-трогательным рвением, Мамá же скорее сдержанная, но без налета всякой грусти.

В последний день старого года неизменно приезжал Митрополит Серафим с монахами Александро-Невской лавры, певшими нам хором чудесное Славословие. После этого Родители собственноручно обносили их закуской и вином.

После страниц, посвященных Мамá, я хочу вспомнить и Папá.

Он любил спартанскую жизнь, спал на походной постели с тюфяком из соломы, не знал ни халатов, ни ночных туфель и ел только раз в день по-настоящему, запивая водой. Чай ему подавался в то время как он одевался, когда же он приходил к Мамá, то ему подавали чашку кофе с молоком. Вечером, когда все ужинали, он опять пил чай и ел к нему иногда соленый огурец. Он не был игроком, не курил, не пил, не любил даже охоты; его единственной страстью была военная служба. Во время маневров, он мог беспрерывно оставаться восемь часов подряд в седле, без того чтобы хоть закусить чем-нибудь. В тот же день вечером он появлялся свежим на балу, в то время как его свита валилась от усталости.

Его любимой одеждой был военный мундир без эполет, протертый на локтях от работы за письменным столом. Когда он вечерами приходил к Мамá, он кутался в старую военную ши-

нель, которая была на нем еще в Варшаве и которую он до конца своих дней покрывал ноги. При этом он был щепетильно чистоплотен и менял белье, как только переодевался. Единственная роскошь, которую он себе позволял, были шелковые носки, к которым он привык с детства. Он любил двигаться и его энергия никогда не ослабевала. Ежедневно, во время своей прогулки, он навещал и какое-нибудь учреждение, госпиталь, гимназию или кадетский корпус, где он часто присутствовал на уроках, чтобы познакомиться с учителями или воспитателями. Кроме докладов министров и военных чинов, он принимал также и губернаторов, умея так поставить вопрос, что всегда узнавал правду. Он не выносил тунеядцев и лентяев. Всякие сплетни и скандалы вызывали в нем отвращение. Когда он узнавал, что какой-нибудь сановник злоупотребил его доверием, у него поднималась желчь и ему приходилось слечь. Подобным образом действовали на него неудачные смотры или парады, когда ему приходилось разносить. То, что казалось в нем суровым или строгим, лежало в характере его безупречной личности, по существу очень несложной и добродушной.

1834 год

Опять встают передо мной картины нашей детской жизни.

В память моего посещения монастыря в Новгороде игуменья Шишкина подарила мне крестьянскую избу, внутренность которой была из стекла, а мебель расшита цветным бисером. Кукла с десятью платьями, изготовленными монахинями, находилась в ней. Почти одновременно с этим подарком, Папá подарил нам двухэтажный домик, который поставили в нашем детском зале. В нем не было крыши, для того, чтобы можно было без опасности зажигать лампы и подсвечники. Этот домик мы любили больше всех остальных игрушек. Это было наше царство, в котором мы, сестры, могли укрываться с подругами. Туда я пряталась, если хотела быть одна, в то время как Мэри упражнялась на рояле, а Адини играла в какую-нибудь мною же придуманную игру. По возрасту я была между ними обеими: на три года моложе Мэри, на три старше Адини и часто чувствовала себя немного одинокой. Я начала уже отдаляться от мирка игр Адини, в то время как не могла еще подойти к миру взрослых, к которому, в свои четырнадцать лет, уже принадлежала Мэри.

Мои сестры были жизнерадостными и веселыми, я же серьезной и замкнутой. От природы уступчивая и стараясь угодить каждому, я часто подвергалась нападкам Мэри и высмеивалась ею, не умея защитить себя. Я казалась себе глупой и простоватой, плакала по ночам в мою подушку и стала представлять себе, что я совсем не настоящая дочь своих родителей, а подменена кормилицей моей молочной сестрой. Мадемуазель Дункер только способствовала моему одиночеству. Благодаря своему характеру, она мгновенно вспыхивала и сейчас же передавала свое неудовольствие Юлии Барановой, которая, в свою очередь, тотчас же брала сторону своей воспитанницы Мэри. Вкрадывалась известная горечь и каждая оставалась со своей ученицей в своей комнате. Воспитатель Саши генерал Мердер, который был в хороших отношениях с Шарлоттой Дункер, умел меня подбодрить и влить в меня доверие к себе, говоря, что ни мое спокойствие и ни моя застенчивость отнюдь не значат, что я неспособна, но указывают на качества глубокой натуры, которой нужно время, чтобы развиться. Сходство моей натуры с Сашиной сделало то, что он был необычайно чуток и близок со мной.

В детском зале, где стоял наш игрушечный домик, нас учила танцам Роз Колинетт, дебютировавшая в Малом Гатчинском театре. Мы упражнялись в гавоте, менуэте и контрдансе вместе с Сашей и его сверстниками. После этого бывал совместный ужин и вместо неизменного рыбного блюда с картофелем нам давали суп, мясное блюдо и шоколадное сладкое. Зимой 1833 года эти веселые уроки прекратились оттого, что Мэри исполнилось пятнадцать лет и она переселилась от нас в другие комнаты.

По обычаю, в одиннадцать лет я получила русское придворное платье из розового бархата, вышитого лебедями, без трэна. На некоторых приемах, а также на большом балу, в день Ангела Папá, 6 декабря, мне было разрешено появляться в нем в Белом Зале. Когда мы в него входили, все приглашенные уже стояли полукругом. Их Величества кланялись и подходили к Дипломатическому корпусу. Папá открывал бал полонезом, ведя старшую чином даму Дипломатического Корпуса. В то время это была прелестная графиня Долли Фикельмон, жена австрийского посланника. За ними шли Мама́ с дядей Михаилом, затем я, под руку с графом Литта. Он был Оберкамергером, рыцарем Мальтийского Ордена и бежал в царствование Павла I из Италии в Россию. Человек этот был громадного роста и говорил низким басом, с сильным итальянским

акцентом. Ввиду того, что он был Председателем Комиссии по постройке церквей, мне было велено навести разговор на эту тему, что я с грехом пополам и выполнила. В девять часов, когда начинался настоящий бал, я должна была уходить спать. Мне надлежало попрощаться с Мамá, которая стояла в кругу стариков у ломберных столов. В то время как я повернулась, чтобы уйти в сопровождении своего пажа (его звали Жерве и он был немногим старше меня), до меня донеслись слова Геккерна, нидерландского посла, обратившегося к Мамá: «Как они прелестны оба! Держу пари, что перед сном они еще поиграют в куклы!» Я с моим пажом! Эта мысль показалась мне невероятной, стоявшей вне моих представлений. Этот Геккерт был приемным отцом Дантеса, убившего на дуэли нашего великого поэта Пушкина.

Этой зимой, во время Масленицы, при Дворе был устроен большой костюмированный бал на тему сказки «Аладдин и волшебная лампа». В Концертном зале был поставлен трон в восточном вкусе и галерея для тех, кто не танцевал. Зал был декорирован тканями ярких цветов, кусты и цветы освещались цветными лампами, волшебство этого убранства буквально захватывало дух. В то время глазу еще непривычны были такие декорации, которые мы теперь видим на каждой сцене. Мэри и я появились в застегнутых кафтанах, шароварах, в острых туфлях и с тюрбанами на головах; нам было разрешено идти за Мамá в полонезе. Какой блеск, какая роскошь азиатских материй, камней, драгоценностей. Я могла смотреть и искренне предаться созерцанию всего этого волшебства, без того, чтобы надо было думать об обязанностях или правилах вежливости. Карлик с лампой, горбатый, с громадным носом был гвоздем вечера. Это был Григорий Волконский, сын министра Двора, будущий муж прелестной Марии Бенкендорф. Этот бал остался в моем воспоминании кульминационным пунктом зимы 1833 года.

Теперь как-то трудно себе представить, как часто наш Двор менял свое местопребывание между маем и октябрём месяцем. Весной мы проводили несколько дней на Елагином, чтобы избежать уличной пыли, затем Царское Село, переезд на июль в Петергофский Летний Дворец и, наконец, из-за маневров, Гатчина или Ропша с ураганом светских обязанностей: приемы, балы, даже Французский театр в маленьком деревянном доме. Мы видели эту блестящую жизнь, конечно, в своем детском понимании, или когда мы сопровождали Родителей, или же в

свободные часы на подоконниках и слушая доносившуюся к нам музыку.

1834-й год принес с собой конец нашей совместной детской жизни. Саша стал совершеннолетним (в шестнадцать лет по нашему Семейному закону) и вступил в общественную жизнь, после того как присягнул как Наследник. Это была трогательная церемония, когда Саша, сопровождаемый Отцом, встал пред алтарем перед развернутым Знаменем и звонким голосом прочел текст Присяги. Этот торжественный день был отпразднован концертом церковной музыки. Вечером у Нарышкиных был бал Дворянства. Было лето. Через открытые окна видна была река с освещенными лодками; восторженные крики толпы доносились к нам, не хватало только присутствия в этот торжественный день Сашиного любимого воспитателя, генерала Мердера. По состоянию своего здоровья, он должен был уехать в Италию и, накануне, пришло известие об его смерти, которое от нас скрыли, чтобы не омрачать нам торжества. Саша узнал об этом, неделю спустя, в Царском Селе и горько плакал о первом друге своей жизни. Его заменил Кавелин, а князь Ливен, до тех пор посол в Лондоне, был назначен опекуном. Еще серьезнее, чем до сих пор, Саша отдался наукам, к которым прибавились военная история и законоведение.

Весной этого года с Нижнего Дуная возвратился Киселев. Он пробыл там с самого окончания Турецкой кампании в 1828 году, чтобы привести в порядок эти прекрасные, богатые земли, так долго страдавшие под турецким ярмом. Еще теперь, после пятидесяти лет, Молдавия и Валахия, которые теперь принадлежат Румынии, вспоминают с благодарностью реформы Киселева, положившие начало их экономическому благосостоянию. Он, в свою очередь, любил этот край, его мягкость, синеву его небес, кроме того, еще его удерживала там сердечная привязанность. Мне в то время было двенадцать лет. Как сейчас вижу его таким, каким он был, когда вернулся: красивый мужчина лет около сорока, с выразительными глазами, очаровывающий собеседника о чем бы он ни говорил. Совершенно независимый в своих взглядах, всегда полный блестящих идей, образованный и в то же время всегда готовый научиться еще чему-нибудь, он, даже в разговорах с Папá, который с ним очень считался, сохранял свою независимость. Один из одареннейших деятелей тогдашнего царствования, с 1835 года он стал членом всех тайных комитетов по крестьянскому вопросу. С этих пор, в течение пятнад-

цати лет, он оставался всегда дорогим гостем нашего дома. В разговорах с глазу на глаз, Папá любил противоречия, даже охотно вызывал на них и он особенно любил свободную манеру Киселева в разговорах.

Влечение Папá к тому, чтобы быть обо всем осведомленным и учиться новому, происходило от сознания, что те науки, которые он проходил в молодости, были недостаточны. Войны в начале столетия и его страсть ко всему военному были тому виной. Совершенно неожиданно он вступил на Трон в 1825-м году. Он командовал в то время бригадой пехоты и понятия не имел о правлении, о хозяйстве или законодательстве. Ввиду того, что он прекрасно сознавал это, он направлял всю свою волю, всю энергию на то, чтобы окружить себя достойными людьми. Чтобы создать Свод Законов, выведя наше законодательство из тогдашнего хаоса, он призвал Сперанского и имел удовольствие видеть этот труд законченным еще в свое царствование. Его другой большой заботой было улучшение судьбы крестьян. Киселев явился главным его сотрудником в этой области. 26 декабря 1837 года он был поставлен во главе нового Министерства Государственных Имуществ, в ведение которого поступили все казенные крестьяне; он оставался на этом посту до 1856 года, когда был назначен послом в Париж.

Я не могу судить о том, были ли его реформы удачными или нет. С невероятным трудом и отчаянной решимостью он проводил их в жизнь, встречая всевозможные препятствия, как, например, глубоко укоренившееся предубеждение и злобу тех, чьи интересы были затронуты, а также отрицательное отношение со стороны остальных министров. Думаю, что управление имениями тети Елены, в которых, согласно плану Киселева, проводились приготовления к освобождению крестьян, подтверждает, что таковые могли быть проведены только благодаря личной инициативе и на ограниченном пространстве, так как масса без определенного водительства в своем большинстве не может понять, что значат такие реформы. Во всяком случае Папá, несмотря на все свое могущество и бесстрашие, боялся тех сдвигов, которые могли из этого вылиться.

Осенью 1834 года Мамá с Мэри отправились в Берлин. Все мы остальные были поручены в Царском Селе попечению нашего дорогого князя Александра Голицына и княгини Ливен, супруги бывшего посла при английском Дворе. Последняя должна была стать во главе салона Саши и отшлифовать его речь, а также ма-

неры. Это на первых порах ей совершенно не удавалось. Она говорила только о политике, от которой, благодаря нашему воспитанию, мы были очень далеки. Когда мы приходили к чаю, некоторые старые господа, сидевшие вокруг княгини, говорили о Талейране, Веллингтоне, о революционном движении на Балканах, о Марии ди Глория и других вещах, которыми были в то время полны газеты, и все это отдавалось пустым звуком в наших ушах. Как только чай бывал кончен, Саша отодвигал свой стул и стремительно бежал к столу молодежи, предоставляя всех Тори, Мигуэлистов и Карлистов их судьбе, в то время как он сам с упоением отдавался игре в «Трубочиста» и смеху, становившемуся тем заразительнее, чем больше мы боялись гнева Княгини. Будучи умной женщиной, она вскоре переменяла свой метод и стала устраивать для Саши танцевальные вечера в Александровском Дворце, в то время как ее политические партнеры приглашались к ней уже частным образом.

В ноябре Папá привез из Берлина домой Мамá с Мэри. Мэри получила по возвращении свою собственную квартиру, покинула наш флигель и переехала поблизости к Саше. В Берлине с ней обращались как с взрослой ввиду того, что там принцессы в пятнадцать лет после конфирмации, переходят из рук воспитательниц в руки придворных дам. Мадам Баранова получила орден Св. Екатерины и Матвей Виельгорский был назначен Шталмейстером ввиду приемов и представлений, в которых Мэри должна была принимать участие. Она похорошела, бабочка выпорхнула из кокона. Ее сходство с Папá сказывалось теперь особенно, профиль к профилю она казалась его миниатюрой. И она стала его любимицей, веселая, жизнерадостная, обаятельная в своей любезности. Очень естественная, она не выносила никакой позы и никакого насилия. Ее ярко выраженная своеобразность позволяла ей всюду пренебрегать этикетом, но делала она это с такой женской обаятельностью, что ей все прощалось. Переменчивая в своих чувствах, жесткая, но сейчас же могущая стать необыкновенно мягкой, безрассудочно следуя порыву, она могла флиртовать до потери сознания и доставляла своим поведением часто страх и заботы Мамá. Сама еще молодая, она радовалась успеху Дочери, испытывая в то же время страх перед будущностью Мэри. Последняя объявила, что никогда не покинет Отечества. За кого-то она выйдет замуж?

Здесь я хочу, забегаю много вперед, разъяснить натуру Мэри.

Когда в 1866 вспыхнула грустная братоубийственная война между Северной и Южной Германией, нам было предназначено держаться Австрии. Тут я получаю от Мэри письмо, полное упреков, в котором она обвиняла меня в том, что я отрекаюсь от родины Мама́, что я вероломна, словом, задела меня и обидела, как только было можно. Я ответила ей, что наши мнения и взгляды очевидно разные и что лучше всего было бы это не затрагивать, пока длится война. Это было в июне. В августе был заключен Никольбургский мир и подтверждены наши тайные договоры с Россией. В это время я должна была, из соображений здоровья, поехать в Остендэ. В один прекрасный вечер во время чая, когда мы с Верой (дочерью моего брата Константина) и ее гувернанткой, с Цезарем Берольдинген, Владимиром Фредерикс и другими, сидели за столом, мы услышали оживленные голоса за дверью, которая распахнулась и — Мэри ворвалась в комнату и в слезах бросилась мне на шею: «Прости меня, Олли! Я прямо из Петербурга, чтобы обнять тебя». Как можно было ее не любить?

В 1834 году нас посетил наш дядя, Принц Оранский со своим старшим сыном (теперешним Королем Вильгельмом Нидерландским). Принц, который в свое время был адъютантом герцога Веллингтона, был очень хорош собой, к тому же овеян ореолом военных успехов. Он и его супруга, принцесса Шарлотта, великосветская дама, говорившая по-французски, как парижанка, имели все данные, чтобы понравиться в Петербурге. Сын же семнадцати лет был настоящий остолоп. Как кузен и товарищ детских игр, каким он являлся, он проводил многие часы в наших комнатах. Он был влюблен в Мэри. Когда его отсылали, под предлогом, что нам надо учиться, он прятался между двойными дверьми наших комнат. После каждого долгого молчания, позволявшего ему заключить, что урок кончился, он неожиданно у нас появлялся. Только в случаях, когда на урок приходил Батюшка, его удавалось окончательно удалить. Он боялся одежды и бороды последнего. Точно такое же действие производила на него воспитательница Адини, мисс Броун, которую он к тому же находил глупой. Однажды он бросил ей в лицо нашу болонку, разозлившись на то, что она выбрала его партнером во время игры в «Молчание». Она должна была это сделать поневоле, оттого что он был последним. Никто не хотел с ним иметь дела, постоянно приходилось его удалять на-

сильно и, когда его воспитатели брали его под руки, он награждал их пинками ног. Я думаю, он царапался бы, если бы это было возможно. История с мисс Броун и болонкой дошла до ушей его отца. Он получил 24 часа домашнего ареста. Когда он вновь появился, он стал еще невыносимее. Во время игры в серсо он втыкал булавки, о которые мы кололись, и когда, утомленные игрой, мы хотели отдышаться, он лил нам воду на затылок. Наконец, чаша переполнилась и мы серьезно пожаловались Папá. Тот решил, что молодой человек, вместо того чтобы сидеть за детским столом, будет отныне сидеть со взрослыми. Эта честь только разозлила его. Принц Оранский признался, что ничего не понимает в воспитании, но он тем не менее противился всему, что в этом отношении решала его жена. Супруги жили несчастливой семейной жизнью.

В августе 1833 года в Петербурге была построена Александровская колонна и через год в августе следующего года освящена. Это было оба раза поводом к большим торжествам, которым Папá отдавался всей душой. Он любил такие церемониальные всенародные торжества и умел их обставлять так хорошо и с таким блеском, что воспоминание о них оставалось еще долго. Все торжества последующего времени казались мне потом только неудачным подражанием предшествующей эпохе.

Мой отец имел, по словам одного французского маршала, «*le physique du métier*»¹. Его большой рост, его строгий профиль вырисовывались резко на светлой синеве неба. Движения, походка, низкий голос — все в нем было созвучно: спокойно, просто властно. Надо было видеть наших родителей, будь то в торжественных случаях в парадных нарядах, или рука об руку гуляющими под деревьями нашего Летнего дворца, чтобы понять, как мы гордились ими, и с нами весь русский народ.

1837 год

Саша и Мэри уже в течение целого года выезжали и много танцевали. Мама́, выглядевшая старшей сестрой своих детей, радовалась тому, что может веселиться с ними вместе. Папá терпеть не мог балов и уходил с них уже в двенадцать часов спать, в Аничкове чаще всего в комнату рядом с бальной залой, где ему

¹ «точеную фигуру» (фр.).

не мешала ни музыка, ни шум. В этой нелюбви Папá к балам и танцевальным вечерам много был виноват дядя Михаил, который не желал, чтобы офицеры приглашались на них по своим способностям к танцам, а чтобы, напротив, этими приглашениями поощрялись бы их усердие и успехи в военной службе. Но когда на балах не было хороших танцоров — не бывало и дам. В тех случаях, когда удавалось сломить упорство дяди Михаила, он появлялся в плохом настроении, ссорился с Папá и для Мамá всякое удовольствие бывало испорчено.

В эту зиму у нас, в Петербурге, был брат Мамá, дядя Карл. Он научил меня и Мэри играть на рояле вальсы Ланнера и Штраусов в венском темпе, он же пригласил, по желанию Мамá, оркестр Гвардейской кавалерии, чтобы научить их тому же. В светском отношении, он держал себя непринужденно, считая, что может позволить себе многое, благодаря своей обезоруживающей улыбке, что ему удавалось всегда даже с Дедушкой. Однажды он пригласил офицеров и трубачей одного полка к себе в Зимний дворец без разрешения командира или одного из старших офицеров и выбрал как раз шесть лучших танцоров, которых можно было встретить во всех гостиных. Конечно, это были только молодые люди из лучших семей и в Берлине никогда никому и в голову бы не пришло возмутиться из-за этого. Но в глазах дяди Михаила это было преступлением. Дядя Карл пригласил и Мамá, которая появилась у него, чтобы также протанцевать несколько туров. Как только она появилась, трубачи заиграли вальс, дядя пригласил Мамá, Мэри и молодые фрейлины с офицерами также закружились, все были в самом веселом настроении, как вдруг открылась дверь и появился Папá, за ним — дядя Михаил. Все кончилось очень печально, и этого конца не могли отворотить даже обычные шутки дяди Карла.

Воздух был заряжен грозой и вскоре она разразилась одним событием, которое косвенно было связано с неудачным балом. Среди шести танцоров, которых пригласил дядя, был некто Дантес, приемный сын Нидерландского посла в Петербурге барона Геккерна. По городу уже циркулировали анонимные письма, в которых обвиняли красавицу Пушкину, жену поэта, в том, что она позволяет этому Дантесу ухаживать за собой. Горячая кровь Пушкина закипела. Папá, который видел в Пушкине олицетворение славы и величия России, относился к нему с большим вниманием и это внимание распространял и на его жену, которая была в

такой же степени добра, как и прекрасна. Он поручил Бенкендорфу разоблачить автора анонимных писем, а Дантесу было приказано жениться на младшей сестре Натали Пушкиной, довольно заурядной особе. Но было уже поздно: раз пробудившаяся, ревность продолжала развиваться. Некоторое время спустя после этого бала Дантес стрелялся с Пушкиным на дуэли и наш великий поэт умер, смертельно раненный его рукой.

Папá был совершенно убит и с ним вместе вся Россия, оттого, что смерть Пушкина была всеобщим русским горем. Папá послал умирающему собственноручные слова утешения и обещал ему защиту и заботу о его жене и детях. Он благословлял Папá и умер настоящим христианином, на руках своей жены. Мама́ плакала, а дядя Карл был долгое время очень угнетен и жалок.

Жуковский и Плетнев, наши русские учителя, оба дружные с Пушкиным и члены литературного кружка «Арзамас», давно уже познакомили нас с сочинениями Пушкина. Мы заучивали его стихи «Полтава», «Бахчисарайский фонтан» и «Борис Годунов», мы глотали его последнее произведение «Капитанская дочка», которое печаталось в «Современнике». В память погибшего друга Плетнев взял его журнал и продолжал издавать с большим успехом.

Папá освободил Пушкина от всякого контроля цензуры. Он сам читал его рукописи. Ничто не должно было стеснять дух этого гения, в заблуждениях которого Папá никогда не находил ничего иного, как только горение мятущейся души. Все архивы были для него открыты, он как раз собирался писать историю Петра Великого, когда смерть его похитила. Никто не походил на него. Лермонтов, Вяземский, Майков, Тютчев, все это были таланты, но ни один из них не достиг высоты гения Пушкина. Некрасов был доступен широкой публике, но только в одном: он воспевал бедных и бедность. Алексей Толстой, мистик с изысканным языком, но несколько однообразный. Роман стал теперь выражением литературы; спешка современной жизни ограничивает поэтическое творчество, которому необходимо широкое дыхание.

В течение этой зимы я слышала много филармонических концертов в зале Энгельгард, на которых исполнялись симфонии Бетховена, реквием Моцарта и многое другое. Мне не доставляло это удовольствия. Анна Алексеевна, которая пыталась развить мой слух, предложила предоставить мне возможность играть в трио со скрипкой и виолончелью. Она обнаружила Бэлинга, прекрасного музыканта, застенчивость которого до сих

пор мешала ему сделаться известным, но его песни были уже довольно хорошо знакомы публике. Он сочинил для меня прелестные вариации на тему Национального Гимна. Я играла их Мамб в день ее рождения в апреле.

В театрах вызывала восторг Мария Тальони в балетах «Сильфида» и «Дочь Дуная». Она была некрасива, худа, со слишком длинными руками, но в тот момент, как она начинала танцевать, ее захватывающая прелесть заставляла все это забыть. Надо было ее видеть, чтобы понять, что совершенства грации способны вызвать слезы умиления.

Мэри, бывшая в восторге от Тальони, заучила с дядей Карлом па-де-де, которое было очаровательной и остроумной пантомимой. Они танцевали его на китайском маскараде, третьем и последнем так называемом «бобовом» празднике. Все были в китайских костюмах. Высокозачесанные и завязанные на голове волосы очень украшали дам, особенно тех, у кого были неправильные, но выразительные черты лица. Папá был одет мандарином, с искусственным толстым животом, в розовой шапочке с висящей косой на голове. Он был совершенно неузнаваем. Бобовой королевой была старая графиня Разумовская, выглядевшая в своем костюме замечательно. Королем был старый граф Пальфи, венгерский магнат, которого в Вене прозвали «Тинцль», очень веселый старик, охотно вращавшийся на бульварах и в кулисах театров, всегда с непокрытой головой, в жару, холод и даже в петербургскую зиму. Люди останавливались на улице, чтобы посмотреть вслед этому человечку в мадьярской одежде, с красным лицом и трубообразным носом, с волосами, зачесанными ежом. Его всюду приглашали. Его знакомства были времен Венского Конгресса, оттуда же сохранилась и его внешность и замашки.

Весной Саша отправился в большое путешествие по России. Через Вятку он хотел добраться до Тобольска. Первый Великий Князь, который вступал на Сибирскую землю. Все, имевшие до него дела или обращавшиеся к его посредничеству, были очень милостиво приняты Папá, который ничего не желал так страстно, как чтобы имя его сына благословлялось, где бы он ни появлялся.

В Новочеркасск Саша торжественно въехал верхом на лошади, с Атаманской булавой в руках, окруженный казаками. В то время ему было 19 лет. Он был высок и строен. Лицо его было более красивым, чем повелительным. В нем преобладала мягкость и в глазах светилась доброта его души. Таким, каким он

был мальчиком, он оставался и до конца своих дней, в шестьдесят лет. Неблагодарность людей и разочарования в жизни не смогли изменить его доброту, которой было пропитано все его внутреннее существо.

Одиннадцатого июля, в день моего Ангела, он был в Туле, откуда прислал мне икону с изображением Богоматери, которую я до сих пор храню. Такое исходившее от сердца внимание он оказал мне в то время, когда был завален работой и обязанностями, которые занимали его время. Оно меня тем более тронуло, что ведь обычно братья не балуют своих сестер. Осенью он встретился с родителями в Вознесенске, чтобы присутствовать на больших кавалерийских маневрах. Множество Высочайших Особ и Принцев из заграницы уже прибыло туда; между ними также и Принц Карл Баварский и с ним его племянник, Принц Лейхтенбергский. С первого же взгляда Мэри его поразила. И он понравился ей, так как был очень красивый мальчик. Но главным образом, ей льстило то впечатление, которое она произвела на него и мысль о том, что он может стать ей мужем, сейчас же пришла ей в голову. Согласится ли он остаться с ней в России? Я повторяю, что ей только пришла эта мысль... ни о каком серьезном чувстве еще не могло быть и речи.

Сейчас же после маневров была предпринята большая поездка всем обществом в Крым. Меня туда не взяли; но благодаря письмам друзей я получила понятие о ней. Князь М. Воронцов, генерал-губернатор Южной России, облюбывал этот чудесный уголок и выстроил себе в Алушке роскошный дворец в мавританском вкусе с английским комфортом. Многие богатые, дружные с ним семьи последовали его примеру, между ними Нарышкины и другие.

Моих родителей принимали там с таким гостеприимством, как разве во время Императрицы Екатерины. Верхом на лошадях, оседланных по-восточному в бархат и золото, ездили от одного поместья к другому. Это было чудесным временем: везде самое приятное общество, музыка, танцы до глубокой ночи на залитых луной террасах, сады, полные пышных южных растений. Мама получила от Папы в подарок поместье Орианда, с одним условием, что Папа совершенно не будет заботиться о нем и что она выстроит себе там такой дом, какой ей захочется. К моему пятнадцатилетию, я получила от Мама письмо, дышавшее восторгом, что она в стране, которая представляет собою землю классиков. Она зачитывалась «Ифигенией» Гете и

написала в Берлин известному архитектору Шинкелю, прося его начертить ей план дворца в греческом вкусе. Он действительно создал план, достойный рук волшебника, храм с колоннами и дорическим фронтоном, в котором могла бы жить сама Минерва, но никак не обыкновенные люди. Тогда обратились к тоже очень известному в то время архитектору Штакельшнайдеру. Он нарисовал волшебную виллу в итальянском вкусе, которую и построили, но которую Мама́ не было суждено видеть. Она завещала ее Константину, для того, чтобы он мог жить в ней, когда его обязанности Адмирала звали его к Черному морю.

Мэри участвовала в поездке. Она наслаждалась тем, что вызывала восхищение как у молодых, так и у старых. Ее красота была совершенно особого рода, она соединяла в себе две вещи: строгость классического лица и необычайную мимику, лоб, нос и рот были симметричными, плечи и грудь прекрасно развиты, талия так тонка, что ее мог обвить обруч ее греческой прически. Понятие о красоте было для нее врожденным, она сейчас же понимала все Прекрасное. Она ярко переживала все ею виденное и была чужда всякому предубеждению. Очень скорая в своих решениях и очень целеустремленная, она добивалась своего какой угодно ценой и рассыпала при этом такой фейерверк взглядов, улыбок и слов, что я просто терялась и даже утомлялась, только глядя на нее. Я чувствовала себя часто несвободной в ее обществе, ее непринужденность сковывала меня, ее поведение пугало, оттого что я не могла объяснить себе того, что за ним таилось. Если она бывала хороша со мной, я сейчас же подпадала под ее очарование, но единогласия между нами почти не было. И тем не менее она была хорошим товарищем и верной подругой и ее вера в дружбу никогда не ослабевала, несмотря на некоторые разочарования. Ни один из просителей никогда не уходил от нее без ответа, но те, кто знал ее, больше просил услуги, чем совета. Никто не ожидал от этого возбужденного сердца терпения, благоразумия или глубокого понимания. Так и политические соображения не вызывали в ней ничего кроме спешных импульсов, часто даже противоречащих один другому. Гораздо позднее, когда благодаря урокам жизни ее натура укрепилась и стала выносливей, я же приобрела больше уверенности в себе, наше взаимное чувство друг к другу стало много крепче. Конечно, она была в сотни раз ценнее меня, она была способнее, чем все мы семейно вместе, но одного не хватало ей: чувства долга. Она не умела

находить поставленные перед ней задачи и завидовала тому, с каким жаром я могла им отдаваться.

Адини, младшие братья и я оставались во время этого путешествия в Царском Селе, под покровительством нашего маленького князя Голицына, этого милого старичка, который никогда не казался нам старым, а также некоей мадам Плещеевой, жившей обычно в Павловске. Она принадлежала еще к окружению бабушки, ее муж был лектором при Дворе. Постоянно осаждали мы обоих старичков расспросами о наших тетках, сестрах Папá, которые все пятеро были очень хороши собой. Мы рассматривали их портреты, просили рассказать нам об их характерах, манерах, появлении в свет. Сравнивали эти идеальные для нас существа с собой и находили себя очень посредственными в сравнении с ними.

26 августа, в день Святой Наталии, Мадам Плещеева пригласила нас к пышному обеду. В этот день вокруг нас собрались все духовно близкие к бабушке. Главным образом то были учителя и профессора, воспитавшие наших теток и дядей. Мы знали их всех по именам и обе были преисполнены благоговения ко всему, что касалось Императрицы-Матери, нашей обожаемой бабушки, которая всегда была так добра к нам и к которой все, кто были при ней, относились с глубоким уважением.

Но натянутые и точно застывшие лица этих стариков смущали нас. Они все сидели с шляпами в руках вдоль стен и ожидали от нас, Великих Княжон, совсем не обладавших светскими талантами своих теток, ласковых слов, предписанных нам на приемах. Момент, в который мы могли сесть к столу, чтобы начать есть кашу с грибами в сметанном соусе, был для всех облегчением.

Вообще же эта осень проходила спокойно и для нас была заполнена работой. Анна Алексеевна очень следила за моими науками ввиду того, что была речь о том, что я выйду замуж в шестнадцать лет. Я начала писать маслом. Наш учитель рисования Зауервейд устроил мне в Сашиной башне ателье, к которому вели сто ступенек. Оттуда можно было наблюдать за облаками и звездами. Он хотел научить меня быстрой и успешной манере писать. Я принялась за это с восторгом и была вскоре в состоянии с успехом копировать некоторые картины в Эрмитаже. Зауервейд был обнаружен Папá в Дрездене. Он писал батальные сцены и копировал художников с таким совершенством, что потом многие эти копии были проданы как оригиналы.

Тут, кстати, хотелось бы коротко описать наших различных преподавателей.

Мосье Жилль, родом из Женевы, был нашим преподавателем истории. Он говорил не слишком приятно, зато писал очень отчетливым и ясным языком и требовал от нас, чтобы мы записывали его лекции, чем приучил нас к быстрому писанию. Все, чему он нас учил, было легко понять и хорошо запоминалось. Он обращал наше внимание на достойных примера людей или их поступки, будь то на поприще искусства, науки или исследований. Так, например, мы знали об Александре Гумбольдте и его приезде в Петербург, знали об исследователе Полярного Полюса капитане Россее и о фон Хаммеле, взошедшем первым на Монблан. Он приносил нам самые лучшие литографии, чтобы пробудить в нас интерес к дальним странам. Папá назначил его потом заведующим Библиотекой и хранителем Арсенала в Царском Селе ввиду того, что у него были также и большие познания в истории оружия. Как ученый, он заслужил благодаря своим трудам известную европейскую славу.

Наш преподаватель английского языка, Варранд, был истинным другом детей: веселый, подвижный желанием всегда нас баловать, всегда готовый дать свой урок в саду, он позволял нам в свободное время делать с ним, что нам было угодно. На все случаи жизни у него были свои поговорки. Он был очень чистенький и аккуратный. Так, например, он каждый раз мыл себе голову перед тем как выйти на прогулку, и случалось не раз, что, возвратясь, он не мог снять шляпы с головы, оттого что она примерзла. Он был прекрасным отцом и все его дети были отличными существами и преуспевали на своей службе.

Наш немецкий преподаватель назывался Оертль. Он был очень независим, но в высшей степени небрежен к своей особе. Еще сегодня я вспоминаю рисунок его вышитых подтяжек. Ногти его были всегда грязны, но система занятий — блестящая. Он постоянно заставлял нас не распускаться и вдавливал в своевольные головы наши ужасно трудные немецкие фразы, в которых до бесконечности нужно ждать глаголов.

Многому учил он нас по цветным картинкам, что нам нравилось и легче запоминалось. Но потом, когда мы перешли к изучению и чтению примеров из классической литературы, мы примирились с немецким языком. Я пробовала даже писать мой дневник по-немецки, но говорить я научилась только после моего замужества.

Курно — наш преподаватель французского языка — появился у нас, когда мне было пятнадцать лет. Анна Алексеевна, в своей постоянной заботе о том, чтобы развязать мне язык, обратилась к нему, который был знаменит своей системой преподавания, с просьбой научить меня передавать экспромтом мною слышанное или сочиненное. Вскоре он должен был отказаться от этого, уж слишком неспособной к этому я оказалась. Тогда он стал заставлять меня писать, считая, что я скорее могу добиться этого. После того как я закончила свое учение у него, мы стали истинными друзьями и читать и разговаривать с ним стало для меня искренним удовольствием. Я вспоминаю, как однажды Папá вошел ко мне и услышал, что мы читаем «Военная служба и ее значение» Альфреда де Виньи. Он слушал некоторое время очень внимательно, затем взял книгу себе и прочел ее с начала до конца. Мысль о воинском долге, которая была заложена в основу этой книги, настолько захватила его, что он был тронут почти до слез.

Наш русский преподаватель, Плетнев, был по духу очень тонок, почти женственно чуток и очень ценился современниками благодаря своей несколько самоуверенной критике. Он умел делать это наперекор всем принципам и теориям, только опираясь на незапятнанность и искренность своего существа. Все обыденное, плоское было чуждо ему. Его влияние на учащуюся молодежь в Петербурге было крайне плодотворно. Он открывал и бережно хранил такие таланты, как Гоголь, Майков и другие. С нами, детьми, он обращался так, как это надлежало педагогу. В Мэри он поддерживал ее воображение, Сашу — в доброте сердца, и всегда обращался с нами, подрастающими, как со взрослыми, когда надо было указать нам наш долг, наши обязанности, как в отношении Бога и людей, так и перед нами самими. Он бывал растроган до слез, когда говорил нам о надеждах, которые возлагает на нас и которые он хотел нам помочь осуществить. Из всех наших преподавателей он был тем, который особенно глубоко указывал и разъяснял нам ту цель жизни, к которой мы готовились. Несмотря на то, что он был очень посредственным педагогом, его влияние на наши души и умы было самым благодатным. Он умер в 1858 году в Париже, после долгой и мучительной болезни. Мэри, которая была в то время в Париже среди празднеств и балов при дворе Наполеона III, успевала навещать нашего старого друга, чтобы отплатить ему той же верностью и добротой, которую он питал к нам, детям.

Я уже упоминала, что он был другом и издателем Пушкина. Его письма, как и статьи, были очень известны и всеми читались, его имя связывали с духовными и политическими сдвигами нашей эпохи. Благодаря ему я поняла, какое направление приняли либеральные идеи декабристов. Папá знал свой народ и Россию как немногие. «Они должны чувствовать руку, которая ведет их», — было его словами. Управлять собой учатся не по теории. Нужно время, чтобы узнать свободу и суметь ее сохранить! Однако куда же я отвлеклась?..

Тимаев, наш преподаватель русской истории, был инспектором классов в Смольном. Он был педант и сухарь, каким неминуемо становится каждый, если он изо дня в день без всякого подъема проводит однообразную работу надзора за девятыюстами людьми (включая и педагогов). Он был единственным нашим преподавателем, который экзаменовал нас и наказывал, заставляя переписывать что-либо, за малейший проступок. Нужно было принести в жертву всю свою любовь к Отечеству, чтобы учить его уроки.

Арифметику нам преподавал Колленс, прекрасный человек, рано умерший и замененный Ленцом, нашим преподавателем физики, профессором Академии Наук и множества Университетов. В нем соединялись большие знания с добродушием, что можно часто найти в немецких ученых. Я была страстно увлечена химией и следила с большим интересом за опытами, которые производил некто Кеммерер, его помощник. Он показывал нам первые опыты электрической телеграфии, изобретателем которой был Якоби. Опыты эти в 1837 году вызывали глубочайшее изумление и в пользу их верили так же мало, как и в электрическое освещение. Уже в то время мы получили понятие о подводных снарядах, впоследствии торпедрах. Папá, интересовавшийся всем, что касалось достижений науки, приказал докладывать ему обо всем. Особо его интересовала техника гальванизации, столь необходимой для промышленности. Мой будущий зять, Макс Лейхтенбергский, впервые в 1842 году основал в Петербурге первый завод, строившийся под руководством французских специалистов. Он существует еще и сегодня под именем завода Шопена.

Все эти преподаватели занимались обучением только нас четырех старших. Науками Кости ведал Литке. Он выбрал ему в преподаватели некоего Гримма, рациональный метод которого принес очень хорошие плоды. Кости, имевший прекрасную память, вдали от своих летних развлечений на кораблях Балтийского

флота, приобрел очень большие познания в географии и математике, которые позволяли ему хорошо сдавать все экзамены. Благодаря своему пытливому уму и либеральным взглядам, не совсем обыденным для Зимнего Дворца, он проявил себя необычайно способным к усвоению всего делового, в то время как в обращении с людьми ему не хватало такта. Он обладал способностями государственного деятеля и его имя останется связанным с реформами, осуществленными в царствование Императора Александра II и проведенными в жизнь им. Литке умел окружить его замечательными людьми. Это он ввел к Кости Головина, который в течение тридцати лет был его правой рукой. В розысках способных людей ему удалось провести в Морское Министерство молодых людей, которые, как и он, стремились изгнать оттуда бюрократический дух. Этих молодых людей называли потом «Константиновичами» и все они играли более или менее значительную роль, как, например, Рейтерн в Министерстве Финансов, Набоков в управлении Польшей, Димитрий Оболенский в Таможенном Ведомстве, Димитрий Толстой в Министерстве Просвещения. Напомнить обо всем этом я хочу в тот момент, когда Кости, впавший в немилость у Императора Александра III, совершенно отошел от дел. Это было тяжелым ударом для всех либерально мыслящих, которые могли бы, опираясь на его помощь, восстановить равновесие между отсталыми кругами и передовыми консерваторами. Но, видно, было суждено иначе. Кости всегда был терпимым по отношению прессы, относился с презрением ко всем нападкам на свою особу и никогда на них не реагировал. Этим объясняется, что поползли подлые слухи об его причастии к заговорам нигилистов. Слухи эти никем не опровергались. Он считал это ниже своего достоинства. Такой взгляд на вещи, вызванный только его благородством, должен был быть понятен не только мне одной. К сожалению, это было не так.

В 1837 году Кости было только десять лет. Он был маленьким, немного согнутым, близоруким, отчего дядя Михаил прозвал его Эзопом. Живой и оживленный, он один производил больше шума, чем целая компания детей. Очень развитой для своего возраста, он сейчас же схватывал нить разговора и никогда не скучал в обществе взрослых. Но незанятый, он мог быть невозможен. На все у него всегда был ответ и его смешные гримасы выводили часто Мамá из терпения, и ей приходилось бранить его. Он был упрям, и Литке боролся с этим, постоянно его наказывая; но это не было

правильным способом вести его: если бы с ним обращались иначе, его натура могла сделаться великой. Он часто днями не разговаривал, таким обиженным и озлобленным чувствовал он себя тем воспитанием, которое применялось к нему, и в двадцать лет он решил жениться, только чтобы избавиться от ярма своего воспитания. Таким образом, прямо из детской он попал в мужа, безо всякого опыта, без того, чтобы изжить свою молодость или побыть в кругу своих сверстников, совершенно неспособный не только вести жену, но и себя самого. Он избавился от воспитательской деятельности Литке, с тем чтобы попасть под башмак своей очень красивой, но и очень изводящей Санни, урожденной принцессы Ангальт-Саксонской. Одна ее внешность привела его в восторг и вызвала в нем страстные чувства, он любил ее, вначале, совершенно идолопоклоннически, без того, чтобы замечать ее ограниченность. После двадцатилетнего брака у него вдруг открылись глаза, наступило разочарование и с ним несправедливость: она ведь была невиновна в тех иллюзиях, которые он делал себе и которые вдруг увяли. Их дальнейшая жизнь была несчастливой. Он бросился в работу и чем больше нужно было сделать, тем более он отвлекался от печальной действительности своей собственной жизни. Когда его терпению приходил конец, он уезжал в Кронштадт. Быть одному было его отдыхом и только музыка была способна снова восстановить равновесие его души. Каждую пятницу он играл в русском оркестре, под управлением Направника, на виолончели. Разучивались новые произведения, но, конечно, без публики. Раз в году, во время Великого поста, совместно с оперным хором, устраивались концерты, на которых исполнялись Оратории Бетховена, симфонии Шумана или новые, неизвестные еще произведения. На этих концертах присутствовало все, что в Петербурге любило музыку. Санни, в большом туалете, прекрасная, всеми восторженно встречаемая, принимала гостей. Кости же, не считаясь ни с кем и ни с чем, вел то в одной, то в другой нише свои особые разговоры. В тот же момент, когда начинался концерт, он бывал так захвачен музыкой, что никого и ничего для него больше не существовало. Эти концерты происходили в готическом зале с высоким сводчатым потолком. Находившийся там орган придавал залу вид часовни.

Несчастливый брак и другие шероховатости, повстречавшиеся на ее жизненном пути, углубили натуру Санни. В своем отчаянии она обратилась к Богу и религии. У нее есть прекрасные сто-

роны, доходящие иногда до смелого исполнения долга. Но ее характер остается переменчивым, порой даже вспыльчивым, что очень затрудняет сношение с ней. Мне самой удалось быть с ней, как и с тремя другими моими невестками, в прекрасных отношениях. Санни платила мне всегда полным доверием.

Кости много читал, любил общество ученых и иных умных людей, своей прекрасной памятью запоминал все и мог принимать участие в любом разговоре. Он занимался также изучением русского народного творчества и был в постоянных сношениях с Погодиным и другими москвичами, что многими истолковывалось как славянофильство и это было не чем иным, как попыткой посеять рознь между двумя братьями. Но Саша достаточно знал своих братьев, чтобы считать, будто кто-либо из них способен на оппозицию.

Но я все время уклоняюсь; впечатления мгновений увлекают меня и вызывают картины и воспоминания, которые не подчиняются никакой последовательности. Пора, наконец, опять поймать нить.

Итак, мы в 1837 году. Мама́ вернулась с Кавказа и мы уезжаем в Москву. Папа́ должен был следовать за нами позднее. Бенкендорф был нашим провожатым. Из-за серьезной болезни, которою он захворал, он не мог сопровождать Папа́ на Кавказ и был заменен Алексеем Орловым, как в коляске, так и во всех делах и поручениях.

Служба Бенкендорфа очень страдала от влияния, которое оказывала на него Амели Крюденер, кузина Мама́ (не смешивать с Юлианой фон-Крюденер, мистической писательницей, оказывавшей влияние на Императора Александра I во времена основания Священного Союза). Как во всех запоздалых увлечениях, было и в этом много трагического. Она пользовалась им холодно, расчетливо распоряжалась его особой, его деньгами, его связями, где и как только ей это казалось выгодным, — а он и не замечал этого. Странная женщина! Под добродушной внешностью, прелестной, часто забавной натурой, скрывалась хитрость самого высокого порядка. При первом знакомстве с ней даже мои родители подпали под ее очарование. Они подарили ей имение «Собственное» и, после своего замужества с Максом Лейхтенбергским, Мэри стала ее соседкой и они часто виделись.

Она была красива, с цветущим лицом и поставом головы, напоминавшим Великую Княгиню Елену, а правильностью черт

Мамá; родственное сходство было несомненным. (Она была кузиной Мамá через свою мать Принцессу Турн и Таксис.) Воспитывалась она в семье графа Лерхенфельда, где ее называли просто мадемуазель Амели. Без ее согласия ее выдали замуж за старого и неприятного человека. Она хотела вознаградить себя за это и окружила себя блестящим обществом, в котором она играла роль и могла повелевать. У нее и в самом деле были манеры и повадки настоящей гранд-дам. Дома у нее все было в прекрасном состоянии; уже по утрам она появлялась в элегантном неглиже, всегда занятая вышиванием для алтарей или же каким-нибудь шитьем для бедных. Она была замечательной чтицей. Если ее голос вначале и звучал несколько крикливо, то потом она захватывала своей передачей. Папá думал вначале, что мы приобретем в ней искреннего друга, но Мамá скоро раскусила ее. Ее прямой ум натолкнулся на непроницаемость этой особы и она всегда опасалась ее. Сэсиль Фредерикс и Амели Крюденер просто ненавидели друг друга и избегали встреч. Потом, когда ее отношения с Бенкендорфом стали очевидными, а также стали ясны католические интриги, которые она плела, Папá попробовал удалить ее без того, чтобы вызвать особенное внимание общества. Для ее мужа был найден пост посла в Стокгольме. В день, назначенный для отъезда, она захворала корью, требовавшей шестинедельного карантина. Конечным эффектом этой кори был Николай Адлерберг, в настоящее время секретарь посольства в Лондоне. Нике Адлерберг, отец, взял ребенка к себе, воспитал его и дал ему свое имя, но, правда, только после того, как Амели стала его женой. — Теперь еще, в 76 лет, несмотря на очки и табакерку, она все еще хороша собой, весела, спокойна и всеми уважаема и играет то, что она всегда хотела, — большую роль в Гельсинфорсе.

Но вернемся опять к Москве. Нас свезли к жене старого генерал-губернатора князя Димитрия Голицина, к которой мои родители были очень расположены. Она встретила нас любезно, мы чувствовали себя хорошо у нее. Мамá брала нас с собой, когда навещала приюты, институты, школы и монастыри. Только в госпиталья нас не брали. После приезда Папá мы жили в Малом Дворце, бывшем местожительстве Патриарха, граничившем с Чудовым монастырем, где покоятся мощи Святого Алексея. В этом Дворце за 20 лет до этого появился на свет Саша. Было принято сейчас же по прибытии ехать поклониться мощам и один из постоянно там молящихся шести монахов поднимал

крышку гроба. Женщины, за исключением Особ Императорской Фамилии, не смели стоять подле гроба, а должны были молиться в боковой часовне.

Во время утренней молитвы, большой колокол Ивана Великого возвестил Москве прибытие Государя. Он звонил только по большим церковным праздникам, к Коронации или прибытию Императора. Народ стремился со всех концов к Кремлю и в 11 часов утра вся большая площадь была запружена. Папá появился пешком, сопровождаемый только Сашей. Толпа расступилась перед ним, безо всякого вмешательства полиции. Мы с Мамá следовали за ними в экипаже. При входе в Успенский Собор, нас встретил кратким словом Митрополит Филарет, окруженный московским духовенством. Потом запел хор. Блеск и пышность былых времен смешались, в этот миг, в этом пении с возвышенными чувствами благоговения и любви, наполнившими наши сердца. После этого мы в Соборе преклоняли колена перед иконами и гробницами Святителей Петра, Ионы и Филиппа, затем шествие следовало в Архангельский Собор, чтобы поклониться гробницам предков, оттуда в церковь Благовещения и затем к Красному Крыльцу, где мы поднимались по лестнице. На первой площадке Их Величества поворачивались, чтобы поклониться толпе, отвечавшей бурными приветствиями. Русский народ всегда питал к своему Государю и его семье чувства, граничившие с обожанием.

Папá радовало то обстоятельство, что его любили в народе за его справедливость и энергию. То уважение, которое он внушал, исходило главным образом от его взгляда, который могли переносить только люди с чистой совестью. Все искусственное, все наигранное рушилось и всегда удавалось этому взгляду торжествовать надо всем ему враждебным.

Папá стоял как часовой на своем посту. Господь поставил его туда, один Господь был в состоянии отозвать его оттуда и мысль об отречении была немыслимой в его представлении о чувстве долга. В то время он был на высоте своей власти и его влияние на окружающих казалось неисчерпаемым. Позднее, когда он узнал, что существуют границы даже для самодержавного Монарха и что результаты тридцатилетних трудов и жертвенных усилий принесли только очень посредственные плоды, его восторг и рвение уступили место безграничной грусти. Но мужество устоять дальше никогда не оставляло его, он был слишком верующим, чтобы предаться унынию; но он понял, как ничтожен

человек. Как часто он говорил нам в это время: «Когда меня не будет больше, молитесь обо мне».

Во время нашего посещения Москвы мы осмотрели также Грановитую Палату, одно из старейших зданий города. Мы проходили через все покои, через бесчисленные часовни этого старого дворца, и Папá поднимался с нами в терема, где в свое время жили царицы, и которые реставрировались теперь в том русско-византийском стиле, который восстановил художник Солнцев.

Восхищенный этой первой пробой, Папá решил построить на месте дворца, созданного во времена царствования Императрицы Екатерины и не носившего ни малейшего народного характера, новую постройку, большую и прекрасную, для того, чтобы она могла служить для будущих празднований коронаций. Каждый заботился о городе. Он построил целый ряд прекрасных колодцев с чистой водой, которая с громадными затратами проводилась издалека. Промышленность, начинавшая развиваться, пробовала торговать своими товарами. Папá всячески поддерживал промышленников, как, например, некоего Рогожина, который изготовлял тафту и бархат. Ему мы обязаны своими первыми бархатными платьями, которые мы одевали по воскресеньям в церковь. Это праздничное одеяние состояло из муслиновой юбки и бархатного корсажа фиолетового цвета. К нему мы надевали нитку жемчуга с кистью, подарок шаха Персидского. Почти всегда мы, сестры, были одинаково одеты, только Мэри разрешено было еще прикалывать цветы.

В Москве мне пришлось принять участие в некоторых балах и торжественных обедах, без особой на то охоты, я всегда этого боялась, так как Папá очень следил за тем, чтобы мы все проделывали неспешно, степенно, постоянно показывая нам, как надо ходить, кланяться и делать реверанс. Мы могли танцевать только с генералами и адъютантами. Генералы всегда были немолоды, а адъютанты — прекрасные солдаты, а потому плохие танцоры. Перед мазуркой меня отсылали спать. Об удовольствии не могло быть и речи.

Когда давался торжественный обед, за маленьким столом на двенадцать приборов говорил только один Папá. Он рассказывал о поездках или иных воспоминаниях, был весел, шутил или даже говорил двусмысленности. Когда он говорил о серьезных вещах, его речь захватывала, как это часто бывает у людей, которые живо воспринимают и действительно убеждены в том, что они говорят. После обеда, он стоял у камина и разговаривал с

генералами о военных делах: вспоминал Бородино, Лейпциг, вступление в Париж. Мама́ сидела в кругу прочих гостей. Там были очень оживленные разговоры, особенно если при этом был Серж Строганов, скрывавший под серьезной внешностью веселый темперамент и пользовавшийся большим расположением дам. По вечерам занимались музыкой или же смотрели, как светские артисты играли на сцене. Однажды даже давали «Севильского цирюльника» и все очень хорошо играли. Почин к этому исходил по большей части от Мама́ и тети Елены или прежних придворных дам, ставших москвичками, но сохранивших еще их прежний подъем и умевших занимать Папа.

Несмотря на мою светскую жизнь, я все еще оставалась ребенком и сейчас еще вспоминаю те шалости, которые я придумывала тогда. Особенно запомнился мне один случай. Анна Алексеевна обещала своим племянницам привести их во дворец. Немного взволнованные предстоящим представлением Великой Княжны, которая была в их возрасте, они воображали себе этот визит очень торжественным. Адини и я сложили целую гору подушек. Задрапированные пестрыми платками с лентами из Торжка, обмотанными вокруг голов, мы сели по-турецки наверх подушек, вооружившись киями от бильярда вместо табачных трубок. Дверь отворилась — полнейший конфуз! Затем взрывы хохота, киданье подушками — так произошло знакомство. Но Анна Алексеевна была очень долго огорчена таким недостойным представлением.

Занятий в эти недели, кроме музыки и чтения, у нас не было. Вместе с Мэри мы читали вслух книгу Мадам де Сталь о Германии. С Кости, который не только имел «Историю России», но и хорошо знал ее, мы посещали Оружейную Палату, монастыри и музеи. Он был прекрасным чичероне и поражал всех своими меткими вопросами и замечаниями. При этом он также шалил, примерял сапоги Петра Великого, садился на трон Ивана Грозного и надел бы на себя и шапку Владимира Мономаха, если бы ему не помешал Литке. Мы присутствовали при облачении Макария Булгакова (1816—1883), известного знатока церковной истории, Митрополита Московского, который был ректором Духовной Академии в Петербурге. Филарет, который возлагал на него большие надежды, принимал участие в этой церемонии.

Адини не могла сопровождать нас, у нее болела нога, и ей пришлось пролежать все время нашего пребывания в Москве на шезлонге. Днем ее носили по нашей потайной лестнице наверх к Мама́

и она принимала участие в разучивании духовных песен, которое выдумал Папá, с тех пор как узнал от Филарета, что Петр Великий пел в хоре. Наша часовня была сейчас же под комнатами родителей, туалетная Мамá даже сообщалась с хорами. Папá, Саша, Мэри и Адини, у которой было прекрасное сопрано, а также Анна Алексеевна и еще некоторые пели всю обедню. Алексей Львов сочинил для них песнопения, между ними «Отче Наш» и чудесную «Херувимскую», специально для Адини. По воскресеньям, перед обедней, все собирались, чтобы прорепетировать, если нужно было петь новые песнопения Празднику, а главное, прокимен, который имел на все 52 недели года для каждого воскресенья свое собственное название и молитву. У Папá стало с тех пор привычкой узнавать прокимен для следующего воскресенья заранее. Его глаза встречались с нашими, когда пели этот прокимен, и Саша, потом, в память этого, делал то же, если присутствовал кто-либо из нас, певцов тогдашнего доброго времени.

При воспоминаниях о Москве я не могу забыть князя Сергея Михайловича Головина, богатого холостяка, имевшего прекрасную картинную галерею и массу бедных родственников, заполнявших его дом доверху: сестер, племянниц, подруг этих племянниц, бывших слуг с их семьями, служившими часто по три поколения его семье. Его стол был всегда накрыт на 50 персон. Об этом существовал анекдот: тридцать лет подряд появлялся в обеденный час у него человек, исчезающий сейчас же после десерта. В один прекрасный день его место осталось незанятым. Куда он девался? Никто не мог ответить на это. Кто такой он был? И этого никто не мог сказать. Тогда стали узнавать, куда он делся, и выяснилось, что он умер ночью после своего последнего появления на обеде. Тогда только узнали его имя. Это очень показательно для беспечной патриархальной жизни прежней России. Императрица Екатерина гостила в этом дворце Голицыных, в то время как перестраивался Кремль. Кресло, на котором она сидела, и письменный стол, за которым она писала, хранились особо и с большим почетом.

Прежде чем мы покинули Москву, у Мэри явилась блестящая мысль, чтобы мы, сестры, из собственных сбережений, по примеру наших предков, учредили какой-либо общественный фонд; начальные училища для девочек оказались необходимыми. Был учрежден Дамский Комитет, пожертвования со стороны предпринимателей и купцов не заставили себя ждать, так что в те-

чение только одного года были учреждены 12 школ в разных частях города, которые назывались «Отечественные Школы» и прекрасно работали.

Седьмого декабря, после Дня Рождения Папá, прекрасным зимним днем, мы покинули Москву. Утром было только 5 градусов мороза, вечером, в Твери, уже 15 и на следующее утро 20 градусов. Люди смазывали лица гусиным жиром, чтобы не отморозить нос и уши. Мы были плотно закутаны в шубы, в теплых валенках до колена и ноги в меховом мешке. Мэри, которой стало дурно от этого закутывания, должна была пересест в другой возок, где опускались окна. Ее место в возке Мама́ заняла Анна Алексеевна; мы весь день напролет пели каноны и русские песни, музыкальный репертуар Анны Алексеевны был неисчерпаем.

На станциях крестьяне приносили нам красные яблоки и бананки. Анна Алексеевна разговаривала с ними, зная благодаря своей долгой жизни в деревне, что их интересовало и заботило.

Мама́ очень одобряла это, ввиду того, что сама недостаточно хорошо говорила по-русски.

Десятого декабря мы прибыли в Петербург. 17-го декабря был пожар в Зимнем Дворце. Это было вечером. У нас была зажжена по обыкновению елка в Малом зале, где мы одаривали друг друга мелочами, купленными на наши карманные деньги. Родители были в театре, где давали «Бог и баядерка» с Талиони. В половине десятого, когда мы как раз собирались ложиться спать, Папá неожиданно появился у нас с каской на голове и с саблей, вынутой из ножен. «Одевайтесь скорей, вы едете в Аничков», сказал он поспешно. В то же время взволнованный камер-лакей застучал в дверь и закричал: «Горит!.. горит!..» Мы раздвинули портьеры и увидели, что как раз против нас, клубы дыма и пламени вырываются из Петровского зала. В несколько минут мы оделись и сани были поданы. Я еще побежала в мою классную, чтобы бросить прощальный взгляд на все, что мне было дорого. С собою я захватила фарфоровую собаку, которую спрятала в шубу, и бросилась на улицу. Там меня впихнули в сани вместе с маленькими братьями и мы понеслись в Аничков. Нас устроили там наспех, где придется. О том, чтобы спать, не могло быть и речи. Между часом и двумя приехала Мама́ и рассказала, что есть надежда спасти флигель с покоями Их Величества. Когда Мама́ приехала из театра, ей сказали, что мы в безопасности. Тогда она сейчас же прошла к несчастной Софи Кутузовой (дочь Петербург-

ского генерал-губернатора, которая была очень слаба после несчастного случая) и очень осторожно сказала ей, что ей придется переехать. Она оставалась при ней, пока та перенесла вызванный этой новостью нервный припадок и не оставила ее, пока при ней был доктор. Только после этого, она прошла к себе, где Папá уже распорядился всем. Книги и бумаги запаковывались и старая камерфрау Клюгель заботилась о том, чтобы не оставить безделушек и драгоценностей. Отсюда Мама́ поехала к Нессельродэ, где был приемный день и где весь петербургский свет столпился у окон, чтобы видеть пламя пожара.

Когда я поднялась утром, в Аничковом, наверх к Мэри, она сидела за кофе, перед ней в вазе, как обычно, ее воскресный букет: белая камелия, несколько ландышей и вереск. Розетти, бывший камер-паж, теперь офицер Преображенского полка, принес эти цветы вместе с лорнеткой, бриллиантовыми брошками и другими мелочами, которые лежали на подзеркальнике ее туалетной. Он знал все ее привычки и трогательно позаботился о том, чтобы все было на месте при ее пробуждении. Папá всю ночь пробыл на пожаре. Утром нам сказали, что сгорел весь Дворец. В обещенное время мы поехали к нему и увидели, что огонь вырывается вдоль крыши, как раз над комнатами Папá. Окна лопнули и посреди пламени виден был темный силуэт статуи Мама́, единственной вещи, которую не могли спасти, так как она придерживалась железной скобой, замурованной в стене.

Когда Папá в театре узнал о пожаре, он сначала подумал, что горит на нашей половине, а он всегда был против елок. Когда же он увидел размер пожара, он сейчас же понял опасность. Со своим никогда не изменявшим ему присутствием духа, он вызвал Преображенский полк, казармы которого расположены ближе всех к Зимнему дворцу, чтобы они помогли дворцовым служащим спасти картины из галерей. Великому Князю Михаилу Павловичу он отдал распоряжение следить за Эрмитажем и, чтобы уберечь последний, в несколько часов была сооружена стена, единственное, что можно было сделать, чтобы спасти сокровища, так как нельзя было и думать о том, чтобы выносить их.

В это время пришло известие о другом пожаре, в отдаленной части города. Папá послал туда Сашу с частью пожарных, чтобы немедленно помочь несчастным. В это время уже прибывали полки из других казарм. Пришлось поставить заставы, чтобы сдерживать толпу. Папá сам назначил генералов, которые должны были в

разных этажах и квартирах следить за спасением инвентаря. В необычайном порядке, безо всякой спешки, как будто речь шла о переезде, солдаты опустошили один за другим все помещения от мебели, ковров и картин и превосходили себя в проявлениях доблести и ловкости при переноске тяжелых вещей. Можно было бы до бесконечности рассказывать об этом, так же как и о многом смешном и трогательном, но это завело бы нас в дебри.

Мы опять оказались сбитыми в тесную кучу, в любимом гнезде нашего детства, Аничковом Дворце. Это был счастливейший период моей юности. Мы жили как в русской поговорке: в тесноте да не в обиде. Теснота делала совместную жизнь более интимной, чем в Зимнем дворце, где квартиры были разделены громадными коридорами. Там невозможно было между двумя уроками быстро пожелать друг другу доброго утра, в то время как следующий преподаватель уже ждал с уроком. И так было во всем.

Мэри выбрала себе единственную солнечную комнату, бывшую детскую столовую. Она так устроила ее, что она служила ей одновременно и кабинетом, и гостиной, и спальней. Низи и Миша, два неразлучных, получили нашу бывшую детскую, тогда как Адини и я получили разные комнаты, потому что я, как пятнадцатилетняя, теперь ложилась позднее. Моя рабочая комната имела окно на площадь, откуда было видно, как проезжал мимо весь Большой Свет. Конечно, эта комната стала сборным пунктом для всей семьи. В обеденное время проезжали домой чиновники из своих управлений. Около двух часов выезжал цвет молодежи, мы любовались выездами и лошадьми и обсуждали всякую мелочь.

К Рождеству я получила свою первую обстановку: письменный стол с креслом (оно еще существует до сих пор; это то, что мой муж употребляет в своей туалетной и подобные которому он заказал для всех своих комнат). Драпировка отделяла мой кабинет от рабочей комнаты. Перед столом была стоячая лампа под розовым абажуром. В одном из углов висела картина, которую я получила тогда ко дню рождения: старик в белом одеянии с красным крестом Крестonosца. Под этой картиной стоял аналой с крестом и Евангелием. Здесь мы все исповедывались, и Мэри не могла видеть головы старца без того, чтобы не вспомнить всех грехов, в которых она каялась под пристальным взглядом картины.

Папá положил, чтобы на наш стол употреблялись 25 серебряных рублей: одно блюдо на завтрак, четыре блюда в обед в три часа и два на ужин в восемь часов. По воскресеньям на одно блюдо

больше, но ни конфет, ни мороженого. Для освещения наших рабочих комнат полагалось каждой по две лампы и шесть свечей, две на рабочий стол, две воспитательнице и две на рояль. Каждая из нас имела камердинера, двух лакеев и двух истопников. Общий Гофмейстер следил за служащими, к которым причислялись два верховых для поручений. У Мадам Барановой, кроме того, был еще писарь для бухгалтерии. К тому же, у каждой из нас был свой кучер. Мой Усачев умер в 1837 году и был заменен Шашиным, который сопровождал меня в Штуттарт. Прекрасный человек, прослуживший мне 37 лет и умерший в 1873 году. Я посещала его во время болезни; ему ампутировали обе ноги, но он все еще был весел и встречал меня всегда своей всегдашней доброй улыбкой и благословлял меня. Никогда и ни в чем я не могла упрекнуть его. Единственное, что ему ставилось в Штуттарте в минус, было то, что он давал слишком много овса своим русским лошадям.

Наши преподаватели получали 300 серебряных рублей в год и должны были получать эту же сумму пожизненно, как пенсию. Для нашего гардероба было ассигновано 300 рублей до нашего пятнадцатилетия, что нам никогда бы не хватило, если бы Мама не помогала нам подарками на Рождество и в Дни Рождений.

На милостыню были предназначены 5000 рублей серебром в год. Остальное из наших доходов откладывалось, чтобы создать для нас капитал. Каждый год Папа проверял наши расходы. После его смерти наш капитал стал употребляться для уделов.

Комнаты родителей, в этаже над нами, остались теми же, что прежде. После, когда теперь покойный Цесаревич Нике, получил Аничков, он все переделал и это отсутствие уважения к традициям оскорбило меня. Сашка же и Минни (Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна), напротив, относились с уважением к Петергофскому Дворцу, что делает честь их уму и сердцу. Может быть, будет небезынтересно для истории, если я дам краткое описание комнат наших родителей в Аничковом, как они были обставлены во вкусе 1817 года.

Спальня была обита голубым голландским бархатом, вся мебель во вкусе Ампира позолочена.

Туалетная — белая, без ковра, с лепными украшениями на стенах и потолке. Громадное зеркало на подставках из ляписа занимало целую стену. Оно было еще со времен Императрицы Екатерины Великой. Перед камином стоял туалетный стол. Широкий диван стоял над опущенной в пол ванной. Кроме это-

го, только несколько шкафов красного дерева и на стенах картины маслом, изображавшие членов Прусского Дома.

Кабинет был обит зеленым, потолок представлял небо в звездах с двенадцатью женскими фигурами, символами месяцев года. Двойной письменный стол, носивший шутовское название «двухспального», перед ним кресло, у камина второе для Папá и ширма, украшенная сценами из «Илиады». На окнах решетки, увитые плющом. Громадная печь, похожая своей формой на саркофаг, уставленная вазами, лампами и статуэтками. Я не знаю, было ли это красиво, но нам все нравилось и никогда я больше этого не видела. Затем еще рояль, этажерки, уставленные раскрашенными чашками (самый изысканный подарок того времени), маленькими античными вазочками и безделушками. Прекрасные старые и новые картины висели по стенам. Мою любимую картину «Святое Семейство» Франция, к моей большой радости, я увидела потом, в салоне Минни, стоящей на мольберте. Я не помню, что стало с обеими картинами Греза: девушкой, смотрящей в зеркало, и другой — с девушкой, играющей на флейте.

Будуар был очень мал, в нем помещался один диван и письменный стол, покрытый альбомами. Это было все. Сюда Мама́ приходила в часы, когда хотела быть одна перед Причастием, здесь велись родителями интимные разговоры и здесь же, перед прекрасным бюстом Королевы Луизы (Рауха), нас благословляли перед свадьбой. 10 марта, в день рождения ее матери, Мама́ украшала этот бюст венком из свежих цветов. Над письменным столом висели два ангела Сикстинской Мадонны, голова Христа, написанная мадемуазель Вильдермут (швейцаркой, гувернанткой Мама́), два портреты — Саши и Мэри акварелью, затем рисунок солдата-гвардейца, написанный Папá на дереве, и кое-что, священное по воспоминаниям, совершенно независимо от художественной ценности. Сидя на ковре, мы читали в этом маленьком будуаре, особенно в Великом Посту, английскую детскую повесть об «Анне Росс», маленькой верующей девочке, умершей ребенком, и, каждый раз как рассказ приближался к развязке, мы плакали горькими слезами.

Затем надо упомянуть библиотеку с простыми шкафами, затянутыми серой тафтой.

Туалетная Папá — такая крошечная, что в ней с трудом могли передвигаться три человека, стены увешанные военными сценами и английскими карикатурами. Библиотека Папá была устрое-

на так же, как библиотека Мама́, с той только разницей, что в ней над шкафами висели портреты генералов, с которыми он вместе служил. И наконец кабинет Папа́ — светлое, приветливое помещение с четырьмя окнами, два с видом на площадь, два — во двор. В нем стояли три стола, один — для работы с министрами, другой — для собственных работ и третий, который был покрыт планами и моделями, служил для военных целей. Низкие шкафы стояли вдоль стен, в них хранились документы семейного архива, мемуары, секретные бумаги. Под стеклянным колпаком лежали каска и шпага генерала Милорадовича, убитого во время бунта Декабристов 14 декабря. Затем еще портрет принца Евгения Богарнэ, рыцарский характер которого нравился Папа́, как пример верности, не пошатнувшейся даже в несчастии. Когда Папа́ страдал головной болью, в кабинете ставилась походная кровать, все шторы опускались, и он ложился прикрытый только своей шинелью. Никто не смел тогда войти, покуда он не позвонит. Это длилось обычно двенадцать часов подряд. Когда он вновь появлялся, только по его бледности видно было, как он страдал, так как жаловаться было не в его характере. Хотелось ли ему несколько рассеяться между работой, он вызывал к себе Орлова или Эдуарда Адлерберга. Орлов был брат Жюли Барановой и товарищ его детских игр. Его вид был мне знаком с детства, но, в конце концов, я совершенно его не знала, никогда не обменялась с ним ничем, кроме самых банальных слов.

Он выглядел очень молодцевато, был затянут, как во времена Императора Александра I, напудрен и подтянут. Он очень тяготился своей женой, которая была набожной плаксой, он же любил ухаживать. В конце концов он кончил тем, что попал в руки известной кокотки, расточавшей милости от его имени. Последняя очень вредила ему, лично же — он был безупречен. Папа́ очень ценил его, так как он был прекрасным и понятливым работником. Мама́ же его недолюбливала. Имя Орлова останется неразрывным с царствованием Папа́. Всегда добродушный, всегда благодушный, он был желанным гостем у нас. Папа́ постоянно дразнил его и называл «*mauvais sujet*»¹. Часто приходилось искать его, по крайней мере полчаса, прежде чем сесть за стол. Заботу о собственном доме он предоставил своей жене. Он явно предпочитал наш дом своему собственному, не испытывая при этом никаких угрызений совес-

¹ «плохой подданный» (фр.).

ти. Орлов принадлежал к тому типу русского человека, который сам по себе полон противоречий. Временами он мог совершенно распускаться, не одевался по целым дням, ходил в старых ночных туфлях, не брал в руки ни книги для чтения, ни одной бумаги. Но, если дело шло о каком-нибудь поручении, которое давалось ему, — его старание и умение тонко вести самые сложные переговоры не знали себе равных. Во всех положениях он сохранял свободу своего ума, мужество и твердость, при этом не был ни дипломатом, ни солдатом. Он обладал тем, что отмечает русского человека — «готов ко всему, чего потребует Царь»..»

1842 год

Зима была мягкой и Мама́ чувствовала себя достаточно окрепшей, чтобы навещать, как обычно, женские школы и институты. Я всюду сопровождала ее; мы шли в классы, присутствовали при обеде детей, сидели за их столами, смотрели все помещения и гладили маленьких, которые бежали нам навстречу, чтобы сделать перед нами свой лучший реверанс. С нашего пятнадцатилетия мы, сестры, были членами Отечественных школ, которые были расположены в каждом квартале. Та, которая подчинялась мне, была на Литейном. Там учили читать, писать, Закону Божьему, но главным образом шить и вышивать. Моя школа изготовляла, благодаря своей начальнице, самые красивые работы и все наше приданое шилось там. Дамы общества почитали за честь быть в членах правления этой школы и много денег стекалось в нее благодаря этому обстоятельству.

После долгого ожидания этой зимой выяснилось, что Мари ждет ребенка. Благоразумная во всем, она и тут не предалась ничегонеделанию или капризам, свойственным женщинам в ее положении. Ежедневно она приходила к Мама́ во время завтрака, этого такого приветливого и любимого нами часа, в который прибегали туда между двумя уроками и маленькие братья, а также приходили Папа́ и Саша, чтобы поболтать с нами, между разговорами с министрами. Мари проводила все утро у Мама́ или же спускалась ко мне, чтобы взять русский урок у Анны Алексеевны. У меня больше не было уроков, кроме нескольких часов русского и французского чтения у Плетнева и Курно. Я много писала маслом и копировала этой зимой картину для дяди Михаила: французского гренадера в меховой шапке, работы Ораса Берне.

Карнавал этой зимой был очень оживленным. Каждое воскресенье были танцы с играми в Малахитовом Зале, между ними «déjeuners dansants»¹ или костюмированные балы в Михайловском Дворце у тети Елены. Мне никогда не нравились костюмированные вечера. Как утомительны и скучны приготовления к ним! Одно разучивание танцев, которые показываются на них и которые часто превосходят прирожденные талант и грацию!

В конце зимы, когда мы сидели в одно прекрасное утро спокойно у Мама́, занятые чтением вслух и рукоделием, послышались вдруг шаги Папа́, в неурочное время. Затянутый в мундир он вошел с серьезным лицом. «Благослови меня, жена, — сказал он Мама́. — Я стою перед самым значительным актом своего царствования. Сейчас я предложу в Государственном Совете план, представляющий собой первый шаг к освобождению крестьян». Это был указ для так называемых оброчных крестьян, по которому крепостные лично освобождались, поскольку они служили у частных помещиков, но должны были продолжать служить этому помещику дальше. К такому освобождению приглашались помещики, провести же его в жизнь предоставлялось им самим.

Князь Михаил Воронцов (Кавказский Наместник) был первым и единственным, последовавшим этому призыву. Он пробовал было провести его в одном из своих имений в Петербургской губернии, но встретил столько препятствий со стороны местных учреждений, шедших вразрез с целью призыва, что почти сожалел о своем шаге. Когда Воронцов пожаловался на это Киселеву, он услышал в ответ: «Что вы хотите! Мы еще варвары». Таким образом указ остался невыполненным, что было для Папа́ горчайшим разочарованием. Когда в 1854 году началась Крымская война, он сказал Саше: «Я не доживу до осуществления моей мечты; твоим делом будет ее закончить».

В эти годы, когда пароходное сообщение из Кронштадта в Любек или Штеттин так облегчило путешествие, стало все больше и больше входить в моду часто ездить за границу. «У русских все еще кочевая кровь в жилах», — заметил Киселев. Париж стал землей обетованной для всех, кто искал развлечений. Летом же это был Баден-Баден. Папа́ пробовал умерить этот «путешественный пыл», наложив на паспорта пошлину; освобождены от нее были только те, кто предпринимал путешествие по докторскому предписанию.

¹ «завтраки с танцами» (фр.).

Все богатые люди добывали себе паспорта и медицинские свидетельства с легкостью, бедным же не оставалось ничего другого, как принимать ванны в Старой Руссе под Новгородом. Папá надеялся, что открытые в то время ключи Пятигорска на Кавказе станут вскоре местом сборищ элегантного русского общества.

Для офицеров гвардии и других молодых людей стало обычаем принимать участие в войне против кавказских народностей и добывать себе лавры, вплоть до Георгиевского креста. Все дамы, — к которым я причисляла и себя, — были от них в восторге и считали героями. Кавказские стихи Пушкина и Лермонтова были у меня в крови, а мои глаза восхищала красочная форма Нижегородских драгун с казачьими шароварами и газырями на груди. Волна добровольцев на эту войну была так велика, что выбор решал жребий. Почти все друзья Саши принимали в ней временами участие. Эта война стоила многих человеческих жертв, но вперед не подвигалась. Неизвестно было, которая из войн, французов в Алжире или наша на Кавказе, будет скорее закончена. С волнением слушала я рассказы генералов ф. Анрепа или Граббе, когда они говорили о своих приключениях в Кавказских горах или об обычаях тамошних народностей. Верность кунаков, которая спасла жизнь не одному храбрецу, была непоколебима; жизнь того, кто хоть раз побывал в доме горца и был его гостем, считалась священной.

Но вернусь к событиям того года. Начались приготовления к серебряной свадьбе наших родителей. Уже в июне прибыли дядя Вильгельм Прусский, кузен Генрих Нидерландский и наша горячо любимая тетя Луиза со своим мужем. Они все жили в недавно выстроенных готических домах, которые были расположены между Летним Дворцом и Большим Дворцом и которые назывались Готическими. Приехали еще Герцоги Евгений и Адам Вюртембергские, друзья юности Папá, а также Эрцгерцог Карл-Фердинанд. Наконец, накануне 13-го июля орудия Кронштадта возвестили прибытие Короля Фридриха-Вильгельма IV, визит которого ожидался, но не было уверенности в том, что он состоится.

Официальные приемы, весь необходимый торжественный церемониал брали массу времени, отчего мы совершенно не принадлежали больше себе. Папá, который любил семейные торжества без свидетелей, устроил так, что накануне торжества вся семья, без придворных, в самом тесном кругу собралась вместе. Тут он появился со своими подарками для Мама́, со шляпой в

каждой руке, третья на голове, футляр во рту, другой под пуговицами его мундира, за ним следовала камерфрау с платьями на руках, чудесными туалетами, подобных которым мы еще не видели. Для Мама́ ему самое прекрасное никогда не было достаточно хорошо, в то время как он сам не позволял дарить себе ничего, кроме носовых платков и время от времени мы баловали его каким-нибудь оружием, которое он неизменно передавал в Арсенал. От нас, детей, он любил принимать собственноручно нарисованные картины, но никогда ни предмет роскоши, ни кольцо, ни бумажник, ничего для своего письменного стола или, например, более удобный рабочий стул. Случалось, что он засыпал у Мама́ на какие-нибудь десять минут в ее удобных креслах, когда заходил к ней, между двумя утренними конференциями, в то время как она одевалась. Такой короткий отдых был достаточен для того, чтобы сделать его снова работоспособным и свежим. После смерти Адини все это сразу изменилось и его энергия ослабела.

Утром торжественного дня Мама́ проснулась под звуки трубачей Кавалергардского полка, которые играли ей «Лендлер» Кунцендорфа, вещь, которую она часто слышала еще девочкой в Силезии. Затем был семейный завтрак, к которому каждый принес свое подношение: братья и сестры из Пруссии — серебряную люстру в 25 свечей и глиняные молочники из Бунцлау в Силезии. Мы, семеро детей, поднесли Мама́ накануне браслет с семью сердечками из драгоценных камней, которые составляли слово «respect»¹. От Папа́ она получила ожерелье из 25 отборных бриллиантов. Каждой из нас, сестер, он подарил по браслету из синей эмали со словом «bonheur»² в цветных камнях, которые отделялись друг от друга жемчужинами. «Такова жизнь, — сказал он, — радость вперемешку со слезами. Эти браслеты вы должны носить на всех семейных торжествах». Свой браслет я с любовью берегу до сегодняшнего дня и передам его своим наследникам как реликвию.

Папа́, растроганный и благодарный за все счастливые годы совместной жизни с Мама́, благословил нас перед образами Святых. «Дай вам Бог в один прекрасный день пережить то же, что и я, и старайтесь походить на вашу Мать!»

¹ «почтение» (фр.).

² «счастье» (фр.).

Затем последовал торжественный выход в церковь Большого Дворца; Мама́ в вышитом серебром платье, украшенная белыми и розовыми розами, мы все с гвоздиками. После службы, на балконе, был прием поздравителей. Погода сияла. Было отрадно видеть, сколько поздравлений и приветствий было принесено нашим родителям.

Присутствие Короля Пруссии еще больше подчеркивало торжественность церемоний, но отнюдь не означало ничего приятного. Папа́ особенно старался угодить ему и оба друг перед другом соперничали в любезностях. Король, совершенно не имевший благородной осанки своего отца, из-за сильной близорукости неохотно садился на лошадь, быстро уставал от торжеств и парадов и предпочитал им иные интересы. Он так и не нашел точек соприкосновения с Папа́. В политических вопросах, несмотря на взаимное уважение друг к другу, у них были очень разные взгляды. К тому же многочисленная прусская свита вела себя так высокомерно, что не заслужила ни симпатий, ни уважения. Мама́ и генерал фон Раух (прусский военный атташе в Петербурге) должны были постоянно сглаживать всякие недоразумения. К счастью, совместное пребывание было недолгим и мы, без сожаления, расстались с прусскими гостями.

Совершенно иными были отношения с дядей Вильгельмом, который после смерти своего отца носил титул Принца Прусского, что приравнивало его к титулу Кронпринца. Он очень походил на Мама́. Как и она, относился он к людям благожелательно, что облегчало отношения и заставляло каждого чувствовать себя с ним свободно. Духовно он очень уступал Королю и не был ни в какой степени значительным, но был хорошо образован и его политические взгляды походили на взгляды Папа́, он терпеть не мог ничего неискреннего. Солдат до мозга костей, он страстно любил поездки в Красное Село, маневры, учения. Во время военных игр он был прекрасным судьей и его советы в военных вопросах очень ценились.

В 1817 году он сопровождал свою сестру, как невесту, в Петербург; в то время ему было 20 лет и с тех пор все его симпатии принадлежали России. Он часто приезжал в гости и пользовался расположением как дам, так и кавалеров. С дамами у него были галантно-дружеские отношения и он сохранял им трогательную верность; когда он в 1874 году, уже императором, приехал в Петербург, то навестил всех своих оставшихся в живых приятельниц. Он сохранил простоту, которая с юношеских лет

делала его таким обаятельным. Как грустно, что этот ясный портрет омрачен тенями 1866 года!

В политике, как и в картах, он походил на Папá. Они оба сейчас же играли с козырей и их девизом было: «Козыри вперед!» Оба они не любили тонкостей игры, видя в них что-то неблагоприятное. Нессельроде, канцлер и министр иностранных дел во время царствования Папá, был тем, кто как никто другой умел облечь в вежливую придворную форму то, что было резким в его выражениях или поступках. Он был одним из последних представителей блестящей эпохи, давшей таких способных людей, как Штейн, Талейран, Меттерних, которые в 1815 году могли создать растерзанным народам Европы новую базу существования. При Нессельроде было много блестящих дипломатов, почти все немецкого происхождения, как например, Мейендорф, Пален, Матусевич, Будберг, Брунов. Единственных русских среди них, Татищева и Севрина, он недолюбливал, как и Горчакова.

Что же касается Папá, то его сильное национальное чувство не знало разницы ни в именах, ни в народности. Он считался с способностями и характером, требовал уважения и допускал вольномыслие. Я уже упоминала в другом месте, что тем, кто был на его службе, он всецело доверял, даже если знал, что это не совсем основательно; он любил говорить, что выраженное внимание и уважение к людям, готовым впасть в соблазн, как протянутая рука, удерживает их от падения в пропасть. Но какое-то инстинктивное чувство всегда предупреждало его, если в самом деле была опасность. Он всегда говорил непринужденно, полный веры в поставленную цель. Ему не надо было ничего скрывать и он всегда следовал тому пути, который ему казался предначертанным. Немногие понимали его в его простоте и многие этим злоупотребляли. Но история оправдает его.

Эти размышления, конечно, не того времени. Мы жили изо дня в день, в развлечениях, и заботы о политике и управлении были вне нашей сферы. В 1842 году мне исполнилось двадцать лет. Во мне происходила большая перемена. В то время как за мной укрепилась репутация холодной натуры, мое сердце тосковало по любви, своему дому, детям. Когда я видела перед собой молодые семьи, главным образом Сашу, в его счастливом браке, построенном на взаимной любви и уважении друг к другу, я говорила себе, что для меня все кончено и я никогда не выйду замуж. Мари и Саша постоянно говорили мне, как они

счастливы иметь меня при себе и, несмотря на это, я постоянно впадала в отчаяние. Пустая жизнь, новые развлечения и внешнее веселие давно уже не удовлетворяли меня больше. Чтение, музыка, рисование были, в конце концов, тоже только времяпрепровождением. Я же чувствовала в себе совсем иную силу. Вскоре Господь услышал меня...

Но прежде чем закончить 1842-й год, я должна еще упомянуть о новом военном законе, который зародился в это время и о котором много говорилось. Дело было в том, что Папб непременно хотел облегчить участь солдат и дать крестьянам крепкие руки и свободный труд. Для этого он проектировал 25 лет службы, как их учредил Петр Великий, сбавить на 15. Ему отвечали, что свободному солдату не место подле крестьянина, ввиду того, что все земледелие зиждется на системе барщины, которой солдат никогда не подчинится. Папá сказал Саше: «Я могу умереть со дня на день; я не хочу тебя обременять делом, которое так затруднительно и неразрешено и которое к тому же тебе не по душе». Много обсуждали этот вопрос, пока наконец не пришли к заключению, что нужно образовать нечто вроде прусского ландвера. Ввиду наших аграрных условий это было преждевременным решением, которое было поводом к образованию пролетариата, до тех пор неизвестного в России. Никто не хотел брать ночным сторожем или на какое-нибудь ответственное место людей, которые каждый момент могли быть призваны. Громадные расстояния в нашей стране, потеря времени, которая была вызвана необходимыми формальностями, и многое другое сделали почти невозможным для этих отпущенных свободных людей найти себе службу.

Д. Н. Блудов

Завещание и последние дни жизни императора Николая I

*Духовное завещание почившего в Бозе Императора
Николая Павловича*

Оно писано, от начала до конца, собственною рукою государя еще в 1844 году (4-го Мая, в день Вознесения, как Он означал в конце акта под Своею подписью). Им означено также, что сие завещание есть черновое, но Он *просит* все исполнить по сей бумаге, если Он не успеет переписать ее набело.

...Заметим прежде всего, — между прочим и для того, чтобы предупредить, буде сие возможно, нелепые слухи, подобные тем, которые распространяются иными журналами о мнимом, никогда не существовавшем политическом завещании Петра Великого, — что в завещательном акте Императора Николая Первого, акте, писанном за несколько пред сим лет Самодержцем обширнейшего в мире Государства, в полной крепости мужества, среди обстоятельств самых благоприятных даже и для видов честолюбия, если бы Он имел их, нет ни одной статьи, ни одного слова, относящегося к политике, не только внешней, но и внутренней: Он знал, что всякое указание сего рода, сделанное Государем и Отцом, могло бы до некоторой степени стеснить или затруднить действия Преемника Престола Его при какой-либо внезапной перемене обстоятельств; Он знал также и правила и сердце сего Преемника, и не сомневался, что все будет сделано Им во благо России, как бы Он сделал Сам на Его месте и в Его положении. Сие завещание, за исключением нескольких распоряжений о собственном личном имуществе Императора, есть, можно сказать, тайная беседа души Его с Собою, излияние Его мыслей и чувствований, как человека и Христианина. Он даже не хотел наименовать сего акта Своею *господнею волею*, как бы не позволяя Себе повелевать из-за гроба, и дал ему название более скромное, даже смиренное: *Своих последних желаний*.

Первые статьи завещания посвящены распределению между Членами Августейшей Семьи личного имущества Императора, дворцов, дач, деревень, капиталов и разных вещей. С сожалением опуская эти подробности, заимствуем следующее:

...Но и посреди сих, семейных, можно сказать, хозяйственных распоряжений, мы встречаем движения и как бы порывы чувства попечительной, нежной внимательности государя и к бедным, получавшим от Него пособия, и к ближней комнатной и прочей прислуге Его, и к жившим у Него *старикам-инвалидам*. Сказав в статье 11-й, что весь наличный Его капитал, под разными наименованиям хранимый в ведении Собственной Его величества Конторы, должен быть разделен *поровну* между тремя великими Княгинями Мариею, Ольгою и Александрою Николаевнами, Он тотчас присовокупляет: «Но как на проценты сего капитала платились многие пенсии, то *прошу* таковые принять на Государственное Казначейство, или на Кабинет, как

ИМПЕРАТОРУ угодно будет»¹; в следующей, 12-й статье: «Желаю, чтоб всей Моей *комнатной прислуге*, верно и усердно Мне служившей, обращены были их содержания в пенсии. К сей же прислуге причитаю Лейб-Рейткнехтов и кучера Моего Якова»; а в ст. 15-й: «Прошу ИМПЕРАТОРА милостиво призреть стариков-инвалидов, у Меня живших по разным местам под названием Арсенальных. Желаю, чтоб они доживали свой век на прежнем положении, разве угодно Ему будет улучшить их содержание».

Статья 14-я особенно замечательна трогательным выражением чувства долговременной дружбы. Император говорит о товарищах первых лет Своих языком сердца, и в словах Его как будто исчезает всякое расстояние между Государем и подданными: «С моего детства два лица были Мне друзьями и товарищами; дружба их ко мне никогда не изменялась. Генерал-адъютанта Адлерберга любил Я как родного брата и надеюсь по конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его Юлия Федоровна Баранова воспитала трех Моих дочерей, как добрая и рачительная родная. Обоим им прошу назначить в Мою память пенсии, сверх получаемым, по 15 000 руб. сер. В последний раз благодарю за братскую любовь».

В следующих статьях (16 и 17), Государь, изъявляя благоволение и признательность всем, бывшим при воспитании Великих Князей и Великих Княгинь, Детей Его, завещая любить и уважать их и представляя Наследнику Престола упрочить их благосостояние, благодарит и бывшего в то время Духовником Его, отца Музовского, и Лейб-Медиков: Арендта, Маркуса, Мандта и Рейнгольца, за их труды и попечение, *благодарит душевно*, — таковы собственные слова Его Императорского Величества, — тех, которые имели счастье служить Ему и быть к Нему более или менее близкими по своему званию и Его доверенности, именуя в особенных пунктах (ст. 18—22-я) Князя Петра Михайловича Волконского, «который, несмотря на преклонные лета, с неизменным усердием и привязанностью пекся, как обо Мне, так и обо всем Моем Семействе и о Моих собственных делах»; Князя Иллариона Васильевича Васильчикова, о коем Он говорит: «Я начал службу под его начальством, он был Мне все-

¹ О сих капиталах в той же 11-й статье Государь постановляет, что они должны оставаться в России; что Великие Княгини могут только пользоваться процентами с оных, разве пожелают на капиталы Свои приобрести в России же недвижимую собственность.

гда другом, наставником и впоследствии первым помощником в Государственных делах»; и «Генерал-фельдмаршала Князя Варшавского как за его искреннюю привязанность и дружбу, так и за геройские подвиги, коими он возвеличил славу Нашего оружия и поправил измену. — Благодарю Гр. Бенкендорфа и Гр. Орлова за неизменную их дружбу и почти безотлучное при Мне нахождение и труды, и усердие, с которым выполняли все на них возлагавшееся. — Благодарю Кн. Чернышева, Кн. Меншикова, Гр. Нессельрода, Гр. Канкрин, Гр. Блудова, Гр. Киселева за их верную службу, столь полезную Государству».

...О старшей Сестре Своей, великой Княгине Марии Павловне, Он говорит: «Я питал к Ней с детства особую привязанность за всегдашние ее ко Мне милости. Позднее, ее дружба для Меня сделалась еще драгоценнее, и ни к кому на свете не имел Я такого доверия; Я чтил Ее, как *Мать*, и Ей исповедывал всю истину из глубины Моей души. Здесь, в последний раз повторяю Ей Мою душевную благодарность за отрадные минуты, которые проводил в ее беседе»; а о великом Князе Михаиле Павловиче, который предназначался Им в сем завещании Душеприказчиком Его вместе с Царствующим ИМПЕРАТОРОМ и с Генерал-адъютантами Князем Волконским и Графом Адлербергом: «ГОСУДАРЮ и всему Семейству Моему завещаю любить и уважать Брата Моего и верного друга Михаила Павловича; Он Им живой пример, как Им Брату служить должно. При сем случае душевно благодарю Михаила Павловича за Его братскую любовь и всегдашние услуги: прошу Его не оставлять добрыми советами Моих детей, которых поручаю Его благорасположению».

Он также завещает, или, по слову Его, *заклинает* Детей и Внуков: «Любить и чтить Своего ГОСУДАРЯ от всей души, служить Ему верно, неутомимо, безропотно, до последней капли крови, до последнего издыхания, и помнить, что Им надлежит примером быть другим, как служить должно верноподданным, из которых они первые». (Ст. 26.)

«Я уверен, продолжает Государь (ст. 27), что сын Мой, ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, будет всегда почтительным, нежным Сыном, каким всегда умел быть с Нами; долг этот еще священнее с тех пор, когда Мать Его одна! В Его любви и нежной привязанности, также и всех Детей и Внуков Она должна обрести утешение в Своем одиночестве. В обхождении с братьями Своими, Сын Мой должен уметь соединять снисходительность к их

молодости с необходимою твердостью, как *отец семейства*, и никогда не терпеть ни семейных ссор, ни чего-либо могущего быть вредным *пользе службы*, тем паче Государства, и в подобных случаях, от чего Боже нас сохрани, помнить наистрожайше, что Он ГОСУДАРЬ, а вы прочие Члены Семейства — подданные».

«...Благодарю, говорит Государь (ст. 31) всех, Меня любивших, всех, Мне служивших. Прощаю всех, Меня ненавидевших».

«Прошу (ст. 32) всех, кого мог неумышленно огорчить, Меня простить. Я был человек со всеми слабостями, коим люди подвержены; старался исправиться в том, что за Собой худого знал. В ином успевал, в другом нет; прошу искренно Меня простить».

«Я умираю (ст. 33) с благодарным сердцем за все благо, которым Богу угодно было на сем преходящем мире Меня наградить; *с пламенною любовью к нашей славной России*, которой служил по крайнему Моему разумению верой и правдой; жалею, что не мог произвести того добра, которого столь искренно желал. Сын Мой Меня заменит. Буду молить Бога да благословить Его на тяжкое поприще, на которое вступает, и сподобить Его утвердить Россию на твердом основании страха Божия, дав ей довершить внутреннее ее устройство, и отдаля всякую опасность извне. — На тя, Господи, уповахом: да не постыдимся во веки!»

«Прошу (ст. 34 и последняя) всех, Меня любивших, молиться об успокоении души Моей, которую отдаю Милосердому Богу, с твердой надеждой на Его благодать и предаваясь с покорностью Его воле. — Аминь».

Сверх сего к завещанию, или, по выражению Государя, *к изъявлению Его последних желаний*, приложена особая, составленная уже в 1845 году¹ статья.

Выписываем ее от начала до конца: «29-го июля 1844 года, Богу угодно было отозвать к Себе любезнейшую Дочь Нашу Александру. Смирясь пред неисповедимой волей, не ропща сносим жестокий сей удар, с твердым упованием, что ежели так сбылось по воле Его, то сбылось *к лучшему*, и что Ей при Создателе ее отраднее, чем здесь в суетах жизни. Молим Господа, да сохранит Нам других нам милых.

Назначавшейся 11-ю статьею к дележу между трех моих дочерей наличный собственный капитал разделить ныне Дочерям Моим — Марии и Ольге поровну.

¹ 5-го марта.

Вещи, предназначавшиеся Дочери Моей Александре, оставляю Сыну АЛЕКСАНДРУ к распределению по Его усмотрению. — Медальон и печать, которые покойная Дочь мне подарила на одре смерти, — завещаю Жене Моей, а после ее Сыну АЛЕКСАНДРУ.

Портрет Дочери Александры, что у Меня на столе, госпиталю, строящемуся в ее память».

Читая сие трогательное приложение к завещанию и самый завещательный акт, мы вспоминали сказанное красноречивейшим из наших Историков о дошедшей до нас духовной одного из Великих Государей древней России. «Без сего завещания, — говорит Карамзин, — мы не знали бы всей прекрасной души Мономаха». Так, конечно, и ныне, даже те, которые внимательно и беспристрастно следили за всеми делами Императора Николая в продолжение 30-ти летнего славного Царствования, и те, коим была известна Его примерная, назидательная и для частных людей, семейная жизнь, могут еще, по прочтению нашего неискусного, но верного и полного извлечения из Его завещания, научиться лучше ценить прекрасные качества великой души Его, твердой и нежной.

Таково было на нас самих действие сей, как мы ее называли, тайной беседы Его с Собою, и нам как будто слышались сходящие свыше слова Спасителя:

«Блаженны чистые сердцем: яко те Бога узрят» (Ев. от Матф., гл. 5, ст. 8).

Последние дни жизни Императора Николая Первого

27-го Января Государь Император заболел гриппом, но продолжал по обыкновению неутомимо заниматься Государственными делами. Чрез несколько дней, именно 9-го Февраля, чувствуя Себя лучше, вопреки совета пользовавших Его Врачей, Лейб-Медика Мандта и Доктора Карелля, изволил после Преждеосвященной обедни выехать в Экзерциргауз Инженерного замка, для осмотра маршевых батальонов Лейб-Гвардии Измайловского и Егерского полков. — «Ваше Величество, — сказал Доктор Карелль, — нет ни одного медика в Вашей армии, который позволил бы рядовому выписаться из госпиталя в таком положении, в каком Вы находитесь и при таком морозе (22 градуса); мой долг требовать, чтобы Вы не выходили еще из комнаты». — «Ты ис-

полнил свой долг, — отвечал государь, — позволь же мне исполнить Мой». В час пополудни Государь отправился в Экзерциргауз, не взяв даже предосторожности (несмотря на убеждение Государя Цесаревича и просьбы близкой Своей прислуги) одеться потеплее обыкновенного. После смотра заезжал к Великой Княгине Елене Павловне, а от Нее к бывшему тогда больным Военному Министру; возвратясь же, почувствовал Себя хуже, чем накануне. Кашель и одышка, уже и в предшествовавшие дни иногда появлявшиеся, увеличились. Ночь Его Величество провел без сна; однако на другой день, 10-го числа, изволил опять выехать в тот же Экзерциргауз для осмотра маршевых батальонов Лейб-Гвардии Преображенского и Семеновского резервных полков и людей Лейб-Гвардии Саперного резервного полубатальона. С этого дня все болезненные припадки начали усиливаться; Государь уже не выходил из комнаты. 11-го числа, хотя намеревался еще быть у Преждеосвященной обедни, но не мог, и слег в постель. Вечером болезнь оказалась очевидно тяжкою и признаки опасности жизни начали развиваться с неимоверною быстротою¹. Несмотря на болезненное Свое положение, Государь не покидал занятий Государственными делами, и только 12-го числа, по настоянию врачей, решился предоставить труд сей Цесаревичу.

17-го Февраля опасность сделалась столь велика и очевидна, что бывшие при Государе Медики решились сказать о ней наследнику Престола. Однако ж один из докторов еще не переставал надеяться. Лишь к вечеру того дня исчез и сей последний луч надежды, и пораженный ужасным известием Цесаревич решился объявить о нем Августейшей Своей Матери. С сердцем, растерзанным скорбью, по собственным словам ее, *ни с чем не сравненною*, Императрица имела силу вспомнить обязанность Христианской супруги с твердостью, которую дает одна только вера, пошла исполнить ее при одре умирающего².

Государь не ожидал Императрицы. Она склонилась к Его изголовью и со свойственною Ей кроткою нежностью тихо сказа-

¹ Когда и прежде покойному Императору случалось заболеть, Он не соглашался на издание бюллетеней, чтобы не потревожить публики. Так и ныне, за три дня до кончины, Он изволил сказать Цесаревичу: «Надеюсь, что не обеспокоили публики бюллетенями о Моей болезни».

² Она неоднократно говорила, что удивляется малодушию тех, которые, боясь испугать больного на несколько кратких минут в сей жизни, лишают его утешения, чрез Причащения Святых Тайн, получить напутствие к жизни вечной.

ла: «Друг мой, Ты не мог окончить начатого Тобой говенья и приобщиться, как всегда бывало, Св. Тайн вместе с Нами. Почему бы не исполнить этого теперь? Ты знаешь, что для Христианина нет лекарства лучше, и многие страждущие получили облегчение от принятия Св. Тайн».

«Как! в постели? — быстро возразил Государь: — Невозможно! Я рад и желаю исполнить эту обязанность, но когда буду на ногах, когда Бог даст Мне облегчение. Лежа и неодетый, могу ли приступить к такому великому делу?» Столь глубоко было Его благоговение к Святыне! Императрица умолкла в слезах: силы души ее истощились. «Разве Я в такой опасности?!» — спросил Государь, и мгновенно остановился, чтобы сим вопросом не утратить Супругу. Так нежно Они берегли друг друга! Знаки и, так сказать, излияния сей супружеской нежности, услаждавшие все продолжение Их счастливого брачного союза, были те же и в самое последнее время после уже принятия Императором Св. Тайн, Императрица говорила, обнимая умирающего: «Любишь ли Ты Меня, как прежде». «Люблю ли? — отвечал Он: — могу ли Я не любить Тебя? Когда Мы впервые увиделись, сердце Мое сказало Мне: Вот Твой Ангел-Хранитель на всю жизнь. И пророчество сердца сбылось...»

«Ты плачешь?» — спросил Государь. «Нет», — отвечала Императрица, Которая Сама не чувствовала слез Своих, и предложила помочь Ему молиться; ибо в изнеможении сил Он не мог свободно и вполне владеть Своими мыслями. Она начала вполголоса читать молитву, прекраснейшую из всех молитв, данную нам на земле Самим Пострадавшим за нас искупителем. Готовый предстать пред Него, Государь следовал молча за каждым словом, и когда Императрица сказала: «Да будет воля Твоя». — прибавил твердым голосом: «Да! во всем и всегда».

В два часа ночи, Лейб-медик, которого покойный Государь удостоивал особенной доверенностью, потерял надежду даже и на кратковременное продолжение жизни больного, возбужденный, хотя с тем вместе и уstraшенный великостью предстоявшей ему печальной обязанности, о коей некто из преданных Императору напоминал ему сию минуту частным, наскоро, в смятении горести начертанным письмом, решился объявить всю истину Самому умирающему. Сердце его сжалось, когда он вошел в последний раз в скромный, тесный кабинет, бывший в то время и спальнею Повелителя полсвета. С чего начать разговор? как произнести роковое слово? Он знал твердость души Госуда-

ря; но знал также, что Государь не считает Себя в опасности, не думает, чтобы смерть была так близка, хотя Он, как Христианин, старался всегда быть к ней готовым. Лейб-медику хотелось, чтобы мысль о Причащении Св. Тайн сама собою родилась в уме Государя. Он стал говорить Ему о своей встрече с Духовником Его Величества, *хорошим старым его знакомым*¹. «Да! он почтенный человек и добрый, сказал Государь. Когда вы с ним познакомились?» — «В обстоятельствах прискорбных, — отвечал Доктор: — в последнюю болезнь Великой Княгини Александры Николаевны. Мы вчера вспоминали о сем времени и с Государыней Императрицей. Как бы Она желала, чтоб Вы позволили Ей помолиться у Вашей постели вместе с Духовником Вашим о скорейшем возвращении Вам здоровья!» В эту минуту Государь вдруг все понял. Он устремил на медика выразительный, но ясный взор, и обыкновенным Своим голосом сделал как бы простой вопрос: «Скажите, что же? — умираю ли Я?» На сих последних словах Он еще возвысил голос. Долго Медик был не в состоянии отвечать. Наконец, с трепетом сердца, почти задыхаясь от удерживаемых им слез, он произнес страшное слово. Спокойствие было на лице и в душе Государя. Доктор держал Его руку: ни одна жилка в ней не дрогнула; ни на один удар не ускорилося биение пульса. В первый раз, с самого начала болезни, Ему представилась мысль о неизбежной близкой кончине, и уже в светлых, тихих взорах Его изображалось состояние души, свергающей с себя все бремя печалей, забот, сует земного мира. Не было и вида какого-либо усилия в борении с привязанностью к жизни. Прошло пять или шесть минут в безмолвии. Государь поднял глаза вверх, как будто к небу, и потом, столь же спокойно, с такою же простотою сделал еще несколько вопросов: «Что вы нашли во Мне своим стетоскопом? Каверны?» — «Нет, — отвечал Лейб-Медик, — но начало паралича в легких». — «И у вас достало духу так решительно объявить Мне Мой смертный приговор?» — «Государь, я имел многие к тому причины. Первая и главная есть та — что я сим исполняю данное Вам обещание. За полтора пред сим года Вы говорили мне: Требую, чтобы вы сказали Мне *всю правду и вовремя*, когда представится надобность. К несчастью, сия надобность представилась ныне. С тем вместе я исполняю и другую священную обязан-

¹ Обер-Священником, Протопресвитером, В. Б. Бажановым.

ность к монарху и Отцу Семейства. Пред Вами еще несколько часов жизни: Вы в полной памяти; знаете, что теперь уже нет никакой надежды и, конечно, захотите воспользоваться сими часами для последней беседы с Наследником Вашего Престола. Наконец я объявил Вам правду, всю правду, и потому, что *знаю Вас и люблю*». — Государь слушал, с вниманием совершенно спокойным. Доктор не мог уже удерживать слез своих. Государь заметил это, подал ему руку и сказал: «Благодарю».

Отпустив Доктора, Государь позвал Наследника и, спокойно сообщив Ему о безнадежности Своего положения, промолвил: «Надеюсь, что Ты еще ничего не сказал и не скажешь Матушке; прикажи позвать Духовника». Протопресвитер Бажанов находился уже во Дворце. Тут вошла Императрица. Когда Духовник начал читать предшествующие исповеди молитвы, Государь благословлял стоявших у постели Его на коленях Императрицу и Цесаревича. Засим Они вышли. По окончании исповеди, Государь, перекрестившись, произнес: «Молю Господа, чтобы Он принял Меня в Свои объятия». Священный обряд Причащения, совершенный, по желанию Его Величества, в присутствии Императрицы и Цесаревича, исполнил Он с полным самосознанием, с умиленным благоговением и необыкновенным спокойствием; молитву же: *Верую, Господи, и исповедую*, прочитал от начала до конца довольно твердым голосом.

Воздав должное Богу, наш Кесарь обратился на несколько мгновений к делам земного Своего Царства; приказал дать знать по телеграфу в Москву, Варшаву, Киев, что Император умирает, как будто говоря уже не от Своего имени, и прибавил: *прощается с Москвою*.

К смертному Его одру стеклись все находившиеся в С.-Петербурге Члены Царственного Дома, даже младенцы, Дети Детей Его. Он хотел в последний раз благословить всех и отсутствующих; никто не был забытым Им: всякому сказал Он одно из тех слов, которые впечатываются в сердца навеки. Будущему Наследнику Престола Он говорил: «Служи России». Младшего Великого Князя Алексея Александровича принесли позднее других; Он был бледен от испуга; но и Его скоро успокоил Своими отеческими ласками Тот, который все торжественные часы был весь для всех. Он как будто применялся ко всем различным возрастам, даже шутил с Детями Великой Княгини Марии Николаевны, называя их полуименами, но внушая также им, чтобы они служи-

ли России. Когда вошла Великая Княгиня Елена Павловна, Он с неизменяющимся видом ясного спокойствия сказал Ей, как будто при обыкновенном посещении: «Благодарю», и потом, может быть, вспоминая о потерянном Ею Супруге, прибавил: «Теперь и мне пришло время. Скажите Мой сердечный поклон Кате (Великой Княгине Екатерине Михайловне), Ей и Ему (Герцогу Теорию Мекленбург-Стрелицкому), им обоим».

...Главнейшее нежное внимание Его было обращено к Той, Которая прошла с Ним рука в руку все поприще жизни и Царства. Ее поручал Он общей любви; Ее предназначал средоточием для единства всего Августейшего Дома. Когда, вероятно, против воли, исторглись из груди Ее слова: «Зачем не могу Я умереть с Тобою!» — Он на сей вопль сокрушенного горестию сердца отвечал, указывая на Детей: «Ты должна жить для Них, а Им, указывая на Императрицу, говорил: живите всегда, как ныне, в тесном союзе любви семейной». Государь, мы уже сказали, хотел благословить и отсутствующих Детей Своих. При имени каждого Он поднимал исхудавшую руку и заочно, чрез дальние расстояния, осенял их знамением крестным; сие благословение умирающего с такими чувствами, конечно, доходило до них. Великая Княгиня Ольга Николаевна, пораженная известием об опасной болезни родителя, думала отправиться немедленно в путь, и с трудом, по убеждениям Крон-Принца, Супруга Ее, согласилась на кратковременное пред дорогою отдохновение. Но едва Она успела закрыть глаза и впасть в легкую дремоту, как Ей представился обожаемый Отец, на одре страданий и смерти, поднимающий руку, благословляющий Ее пред кончиною.

Государь продолжал жить еще несколько часов; но сохраняя в изнеможенном теле все присутствие ума, всю твердость духа, Он жил, то есть мыслил и чувствовал уже как те, которые покоятся на лоне Вышнего. Приехал курьер из армии с известиями и письмами от великих князей Николая и Михаила Николаевичей. «Здоровы ли Они? — спросил Император: — Все прочее теперь не касается Меня. Я весь в Боге».

Благословив Супругу, Детей и Внуков, Он призвал бывших во Дворце: Генерал-Адъютанта Графа Орлова, и Министров: Двора и Военного; благодарил их за службу и поручил Наследнику Своему благодарить от Его Имени всех других Министров, Гвардию, Армию, Флот и в особенности геройских защитников Се-

вастополя¹. Он не забыл и ближнюю прислугу Свою и посевших под оружием Дворцовых Гренадеров; всех благословил, всякому сказал несколько ласковых слов. Потом с улыбкою спросил доктора: «Скоро ли вы дадите Мне *отставку*? Скоро ли все будет кончено?» — «Не так *еще* скоро», — отвечал медик. — «Не лишусь ли Я памяти?» — «Надеюсь, Ваше Величество, что все будет тихо и спокойно». Государь всегда с неприятным чувством думал о потере внутреннего сознания.

При последнем в жизни лобзании, Он еще говорил Преемнику Своего Престола: «Мне хотелось, приняв на Себя все трудное, все тяжкое, оставить Тебе Царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за Вас после России, Я Вас любил более всего на свете».

Умирающий Государь находился в полной еще памяти, когда Духовник приступил к чтению Отходной, и изволил повторять за ним молитвы, хотя слабым уже голосом, но покойно. Вскоре голос Его пресекся. Он знаками подозвал к Себе Духовника, пожал ему руку, поцеловал наперстный его крест, и не в силах уже будучи произнести ни одного слова, движениями руки и глаз показывал на Императрицу, на Наследника, как бы желая сказать, чтобы он за Них молился. До последних минут жизни не покидал Он руки Императрицы и Наследника и крепко жал их.

В двадцать минут первого часа пополудни не стало Государя, почти тридцать лет украшавшего Престол Российский, обладавшего в высшей степени чувством священного Своего долга, и неусыпно, с полным самоотвержением трудившегося для блага Отечества.

27-е февраля

В торжественную минуту, когда десница Господа отяготила над Царскою Семьею, когда Неисповедимому и Святому Промыслу Его угодно было лишить мир Великого и Достойнейшего из Венценосцев, а многочисленный и верный народ — преждевременного скончавшегося Державного Пастыря; когда Августейшее Семейство и весь великий народ, объятый одною глубокою скорбью, — в эту торжественную минуту Престол оплакиваемого

¹ Сию волю Родителя Царствующий ИМПЕРАТОР исполнил на другой же день, пред прочтением Манифеста о Восшествии ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Прародительский Престол, и принесением присяги на верность.

Государя и Монархическое начало, которое Он представляет, озаряются новым, каким-то таинственным блеском. Яснее кажутся теперь их сила и величие, их благодетельное и могущественное влияние, и разум, на мгновение ослабевший под бременем общего несчастья, благословляет Божественный Промысел и, в самых путях Его, видя прославление переселившегося в вечную жизнь Государя, в Нем находит себе успокоение и опору.

С этими мыслями, печальный и грустный, как окружавший меня народ, ожидал я на Дворцовой площади отправления печального шествия с священными останками Благочестивейшего и Великого Государя в соборную церковь Св. Ап. Петра и Павла. Небо было чисто и обито светом. Казалось, оно желало с особенною торжественностью озарить последние почести Тому, Кому при жизни озаряло столько славных дней. Огромная площадь была полна народу: он был величаво спокоен и погружен в думу. Только по временам быстрое волнение пробегало в толпе, как будто неведомый ветер колебал ее. Но не было надобности сдерживать эти порывы. Народ слишком глубоко и близко к сердцу чувствовал свое горе, чтобы не черпать в нем спокойствия. Как бы присутствуя при смертном одре Покойного, он говорил шепотом. Он говорил о внезапной болезни и кончине своего свято чтимого Государя, вспоминал Его достоинства и доблести и особенно Его геройское мужество в трудные обстоятельства Его жизни. Он говорил о христианском самоотвержении Его в последней брани, подъятой Им за Веру, — священной брани, в которой Он выказал столько непоколебимого и прямого мужества, столько несокрушимой силы и покорности души!

Странна природа человека: пока Государь еще полон жизни, в глазах Его народа кажется, что Он никогда не умрет. Все так привыкли видеть в Нем опору, что стали считать ее вечною: непреложные законы, безжалостная смерть забыты всеми... Но когда ужасный удар разразится над народом, отчаяние овладевает всеми. С изумлением открывают в Покойном блестящие качества, мало-помалу сглаживающиеся для взора от привычки видеть их каждый день, но в эту страшную минуту вдруг оживающие в сознании во всем их блеске. Тогда труды, старания, заботы этого Государя, Его великие мысли, бессонные ночи и тягостные дни, Его правосудие, попечения, любовь ко всем, могущественная сила Его сердца, вдохновлявшая мужество в других, великий дух Его, стоявший всегда на страже Государства — все это проходит перед изумленными очами. Измерив это

чудесное и обширное поприще, тогда лишь спрашивают себя: столько трудов и благих намерений, столько усовершенствований, уже выполненных или созревших в мысли, столько помыслов и святой, страстной преданности державному долгу, такая неутомимая деятельность и ревность, — не они ли расстроили в основании драгоценную жизнь Монарха и сократили Его дни, полные суровых трудов и лишений? Тогда лишь в деятельном, великодушном, правдивом и преданном долгу государе открывают героя, избранника сердцем, великого мужа.

Обо всем этом печально беседовал между собою народ, и в то время, когда колокола всех церквей оглашали воздух своим скорбным рокотом и над вершиною ИМПЕРАТОРСКОГО жилища реял обвитый крепом Русский орел; когда балконы и окна улиц, которыми должно было проходить печальное шествие, покрывались трауром, — рыдания раздавались под сводами Дворца. Гроб императора окружали теперь Его безутешная Супруга, плачущие Дети и Внуки, глубоко тронутые воины и слуги. Общественная горесть была на площади, но здесь была горесть близких — родная, — более острая и жгучая. Скоро в толпе заговорили, что в ту минуту, когда поднимали священный гроб, августейшая вдова, побежденная печалью, лишилась чувств, и ИМПЕРАТОР, бывший в эту минуту лишь нежным и скорбящим Сыном, отнес Ее на руках в отдаленные покои...

Между тем кортеж изготовился и начал свое шествие... Печальная колесница тронулась... И в эту минуту весь народ, движением быстрым как мысль, единодушным и невольным, обнажил головы и упал на колени!

Тщетно старался бы я возвысить здесь мой слог до величия описываемого мною предмета. Да позволят же мне просто передать то, что я видел, и как я видел выразить то, что я чувствовал.

Вот оно, последнее шествие великого императора — из Зимнего Дворца в Петропавловскую крепость. Навсегда покинул Он это жилище, где сердце Его испытало все волнения, неразлучные с Престолом, все виды семейной любви, все радости Отца, все надежды Монарха; где зрели Его думы, где Он повелевал и исполнял; откуда воля Его из конца в конец двигала обширную Империю. Из этого жилища, в котором запечатлелись следы жизни, любви и духа Русских Государей, переселяется Он в другую молчаливую обитель, где священные останки Его обретут торжественный покой в ряду Державных Предков, ночующих в

Своих гробницах. Еще могила — еще звено в Фундаменте наследственного Престола России — этого надежного ручательства в развитии и славе обширной Империи.

Но как ни коротко кажется это последнее шествие, для нас оно велико, как сама жизнь Покойного, — эта обильная деяниями и плодотворная жизнь. И в самом деле, есть ли на всем пространстве, от Дворца до Царской могилы хотя одно место, которое бы не могло напомнить о полезном или доблестном деянии Великого Императора?.. Но мне бы хотелось вызвать только одно воспоминание, блестящее и радостное... Мы помним счастливый день, когда кортеж другого рода проходил через ту же Адмиралтейскую площадь в Зимний дворец, мимо такой же огромной толпы, как и сегодня, но тогда исполненной радости. Звуки колоколов, как и теперь, потрясали воздух, но то были звуки торжественные, праздничные... Прекрасен был этот день, когда император и Его Августейший Наследник спешили навстречу Высокой Невесте сияющего юностью и красотой Цесаревича. Русский Двор явился при этом торжественном случае во всем своем царственном великолепии. Какие ослепительно-роскошные экипажи, какие блестящие всадники! Все мундиры, все гербы Империи блитали на этом самом солнце, освещающем теперь печальную колесницу и гроб Великого Монарха, Которому Бог даровал в тот радостный день надежду, сбывшуюся впоследствии и без сомнения усладившую Его последние минуты. В этот торжественный день Император Николай, в кавалергардском мундире и с шпагою на руке, скакал на прекрасном коне у дверей кареты Августейшей Невесты. Величественный, Он был полон внутренней радости, которая ярко отражалась на Его царственном челе. Впереди неслись Черкесы в своих стальных кольчугах, как у древних рыцарей, в голубых чекменях, с воронеными саблями, с кинжалами, богато украшенными. За ними блестящие Кавалергарды с вензелем их возлюбленного шефа — Императрицы Александры, храбрые казаки, гордые своим Атаманом — наследником Империи; Генерал-адъютанты и первые сановники Двора в их золотом шитых мундирах. Императорское знамя радостно развивалось в воздухе. Одна за другою следовали парадные кареты с позолоченными украшениями. Впереди их шли скороходы, за ними следовали шталмейстеры. И всюду балконы и окна были обвешаны яркими тканями, и народ бежал за пышным поездом по улицам, усыпанным цвета-

ми, и громкое, симпатическое «ура!» раздавалось па пути ИМПЕРАТОРА, ИМПЕРАТРИЦЫ и Августейших Обрученных...

Не без основания вспоминаю я об этом блестящем торжестве в виду печального торжества, совершающегося сегодня. Без сомнения оно представляет тягостную противоположность с этим печальным шествием, со знаменами, обвитыми крепом, с опущенным вниз оружием, глухими звуками барабанов, унылым и смущенным видом этой толпы при появлении печальной колесницы... Но из этого торжества смерти исходит какое-то утешительное чувство, утоляющее горечь... То мысль, что это торжество — торжество жизни, доблестно посвященной долгу, торжество славного заслуженного имени великого человека, которому и враги Его, — а разве великий человек может не иметь их? — которому даже враги его принуждены отдать справедливость; торжество Христианина, мужа правды, который доказал применимость этих слов Французского Короля, что «если правда и праводушие будут изгнаны с земли, то они найдут себе убежище в сердцах Государей». Наконец, это день, когда из-за безмерной скорби показывается радостный образ потомства, покрывающего лучами бессмертия славную память великого Государя, отошедшего ныне в вечность.

Печальное шествие повсюду необходимо вызывает воспоминания. Оно напоминает самые лучшие страницы из жизни Великого Императора; в нем видна высшая слава человека, увенчанная вечною славою, которая ожидала Его у порога могилы. Конечно, здесь не место, да и не мне останавливаться на этой бесценной жизни, в которой отразилась жизнь Государей, всюду возбуждающих к себе симпатическое удивление, Государей, наиболее любимых народами, простые нравы и высокие чувства которых они бережно хранят в своих преданиях. Да позволено мне будет указать здесь на доброго и великодушного Генриха IV. Кому не известна эта черта из его жизни, когда Испанский Посланник нечаянно застал его играющим с сыновьями, которых он возил на спине вокруг стола. Король повернул голову к Посланнику и, не изменяя своего положения, спросил его: «Вы отец, г. Посланник?» — «Да, В. В-во, я имею детей». — «В таком случае я продолжаю», — сказал Король и dokonчил свою прогулку на четвереньках вокруг стола. — Сколько же раз иностранные Посланники могли бы застать императора Николая, играющего, как победитель при Иврии, со Своими Внуками на коврах Дворца! Простота Его привычек доходила до суровости: Он имел скром-

ный кабинет, маленькую спальню с узкой кроватью, на который обыкновенно укрывался Своею военною шинелью. Лица, имевшие честь поклоняться Его священным останкам вскоре после кончины, видели Императора лежавшим на этом спартанском ложе. На неостывшем еще теле была наброшена Его шинель — Его обычный наряд и единственная роскошь.

Но сегодня все, что могло выказать в полном блеске величие Императора, окружает Августейшего Усопшего. Как описать этот пышный траурный поезд, исчислить великолепные принадлежности Царских похорон, изобразить шествие печальной процессии, те сожаления и слезы, которые ее сопровождали?

Печальный звон колоколов не перестает оглушать воздух... На улицах тесною толпою стекается любопытный, но скромный и грустный народ: кортеж начал свое медленное и мерное шествие; — он развивается. Впереди его едет верхом Церемониймейстер и дает направление шествию. Проходят хоры музыки, эскадроны кавалерии, роты гвардии, конюшенные, офицеры, придворные лакеи, скороходы, камер-лакеи, пажи с их офицерами. Это первое отделение кортежа. Следующее за ним, как и все остальные, открывается особым Церемониймейстером. Вот знамя ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии и военное. Эти знамена опущены, эта лошадь под богатою попоною, ведомая двумя Штаб-офицерами, беспокойно бьет ногою в землю и, кажется, спрашивает, почему не несет она на себе сегодня своего обычного Всадника? За нею следуют гербовые знамена областей, составляющих обширную Русскую Империю: Ростовское знамя, Казанское, Астраханское, Новгородское, Московское. Я насчитал их более 40. Потом проходят другие знамена — вот черное знамя с Русским Государственным гербом и за ним лошадь, покрытая черным сукном, ведомая двумя чиновниками. Вот рыцарь в золотых латах, с обнаженным мечем, верхом на лошади, покрытой роскошным чепраком; за ним пеший латник в черных латах, с обнаженным мечом, опущенным вниз. Сколько трогательного в этой аллегории: кто не узнает в ней жизни и смерти, радости и горя, торжества и печали. Далее несут гербы: Сибирские, Финляндские, Польские, Астраханские, Казанские, Новгородские, Владимирские, Киевские и Московские; потом Государственный большой герб, предшествуемый и несомый Генерал-майорами, при ассистентах из Штаб-офицеров. Далее следуют все Государственные сословия, представляемые их депута-

тами; Цехи общества, Правительственные места, Учебные заведения, Министерства, Сенат, Государственный Совет.

Кортеж продолжает шествие. Мимо нас проходят два взвода Кавалергардского ее Величества полка в золотых касках. Вот иностранные Ордена Императора, несенные на золотых глазетовых подушках. Их 34, и между ними я заметил тот Французский орден Св. Духа, учрежденный при законных Королях Франции. Вот Ордена Русские, Короны Царств и Областей, присоединенных к России: Царства Казанского, сквозная, в восточном вкусе и усыпанная драгоценными камнями, Астраханская с огромным изумрудом наверху и множеством алмазов, жемчуга и яхонтов, Сибирская из золотой парчи и также богато украшенная драгоценными камнями, и другие. За ними следуют Государственные регалии: Держава, Скипетр и ИМПЕРАТОРСКАЯ Корона. Все эти знаки и символы предшествуют печальной колеснице, представляя величие России и высокое достоинство ее ИМПЕРАТОРА.

Вот торжественное шествие Духовной процессии: Певчие, Дьяконы и Протодьяконы, Священники, Архимандриты, Архидьяконы и Преосвященный Митрополит Новгородский и С.-Петербургский, Придворные певчие, Придворные Протодьяконы, Священники с Св. иконами и за ними духовник Покойного Государя. За духовною процессиею следует печальная колесница, обитая серебряною парчою с высоким балдахином из той же материи. Широкий гробовой покров — из золотой парчи; он весь усеян Русскими орлами и по краям обшит горностаем. Четыре Генерал-адъютанта окружают гроб, стоя на ступенях печальной колесницы, запряженной восемью лошадьми, под богатыми попонами. Генерал-адъютанты и Генерал-майоры Свиты Его Величества поддерживают покров; на обе стороны печальной колесницы шестьдесят пажей несут зажженные факелы, красное, колеблющееся пламя которых бросает чудный отблеск на печальное шествие.

За печальною колесницею величественно шествует ИМПЕРАТОР — Сын благочестивый и преданный, провожающий гроб обожаемого Отца, с душою, подавленную тягостью удерживаемых рыданий...

Является и проезжает ряд траурных карет: нужно ли именовать Членов Августейшего Семейства! Проходят отряды пешей и конной Гвардии с крепом, развевающимся на касках и рукоятках сабель...

Кортеж останавливался пред всеми церквями, находившимися на его пути: над гробом Благочестивейшего Императора совершалась лития и снова начиналось торжественное шествие при похоронных звуках колоколов, печальных раскатах барабанов и стечении народа, теснившегося на пути процессии. Прошед мимо 1-го Кадетского Корпуса, кортеж перешел Неву, по улицам старого Петербурга достигнул крепости и Петропавловского собора, под сводами которого почивают останки Петра Великого и упокоится прах Его достойного преемника, Императора Николая.

Под священные своды этого собора вступает теперь великий монарх, чтобы величием Престола облечь величие могилы. Государь, недавно могущественный, свято чтимый народом, обожаемый Супруг и Отец, просит Себе здесь спокойствия, которого не могли Ему дать обязанности Престола. Он Сам за несколько минут до смерти назначил место, которое хотел занять здесь; ибо в Свой последний час, покончив с делами мира, Он до малейших подробностей, с ясным спокойствием, отдал все приказания касательно Своего погребения.

Вскоре народ был допущен в собор в последний раз поклониться Своему Императору, облобызать Его оледенелую руку и помолиться над Его гробом. Никогда я не видел зрелища величественнее этого гроба в древнем храме, где, казалось, блуждали державные тени, на время оставившие свои могилы, чтобы приветствовать новую венчанную тень...

Под балдахином из серебряной парчи, верх которого доходит до самого свода, покоится гроб императора Николая на возвышении из нескольких ступеней. Голова Монарха открыта, и не надобно видеть императорской Короны, лежащей у священного изголовья, чтобы узнать Государя и Императора. При виде этих неодоушевленных останков невольно приходит мысль, что, несколько дней назад, великий Государь был полон жизни и силы, и слезы льются из глаз, печаль надрывает сердце... Как ни хотелось бы укрепиться мыслию о Божественном промысле, Которому угодно было этой преждевременной кончиной освятить славу великого Государя, душа побеждается горем... Но заплатив свою дань слезам, сердце укрепляется мало-помалу и оживает утешительною мыслию, что эта общественная печаль и слезы по смерти Императора Николая выражают не что иное, как счастливый союз Государя с подданными, взаимную любовь к общему долгу и общему Отечеству.

Ночь у гроба в Бозе почившего, блаженные и вечныя памяти Государя Императора Николая I

...Панихида окончилась, Божественное песнопение «Со Святыми Упокой!» и «Вечная Память» раздавались в сердцах тронутых слушателей, фимиам возносился густыми облаками к величественным сводам Храма.

Юный воцарившийся Монарх, облобызав священный прах приснопамятного родителя, едва оставил церковь в сопровождении Двора и многочисленной Свиты, и народ уже толпился густыми, беспрестанно прибывающими массами на Неве, у ворот, на площади у дверей храма — везде, тихо и с благоговением ожидая минуты, когда и он удостоится преклонить колено пред прахом опочившего Отца и Государя.

Наконец двери отворились. Тысячи усердствующих стали подходить ко гробу; но таинственное, величественное молчание, царствующее вокруг катафалка, прерывалось лишь мерным чтением Святого Евангелия и сдержанными рыданиями верноподанных Преставившегося. По выражению торжественной, глубокой грусти, написанной на лицах преклонявшихся, можно было судить, какими искренними чувствами любви и вечной признательности исполнено было сердце каждого.

Ночь — неисчислимая частица вечности, начавшейся для праведно Опочившего, протекала с медленным величием.

Возвышение, на котором покоились смертные останки Великого Монарха, сияло ярким освещением; здесь скипетр и держава, корона и порфира, — здесь все свидетельствовало еще о земном величии; но там, вне сияющего круга, в отдалении, в мерцающей мгле, зияла свежая могила. Могила! горсть земли!! ужели для Того, для славы Коего границ вселенной мало?! Да! здесь почиет прах Его, но память прославившего Свой народ останется вовек несокрушима.

Могила, уготовленная принять священный прах Незабвенного, расположена насупротив могилы Петра Великого. — По одну сторону храма могила Великого Преобразователя, рассеявшего мрак необразования древней России, по другую могила Великого Монарха, возведшего ее на высочайшую степень славы и благоденствия.

До той минуты, пока Петр Великий не озарил ее светом просвещения, Россия, заключая в недрах своих неистощимые источники могущества, крепости и богатства, не видала своих сил, как

будто дремала под тенью невежества, и казалась исполином страшным, но беспечным: самые мелкие враги тревожили ее, оскорбляли, грабили; старались продлить ее сон, предчувствуя, что пробуждение ее будет ужасно. Наконец она воспрянула — явился Петр¹.

С тех пор на ясном ее горизонте светило сменялось светилom, ныне, склонясь в вечность, лучезарный образ Николая Незабвенного, достославного Преемника Петра Великого, освящает еще скорбящую Россию.

Когда плевела лжи и раздоров перестанут опутывать Западную Европу, истина восторжествует, и те мыслители, которые ныне отуманены злобою и завистью, прозрят и поспешат отдать торжественную справедливость памяти оплакиваемого нами Монарха. Братский Христианский союз народов — не тщетная надежда; возвышенные чувства для всех одинаковы, и скорбь сближает сердца благородные. Спустя столетия после смерти другого, также великого Монарха, однажды восторженный оратор Западной Церкви произнес следующее Слово:

«Говорят, что в одной из отдаленнейших северных стран могущественный Монарх покинул однажды чертоги Своих предков, сложил с Себя багряницу и удалился в страшные пустынные места, удрученный глубокою думою о будущих судьбах вверенного Ему народа. Среди непроходимых лесов и вредных болот Он пребывал долгое время, укрывая главу Свою под утлою соломенной кровлею и довольствуясь скудною пищею простого поселянина.

Изведав страну, предназначенную Им блистательнейшей участи, Он оставил родину, проникнул в край чужой, под скромною одеждою простолюдина и вооружив Царственную Свою руку секирою, работал на корабельных верфях, прошел чрез всю степень работника, подмастерья и в поте Венценосного чела достиг звания мастера. Что было целью и двигателем столь упорных и возвышенных усилий? Он желал рассеять мрак, тяготевший над вверенным Ему народом; Он хотел избавить его от рабства невежества и воскресить в нем жизнь просвещения.

Любил ли Свой народ самоотверженец-Монарх? Братья! я отгадываю ваш ответ!

Я чувствую трепет восторга, пробегающий по сердцам нашим! Но подвиг Северного Монарха еще не окончен. Слушайте.

¹ История Устрялова, том II, с. 17.

Помощью усиленного труда приобретает познания, кои Он желал передать Своему народу, Царь вернулся на родину и снова стал в ряды тружеников, обучая пахаря, поощряя промышленника, напутствуя советами зодчего. Наконец Он вернулся в чертоги Праотцов, опоясавшись мечом, на рамена возложил багряницу и с высоты престола излил на Свой народ обильные сокровища науки и познаний, столь рачительно Им приобретенные. Сею славою сияющий Монарх, любил ли Свой народ? скажите!»

И ныне оплакиваемый нами чадолюбивый Монарх, достойный преемник праотцовского самоотвержения, приобрел в поте венценосного чела, верную признательность Своего народа. Денно и ночью, неутомимо и всечасно, трудился Он тридцать лет для благоденствия России; с родительской попечительностью заботился Он о нуждах каждого из Своих подданных; с полным сознанием собственного могущества Он увлекал народ Свой на путь славы, и если, взывая к России, спросить: любил ли почивший Государь Своих подданных? — вся Россия сольется в один восторженный, благодарственный, утвердительный клик!!

Злоба и зависть, исчадия страстей людских, осуждают Его в честолюбии. Да, честолюбие Его было велико! Он желал овладеть любовью России, поставив ее на высшую степень славы и благоденствия. Последние слова Его к храброму нашему воинству, к защитникам Веры, Престола и Отечества, громко свидетельствуют о возвышенном честолюбии, наполнявшем великую Его душу: «Я их любил, как собственных детей», — сказал Великий Монарх, отходя в вечность и готовясь «предстать Престолу Всевышнего: старался, как мог, улучшить их состояние, ежели не во всем успел, то не от недостатка желания, но оттого, что: или лучшего не умел придумать, или не мог более сделать».

Отеческие, трогательные слова, запечатленные навеки в сердце каждого Русского!

И до последней минуты Своей жизни попечения и заботы о России наполняли великую Его душу. «Я умираю!» — произнес Он в роковую минуту: — Пусть узнают верноподданные Мои, что Я благословил их и простился с ними заочно». Узнали мы, о, Отец наш незабвенный! И если бы вопль целого народа мог достигнуть в горнюю, то там, у Престола Всевышнего, народолюбивая душа Твоя содрогнулась бы из участия к осиротевшим!!

Настанет время, когда беспристрастная летопись впишет в скрижали все деяния протекавшего Царствования, и, может быть,

летописец, желая очертить личность Великого, скажет: Он соединял в Себе блеск и твердость чистейшего алмаза; постоянно ослепляя блеском Своего величия, Он порою сокрушал препятствия, заграждавшие Ему путь восхождения; но душа Его преисполнена была нежнейшего и пламеннейшего чувства любви к народу, Ему вверенному. Он умел карать недостойных и возбуждал восторженные чувства любви и привязанности в верноподданных сердцах. Правдивый и верный высокому Своему слову, Он свято хранил обещанное и ненавидел ложь и притворство. Долг, строгий долг был для Него закон, Отечество — алтарь!

Августейший Его Преемник в порыве сыновьей любви наименовал Его незабвенным; народ принял с благоговением слово Державного Сына, присовокупив от Себя наименование Правдивого; потомство назовет Его Бессмертным, ибо деяния Его прейдут из рода в род!

Покойся на лоне вечности, Незабвенный Великий Монарх! Любовь верного, отцелюбивого Твоего народа осеняет священную Твою могилу!!

18 августа 1855 года

Кн. Вяземского

Сегодня минуло шесть месяцев с того рокового дня, в который Россия лишилась Императора Николая.

Нельзя сказать, чтобы в сей день общая скорбь о незабвенной утрате возобновилась; нет, сия скорбь еще вполне жива в сердцах оплакивающего Его семейства, в душе народа, Его оплакивающего! Но Церковь и обычаи установили урочные дни, в которые любовь и память по умерших особенно обращаются к ним и улаживают скорбь свою и духовно укрепляют ее заупокойными молитвами. И сегодня в соборной церкви Св. Апостолов Петра и Павла, пред гробницею Николая I, в виду родственных гробниц Петра, Елизаветы, Екатерины, Александра, совершена была панихида о нем, достойном вечные памяти и вечные славы. Царская семья, а позднее Двор, высшие сановники, чиновники военного и гражданского ведомств, народ спешили во храм, чтобы с любовью и верою творить по нем умиленные и торжественные поминки.

Мысль и душа каждого переносились обратно в минувшее время, протекшее с обычной своей скоротечностью.

Между тем в течение этих шести месяцев события шли своим чередом; и какие события! История едва ли представляет им подобные. Но ни время, ни события не изменили России. Дух ее еще носит отпечаток Того, который тридцать лет правил судьбами ее. От Царя до подданного Россия поныне остается верна Ему.

Вражда могла думать и надеяться, что с переменою царствования будет перемена и в правилах, руководивших Русскою политикою. Она думала, что имела упорным противником себе одну личность Самодержца; что с кончиною Его Русское Правительство будет сговорчивее; что новый Царь, начиная, так сказать, новый период в Государственной жизни народа, не связанный событиями прошедшего, может снизойти на уступки и удовлетворения требованиям Западных Держав; что Русский народ, утомленный долгою бранью, истощенный тяжкими пожертвованиями, будет ждать мира от нового Царя. Но вражда ошиблась. Она имела дело не с *волею*, но с убеждением Самодержца, — с убеждением, которое с высоты Престола и из глубины Царской души излилось, проникло и воодушевило весь народ. Сие убеждение перешло к Царскому Преемнику, с Государственным наследством. Он принял его вместе с правами и обязанностями Своими, вместе с добровольною, но священной ответственностью пред Богом и Отечеством, над которым Бог Его поставил; пред памятью великих предков, коих Он внук и наследник: пред памятью Великого Отца, коего Он сын, питомец и преемник; пред потомством, пред грядущим России, перед сыном Своим, которому также Он должен некогда сдать чистым и честным Свое великое и священное достояние.

Так, вражда ошиблась. Россия поныне осталась верна Императору Николаю; в день 18 Августа она все еще та же, какою была по день 18 Февраля.

Государственный Сын верен памяти Государственного Отца. Как Родитель Его, Он готов на честный мир; но как Родитель, готов и на упорную, кровопролитную борьбу, если вражда, безумная в началах своих и вероломная и ожесточенная в действиях, не отречется от своих дерзких и несбыточных требований.

Верен ему и народ, который, в виду гробницы и престола, воодушевляется двойным усердием, возгорается двойным пламенем и готов принести все жертвы и всего себя на жертву, чтобы оправдать прошедшее и отстоять настоящее; полный любви и благодарности к минувшему царствованию и безусловно и неограниченно преданный воцарившемуся Государю.

Верно Ему и войско Его, которое Он любил, усыновил любовью своею и которое беспримерным мужеством и самоотвержением оправдывало пред живым и ныне оправдывает пред Царскою тенью доверенность и любовь, которые Он к нему питал и, в изъявлении последней своей воли и последних желаний, передал своему Сыну и Преемнику.

Верность свою памяти Его запечатлел и ты, святодоблестный и многострадальный Севастополь, постоянный предмет его живых попечений, забота и скорбь Его предсмертных дум.

Кровью залитая почва твоя, твои окровавленные и сокрушенные стены, освященные падением стольких славных жертв, стольких жертв неизвестных и безгласных, свидетельствуют о неустрашимости, о доблести твоих мужественных защитников.

За камни не отвечаем, но ручаемся за людей. Грозные и многочисленные неприятели, разоженные беспримерною злобою и вооруженные всеми пособиями и орудиями науки убийства и разрушения, могут сокрушить каменные твердыни, но дух твой несокрушим, Христолюбивое, мужественное, мученическое воинство! Венцы земной славы и нетленные венцы, обетованные воинам, павшим за Веру, за Отечество и братьев, равно принадлежат тебе.

Что бы с тобою ни было, возлюбленный и геройский Севастополь, ты отныне народная святыня Русской земли, ты гордость, слава и любовь России!

В сей день, ознаменованный нашими заупокойными молитвами, Севастопольское войско, без сомнения, вспомнило слова, переданные ему по воле Царя и ныне ему повторяемые из глубины Его гробницы:

«Благодарю всех за усердие. Скажи нашим молодцам, что Я на них надеюсь. Никому не унывать, надеяться на милосердие Божие, помнить, что мы Русские, защищаем родимый край и Веру нашу и предаться с покорностью воле Божией. Да хранит тебя и вас всех Господь! Молитвы Мои за вас и за наше правое дело, а душа моя и все мысли мои с вами».

Многих уже нет из тех, к которым были обращены сии священные, душевные слова, полные великодушия и покорности и высшего красноречия, то есть красноречия души. Некоторые из храбрых опередили Царя своего, другие вскоре за Ним последовали. И те и другие соединились ныне с Великим Вождем своим, с Великим Царским сподвижником, и вместе с Ним, как на земле бодрствовали и трудились они за Россию, так ныне

молятся за нее, пред престолом Того, Коего пути неисповедимы, но Который сказал ближним и верным своим: «Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Мя веруйте». «Претерпевший до конца, тот спасен будет».

Но пережившие ратных братьев своих, но новые сподвижники, поспешившие со всех концов Русской земли стать в ряды воинственной дружины, повторили эти священные слова с благоговейным умилением. Они почерпнут в них новое мужество, новую силу на отражение неприятеля или на достохвальную смерть, которою в роды родов ублажат Церковь и благодарное Отечество.

Н. Тальберг. «Человек вполне русский». **Император Николай I в свете исторической правды**

«Император Николай I, вступивший на престол ровно через столетие после кончины основателя Русского Флота, — пишет Чириков, — обратил особенное внимание на Морской Корпус и 31 марта 1826 г. в первый раз посетил Корпус, находившийся под начальством вице-адмирала П. М. Рожнова. 10 апреля в корпусе была получена от Начальника Морского Штаба копия с собственноручной записи Государя, содержащей в себе новую инструкцию для воспитателей и воспитанников. Требовалось, чтобы корпусные офицеры служили во всем примером для воспитанников. Предлагалось дать воспитанникам „бодрую осанку и молодецкий вид“, увеличить классные комнаты, обратить внимание на чистоту и пр. Немедленно было приступлено к исполнению Высочайшего повеления. Началась необыкновенная деятельность, и весь Корпус быстро принял новый вид» («Колыбель флота», 1951).

По повелению Государя повышено было содержание учителей. 14 октября 1826 г. директором корпуса был назначен выдающийся моряк контр-адмирал И. Ф. Крузенштерн¹, который своей деятельностью вполне и оправдал надежды Императора.

Государь очень часто — 97 раз за свое царствование — посещал Морской Кадетский Корпус. «В память посещения Корпуса Императором Николаем Павловичем, — пишет Чириков, — директор

¹ Иван (Адам) Федорович Крузенштерн (1770—1846), адмирал, первый русский кругосветный мореплаватель. Государь очень ценил его. По увольнении его по болезни с должности директора, был в 1842 г. назначен состоять при особе Его Величества.

Корпуса, вице-адмирал Д. С. Арсеньев, в 1889 г. одно из окон помещения малолетней роты, на котором любил отдыхать покойный Государь во время частых своих посещений Корпуса, отделал белым мрамором и на верхнем откосе окна находилось вензелевое изображение имени Императора Николая I и годы начала и конца его царствования, а на подоконнике сделана была следующая надпись: «Его Императорское Величество Государь Император Николай Павлович, при посещении Корпуса, при входе в малолетнюю роту изволил садиться на это окно и, созывая кадет, милостиво разговаривал, шутил и играл с ними» («Колыбель флота»).

Профессор А. В. Никитенко записал 16 октября в своем дневнике: «Государь Император повелел отправить 20 лучших студентов за границу для усовершенствования в познаниях с тем, чтобы, возвратившись, они могли бы занять профессорские кафедры». Часть отправлена была в Берлин, другая — для изучения естественных наук — в Париж («Русская старина», 1889).

* * *

При своем вступлении на престол Император Николай I застал обострение отношения с Персией. Шах Фет-Али все более не выполнял условия Гюлистанского договора 1813 г., установившего границей между обоими государствами ту линию, которую занимала русская армия после удачной войны. Несмотря на то, что к концу царствования Императора Александра I Персия, поддерживаемая тайно англичанами, старалась не выполнять условия договора, последний, как затем и Император Николай, стремился поддерживать мирные отношения с шахом, соглашаясь даже на некоторые земельные уступки. В январе 1826 г. Государем с этою целью послан был в Персию генерал-майор кн. Меншиков. В Тегеране его приняли враждебно. Шах позволил себе не принять от Меншикова письма Государя в руки, а велел положить его на подушку. Во главе желавших войны стояли храбрый и честолюбивый наследник престола, Аббас-Мирза, третий сын шаха (два старших сына родились от невольницы), и главный министр, Алаяр-хан, известный своими злоупотреблениями. 16 июля сердар эриванский перешел с войском русскую границу.

Положение Закавказского края было очень тяжелым. Подвластные нам мусульманские народы готовы были взбунтоваться. Грузия трепетала, опасаясь вторжения персов. В Тифлисе цари-

ла паника. Переправившись через Аракс, Аббас-Мирза осадил Шушу, храбро защищаемую полковником Реутом. Сын же его занял Елисаветполь и готовился ко вторжению в Кахетию. Главнокомандующий А. С. Ермолов, использовав задержку персов у Шуши для сосредоточения войск, направил отряд кн. Мадатова преградить персам путь в Кахетию, что и удалось. Но все же недостаточно решительные действия Ермолова вызывали недовольство Государя. Он решил отправить на театр военных действий, с особыми полномочиями, лицо, пользовавшееся особым его доверием и прославившегося военными успехами. Во время коронационных торжеств генерал-адъютант И. Ф. Паскевич получил приказание отбыть на Кавказ.

Паскевич родоначальником своим имел Феодора Цалаго (именуемого также Чалым и Цаленко), православного дворянина, прибывшего в начале XVII в. из Волыни в Малороссию и занявшего видное положение «полкового товарища» в Полтавском полку. Сын Феодора, Яков, по прозванию Пасько, был кошевым атаманом. Сын Якова, Иван, носил уже фамилию Паскевича и был прапрадедом будущего фельдмаршала, родившегося в Полтаве в 1782 г. Окончив Пажеский корпус, он был лейб-пажем и адъютантом Императора Павла I. Паскевич принимал участие начиная с 1807 г., в турецкой кампании. За действия под Варной получил он Георгия 4 ст. В Отечественной войне отличился в сражениях Смоленском, Бородинском, под Малым Ярославцем; в 1813 г. — под Лейпцигом. В Париж Паскевич вступил, командуя 2-й гренадерской дивизией. В 1821 г. он был назначен начальником гвардейской дивизии, в каковой 2-й бригадой командовал Великий князь Николай. В 1824 г. он был пожалован генерал-адъютантом и назначен командиром I армейского корпуса.

В 1814 году Император Александр I представил его Великому князю Николаю в Париже, сказав: «Познакомься с одним из лучших генералов моей армии, которого я еще не успел поблагодарить за его отличную службу». С этого времени установилась между ними та крепкая дружба, которая продолжалась сорок с лишним лет. «Этого я уважаю, как только сын может уважать отца», — говорил Император Николай в начале 1831 году о Паскевиче де-Санглену.

Прибыв 29 августа на Кавказ, Паскевич 13 сентября разбил Аббас-Мирзу под Елисаветполем. 29 марта 1827 года Паскевич назначен был главнокомандующим и получил повеление от Го-

сударя: немедленно начать наступательные действия покорением ханств Эриванского и нахичеванского, чтобы очистить от персов весь левый берег Аракса. 8 июля сдалась крепость Аббас-Абада. Двинувшийся на выручку Аббас-Мирза был разбит 5 июля при Джеван-Будахе.

«Поход открылся весною 1827 года, — пишет Н. Г. Устрялов. — Путь от Тифлиса к Эривани пролегал чрез два горные хребта, еще покрытые снегом и едва доступные для человека. Русские солдаты проложили дороги, устроили переправы, перевезли осадные орудия, обозы, и к изумлению врагов явились под стенами Эривани (24 апреля) с многочисленною артиллериею, без которой тщетны были прежде все усилия Цицианова и Гудовича овладеть ее твердынями, знаменитыми на востоке. Аббас-Мирза, считая Эривань оплотом Персии, собрал все свои силы, употребил все свое искусство, чтобы спасти ее от русских, но напрасно: пораженный Паскевичем на правом берегу Аракса, отбитый Красовским от монастыря Эчмиадзинского, он ушел в Тавриз, почти без войска. Славная Эривань пала, разгромленная русскими орудиями. Путь в Персию был открыт».

Эривань взята была в день Покрова Пресвятыя Богородицы, в воспоминание чего Паскевич, как сообщал он Государю, одну из тамошних мечетей отдал для церкви гарнизона покоренного города.

Государь 6 ноября горячо благодарил своего «старого командира» и наградил его орденом Георгия 2 ст.

13 декабря был занят кн. Эристовым Тавриз. Англичане, все время побуждавшие шаха и наследника к сопротивлению, увидели безнадежность положения Персии. Секретарь английской миссии Кембель прибыл к Паскевичу. Принятый как частное лицо, он уговаривал его не двигаться дальше, так как опасности могла подвергнуться династия Каджаров. Последнюю, родоначальниками которых были выходцы из Азиатской Турции, только в начале XVIII века поселившиеся в Мазандеране на берегу Персидского залива, значительная часть населения не любила. Особенно сильно было движение против них в Азербейджане (или Адербейджане). Паскевичу улыбалась мысль присоединения этой провинции к России. «С потерей Адербейджана, — писал он 29 октября, — английские чиновники могут сесть на корабли в Бендер-Бушир и возвратиться в Индию».

Но против этого был Император Николай, всюду отстаивавший верноподданические начала. «Непреклонный в убеждении

ях строго-легитимных, — пишет кн. Щербатов, — Государь не допускал мысли о возможности воспользоваться непокорностью подданных законному их монарху. Настаивая на удовлетворении России, он, вместе с тем, требовал от Паскевича и сохранения целостности Персии и неприкосновенности законной власти и престола шаха» («Генерал-фельдмаршал кн. Паскевич. Его жизнь и деятельность». 1891).

Кн. Паскевич в связи с этим сообщал в рапорте Государю 29 октября 1827 г.: «Я, переступая через Аракс, ни одного хана не пригласил к содействию нам способами бунта или тайной измены, не призывал к возмущению ни кочевых племен, ни городских жителей».

Аббас-Мирза первый понял безнадежность положения. Шах же Фет-Али пытался выиграть время для дальнейшего сопротивления. Паскевич тогда двинул армию к Тегерану. Занят был весьма важный и многолюдный город Ардебиль. Тогда шах запросил мира.

В ночь с 9 на 10 февраля 1828 г. в деревне Туркманчае, на пути к Тегерану, подписан был мирный договор. Шах обязался уступить России ханства Эриванское и Начихеванское, заплатить 20 миллионов рублей серебром контрибуции и даровать значительные преимущества русским, приезжавшим в Персию по торговым делам.

В сердечных выражениях благодарил Государь Паскевича. Но с той же трогательной любовью корил он его за раздражительность и неуживчивость в отношении к генералам Эмануелю, Сипягину и Красовскому.

«Теперь, как старому знакомому, могу сказать, как другу, — писал Паскевичу Император 15 марта 1828 г., — дозвоьте мне изъяснить со всею искренностью новое желание мое, собственно до вас, любезный Иван Федорович, касающееся. Я душу вашу знаю; знаю, что благородная душа ваша не оскорбится голосом друга, которому честь ваша, ваша слава точно дороги. Не скрою от вас, любезный друг, что с прискорбием я видел, что многие сотрудники ваши, люди, коих вы уважать должны, ибо они вполне сего достойны, лишились под конец похода вашего доверия, не сделав, я смело скажу, ничего, дабы провиниться и тем заслужить недовольство ваше справедливым образом. Может ли высокая и благородная душа быть преступна в незаслуженной недоверчивости? Достойно ли вас угнетать или быть несправед-

ливу к тем, кои, не щадя ни трудов, ни самой жизни, дабы заслужить мое благоволение, были истинными вам сотрудниками и помощниками? Не мне вам, любезный Иван Федорович, упоминать, что прощать великодушно, притеснять же без причины — неблагородно. Прошу вас, как друг, примите сие увещание от меня, как долг тому, которому я сам многими советами обязан. Я желаю, чтобы моего Ивана Федоровича всякий подчиненный любил и почитал, как отца, и чтобы не было других ему завистников, как завистников его славы и добродетели...»

В начале же этого письма от 15 марта, Государь извещал Паскевича о возведении его в графское достоинство с именем Эриванским: «Воздав всемогущему Богу благодарение за дарование столь желанного мира, обращаюсь к вам, мой любезный Иван Федорович, с изъяснением чувств признательности, которую от глубины сердца к вам питаю за важные услуги отечеству и точное исполнение моих желаний; вы все вполне совершили. Желая, чтобы и в потомстве сохранились неразлучные с именем вашим приобретения, коими вам Россия обязана, приобщил я к фамилии вашей название той твердыни, покорением которой поход принял решительный оборот в нашу пользу». Паскевичу был пожалован 1 миллион из контрибуции.

Царствуя два года, потрудившись над устройением Империи, ведя еще войну с Персией и имея, после Наваринской победы, обостренные отношения с Турцией, Государь 29 ноября 1827 года писал Цесаревичу Константину: «Никто не ощущает большей потребности, чем я, быть судимым с снисходительностью. Но пусть же те, которые судят меня, примут во внимание, каким необычайным образом я вознесся с поста недавно назначенного начальника дивизии на пост, который занимаю в настоящее время, кому я наследовал и при каких обстоятельствах, и тогда придется сознаться, что если бы не явное покровительство Божественного Провидения и того, на кого еще при жизни я смотрел, как на своего благодетеля, и которого мне приятно считать своим ангелом-хранителем, мне было бы не только невозможно поступать надлежащим образом, но даже справляться с тем, что требует от меня заурядный круг моих настоящих обязанностей; я твердо убежден в Божественном покровительстве, которое проявляется на мне слишком ощутительным образом для того, чтобы я мог не замечать его во всем, случающемся со мною, и вот моя сила, мое утешение, мое руководящее начало во всем».

Мир с Персией был особенно важен, так как на Ближнем Востоке назревала другая война — с Турцией. Император Николай I сразу же по вступлении на престол решительно заговорил с последней, требуя точного выполнения ею условий Бухарестского мира 1812 года. Обязательства, принятые на себя тогда Турцией в отношении Сербии, Молдавии и Валахии, свободной русской торговли через Босфор и Дарданеллы и другие, султаном не выполнялись. После твердых требований Государя, предъявленных 24 марта, Порта обязалась 25 сентября 1826 года договором, заключенном в Аккермане, исполнять свои обязательства.

На очереди стоял и греческий вопрос, в отношении которого Император Александр проявлял большую нерешительность, находясь под полным влиянием австрийского министра Меттерниха. Последнему выгодно было придавать национальному движению греков исключительно революционный вид. Император Николай и в данном случае проявил определенность, выявив ее в беседе с присланным в марте 1826 года из Лондона в С.-Петербург, победителем Наполеона, герцогом Веллингтоном. 24 июня/6 июля заключен был в Лондоне относительно Греции договор между Россией, Англией и Францией. Меттерних негодовал. «Континентальный союз, на котором покоились тишина и благоденствие Европы, перестал существовать», — заявил он русскому послу Д. П. Татищеву.

Султан Махмуд II отверг предложение трех держав о посредничестве между турками и греками. Ибрагим, сын паши египетского Магомета Али, свирепствовал в Морее и на архипелагских островах. Не воздействовало на Ибрагима и обращение к нему адмиралов русского, английского и французского флотов, находившихся вблизи гавани Наварин.

8 октября 1827 года английский вице-адмирал Кодрингтон (1770—1851), как старший в чине, двинул в гавань союзный флот. Русскими командовал контр-адмирал граф Гейден¹, фран-

¹ Граф Логгин Петрович Гейден (1772—1850). Род. в Гааге, проявлял особую верность Оранскому дому; с 1795 г. на службе в России, с 1810 — русский подданный с сохранением графства Римской империи. 1826 — нач. 3 лин. Балтийск, флота. 1827 — контр-адмирал в составе эскадры ген.-адъют. Д. Н. Сенявина, отправленной в мае в Портсмут (Англия). Назначен во главе особой эскадры, двинутой из Портсмута в Средиземное море. За Наварин получил чин вице-адмирала, Георгий 3 ст., аренду в 3000 га. на 12 лет. Во время войны 1828—1829 гг. — главноком. флотом в Средиземном море; производил блокаду Дарданелл и Константинополя; 1838 — главный командир Ревельского порта.

цузами — контр-адмирал Риньи. Начался бой. Особенно отличился адмиральский корабль «Азов», под командой храброго капитана М. П. Лазарева. Турецкий флот был уничтожен.

Разгром турецкого флота в Наваринской бухте произвел огромное впечатление в Европе. Австрийский император Франц I называл Кодрингтона и других адмиралов убийцами. В Англии, где незадолго до Наварина скончался Джордж Каннинг и изменился политический курс, раздавались даже голоса о привлечении к суду доблестного адмирала. Бой назывался «досадной случайностью». Король Георг IV, открывая парламент, назвал Наваринскую бухту «неприятным событием». В 1828 году адмирал Кодрингтон был уволен, хотя «решительность действий» предписывалась ему в указах, данных первым лордом адмиралтейства, принцем Кларенским. Только когда последний в 1830 году стал королем Вильгельмом IV, адмирал был снова привлечен к активной деятельности.

Император Николай I отличил адмиралов Кодрингтона и Риньи. «Вы одержали победу, за которую цивилизованная Европа должна быть вам вдвойне признательна, — говорилось в рескрипте от 8/20 ноября 1827 года на имя Кодрингтона. — Достопамятная Наваринская битва и предшествовавшие ей смелые маневры говорят миру не об одной лишь степени рвения, проявленного тремя державами, — в деле, бескорыстие которого еще более оттеняет его благородный характер; они доказывают также, что может сделать твердость — против численного превосходства, искусно руководимое мужество — против слепой отваги, на какие бы силы последняя не опиралась. Ваше имя принадлежит отныне потомству¹. Мне кажется, похвалами я только ослабил бы славу, окружавшую его, но я ощущаю потребность предложить вам блистательное доказательство благодарности и уважения, внушаемых вами России. В этих видах посылаю вам прилагаемый орден св. Георгия 2 ст. Русский флот гордится, что заслужил под Наварином ваше одобрение. Мне же особенно приятно заверить вас в чувствах питаемого к вам уважения».

Граф Гейден, награжденный св. Георгием 3 ст. и чином вице-адмирала, в письме своем от 19 июня/1 июля 1828 г. высказывал Кодрингтону огорчение и возмущение по поводу его увольнения. При письме он препроводил, по повелению Государя,

¹ Во время боя турецкий флот состоял из 65 судов с 2106 орудиями и 23 000 чел. экипажа. Союзный — из 28 судов (русских 8) с 1298 орудиями и 13 000 чел. экипажа.

саблю, которую один оружейник в Сибири изготовил в честь Наваринской битвы.

Интересно письмо леди Кодрингтон от 6 августа 1828 г. с о. Мальты: «Дорогой граф Гейден. Я хотела бы дать Вам, всем Вашим и в особенности Вашему Августейшему Государю понятие о той благодарности, которая пробудилась у одинаково преданной жены и матери за милостивый поступок в отношении моего адмирала и нашего дорогого сына. Но это совершенно невозможно. И все-таки я не могу перенести близкого отъезда из этой части света без того, чтобы не попытаться высказать Вам, какие благородные чувства возбудил во мне этот поступок. То, что один из союзных Государей, одинаково с другими заинтересованный в результате, наградил главнокомандующего в Наваринском бою, — это мне кажется вполне естественным и последовательным, но кто может вполне оценить, как оно того заслуживает, то прекрасное письмо, которое сопровождало Государеву наградную грамоту, полное самых деликатных и утонченных, — а потому и самых сильных и приятных, — похвал. Я думаю, что никто не может лучше оценить его, как сыновья, дочери и жена адмирала. Что касается моего сына, как могу описать я мои чувства, когда увидела его в первый раз после выздоровления (от ран. — Н. Т.), награжденного Государевым орденом...»

Султан всю ненависть за понесенное поражение перенес на Россию. В Турции провозглашалось, что Россия есть вечный, неукротимый враг мусульманства. Обнародован был гати-шериф о поголовном ополчении за веру и отечество. Драгоман Порты грозил русскому послу А. И. Рибопьеру заключением в Семибашенный замок. Но представитель России знал, Кто стоит за ним и твердо заявил драгоману: «Скажите тем, кто вас послал, что времена подобных нарушений международного права прошли безвозвратно, что я никому не советую переступать мой порог, что я вооружу всех своих и буду защищаться до последней капли крови, и что если кто осмелится посягнуть на мою жизнь или даже на мою свободу, камня на камне не останется в Константинополе. Государь и Россия сумеют отомстить за это». «Лицо драгомана после этих слов, — писал Рибопьер, — от страха сделалось смешно до крайности».

14 апреля 1828 г. обнародован был манифест о войне с Турцией. Государь объявил, что, вопреки заявлениям султана, он вовсе не думает о разрушении Оттоманской империи, а только намерен настоять на исполнении Турцией прежних договоров и лондонского соглашения по греческому вопросу.

Главкомандующим второй армией, двинутой на Балканский полуостров, был назначен фельдмаршал граф Витгенштейн¹, начальником штаба генерал-адъютант П. Д. Киселев.

По случаю отбытия Государя в действующую армию 24 апреля учреждена была в С.-Петербурге временная Верховная комиссия, в составе гр. П. А. Толстого, кн. А. Н. Голицына и гр. В. П. Кочубея, в качестве ее председателя. Высочайшим приказом 24 мая указано, что и в присутствии Государя главнокомандующему предоставлялась вся власть и права, «присвоенные ему учреждениями о большой действующей армии». Но, конечно, нахождение Государя в армии ограничивало свободу действий гр. Витгенштейна.

Беспримерное в тот год разлитие Дуная задержало переправу через него и дало возможность большим турецким силам сосредоточиться у крепости Шумла. Благоприятным событием был переход на русскую сторону запорожских казаков, обитавших при устьях Дуная с второй половины XVIII в. после упразднения Запорожской Сечи.

Казаки узнали, что в армии находится Царь. Через посредство коменданта Измаила ген.-майора С. А. Тучкова Первый кошевой атаман Осип Михайлович Гладкий, пользовавшийся правами двухбунчужного паши, бил челом Государю. Весь кош переправился на левый берег Дуная, предоставив войскам сотни легких судов для переправы. 19 мая Государь пожаловал Гладкому золотую медаль со своим изображением, сказав: «Бог вас простит, отчизна прощает и я прощаю». То же Царь объявил всему кошу, добавив: «Я знаю, что вы за люди».

Местом переправы была выбрана деревня Сатуново, между крепостями Измаилом и Рени. Вблизи был турецкий опорный пункт Исаки. Казаки переправились 25 мая. 27-го, по диспозиции Государя, началась общая переправа. Запорожцы, явившись с 40 лодками, очень помогли. Император, не дождавшись наводки моста, переправился на берег в лодке Гладкого.

«...В виду еще не сдавшейся и защищаемой сильным гарнизоном крепости Государь сел в шлюпку запорожского атамана, — писал

¹ Граф Петр Христианович Витгенштейн (1768—1842), древнегерманского происхождения, род. в Нежине. Службу начал в л.-гв. Семеновском полку. В Отечественную войну удачно оборонял пути в С.-Петербург. После смерти в 1813 г. светл. кн. Кутузова-Смоленского — главнокомандующий русско-прусских войск в Европе. После неудачных сражений под Люценом и Бауценом просил об увольнении. Заменен кн. Барклай-де-Толли. 1818 — главноком. 2-й армии. 1826 — фельдмаршал. 1834 — светлейший князь.

Бенкендорф. — Гладкий сам стоял у руля, а двенадцать его казаков гребли. Этим людям, еще недавно нашим смертельным врагам и едва за три недели перед этим оставившим неприятельский стан, стоило только ударить несколько лишних раз веслами, чтобы сдать туркам, под стенами Исакчи, русского Самодержца, вверившегося им в сопровождении всего только двух генералов». Гладкий награжден был чином полковника и орденом Георгия 4 ст. Крепость сдалась 30 мая.

2 июня у г. Бадабогу к Государю явилась депутация некрасовцев, бежавших в 1708 г. в Турцию с Дона во время бунта Булавина¹, сохранили они веру и русский быт. Встретили Царя хлебом-солью и пали ниц. Император велел им встать и сказал: «Не стану обманывать вас ложными надеждами: я не хочу удерживать за собою этот край, в котором вы живете и который занят теперь нашими войсками; он будет возвращен туркам, следовательно поступайте так, как велят вам ваша совесть и ваши выгоды. Тех из вас, которые хотят возвратиться в Россию, мы примем и прошедшее будет забыто; тех же, которые останутся здесь, мы не тронем, лишь бы не обижали наших людей. За все, что вы принесете в наш лагерь, будет заплачено чистыми деньгами». Жалоб на них впоследствии не было. Наделенные издавна турками угодьями и рыбными ловлями, некрасовцы предпочли остаться в Турции, где пребывают до сих пор.

7 июня сдался Браилов. 12 июня кн. Меншиков, при содействии Черноморского флота, взял Анапу, и ему повелено было, опять же с помощью флота, овладеть Варною. Значительные силы решено было двинуть к Шумле, где для защиты ее сосредоточились 40 000 лучших войск под начальством мужественного сераскира Гуссейн-паши. Главнокомандующий был против движения к Шумле, Государь же поддержал этот план начальника главного штаба ген. Дибича.

Длительная операция под Шумлой создала одно время для русской армии опасность быть окруженной между Варной, Силистрией и Шумлой. Государь, который и лично мог оказаться в таком положении, указал поступить тогда согласно приказу Петра I во время Прутского похода 1711 г.: «Если бы Провидение не

¹ Кондратий Булавин, род. ок. 1660 г., сотник бахмутской казачьей сотни. Бунт готовился с 1705 г. Связан Булавин был с Мазепой. Разгар бунта в 1707 г. Захватил атаманское место. Разбитый войсками царя Петра I, кончил в 1708 г. жизнь самоубийством. Сторонники его, во главе с Некрасовым, бежали в Турцию.

Н. М. Карамзин

Граф С. С. Уваров. Портрет работы
С. Дица, 1840 г.

Император Николай I, великий князь Михаил Павлович, цесаревич Александр Николаевич, князь П. М. Волконский и граф А. Х. Бенкендорф. Портрет работы Ф. Крюгера

Переправа императора Николая I через Дунай в 1828 г. Гравюра Петрова по рисунку Зверева

Император Николай I на бивуаке. Литография с рисунка В. Г. Шварца

Император Николай I у Шумлы

А. П. Ермолов (рисунок с натуры
А. Чернышова, 1846 г.)

Кабинет Николая I
в Зимнем дворце

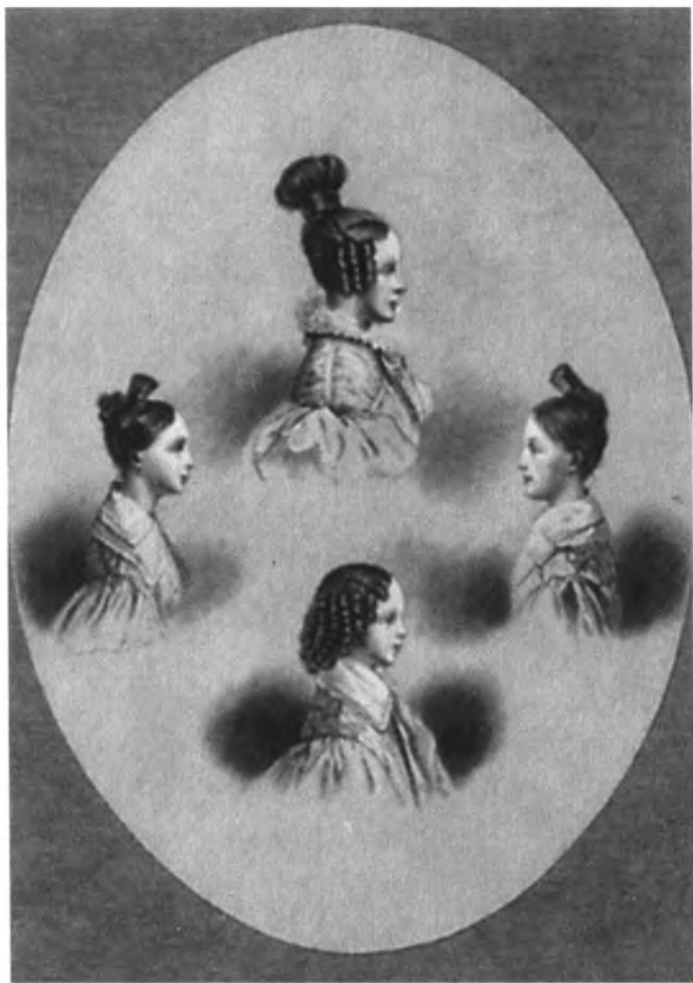
Вход русских войск в Адрианополь

Въезд императора Николая I в холерную Москву в 1830 г. Литография 1830-х гг.

Великая княжна Ольга Николаевна в форме 3-го гусарского Елисаветградского Ее Имени Полка

Императрица Александра Федоровна и великие княжны Ольга, Мария и Александра Николаевны. Гравюра с оригинала Ф. Крюгера, 1836 г.

Цесаревич Александр Николаевич. Портрет работы Д. Доу

В. А. Жуковский

Христосование Николая I с кадетами (с французской гравюры на дереве)

Филарет, митрополит Московский
и Коломенский. С литографии
Дарленг

Император Николай I, выезжающий в фиакре из посольства в Вене в 1835 г. С литографии по рисунку А. Бенуа

Спуск линейного корабля в Петербурге, 1851 г. (с русской литографии)

Аудиенция князя Меншикова у султана. Май 1853 г.

Внутренний вид храма Гроба Господня (с голландской гравюры)

Николай I и его сподвижники в 1854 г. (с французской литографии)

Русский морской ополченец 1854 г.

М. П. Лазарев, русский адмирал

Императрица Александра Федоровна.
Акварельный портрет, некогда при-
надлежавший Кавалергардскому полку

Император Николай I в начале 1850-х гг.
Портрет масляными красками, некогда
принадлежавший Кавалергардскому
полку

предохранило меня от подобного бедствия, если бы я имел несчастье попасть в руки моих врагов, то, надеюсь, что в России вспомнят многозначительные слова Сенату моего прапрадеда: «Если случится сие последнее, то вы не должны почитать меня своим Царем и Государем и ничего не исполнить, что мною, хотя бы по собственному повелению, от вас было требуемо».

Государь считал необходимым бывать под Шумлой и под Варной. Шумлы наводняли турецкая конница и вооруженные жители. Бенкендорф в своих записях описывает поездку Императора из Шумлинского лагеря в Варненский. Государь велел отпустить Северский конно-егерский полк, назначенный сопровождать его. «Зачем напрасно утомлять людей? Они будут полезнее в лагере, нежели здесь. На нас не нападут, а в случае надобности мы сумеем отбиться», — сказал он Бенкендорфу. К счастью, приказ Государя не успели привести полностью в исполнение, когда оказалось, что дорога уже преграждена отрядом турецкой кавалерии. Егерей возвратили из тыла, и они охраняли в пути Императора.

«Ответственность в безопасности Государя лежала преимущественно на мне, в качестве командующего главной его квартирой, — писал Бенкендорф. — Меня невольно обнимал ужас при мысли о слабости защиты, окружавшей Владыку могущественной России; вся наша сила состояла из 700 человек пехоты и 600 конницы, и с этой горстью людей мы шли по пересеченному горами и речками краю, где предприимчивый неприятель, имевший еще на своей стороне и ревностную помощь жителей, мог напасть на нас и одолеть, благодаря численному перевесу. Я взял все возможные в нашем положении меры предосторожности, но сердце мое сильно билось».

Бенкендорф описывает ночевку Государя в солдатской палатке в лагере в Козлудже: «Едва замерцала заря, как он уже был на ногах, велел седлать и решил ехать во главе отряда. А еще только перед сном курьер привез предупреждение от кн. Меншикова, что дорога опасна, и нужны большие предосторожности. К счастью, совсем не обычно, Император надел в это утро шинель, а мы, как бы ненароком, пошучивая, так его обступили, что он оказался незамеченным в центре свиты. Дорога из долины пролегла очень густым лесом, где неудобно было скрыться засаде. Только что отряд выбрался из чащи и набожная свита благоговейно закрестилась, как за спиной послышались ружейные выстрелы: шальная пуля уложила двух-трех конных егерей. Господь хранил России своего Помазанника».

Из Варны Государь проехал на фрегате «Флора» в Одессу повидать прибывших туда Императрицу Александру Феодоровну и Вел. княжну Марию Николаевну. На обратном пути, следуя на том же фрегате, Государь перенес 21 августа страшнейшую бурю. Пришлось повернуть к Одессе, откуда двинуться в Варну сухим путем. Государь ехал в коляске с Бенкендорфом. Буря не унималась. До самого Дуная не переставал ливень и ветер. На правой стороне реки дороги и лошади были безобразны. Ехать же приходилось густыми лесами, славившимися разбойничьими притонами. За ними по открытой местности бродили бежавшие из опустошенных жилищ болгары. «Государь, — пишет Бенкендорф, — незнакомый со страхом, спокойно спал в ней (коляске), или вел со мною живую беседу, как бы на переезде между Петербургом и Петергофом. Мне же было вовсе не до сна и не до разговоров». Стала надвигаться ночь, а клячи тащились еще медленнее. Наконец Бенкендорф подался вперед и насмешил Государя. — «Что? Огоньки увидел? Я их уже приметил, только ждал, какое на тебя они произведут впечатление...» И сам засмеялся благодушно, как ребенок. — «Это Кюстенджи, Ваше Величество». — «Конечно. Ну что, передохнешь теперь? А, пожалуй, ты еще боишься: все чудится, что это турки? Успокойся, свои. Посмотри, как правильно раскинуты палатки. Вот молодцы!» — выговорил он очень громко. Коляска въезжала в лагерь гвардейской легкой кавалерийской дивизии». Государь сделал 200 верст по разбойничьей местности, без конвоя и на клячах.

«Даже теперь, по прошествии шести лет от события, — писал Бенкендорф, — дрожь пробегает по мне, когда я только вспоминаю, что в то время ехал один, по неприятельской земле, с русским Императором, вверенным моей охране».

В Варне Государь пребывал на стопушечном корабле «Париж», проводя день до заката солнца в осадном лагере. Прибытие гвардии улучшило положение. Но 20-тысячный гарнизон мужественно держался. На помощь ему двинут был крупный отряд паши албанца Омер-Врионе, не сумевшего, однако, использовать выгоду своего положения. Для него безрезультатным оказался кровопролитный бой 18 сентября в Куртепэ (Волчья гора) в 6 верстах к югу от Варны, против принятия которого был принц Евгений Виртембергский. Знаменитый прусский стратег, будущий фельдмаршал граф Мольтке писал: «Атака на Куртепэ является одним из самых блестящих дел похода 1828 года: хотя предположенное на-

падение не увенчалось успехом, но храбрость русского войска произвела на турок сильное впечатление, что последствия этого боя существенным образом повлияли на исход кампании. Пример этот служит новым доказательством, насколько строгое повиновение даже среди самых затруднительных обстоятельств представляет одну из первейших военных добродетелей». Впоследствии Имп. Николай говорил принцу Евгению: «Если тут кто виноват, то это я один, так как дал повеление к нападению, но беда учит разуму».

Князь Меншиков был опасно ранен ядром под Варной. Военные действия продолжал граф М. С. Воронцов. 28 сентября сдался Юзуф-паша, 29-го вся крепость с храбрым капудан-пашей Изет-Мегметом, любимцем султана.

Государь, отпраздновав победу, наградил гр. Воронцова шпагой с алмазами и надписью «За взятие Варны», обратился к нему со следующим рескриптом: «Граф Михаил Семенович! Воздав жертву должной хвалы и благодарения Богу, поборающему правде и увенчавшему оружие российское новым блистательным успехом, я желаю почтить память моего предшественника, утратившего победу и жизнь, но не славу, под стенами покоренной ныне Варны. Здесь пал, ратуя под знаменем Христовым, мужественный сын Ягайлы, Владислав, король польский. Место его погребения незнаемо, но да будет ему воздвигнут в самой столице Польши памятник, его достойный. Назначив для сего ей в дар 12 турецких пушек из числа найденных в Варне орудий, я поручаю вам немедленно выбрать и отправить их в Варшаву, где оные будут поставлены на приличном месте, по распоряжению Его Императорского Высочества Цесаревича, в честь героя и в честь храбрым российским войскам, отмстившим победою за его падение. Возлагая на вас исполнение моей воли, пребываю вам всегда благосклонный».

Цесаревичу Константину Государь писал 1 октября: «Я жалую Варшаве 12 орудий, как замечательное историческое воспоминание, ибо достойно внимания, что здесь явилась именно русская армия с польским королем, чтобы отомстить смерть другого польского короля. Да сблизятся поляки и русские все более друг с другом. Вот в чем цель всех моих желаний и всех стремлений моего разума. Быть может, подаренные пушки докажут то, что я высказываю здесь этими словами».

Владислав III, король польский и венгерский, был единственным монархом, старавшимся помочь угрожаемой турками Византии и погиб под Варной 10 ноября 1444 г., разбитый султаном Амуратом.

Султан, действуя в Европе оборонительно, думал нанести удар в Азии. Эрзерумскому сераскиру приказано было с 40 000-й армией вторгнуться в закавказские области, подняв восстание подвластных России мусульман. Закавказский корпус, не оправившийся еще после персидского похода, насчитывал 12 000 человек. Паскевич решил сам перейти в наступление. Он явился под стенами Карса и через четыре дня — 23 июня начал штурм. После первых успехов Паскевич послал записку коменданту: «Пощада невинным, смерть непокорным, час времени на размышление». Гарнизон положил оружие. Шедшие к Карсу турки отступили к Эрзеруму. Другая опасность грозила от турок, двигавшихся к пределам Гурии. Паскевич спешил предупредить их. Чума, открывшаяся в его войсках, задержала движение русских. Справившись с болезнью в течение трех недель, Паскевич, совершив труднейший переход в зной через горы, подступил к Ахалцыху. Разбив появившихся там двух пашей с 30-тысячным войском, Паскевич 16 августа взял штурмом эту крепость, висевшую на обрывистой скале и защищаемую сильной артиллерией. Ахалцых стал надежным оплотом Грузии со стороны азиатской Турции. Покорение затем Баязета обеспечило и Эриванскую область. Взят был и Ардаган.

Взятием Варны, отходом в начале октября от Шумны за Дунай и успехами в Азии заканчивалась трудная кампания 1828 г.

Государь решил в дальнейшем предоставить главнокомандующему вести кампанию более самостоятельно. Он, по взятии Варны, отбыл в Одессу на корабле «Императрица Мария», который поднял паруса 2 октября под командованием капитана Папа-Христо. В пути разыгрался страшнейший шторм, продолжавшийся 36 часов. «Только Государь, граф Потоцкий (Станислав) и я были здоровы и на ногах, цепляясь за все встречное, когда хотели передвинуться с одного места на другое... — писал Бенкендорф. — Нас неудержимо гнало к враждебным берегам Босфора... Еще сутки такой же бури, и Русского монарха выбросило бы на турецкую землю!..¹ К Одессе мы подошли только с наступлением ночи (8 октября)... На дорожные наши приготовления потребовалось

¹ В дубовом форштевне флагманского корабля «Императрица Мария», участвовавшего в Синопском бою 1853 г., был вделан, по повелению Имп. Николая I, кусок форштевня прежнего корабля того же названия, на котором пережито было так много в октябре 1828 г. Этим подчеркивалась связь между обоими кораблями имени Императрицы-Матери и благодарность Государя за чудесное спасение.

немного времени, и в четыре часа утра я уже сидел в коляске рядом с Государем. Он остановился у собора помолиться. Лишь его и мои шаги раздавались под церковными сводами. В соборе находился только один священник и несколько свечей, зажженных у икон, освещали царствовавшую в нем глубокую темноту. Этот отъезд был печален, и хотя только что освободились от смертельной опасности, впереди все еще чудилось какое-то новое несчастье». И у Государя было предчувствие чего-то тяжелого.

По прибытии 24 октября в С.-Петербург Государь застал опасно больной вдовствующую Императрицу. 24 октября скончалась Императрица Мария Феодоровна (1759—1828). При погребении ее, состоявшемся 13 ноября, имел в последний раз место церемониал, установленный со времени кончины Императора Петра Великого. За колесницей следовал Имп. Николай I в траурной епанче, с распушенной шляпой с длинным флером. Государь высказал пожелание, чтобы подобный церемониал не был применен при его погребении.

К 1828 г. относится указ Государя Синоду от 11 января: «В твердой уверенности, что добрые христианские нравы составляют первое основание общественного благоденствия, а нравы нуждаются наставлениями и примером духовенства, Мы всегда желали, чтобы чин духовный имел все средства и к образованию юношества, Церкви посвященного, и к прохождению служения с ревностью и свойственным ему достоинством, не препираясь заботами жизни и безбедного своего существования». В царствование Государя особенное внимание обращалось на улучшение материального положения духовенства.

В 1828 г., указом Имп. Николая I от 28 ноября, открыт был в С.-Петербурге Технологический институт, вызванный желанием «способствовать распространению и прочному устройству мануфактурной промышленности». Целью Практического технологического института была подготовка «людей, имеющих достаточные теоретические и практические познания для управления фабриками или отдельными частями оных».

К 1828 г. относится следующий отзыв И. П. Дубецкого, впервые увидевшего Государя под Браиловым: «Император Николай Павлович был тогда 32-х лет; высокого роста, сухошав, грудь имел широкую, руки несколько длинные; лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный, взгляд быстрый, голос звонкий, подходящий к тенору, но говорил не-

сколько скороговоркой. Вообще он был очень строен и ловок. В движениях не было заметно ни надменной важности, ни ветреной торопливости; но видна была какая-то неподдельная строгость. Свежесть лица и все в нем высказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена и жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью. В физическом отношении он был превосходнее всех мужчин из генералитета и офицеров, каких только я видел в армии, и могу сказать поистине, что в нашу просвещенную эпоху величайшая редкость видеть подобного человека в кругу аристократии» («Русская Старина», 1895).

«Голос у Государя был необыкновенный, — писал Н. А. Крыжановский. — Когда он командовал, никакого усилия с его стороны не замечалось, крика не было слышно и ухо получало мягкое, приятное впечатление, но команда эта была слышна, как выражаются, на версту» («Исторический Вестник», 1915).

Отход русских войск от Шумлы и Силистрии, с обратной переправой через Дунай, вызвал ликование в некоторых европейских государствах. В Вене прочили туркам полную победу и поощряли Порту к дальнейшим действиям. Меттерних мечтал быть посредником между воюющими державами и стать решителем судеб Востока. Английские агенты действовали в Персии. 30 января 1829 г. толпой был убит в Тегеране русский посланник А. С. Грибоедов. Событие это еще более утвердило султана Махмуда в его борьбе с Россией, у которой появились новые осложнения на востоке. Министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде призывал Паскевича не обострять очень персидского вопроса. Но последний проявил, напротив, чрезвычайную твердость, объявив шаху, что отвратить от Персии страшную грозу, последствием которой может быть падение династии Каджаров, возможно только испросив прощение у русского Императора чрез одного из персидских принцев. Наследник Аббас-Мирза убедил шаха отправить с этим поручением в Петербург принца Хозрев-Мирзу, старшего сына Аббасова.

9 февраля 1829 г. Государь уволил главнокомандующего, гр. Витгенштейна, которым давно был недоволен. На его место назначен был начальник Главного штаба Его Императорского Величества, генерал от инфантерии, генерал-адъютант И. И. Дибич. Начальником штаба — генерал-адъютант барон К. Ф. Толь. Барон Иван Иванович Дибич был вполне подготовлен к обязан-

ностям полководца. Потомок рыцарей, он родился в 1785 г. в Силезии. Пройдя блестяще учение в берлинском кадетском корпусе, он переехал в 1801 г. к отцу в Россию и служил в лейб-гвардии Семеновском полку. Отличился Дибич под Аустерлицем, участвовал в кампании 1806—1807 гг. Во время Отечественной войны был обер-квартирмейстером в корпусе гр. Витгенштейна и получил Георгия 3 ст. за бой под Полоцком. Заключал 18 дек. 1812 г. с прусским генералом гр. Йорком Таурогенский договор. В кампанию 1813 г. — генерал-квартирмейстер союзных русско-прусских войск. Дибич настолько удачно действовал в знаменитой битве под Лейпцигом, что австрийский главнокомандующий, кн. Шварценберг снял с себя орден Марии-Терезии и наградил им его. В 1814 г. на высотах Бельвилля под Парижем он награжден был Имп. Александром I орденом Александра Невского. В 1818 г. — ген.-адъютант. В 1821 г. — был на Лайбахском конгрессе и с тех пор неизменно состоял при Имп. Александре. Начальник его Главного штаба и управляющий квартирмейстерской частью. В 1826 г. в день коронации произведен в генералы от инфантерии. В 1827 г. — граф.

Назначенный ближайшим его сотрудником, ген.-адъютант Карл Федорович Толь участвовал в швейцарском походе Суворова; войну 1812 г. закончил генерал-квартирмейстером всей армии, потом был генерал-квартирмейстером Главного штаба.

Дибич, по вступлении в командование, произвел большие перемены, облегчившие положение солдат. Смягчена была чрезвычайно строгая до этого дисциплина, улучшено продовольствие, разрешено ношение в походах вместо киверов — фуражек, преобразованы обозы.

6 мая армия перешла снова через Дунай и Дибич обложил Силистрию. Он знал, что в Шумле сосредоточены большие силы деятельного Решид-Мехмед-паши и рассчитывал, что тот попытается ударить на русские силы, стоящие в отдалении от главных сил, в Праводах и Базарчике. Действительно, Решид с 40 000 осадил Праводы, занятые генералом Куприяновым¹, под главным начальством генерала Рота. Дибич, получив донесение от по-

¹ Павел Яковлевич Куприянов (1789—1874). С 1806 г. участвовал в войнах. Зимовал 1828 г. в Праводах — у подножья Балкан, — когда вся остальная армия отошла за Дунай. Имел Георгия 3 ст. Впоследствии был членом Военного Совета. Имп. Николай I даровал дворянское достоинство рижскому губернатору Верману, за которым замужем была единственная дочь Куприянова.

следнего и оставив под Силистрией генерала Красовского¹, двинулся на Балканы и в пятый день оказался в тылу Решида, отрезав его от Шумлы. Принимая русских за слабый отряд, посланный Ротом, Решид двинулся для истребления его. В теснинах Кулевчи встретил его 30 мая Дибич и, после упорного боя, разбил наголову. 18 июня пала Силистрия. Дибич поручил Красовскому запереть в Шумле Решида. Последний, для удержания ее, после поражения в Кулевчах притянул к себе отряды, охранявшие пути в горах, и ослабил также береговую линию.

16 мая Государь писал Дибичу: «Что в моих глазах стоит выигранного сражения, это — ваше согласие с Толем, благодарю вас за это. Скажите ему, что в сем я узнаю эстляндского рыцаря, который близок моему сердцу».

Известие о победе при Кулевчи Государь получил в Варшаве, на обратном пути из Берлина. Привезший донесение кн. Трубецкой, адъютант Дибича, писал последнему: «Было бы трудно описать впечатление, произведенное на Императора известием, с которым вам угодно было послать меня. На верьху радости, или, вернее, счастья, он осыпал меня поцелуями, бросился на колени, чтобы поблагодарить Бога, и тотчас же поздравил меня своим флигель-адъютантом и полковником — две милости, которые я никаким образом не ожидал одновременно...»

Дибич был награжден орденом Георгия 2 ст., прусским же королем большим крестом ордена Черного Орла. Толю пожалован был Государем графский титул.

В Варшаве же Государь получил два сообщения от главного начальника Черноморского флота, адмирала А. С. Грейга (1775—1845). 14 мая 1829 бриг «Меркурий» крейсеровал с фрегатом «Штандарт» и бригам «Орфей» у Константинопольского пролива. Неожиданно появился турецкий флот. Более быстроходные фрегат и «Орфей» ушли. «Меркурия» же турки настигли. Произошло трехчасовое сражение с двумя линейными — 110- и 74-пушечными — турецкими судами. Командир брига А. И. Казарский (1798—1833) приказал прибить флаг к мачте, чтоб ни в каком случае не могло быть речи о сдаче. По предложению поручика корпуса штурманов Прокофьева, офицеры поклялись, что тот из них, кто останется в живых,

¹ Афанасий Иванович Красовский. Участник войн 1813—1815 гг., персидской, турецкой, усмирения польского восстания. С 1834 г. — член Военного Совета. С 1842 г. — командир корпуса. Имел орден Георгия 3 ст., был генерал-адъютантом, генералом от инфантерии. Умер в 1843 г.

воспламенит выстрелом крюйт-камеру с порохом. На шпиль брига положен был заряженный пистолет. Турки вынуждены были отступить. На рапорте Грейга Государь написал: «Капитана-лейтенанта Казарского произвести в капитаны 2 ранга, дать Георгия 2 кл., назначить флигель-адъютантом с оставлением при прежней должности и в герб прибавить пистолет. Всех офицеров в следующий чин, и у кого нет Владимира с бантом, то таковой дать. Штурманскому офицеру сверх чина дать Георгия 4 класса. Всем нижним чинам знак отличия военного ордена и всем офицерам и нижним чинам двойное жалование в пожизненный пенсион. На бриг «Меркурий» георгиевский флаг.

По приходе брига в ветхость заменить его другим, новым, продолжая сие до времен позднейших, дабы память знаменитых заслуг команды брига «Меркурий» и его имя во флоте никогда не исчезало и, переходя из рода в род, на вечные времена служила примером и потомству».

В Севастополе, на мысе, при входе в порт в 1834 г. поставлен памятник в виде каравеллы с надписью на пьедестале: «Казарскому, потомству в пример». В 1834 г. в Балтийском флоте был построен 20-пушечный бриг «Казарский»; потом это имя носил минный крейсер, впоследствии посыльное судно в Черном море.

Второе донесение адмирала говорило о позорной сдаче фрегата «Рафаила», командир которого, капитан 2 ранга Стройников спустил флаг при встрече с турецким флотом. Фрегат торжественно был приведён в Константинополь. Указом Грейгу предложено образовать под своим председательством комиссию для обследования этого дела. Высочайший указ заканчивался так: «Уповаю на помощь Всевышнего, пребываю в надежде, что неустрашимый флот Черноморский, горя желанием смыть бесславление фрегата «Рафаил», не оставит его в руках неприятеля. Но, когда он будет возвращен во власть нашу, то, почитая фрегат сей впредь недостойным носить флаг России и служить наряду с прочими судами нашего флота, повелеваю вам предать оный огню». Воля Императора оказалась исполненной. Турки назвали фрегат «Фазли-Аллах» (данный Богом). Он находился в Синопской бухте и был зажжен во время боя 16 ноября 1853 г. с флагманского корабля вице-адмирала Нахимова «Императрица Мария». Фрегат взлетел на воздух в виду русской эскадры.

Дибич начал 5 июля переход через Балканы. Турецкие города сдавались почти без сопротивления. «Любезный друг, с какою

радостью я могу сказать вам: спасибо, Забалканский, — писал Государь Дибичу 4 августа, — название это принадлежит вам по праву, и я даровал его вам от всего сердца. Но прежде всего да будет тысячекрат благословен Господь за Его столь явное вам содействие, признаем Его покровительство во всем, что случается для нас счастливого...»

В Айдосе — городе по пути к Сливену и Адрианополю — Дибич издал 13 июля прокламацию к жителям, в которой объявлял об освобождении мусульманских жителей от постоя, о свободе их богослужений и об оставлении занятой русскими местности под властью султана и под управлением турецких чиновников. Распоряжение это произвело весьма благоприятное впечатление на местное турецкое население.

27 июня 1829 г. граф Паскевич взял Эрзерум. Государь писал ему 30 июля: «Трудно мне выразить, любезный мой Иван Федорович, с каким душевным удовольствием получил я известия, привезенные Дадьяновым и Фелькерзамом. Вы все сделали, что можно только ждать после продолжительной и трудной кампании и все сделали в 14 дней; вы вновь прославили имя русское, храброе наше войско и сами приобрели новую, неувядаемую славу; да будет награда вам — первая степень Георгия — памятником для вас и для войск, вами предводительствуемых, славных ваших подвигов и того уважения, которое с искренней дружбой и благодарностью моей навеки принадлежит вам. Изъявите всем мое совершенное удовольствие и признательность; поведение войск после победы мне столь же приятно, сколь славнейшие подвиги военные; оно стоит побед влиянием в пользу нашу... Сего же вечера получил я рапорт Ивана Ивановича из Айдоса... Вопрос, чего хочет султан? Казалось бы, правда, и этого довольно, но товарищ Махмуд упрям; зато мои Иван Федорович и Иван Иванович его прошколят досыта».

Пушкин, посетивший в то время кавказскую армию, писал: «Полки наши пошли в Арзрум, и 27 июня, в годовщину Полтавского сражения, русское знамя развилось над арзрумской цитаделью».

13 июля в Красном Селе был парад войскам. На нем присутствовали пленные двухбунчужный паша и 12 бим-пашей. Им предоставлены были лошади, оседланные по-турецки, и вообще им, как печаталось тогда, оказаны были «все учтивости, с коими обходятся у нас с обезоруженными пленными неприятелями». В конце парада

они были обрадованы личным обращением Государя, что он дарует им свободу и велел снабдить как деньгами, так и всем нужным для совершения дальнего путешествия. 12 июня взят был Бургас.

8 августа занят без выстрела Адрианополь. Иниада покорена черноморским флотом. Демотика сдалась добровольно. 26 августа занят был г. Энос, после чего армия Дибича вошла в связь с находившейся в Архипелаге эскадрой графа Гейдена. Главнокомандующий предполагал двигаться на Константинополь.

29 августа прибыл к Дибичу курьер от прусского посланника Рейера с письмами к главнокомандующему французского посла графа Гильемино и английского — Роберта Гордона, которые уведомляли, что в случае движения русских войск к Царьграду Порта перестанет существовать и что самое ужасное безначалие, уничтожив власть ее, подвергнет без защиты самому пагубному жребию христиан и мусульман турецкой империи.

«Письмо это, — писал исполняющий обязанности дежурного генерала А. И. Михайловский-Данилевский, — в коем представители двух сильных держав объявляли торжественно, что Порта просит пощады и жребий свой предоставляет великодушию победителя, исполнило нас неописанною радостью. Главнокомандующий столь был поражен словами, что в случае движения его существование Турции прекратится, что у него из глаз лились ручьи слез». Граф Толь также плакал.

Во время мирных переговоров в Адрианополе Дибич имел только 12 200 пехоты, 4500 кавалерии и 100 орудий. Армия таяла от болезней. Не зная еще о выступлении послов, Государь, опасаясь осложнений со стороны иностранных держав, писал 28 августа Дибичу: «Одобряю во всех отношениях принятые вами меры, но настаиваю, чтобы в том случае, если переговоры прервутся, вы направили отряд войск к Дарданеллам, дабы быть уверенными, что незваные гости не явились там для вмешательства и вреда делам нашим... Наконец, если вы у Дарданелл, то положительно откажите в пропуске всякому иному флоту, кроме нашего. Если же употреблять силу, вы ответите пушечными выстрелами. Но от сего да оборонит нас Бог».

Государь о том же писал Дибичу 1 сентября: «...Но затем, любезный друг, теперь более, чем когда-либо отнесем все Богу и да будем спокойнее, скромнее и великодушнее, и более последовательнее прежнего; вот слава, к которой я стремлюсь, и да хранит меня Господь добиваться иной, я же уверен, что вы

меня понимаете... Итак, если все кончено, возвращайтесь, если же нет, вперед».

12 сентября Государь, получив донесение о взятии Адрианополя, писал Дибичу: «Я не могу иначе начать мое послание, как, возблагодарив Бога, сказав вам: браво, браво и браво. Мой ответ — св. Георгий первой степени, который вам посылаю; вы его вполне заслужили. Теперь еще раз благодарю вас за ваш образ действий, столь же твердый и искусный, сколь благородный и умеренный. Положение ваше достойно главнокомандующего русской армией, стоящей у ворот Константинополя. В военном отношении оно баснословно, и воображением едва можно себе его представить: правый фланг, опирающийся на флот, отправленный из Кронштадта, левый — на севастопольский флот, прусский посланник, являющийся в главную квартиру и приносящий мольбы султана и свидетельство о гибели, подписанное послами французским и английским! После этого остается только сказать: велик Бог русский и спасибо Забалканскому».

2 сентября 1829 г. во дворце Эски-Сарай подписан был Адрианопольский мирный договор. Дарданеллы и Босфор открыты были для торговли всех народов. Безопасность азиатской границы России обеспечивалась присоединением крепостей: Анапы, Пота, Ахалцыка, Ацхура и Ахалкалаки. Утверждены права и преимущества Сербии и княжеств Молдавии и Валахии. Греция признана вассальным государством. Уплата Турцией военных издержек определена в 10 миллионов голландских дукатов.

Кн. Меншиков внес 17 сентября в свой дневник: «Государь приехал в город по случаю полученного известия о мире с турками и ездил со мною поклониться Казанской иконе в соборе».

Графы Дибич и Паскевич были назначены фельдмаршалами, причем первому пожалован один миллион из контрибуции. Граф Толь получил Георгия 2 ст. и Владимира 1 ст. Министр финансов Б. Ф. Канкрин возведен в графское достоинство. Мольтке и Веллингтон одобрительно отзывались о проведенной Дибичем кампании 1829 года.

25 сентября Государь писал второму победителю, гр. Паскевичу: «Бог благословил наше дело, любезный Иван Федорович, и славный мир положил конец подвигам армий наших, стяжавших новые неувядаемые лавры под водительством вашим и товарища вашего в Европе. Воздав благодарение Всевышнему, видимо нам помогавшему, обращаюсь к вам, мой любезный Иван

Федорович, примите искреннее благодарение старого вашего друга, умеющего ценить ваши заслуги.

Чин фельдмаршала, мною вам данный, принадлежит вам не по пристрастию какому, но по славным делам, которые присоединили имя ваше к именам Румянцева и Суворова; с сердечно-стью пишу вам это, ибо слова сии в моих устах не лесть, а справедливость».

Как и после персидской кампании, Государь закончил это сердечное письмо Паскевичу нравоучительными строками, столь ему свойственными: «Но позвольте другу вашему сказать вам: ничто столько не украшает величия дела, как скромность; в этом нахожу я величайшую красу, истинную доблесть великих людей. Во всяком деле, нами исполняемом, мы должны искать помощи Божией; Его рука нас карает, Его же рука нас возносит; вас она поставила на высшую ступень славы! Да украсит вас и последняя слава, которая истинно будет ваша принадлежность: скромность! Воздайте Богу и оставьте нам славить вас и дела ваши. Вот совет друга, вас искренно любящего и до глубины души благодарного...»

Австрийский дипломат Фридрих Гентц, один из сподвижников кн. Меттерниха, успехам русского оружия не сочувствовавшего и к России недоброжелательного, дает такую оценку Адрианопольскому миру: «Умеренность — понятие относительное, но в случае, сходном с настоящим, оно должно одинаково распространяться как на победителя, так и на побежденного. В сравнении с тем, чего могли требовать русские и требовать безнаказанно, они требовали мало. Я не говорю, чтобы у них достало силы разрушить Турецкое царство в Европе, не подвергаясь европейскому противодействию. Но они могли потребовать уступки княжеств и Болгарии до Балкан, половины Армении и вместо десяти миллионов червонцев — пятьдесят, причем ни Порты не имела бы власти, ни кто-либо из Добрых друзей ее серьезного намерения этому воспрепятствовать. Конечно, Император неоднократно уверял, что он не хочет завоеваний в этой войне. Но от подобных уверений легко отречься при содействии сотни дипломатических тонкостей, и если бы даже голос нескольких честных людей обозвал его вероломным, зато несравненно сильнейшая часть глубоко испорченного общественного мнения громко приветствовала бы его. Представляется вопрос: что могло побудить Императора не переступать границ, предписанных им его генералам и дипломатам? Любовь ли к справед-

ливости, великодушие, благородные, или соображения, касающиеся отечественных условий, или же другие какие-либо причины? Одно остается несомненным, что он мог бы пойти далее, чем пошел в действительности, и сторонники его политики имеют поэтому полное право восхвалять его умеренность».

В исходе 1829 г. в С.-Петербург приезжал прусский генерал барон Мюффлинг (1775—1851), впоследствии прусск. фельдмаршал, сопровождавший младшего брата Императрицы, принца Альбрехта. В острое для России время в 1829 г. Мюффлинг посылался из Берлина с чрезвычайной миссией содействовать заключению мира. Он не раз беседовал с Государем по Восточному вопросу. Одну из этих бесед Мюффлинг записал так: «Император сказал, что со времени падения янычар Оттоманское государство утратило завоевательный характер. Он хвалил характер мусульман, их любовь к правде, верность, с которой они держат данные обещания и отсюда приходил к заключению, что он и не может желать лучших соседей, поэтому он сделает все, что может, чтобы поддержать их неприкосновенность и, насколько только возможно, предохранить их от внутренних распрей и внешних нападений. Если в Европе иногда высказываются опасения, что будто бы он, поддаваясь любви к воинам или ложному честолюбию, способен выступить против Порты в качестве завоевателя, то это доказывает не только полное незнакомство с направлением его ума, но обуславливает также предположение, что он мало вдумывается и в свое собственное положение и в положение своего государства. Пространство подвластных его скипетру земель, равно как их население, могут с избытком занять одну человеческую жизнь; с его стороны было бы безрассудным стремиться к завоеваниям; от Бога предначертанный ему путь заключается в способствовании благоденствию его подданных, а для этого нужно прежде всего обереечь их от легкомысленных войн. Подобной цели можно достигнуть путем верного выполнения обязательств, принятых по отношению к другим государствам и последовательного воздержания от вмешательства в область чужих прав. Это составляет стремление его жизни, и он молит Бога ниспослать ему необходимые к этому здоровье и силы».

«Мысли, высказанные Императором, — продолжает Мюффлинг, — привели меня в трудно поддающееся описанию волнение. Они были выражены так просто и вместе с тем с такою теплотою, что не могло явиться и мысли о чем-либо искусствен-

ном и преднамеренном. Благородное сердце, богато одаренная душа, светлый ум проявились с правдивостью при важном, хотя и самом случайном поводе. Я тотчас же записал этот навсегда памятный для меня разговор, и в течение пятимесячного пребывания в С.-Петербурге я не нашел в действиях и поступках Императора ничего такого, что не стояло бы в полнейшем соответствии со словами этого разговора».

Пребывание Мюффлинга в столице совпало с приездом туда в конце января 1830 г., лично ему известного, чрезвычайного посла султана Галиль-паши с ходатайством о смягчении условий Адрианопольского мира.

Император, принимая 9 февраля 1830 г. посла, изложил исторический ход недавних событий и, между прочим, заявил: «Пусть же султан убедится, что его друзья находятся в Петербурге, а не где-либо в другом месте, и что один из этих друзей и самый верный, это — я... Он может рассчитывать на меня. Я хочу, чтобы Османская империя была сильна и спокойна...»

Через два года, когда Турция находилась в тягчайшем положении из-за восстания египетского паши, Государь доказал справедливость сказанного им.

14 апреля 1830 г. заключена была с Галиль-пашей конвенция. Император Николай согласился сократить контрибуцию на 2 миллиона, разрешив оставшиеся 8 миллионов выплачивать ежегодными взносами по 1 миллиону. Государь великодушно отказался от десятилетней оккупации Придунайских княжеств, обещав вывести войска по уплате вознаграждения за убытки русских подданных. До окончательной выплаты контрибуций удерживалась только крепость Силистрия. Государь обещал сократить контрибуцию еще на 1 млн., если Турция признает полную независимость Греции.

После решительной русской победы, Россия, Англия и Франция протоколом, подписанным 22 января 1830 г. в Лондоне, постановили признать Грецию независимым государством. Султан вынужден был в конце концов принять это решение. В мае 1832 г. на греческий престол вступил баварский принц под именем Оттона I.

* * *

Император Наполеон I, отторгнув польские области в 1807 г. от Пруссии и в 1809 г. от Австрии, создал Герцогство Варшавское. Поляки принимали большое участие в 1812 г. в войне

французов против России. Решением Венского конгресса земли эти, за исключением области Познанской, Галиции и Кракова, вошли в нераздельный состав Российской Империи. Император Александр мог подчинить Царство Польское общим законам Империи, но в порядке великодушия, он Учредительной хартией 12 декабря 1815 г. предоставил ему особенный порядок управления. Учреждены были им Сенат, составленный из епископов, воевод и каштелянов, назначаемых Государем пожизненно, и Сейм, составленный из депутатов от дворянства и общин. Законы получали силу только по принятию их обеими палатами и утверждению Государем. Во главе Правительственного Сената из пяти назначаемых монархом министров стоял царский наместник. Последним был назначен старинный враг России, генерал Зайончек, принимавший участие в восстании Костюшки и наполеоновских войнах, но отличавшийся благородством и оценивший великодушие Государя. Польской армией начальствовал Цесаревич Константин Павлович, ее очень любивший и сделавший для нее много. Представителем России был императорский комиссар, заседавший в Правительственном Совете. Таковым был известный сподвижник первых годов царствования Императора Александра I Н. Н. Новосильцев.

Бедная в 1815 г. Польша, под скипетром Императора Александра обратилась в благоустроенное, сильное и цветущее государство. Особенно много сделал в этом отношении министр финансов (с 1821 г.) князь Франциск-Ксаверий Друцкой-Любецкий (1779—1846), уроженец Гродненской губ., воспитывавшийся в С.-Петербурге в Сухопутном кадетском корпусе, принимавший участие в итальянском походе Суворова. Он привел в порядок всегда ранее разрозненные финансы Польши, наладил школьное дело, создал польскую промышленность (напр., Жирардовскую фабрику), оживил торговлю и проч. Наряду с довольной массой народа, нашлись, однако, люди, мечтавшие не только о полной независимости Польши, но и о возвращении ей тех русских земель, которыми она завладевала с конца XIII в. и начала утрачивать с середины XVII в. Император Александр I, при открытии третьего сейма в 1825 г., должен был призвать поляков к благоразумию. Были поляки среди декабристов.

Император Николай I, как упоминалось в первом очерке, не любил поляков. Но верный долгу во всем, он свято исполнял свои обязанности польского короля. Выше указывалось на от-

правку им из Варны военных трофеев в Варшаву. Венчавшись на царство в Москве, он решил, как польский король, короноваться в Варшаве.

Государь 5 мая 1829 г. совершил торжественный въезд в Варшаву. Примас, окруженный прочим католическим духовенством, ожидал Государя на паперти церкви францисканцев. Выслушав молитву, Император Николай принял святую воду. 12/24 мая совершен был обряд коронования в королевском замке, в зале сената. После молитвы архиепископа Государь возложил на себя корону, надел порфиру, украсил цепью ордена Белого Орла Императрицу и принял в руки державу и скипетр. «Vivat rex in aeternum»¹, — произнес тоекратно примас. Присутствовавшие поляки не повторяли этого возгласа, что произвело тяжелое впечатление. Потом, некоторые оправдывались, говоря, что об этом не предупредили. После этого Государь отбыл в собор св. Иоанна (Яна), где католическим духовенством был отслужен благодарственный молебен. Группа заговорщиков задумала произвести покушение на жизнь Государя, но это им не удалось вследствие вовремя принятых мер.

Гр. Бенкендорф записывал в дневнике в тот же день: «Возвратившись во внутренние комнаты, Государь послал за мной. При виде моего духовного смущения он не скрыл и своего. Он принес присягу с чистыми помыслами и с твердою решимостью свято ее соблюдать. Рыцарское его сердце всегда чуждалось всякой затаенной мысли».

Из Варшавы Государь неожиданно решил проехать в Берлин, куда должна была ехать к отцу только Императрица. Король Фридрих-Вильгельм III был поражен, когда вместе с дочерью 25 мая (6 июня) во Фридрихсвальде прибыл и Государь.

«Весть об этом, — пишет Бенкендорф, — вскоре достигла Берлина, и весь город поднялся на ноги и побежал ко дворцу, все поздравляли друг друга, кричали и толпились на улицах: казалось Пруссию посетило какое-то неожиданное счастье... Общий крик радости приветствовал короля, Императора и Императрицу, при входе их во дворец, и перешел почти в неистовый вопль, когда король показался на балконе, держа за руку своего маленького внука, Наследника русского престола».

В Берлине в это время готовились к встрече невесты брата Императрицы (будущего императора Вильгельма I), принцессы

¹ «Да здравствует вечно король» (лат).

Августы Саксен-Веймарской, дочери Вел. кн. Марии Павловны и племянницы Государя.

Проехав на обратном пути через Варшаву, Государь выехал 13/25 июня в Красностав. За станцию до Пулав, рассказывал гр. Бенкендорф, к Государю явился какой-то человек во фраке с приглашением от княгини Чарторижской, матери кн. Адама, остановиться у нее в Пулавском замке. «Такой странный образ приглашения, — писал Бенкендорф, — побудил Государя к отказу, выраженному, впрочем, в вежливых формах. Против самых Пулав надо было переезжать Вислу на пароме. Мы увидели, что на противоположном берегу стоит много людей, и когда переехали реку, то княгиня сама подошла повторить свое приглашение. Государь, стоя, несмотря на палящие лучи солнца, без фуражки, извинялся тем, что не может медлить в пути, так как Цесаревич ожидает его на ночлег. Старуха, которая имела вид настоящей сказочной ведьмы, продолжала настаивать и на повторенный отказ сказала: „Ах! вы меня жестоко огорчили, и не прощу вам этого вовек“. Государь поклонился и уехал». Некоторые говорили, что этот случай повлиял на развязку польских дел в революционном смысле.

Сам Государь передавал, что во время коронации в Варшаве княгиня Чарторижская не появилась на торжествах, хотя сын ее, кн. Адам, проживавший в Варшаве, был возведен в обер-камергерское достоинство. Поэтому при встрече у паромы Государь сказал ей, что, пригласи она его в Варшаве, он, может быть, «нашел бы еще время доставить ей это удовольствие».

Государь 23 июня 1829 г. впервые как Император посетил Киев, в котором не был с 1816 г. Прибыв вечером, он прямо подъехал к Лавре, где его ожидал митрополит Евгений с братией. В это время в обители находилось очень много богомольцев. На литургии он был в Софийском соборе; поклонялся св. мощам Печерских угодников. Во время пребывания в Киеве он посещал и другие храмы, осматривал общественные учреждения, крепостные сооружения. Текущие дела шли без задержки. Курьеры ежедневно привозили дела и доклады. Государь ложился спать не ранее трех часов утра, рассмотрев все поступившие дела. Успевал он писать подробные письма Императрице и прочитывать донесения о ходе уроков детей.

Во второй половине 1829 г. выехал в Россию персидский принц Хозрев-Мирза для выражения сожаления деда своего, шаха Фет-Али, по поводу убийства А. С. Грибоедова. От Тифлиса его сопровождал генерал-лейтенант барон П. Я. Рененкамф-2-й, к которому присоединился в Новгороде генерал П. П. Сухтелен, состоявший при нем все время пребывания его в России. Принцу оказан был отличный прием в Москве, Новгороде и Царском Селе. В С.-Петербурге ему отведено было помещение в Таврическом дворце. В комнатах были разложены ковры и поставлены особые диваны. Помещен был портрет отца принца Аббас-Мирзы. Пищу готовили приглашенные для этого татары-шииты.

10/22 августа принц был торжественно принят в Георгиевском зале Зимнего дворца. Государь с Императрицей стояли на ступеньках, ведущих к трону. Обер-церемониймейстер ввел молодого принца с его свитой и, после трех поклонов, Хозрев-Мирза с видимым волнением произнес следующее: «Его Величество, августейший дед мой, шах персидский, отправил меня к Вашему Императорскому Величеству для уверения в прочности мира между обеими высокими державами и в непричастности персидского правительства в случившемся несчастном происшествии, которое желает он, дабы Ваше Императорское Величество сооблаговостили предать совершенному забвению. С моей стороны горжусь я столь великою честью, что удостоился представиться Вашему Императорскому Величеству, почитая себя совершенно счастливым, что сей выбор его величества шаха преимущественно пал на меня из всех его сыновей и внуков». Грамоту шаха принц подал Государю, который передал ее вице-канцлеру гр. Нессельроде, который огласил ответ шаху, написанный в самых дружественных и успокоительных заверениях.

Принц и в дальнейшем, по повелению Государя, окружен был вниманием и осыпан подарками.

Генерал-адъютант гр. Бенкендорф 18 октября 1829 г. писал графу Дибичу: «Благодаря вашим победам и мудрым распоряжениям, которые привели к ним, мы наслаждаемся здесь истинною радостью, в целой Европе — внушительным положением, а внутри — спокойствием и доверием к правительству, которые могут привести лишь к хорошим результатам. Теперь мы свободны от каких бы то ни было помех, сильнее более чем когда бы то ни было в мнении всех народов; ничто не мешает отдалиться

последовательным улучшениям, новым реформам, в которых нуждается Россия. Это будет прекрасным плодом четырех лет войны и напряжения, которыми началось царствование нашего повелителя. Он также мало отступит перед административными трудностями, как и перед трудностями войны; он не встретит в этой области деятелей столь блестящих, столь быстрых в действии, как «Забалканские» и «Эриванские», но раз эти трудности будут побеждены, он извлечет из них славу, столь же блестящую и еще более полезную для своих многочисленных подданных».

Действительно казалось, что в Европе наступило затишье, дававшее Государю возможность посвятить себя внутренним делам расширившейся Империи. Но начавшееся в июле 1830 г. революционное движение во Франции, перебросившееся и в другие страны и заразившее поляков, заставило Государя снова заниматься внешними делами.

* * *

Начало 1830 г. было еще спокойным. В ночь на 7 марта Государь неожиданно прибыл из Новгорода в Москву. В два часа коляска царская остановилась у Кремлевского дворца. Бенкендорф так описывает это событие в дневнике:

«И там, и в целом городе все, разумеется, спали, и появление наше представилось разбуженной придворной прислуге настоящим сновидением. С трудом можно было допроситься свечи, чтобы осветить Государеву комнату. Он тотчас пошел без огня в придворную церковь помолиться Богу и по возвращении оттуда, отдав мне приказания для следующего дня, прилег на диване. Я послал за обер-полицмейстером, который прискакал напуганный моим неожиданным приездом, и совершенно остолбенел, когда услышал, что под моей комнатой почивает Государь... В 8 ч. утра (7 марта) я велел поднять на дворце Императорский флаг, и вслед затем кремлевские колокола возвестили москвичам прибытие к ним Царя». Вскоре дворцовая площадь была полна волнующимся народом.

«В 11 ч. Государь вышел из дворца пешком в Успенский собор, все головы обнажились, загремело многотысячное «ура», и толпа до того сгустилась, что генерал-губернатор кн. Д. В. Голицын и я насилу могли следовать за Государем, да и сам он при всех усилиях народа раздаваться перед ним едва мог продвинуть-

ся вперед. Только на какой-нибудь аршин очищалось вокруг него место; он беспрестанно останавливался и, чтобы пройти двести шагов, разделяющих дворец от собора, употребил, конечно, десять минут. На паперти ожидали его митрополит Филарет и духовенство с крестами; при виде их народные клики тотчас замолкли...»

Государь посещал в Москве общественные заведения, училища, госпитали, принимал купцов и фабрикантов и осматривал мануфактурную промышленность, все более развивавшуюся в Москве. Пробыв в Первопрестольной пять дней, Государь 12 марта в полночь сел в сани и через 38 часов, промчавшись 700 верст, был в Зимнем Дворце.

* * *

Строгий блюститель законности, Император Николай I считал себя обязанным собрать польский сейм. В этом он не находил сочувствие со стороны старшего брата, стоявшего во главе польской армии. Вел. кн. Константин называл сейм «нелепой шуткой». Возражая ему, Государь говорил: «Мы существуем для упорядочения общественной свободы и для подавления злоупотребления ею».

В мае 1830 г. Государь прибыл в Варшаву, где 16/28 открыт был первый в его царствовании сейм. Открывая сейм, Государь сказал:

«Пять лет протекло со времени вашего последнего собрания. Причины, не зависевшие от моей воли, помешали мне созвать вас раньше; но причины этого запоздания, к счастью, миновали, и сегодня я с удовольствием вижу себя окруженным представителями народа. В этот промежуток времени Божественному Провидению угодно было отозвать к Себе восстановителя вашего отечества; вы все почувствовали великое значение этой утраты и поэтому ощутили глубокую печаль: Сенат, истолкователь ваших чувств, выразил мне желание увековечить воспоминание о благороднейших добродетелях и о глубокой благодарности. Все поляки призваны содействовать сооружению памятника, предположения о котором будут вам представлены. Всемогущий благословил наше оружие в двух войнах, которые Империя только что должна была вести. Польше не пришлось нести их тягостей; однако она пользуется выгодами, которые явились следствием их, благодаря тому братству в славе и инте-

ресах, которое связуется отныне с ее неразрывным единением с Россией. Польская армия не приняла активного участия в войне; мое доверие указало ей другой пост, не менее важный; она составляла авангард армии, долженствовавшей охранять безопасность Империи... Беспредельно возрастающее развитие промышленности, расширение внешней торговли, увеличение обмена продуктами между Польшей и Россией являются несомненными выгодами, которыми вы уже пользуетесь в настоящую минуту и которые в то же время дают вам уверенность в непрерывном возрастании вашего благосостояния... Представители польского народа! Выполняя во всем объеме 45-ю статью конституционной хартии (т. е. коронацию в Варшаве), я дал вам залог моих намерений. Теперь ваше дело упрочить творение восстановителя вашего отечества, пользуясь с умеренностью и благоразумием правами, которые он даровал вам. Пусть спокойствие и единение сопутствуют вашим занятиям!»

Во время работ сейма Государь отсутствовал, дабы ни в какой мере не влиять на ход его занятий. Вернувшись к закрытию сейма, он, конституционный король Польши, произнес в заседании его 16/28 июня заключительное слово, законченное словами: «Хотя и находясь вдали от вас, я всегда буду стоять на страже вашего истинного счастья». Обращения Государя произносились на французском языке.

* * *

В том же 1830 г. на Россию надвигалась холера, свирепствовавшая в Персии. В России первые признаки ее обнаружили еще в 1817 г. в Астрахани, потом в 1829 г. в Оренбурге. Способы лечения этой страшной болезни были неизвестны. Главные меры борьбы с нею заключались в устройстве карантинных и оцеплений заразных мест. 9 сентября образована была Центральная комиссия для пресечения холеры. Государь следил за работой и направлял ее. 24 сентября пришло известие о холерных заболеваниях в Москве.

«С сердечным соболезнованием получил ваше печальное известие. Уведомляйте меня эстафетой о ходе болезни, — писал Государь московскому генерал-губернатору. — От ваших известий будет зависеть мой отъезд. Я приеду делить с вами труды и опасности. Преданность воле Божией!»

29 сентября Государь в сопровождении Бенкендорфа прибыл в Москву.

В «Русском Архиве» (1901) напечатано письмо современника, А. Я. Булгакова, об этом событии: «Подъехав к дому генерал-губернатора кн. Д. В. Голицына, Государь не велел никому двигаться с места, а только показать одному дорогу к Князеву кабинету. Он, по своему обыкновению долго нежиться и работать в постели, недавно встал, был в халате своем перед зеркалом маленьким, чистил рот. Вообрази же себе удивление князя, увидевшего в зеркале лицо Государя, за ним стоявшего... Он вскочил со стула испуганный. Первые слова Государя были: «Надеюсь, князь, что все в Москве так же здоровы, как вы?» — после чего и стал расспрашивать князя обо всем. Потом Его Величество поехал к Иверской Божией Матери, где молился, стоя на коленях. Несметная толпа народа сопровождала Царя до дворца, где Его Величество изволил переодеться, принять митрополита Филарета и, надев ленту, пойти в собор. Тут встретил его митрополит со словами: «Благословен грядый на спасение града сего»... Столица казалась пустой, мертвой, — и вдруг оживились; забыли о холере и самые трусы: все одним заняты — неожиданным прибытием Государя... Государь-то какой Ангел! Всем известно, как он любит Императрицу и детей своих, — он оставляет непринужденно все, что сердцу его дорого, ценно, чтобы лететь в Москву, которую ему описали жертвою смертоносной лютой заразы. Это будет в истории написано золотыми буквами».

Митрополит Филарет в слове своем сказал еще: «Такое царское дело выше славы человеческой, поелико основано на добродетели христианской... С крестом встречаем тебя, Государь, да идет с тобою воскресение и жизнь...» Народ у Иверской часовни и у Успенского собора громко восклицал: «Ты — наш отец, мы знали, что ты к нам будешь; где беда, там и ты, наш родной».

Государь пробыл в Москве до 7 октября. Посещал он общественные учреждения, главным же образом направлял и ободрял власти. Во дворце умерли от холеры старик лакей, обслуживавший комнату Государя, и судомойка. Недомогание ощутил и он сам. Бенкендорф пишет: «Вдруг за обедом, на который было приглашено несколько особ, он почувствовал себя нехорошо и принужден был выйти из-за стола. Вслед за ним поспешил доктор, столько же испуганный, как и мы все, и хотя через несколько минут он вернулся к нам с приказанием от Государя не ос-

танавливать обеда, однако никто в смертельной нашей тревоге уже более не прикасался к кушанью. Вскоре затем показался в дверях сам Государь, чтобы нас успокоить; однако его тошнило, трясла лихорадка и открылись все первые симптомы болезни. К счастью, сильная испарина и данные вовремя лекарства вскоре ему пособили, и не далее как на другой день все беспокойство наше миновало».

В бытность Государя в Москве прибавлено было число больниц, открыты приюты для осиротевших детей, богадельни для одиноких стариков. Государь за всем наблюдал. Заболевания начали уменьшаться.

В Твери Государь, соблюдая закон им установленный, провел 11-дневный карантин во дворце покойной Вел. кн. Екатерины Павловны. В Царское Село он прибыл 20 октября.

* * *

К приезду Государя в Москву относится стихотворение Пушкина «Герой», напечатанное впервые в «Телескопе» Надеждина без подписи автора. Оно говорит о посещении Наполеоном в Яффе лагеря больных чумой. В конце стихотворения автор отвечает «Другу», сомневающемуся в этом событии. Стихотворение это кончается непонятным, как бы словом Друга: «Утешься». Под ним стоит помета «29 сентября 1830 г. Москва», дающая ключ ко всему стихотворению. Пушкина в то время не было в Москве: он был в Болдине. Но что произошло в этот день в Москве? В холерную столицу приехал Государь, явив тем пример героизма, отвечающего образу Наполеона в чумных бараках Яффы. «Утешься», говорит Друг: тебе не нужно искать «возвышающего обмана»; пусть «Яффа» оказалась легендой, — «Москва», посещение ее в холеру Императором есть правда! Тайна этого истолкования была открыта публике непосредственно после смерти Пушкина М. П. Погодиным, обнародовавшим следующее письмо к нему Пушкина: «Напечатайте, где хотите, хоть в Ведомостях, но прошу вас и требую, именем нашей дружбы, не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропустит, то перешлите Дельвигу, но также без моего имени и не моей рукой переписанное...» «В этом стихотворении самая тонкая и великая похвала нашему славному Царю. Клеветники увидят, какие чувства питал к нему Пушкин, не хотевший, од-

нако ж, продираться со лъстецами», — писал Погодин кн. П. А. Вяземскому при посылке стихотворения. «Только по смерти Пушкина, — писал Гоголь, — обнаружались его истинные отношения к Государю и тайны двух его лучших сочинений («Герой» и «К Н»). Никому не говорил он при жизни о чувствах, его наполнявших, и поступал умно... Пушкин высоко слишком ценил всякое стремление воздвигнуть падшего. Вот отчего так гордо затрепетало его сердце, когда услышал он о приезде Государя в Москву во время ужасов холеры, — черта, которую едва ли показал кто-либо из венценосцев и которая вызвала у него эти замечательные стихи». Показательно, что в черновике статьи Пушкина о Радищеве имеется такая запись: «Ныне царствующий Император чаще других удостаивает Москву своим посещением. Неожиданный приезд его в конце 1830 г. во время заразы принадлежит будущему историку...»¹

Бесстрашная поездка Императора Николая I в Москву вдохновила еще двух поэтов.

Барон А. А. Дельвиг 13 октября написал следующее стихотворение:

УТЕШИТЕЛЬ

Москва уныла: смерти страх
Престольный град опустошает;
Но кто в нее, взирая прах,
Навстречу ужаса влетает?
Петров потомок, Царь, как он
Бесстрашный духом, скорбный сердцем,
Летит, услыша русский стон,
Венчаться душ их самодержцем.

Поэт Иван Иванович Козлов (1779—1840), ослепший на 40-м году жизни, ценимый очень Пушкиным, писал в 1830 г.:

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМУ ФИЛАРЕТУ

Когда долг страшный, долг священный
Наш Царь так свято совершал,
А ты, наш пастырь вдохновенный,
С крестом в руках его встречал, —

¹ Выдержка из сборника «Пушкин и его время» (Харбин, 1938) под общей редакцией проф. К. И. Зайцева.

Ему небес благоволенье
Изрек ты именем Творца,
Пред Ним да жизнь и воскресенье
Текут и радуют сердца!

Да вновь дни светлые проглянут,
По вере пламенной даны,
И полумертвые восстанут
Любовью царской спасены.

Д. Н. Блудов (с 1842 г. — граф), близкий с Карамзиным и Жуковским, крупный государственный деятель, писал жене и дочери в Берлин: «Вы, конечно, уже знаете, что Государь поехал в Москву и конечно также отгадали причину. Это прекрасное, сродное душе его движение спешить туда, где какая-либо опасность угрожает его подданным. Это новая черта его характера привела в восторг всех умеющих ценить порывы великодушия; она обрадовала и успокоила не только московских, но и здешних жителей...»

В «Дневнике» князя П. А. Вяземского под 6 ноября 1830 г. имеется такая запись: «Приезд Государя в Москву есть точно прекраснейшая черта. Тут есть не только небоязнь смерти, но есть и вдохновение, и преданность, и какое-то христианское и царское рыцарство, которое очень к лицу Владыке. Странное дело, мы встретились мыслями с Филаретом в речи его Государю. На днях, в письме к Муханову, я говорил, что из этой мысли можно было бы написать прекрасную статью журнальную. Мы видели царей в сражении. Моро был убит при Александре, это хорошо, но тут есть военная слава, есть *point d'honneur*¹, нося военный мундир и не скидывая его никогда, показать себя иногда военным лицом. Здесь нет никакого упоения, нет славолубия, нет обязанности. Выезд царя из города, объятого заразой, был бы напротив естествен и не подлежал бы осуждению; следовательно, приезд Царя в таковой город есть точно подвиг героический. Тут уж не близ Царя — близ смерти, а близ народа — близ смерти».

* * *

В июле 1830 г. над Европой пронеслась революционная буря. Во Франции свергнут был король Карл X. Бельгия отделилась от Голландии. Вспыхнули волнения в Италии. Император Николай I

¹ достоинство (фр.).

являлся сторонником сближения России с Францией. Со свойственной ему определенностью он высказался в этом смысле в своем письме к королю Карлу X 22 марта 1828 г. О таком взгляде Государя сообщали в 1830 г. своим правительствам австрийский и французский послы в Петербурге. Император Николай I сочувствовал королевской экспедиции в Алжир и отправил в действовавшую там армию полковника ген. штаба Философова. С радостью воспринята была им конечная там победа Франции.

Добрые чувства питал Государь и лично к Карлу X. С тем большим беспокойством наблюдал он в последнее время за его ошибочной внутренней политикой, несогласной с установлениями конституции, в верности которой король дал присягу. Будучи сам противником представительного строя, Государь считал, что монарх, приняв соответственные обязательства, должен честно их выполнять. Действия крайне реакционного правительства кн. Полиньяка, издававшего законы помимо парламента, вызывали негодование Государя. Опасался он сильной вспышки недовольства в стране. Министр иностранных дел гр. Нессельроде, писал 9 апреля 1830 г. русскому послу в Париже гр. Поццо-ди-Борго: «Его Императорское Величество желает Франции спокойствия и благоденствия, почему и желает торжества разумной умеренности». Государь, не стесняясь, высказывал осуждение действиями короля.

Сразу же после июльской революции Государь имел длительный разговор с французским поверенным в делах, бароном Бургоэном, начавшийся бурно. «Если бы во время кровавых смут в Париже народ разгромил дом русского посольства и обнародовал мои депеши, — сказал Государь во время этой беседы, — то были бы поражены, узнав, что я высказывался против государственного переворота; удивились бы, что Русский самодержец поручает своему представителю внушить конституционному королю соблюдение учрежденных конституций, утвержденных присягой». Тому же барону Бургоэну Государь в более раннем разговоре так отзывался о королевской гвардии, ведшей упорный бой с толпой: «Молодцы ваши гренадеры королевской гвардии! Я желал бы поставить золотую статую каждому из них».

При первых известиях о происшедшем во Франции Государь сохранял спокойствие. Он знал, что король Карл X отрекся от престола в пользу своего 10-летнего внука, герцога Генриха Бордосского, сына убитого революционером Лувелем в 1820 г. гер-

цога Беррийского. Получение известия о том, что королем стал представитель младшей линии Бурбонов, принц Луи-Филипп Орлеанский, страшно возмутило Императора Николая I, защитника начал законного наследования.

Графиня Антонина Дмитриевна Блудова отмечала в своих «Записках», что Государь не одобрял действия Карла X. Но его возмутило, что герцог Орлеанский, ближайший родственник Бурбонов, обязанный им возвращением огромного богатства и своего высокого сана, поспешил принять корону, которая передана была малолетнему герцогу Бордосскому, после отречения его деда и дяди. Герцог Орлеанский мог бы быть регентом до его совершеннолетия. Поведению Луи-Филиппа не сочувствовали жена его и дочь Мария, супруга первого бельгийского короля Леопольда I, заболевшая даже белой горячкой.

Второй сын Луи-Филиппа, герцог Немурский, считал себя присягнувшим Карлу X и был приверженцем Генриха V (до этого герцога Бордосского).

Первым побуждением Императора Николая было, не останавливаясь и перед вооруженным вмешательством, восстановить законный порядок во Франции. Но он помышлял действовать по примеру того, что в таких случаях предпринималось в царствование Имп. Александра державами, образовавшими Священный Союз. С этой целью им были отправлены для переговоров в Берлин фельдмаршал гр. Дибич-Забалканский и в Вену гр. А. Ф. Орлов. Но в обеих этих столицах решено было признать нового французского короля. Одиноким почувствовал себя Государь и в бельгийском вопросе. Луи-Филипп был признан Имп. Николаем I, не пожелавшим только именовать его, как других монархов, в письменных обращениях «братом».

Подводя итоги этим событиям, Бенкендорф пишет: «Итак, после долгой внутренней борьбы и гласно заявленного отвращения к новому монарху Франции, нашему Государю не оставалось ничего иного, как покориться силе обстоятельств и принести личные чувства в жертву сохранения мира и отчасти общественному мнению. Император Николай I впервые принудил себя действовать вопреки своему убеждению, и не без глубокого сожаления и досады признать Людовика-Филиппа королем французов».

Фельдмаршал Дибич был еще в Берлине, когда он получил от прусского министра Бернсторфа сообщение о вспыхнувшей в Варшаве 17/29 ноября 1830 г. революции. В Петербург первым пришло следующее сообщение, отправленное в германское посольство: «Варшава. 30 ноября 2 ч. утра. Общее восстание; заговорщики овладели городом. Его Императорское Высочество Цесаревич жив и здоров, он в безопасности посреди русских войск. Шмидт, прусский консул». Донесение Цесаревича Государь получил 25 ноября ст. ст. вечером. Вел. кн. Константин Павлович чудом спасся от молодых офицеров и юнкеров, предводительствуемых Высоцким, ворвавшихся в Бельведерский дворец. Убиты были мятежниками поляки: военный министр Гауке, генералы Трембицкий, гр. Станислав Потоцкий, Семионтовский и др. Цесаревич удалился в м. Вержбу. Поддавшись убеждениям некоторых польских офицеров, он вывел из Варшавы русские войска. Кроме того, Цесаревич сам отпустил в мятежные полки польских офицеров, оставшихся верными присяге, приведя этим в ужас нескольких генералов поляков, в их числе Хлопицкого, будущего диктатора.

26 ноября в Михайловском манеже был развод 3 батальона Преображенского полка, о каковом сохранилось сообщение австрийского посла графа Фикельмона Меттерниху от 1/13 декабря. На разводе присутствовали четыре дипломата. По окончании развода Государь ни в чем до этого не проявлявший своего волнения, выехал на середину манежа, подозвал к себе офицеров, объявил им о мятеже в Варшаве, и сказал: «Я уже сделал распоряжения, чтобы указанные мною войска двинулись к Варшаве, а если будет нужно, то пойдете и вы, моя гвардия, пойдете наказывать изменников и восстановите порядок и оскорбленную честь России. Знаю, что я во всех обстоятельствах могу положиться на вас». Негодование охватило всех. Раздался восторженный крик: «Веди нас против мятежников; мы отомстим за оскорбленную честь России». Целовали у Государя руки, одежду, ноги. Государь счел необходимым умерить негодование, напомнив офицерам, что не все поляки нарушили присягу, почему карать надо зачинщиков мятежа, прощать раскаявшимся и не допускать ненависти к «кровным братьям».

По поводу обращения Государя к гвардии Д. Н. Блудов 28 ноября писал своим за границу: «Венец, носимый Николаем I, не

из роз. Судьба часто испытывает его твердость сильными противностями, но он имеет утешение достойное его сердца, и в настоящем случае, конечно не без слез сладостного умиления, слышал и еще слышит голос своих истинных подданных, своих детей, ибо клики усердных воинов его гвардии повторяются всеми и всюду. Русские не умеют выдавать своих царей, особливо такого Царя».

Главкомандующим стотысячной армии, двинутой против мятежников, назначен был 1 декабря граф Дибич, начальником штаба граф Толь, генерал-квартирмейстером, генерал-адъютант Нейдгардт. Цесаревич Константин Павлович тяжело переживал события в Польше и старался выступать перед Государем ходатаем, не теряя надежды на то, что польская армия, которую он с такою любовью создавал, одумается. Но рассчитывать на это было трудно. Власть, правда, находилась в Варшаве в руках умеренного диктатора генерала Хлопицкого, но [мятежники] крайние усиливались.

Поляки послали в Петербург депутатов, — министра финансов кн. Любецкого и члена сейма гр. Езерского. «Поезжайте навстречу вашим соотечественникам, — сказал Государь Грибовскому, — и предупредите их, что если они явятся представителями власти, которую я не могу признать, то пусть уезжают обратно к пославшим их». Кн. Любецкий заявил, что он явится, как член королевского правительства доложить о случившемся своему королю. Государь принял каждого отдельно.

Император в письме к Цесаревичу от 19 декабря писал, что принял гр. Езерского, как «путешественника...». «Как только он вошел в комнату, он бросился передо мною на колени, рыдая, как ребенок; я с трудом успокоил его, и после того как я обнял его, мы уселись все трое, и я предложил ему рассказать все то, что он желал передать мне».

В том же письме Государь писал: «Я ответил ему, что гневаюсь только на убийц, что остальные должны быть уверены в моем прощении. Я сказал ему, что случаю угодно было, чтобы именно сегодня, 14 декабря, батальон, занимавший у меня караул, был тот же самый гвардейский экипаж, который пять лет тому назад был против меня, что вследствие этого приведенный пример доказывает, что я найду средство не только простить, но также дать войскам случай очистить себя в своих собственных глазах».

Государь убеждал Езерского, по возвращении в Варшаву, стараться утвердить власть диктатора. «Предложите и потребуйте от диктатора, — говорил он, — чтобы он покарал виновных, т. е. тех, которые убили своих начальников и нарушили все требования дисциплины; вы мне окажете величайшую, какую только можно, услугу, потому что, повторяю вам, роль палача отталкивает меня, и я хочу пользоваться лишь своим правом миловать...»

После беседы с ним Государь говорил близким: «...Они все, более или менее, страдают рассудком. Я не могу этого объяснить иначе». Граф Езерский в разговоре с Бенкендорфом настаивал на оккупации Галиции и Польши польскими войсками, то есть на отнятии земель у союзников России — Австрии и Пруссии. Об этом Государь сообщал Цесаревичу 19 декабря.

В этом же письме Государь писал старшему брату: «Желая приготовиться ко всему, я предложил жене ответить вместе, не зная, будет ли Богу угодно позволить нам быть вместе в то время, когда мы имеем обыкновение делать это; по крайней мере, мы причастимся, и я прошу у вас обоих прощения и вашего благословения; да сподобит меня таинство, к которому я готовлюсь приступить, найти ту силу и то присутствие духа, в которых я все более нуждаюсь, и которые я тщетно искал бы где-либо в другом месте чем там, откуда истекает милосердие и сила».

Государем было опубликовано 5 декабря воззвание к войскам и народу польского королевства, 12-го же декабря манифест, в котором выражалась готовность примирения со всеми, кто вернется к исполнению долга.

Император Николай еще до этого — 8 декабря — писал Цесаревичу: «Если один из двух народов и двух престолов должен погибнуть, могу ли я колебаться хоть мгновение? Вы сами разве не поступили бы так? Мое положение тяжкое, но моя совесть ни в чем не упрекает меня в отношении поляков, и я могу утверждать, что она ни в чем и не будет упрекать меня, я исполняю в отношении их всех мои обязанности до последней возможности, и не напрасно принес присягу, и я не отрешился от нее; пусть же вина за ужасные последствия этого события, если их нельзя будет избежать, всецело падает на тех, которые повинны в нем! Аминь».

Позднее он снова писал старшему брату: «Трудно прозреть будущее, но соображая в пределах человеческого разума, взве-

шивая различные вероятия успеха, трудно предположить, чтобы год оказался бы для нас более тяжелым, чем 1830 год. Дай Бог, чтобы я не ошибся. Я желал бы видеть вас спокойно водворившимся в Бельведере и порядок восстановленный повсюду, но сколько еще предстоит сделать прежде чем в состоянии достигнуть этого! Кто из двух должен погибнуть, — так как погибать необходимо, — Россия или Польша? Решайте сами. Я исчерпал все возможные средства, чтобы предотвратить подобное несчастье; средства, совместимые только с честью и моею совестью исчерпаны; или, по крайней мере, никто не может меня заставить поверить, что их хотели там понять или принять! Что же мне остается делать?»

Поляки сами внесли ясность в этот трудный вопрос. 13/25 января 1831 г. сейм объявил «династию Романовых лишенной престола». Главой национального правительства через 5 дней избран был кн. Адам Чарторижский, главнокомандующим кн. Михаил Радзивилл.

В ответ на это последовал манифест Государя: «13 января среди мятежного, противозаконного сейма, присвоив себе имя представителей своего края, поляки дерзнули провозгласить, что Царствование наше и Дома нашего прекратилось в Польше, и что трон, восстановленный Александром, ожидает иного монарха. Сие наглое забвение всех прав и клятв, сие упорство в зломыслии исполнило меру преступления: настало время употребить силу против незнающих раскаяния, и мы, призвав в помощь Всевышнего Судию дел и намерений, повелели нашим верным войскам идти на мятежников... В сей важный час, когда с прискорбием отца, но с спокойной твердостью Царя, исполняющего священный долг свой, мы извлекаем меч за честь и целость державы нашей, соедините усердные мольбы свои с нашими мольбами пред алтарем Всевидающего, Праведного Бога. Да благословит Он оружие наше для пользы самих наших противников; да устраним скорою победою препятствия в великом деле успокоения народов, десницею Его нам вверенных, и да поможет нам возвратить России мгновенно отторгнутый от нее мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаниях прочных, сообразных с потребностями и благом всей нашей Империи, и положит навсегда конец враждебным покушениям злоумышленников, мечтавших о разделении». Гр. А. Д. Блудова приводит в «Записках» слова Государя: «Я бы сам сохранил конституцию польскую, и положение

мое было бы крайне затруднительное; но они теперь развязали мне руки и упростили дело, разорвав своевольно хартию».

Русские войска перешли 18/30 января польскую границу. Пруссия, поддержавшая Россию, сосредоточила у пределов русской Польши корпус, командуемый ген. Кнезебеком. Всеми же ее войсками, охранявшими восточную границу, командовал генерал граф Гнейзенау.

Граф Дибич через месяц после акта сейма — 13/25 февраля — разбил поляков под Гроховом. Национальная гвардия побросала оружие и спешила смешаться с населением. Армия, понесшая большие потери, в полном расстройстве; отступила к Варшаве, в которую легко было бы русским ворваться на ее плечах. Дибич не использовал эту победу. Вина в этом падала, по некоторым данным, на Вел. кн. Константина Павловича, стремившегося по-прежнему шадить поляков. Предполагается, что от него исходил совет приостановить наступление.

Бенкендорф занес в свои записки следующее: «Дибич никогда не хотел назвать этого генерала по имени и тайну свою унес в гроб, но на смертном одре он сказал гр. Орлову: «Мне дали этот пагубный совет; последовав ему, я провинился перед Государем и Россией. Главнокомандующий один отвечает за свои действия».

Государь в письме от 24 февраля высказал фельдмаршалу свое неудовольствие: «Почти невероятно, что после такого успеха неприятель мог спасти свою артиллерию и перейти Вислу по одному мосту. Следовало ожидать, что он потеряет значительную часть своей артиллерии, и что произойдет вторая Березинская переправа... Итак, потеря 8000 человек и никакого результата, разве тот, что неприятель потерял по малой мере то же число людей. Это очень, очень прискорбно! Но да будет воля Божия!»

Пришлось создать резервную армию под начальством гр. П. А. Толстого. Император 7 апреля сообщил Дибичу свой план-переход нижней Вислы около Пултуска. При этом он добавил, что главнокомандующий должен в действиях руководиться исключительно своими «личными убеждениями».

Государь постоянно писал Дибичу. Показательно для него письмо от 14 января. Посылая в его распоряжение трех флигель-адъютантов, он отказал ему в просьбе прислать Кочубея, так как тот «еще не настолько заслужил, чтобы удостоиться подобного назначения, так что это имело бы вид протекции, оказанной его отцу, вещь, которую я не терплю и которую, как вам известно, не допускаю».

Государь писал 5 апреля: «Суворов умел бить поляков с самым малым числом». 12 апреля: «...Не обижайтесь сказанного мною: оно приличествует тому, который один имеет право говорить вам всю правду и который вас искренно любит, хотя и не всегда одобряет ваши изменчивые решения. Да вдохновит вас Бог!» 27 апреля: «Ради Бога не теряйте времени, будьте тверды в своих решениях, не колеблитесь постоянно и постарайтесь смелым и блестящим подвигом доказать Европе, что русская армия неизменно та же, какую дважды она была в Париже... Все может быть исправлено, если в конце концов вы снова станете тем, чем вы были...»¹

6 мая поляки заняли Остроленку, защищавшуюся гвардией. В ответ на донесение Дибича Государь писал ему 14 мая: «...Что гвардия дралась хорошо — в этом нет ничего нового, но употреблять ее так, как это вы делаете, непростительно и преступно. Не скрою от вас, что на вашу ответственность падают все эти бесцельные потери в рядах гвардии, причем ваши распоряжения, вследствие которых гвардия так пострадала, не согласны с моими приказаниями, вам несколько раз повторенными. Есть мера всякому терпению».

Государь подготовлял уже преемника Дибичу. 12 мая прибыл в столицу вызванный из Тифлиса граф Паскевич. Первые сообщения об одержанной на этот раз под Остроленкой 14 мая победе задержали его назначение. Вскоре выяснилось, что и эта победа не была должным образом использована. Дибич не преследовал разбитых поляков, отброшенных к стенам Варшавы. Выражая свое неудовольствие, Государь 1 июня писал фельдмаршалу: «Докажите, что вы еще старый Забалканский... Прощайте, любезный друг, поступите же наконец таким образом, чтобы я мог понять вас». Последнее письмо не застало Дибича в живых. 29 мая он заболел холерой в с. Клешове, около Пултуска и в тот же день умер.

Донесение гр. Толя о кончине главнокомандующего было получено Государем 3 июня. На следующий день последовало назначение гр. Паскевича-Эриванского. Император торопил его отъезд, приказав из предосторожности отправиться в армию морским путем.

Доехав на пароходе «Ижора» до Мемеля, Паскевич через Пруссию прибыл в Пултуск в ночь с 13 на 14 июня. Разобрав-

¹ Во время польской кампании умерла супруга Дибича, урожд. бар. Торнау, что отразилось, видимо, на его душевном состоянии.

шись в обстановке, он через три дня доносил Государю: «Решил действовать по плану, опробованному Вашим Величеством». Перейдя нижнюю Вислу, он продвигался к Варшаве.

Через сутки после прибытия Паскевича в армию скончался в ночь с 14 на 15 июня в Витебске от холеры Цесаревич Константин Павлович, о чем известила Государя его супруга, княгиня Лович. В августе жертвой холеры стал фельдмаршал граф Гнейзенау, умерший в Познани 11/23 августа. «Прусская армия и мы все, — писал Государь 26 августа Паскевичу, — понесли невозвратную потерю в фельдмаршале Гнейзенау, который меня и Россию любил и видел спасение Европы в короткой связи обоих государств». Гнейзенау, получивший графское достоинство за взятие союзниками в 1814 г. Парижа, был в то время начальником штаба у Блюхера и много способствовал победе союзников под Лейпцигом (1813). Он искренно огорчился первым неудачам русских войск, в апреле же советовал прусскому королю Фридриху-Вильгельму III немедленно двинуть 2-й корпус в мятежную Польшу.

Подойдя к Варшаве, Паскевич потребовал ее сдачи. Там в это время господствовали крайние. Новый диктатор Крюковецкий резко отвергнул великодушное предложение. Главнокомандующий отдал приказ о взятии города штурмом. Объезжая передовую линию, он был контужен ядром в левую руку и свалился без чувств. Отнесенный в Вольское укрепление, он очнулся через полчаса. Он просил Вел. кн. Михаила Павловича принять парламентария ген. Продзинского. «Дабы не видели меня раненым», — доносил он Государю. Взволнованный сообщением о контузии, Император писал Паскевичу. «Теперь не могу не побранить тебя за то, что, вопреки обещанного мне, ты подвергался опасности, что надо одной милости Божией приписать, что хуже с тобой не случилось... Что б было с армией и со всем делом, если бы тебя не стало! Ужасно и подумать».

Штурм велся 25 и 26 августа. 27 августа гвардия, под начальством Вел. кн. Михаила Павловича, торжественно вступила в побежденную столицу Польши.

«Варшава у ног Вашего Императорского Величества», — эти слова начиналось донесение Паскевича, доставленное Государю флигель-адъютантом, ротмистром кн. Суворовым, внуком генералиссимуса, в 1794 г. штурмовавшего и взявшего Варшаву.

Государь, по получении радостного сообщения о взятии Варшавы, распорядился отслужить молебен в придворной церкви. Графу Паскевичу-Эриванскому он писал 4 сентября 1831 г.: «Слава и благодарение Всемогущему и Всемилосердному Богу! Слава тебе, мой старый отец командир, слава геройской нашей армии! Как мне выразить тебе то чувство беспокойства, которое вселило в меня твое письмо от 24 числа, все, что происходило во мне в те три бесконечные дни, в которые между страха и надежды ожидал роковой вести, и, наконец, то счастье, то неизъяснимое чувство, с коим я обнял твоего вестника. Ты с помощью Бога Всемилосердного поднял вновь блеск и славу нашего оружия, ты покарал вероломных изменников, ты отомстил за Россию, ты покорил Варшаву — отныне ты светлейший князь Варшавский! Пусть потомство вспоминает, что с твоим именем неразлучна была честь и слава российского воинства, а имя да сохранит каждому память дня, вновь прославившего имя русское. Вот искреннее изречение благородного сердца твоего Государя, твоего друга, твоего старого подчиненного. Ах! зачем я не летел за тобою по-прежнему в рядах тех, кои мстили за честь России; больно носить мундир и в такие дни быть приковану к столу, подобно мне, несчастному».

Манифест обнародованный 6 октября гласил: «Россияне! С помощью Небесного Промысла, Мы довершим начатое нашими храбрыми войсками. Время и попечение наши истребят семена несогласия, столь давно волновавших два соплеменные народа. В возвращенных России подданных нашего Царства Польского вы так же будете видеть лишь членов единого с вами великого семейства. Не грозою мщения, а примером верности, великодушия, забвения обид вы будете способствовать успеху предначертанных Нами мер, теснейшему, твердому соединению сего края с прочими областями Империи, и сей Государственный неразрывный союз, к утешению Нашему, ко славе России, да будет всегда охраняем и поддерживаем чувством любви к одному Монарху, одних нераздельных потребностей и польз и общего никаким раздором не возмущаемого счастья».

После падения Варшавы главные силы польской армии отошли к Модлину. Потеряв его, 21 000 поляков ушли в Австрию, частично в Пруссию. 9 октября сдалась последняя крепость — Замостье.

«...Империя, в ущерб собственной промышленности, была наводнена польскими произведениями, — одним словом, империя несла все тягости своего нового приобретения, не извлекая из него никаких преимуществ, кроме нравственного удовлетворения от прибавления лишнего титула к титулу своего Государя. Но вред был действительный. Прежние польские провинции... стали задумываться над тем, как бы ускользнуть от владычества Империи... Другое еще более существенное зло заключалось в существовании перед глазами порядка вещей, согласного с современными (на Западе) идеями, но почти неосуществимого в королевстве, а следовательно, невозможного в Империи. Зародившиеся надежды нанесли страшный удар уважению к власти и общественному порядку и впервые привели к несчастным последствиям, открытым в конце 1825 года. Раз удар был нанесен, пример подан, трудно предположить, чтобы во время всеобщих волнений и смут, эти идеи не продолжали развиваться, несмотря на доказанную их призрачность и опасные последствия. Одним словом, это являлось разрушением того, что составляет силу Империи, т. е. убеждения, что она может быть велика и могущественна только лишь при монархическом образе правления и Самодержавном Государе».

Приводя эту записку в пятом томе своей «Русской истории», В. В. Назаревский пишет: «Указав на черную неблагодарность поляков по отношению к России и на то, что ввиду мятежа прошла для них пора русского великодушия, Николай Павлович задался вопросом: не следует ли нам совсем отделаться от владения прежним Варшавским герцогством. Но эта мысль была им оставлена».

Подтверждением мнения Имп. Николая I о том, что разрушительные идеи «продолжали развиваться», служат слова польского писателя и деятельного революционера Мохнацкого, приведенные в труде «Императорская Главная Квартира»: «Если бы конституция была составлена и исполнялась самими ангелами, то и тогда революция была неизбежна, так как поляки желали иметь все или ничего, они стремились к восстановлению Польши в ее прежних размерах».

О том же, как Император Николай Павлович относился

к своим обязанностям польского короля, имеется красноречивое свидетельство другого поляка, историка Лисицкого. В сочинении своем «Le marquis Wielopolski» (Vienne, 1880. Т. I. С. 86), в выдержке, приводимой Шильдером, он пишет: «Наши историки, смотрящие на вещи лишь сквозь призму 1831 г., говорят о презрении и необоримом отвращении Императора Николая I к конституционному устройству Польши. В этой оценке может заключаться доля правды, так как характер Государя с трудом поддавался малейшему разделу власти; тем не менее в течение первых четырех лет своего царствования Император Николай не только пальцем не затронул учреждений Польши, но не переставал выполнять свои обязанности конституционного короля лучше, чем его предшественник... В конце концов, быть может, это был все-таки Государь, наиболее подходящий для того, чтобы приспособить поляков к условиям их существования и заставить их утратить много дурных привычек, усвоенных ими в течение целых веков» (Шильдер. «Император Николай I, его жизнь и царствование»).

Император Николай I в одном из писем своих к Цесаревичу Константину Павловичу писал: «Честный человек, даже среди поляков, отдаст мне справедливость, сказав: я ненавижу его, потому что он не исполняет наших желаний, но я уважаю его, потому что он нас не обманывает».

Пламенное отечестволюбие, созвучное Императору Николаю, проявил в это время А. С. Пушкин. «Теперь время чуть ли не столь же грозное, как в 1812 г.», — говорил он графу Е. Е. Комаровскому. «Наши старые враги будут следовательно уничтожены», — писал Пушкин 13/25 января 1831 г. своему другу Е. М. Хитрово, дочери фельдмаршала Кутузова. «Народы так и рвутся — того и гляди, навяжется на нас Европа», — писал Пушкин 1 июня 1831 г. кн. Вяземскому. В июне же написано было им стихотворение «Перед гробницею святой».

Обращаясь к Кутузову, он вещал:

Внемли ж и днесь наш верный глас:
Восстань, спасай Царя и нас.
О, старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой —
Явись: вдохни восторг и рвение
Полкам, оставленным тобой!

2 августа им написано было «Клеветникам России», частично приводимое:

Кто устоит в неравном споре:
Кичливый Лях, иль верный Росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? — вот вопрос.

.....
Иль Русского Царя уже бессильно слово?
Иль Русский от побед отвык?
Иль мало нас? Иль от Перми до Тавриды,
От Финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?

Первыми слушателями поэта была Царская Семья. «Когда Пушкин написал эту оду, он прежде всего прочел ее нам», — рассказывал впоследствии Император Александр II.

Варшава взята была 26 августа 1831 г. — 5 сентября Пушкин написал «Бородинскую годовщину»:

Сбылось — и, в день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
В проломы павшей вновь Варшавы:
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.

«Я только успела приказать горничной передать приятную новость Пушкину. Когда я пришла к себе, я нашла стихи Пушкина — он мне прислал их с импровизированным четверостишием; а после вечера у Е. В. (Царя) я застала у себя его самого. Он хотел знать подробности. Я рассказала ему, что город сдался безусловно. Завтра прибудет новый курьер. Я предупредила Пушкина, что при Дворе будет молебен. Он обещал придти непременно. Выходя из церкви (после молебна), Его Величество увидал Пушкина, позвал его и поблагодарил за стихи, которые он нашел превосходными» (А. О. Смирнова. «Записки». 1826—1845).

* * *

В разгар заключительной части польского восстания в Петербурге вспыхнули холерные беспорядки. Страшная болезнь обнаружилась в середине июня 1831 г. Зараза распространялась все

сильнее. Заболел Бенкендорф как раз, когда получил приказание поехать к княгине Лович. Государь, не знавший страха, навещал Бенкендорфа, как тот свидетельствует, каждый раз в течение трех недель его болезни. Начались волнения в столице. В толпу подбрасывались слухи, будто доктора и польские мятежники отравляют воду и хлеб. Толпа, казавшихся ей подозрительными, останавливала и искала у них яд. Докторов винили в том, что они насильно держат больных в лечебницах и мучают их. Огромная толпа заполнила 22 июня Сенную площадь, и собралась у дома, где временно была устроена лечебница. Принялись громить ее. Попытки полиции справиться с бесчинствующими успеха не имели. Должен был удалиться генерал-губернатор Эссен, прибывший на место происшествия. Не пресек волнений и вызванный батальон л.-гв. Семеновского полка. Толпа разбежалась только временно, в боковые улицы. Считалось, что около Спасской церкви на Сенной неистовствовали 5—7 тысяч. Государю было послано в Петергоф донесение о крупных беспорядках. На следующий день, 23 июня, Имп. Николай Павлович на пароходе «Ижора» прибыл на Елагин остров. Ознакомившись с обстановкой, он в коляске, в сопровождении ген.-адъютанта кн. Меншикова, проследовал на Преображенский плац. Поблагодарив славный полк, Государь продолжил путь через каретную часть, где погрозил нескольким скопищам и лавочникам. Затем коляска въехала на Сенную площадь вглубь большой толпы. По свидетельству Меншикова, Царь, встав в экипаже, своим зычным голосом обратился к толпе: «Вчера учинены злодейства, общий порядок был нарушен. Стыдно народу русскому, забыв веру отцов своих, подражать буйству французов и поляков; они вас поучают, ловите их, представляйте подозрительных начальству. Но здесь учинено злодейство, здесь прогневали мы Бога, обратимся к церкви, на колени и просите у Всемогущего прощения!» Вся толпа опустила на колени и с умилением крестилась. Государь тоже. Слышны были отдельные восклицания: «Согрешили, окаянные!» Государь, продолжая свое слово, сказал, по словам Меншикова, «что, клявшись перед Богом охранять благоденствие вверенного ему Промыслом народа, он отвечает перед Богом и за беспорядки, а потому их не попустит». — «Сам лягу, но не попушу, и горе ослушникам», — прозвучал мощный голос Царя. В это время несколько человек громко пытались возразить. Государь воскликнул: «До кого вы добираетесь, кого вы

хотите, меня ли? Я никого не страшусь. Вот я (показывает на грудь)». Народ в восторге и в слезах закричал «ура». Государь поцеловал одного старика и сказал: «Молитесь и не шумите больше». После этого он покинул площадь.

На следующий день волнения кое-где вспыхнули. 25 июня Государь снова прибыл в столицу. Взяв с собою графа Чернышева, он объезжал город. Беспорядки стихли. Царь призвал городского голову и велел немедленно строить новую больницу для холерных. Крупные средства были отпущены из государственного казначейства на борьбу с эпидемией. К концу августа холера прекратилась.

26 июня Государь писал Паскевичу о тревожном настроении в столице: «...Вчера был опять в городе. Меня с покорностью слушают и, слава Богу, начинают приходить в порядок. Но признаюсь, все это меня крайне мучает, от тебя жду с нетерпением утешений. Да поможет тебе Бог».

Паскевич ответил Государю: «Зачем вы сами отдаетесь на произвол народа и холерных? Вы часто упрекаете меня, зачем в сражениях я часто бываю там, где главнокомандующему не должно быть. Не смею, но должен сказать то же самое: разве нет генерал-губернаторов, министров... в таких ли трудных положениях Европы вы подвергаете свою жизнь [опасности] для удержания черни от намерения к бунту! Прикажите вашим генерал-губернаторам, министрам; они должны ответить головою, если не успеют... тогда только позволительно. Нет! Я не буду вас слушаться и буду ездить со стрелками в сражениях. Вы мне пример подаете». (Черновик письма в семейном архиве кн. Паскевича.)

Пушкин, находившийся в это время в Царском Селе и питавшийся слухами, приходившими из столицы, 28 июня писал П. А. Осиповой: «Времена очень грустны. Эпидемия свирепствует в Петербурге. Народ бунтовался несколько раз. Нелепые слухи получили распространение. Говорили, что врачи отравляют народ. Двое из них были убиты беснующейся толпой. Император явился посреди бунтовщиков. Мне пишут: «Государь говорил с народом — чернь слушала на коленях — тишина — один царский голос, как звон святой раздавался на площади. — Мужества и дара слова ему не занимать; на этот раз бунт усмирён; но беспорядки потом возобновились. Быть может, придется прибегнуть к вооруженной силе».

Возникла новая тревога. В середине июля вспыхнули беспорядки, тоже из-за холеры, в военных поселениях в Старой Рус-

се Новгородской губернии. Толпа убила доктора, а также заступавшихся за него офицеров, унтера и фельдшера. Ротный командир распорядился арестовать виновных, но команда его не послушала. Ротный и другие офицеры были избиты, мучимы и заперты в сарай. Государь поручил графу Орлову произвести расследование. Сам он проехал в Ижору. Приняв прибывших туда ходоков, он грозно обличил их и приказал слушаться Орлова. Последний, прибыв на место, освободил военное начальство.

Орлов, водворив порядок, выполнил с помощью единственно не растерявшегося во время бесчинств инженера Панова, завет Государя — внушить распустившимся поселенцам душевную потребность искупить свой грех совершением панихид по убиенным ими жертвам. Панихида кончалась, когда прискакал фельдъегерь с сообщением, что через два часа прибудет Государь. Когда царская коляска остановилась у здания штаба, полковник Панов подал Государю печальный рапорт. «Спасибо, старый сослуживец (Государь ранее командовал инженерами. — *Н. Т.*), что ты здесь один не терял разума. Я этого никогда не забуду». Потом Царь прошел в манеж к собранным батальонам поселенцев. Их лиц ему не было видно: они все плашмя лежали на земле, ожидая суда. Увидев впереди стариков с хлебом-солью, Государь отказался принять подношение. «Вывести из рядов зачинщиков и сейчас предать военному суду!» — приказал он. Виновные вышли и были отправлены на гауптвахту. Одному батальону, особенно провинившемуся, Государь велел немедленно идти в полном составе в Петербург, в крепость, и подвергнуть виновных суду. Строго осудив все содеянное и выслушав голоса раскаяния от оставшихся, Государь подошел к старикам, отломил и скушал кусок кренделя и сказал: «Ну вот, я ем теперь вашу хлеб-соль. Конечно, могу вас простить, но как-то Бог вас простит?» Толпа упала опять в ноги. Государь махнул рукой, сел в коляску и ускакал, поцеловав еще раз Панова.

Государь 28 июля писал графу П. А. Толстому: «Бог меня награди за поездку в Новгород, ибо, спустя несколько часов после моего возвращения, Бог даровал жене счастливое разрешение от бремени сыном Николаем». Младенец, родившийся 27 июля, отдан был счастливым отцом под небесное покровительство празднуемого в сей день блаженного Николая Кочанова, Христа ради юродивого Новгородского.

Мудрый Пушкин и на эти события отозвался. В «Дневнике» 26 июля 1831 г. он записывает: «Вчера Государь отправился в воен-

ные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших там беспокоев. Несколько офицеров и лекарей убито бунтовщиками. Их депутаты пришли в Ижору с повинною головою и с распиской одного из офицеров, которого перед смертью принудили бунтовщики письменно показать, будто бы он и лекарь стравливали людей. Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад, приказал во всем слушаться гр. Орлова, посланного в поселения при первом известии о бунте, и обещал сам к ним приехать. «Тогда я вас прошу», — сказал он им. Кажется, все усмирено, а ежели еще нет, то все усмирится присутствием Государя. Однако же сие решительное средство, как последнее, не должно быть употребляемое. Народ не должен привыкать к Царскому лицу, как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнения площади, — и Царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом. Чернь перестанет скоро бояться таинственной власти и начнет тщеславиться своими сношениями с Государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его, как необходимого обряда. Доныне Государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтись в толпе голос для возражения. Таковые разговоры неприличны, а прения площадные превращаются в рев и вой голодного зверя. Россия имеет 12 000 верст в ширину. Государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж».

* * *

Государь писал 4/16 января 1832 г. в Варшаву князю Паскевичу: «...Благодарю за добрые пожелания на новый год; дай Бог, чтоб он прошел мирно; но вряд ли! Сумасбродство и нахальство Франции и Англии превосходят всякую меру, и чем это кончится нельзя предсказать... На маскарade 1 числа во дворце было 22 364 человека, и в отменном благочинии». Иностранцы, приезжавшие в Петербург, поражались этим народным празднеством, происходившем в Зимнем Дворце, куда в день нового года мог войти всякий в трезвом и опрятном виде. Иногда число посетителей доходило до сорока тысяч. В залах устроены были вдоль стен огромные буфеты. Различные яства лежали на золотых и серебряных блюдах для общего пользования. Оркестры играли военные марши. Появлялась среди массы простого народа Императорская Фамилия. Кроме иностранцев, описывали этот день и

некоторые русские в своих воспоминаниях. Однородное народное празднество в присутствии Царя происходило 1 июля в Петергофе, когда открывались и освещались все фонтаны.

В письме от 29 мая к Паскевичу Государь, касаясь польских дел, писал: «...Ты всегда правильно говоришь: нужна справедливая строгость и непреодолимое постоянство в мерах, принятых для постепенного их преобразования. Не отступлю от этого ни на шаг. Благодарности от них не ожидаю и, признаюсь, слишком глубоко их презираю, чтобы она могла быть мне в какую цену; я стремлюсь заслужить благодарность России, потомства, — вот моя настоящая мысль. С помощью Божией, не унываю и буду стараться, пока силы будут; и сына готовлю на службу России в тех же мыслях и вижу, что он чувствует как я». Помощь же полякам Государь оказывал.

Граф А. Х. Бенкендорф вел запись современных ему событий, имеющую особое значение, так как она была просмотрена потом Императором Николаем I и Александром II, сделавшими некоторые замечания и исправления. Касаясь 1832 г., он пишет, что в распоряжение Наместника кн. Паскевича отпущены были значительные суммы для пособия помещикам, фабрикантам и крестьянам, пострадавшим во время польского восстания. Правительство закупило в русских губерниях огромные гурты скота для раздачи нуждающейся Польше. Государственное казначейство щедро помогало тем, потери которых были установлены особой комиссией.

В 1832 г. военные действия на Кавказе происходили в Дагестанской области. В течение нескольких предшествующих лет проповедник мюридизма, упорный фанатик Кази-Мұла разжигал горцев в Чечне и Дагестане, возвещая близость газавата, то есть священной борьбы против неверных. В этом году он проявлял деятельность в шамхальских владениях. Частичные неудачи ген. Эмануэля использованы были Кази-Мулой для усиления приверженцев в среднем Дагестане. Он разграбил Кизляр и неудачно пытался захватить Дербент. Под давлением русского войска он удалился в Гимры. Новый начальник кавказского корпуса бар. Розен 17 октября 1832 г. взял Гимры. Кази-Мула погиб в бою. Преемником его стал Гамзат-бек.

Государь 1 сентября выехал для обозрения внутренних губерний. В Великих Луках, как пишет Бенкендорф, он видел полки гренадерского корпуса, отличившиеся при подавлении польского восстания. На следующей станции собраны были поляки-воен-

нопленные. Государь по одиночке всех опросил, получил свидетельства о добром их поведении. Выбрал он некоторых в гренадеры, других в полки в Финляндии. Остальных назначил в Балтийский флот. Бенкендорф роздал им деньги и видел их восторг.

В Смоленске Государь убедился, как успешно восстанавливался сей древний русский город, сильно пострадавший в Отечественную войну. Дело это начато было Имп. Александром I, но особенно подвинулось в последние годы. Император повелел заменить ничтожный монумент, поставленный в память подвига местного дворянина Энгельгардта, расстрелянного французами, достойным его подвига памятником.

В г. Козельце Черниговской губернии, вблизи которого находился хутор, потом деревня, Лемешы, где родился и рос будущий супруг Имп. Елизаветы Петровны гр. Алексей Григорьевич Разумовский, встретил Царя командующий 1-й армией, престарелый фельдмаршал Ф. В. Остен-Сакен. Государь проявил в отношении его дружескую ласку.

Посетил Государь Киев. Там производились по плану Царя — отличного знатока инженерного дела — работы по созданию крепости, первостепенной важности. Побывал Государь в Лубнах и Полтаве. В Харькове он был недоволен худой постройкой университета и определил новое место для женского института за городской заставой, где имелся большой сад. Проехав в Чугуев, он потом в Белгороде произвел смотр 2 драгунской дивизии под командой ген. П. Х. Граббе, по словам Бенкендорфа, одного из прощенных заговорщиков 14 декабря 1825 г., отличившегося в турецкую кампанию 1828—1829 гг. и в польскую. Бенкендорф пишет: «Государь, не видевший Граббе с той минуты, когда он приведен был перед него в качестве преступника, поблагодарил восстановившего свою честь генерала и вообще обошелся с ним чрезвычайно ласково. Граббе был сильно растроган до глубины души и сказал мне со слезами: «Я более в долгу перед Государем, чем кто-либо из его подданных, и я сумею заслужить его милость и великодушие».

Побывав в Бобруйске, Государь проследовал в Воронеж, где сорок дней перед тем состоялось прославление мощей Святителя Митрофания. Восторженно встреченный народом, Царь поклонился мощам новоявленного Угодника Божия.

В Рязани Государь обратил внимание на ужасное состояние дороги в Москву, которой пользовались многие. Высказав неудо-

вольствие, он сразу же начал обсуждение вопроса о новой системе шоссейных дорог. Радовались торговцы и путешественники, проведав об этом. Государь спешил в Петербург, где вскоре — 13 октября 1832 г. — родился Вел. кн. Михаил Николаевич.

Императрица Александра Феодоровна, отвечая В. А. Жуковскому на его поздравление, писала 8 февраля 1833 г.: «...Да! Это была действительно радость и остается таковой, наполняя меня счастьем иметь четырех сыновей, счастьем пока только сладостным, а впоследствии очень серьезным, когда подумаешь о том, чем должны стать эти четыре Великие князья Русские, чтобы быть достойными и своего отечества, и имени русского, а равно и оправдать ту радость, которая окружила их колыбели...»

* * *

Император Николай I говорил в июне 1839 г. австрийскому послу Фикельмону, что он не вмешивается в дела Испании или Португалии. Иное дело — Турция. Такое понимание им русской иностранной политики ярко проявилось в начале тридцатых годов, когда турецкому султану грозила опасность со стороны честолюбивого вассала, владетеля Египта. Таковым был в это время Мехмед-Али.

Последний происходил из небогатой семьи в Румелии, занимался табачною торговлей. Во время борьбы Турции против французов, оставленных Наполеоном в Египте, Мехмед поступил в отряд румелиотов, туда отправленных. Храбрый, обладавший сильным характером, он вскоре выделился и приобрел влияние среди шейхов, мамелюков и албанцев, составлявших в Египте главное войско султана. Вскоре он объявил себя египетским пашей, послал заложником в Константинополь сына Ибрагима и поразил султана невиданным размером дани. В 1805 году султан утвердил его пашей. Мехмед-Али, окружив себя иностранцами, завел настоящее войско, развил промышленность, обратил даже внимание на образование. Сумел он подчинить себе вызывавших столько раздоров мамелюков и обычно буйных албанцев. Сын Мехмеда, Ибрагим, отобрал от вехабитов Мекку и Медину, обеспечил торговлю на Черном море, покорил Нубию и Абиссинию. После истребления турецкого флота при Наварине Мехмед соорудил новый. Султан в благодарность за усмирение им греков отдал ему остров Кандию (Крит).

Признав себя достаточно сильным, Мехмед-Али восстал в 1831 г. против султана. Ибрагим овладел богатой Сирией, имевшей большое торговое значение. Султан Махмуд объявил Мехмеда мятежником, тот же провозгласил первого отступником Магомета. Обещая восстановить старые порядки, Мехмед находил себе сторонников в народе.

Дальнейшие события в изложении Бенкендорфа, совпадающие с данными историка Устрялова, происходили так. Государь обратился к Англии и Франции, прося их помочь Турции. Государы эти «крутили», султана же уговаривали не пользоваться содействием России. Вследствие этого султан только просил Государя отправить кого-либо в Египет. Выбор Царя остановился на генерале Н. Н. Муравьеве, воевавшем на Кавказе и знавшем характер и обычаи турок. При самом начале восстания был отозван русский консул из Александрии. Одновременно с отправкой Муравьева отдано было повеление Черноморскому флоту быть готовым, по первому требованию русского посланника в Турции, двинуться на защиту Константинополя.

Ген. Муравьев, излагая впоследствии тогдашние события в особом очерке, пишет, что Государь, отправляя его, говорил: «Я хочу показать султану мою дружбу. Надо защищать Константинополь от захвата. Вся эта война есть не что иное, как продолжающееся проявление революционного духа, охватившего Европу, в особенности Францию. Если Константинополь будет захвачен, мы получим по соседству гнездо всех безродных, которые окружают теперь египетского пашу. Необходимо разрушить новый зародыш зла и беспорядка. Надо показать мое влияние в делах Востока».

Мехмед-Али оказал царскому посланцу торжественный прием. Он обещал покориться султану и в присутствии Муравьева отправил приказ Ибрагиму приостановить военные действия. Испортил дело, по словам Бенкендорфа, Галил-паша, который, не снесясь с Муравьевым, преклонился перед египетским пашею. Мехмед-Али убедился в слабости турок. В то время, когда Муравьев плыл в Константинополь, Мехмед слал приказание сыну возобновить военные действия.

Султан, не зная об обещании, данном Мехмедом Муравьеву, и будучи напуган приближением египетской армии к Константинополю, убедительно просил нашего посланника А. П. Бутенева поспешить присылкой русских войск. Во исполнение сего эскадра контр-адмирала М. П. Лазарева на всех парусах двину-

лась из Севастополя к турецкой столице. Когда в Константинополь прибыл Муравьев и стало известно, чего он достиг, Лазареву приказано было вернуться. Султан рассыпался в благодарностях Государю. Но успокоение длилось короткое время. Ибрагим снова начал успешно военные действия. Курьер, посланный к Лазареву, не встретился с ним, и 9 февраля 1833 г. русская эскадра в составе 5 линейных кораблей и 4 фрегатов бросила якоря в заливе Буюк-Дере, в виду Константинополя. Историк Н. Устрялов пишет: «Появление нашей эскадры под стенами Стамбула в такую сомнительную минуту встревожило его жителей и произвело недоумение в самом диване; а французский посланник адмирал Руссен даже грозил султану разрывом Франции, если не удаляться русские корабли из Босфора. Но Махмуд, не взирая на ропот народа, на опасения своего дивана, на угрозы французского посланника, не поколебался в безусловной доверенности к бескорыстию и великодушию Российского Императора. Наша эскадра осталась пред Константинополем и по требованию Султана была еще усилена: 20 русских кораблей под главным начальством генерал-адъютанта графа Орлова стояли на якоре пред Буюк-дере; а 10 000 человек пехоты расположились лагерем на Азиатском берегу Хункиар-Скелеси, под начальством генерала Муравьева, готовые встретить и отразить победоносного Ибрагима. Мало того: когда весть о появлении русских пред воротами незащищенного Константинополя встревожила умы в Англии и Франции, и общее мнение в той и другой стране, обвиняя министров в оплошности, предавшей Турцию произволу России, громко требовало от них решительных мер к удалению наших войск из Босфора, Государь Император возвестил Европе, „что флот и войска его останутся в занятой ими позиции, доколе Египетская армия не перейдет обратно за горы Таврские“.

Решительное слово Государя заставило Мехмед-Али отозвать свои войска и признать себя вассалом султана. Обрадованный Махмуд осыпал милостями гр. Орлова, являвшегося чрезвычайным послом при нем и командующим всеми русскими силами. Орлов отправил к Ибрагиму офицера главного штаба Дюгамеля убедиться в действительном отступлении египетских войск. Получив донесение о переходе таковых через Таврские горы, гр. Орлов испросил прощальную аудиенцию у султана, после чего вспомогательный русский корпус, отсалютовав Махмуду, начал свое обратное плавание. Султан роздал ордена всем начальни-

кам и установил особую медаль для офицеров, солдат и матросов, участвовавших в этом походе.

В Ункиар-Скелесси 26 июня (8 июля) 1833 г. заключен был оборонительный договор сроком на 8 лет между Россией и Турцией. Султан обязался запереть Дарданеллы для военных судов всех держав. Право прохода русских судов не было установлено. Но оно вытекало из принятого на себя Россией обязательства защищать Турцию. При посредстве Англии и Франции, все это время бывшей на стороне Мехмеда-Али, султан заключил с ним договор. Тот остался египетским пашей и получил в управление Сирию и Алеппо.

На бугре Сельви-Бурун гр. Орлов и генерал Муравьев водрузили камень, на котором русскими высечен был день рождения Императора Николая I (25 июня). Турками же была сделана надпись: „Сей отломок скалы воздвигнут в память пребывания русских войск гостями в этой долине. Да уподобится дружба между двумя державами твердости и незыблемости этого камня и да будет она воспеваема устами друзей“.

Через несколько месяцев после заключения договора с турками состоялось в Мюнхенгрече (в сев. Богемии) свидание Императора Николая с австрийским императором Францем I. Государь с большой любовью относился к престарелому монарху. Он был очень счастлив, когда последовало назначение его полковником венгерского гусарского полка. Там произошло политическое сближение его с Меттернихом, который с удовлетворением говорил Бенкендорфу, как легко было сговариваться с Императором Николаем. Вместо обычных заседаний с болтовней, длящихся месяцами, все было решено, по его словам, в течение часа. Своего внутреннего отрицательного отношения к тому, которого он в беседе с близкими называл „враг-супостат“, Государь не изменил. Сразу после совещания с Меттернихом он писал о нем Императрице Александре Феодоровне: „Это болтун, но по временам весьма забавный“. Тогда же он говорил: „Каждый раз, когда я к нему приближаюсь, молю Бога защитить меня от дьявола“. Имп. Франц, чувствуя приближающуюся кончину, выражал большие опасения за судьбу империи, управлять которой будет его слабоумный сын Фердинанд. Государь, потрясенный оказанным ему доверием, бросился перед ним на колени и обещал охранять целостность его империи. 18 сентября 1833 г. заключен был договор, устанавливающий необходимость для обо-

их государств сохранения Османской империи с существующей династией. Выработана была общность действий против польских революционеров. С этого времени установилась постоянная переписка Меттерниха с Бенкендорфом относительно борьбы с разрушительными течениями. Император Николай писал 18 сентября 1833 г. своему тестю, прусскому королю Фридриху-Вильгельму III: „Если выработанное нами соглашение будет одобрено Вами, Государь, я полагаю что еще этот раз мир будет спасен“. 18 октября Пруссия присоединилась к соглашению. С этого времени установилась тесная связь между тремя европейскими монархиями.

В Петербурге находился уже более года новый английский посланник. Государь 28 июня 1832 г. писал из Петергофа в Варшаву кн. Паскевичу: „Странно и почти смешно, что Английское правительство избрало к нам в послы на место Гетидера лорда Дургама, того самого, который известен своим ультра-либерализмом, попросту сказать, якобинством“. Через месяц же — 28 июля — Император отвечал Паскевичу: „Что посольство Дургама вскружило все головы в Варшаве, сему я верю весьма; но тем пуще обманулся в своих ожиданиях, ибо он даже рта не разевал. Вообще я им доволен; мы разных правил, но ищем одного, хотя разными путями. В главном же мы одного мнения: сохранение согласия между нами, опасение и недоверенность к Франции и избежание елико возможно войны. Он мне признавался уже, что с совершенно фальшивыми мыслями об России к нам прибыл, удивляется видеть у нас истинную и просвещенную свободу, любовь к отечеству и Государю, — словом, нашел все против своего ожидания. Поедет в Москву, чтобы видеть сердце наше; весьма ему здорово“.

Бенкендорф в записках пишет: лорд Грей «отправил своего зятя лорда Дургама отчаянного либерала, человека заносчивого, желчного и врага всех самодержавных правительств, в особенности же русского. Прибыл в Кронштадт на линейном корабле, чтобы обозреть наши морские силы. В момент прибытия Император Николай случайно приехал в Кронштадт на пароходе «Ижора», и эскадра производила маневры. Государь на шлюпке, к которой сошел с парохода, одной рукой правил рулем, а другою придерживал 6-летнего сына, генерала-адмирала русского флота, Константина, и таким образом объезжал суда... Эта простота поразила Дургама... Удивление его возросло, когда прибыв-

ший флигель-адъютант пригласил его в том же костюме прибыть на «Ижору». Государь сразу пригласил его в свою каюту, указал на свои начала и желание оставаться в добром и искреннем согласии с Англией...

Дургам, умный и благородный, тотчас понял Императора Николая и сделался самым ревностным поклонником его. На следующий день Государь посетил английский корабль, был при обеде матросов и провозгласил здоровье короля. 1 июля капитан и офицеры приглашены были к обеденному столу в Петергоф, присутствовали на бесподобном празднестве и потом на красносельских маневрах.

* * *

В 1830 г. издано было Полное Собрание законов в 45 томах, объемлющее 176 лет: от Соборного уложения Царя Алексея Михайловича до кончины в 1825 г. Императора Александра I. Заключало оно в себе более 30 000 актов. Оно постоянно дополнялось новыми узаконениями. Устрялов указывает, что принято было за правило печатать «в хронологическом порядке не только все постановления Верховной власти, или именем ее от учрежденных мест изданные к постоянному исполнению, не различая законов отмененных от действующих, но и многие временные акты, важные в одном историческом смысле, как памятники века. Россия имеет теперь полное, верное собрание своих отечественных уставов и с тем вместе неоцененное сокровище для своей Истории, даровавшее трудолюбивому изыскателю возможность надежным путем следить за внутреннею жизнью государства, за развитием его сил нравственных и политических, за ходом событий, столь близких нам и тем более любопытных». К 1833 г. Сперанский закончил работу по составлению Свода Законов. Бенкендорф пишет: «31 января Государь неожиданно прибыл в Государственный Совет и заняв место между членами его, произнес длинную и подробную речь, поразившую всех своей ясностью, последовательностью и силою о необходимости для России систематического Свода созданных в разное время законов, еще сохраняющих свою силу. После краткого обсуждения решено было Свод обнародовать. По окончании заседания, Государь обнял Сперанского и надел на него снятую с себя Андреевскую ленту». 31 января 1833 г. последовал манифест о введении в действие Свода Законов.

В мае Государь посетил Прибалтийский край, проехав в Динабург и Ригу через Псков. Возможно было покушение поляков, о замысле которых получены были сведения. «Но, — пишет Бенкендорф, — с Императором Николаем не могло быть речи о каких-либо мерах предосторожности: они были чужды его свойствам и тому беспредельному упованию, которое он полагал на Провидение: „Бог мой страж, — говорил Государь в подобных случаях, — и если я уже не нужен более для России, то Он возьмет меня к Себе“».

Император на маленькой фельдъегерской бричке поскакал навстречу Императрице, собиравшейся сделать ему сюрприз неожиданным приездом в Ревель. Они были первой Императорской четой, поселившейся в ревельском дворце после пребывавших там Петра Великого с супругой Екатериной Алексеевной. В Ревеле произведен был смотр флота. Посетил Государь имение Бенкендорфа Фаль. Бенкендорф вспоминает, что в Петербурге к нему явился молодой поляк, покаявшийся в намерении убить Царя. Он возбужден был слухами о повсеместном гонении против поляков. Приехав в столицу, он убедился, что поляки там спокойно служат, получают награды, видел спокойствие в столице. Молодой человек начал благоговеть перед Государем. После доклада о сем Бенкендорфа, Император принял поляка, откровенно ему все рассказавшего. Государь спросил его о будущих планах и по его просьбе определил на службу в Польшу.

В середине августа Государь выехал на пароходе «Ижора» в Штетин. Сильная буря заставила пароход повернуть обратно. По нарвскому тракту он быстро прибыл в Шведт на свидание с королем Фридрихом-Вильгельмом III. Прибытия его ждали на «Ижоре» и очень волновались из-за сильной бури и непоявления парохода. Гр. М. А. Корф пишет, что почти все морские поездки Царя проходили неблагополучно. Государь шутил, что «он влюблен в море, оно же не отвечает ему взаимностью».

Тогда же состоялась и поездка в Мюнхенгретц. Оттуда 11 сентября Государь писал кн. Паскевичу: «В Пруссии и здесь меня приняли, как родного, даже простой народ становился на колени и крестился. Император говорит с необыкновенною откровенностью и тебя назначает предводителем армии на случай соединения всех сил. Словом, он как только желать можно, посмотрим как будет мой враг-супостат».

На обратном пути Государь посетил Польшу. Модлин был переименован им в Новогеоргиевск. Принимал польскую депутацию. Расставшись с Паскевичем, он 19 сентября писал ему из Царского Села: «...Желал бы с тобою быть неразлучным; за невозможностью сего прошу тебя, в замену оригинала, принять и носить подобие моей хари...»

В конце ноября приезжал в Петербург Ахмед-Паша от имени султана благодарить Царя за бескорыстную помощь, оказанную Турции. 29 ноября Государь писал Паскевичу о смерти Аббас-Мирзы и о смертельной болезни шаха. «Пишу к Розену, чтоб он сидел покойно; отнюдь не хочу вмешиваться в их внутренние раздоры; пусть дерутся между собою, мне до них дела нет, лишь бы меня не трогали. От Аббас-Мирзы получил письмо, где просил меня признать сына его Махмет-Мирзу наследником; но ежели сам шах его не признает, то я в это дело не вмешаюсь. Скажи мне, прав ли я?»

В это пребывание Государя в Москве там происходили частые пожары. В Замоскворечье было много деревянных скученных домов. Государь прибыл туда вместе с пожарными трубами и лично командовал. Через два дня произошло то же. Поймали нескольких поджигателей. Их прогнали через строй на месте преступления. Пожары после этого прекратились.

* * *

С наступлением нового 1834 года Бенкендорф отмечает неспокойное состояние Франции, где правил король Луи-Филипп. Пишет, что лондонские и парижские журналы возбуждают умы против России. Португалия, находящаяся под гнетом Англии, разделена на два лагеря. Одни приверженцы дон-Педро, другие дон-Мигуэля. Тревожно в Испании и Италии. Южная Германия наполнена легко воспламеняющимся материалом. «Одна Россия оставалась в своей неподвижности грозной наблюдательницей этих политических бурь, страшная для мятежников и ободрительная для монархов», — пишет Бенкендорф.

22 апреля в день Св. Пасхи ознаменовывалось 16-летие Наследника Цесаревича Вел. кн. Александра. В церкви Зимнего дворца молебствие совершал митрополит Петербургский Серафим. Бенкендорф так описывает торжество: «К этому случаю сочинено было Свят. Синодом особое молебствие, которого прекрасные и умили-

тельные слова растрогали всех присутствующих. По окончании его Государь подвел своего сына к аналою; подняв руку к небу, Наследник Цесаревич твердым и внятным голосом начал читать присягу, также по этому поводу вновь составленную. Но по мере того, как царственный юноша подвигался вперед в своем чтении, голос его слабел и волнение очевидно увеличивалось. Некоторые слова, прерванные всхлипыванием, он принужден был повторять. К концу присяги слезы струились по его прекрасному лицу. Они навернулись и на глазах Августейшего его родителя, стоявшего возле сына, для ободрения его при исполнении этого священного и торжественного обряда. Императрица смотрела на эту сцену исполненная умиления нежнейшей супруги и матери. Прочитав присяжный лист, Наследник подписал его и, рыдая, бросился на грудь своего отца, после чего они вместе подошли к Императрице, которая заключила их в свои объятия. У всех присутствовавших занялось дыхание, у всех текли слезы, конечно, каждый из них призывал благоволение Божие на этот тройственный оплот благоденствия и славы России. Торжественную минуту возвестили столице 301 выстрел с крепости и стоявшей перед дворцом флотилии и общий колокольный звон во всех городских церквях. Следовала затем военная присяга Цесаревича».

30 августа состоялось в Петербурге освящение памятника Александру I. Надпись на нем гласит: «Александру Первому, благодарная Россия». На верху колонны стоит Ангел. Строителем ее был французский архитектор Монферран. На дворцовой эстраде совершен был молебен. При снятии покрывала раздалось оглушительное ура и пальба всех орудий. Памятник был окроплен святой водой. Облачное небо прояснилось. Государь, имея рядом с собой представителя прусского короля, его сына принца Вильгельма, будущего императора германского, пропустил в церемониальном марше 100-тысячное войско¹.

Позднее Государь посетил Москву, Орел, Ярославль и Кострому. Принимал депутацию потомков Сусанина. После посеще-

¹ Александровская колонна сооружалась с 1829 г. Высота ее 84 ф. Стержень ее высечен из темно-красного финляндского гранита и имеет 12 ф. в нижнем диаметре, и 10 ф. 6 д. в верхнем. Колонна была оболванена на месте и доставлена на особом судне, сооруженном корабельным инженером Гласиным. Сложно было создание фундамента. В постановке колонны принимали участие 1440 гвардейцев, 60 унтер-офицеров, 300 матросов, с 15 унтер-офицерами гвард. экипажа и офицеры гвард. саперов. На поднятии 30 августа 1832 г. присутствовал Государь и все Царское семейство.

ния Ипатьевской обители велел укрепить берег р. Костромы, на котором возвышается монастырь. В Нижнем осматривал перестраиваемый собор и спустился в склеп, где без всяких внешних украшений два столетия покоился прах Минина. Царь велел сделать для его останков приличную гробницу и поставить их в соборном склепе рядом с гробницами древних нижегородских владетельных князей. Остался он доволен строением складов для ярмарки и озабочен изысканиями средств для дальнейших работ. Дал распоряжение об укреплении внешнего вида города, расположение которого ему очень нравилось. Бенкендорф отмечает: «Местами хвалил, местами бранил». Во Владимире «Государь начал, как всегда, молитвой в соборе, древней усыпальнице многих Великих князей». Далее он пишет: «Владимир, как и Нижний, впервые имели счастье видеть Государя. Не нужно говорить о восторге, с которым его встречали. Давка в обоих городах, везде, где он показывался, увеличивалась еще более оттого, что Его Величество здесь, как и во всех своих поездках, строго запрещал полиции разгонять или останавливать народ и даже гневался, если замечал, что кого-нибудь толкнули, чтобы очистить ему дорогу».

Государь 16 октября писал из Москвы Паскевичу: «Своей поездкой в Ярославль, Кострому и Нижний я восхищен. Что за край! Что за добрый прелестный народ! Меня замучили приемами. Край процветает, везде видная деятельность, улучшение, богатство, ни единой жалобы, везде одна благодарность, так что мне, верному слуге России, такая была отрада».

В конце октября Государь выехал в Берлин с Наследником, которому приказано было в час собраться в дорогу. Государь путешествовал под именем ген. Николаева, Наследник — его адъютанта Романова. Через 5 дней прибыли в Берлин, где уже находилась Императрица у своего хворающего отца. Для нее и короля приезд был полной неожиданностью. Состоялся парад «Под липами». Король, проезжая во главе гвардии, салютовал своему зятю. «Государь, — пишет Бенкендорф, — бросился к старцу и целовал его в плечо. Это выражение сыновней почтительности было подмечено с особым удовлетворением всеми зрителями». По утрам Император в статском сюртуке прохаживался по берлинским улицам совершенно один.

Пробыв там 12 дней, Государь прибыл в Варшаву. Бенкендорф отмечает: «Поляки приняли там своего монарха с усердием, весь-

ма странно противоречащим образу их действий. На лицах зрителей выражалась радость, надежда и вместе изумление, что победитель с такою доверчивостью является посреди народной толпы, потому что за ним не следовали даже и казаки, обыкновенно сопровождающие экипаж фельдмаршала».

* * *

Император Николай I, узнав, что Пушкин собирает материалы о Пугачевском бунте, сказал ему: «Я не знал, что ты собираешься писать историю Пугачева, а то показал бы тебе его сестрицу, что две недели как умерла в крепости». Государь разрешил ему доступ в государственный архив.

В записках Пушкина за 1834 г. имеются записи: 28 февраля. «Я представлялся. Государь позволил мне печатать Пугачева; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресенье, на бале в концертной, Государь долго со мною разговаривал. Он говорил очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения». 6 марта. «Царь дал мне взаймы 20 000 на печатание Пугачева. Спасибо. 3 июня. Обедали у Вяземского — Жуковский, Давыдов и Киселев. Много говорили об его управлении в Валахии. Он, может, самый замечательный из наших государственных людей, не исключая и Ермолова».

Именно в 1834 г. Государь имел разговор с П. Д. Киселевым, вернувшимся после управления Дунайскими княжествами. Государь, с особым вниманием читавший его доклад, говорил с ним относительно крестьян. Он указывал, что они оба «займутся этим как-нибудь», так как «мы оба имеем те же идеи, питаем те же чувства в этом важном вопросе, которого мои министры не понимают и который их пугает». Вскоре после этого Государь говорил ему, что «преобразование крепостного права, которое в настоящем его положении оставаться не может, является необходимейшим». «Я, — продолжал Государь, — говорил со многими из моих сотрудников и ни в одном не нашел прямого сочувствия; даже и в семействе моем некоторые были совершенно противны. Несмотря на то, я учредил комитет из 7 членов для рассмотрения постановлений о крепостном праве. Я нашел противодействие. По твоему отчету о княжестве я видел, что ты этим делом занимался и тем положил основание к будущему довершению этого важного преобразования;

помогай мне в этом деле, которое я почитаю должным передать сыну с возможным облегчением при исполнении, и для того подумай, каким образом надлежит приступить без огласки к собранию нужных материалов и составлению проекта или руководства к постепенному осуществлению мысли, которая меня постоянно занимает, но которую без доброго пособия исполнить не могу».

В 1835 г. Киселев был назначен членом Госуд. Совета и секретного Комитета по крестьянским делам. Вскоре было учреждено для казенных крестьян особое управление. Сначала таковым было V отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, с 1837 г. — министерство государственных имуществ, во главе которого поставлен был Киселев.

Государь, подыскивая помещение для нового V-го отделения, наметил здание Казенной Палаты. Министр финансов Канкрин был против этого, говоря, в частности, что многие чиновники лишатся тогда казенных квартир. Государь ответил ему: «Если нельзя, то нечего делать; но расширять помещение и давать квартиры есть всеобщая страсть, против которой я неотступно воюю и потому заключаю, что не хотите уважить, как мне, так и новому моему учреждению».

Большое впечатление произвела на Государя смерть австрийского императора Франца I (1792—1835), с которым связаны были у него воспоминания о Европе времен войн с Наполеоном и об эпохе Священного Союза. 2/14 марта 1835 г. Государь писал кн. Паскевичу: «Ты легко вообразить можешь, любезный Иван Федорович, до какой степени меня несчастная весть о кончине императора Франца грустью поразила! Первый день я точно опомниться не мог. Я в нем потерял точно родного, искреннего друга, к которому душевно был привязан. Потеря его есть удар общий, жестокий; но покориться должно воле Божией, и будем надеяться, что Бог подкрепит толико нового императора, дабы дать ему возможность исполнять свой долг, как отец ему завещал. Сердце у него доброе, но силы, к несчастию, ничтожные!..» В письме от 15/27 марта Государь возвращается к австрийским делам: «Меттерних теперь будет все. Покуда польза Австрии будет с нами оставаться в союзе, дотоль нам на него надеяться можно; но характер его таков, что к нему я никогда никакого совершенного доверия иметь не могу».

В начале весны 1835 г. Государь прибыл в Москву. Вскоре последовал приезд Императрицы с Великими князьями Никола-

ем и Михаилом. Граф Бенкендорф отмечает в записках, что последние восхищали народ «особенно тем, что они выезжали одетые в национальные костюмы». В доме Дворянского собрания была устроена с большим вкусом и изяществом выставка мануфактурных фабричных изделий. Императорская Фамилия несколько раз осматривала ее. Государь, благодаря фабрикантов за их достижения, указал, что для дальнейшего развития производства необходимо «и правительству и фабрикантам обратить свое внимание на такой предмет, при отсутствии которого сами фабрики скорее будут злом, нежели благом». Царь далее развил свою мысль: «Это — попечение о рабочих, которые, ежегодно возрастающим числом, требуют деятельного и отеческого надзора за их нравственностью, без чего эта масса постепенно будет портиться и обратится, наконец, в сословие столько же несчастное, сколько опасное для самих хозяев». В заключение, пишет Бенкендорф, он сослался на пример двух фабрикантов, находившихся тут же в числе прочих и особенно отличающихся обращением своим с рабочими, прибавив, что велит доносить себе о всех тех, которые последуют этому примеру, чтобы иметь удовольствие явить им за то знаки своего благоволения.

Государь пробыл два месяца в Москве. Посетив в с. Коломенском древний храм и попав случайно на бракосочетание трех пар местных жителей, он прислал потом им подарки.

Первая в России астрономическая обсерватория основана Императором Великим в 1725 г. в Петербурге одновременно с Академией Наук. И впоследствии над зданием библиотеки академии высилась восьмиугольная башня. Не раз подымали вопрос о необходимости сооружения обсерватории вне города. Совершенно это было Императором Николаем I. В 1830 г. по Высочайшему повелению был отправлен за границу проф. Юрьевского университета В. Струве, с целью осмотреть главнейшие европейские обсерватории. Потом особая комиссия остановила выбор на вершине Пулковской горы, в 14 верстах от московской заставы в Петербурге, на высоте 248 фт. над уровнем моря. Вершина горы была указана Государем. Закладка Пулковской обсерватории состоялась 21 июня 1835 года.

Летом определилась поездка Царя в Польшу. 30 июня он писал Паскевичу: «... Я знаю, что меня хотят зарезать, но верю, что без воли Божией ничего не будет, и совершенно спокоен...»

1 августа Император, Императрица, Вел. княжна Ольга Николаевна, маленький генерал-адмирал Вел. кн. Константин Ни-

колаевич, принц Фридрих Нидерландский с супругой и герцог Нассауский отбыли на пароходе «Геркулес» в Данциг. Впервые после Царя Петра I в этом городе был русский монарх. Императрица последовала оттуда в Берлин, Государь же с принцем направился в Калиш. Под Торном, по-видимому злоумышленники, подожгли по пути следования большой мост. Бенкендорф пишет: «На границе Царства Польского он отпустил приготовленный для него конвой, и мы проехали до Калиша краем, еще кипевшим горькою ненавистью к России, совершенно одни».

Съезд монархов в Калише имел целью воскресить воспоминания общих побед в 1813—1814 годах. Прусскому королю отведено было, по словам Бенкендорфа, помещение, в котором он жил в 1813 г., и где за 22 года перед тем Император Александр I, предавая забвению совокупные действия Пруссии с Наполеоном против России, протягивал Фридриху-Вильгельму III руку помощи и подписывал 25 марта союз с Пруссией против ее притеснителя. В Калише освящен был памятник, созданный Имп. Николаем в память этого союза, и устроен лагерный сбор. Сосредоточено было 60 000 русских войск и 10 000 прусских. Закреплен был союз обоих Государей.

Вслед за этим оба монарха присутствовали в Теплице на маневрах австрийской армии. Сын Франца I, император Фердинанд I (1835—1848), был болезненный и вялый. Красочно описывает Бенкендорф тамошнюю обстановку: «Контраст был в самом деле поразителен. Рядом с одним из красивейших мужчин в мире, исполненным силы нравственной и физической, являлось какое-то слабенькое существо, тщедушное и телом и духом, какой-то призрак монарха, стоявший по осанке и речи ниже самых рядовых людей. Нужна была вся вежливость и ласковая приветливость Императора Николая, чтобы утаить от зорких глаз австрийцев, сколько он изумлен этою фигурою; но его обращение с Фердинандом, всегда предупредительное, дружеское и даже почтительное, вскоре привлекло к нему сердца австрийской свиты и, в особенности, молодой императрицы, которая оценила с благодарностью трудное положение нашего Государя. Можно смело сказать, что его австрийский сотоварищ был высшей ничтожностью и как бы совсем не существовал. Он едва мог удерживать в памяти наши фамилии и на все, что мы старались говорить ему с видом, будто не замечаем его ограниченности, отвечал лишь полусловами, совсем не клеившимися с предметом разговора».

Австрийцы приурочили эти дни к открытию памятника на Кульмском поле, где при поражении французов и пленении маршала Вандама столь блестяще проявили себя 17 и 18 августа 1813 года русские войска. Бенкендорф пишет: «Государь в тот же день послал андреевские ленты подвижникам Кульмского боя гр. Остерману и Ермолову, давно уже оставившим поприще своей служебной деятельности и, конечно, никак не воображавших, чтобы Русскому монарху в далеком уголке Богемии пришли на память их заслуги».

Потом Государь провел с имп. Фердинандом четыре дня в Праге. Там он обратился к последнему за разрешением навес-тить в Вене вдовствующую императрицу, супругу имп. Франца и мать Фердинанда. Поездка облечена была тайной. Наш посол Д. П. Татищев вручил Бенкендорфу ключи от своего кабинета в посольстве. Можно себе представить переживания служащих посольства в Вене при внезапном появлении Императора Николая Павловича рано утром. Государь посетил в Шенбрунне вдов-ствующую императрицу. Сопровождаемый князем Лихтенштей-ном, поклонился он в капуцинском монастыре в Вене праху имп. Франца. На следующее утро Государь в штатском делал в магазинах покупки, главным образом подарки Императрице Александре Феодоровне. Венский генерал-губернатор Отгель-фельн писал в Прагу кн. Меттерниху: «...Когда вчера в 2 часа пополудни мне прибежали сказать, что в Вену приехал русский Император, и что он остановился в доме своего посольства, я счел принесшего эту весть за лунатика...»

Государь приехал в Варшаву. Депутация поляков-горожан хо-датайствовала о приеме ее Царем для поднесения приготовленно-го заранее адреса, с выражением ему благоговейной преданнос-ти. Государь на это согласился, заявив, что говорить будут не они, а он. 5 октября депутация принята была Императором в Лазен-ковском дворце в присутствии наместника фельдмаршала кн. Паскевича, варшавского военного генерал-губернатора Панкрать-ева и Бенкендорфа. Приводим речь Императора Николая I, за-писанную ген. Панкратьевым и просмотренную Бенкендорфом.

«Я знаю, господа, что вы хотели обратиться ко мне с речью; я даже знаю ее содержание, и именно для того, чтобы избавить вас от лжи, я желаю, чтобы она не была произнесена предо мною. Да, господа, для того, чтобы избавить вас от лжи, ибо я знаю, что чувства ваши не таковы, как вы меня хотите в том уверить.

И как мне им верить, когда вы мне говорили то же самое накануне революции? Не вы ли сами, тому пять лет, тому восемь лет, говорили мне о верности, о преданности и делали мне такие торжественные заверения преданности? Несколько дней спустя, вы нарушили свои клятвы, вы совершили ужасы.

Императору Александру I, который сделал для вас более, чем русскому Императору следовало, который осыпал вас благодеяниями, который покровительствовал вам более, чем своим природным подданным, который сделал из вас нацию самую цветущую и самую счастливую, Императору Александру I вы заплатили самой черной неблагодарностью.

Вы никогда не хотели довольствоваться самым выгодным положением и кончили тем, что сами разрушили свое счастье. Я вам говорю правду, чтобы уяснить наше взаимное положение, и для того, чтобы вы хорошо знали, чего держаться, так как я вижу вас и говорю с вами в первый раз после смуты.

Господа, нужны действия, а не слова. Надо, чтобы раскаяние имело источником сердце; я говорю с вами не горячась, вы видите, что я спокоен; я не злопамятен и буду вам делать добро вопреки вам самим. Фельдмаршал, находящийся здесь, приводит в исполнение мои намерения, содействует применению моих воззрений и также печется о вашем благосостоянии. (При этих словах члены депутации кланяются фельдмаршалу.)

Господа, что же доказывают эти поклоны? Прежде всего надо выполнять свои обязанности и вести себя, как следует честным людям. Вам предстоит, господа, выбор между двумя путями: или упорствовать в мечтах о независимой Польше, или жить спокойно и верноподданными под моим правлением.

Если вы будете упрямо лелеять мечту отдельной национальной, независимой Польши и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель; и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву, и уж, конечно, не я отстрою ее снова.

Мне тяжело говорить это вам, — очень тяжело Государю обращаться так со своими подданными; но я говорю это вам для вашей собственной пользы. От вас, господа, зависеть будет заслужить забвение происшедшего. Достигнуть этого вы можете лишь своим поведением и своею преданностью моему правительству.

Я знаю, что ведется переписка с чужими краями, что сюда присылают предосудительные сочинения и что стараются развращать умы. Но при такой границе, как ваша, наилучшая полиция в мире не может воспрепятствовать тайным сношениям. Старайтесь сами заменить полицию и устранить зло.

Хорошо воспитывая своих детей и внушая им начала религии, верность Государю, вы можете пребыть на добром пути.

Среди всех смут, волнующих Европу, и среди всех учений, потрясающих общественное здание, Россия одна остается могущественною и непреклонною.

Поверьте мне, господа, принадлежать России и пользоваться ее покровительством есть истинное счастье.

Если вы будете хорошо вести себя, если вы будете выполнять все свои обязанности, то моя отеческая попечительность распространится на всех вас, и, несмотря на все происшедшее, мое правительство будет всегда заботиться о вашем благосостоянии. Помните хорошенько, что я вам сказал». После этого приема депутации Государь осмотрел Александровскую цитадель, орудия которой были направлены на Варшаву.

Дальнейший путь Государя — Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Киев. Прибыв в Мать городов русских ночью, Царь прежде всего в это позднее время посетил Печерскую Лавру. Останавливался он у генерал-губернатора гр. Гурьева. В Киеве встретился он с английским послом Дургамом, возвращавшимся в С.-Петербург через Константинополь и Одессу. Султан, по его словам, поручил ему кланяться Императору, как великодушному своему союзнику и покровителю. Государь предложил Дургаму послать английских морских офицеров, состоявших в его свите, в черноморские порты, двух же взял с собой при посещении войск. Дургам говорил, что, проезжая через южную Россию, он нашел порядок, безопасность и довольство.

Навестив в Белой Церкви гр. А. В. Браницкую, урожд. Энгельгардт, племянницу кн. Потемкина-Таврического, Государь проехал в Чугуев и Курск, где губернатором был деятельный и очень строгий М. Н. Муравьев, будущий водворитель порядка в Литве. Далее следовали — Орел и Тула, недавно погоревшая. При выезде из города лошади, впряженные в пошевни, в которых сидел Государь, от крика толпы понесли вдоль улицы, образовавшей довольно крутой спуск. Бенкендорф, ехавший в других пошевнях, пишет:

«При виде явной опасности я совсем растерялся, но Государь, став на ноги в пошевнях, схватил вожжи и своею атлетической силой успел сдержать лошадей».

В 1835 г. основано было Императорское училище правоведения. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский, сын сестры Государя, Вел. кн. Екатерины Павловны, состоя с апреля 1834 г. сенатором, убедился в беспорядках, которые существовали в сенаторских и других судебных канцеляриях. Понял он, что только решительная мера — подбор судебных деятелей, достойных по нравственным качествам и по приобретенным ими юридическим познаниям — может исправить существовавшее зло.

26 октября 1834 г. принц развил эти мысли в своем всеподданнейшем письме и высказал предположение о создании особенного Училища правоведения, на что пожелал пожертвовать крупные средства. Письмо это Государь препроводил М. М. Спескому с надписью: «Благородные чувства Принца достойны уважения. Прошу, прочитав, переговорить с ним и мне сообщить, как Ваши замечания, так и то, что Вами и Принцем условлено будет». Сперанский поддержал предположения Принца в докладной записке от 24 января 1835 г. Придавал он важное значение тому, чтобы в Училище не только учили, но и воспитывали его питомцев. 29 мая проект устава и штатов Училища правоведения были утверждены Государем и об учреждении его в тот же день последовал Указ Правительствующему Сенату.

31 мая Принц был назначен Попечителем Училища и на его имя последовал Высочайший рескрипт: «Любезному племяннику Нашему Принцу Петру Ольденбургскому. Утвердив предположение Ваше об учреждении Училища Правоведения, приятною обязанностью считаю изъяснить Вам, сколь много Я ценю и достоинство Вашей мысли и образ ее исполнения. Мысль внушена Вам наследственной любовью к Отечеству, а образ исполнения, Вами предложенный, означает готовность Вашу содействовать его пользам, не щадя Вашего достояния. Я уверен, что не пощадите Вы и трудов Ваших, дабы, устроив сие Училище, довести в нем попечительною Вашею и круг учения, и порядок нравственного воспитания до той степени совершенства, какое ему в главной его мысли предназначено. Примите уверение в искренней моей признательности. Пребываю к Вам всегда доброжелательный. Николай».

Для помещения Училища Принцем был куплен трехэтажный дом И. И. Неплюева на берегу Фонтанки, против Летнего сада.

В доме этом некогда помещался Пажеский корпус: жили в нем фельдмаршал кн. Барклай-де-Толли, М. М. Сперанский. Приобретение дома и переделки обошлись Принцу более миллиона рублей. 23 ноября митрополитом Московским Филаретом освящена была училищная церковь св. Великомуч. Екатерины. 5 декабря 1835 г. в присутствии Императора Николая I, Наследника Цесаревича Александра Николаевича и Великого Князя Михаила Павловича последовало торжественное открытие Училища.

Императорское Училище правоведения, созданное державной волей Императора Николая I, полностью оправдало свое назначение, в чем он мог убедиться в конце своего царствования. Питомцы Училища приняли затем большое участие в разработке и проведении реформ Императора Александра II. До революции выпущено было 2317 воспитанников Училища, из коих 46 стали членами Гос. Совета, 168 сенаторами, занимали видные должности, вплоть до министров, по судебному и административному ведомствам (64 правоведа были губернаторами).

Перед отъездом за границу Государь оставил завещание Наследнику Цесаревичу, как ему надлежит поступать по воцарении. Приводим отдельные места: «... 5) Ежели б, чего Боже сохрани, случилось какое-либо движение или беспорядок, садись сейчас на коня, и смело явись там, где нужно будет, призвав, ежели потребно, войско, и усмиряй, буде можно, без пролития крови. Но в случае упорства, мятежников не щади, ибо, жертвуя несколькими, спасаешь Россию... 7) Сначала, входя в дела, спрашивай, как делалось до тебя, и не изменяй ни в чем ни лиц, ни порядка дел. Дай себе год или два сроку, хорошо ознакомься с делами и людьми— и тогда царствуй... 9) Соблюдай строго все, что нашей Церковью предписывается. 10) Будь вообще кроток, обходителен и *справедлив*: сие последнее слово совмещает и *снисходительность*, и *строгость*, с которыми оно неразлучно. 11) Ты молод, неопытен, и в тех летах, в которых страсти развиваются, — но помни всегда, что ты должен быть примером благочестия, и веди себя так, чтобы мог служить живым образцом... 17) Будь милостив и доступен ко всем несчастным, но не расточай казны свыше ее способов. 18) С иностранными державами сохраняй доброе согласие, защищай всегда правое дело, не заводи ссор из-за вздору; но поддерживай всегда достоинство России в истинных ее пользах. Не в новых завоеваниях, но в устройстве ее областей отныне должна быть вся твоя забота... 20) Пренебрегай ругательствами и пасквилями, но бойся своей совести».

Завещание кончалось так: «Вот, любезный Саша, в коротких словах мое последнее тебе наставление. Да благословит тебя Бог всемилосердный, на Него Одного возлагай всю свою надежду. Он тебя не оставит, доколе ты к Нему обращаться будешь. Ступай смело и велик Бог русский. Николай. Александрия. 30 июля 1835 года».

Государь писал 15/27 февраля 1836 г. князю Паскевичу в Варшаву. «Кажется мне, что среди всех обстоятельств, колеблющих положение Европы, нельзя без благодарения Богу и народной гордости взирать на положение нашей матушки России, стоящей как столб и презирающей лай зависти и злости, платящей добром за зло и идущей смело, тихо по христианским правилам к постепенным усовершенствованиям, которые должны из нее на долгое время сделать сильнейшую и счастливейшую страну в мире. Да благословит нас Бог и устранил от нас всякую гордость и кичливость, но укрепит нас в чувстве искренней доверенности и надежды на милосердный Промысл Божий! А ты, мой отец-командир, продолжай мне всегда быть тем же верным другом и помощником в достижении наших благих намерений».

Императорская Академия Наук получила 8 января 1836 г. новый устав. К кафедрам исторической и физико-математической прибавлена была кафедра наук филологических. Увеличены были штаты Академии, что дало возможность расширить академические музеи и коллекции. В ведение Академии поступила астрономическая обсерватория в Пулкове. В создании ее принимал большое участие Сергей Семенович Уваров (1786—1855), назначенный министром народного просвещения в 1833 г., в 1846 г. возведенный в графское достоинство и остававшийся в этой должности до 1849 г. Начиная свою деятельность на этом поприще, он писал попечителям учебных округов: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности».

«Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона так определяет деятельность этого сподвижника Императора Николая I: «Шестнадцатилетнее управление министерством народного просвещения гр. Уварова занимает видное место в истории народного просвещения в России: при кем был основан университет в Киеве, возобновлен обычай посылать молодых ученых за границу, основан целый ряд учебных заведений, положено начало реальному образованию, видоизменены уставы гимназий и уни-

верситетов. Уваров первый из министров народного просвещения стал публиковать отчеты по управлению министерством в основанном при нем «Журнале Министерства Народного Просвещения».

Иван Константинович Айвазовский, профессор живописи, известный маринист, турок-христианин, в 13-летнем возрасте был вывезен в Крым. У него обнаружилась способность к рисованию. По повелению Государя он был помещен в 1833 г. в Академию Художеств, где числился пенсионером Собственной Его Величества Канцелярии. По окончании им Академии Государь предложил ему в 1836 году сопровождать Вел. кн. Константина Николаевича в его плавании в Финском заливе, чтобы расширить его кругозор. В 1845—1846 гг. он сопровождал Великого князя в его плавании к берегам европейской Турции, Малой Азии и Архипелагу. «По собственному отзыву художника, только покровительство русского Царя могло дать столько средств к ознакомлению с водной стихией и разнообразнейшими ее типами в двух частях света» («Русская Старина», 1878).

В 1836 г. Государь продолжал посещения отдельных мест Империи. Сопровождаемый гр. Бенкендорфом, он в час пополудни 26 августа подъезжал к г. Чембару Пензенской губ., расположенному в гористой местности. Вблизи города коляска на крутом повороте раскатилась, и произошла катастрофа. Кучер Колчин и камердинер Малышев, свалившись, лежали без чувств. Государя придавила коляска. Бенкендорф не пострадал. Он пишет, что с тяжелыми усилиями освободил Государя от коляски, откидной верх которой был поднят, что «спасло нам жизнь». Бенкендорф закричал: «Выходите», на что последовал ответ: «Это легко сказать, но я не могу подняться, чувствую, что плечо треснуло». Все же выбравшись, Государь почувствовал себя дурно, но отошел после данного ему Бенкендорфом хереса. Придя в себя, он сказал: «Я чувствую, что у меня переломлено плечо; это хорошо: значит Бог вразумляет меня, что не дано делать никаких планов, не испросив Его помощи».

Бенкендорф пишет: «Видя передо мною сидящим на голой земле с переломленным плечом могущественного владыку шестой части света, которому светил старый инвалид и, кроме меня, никто не прислуживал, я был невольно поражен этою наглядною картиною суеты и ничтожества земного величества. Государю пришла та же мысль, и мы разговорились об этом с тем ре-

лигиозным чувством, которое невольно внушала подобная минута». Они пришли пешком в уездное училище. Государь сразу же написал письмо Императрице в юмористическом тоне. И только окончив его, сказал врачу Арендту: «Ну, теперь твоя очередь, вот тебе моя рука: займись ею». Обнаружен был перелом ключицы. Государь 30 августа писал из Чембара кн. Паскевичу «Ты уже узнал, любимый мною отец-командир, о причине, лишаящей меня возможности исполнить, к крайнему моему сожалению, мою поездку к тебе. Полагая, что ты верно будешь беспокоиться о моем положении, спешу тебя уверить, что перелом ключицы мне никакой боли не производит, мучает лишь одна тугая перевязка, но и к ней начинаю привыкать; впрочем, ни лихорадки, ни других каких-либо последствий от нашей кувырколегии во мне не осталось, и так себя чувствую здоровым, что мог бы сейчас ехать далее, если бы на беду мою не поступил в команду к Арендту, который толкует, что надо оставаться на покое для совершенного сращения кости, которое дорогой могло бы расстроиться... Сверх того, лишенный способности сесть на лошадь, не имел возможности явиться перед войсками, как следует, и присутствовать на маневрах...»

Государь пробыл в Чембаре до 9 сентября и до этого всячески торопил с отъездом. 8 сентября он объявил Бенкендорфу: «Я еду непременно завтра утром в 9 часов, и, если вы не можете возить меня, то уйду пешком». Бенкендорф вспоминает: «Никогда еще в жизни он не выражался со мною таким повелительным и резким тоном». Перед отъездом Государь пригласил к себе приходского священника отслужить благодарственный и напутственный молебен. Царь чистым и приятным басом пел с дьячком. В 1838 г. дворянством Пензенской губернии в доме, в котором проживал Государь в Чембаре, сооружена была церковь, которую население называло «царской».

В «Русской Старине» (1870) помещены записи М. И. Глинки (1804—1857). В них он пишет о своей опере «Жизнь за Царя», впервые поставленной на сцене императорских театров. 27 ноября 1836 г. Государь был на репетиции оперы, незадолго до ее постановки. Он ласково спросил композитора, доволен ли он его артистами? ... «Через содействие Геденова (А. М., тогда директора императорских петербургских театров. — Н. Т.) я получил позволение посвятить оперу мою Государю Императору, и вместо «Ивана Сусанина», названа она «Жизнь за Царя». Государь

присутствовал на первом представлении, вызвал Глинку в боковую императорскую ложу. Благодаря его, он сказал, что нехорошо убивать Сусанина на сцене. Глинка получил Высочайший подарок — перстень с топазом, стоивший 4000 рублей.

В 1834 г. прибыл из Вены в Россию профессор политехнического института Франц фон Герстнер, знаток железнодорожного дела, изученного им в особенности в Англии. В Австрии он в 1828 г. соорудил небольшой участок железной дороги. Пригласил его начальник штаба горных инженеров К. В. Чевкин для обозрения горных заводов. Герстнер, исполняя это задание, воодушевился мыслью о постройке в России железной дороги. В 1835 г. он представил Государю докладную записку по поводу сооружения целой сети дорог. Через несколько недель записка эта рассматривалась в особом комитете под председательством Государя и встретила одобрение, но выявились финансовые трудности для осуществления предложенного Герстнером большого плана. Тогда последний, знавший положительное отношение Государя к железнодорожному строительству, представил в декабре 1835 г. проект сооружения железной дороги из С.-Петербурга в Царское Село и Павловск. Проект был одобрен. В начале 1836 г. Высочайше утверждены были акционерная компания и данная ей концессия. К постройке приступлено было в мае 1836 г. Герстнер руководил работой, которую вели австрийские инженеры. Все время он пользовался поддержкой Императора Николая Павловича. 27 сентября 1836 г. открыто было движение на протяжении всего 8 километров, причем вначале конной тягой.

* * *

Знаменитый композитор М. И. Глинка (1804—1857) был назначен 1 января 1837 г. капельмейстером певческой капеллы. По его свидетельству, Государь объявил ему: «Глинка, я имею к тебе просьбу и надеюсь, что ты не откажешь мне. Мои певчие известны по всей Европе и, следовательно, стоят, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами». Глинка начал набирать певчих в Черниговской губернии, главным образом из архиерейских певчих. Государь обыкновенно сам экзаменовал их. «Император начал со „Спаси, Господи, люди Твоя“, и Его Величество не успел задать тон, как 19 мальчиков и два баса дружно подхватили и исполнили этот кант. Государь

был видимо доволен, заставил их еще пропеть, что такое? не помню. В знак удовольствия Его Величество поклонился мне весело-шутливо до пояса, отпуская меня». Глинка вспоминает еще: «Однажды, увидев меня на сцене, Государь подошел ко мне и, обняв меня правой рукой, прошел, разговаривая со мной, несколько раз по сцене большого театра в присутствии многих» («Русская Старина», 1870. Т. 2)¹.

Император 4/16 февраля писал из Петербурга кн. Паскевичу в Варшаву: «Здесь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимает публику и служит пищей разным глупым толкам. Он умер от ран за дерзкую и глупую картель, им же писанную, но, слава Богу, умер христианином».

Государь осведомлен был о первых стадиях столкновения Пушкина с Дантесом. «После женитьбы Дантеса, — передает П. И. Бартенев со слов кн. П. А. Вяземского, — Государь, встретив где-то Пушкина, взял с него слово, что, если история возобновится, он не приступит к развязке, не дав ему знать наперед. Так как сношения Пушкина с Государем происходили через гр. Бенкендорфа, то перед поединком Пушкин написал известное письмо свое на имя гр. Бенкендорфа, собственно назначенное для Государя. Но письмо это Пушкин не решился послать, и оно найдено было у него в кармане сюртука, в котором он дрался».

«В ту минуту, когда Данзас привозил Пушкина, Григорий Волконский, занимавший первый этаж дома, выходил из подъезда. Он побежал в Зимний Дворец, где обедал и должен был проводить вечер его отец, и князь Петр Волконский сообщил печальную весть Государю (а не Бенкендорф, узнавший об этом позднее). Когда Бенкендорф явился во дворец, Государь его очень плохо принял и сказал: „Я знаю все, — полиция не исполнила своего долга“. Бенкендорф ответил: „Я посылаю в Екатерингоф, мне сказали, что дуэль там“. Государь пожал плечами: „Дуэль состоялась на островах, вы должны были это знать и послать всю-

¹ Письмо Глинка матери, относящееся ко времени успеха оперы «Жизнь за Царя» (2 янв. 1837 г.): «Милости Царя нашего не ограничились одним перстнем; на сих днях по представлению министра двора мне поручена музыкальная часть в Певческом корпусе (капелле). Его Императорское Величество сам лично в продолжительной со мной беседе вверил мне своих певчих. Это публично Царем изъявленное внимание к моему таланту есть верх наград. Сверх того это место сопряжено с существенными выгодами. Жалованья 2500, столовых 1000 и сверх того казенная квартира».

ду“. Бенкендорф был поражен его гневом, когда Государь прибавил: „Для чего тогда существует тайная полиция, если она занимается только бессмысленными глупостями“. Князь Петр Волконский присутствовал при этой сцене, что еще более конфузило Бенкендорфа» (А. О. Смирнова. «Записки», 1826—1845).

Князь П. А. Вяземский сообщал А. О. Смирновой: «Император великодушен и прекрасен в этом случае. Арендт (лейб-хирург), оставляя Пушкина, спросил его: „Что прикажете сказать Государю?“ — „Скажите, что я умираю и прошу у него прощения“. Арендт вернулся несколько времени спустя и принес ему записку, написанную рукой Императора и гласившую приблизительно следующее: „Если Бог не велит нам уже свидеться на здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и мой последний совет умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свои руки“.

Друг Пушкина А. И. Тургенев, сообщая о том же, писал 29 января: «Прежде получения письма Государя сказал: „Жду Царского слова, чтобы умереть спокойно“, и еще: „Жаль, что умираю: весь его был бы“, — то есть царев...»

Связью между умирающим Пушкиным и Государем были Арендт и Жуковский. У Государя были две заботы: чтобы Пушкин умер христианином и чтобы снята была с него забота о судьбе близких. В этом смысле составил он наскоро записку Пушкину и послал с Арендтом, сообщая Пушкину о своем прощении. Позже, через Жуковского, Государь передавал Пушкину: «Скажи ему от меня, что я поздравляю его с исполнением христианского долга; о жене и детях он беспокоиться не должен: они мои».

«Когда я возвратился к Пушкину с утешительным ответом Государя, — писал потом Жуковский в письме к С. Л. Пушкину, — он поднял руки к небу с каким-то судорожным движением. Вот, как я утешен! — сказал он. — Скажи Государю, что я желаю ему долгого, долгого царствования, что я желаю ему счастья в его сыне, что я желаю ему счастья в его России».

Собственноручная записка Императора о милостях семье Пушкина гласила: «1. Заплатить долги. 2. Заложенное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсия и дочери по замужеству. 4. Сыновей в пажи и по 1500 р. на воспитание каждого по вступление на службу. 5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единовременно 10 т.».

Смерть Пушкина искренно опечалила Государя. «С тех пор, — рассказывал впоследствии Жуковский Смирновой, — как я его

видел и слышал во время агонии Пушкина и после его смерти, когда он в разговоре со мною отвернулся, чтобы утереть слезы, я чувствую к нему глубокую нежность».

Близкий к Государю П. Д. Киселев, впоследствии граф, писал в Париж, что он 28 января был «поражен его мрачным и раздраженным видом, — как сообщает в своих записках Смирнова. — В присутствии Киселева принесли записку от Арендта с известиями о Пушкине. Его Величество сказал Киселеву: „Он погиб; Арендт пишет, что он проживет еще лишь несколько часов, и удивляется, что он борется так долго. Что за удивительный организм у него! Я теряю в нем самого замечательного человека в России“. На лице Государя отражалось такое огорчение, что Киселев удивился, — он не думал, что Государь так высоко ценит Пушкина».

«Рука, державшая пистолет, направленный на нашего великого поэта, принадлежала человеку, совершенно неспособному оценить того, в которого он целил. Эта рука не дрогнула от сознания величия того гения, голос которого он заставил замолкнуть. Признайтесь, дорогая Александра Осиповна, что прав наш солдат, что пуля большая дура», — говорил Император Смирновой.

Государь говорил: «Его принудили. Я видел письма, я все знаю теперь. От меня хотели скрыть истину, но она часто выходит наружу. Знай я, что происходит, я отослал бы Дантеса в 24 часа за границу и просил бы отозвать Геккерена¹. Он осмелился просить у меня прощальной аудиенции, но я отказал; я не принимаю людей, ищущих соблазнять молодых женщин ради забавы и удовлетворения фатовству и тщеславию своих сыновей, и занимающихся ремеслом, назвать которое затруднительно. Я узнал, что жалеют Дантеса; я еще поступил с ним слишком мягко,

¹ Барон Луи Геккерен-де-Бетерваард, нидерландский посланник в Петербурге, усыновил в 1833 г. Дантеса с условием принятия им его фамилии. Георг-Карл Д'Антес был камер-пажем герцогини Беррийской, рекомендовавшей его Императору Николаю I, когда, как роялист, он эмигрировал в Россию после июльской революции во Франции. По выдержании офицерского экзамена он был зачислен в кавалергардский полк и имел в 1837 г. чин поручика. Суд приговорил его к смертной казни. Ст. 139 воинского артикула 1716 г. обязывала оставшихся в живых дуэлянтов повесить, а «убитых и по смерти за ноги повесить». Суд ходатайствовал перед Государем о смягчении участи. Казнь заменена была разжалованием и высылкой за границу. Надо полагать, что Государь, считаясь со ст. 139, не считал возможным допустить торжественные похороны Пушкина. Дантес-Геккерен был женат на Екатерине Николаевне Гончаровой, сестре жены А. С. Пушкина. Брак считался счастливым; жена Дантеса умерла в 1843 г. от родов четвертого ребенка. Бывший роялист, оказался потом камергером имп. Наполеона III и сенатором. Прожил он более 80 лет.

выслав из России с запрещением вернуться, тогда как имел право запрятать его на десять лет в крепость; но я пожалел его молодую жену, которая, кажется, его любит. Он должен ей быть благодарным, и нужно надеяться, что он будет ей верным мужем».

Приказ гласил: «Рядового Геккерена, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты».

«Государь говорил горячо, он, который всегда так спокоен в присутствии Императрицы. Он глубоко чувствует эту смерть; поведение части общества оскорбило и возмутило его своим равнодушием к человеку, составляющему гордость России и отсутствием нравственного чувства», — сообщала баронесса Сесиль Фредерикс, друг детства Императрицы А. О. Смирновой.

Император 3 февраля 1837 г. писал Вел. кн. Михаилу Павловичу: «Порицание поведения Геккерена справедливо: он точно вел себя, как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривал жену его отдаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, и все это тогда открылось, когда после первого вызова на дуэль Дантеса Пушкиным, Дантес вдруг посватался к сестре Пушкиной; тогда жена открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна».

А. Тыркова-Вильямс в своем труде «Жизнь Пушкина». (Т. 2. С. 427—429) пишет: «Со времени смерти поэта прошло сто лет. Никто из недругов Пушкина, никто из современников и многочисленных последователей никогда не обмолвился ни одним словом, не напал ни на какие данные о связи Натальи Николаевны с Царем. Об этом не говорит ни один из тоже достаточно многочисленных врагов Николая I, ни один из недоброжелателей поэта, так охотно возводивших на него всякие поклепы».

«Николай женился по любви и с женой жил очень дружно. Но он любил болтать с хорошенькими женщинами, танцевать с ними, кокетничать, возбуждать между ними соревнование, дразнить их, интриговать на маскарадах, до которых он был большой охотник. В Пушкинскую эпоху у него как будто еще не было любовных связей. Во всяком случае молва еще не называла ни одного имени. Он, конечно, восхищался красотой Наталии Николаевны. Нельзя было ею не любоваться. Такой она родилась, как ее муж родился поэтом. Царь с ней танцевал, иногда вел ее к ужину. Это было большое отличие...»

Лет десять после смерти поэта Николай I рассказывал барону М. А. Корфу: «Под конец жизни Пушкина, встречаясь очень

часто с его женой, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень хорошую и добрую женщину, я как-то разговорился с ней о коммеражах (сплетнях), которым ее красота подвергает ее в обществе; я посоветовал ей быть осторожной и беречь свою репутацию, сколько для самой, столько и для счастья мужа, при известной его ревности. Она верно рассказала об этом мужу, потому что, встретясь где-то со мной, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. — Разве ты мог ожидать от меня другого? — спросил я его. — Не только мог, но признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживаниях за моей женой. Три дня спустя была его последняя дуэль».

Заканчивая свои суждения по этому вопросу, А. Тыркова-Вильямс пишет: «Всякое поползновение Царя на честь его жены вызвало бы с его стороны яростный отпор. Пушкин был человек прямой, честный, смелый, глубоко порядочный...»

13 мая в Зимнем дворце состоялся торжественный обед, на который по случаю открытия выставки промышленных произведений были приглашены «восемь персон» из наиболее видных заводчиков и фабрикантов. Они были посажены за один стол с Царской Семьей. Находившийся в числе их владелец суконной фабрики в Москве И. Н. Рыбников описал это событие в «Русской Старине» (1886, сент.) Государь, беседуя с гостями, проявлял внимание к потребностям развития торговли и текстильной промышленности в московском районе.

— Были ли Вы в Технологическом институте? — спросил Император.

— Был, Ваше Величество, — ответил Рыбников.

— Это заведение в самом младенчестве.

— Впоследствии времени это заведение должно пользу принести, Ваше Императорское Величество, только иностранных мастеров и механиков должно чаще переменять и выписывать через каждые три года; известно, что в Англии и Франции успешнее механика идет, нежели где-либо.

— Это правда. Но Москва становится мануфактурным городом, как Манчестер, и, кажется, совсем забыли несчастный двенадцатый год. Вам, господа, непременно должно стараться выдержать соперничество в мануфактуре с иностранцами, и чтобы сбыт был вашим изделиям не в одной только России, а и на прочих рынках.

В середине разговора Государь сказал:

— Я вам мешаю кушать, кушайте пожалуйста.

Рыбников, сложя руки вместе и прижав к сердцу, сказал:

— Ваше Императорское Величество, как мы счастливы, что удостоились за одним столом кушать с Батюшкой-Царем и Матушкой-Государыней.

— Вы того стоите, — сказал Государь.

— Ваше Императорское Величество, потомки наши должны благословлять в сердцах своих незабвенно сие событие, и в истории навсегда останется бессмертным.

«Как скоро стали подавать хлебное (всякого рода мучное печенье), всемиловейший Государь встал, тоже Государыня, Наследник престола. Великие княжны и все присутствовавшие. Государь: „Здоровье московских фабрикантов и всей мануфактурной промышленности“. После стола вышли в концертную залу, где граф Канкрин представлял каждого. Государыня всех приветствовала, со многими изволила разговаривать, что она знает его изделия, видела на выставке и некоторых хвалила, а Кондрашову (фабриканту шелковых изделий), указав на свое белое шелковое платье, изволила сказать: — Это ваша материя. — Потом, подойдя ко мне, Рыбникову, всемиловейше изволила мне поручить: — Когда приедете в Москву, кланяйтесь от меня князю Дмитрию Владимировичу и Татьяне Васильевне¹...»

По желанию Государя Наследник Цесаревич Вел. кн. Александр Николаевич в 1837 г. знакомился с Россией. Сопровождавший последнего, поэт В. А. Жуковский записывал 10 мая: «...Можно сказать, что Государь дал России общий, единственный в своем роде праздник. От Балтийского моря до Урала и до берегов Черного моря все пробуждено одним чувством, для всех равно понятным и трогательным; все говорят: Государь посылает нам Своего Сына. Он уважает народ свой, и в каждом сердце наполнено благодарностью...» Из Симбирска Жуковский 24 июня описывал Императрице впечатление, произведенное согласием Государя смягчить участь декабристов: «Вчера была одна из счастливейших минут моей жизни, и я не могу лишить себя наслаждения разделить ее с Вашим Императорским Величеством. На дороге между Буинском и Симбирском встретил нас фельдъегерь, и скоро потом Великий Князь сообщил мне содер-

¹ Князь Д. В. Голицын — московский генерал-губернатор. Иван Назарович Рыбников — мануфактур-советник и кавалер.

жание письма Государя Императора, в котором было и для меня милостивое слово. Посреди дороги, под открытым небом, мы трое, Великий Князь, Александр Александрович (Кавелин) и я обнялись во имя Царя, возвестившего нам милость к несчастным. Мы три, не сговорившись, сделали одно и с одним чувством обратились к Государю. Великий Князь послал письмо из Тобольска, а я свое из Златоуста, о коем сказал Великому Князю, уже отдав его фельдъегерю. И всем нам один отзыв от нашего несравненного Государя».

Государь 24 мая писал из Петербурга гр. Бенкендорфу в его имение Фаль: «Если Богу будет угодно, мы намерены отправиться через неделю на милый берег, домой». Разумелся Петергоф. Оттуда в письме от 5 июня говорилось: «Петербург неузнаваем; он действительно делается красивым и великолепным». Письма Бенкендорфу подписывались Императором так: «Верьте нежной дружбе вашего преданного и любящего вас», или: «Навсегда преданный вам сердцем и душой, нежно любящий» («Русский Архив», 1884. Т. I).

Леонид Федорович Львов отмечает, что Государь особенно занимался Петергофом, осушая прежде всего болота, которыми он был окружен. Все отдельные места соединены были тенистым парком, в котором настроены бесподобные павильоны. В каждом из них имелась отдельная комната, в которой Государь в жаркие дни занимался и принимал доклады. Львов пишет: «Между прочими украшениями Государь на импровизированном озере выстроил крестьянский домик или, лучше сказать, усадьбу, которую и назвал Никольским. Этот домик очень занимал его, как наружным видом, так и внутренним устройством. Столы, скамейки были из полированного как зеркало дуба; стены бревенчатые, но как сложены! Посуда, как и все, была простая русская; но все до последней мелочи доказывало, что хозяин усадьбы мужичок очень богатый. В сенях висела на вешалке солдатская шинель Измайловского полка, которую Государь надевал, когда Императрица приезжала в Никольское кушать чай. Тут Государь, как хозяин, угощал свою хозяйку; тут и садик был разведен, и две коровки были на случай, если Государыня пожелает откусать молочка» («Русский Архив», 1885. Т. I).

Во внешней политике Государь озабочен был делами в Европе, в Персии и на Кавказе, где горцев поддерживали англичане. 19 июля он писал из Петергофа Бенкендорфу о положении

на Кавказе: «Донесения Вельяминова сообщают о новых происшествиях англичан. Борьба идет горячая, но мы подвигаемся вперед; он занял Пшад и работает над укреплением, которое должно защищать эту важную позицию. Раевский также занял пост, называемый Адлером»¹.

Государь, назначая в 1837 г. А. О. Дюгамеля русским представителем в Тегеране, осуждал некоторые действия англичан в Персии. Он, по словам Дюгамеля, так наставлял его: «Я желаю, чтобы вы жили в самом добром согласии с англичанами. Мешайтесь как можно меньше во внутренние дела страны, и если к вам обратятся за советом, отвечайте то, что вам подсказывает ваша совесть, то, что вы найдете полезным для страны. Управление в Персии гнусное. Теперешний шах имеет перед собой будущность, т. к. он молод, но с другой стороны, как видите, не обещает хорошего» (Автобиография А. О. Дюгамеля // «Русский Архив», 1885. Т. 2). По свидетельству Дюгамеля шах Мохаммед (1834—1848) страдал наследственной подагрой. Он был сыном талантливого, рано умершего Аббас-мирзы. Проявлялось его слабоумие. Ему Англия помогала деньгами и офицерами. В 1846 г. он заключил договор с Россией.

В 1837 г. гр. Бенкендорф опасно болел. Государь проводил у его постели целые часы и плакал над ним, как над другом и братом. К этим дням относятся слова о нем Императора: «В течение 11 лет он ни с кем меня не поссорил, а со многими примирил». Бенкендорф в этом году не сопровождал Государя в его поездках по России. Сведения о таковых можно почерпнуть из писем Царя к нему и к Паскевичу.

Государь писал Паскевичу 21 октября из Новочеркасска: «...Общая зараза своекорыстия, что всего страшнее, достигла и военную часть до невероятной степени, даже до того, что я вынужден был сделать неслыханный пример на собственном моем флигель-адъютанте. Мерзавец сей, командир Эриванского полка кн. Дадриан, обратил полк себе в аренду, и столь нагло, что публично держал стада верблюдов, свиней, пчельни, винокуренный завод, на 60 т. пуд сена захваченный у жителей сенокос, употребляя на все солдат; в полку при внезапном осмотре найдено 534 рекрута, с прибытия в полк не одетых, необутых, частью босых, которые все были у него на работе, то есть ужас! За

¹ Вельяминов проник к устьям рек Пшад и Вулан и заложил там укрепления Новотроицкое и Михайловское.

то я показал, как за неслыханные мерзости неслыханно и взыскиваю. При полном разводе, объявя его вину, велел военному губернатору снять с него фл.-адът. аксельбант, арестовать и с фельдъегерем отправить в Бобруйск для предания суду, даром что женат на дочери бедного Розена; сына его, храброго и доброго малого, взял себе в адъютанты...»¹

Описывая то же прискорбное событие Бенкендорфу, Государь говорил: «...Не могу не сказать вам, что стоила моему сердцу такая строгость, и как она меня расстроила, но в надежде, поражая виновнейшего из всех, собственного моего флигель-адъютанта и зятя главноуправляющего, спасти прочих полковых командиров, более или менее причастных к подобным же злоупотреблениям, я утешался тем, что исполнил святой свой долг... Здесь — то есть в Петербурге — это было бы самовластием бесполезным и предосудительным; но в Азии, удаленной огромным расстоянием от моего надзора, при первом моем появлении перед Закавказской моей армией, необходим был громовой удар, чтобы всех устрасить и, вместе с тем, доказать храбрым моим солдатам, что я умею за них заступаться. Впрочем, я вполне чувствовал весь ужас этой сцены и, чтобы смягчить то, что было в ней жестокого для Розена, тут же подозвал сына его, Преображенского поручика, награжденного георгиевским крестом за Варшавский штурм, и назначил его моим флигель-адъютантом на место недостойного его шурина»².

В письме к Паскевичу Государь одобряет Розена, как администратора, но отмечает его слабый характер. Хвалит он ген.

¹ Кн. Александр Леонович Дадияни, род. в 1801 г., преображенец, адъютант кн. Паскевича, с 1829 г. флиг.-адъютант, командир Эриванского карабинерного полка. Доклад о его злоупотреблениях представлен сенатором бар. Ганом. Развод от 1 бат. Эриванского полка происходил в октябре 1837 г. на Мадатовской площади (впосл. Александровский сад, устроенный кн. Барятинским). Семья Розен и Дадияни были на балконе дома полк. Беглерова, выходившем фасадом на площадь. Сначала прозвучал могучий голос Государя: «Розен». Повелел он вызвать Дадияни. Окинув его грозным взглядом, Император в сильных выражениях высказал неудовольствие, что флиг.-ад. обратился в подрядчика, эксплуататора, унижающего свое высокое звание. Приказал ген.-лейтен. Брайко снять с Дадияни аксельбанты и передать молодому Розену. Флигель-ад., тогда же был назначен и бар. Врангель, будущий известный кавказский деятель. Дадияни разрешено было только проститься с семьей. Выяснилось, что баб солдаток, даже беременных, отказавшихся выйти на сенокос, он высек. По суду он был лишен орденов, чинов, княжеского и дворянского достоинств, отправлен в Вятку. Помилован на коронации Имп. Александра II.

² Преображенский прапорщик барон Розен первый вскочил на бруствер укрепления Воли (Варшава).

Вельяминова, отмечая, однако, его лень. Письмо заканчивалось так: «За сим, мой отец-командир, все тебе высказал. Да забыл сказать, что, выезжая из самого Тифлиса, на первом спуске, Бог нас спас от явной смерти. Лошади понесли на крутом повороте вправо, и мы бы непременно полетели в пропасть, куда уносные лошади и правые коренные и пристяжная упали через парашет, если бы Божия рука не остановила задних колес у самого парашета. Передние колеса на него уже съехали, но лошади, упав, повисли совершенно на воздухе за одну шею, хомутами на дышле, сломали его, и тем мы легко опрокинулись налево с малым ушибом. Признаюсь, думал я, что конец мне; ибо мы имели время обозреть опасность и разглядеть, что нам не было никакого спасения, как в Промысле Бога, что и сбылось. Ибо „живый в помощи Вышняго, в крове Бога небесного водворится“. Так я думал, думаю и буду думать. Прости мне невольно длинное письмо; с тобой невольно разговоришься».

Император признал неправильной политику местного начальства относительно горцев, как это видно из его тогдашнего письма к Бенкендорфу. «Вместо того, чтобы покровительствовать, оно только утесняло и раздражало, словом, мы сами создали горцев, каковы они есть, и довольно часто разбойничали не хуже их. Я много толковал об этом с Вельяминовым, стараясь внушить ему, что хочу не побед, а спокойствия; и что для личной его славы и для интересов России надо приглубить горцев и привязать их к русской державе... Я сам написал тут же Вельяминову новую инструкцию и приказал учредить в разных местах школы для детей горцев, как вернейшее средство к обрусению и смягчению их нравов».

Капитан генерального штаба Г. И. Филипсон¹, впоследствии генерал, прославившийся на Кавказе, был очевидцем посещения Государем Геленджика.

«В приезде Императора Николая в 1837 г. в Геленджик, была такая сильная буря, что ни верхом, ни пешком нельзя было пройти по фронту собранных войск, а о церемониальном марше нечего было и думать. Войска распустили, а Государь ушел в кибитку ген. Вельяминова пить чай; после приказал позвать солдат, кто в чем есть, под одинокое дерево, которое Его Вели-

¹ Григорий Ив. Филипсон, ген. от кавалерии, сенатор, служил на Кавказе с 1835 г. Он особенно прославился при Н. Н. Муравьеве и кн. Барятинском.

чество указал впереди лагеря. Ему хотелось сказать милостивое слово этому доблестному войску, в первый раз видящему своего Государя. Солдаты сбежались со всех сторон к сборному месту, буквально исполнив царскую волю: кто в мундире, кто в шинели, кто просто в белье. Вокруг Государя и Наследника образовался кружок, внутри которого было несколько офицеров. Вдруг Император спросил: „А где у вас Конон Забуга?“ Это был унтер-офицер Кабардинского полка, недавно отличившийся и упомянутый в реляции. — Здесь, Ваше Императорское Величество, — раздался над головой Государя громкий голос. Забуга сидел на дереве, в одном белье, чтобы лучше видеть Государя. Государь приказал ему слезть, и когда тот почти кубарем свалился на землю, Государь поцеловал его в голову, сказавши: „Передай это всем твоим товарищам за их доблестную службу“. Забуга бросился на землю и поцеловал ногу Государя. Вся эта сцена, искренняя и неподготовленная, произвела на войско гораздо более впечатления, чем красноречивая речь, которой никто бы и не слышал» («Русская Старина», 1884).

Посетил Император Эчмиадзинский армянский монастырь. Встретил его торжественно глава Церкви Иоанес. Государь писал Бенкендорфу: «Здесь (в алтаре) Иоанес произнес вторую приветственную речь, и затем своды древнего храма огласились пением стихир на сретение Царя, не раздававшиеся здесь в течение семи веков». Государь пишет, что приложился к св. мощам, почивающим более тысячелетия.

Государь писал Бенкендорфу о возмущении, вызванном тем, что он обнаружил в Бобруйске: «Госпиталь меня взбесил. Представьте себе, что чиновники заняли для себя лучшую часть здания, и то, что предназначалось для больных, обращено в залы г. зрителя и докторов. За то я коменданта посадил на гауптвахту, зрителя отрешил от должности и всех отделал по-своему».

В 1837 г. Государь говорил М. А. Корфу: «Сначала я никак не мог вразумить себя, чтобы можно было хвалить кого-нибудь за честность, и меня всегда взрывало, когда ставили это кому в заслугу; но после пришлось поневоле свыкнуться с этой мыслью. Горько думать, что у нас бывает еще противное, когда я и все мы употребляем столько усилий, чтобы искоренить это зло».

На монетном дворе в Петербурге при вырезках из полосового золота кругляков, из которых чеканились империалы и полумпериалы, оставались вырезки. Эти урезки, известные мини-

стру финансов, не записывались однако ж ни в какие отчетные книги. Таких урезков накопилось столько, что из них было вычеканено 15 000 полуимпериалов. Граф Канкрин вздумал сделать Государю нечаянный подарок и поднести его ему на Пасху 1837 г. Для этого, в Технологическом институте, по указанию министра финансов, сделано было из ольхового дерева огромное яйцо, в которое и вложены были 15 000 червонцев. Красное яйцо, разрезанное надвое, раскрывалось пополам посредством сложного механизма. В первый день Пасхи, чиновники министерств финансов привезли яйцо во дворец, а в комнату Государя внесли его, за Канкриным, несколько камер-лакеев. — Это что? — спросил Император. — Позвольте, Ваше Величество, — сказал министр, — раньше похристосоваться. — Государь поцеловался с ним. — Теперь, Ваше Величество, осмеливаюсь представить вам красное яичко от наших же богатств и просить вас дотронуться до этой пружины. — Государь это сделал, яйцо раскрылось, и показался желток — полуимпериалы. — Что это, сколько тут? — спросил удивленный Государь. Канкрин указал число и объяснил, что монеты начеканены из урезков, нигде не показанных по отчетам. Государь не смог скрыть своего удовлетворения, и сказал: «Урезка? экономия? — ну, так пополам». Канкрин отказался от этого дара («Русская Старина», 1896).

В 1837 г. А. Н. Демидовым был приглашен для исследования каменноугольных залежей Донецкого бассейна известный социолог, геолог и знаток горного дела француз Фредерик Ле-Пле (1806—1882). Производя изыскания, он старался вникнуть в быт русского народа. «Мои первые впечатления, при виде крепостного состояния, — писал он, — противоречили моим предвзятым мыслям, и потому я долго не доверял самому себе. Население было довольно своею судьбою, подвергаясь нравственному закону, равно как и верховной власти и господам, благодаря религиозному началу, которое поддерживало твердую веру. Изобилие самородных произведений давало достаточные средства к существованию. Как и в Испании, взаимная короткость отношений соединяла помещика с крестьянами. С этого первого своего путешествия я заметил, что главная сила России заключалась во взаимной зависимости помещика и крестьян...» «В 1837 г. я был призван в Россию, в долину Дона, чтобы исследовать угольные залежи Дона. Это очень интересовало Императора Николая, — писал 11 декабря 1881 г. Ле-Пле, — и он причислил к

этой миссии одного из своих адъютантов. Прибыв в этом году в Южную Россию, чтобы присутствовать на больших маневрах кирасир в степях Вознесенска, он заботливо следил за результатами экспедиции, которой и руководил. На эти результаты было указано с похвалой адъютантом, охранявшим свободу наших исследований среди военного поселения (донские казаки). Император благоволил выразить мне свое удовольствие. Уже в то время рассуждали об освобождении крестьян. Его Величеству угодно было спросить мое мнение об этом вопросе. Тогда я еще слишком мало знал Россию, чтобы высказаться, и я отвечал в таких выражениях, что Императору угодно было пригласить меня приехать вновь, чтобы осмотреть Север России и Сибирь и продолжать изучение городских поселений и пастушеских племен, только что мною посещенных на берегах Черного и Каспийского морей. Я приезжал в Россию в 1844 и 1853 гг. По приказанию Императора, ген. Чевкин, начальник штаба Горного Корпуса, приставил ко мне капитанов Переца и Влангали; при их содействии я изучил городские поселения и пастушеские племена, живущие по сю и по ту сторону Уральских гор. Я не скрывал того от Императора, что освобождение (эмансипация), которое правительство хотело совершить по своему почину, казалось мне преждевременным; события, затем последовавшие, быть может, оправдали это мнение» («Русский Архив», 1900. Т. 1).

17 декабря огромный пожар вспыхнул в Зимнем дворце. Государь лично давал указания во время тушения его. Когда положение сделалось опасным для тушивших его солдат и пожарных, Государь приказал прекратить работы. Государь 3 января 1838 г. писал Паскевичу об этом пожаре и о том, что с помощью гвардии удалось отстоять Эрмитаж: «...Жаль старика, хорош был, но подобные потери можно исправить, и с помощью Божией надеюсь к будущему году возобновить не хуже прошедшего, и надеюсь без больших издержек. Усердие общее и трогательное. Одно здешнее дворянство на другой день мне представило 12 миллионов, тоже купечество и даже бедные люди. Эти чувства мне дороже Зимнего дворца; разумеется, однако, что я ничего не принял и не приму. У Русского Царя довольно и своего; но память этого подвига для меня новое и драгоценное добро».

В «Русском Архиве» (1878) описано, как после пожара уполномоченные Московского и Петербургского гостинных дворов

обратились к Государю: «Просим у Тебя милости, дозвожь выстроить Тебе дом». Император ответил: «Спасибо, от души благодарю вас. Бог даст сам смогу это сделать, но передайте, что вы меня порадовали, я этого не забуду».

В 1837 г. учреждено было для заведывания казенными крестьянами Министерство государственных имуществ, во главе которого был поставлен пользовавшийся особым доверием Государя Павел Дмитриевич Киселев, в 1839 г. возведенный в графское достоинство.

30 октября 1837 г. открыта была от Петербурга до Царского Села дорога с паровозной тягой. Это явилось началом возникновения в России железных дорог.

В 1838 г. Государь озабочен был семейными делами. Его волновало увлечение Наследника Цесаревича Вел. кн. Александра Николаевича фрейлиной Императрицы полькой Ольгой Калиновской. В июне Царь писал Императрице Александре Федоровне о своей беседе со старшей дочерью Вел. кн. Марией Николаевной: «Мы говорили также о Саше, и она, как и я, говорит, что он часто обнаруживает слабость характера и легко дает себя увлечь. Я все время надеюсь, что это пройдет с возрастом, так как основы его характера настолько хороши, что с этой стороны можно ожидать многого, без этого он пропал, ибо его работа будет не легче моей, а что меня спасает? — Конечно не умение, я простой человек, — но надежда на Бога и твердая воля действовать, вот все».

Государь писал 27 июля (8 августа) из Теплица (Чехия) сыну Николаю, родившемуся в этот день в 1831 г.: «Пишу тебе в первый раз, любезный Ники, с благодарным к Богу сердцем вспоминая, что тобою наградил нас Господь, в минуты самые тяжелые для нас, как утешение и как предвестника конца наших разнородных бедствий¹. Вот и семь лет тому протекло, и вместе с этим, по принятому у нас в семье обычаю, получил ты саблю!!! Великий для тебя и для нас день! Для нас, ибо сим знаком посвящаем третьего сына на службу будущему брату твоему и родине; для тебя же тем, что ты получаешь первый знак твоей будущей службы. В сабле и в мундире офицера ты должен чувствовать, что с сей минуты вся будущая твоя жизнь не твоя, а тому

¹ Пушкин писал про 1831 год:

«Война и мор, И бунт, и внешних бурь напор».

принадлежит, чьим именем получил ты сии знаки. С сей минуты ты постоянно должен не терять из мыслей, что ты беспрестанно стремиться должен постоянным послушанием и прилежанием быть достойным носить сии знаки, не по летам тебе данным, но в возбуждение в тебе благородных чувств, и с тем, чтобы некогда достойным быть сего звания. Молись усердно Богу и проси Его помощи. Люби и почитай своих наставников, чти твоих родителей и старшего брата, и тогда наше благословение будет всегда над твоей дорогой головой. Обнимаю тебя от души, поручаю тебе поцеловать братцев и поклониться от меня искренно Александру Илларионовичу¹. Бог с тобою. Твой верный друг папá».

К 1838—1839 гг. относится, по-видимому, следующее повествование графини С. Д. Толь, урожденной гр. Толстой, напечатанное ею в 1914 г.: «Дед мой Дмитрий Гаврилович Бибиков был назначен 29 декабря 1837 г. генерал-губернатором Юго-Западного края, то есть немного после усмирения польского мятежа 1831 г. Государь довольно часто посещал Киев. Во время одного из таких посещений Государь, вместо дворца, остановился в генерал-губернаторском доме и занял кабинет деда. Во время своих пребываний Николай Павлович в сопровождении Бибикова обыкновенно ездил осматривать все казенные учреждения Киева. Так было и в этот раз. Николай Павлович сидел в коляске, как вдруг лошади в испуге свернули вбок и кучер с трудом мог их остановить. Оказалось, что они испугались листа белой бумаги, которым махала незнакомая моему деду, вполне прилично одетая дама. Николай Павлович позвал просительницу, взял прошение и стал читать. Это была просьба о помиловании ее мужа, принимавшего деятельное участие в польском восстании и за это сосланного в Сибирь. Государь внимательно читал, а дама громко рыдала. Дочитав прошение, Николай Павлович отдал его обратно просительнице и резко, почти злобно, промолвил: „Ни прощения, ни даже смягчения наказания вашему мужу я дать не могу“, — и крикнул кучеру: „Пошел!“ Никаких неожиданностей или неприятностей во время этой поездки более не случилось. Когда же Государь и дед вернулись обратно в генерал-губернаторский дом, то Государь удалился в свой временный кабинет, а дед пошел к себе. Прошло минут десять, и деду пришлось нечто неотложное доложить Государю. Как во всех крупных домах, в кабинете была двойная дверь, он открыл первую,

¹ Философову, воспитателю Вел. князя.

собираясь постучать во вторую, но тут же, в неописуемом удивлении невольно попятился. В небольшом промежутке между дверьми стоял Государь и весь трясся от душивших его рыданий. Крупные слезы лились из его глаз. — Что с Вами, Ваше Величество? — пробормотал Бибиков. — Ах, Бибиков, когда б ты знал как тяжело, как ужасно, не сметь прощать!»

М. Юзефович называет фамилию просительницы — Конарская, жена видного повстанца. Приводит подробные слова Государя: «Ты не знаешь, как тяжело быть в невозможности простить! Простить сейчас я не могу — это была бы слабость. Но спустя некоторое время, представь мне о нем».

В 1838 г. при новом главнокомандующем ген. Е. А. Головине продолжалось закрепление России на Кавказе. На Черноморском побережье были выстроены укрепления Навагинское, Вельяминовское и Тенгинское, и начато построение крепости Новороссийск, с военной гаванью.

21 октября Государь извещал Паскевича о помолвке старшей дочери Вел. кн. Марии с принцем Максимилианом Лейхтенбергским и Эйхштедским, сыном Евгении Богарне, пасынком имп. Наполеона I. Великая княжна была любимицей поэта В. А. Жуковского, посвятившего ей стихи, когда ее принесли в первый раз в храм и причастили Св. Тайн. 22 июня 1838 г. она писала ему за границу: «Где Вы теперь? Бог знает. Но где бы Вы ни были, в каком краю или в городе, верно Вам не так хорошо, как мне: я ведь в Русской земле, святой земле для нас обоих». 19 ноября Великая княжна писала: «Да, Василий Андреевич, мой старый друг, друг с колыбели, не кажется ли Вам странным, что маленькая Мэри, упрямая, ленивая Мэри, так часто Вас сердившая, скоро пойдет под венец?... О поздравляйте меня от души. Вы не поверите, как я счастлива! Неужели идеал моего воображения — вечно оставаться в матушке России, в бесценной Родине, сделался явным?»

По свидетельству М. А. Корфа на одном его докладе в 1838 г. Император положил резолюцию: «Вы забыли, кажется, что я привык читать, а не просматривать присланные бумаги».

* * *

В царствование Императора Николая сильно подвинулось дело воссоединения униатов. Государь желал только соблюдения осторожности в проведении этого вопроса, чего и указано было им

придерживаться в 1834 г. 12 февраля 1839 г. собор униатских епископов и высшего духовенства, собравшийся в Неделью Православия в Полоцке, составил торжественный акт о присоединении униатской церкви к Православной и всеподаннейшее прошение о том Государю, подписанное 1305 духовными лицами. 25 марта Царь написал на прошении: «Благодарю Бога и принимаю». За пастырями присоединилось и все полуторамиллионное униатское население литовской и белорусской епархий. Торжественные богослужения совершены были в Витебске, Орше, Полоцке, Вильне. Выбита была медаль с надписью на одной стороне: «Отторженные насилем (1596) воссоединены любовью (1839)», на другой — под ликом Спасителя на убресе: «Такова имама Первосвященника». Бывшие униатские архиереи получили православные епархии западного края. Владыка Иосиф (Семашко) назначен был архиепископом Литовским, владыка Василий (Лужинский) — епископом Полоцким, Антоний (Зубко) — Минским.

В 1839 г. Государем отправлен был в Константинополь, Александрию и Иерусалим флигель-адъютант граф Адам Адамович Ржевуский. Он должен был приветствовать молодого султана Абдул-Меджида, только что вступившего на престол. Принят был царский посланец с исключительными почестями. Выхлопотал он улучшение положения православных в Святой Земле. Мегемет-Али, паше египетскому, он передал пожелание Государя об отозвании сына, Ибрагима-паши, выступившего против султана. По возвращении гр. Ржевуский был принят Государем и высказал мнение, что от Мегемета-Али можно было бы добиться многого в отношении Палестины, если поддерживать его. Государь отвечал: «К сожалению, это невозможно, я не желал бы быть обязанным обладанию Св. Местами восстанию подданного против своего Государя, ибо старый паша, в конце концов, подданный султана, и подданный, которому последний имеет право отрубить голову... Конечно, охрана Св. Мест должна была бы нам принадлежать безраздельно, или, по крайней мере, мы должны были бы иметь там больше и более широкие права, чем латиняне. Это покровительство христианам французами смешно. В Турции, как и в Сирии, больше православных, чем католиков, и наследие Восточных Императоров не принадлежит французам».

7 августа состоялось торжественное открытие Пулковской обсерватории. Академик Василий Струве, известный астроном, в 1838 году отправлен был, по повелению Государя, в Европу для

заказа необходимых инструментов, «самых лучших, какие только могли приготовить лучшие мастера». Главные заказы даны были фирме братьев Репсольд в Гамбурге. В Мюнхене оптик Мерц изготовил 15-дюймовый рефрактор, долгое время лучший в мире. На докладе о сем министра народного просвещения гр. С. С. Уварова Государь написал: «Прекрасно». Гарвардский астроном, американец Кливлэнд Аббе считал два года, проведенные им на практике у Струве, «самыми счастливыми в жизни» и назвал Пулково «научным раем». Вениамин Гулд, основавший в 1849 году американский «Астрономический журнал», назвал Пулковскую обсерваторию «астрономической столицей мира».

В том же году граф Уваров представил Государю стихотворение А. С. Хомякова «Киев», написанное им для «Киевлянина», издававшегося тогда другом последнего М. А. Максимовичем. Министр писал: «Известный наш поэт Хомяков, который, как кажется, мог бы один идти по стопам Пушкина, если б постоянно занимался своим искусством, написал ныне стихотворение, которое я считаю достойным воззрения Вашего Императорского Величества. Осмеливаюсь при сем всеподданейше представить оное. Последние стихи имеют отношение к другому стихотворению («Орел»), в котором Хомяков воспевал соединение всех Славянских племен под хоругвь России. Эта мысль, которой он проникнут, проявляется в каждой строке, им написанной, глубокое религиозное чувство (в чем Хомяков совершенно отличается от Пушкина), дает этой любимой мысли особую теплоту и возвышенность. Изящество языка и сила выражения не оставляет, думаю, ничего желать более». 30 сентября 1839. Рукою Государя написано: «Не дурно», — а по строкам: в чем Хомяков отличается от Пушкина, по свидетельству Николая Барсукова, — тою же державною рукою сделан росчерк карандашом, как бы уничтожающий эти слова.

В 1839 г. Россию посетил французский литератор маркиз де Кюстин, выпустивший потом книгу об этом путешествии. Допущенные им извращения и злобность заставили даже мягкого В. А. Жуковского назвать его «собакой». Из этой книги стоит привести высказанные ему Императором Николаем I суждения об образе правления: «Я понимаю республику, это — образ правления прямой и искренний или могущий, по крайней мере, быть таким; я понимаю абсолютную монархию, потому что я стою во главе подобного порядка вещей, но я не понимаю представительной монархии. Это — правление лжи, обмана и коррупции,

и я скорее удалился бы в Китай, чем когда-либо допустил его».

26 августа на Бородинском поле состоялся военный парад. Государь со следующими словами обратился к войскам: «Ребята! Пред нами памятник, свидетельствующий о славных подвигах ваших товарищей! Здесь, на этом самом месте, за 27 лет перед сим, надменный враг возмечтал победить русское войско, стоявшее за Веру, Царя и Отечество! Бог наказал безрассудного: от Москвы до Немана разметаны кости дерзких пришельцев — а мы вошли в Париж. Теперь настало время воздать славу великому делу. Итак, да будет память вечная бессмертному для нас Императору Александру I, — его твердою волею спасена Россия; вечная слава павшим геройскою смертью товарищам нашим, и да послужит подвиг их примером нам и позднешему потомству. Вы же всегда будете надеждой и оплотом вашему Государю и общей матери нашей России».

Князь А. В. Мещерский поступил в 1838 г. юнкером в Оренбургский уланский полк 6-й кавалерийской дивизии. Полком командовал его дядя князь Ливен. Мещерский описывает маневры 1839 года на Бородинском поле: «Государь Николай Павлович стоял верхом на пригорке перед Бородинской колонной, пропуская мимо себя церемониальным маршем, без перерыва в продолжение 8 часов, все двести пятьдесят тысяч собранного в это время на Бородинском поле войска. Нельзя было не удивляться его необыкновенной силе и энергии: он стоял все время недвижимо на своем высоком коне, как великолепная мраморная статуя древнего рыцаря, не переменяя почти ни разу своего положения. В это время Государь Николай Павлович перед своей грозной армией действительно изображал собою одного из тех легендарных героев-великанов, которых все воинственные народы любят воспевать в свои народных песнях. Лучше сказать: Государь Николай Павлович в эту минуту представлял собою поистине идеальный тип Царя могущественной державы в Европе, каким он и был в то время в действительности».

Английский посол в Петербурге Лофтус писал в 1840 году: «...В Императоре Николае было что-то удивительно величественное и внушительное; несмотря на суровый вид, он поражал пленительной улыбкой, и его манеры были очень приятны. Вообще это был благородный, великодушный человек, и все близко его знавшие питали к нему преданную любовь. Его суровость объяснялась не желанием его быть жестоким, а убеждением, что следовало в то время управлять всем светом твердой, железной рукой».

В Светлое Христово Воскресение освящен был Зимний Дворец, отстроенный после пожара. Перед заутреней был крестный ход. В Белой зале процессия двигалась между длинными рядами мастеровых, большей частью бородатых мужиков в кафтанах. Розговены были устроены на 3000 человек. В том же году расширено было пристройкой помещение Императорской публичной библиотеки.

В 1839 г. наследнику Цесаревичу, Великому князю Александру Николаевичу было указано, «чтобы слушать и учиться», присутствовать на заседаниях Государственного Совета, но без права голоса. 11 февраля скончался граф М. М. Сперанский. Государь был очень огорчен кончиной этого выдающегося государственного деятеля, близкого его сподвижника. Он говорил М. А. Корфу: «...И я, и ты, по близким к нему отношениям, и все мы понесли потерю ужасную, неизмеримую...! А твое дело оставаться верным его школе: служи по-прежнему, не обращай внимания на то, что слышишь вокруг себя, иди своим путем, как велит честь и совесть, — словом, действуй в духе и правилах покойного — мы останемся всегда друзьями, и ты будешь полезен не только мне, но и Саше». Князю И. В. Васильчикову Государь писал, что эта невозвратимая потеря заставляет его испытывать жестокое огорчение.

Генерал П. Х. Граббе, состоя с 1838 г. командующим войсками линии и Черномория, был послан в 1839 г. в Дагестан с Чеченским отрядом для овладения оплотом мюридизма аулом Ахульго. 22 августа он с большими трудностями и кровопролитием овладел им. Но Шамиль ускользнул. Граббе награжден был званием генерал-адъютанта и орденом Св. Кн. Александра Невского. Считали Шамиля конченным. Но Государь думал иначе. На докладе о событии он написал: «Прекрасно, но жаль, что Шамиль ушел и признаюсь, что опасаясь новых его козней. Посмотрим, что далее будет». В 1840 г. оправившийся Шамиль снова появился в Чечне и Дагестане.

В конце 1839 г. сильно болела Великая княжна Ольга Николаевна. Кризис последовал на 28-й день. Известно, со слов лейб-медика Маркуса, стоявшего во главе многих врачей, что Государь по восемь раз в день заходил проведать больную, по ночам же подходил к дверям и со слезами прислушивался к ее стонам. Когда опасность миновала, он хотел подарить дочери давно приготовленный подарок — две драгоценные жемчужины Севинье. Маркус, опасаясь волнения больной, запретил вручение ей жемчужин. Государь неделю носил жемчужины в кармане, ожидая разрешения врача.

Когда больная поправилась, Государь становился на колени и кормил ее из своих рук, следуя предписанию врача.

В 1839 г. Государь, посетив Коломенское, как всегда, прежде всего отправился в церковь. Там в это время происходила крестьянская свадьба. Дождавшись окончания богослужения, он поздравил новобрачных и велел им явиться в Москву во дворец. Там они были обласканы и одарены царем и царицей («Исторический Вестник», 1915).

В 1840 г. продолжал оставаться сложным турецкий вопрос. Россия, как и в предыдущие годы, поддерживала султана в его столкновении с египетским пашой. Франция же поощряла домогательства Мехмед-Али. Англию тревожили дружественные отношения России и Турции. В Лондоне состоялась конференция для рассмотрения египетского вопроса. В ней приняли участие представители России, Англии, Австрии и Пруссии. Султан был поддержан, и вынесено решение, что турецкие дела будут впредь разрешаться совместно этими державами. В лондонской конференции 1841 г. приняла участие и Франция, примкнувшая к соглашению. Конференции эти ослабили то исключительное значение, которое с тридцатых годов имела Россия в турецких делах. Наряду с этим, Россию устраивало усиление конференцией запрета для всех государств проводить военные суда из Черного моря в Средиземное и обратно.

В конце мая Государь прибыл в Берлин и присутствовал при кончине короля Фридриха-Вильгельма III. При гробе несли дежурство русские генерал-адъютанты, флигель-адъютанты и чины Кавалергардского полка. Вступивший на престол сын покойного, король Фридрих-Вильгельм IV, брат Императрицы Александры Феодоровны, принял отряд кавалергардов, обнял старшего унтер-офицера и рядового, обласкав каждого; он говорил о своих наследственных чувствах к России. Король опубликовал завещание отца. В нем говорилось и об иностранной политике: «Постарайся сохранить, по мере возможности, доброе согласие, существующее между европейскими державами, в особенности, чтобы Пруссия, Россия и Австрия никогда не разделялись».

В Москве шла постройка большого Кремлевского дворца. Государь не раз бывал на работах. Однажды архитектурный помощник Горский выразил сожаление о предназначенном на слом известном изразчатом Крутицком теремке. Государь поблагодарил его и запретил это трогать.

Начало сороковых годов ознаменовано было сближением России с Англией. В 1841 г. Государь посетил Лондон. Недоволен был он внутренними делами в Пруссии, где проявились либеральные влияния. Государь говорил: «Мой шурин идет на гибель». Король Фридрих-Вильгельм IV продолжал держаться России. На военном празднике он заявил: «Будем всегда помнить, как много Пруссия обязана признательностью России. Русский Император не только мой родственник, он вместе с тем мой ближайший и лучший друг; это настоящий друг Пруссии».

В 1841 г. последовал секретный рескрипт на имя председателя Государственного Совета князя Васильчикова: «Князь Илларион Васильевич! Признав за благо в отсутствие мое поручить любезнейшему сыну моему, Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу, решение по делам Комитета Министров, предлагаю Вам о сем объявить Комитету. Те дела, по коим следовать будут указы, представить особо на мое рассмотрение».

В «Записках» М. А. Корф отмечает следующее. Динабургским комендантом был генерал-лейтенант Гельвиг — опытный, отличный инженер, но и взяточник. Государь, Государыня и Великая княжна Ольга остановились в 1841 г. в Динабурге. Помещение им было отведено в комендантском доме. Государь вызвал к себе Гельвига и со строгим выражением лица обратился к нему: «Гельвиг, должен сделать тебе вопрос по совести, но дай честное слово, руку на сердце, что ответишь сущую правду?» — Комендант испугался, ожидая грозного допроса. — «Правда ли, что ты ненавидишь женщин?» — «Во всяком правиле есть изъятие, и Ваше Величество, конечно, не изволите подумать (Император Александр II, читая «Записки», исправил: «он отвечал по-французски: *Sir, c'est une calmie*, вместо *salomnie*» (клевета). — «Ну, извини же, что я навязываю тебе жену и дочь; когда они выедут, ты можешь обмыть и обкурить свой дом, чтобы и духу их не осталось».

В конце 1841 г. в Государственном Совете рассматривалось решение Сената об одном крестьянине, который в пьяном виде произнес дерзкие выражения против Царя. Он присужден был на каторгу. Вопреки обычаю, Государь утвердил меморию. Видимо, Наследник Цесаревич сообщил об этом деле отцу. Последовало Высочайшее прощение крестьянина. Вечером же на балу у гр. Воронцова Государь сказал Корфу, «что не понимает, как это дело могло у него проскочить».

Государь считал необходимым постройку железных дорог для преодоления столь огромных в России расстояний. Приходилось ему выслушивать разные возражения. Отрицательно относился к этому вопросу главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями граф К. Толь. В начале 1842 г. Государь приказал приступить к постройке железной дороги между С.-Петербургом и Москвой. Инженеры корпуса Путей Сообщения полковники Мельников и Крафт были назначены состоящими при Государе. Им поручено было составление проектов и смет. 1 февраля последовал Высочайший указ о постройке на средства казны железной дороги между обеими столицами. Председателем Комитета, наблюдающим над постройкой, назначен Наследник Цесаревич. На место скончавшегося гр. Толя назначен был гр. П. А. Клейнмихель, известный своей исполнительностью и настойчивостью. Изыскания велись весь 1842 г. и частично 1843 г. Шоссе, соединявшее Петербург и Москву шло через Новгород, Вышний Волочек, Торжок и Тверь. Мельников приготовил два плана. По одному — дорога придерживалась шоссе, по другому, — минуя упомянутые города, шла по прямому направлению на Тверь. Получалось сокращение, представлявшее выгоду для пассажиров и грузов. Государь, выслушав доклад, приказал вести дорогу прямо.

Гр. Корф пишет, что 25 января Государем по случаю утверждения проекта железной дороги между столицами была принята депутация в составе 17 почтеннейших купцов, благодарившая за новый знак монаршего попечения о пользе и процветании коммерции. «На другой день, — пишет Корф, — я виделся с некоторыми из них, и они все еще были в каком-то восторженном состоянии. Император Николай знал и любил Русь, как знал и любил ее до него разве один только Петр Великий, а знание народа, согретое любовью, всегда действует с электрической силой. Он принял депутацию в своем кабинете, в сюртуке, за просто, по-домашнему, что с первой же минуты произвело самое приятное впечатление. Прежде чем кто-нибудь успел выговорить слово, он начал с изъявления своей благодарности за внимание купечества к попечениям об этом деле. — Мне надо было, — продолжал он, — бороться с предубеждениями и с людьми; но когда я сам убедился, что дело полезно и необходимо, то ничто уже не могло меня остановить. Петербургу делали одно нарекание: что он на конце России и далек от центра Империи; теперь это исчезнет. Через железную дорогу Петербург

будет в Москве и Москва в Кронштадте. — Потом, обращаясь к Цесаревичу, он прибавил: — Но человек смертен и потому, чтобы иметь уверенность в довершении этого великого дела, я назначил председателем Комитета железной дороги вот его: пусть он и доделает, если не суждено мне. — Аудиенция закончилась призывом к купечеству содействовать благодетельным попечением правительству своею деятельностью и честностью».

Приводит гр. Корф появившуюся в марте 1842 г. в парижском журнале «*Minerve*»¹ статью о Петербурге неизвестного автора, пожелавшего представиться Императору и допущенного на прием дипломатического корпуса. «Я ждал минуты выхода Императора, признаюсь, не без некоторого внутреннего волнения. В зале царствовало какое-то тревожное молчание, будто предвестие великого события. Для меня увидеть Императора было делом великой важности. Я не умел отделить в моих мыслях человека от идеи о его власти, ни идеи власти от человека, и потому ожидал в Николае как бы олицетворения его исполинской монархии. Он вошел. Я увидел черты, какими изображают нам героев древности: высокий лоб, пронизательный взгляд, исполненный достоинства, рост и формы Алкивиада. Сделав несколько шагов вперед, он поклонился на обе стороны, одним протянул руку, других приветствовал милостивою улыбкою, с некоторыми стал беседовать то по-русски, то по-французски, то по-немецки, то по-английски, и все одинаково свободно. Когда пришла моя очередь, он много и долго говорил о чужих краях. Ему все было известно: мысль и речь переходили от востока к западу, от юга к северу; замечания его о разных странах и о различных их отношениях были так тонки и обличали такое глубокое знание, что, забыв монарха, я дивился в нем мыслителю. Откуда находится у него время, чтобы иметь обо всем такое справедливое и основательное суждение? Целая администрация колоссальной Империи в нем сосредотачивается, ни одно, сколько-нибудь важное дело не решается без него: просьба последнего из подданных восходит на его усмотрение, каждое утро, с ранних часов, он работает со своими министрами, каждая ночь застает его опять за рабочим столом».

М. А. Корф так высказывается по поводу этой статьи: «Все, что можно сказать об этом портрете, это то, что он был еще ниже

¹ «Минерва» (фр.).

истины. Француз, и при том тогдашний француз, привыкший к конституционным королькам, не мог вполне судить о бремени, лежащем на самодержавном монархе огромной России, а кто нес это бремя добросовестно, благоразумнее Николая! Независимо от высших качеств, которые могли быть оценены одними русскими, и из них, преимущественно, одними приближенными, в наружности, в осанке, в беседе, во всех приемах Императора Николая были, действительно, какое-то обаяние, какая-то чаровавшая сила, какому влиянию не мог не подчиниться, увидав и услышав его, даже и самый лютей враг самодержавия».

В 1842 г. были обнаружены страшные беспорядки в судебной части петербургского ген.-губернаторства. Ген.-губернатором был граф П. К. Эссен. Дело рассматривалось Государственным Советом и было подробно изложено в журнале его заседания. Государь на журнале положил резолюцию: «Неслыханный срам! беспечность ближнего начальства неимоверна и ничем не извинительна; мне стыдно и прискорбно, что подобный беспорядок существовать мог почти под глазами моими и мне оставаться неизвестным». Эссен был уволен и на его место назначен ген.-адъютант Кавелин.

В 1842 году, в бытность генерал-губернатором Д. Г. Бибикова, в юго-западных епархиях определены были постоянные оклады жалованья православному духовенству. Высочайше утверждено было положение об обработке прихожанами для приходских священников десяти десятин церковной земли. Постройка церковных и всех служб тем же законом отнесены на обязанность прихожан, с обязательством помещиков выдавать для сего лесной материал.

Как сообщает Корф, каждый год в день 1 декабря в дворцовой церкви совершалось богослужение, на которое приглашались лица, причастные к событиям 1825 года. После молебна провозглашалась вечная память «рабу Божию графу Михаилу и всем в сей день за Веру, Царя и Отечество убиенным». Провозглашалось потом многолетие «храброму всероссийскому воинству». После службы все допускались к руке Императрицы и целовались с Государем, как в Светлый праздник. Император посещал в этот день Конногвардейский и Преображенские полки, пока там находились ветераны того времени.

В 1842 г. восстановлена Казанская Духовная Академия. Она была открыта в 1797, а в 1818 г. обращена в семинарию.

Существовавшая со времени царствования Имп. Екатерины II обязанность русских дипломатических представителей за границей освещать в донесениях не только политические события, но и культурную жизнь тех стран, в которых они пребывали, увеличилась требованием Имп. Николая извещать его о положении искусства. По-видимому, донесения посланника при саксонском короле побуждали Государя, понимавшего живопись, побывать в Дрездене, славившемся богатейшей картинной галереей и недавно выстроенным великолепным придворным театром. В 1845 г. Имп. Николай Павлович выехал в Саксонию, прося короля не устраивать ему парадных встреч. Решено было, что он приедет в Пильниц, летнюю королевскую резиденцию, и будет наезжать в Дрезден.

Саксонским королем был Фридрих Август II, образованный монарх, любивший искусство и естественные науки, пользовавшийся любовью народа. Особенно занимала его ботаника; он посещал многие государства Европы для собирания растений. Летом 1854 года, когда он, при посещении Тироля, ехал с адъютантом в карете из Боццена, лошади, испугавшись упавшей каменной глыбы, понесли. Король, выпрыгнув из экипажа, упал и был убит лошадью, ударившей его копытом в висок.

Жители Дрездена не были извещены о прибытии русского Императора в Пильниц. В Дрездене в это время находились кружки польских революционеров. Вследствие этого, когда Государь посещал город, тайные полицейские агенты ходили по его пятам, вызывая в нем сильное неудовольствие. Вследствие этого им приказано было не быть видимыми Государем.

Сохранилось об этом времени воспоминание М. В. Станиславского. В 1876 г. он познакомился со знаменитым художником-скульптором, профессором дрезденской академии Генелем. Последним созданы были четыре известные аллегорические фигуры: «Утро», «День», «Вечер» и «Ночь», украшавшие лестницу, ведущую на Брюльскую террасу.

Генель рассказывал Станиславскому следующее:

«Это было в первой половине 1845 года. Около 11 часов утра я выхожу из главного почтамта, куда зашел для отправки писем, и становлюсь в нерешительности, куда мне идти, у самого угла почтамтской площади и Вальштрассе. Говоря откровенно, меня тянуло в винный погребок, находившийся в ста шагах от меня,

куда я изредка заходил, чтобы позавтракать и выпить стаканчик хорошего рейнвейна. Но с другой стороны мне необходимо было зайти по делам в академию художеств. Наконец «лукавый» победил, и я свернул в Вальштрассе по направлению к винному погребку. Не прошел я еще и 20 шагов, как вижу идущего мне навстречу необычно рослого господина с поразительно характерными чертами лица, большим прямым носом и громадными голубыми глазами, смотревшими как-то спокойно величественно на все окружающее. Пораженный появлением столь импозантной, мужественной фигуры, я стал рассматривать незнакомца, в котором сразу можно было узнать знатного чужестранца. Без всякого признака тучности, шедший господин был, тем не менее, атлетического сложения, легкая походка свидетельствовала о громадном запасе жизненных сил, хотя по лицу можно было незнакомцу дать лет под 50. Одет был господин с изысканной элегантностью, но без малейшего намека на франтовство. На нем был синий, открытый спереди короткий сюртук, темно-коричневый шелковый жилет с вышитыми на нем цветочками и серые брюки; на голове имел он цилиндр, что увеличивало высокий его рост. В правой руке держал незнакомец тоненькую тросточку с серебряным набалдашником, а левая, одетая в перчатку, сжимала снятую с правой руки. Поравнявшись с незнакомцем, я только тут убедился, как высок был он ростом; я, человек во всяком случае не маленький, доходил ему как раз до ушей. Проходя мимо меня, господин этот взглянул пристально мне в лицо, точно всматриваясь своими большими выразительными глазами в мои черты. Остановившись как-то невольно, я стал смотреть удалявшемуся незнакомцу вслед; мне казалось, что я это лицо где-то уже видел, но не мог припомнить, ведь тогда еще не было фотографий.

Тут только я заметил, что был не единственным лицом, наблюдавшим с любопытным недоумением за величественной фигурой незнакомца. Ко мне подошло несколько мужчин, знавших меня, очевидно, по моей специальности, с вопросом: «Профессор, скажите пожалуйста, кто этот господин?» Я мог только отвечать пожатием плеч, причем решил узнать во что бы то ни стало настоящую фамилию и звание загадочной личности. Меня подзадоривал к этому еще и художественный инстинкт, мне хотелось сделать набросок с фигуры и лица незнакомца, ибо таких типичных, во всех отношениях, личностей встречаешь очень

редко в своей жизни, нужно пользоваться случаем. С этими мыслями я и пошел за удалявшимся незнакомцем.

Стараясь не попадаться ему вновь на глаза, я плелся незаметно по другой стороне улицы. Особое удовлетворение испытывал я, когда видел, как прохожие останавливались и с нескрываемым удивлением провожали глазами громадного господина. Так дошли мы до Брюльской террасы. Незнакомец вошел быстрыми эластичными шагами на лестницу и, только добравшись до верхней ступеньки, снял шляпу, вытер шелковым платком лоб и перевел дух. Погода стояла чудесная, было тепло, но не томительно жарко, как бывает в конце июля и в августе. Оглянувшись немного, господин направился прямо к кондитерской и кофейной Торниаменти, существовавшей уже в ту пору около 100 лет. Небольшие столики, расставленные под каштановыми деревьями, были совершенно еще пусты, у одного из них уселся незнакомец. Кондитерская Торниаменти прилегала одной стороной к выставочному зданию академии художеств; я немедленно забежал туда и пробрался черными ходами в самый домик кондитерской и расположился у окна, из которого мне хорошо были видны столик и вся фигура незнакомца. Только что я вынул записную мою книжку и карандаш, чтобы начать рисовать, как из-за буфета вышел в сопровождении самого хозяина, мне хорошо известный инспектор тайной полиции, криминальный советник Беме, севший против меня у другого окна и внимательно следивший за господином у столика. Тут меня сразу осенила мысль, что в лице незнакомца скрывается кто-нибудь из коронованных особ. Я стал быстро перебирать в памяти всех монархов и остановился, наконец, на Императоре Николае I. Конечно, говорил я сам себе, это не кто иной, как русский Царь.

Придя к этому заключению, я встал, подошел к инспектору Беме и спросил шепотом: это Император Николай? — Испуганный начальник тайной полиции приложил только с умоляющим выражением лица палец к губам, произнося лишь протяжное междометие ш...т. Тем временем Николай Павлович заказал себе у пожилого кельнера холодный завтрак из разных сортов жаркого и полбутылки красного вина. В ожидании завтрака он попросил принести ему немецких и французских газет и углубился в их чтение. Этим моментом я воспользовался и набросал в своей книжке портрет его. Когда старый кельнер входил в здание кондитерской и получал у буфетчика требуемые гостем яства, инспектор Беме шепнул ему, чтобы он следил как можно внимательнее

за господином. Глупый и наивный кельнер понял предостережение хорошо знакомого ему начальника тайной полиции по-своему, и когда Император Николай Павлович вынул русский полуимпериал — весь завтрак стоил около двух талеров — и бросил его на стол с намерением удалиться, кельнер запротестовал вдруг словами: «Нет, милейший господин, игральные марки мы в уплату не принимаем». Император рассмеялся и заметил, что у него других денег нет. На что кельнер сухо заметил: «Ну, тогда я должен позвать господина полицейского инспектора», — и направился к зданию кондитерской; войдя в него, он обратился к советнику Беме с просьбой заставить гостя платить настоящими деньгами, а не игральными марками, показав при этом полуимпериал. Услыхав подобную ахинею, несчастный инспектор, схватившись за голову, прошипел только озадаченному кельнеру: «Заткните вашу немытую глотку, осел!» — и убежал стремглав через задний ход из кондитерской. При таких обстоятельствах я счел нужным подойти к Императору (хозяин кондитерской куда-то ушел), так как он все еще чего-то ждал, стоя у столика, и объяснить ему, что недоумение с полуимпериалом улажено. Пристально взглядываясь в меня, Государь спросил, кто я такой; когда я назвал свою фамилию и звание, черты лица его заметно прояснились, он протянул мне руку и сказал: «Очень рад познакомиться с вами, дорогой профессор, я давно уже слышал о вас; ну, теперь я понимаю, почему вы меня, сидя за окном, срисовывали». При последнем замечании Императора я чувствовал, как разлилась крашка по моему лицу. «Простите, Ваше Величество, — промолвил я, — профессиональное звание художника подзадоривало меня». «Да не беспокойтесь, пожалуйста, я ни малейшей претензии не заявляю, а прошу только дозволения взглянуть на свой портрет». Сконфуженно вынул я свою книжку и показал набросок Императору. Внимательно рассмотрев его, держа книжку на разных от себя расстояниях, он отдал мне ее со словами: «Да, вы крупный талант, вы владеете безукоризненно техникой рисования». Взглянув на часы, Император спросил меня, не согласен ли я сопровождать его при посещении картинной галереи.

На мой поклон и замечание, что к услугам Его Величества, он как-то боязливо оглянулся и сказал вполголоса: «Не называйте меня Величеством; я здесь инкогнито и не желал бы, чтобы меня публика узнала. Сегодня утром я отпросился у милейшего короля Фридриха Августа на полдня «со двора», — прибавил он с очаро-

вательной улыбкой; — к 6-ти часам я должен вернуться к обеду в Пильниц и этим временем хочу воспользоваться для осмотра картинной галереи. В 4 часа меня ждет у Брюльской террасы специальный пароход, чтобы через 2 часа доставить в Пильниц». Так как оказался платный день, то в картинной галерее было очень мало публики, и Император чувствовал себя без всякого стеснения. Я был удивлен меткими замечаниями, сделанными русским Государем по поводу стиля, колорита и самого сюжета многих перво-классных картин знаменитых художников. Между прочим, он относился очень скептически к исторической живописи, находя ее в большинстве случаев декоративной, ходульной, вымысленной или подкрашенной наподобие продажной женщины. Дойдя под конец к знаменитой Сикстинской Мадонне Рафаэля, он, глядя восторженно на картину, произнес после минутного молчания: «Это единственная картина, возбуждающая во мне чувство зависти относительно ее обладания». Находившийся во время посещения галереи публикой неотлучно около картины сторож, не подозревая, кто перед ним, обратился к Императору Николаю со словами: «В 1813 г. русские хотели Мадонну стибрить, но мы ее так хорошо спрятали, что казаки не могли ее найти». Я готов был провалиться сквозь землю, услышав эту дикую чепуху, но Император, не удостоив сторожа ответа, обратился ко мне со словами: «Скажите, пожалуйста, этому служителю, чтобы он заученную им наизусть глупейшую выдумку не подносил посетителям в качестве исторической правды; если русские хотели бы в 1813 г. взять этот бессмертный шедевр Рафаэля, то они могли сделать это открыто на основании права победителя, как, например, французы брали произведения искусства из покоренных ими областей; следовательно, никакая хитрость или уловка не могли спасти от казаков Сикстинскую Мадонну, если б Император Александр I желал взять ее, как военную добычу». Выходя из галереи, Император, видимо расстроенный бестактной выходкой глупого сторожа, промолвил: «И кому какая выгода из подобных пошлых выдумок?» Проводив Государя до парохода, стоявшего наготове у Брюльской террасы, я откланялся Его Величеству, причем получил приглашение явиться через два дня во дворец для частной аудиенции». Когда Государь принимал Генеля, то вспомнил о злополучном кельнере и просил профессора, в случае надобности, позаботиться, чтобы труженик не подвергся взысканию со стороны хозяина или властей. При прощании Император вручил Генелю орден Станислава 2 степени.

В пояснение к замечанию сторожа в картинной галерее и сказанному Государем необходимо напомнить, что в 1813 г. Саксония дольше всех европейских держав хранила верность союзу с Наполеоном. После поражения в октябре того года французов под Лейпцигом, король Фридрих Август I, взятый в плен, отстранен был временно от управления государством. Установлено было в Саксонии русское управление, длившееся год. Генерал-губернатором состоял кн. Н. Г. Репнин. Мать его, дочь известного фельдмаршала кн. Н. В. Репнина, была супругой кн. Григория Волконского. Вследствие прекращавшегося за смертью фельдмаршала мужского потомства последний исходатайствовал повеление Имп. Александра I о передаче фамилии его внуку кн. Волконскому. Кн. Н. Г. Репнин удачно управлял Саксонией. Он на свои средства возобновил в Дрездене мост, взорванный французами, лестницу на Брюльской террасе и Люстхауз на ней, на месте развалин башни. Понятно, отчего Государь особенно возмущился рассказами сторожа.

На другой день после осмотра галереи Имп. Николай I и король Фридрих Август II официально прибыли в Дрезден на богато разукрашенном пароходе. Вечером оба монарха были в королевском театре, где давалась опера Обера «Фенелла». Дирижировал новый молодой капельмейстер Рихард Вагнер, начинавший тогда выдвигаться. Государь выражал восторг по поводу всего виденного и слышанного. В то время дрезденская опера славилась в Европе. Замечательное пение тенора чеха Тихачека так понравилось Царю, что он пригласил его петь в итальянской опере в Петербурге. Знаменитый певец, отвесив низкий поклон Государю и поблагодарив его, сказал: «Ваше Величество слышали Тихачека, поющего на плохом, но все же привычном ему немецком диалекте; я боюсь, что, когда Вы услышите его поющим на невозможно-скверном итальянском языке, то разочаруетесь». После этого Государь не настаивал на своем предложении. Иосиф Тихачек получил из кабинета Его Величества великолепную булавку, украшенную чудным изумрудом и крупными бриллиантами.

М. В. Станиславский так заканчивает свой рассказ: «В 1881 г. мне довелось неоднократно встречаться и беседовать с Тихачеком, мирно доживавшим на хорошей пенсии свой век в Дрездене. Пре-старелый артист, — ему шел уже 75-й год, — иначе как со слезами на глазах не вспоминал о времени пребывания Императора Николая I в саксонской столице. Сидя в кругу хороших друзей и знакомых за стаканом вина, в ресторане гостиницы «Stadt Gotha»,

Тихачек, отличавшийся редким добродушием и чисто славянской сердечностью, показывал зачастую подарок русского самодержца, говоря при этом: «Много раз приходилось мне закладывать все мои ценные вещи, но с этой булавкой я никогда не расставался, так как боялся потерять ее». На расспросы о личности Императора Николая I он отвечал, обыкновенно, фразой: «Могу сказать вам, господа, только одно — это был настоящий Император, в самом обширном значении этого слова или, как говорит Шекспир, Царь с головы до пяток; такого мы никогда более не увидим!»

26 февраля 1845 г. Государь испытал большую радость. Родился второй сын Наследника престола, Вел. кн. Александр. Император Александр III Александрович глубоко почитал своего Августейшего Деда, идейно ему столь близкого.

Летом 1845 г. врачи настояли на длительном пребывании в Италии Имп. Александры Федоровны, страдавшей болезнью сердца. Государя очень огорчала разлука с нею, что отметила Императрица в своем дневнике. Перед самым ее отъездом в Палермо он сообщил о возможности скорого свидания с нею. Государыню сопровождала Вел. княжна Ольга Николаевна, вопрос о браке которой очень озабочивал ее отца. В то время обсуждался вопрос о браке Вел. княжны с эрцгерцогом Стефаном, сыном палатина венгерского эрцгерцога Иосифа, который первый раз был женат на Вел. кн. Александре Павловне, скончавшейся вскоре после брака. Эрцгерцог Стефан был сыном второй жены эрцгерцога Иосифа. Последний сочувствовал намерению Имп. Николая I. Сильное сопротивление этому выявилось в Вене. По политическим соображениям ратовал против сего кн. Меттерних, не любивший эрцг. Иосифа и опасавшийся появления в Будапеште русской Вел. княгини. По соображениям религиозным, — нежеланию иметь православную эрцгерцогиню, — выступали против фанатически настроенные вдовствующая императрица Каролина-Августа, последняя супруга имп. Франца, имп. Мария-Анна, супруга царствовавшего имп. Фердинанда и эрцгерцогиня София, мать будущего имп. Франца-Иосифа. Меттерних пытался найти поддержку у папы Григория XVI (Капеллари), но последний заявил австрийскому послу в Риме гр. Лютцову, что протестует против этого политического вмешательства, которое возложило бы на него ответственность за провал брака.

Имп. Николай Павлович навестил Императрицу в Палермо. Побывал он в Неаполе, посетив до этого короля Обеих Сицилии

в его резиденции. Государь подарил ему пару повторенных групп коней работы барона Клодта, с начала сороковых годов украшавших Аничков мост в Петербурге. 1/13 декабря 1845 года Государь прибыл в Рим и был торжественно принят папой Григорием XVI, известным своими консервативными убеждениями. В их протекшей дружески беседе затронут был вопрос о положении католиков в Польше, из-за которых после 1831 г. обострились отношения России с Ватиканом. Папа указал, что некоторые русские законы противоречат канонам католической церкви. Государь же подчеркивал деятельное и непосредственное участие католического духовенства во время польского восстания. Подчеркнул Государь это и в беседе с кардиналом Ламбурскини, происходившей в тот же вечер. Много времени посвятил Царь осмотру Рима. Посещал он студии русских художников, стипендиатов Академии художеств. Восхищался он картиной известного художника А. А. Иванова «Явление воскресшего Христа Марии Магдалине», над которой тот работал. Покидая 5/7 декабря Рим, Государь дружески простился с папой. При свиданиях с ним он не поднимал вопроса о браке дочери. Свое неудовольствие австрийским двором и Меттернихом Царь ярко проявил, посетив на обратном пути Вену. Резкое объяснение имел он с вдовствующей императрицей. В эти же дни в Палермо прибыл наследный принц Вюртембергский Карл, сделавший предложение Вел. княжне Ольге Николаевне.

Осведомленный об этом, Государь отправил 26 декабря из Варшавы письмо дочери: «Благодарю тебя, милая Олли, за доброе письмо твое от 10/22 числа. Ты вообразить себе не можешь, с каким счастьем я читал уверение, что нашей доброй Маме точно лучше и что силы ее приметно поправляются. Это одно мое утешение в разлуке и вознаграждение за носимую жертву. Слава Богу, и дай Боже, чтобы все наше пребывание так же счастливо кончилось, как началось и чтоб через пять месяцев я мог прижать вас к сердцу дома. Теперь ты отгадаешь, что меня более всего занимает!.. Как ты, по Божию наитию, решишь свою участь? С полной свободой, с спокойным испытанием твоего сердца, без предупреждения и без наущений, сама одна ты. Твое сердце, твой здравый ум, мне порукой, что то, что ты одна решишь, будет к лучшему, будет изречением Божией воли, ибо Одному Богу предаешься; поэтому я и спокоен, и оттого жду, чему быть. Никто не может тебе советовать: ты одна можешь и должна судить о твоём деле; мы же можем и должны судить de la position sociale

(о положении общественном), как я уже тебе писал в пользу предлагаемого тебе. Если бы прежде и могло быть, то сравнения нет между двух предложений, в отношении условий твоего положения. Видев же ныне вблизи, в какую семью ты могла бы попасть, и до какой степени с одной стороны беспорядок, а с другой фанатизм у них сильны, я почти рад, что дело не состоялось. Теперь выбирай только между предложенного или всегдашнего пребывания дома в девицах: ибо нет, вероятно, какого-либо иного предложения, достойного тебя, как нет на то лица. Повторяю, что ты решишь, то будет, по моей вере к лучшему: ибо по моему чувству к тебе я той веры, что в тебе будет в минуту глас Божий изрекаться. Аминь. Надеюсь, что моя безделка на Рождество тебя позабавила; кажется статуйка молящегося ребенка мила: это ангел, который за тебя молится, как за своего *товарища*. Бог с тобою, мой ангел. Люби Папу, как тебя любит. Обнимаю тебя от души. Твой старший друг папа Николай» («Русский Архив», 1895).

Вел. кн. Ольга Николаевна предложение приняла. Брак ее состоялся в июле 1846 года. В подготовке этого брака принимали большое участие бар. Мейендорф и кн. А. М. Горчаков, тогдашний посланник в Штутгарте. Первый был впоследствии послом в Вене, второй министром иностранных дел и канцлером.

Ухудшение личных отношений с венским двором и Меттернихом не отразилось на совместной с Австрией политике Империи Николая в Европе, где все более выявлялись революционные движения. Беспокоить его начали либеральные веяния прусского короля Фридриха Вильгельма IV, брата Императрицы. В связи с этим показательны письма Государя кн. Паскевичу. 7 февраля 1846 г. он писал ему: «...По Краковскому делу я с тобою не согласен. Брать себе ничего не хочу. Дело решено еще в Теплице; Краков должен быть Австрийским, а не Прусским; так этому и быть. Но ежели хотят австрийцы променяться и отдать мне Галицию, взамен всей Польши по Бзуре и Висле, отдам и возьму Галицию сейчас: ибо наш старый край...» До этого — 5 февраля Государь писал кн. Паскевичу: «...И так вот, чего мы опасались, сбылось. Пруссия из наших рядов выбыла и ежели еще не перешла в ряды врагов, то почти наверно полагать можно, что, через малое время и вопреки воле короля, станет явно против нас, т. е. против порядка и законов... Нас было трое, теперь мы много что двое; но за то отвечаю положительно, что я тверже и непоколебимее пребуду в правилах, которые наследо-

вал от покойного Государя, которые я себе усвоил и с которыми, с помощью Божиею, надеюсь и умереть. В них одних вижу наше спасение...» Королю Фридриху Вильгельму IV, приславшему к нему в январе 1846 г. флигель-адъютанта ген. Рауха с проектом народного представительства, Государь, отвергая таковой, писал: «Как блюститель священных намерений и желаний вашего отца, я всегда старался доказать вам, что они совершенно противоположны тому, что вы замысляете... Пламя революции тлеет всюду... Верный принципам, унаследованным от покойного брата и от вашего отца, я никогда не отступлю от них и буду бороться до последнего издыхания, Бог да будет нам судьей».

Продолжалась война на Кавказе. 25 марта 1845 г. в Тифлис прибыл новый главнокомандующий граф Михаил Семенович Воронцов. В июне он двинулся с большим отрядом в Андию и затем в резиденцию Шамиля, Дарго. Аул этот был разрушен, но отряд оказался окруженным Шамилем. С огромными трудностями, понеся большие потери, Воронцов должен был отступить. Брат Цесаревны Марии Александровны, принц Александр Гессенский, участвовавший во взятии Дарго, описывает в каком отчаянном положении оказался отряд, спасенный только подошедшими подкреплениями. С 1846 г. на левом фланге было приступлено к упрочению власти в занятых уже местах, возведением новых укреплений и казачьих станиц, и к подготовке дальнейшего продвижения в глубь чеченских лесов, посредством вырубки широких просек. В среднем Дагестане кн. Бебутов достиг совершенного успокоения Кумыкской плоскости и предгорий. В ноябре отбито было на черноморской береговой линии отчаянное нападение, которое убыхи произвели на Головинский форт.

* * *

В 1847 г. продолжались военные действия на Кавказе. Князь Воронцов осаждал Гергебиль, но должен был, вследствие распространившейся в войсках холеры, отступить. В мае при ауле Чардалы были совершенно разбиты полчища Даниель-Бека. В сентябре занят был укрепленный аул Салты,

В том же году началось введение в Юго-Западном крае инвентарей, значительно улучшивших положение тамошнего крестьянства стеснением произвола помещиков, в значительной части поляков. Много потрудился над этим делом киевский, подольский

и вольшский ген.-губернатор Д. Г. Бибииков. Как отмечает П. Бар-
тенов, в редактировавшемся им «Русском Архиве» (1897), Имп.
Николай I желал ввести их и в Северо-Западном крае, но
польские помещики, еще при его жизни, прислали в Петербург
депутацию для противодействия этому. Поддержку они встрети-
ли у Наследника Вел. кн. Александра Николаевича. Бартенов при-
водит письмо А. О. Смирновой, написанное в апреле 1855 г., в
котором она, описывая встречу у вдовствующей Императрицы
Александры Феодоровны в Аничковом дворце с Вел. кн. Констан-
тином Николаевичем, пишет: «...Он (Вел. кн.) говорил о назна-
чениях моего мужа, о Бибиикове, о Блудове и сказал: «Ведь они
за инвентари и, кажется, ваш супруг на этот счет мнения Биби-
кова и Блудова?» Я отвечала: «Да и Вы также, Ваше Высочество».
Он продолжал: «Ведь это подготовит волю; ведь вы знаете, что на
смертном одре Государь взял слово с брата. Дай Бог кончить вой-
ну, а потом начнется другое дело. Я знаю, что вы за это стоите».

В феврале 1847 г. прусский король Фридрих Вильгельм IV
издал указ о созыве генеральных штатов, полагая этим основа-
ние конституционному строю в Пруссии. Решение это вызвало
негодование Государя, написавшего ему: «Европу можно спасти
только делом, а не словами; вы были тридцать два года моим
верным другом; велите мне замолчать, и молчание мое не будет
нарушено; но если я буду говорить, то я всегда скажу правду!»

В это время Государь, всегда отрицательно относившийся к ко-
ролю Луи-Филиппу, сыну презренного герцога Орлеанского, позор-
но изменившего Людовику XVI и, в свою очередь, незаконно в
1830 г. завладевшему престолом после свержения Карла X, улучшил
отношение с Францией. Он оказал денежную помощь последней,
население которой голодало. Отношения эти вскоре были сорва-
ны февральской революцией 1848 года. Когда в С.-Петербург при-
шло известие о революции в Париже, Государь 8 марта писал
Фридриху Вильгельму: «Нам обоим угрожает неминуемая гибель.
Надо действовать общими силами по плану, выработанному сооб-
ща, не признавать революционного правительства Франции и со-
средоточить на Рейне сильную армию, которая могла бы противо-
действовать нашествию французов». Император обещал вооружить
в течение трех месяцев армию в 350 000 человек, которая немед-
ленно выступит на защиту короля прусского. Он писал: «Мужай-
тесь! Действуйте смело, с нами будет Бог, ибо мы защищаем са-
мое святое дело, мы— христиане». Король же все более сдавал свои

позиции. В Берлине толпа освободила из тюрьмы польского генерала Мерославского, сразу отправившегося в Познань, где уже было неспокойно. Оттуда явилась к королю депутация польских магнатов, во главе с архиепископом. Король, выслушав ее, сказал ей, что беспорядки вызовут выступление России, которую он пока убедительно просит не вмешиваться. Он говорил: «Я могу положиться на слово Императора, ибо это человек с железной волей, с самым благородным и твердым характером; это монарх могущественный и умный, — это единственный монарх Европы, который умеет поддержать свою власть с непоколебимой энергией».

Император сосредоточил войска на прусской границе. Королю он писал: «Я никого не трону, но горе тому, кто нас заденет. Аминь!» Государь возмущен был вторжением прусских войск в Данию. Под его давлением Пруссия заключила с нею перемирие в Мальмэ. Фридрих Вильгельм, испуганный ростом революции, писал Царю: «Если я буду вынужден оставить Берлин, когда вспыхнет восстание, придете ли вы мне на помощь, если я буду умолять вас о том? Если франкфуртский парламент, поддерживаемый Францией, объявит войну Пруссии, придет ли Россия ей на помощь?» Государь, упрекая его за проявленную слабость, ответил, что он никогда не был союзником «революционной Пруссии», но готов возобновить союз с «доброй старой Пруссией»... «В случае, если бы королевская власть в Пруссии была низвергнута республикой, Россия двинет свои войска не для того, чтобы восстановить конституционную Пруссию, но чтобы восстановить Пруссию такой, какою она была в славное царствование ваших предков, такой, какой вам завещал ее ваш обожаемый отец».

Европа в те годы охвачена была бунтарством. Запылал снова костер, зажженный во Франции во время кровавой «великой» революции, источник всех последующих бед в Европе. Зловещим факелом вспыхнул в 1847 году «манифест коммунистической партии», опубликованный Марксом и Энгельсом. В 1848 году в Париже, после свержения королевской власти, министр иностранных дел революционного правительства Ламартин опубликовал обращенный к другим государствам манифест, который ужаснул сэра Страфорда Каннинга, впоследствии виконта Страфорд де Редклифа. Последний, враг России, особенно ненавидевший Имп. Николая, по словам лорда Лофтуса, высказывался так: «Жизнь в Европе становится невозможной, надо эмигрировать в Австралию,

Канаду или какую-нибудь отдаленную страну. Немыслимо жить с демагогами, социалистами и коммунистами».

В Париже вспыхнуло вскоре восстание пролетариата. Военный министр Кавеньяк подавил его ценою больших жертв. Крупные беспорядки происходили в Германии, Италии, в Вене. Особенно обострилось положение в Венгрии.

Венгрия, в части своей, избрала в 1526 г. королем Фердинанда австрийского. В 1687 г. венгерский сейм в Пресбурге окончательно укрепил престол за Габсбургами. Значительную часть населения Венгрии составляли славяне. О настроениях последних в 1848 г. так пишет немецкий историк проф. Оскар Иегер: «Уступки императорского правительства и самостоятельность Венгрии (имп. Фердинанд V дал ей либеральную конституцию и самостоятельное министерство. — *Н. Т.*) пошли на пользу одному только господствующему племени, мадьярам, жестоко злоупотреблявшим своими новыми правами для угнетения других народностей, подвластных короне Св. Стефана: славян, румын, немцев. Это вызвало мятеж южных славян, сербов и кроатов и, когда в Пресбурге был открыт новый венгерский рейхстаг, то вызов венгерских полков из Италии для усмирения внутреннего мятежа выяснил вполне мадьярские замыслы. Лица, стоявшие за монархическую идею и прозванные демагогами «камарильей», покровительствовали бану хорватскому Елачичу, вождю южных славян, открыто ратовавшему за идею государственного единства против венгерского дуализма... Елачич вступил в Венгрию 11 сентября. 28-го того же месяца императорский комиссар граф Ламберг, посланный императором в Офен для мирного посредничества, был убит на дунайском мосту разъяренной народной толпой. Борьба между двумя частями империи была открыта императорским манифестом, в котором пресбургский рейхстаг объявлялся распущенным. Рейхстаг заявил с своей стороны, что такой роспуск противен конституции. Император назначил Елачича своим наместником в Венгрии; венгры объявили того же бана государственным изменником, которого надлежало арестовать, где бы он не появился» («Всеобщая История». Т. IV). Тогда мадьяры подыскивали себе союзников среди демократических элементов Австрии. «...Им удалось возбудить восстание в самой Вене (6 октября), причем военный министр граф Латур был убит чернью. Войска выступили из столицы, предоставив ее мятежникам. Император выехал тоже вторично из Шенбруна и отправился в Ольмюц, главный город Моравии; большинство славянских

депутатов бежало тоже из Вены». В венском бунте принимал большое участие польский эмигрант Иосиф Бем, командовавший артиллерией во время польского мятежа 1831 г.

Одинаковое освещение настроения меньшинств в Венгрии дано К. Протом в «Энциклопедическом Словаре» Брокгауза и Ефрона (т. V). Говорится, что «в Хорватии росло неудовольствие против мадьяр, забравших там всю власть в свои руки, начавших усиленную мадьяризацию и обративших Хорватию в простую провинцию Венгрии. Еще более терпели от мадьяр другие народности, например, бесправные и угнетаемые словаки. Мадьярский язык решительно становился официальным вместо прежней латыни». Отмечается, что низложением династии было нарушено «единодушие венгров». В статье «Энциклопедического Словаря» «Венгерская война» излагается: «В сентябре 1848 г. венгерцы взяли за оружие. Сторонником австрийского правительства явился бан Кроации Елачич, который, собрав до 40 тыс. славянского ополчения, двинулся к Офену. Сербь южных округов Венгрии тоже восстали против мадьярских притязаний». Восток Европы охвачен был пожаром.

По поводу низвержения династии Габсбургов читаем следующее в «Британской Энциклопедии» (11-е изд. Т. XIII): «Это было невероятнейшей нелепицей в этих обстоятельствах и результат был фатальным для национального дела. Ни правительство, ни армия не могли приспособиться к этому новому положению. С этого момента военные и гражданские власти, как они были представлены Кошутом и Гергеем, были безнадежны в отношении симпатий друг к другу, и брешь ширилась, пока всякое действительное сотрудничество стало невозможным».

Император Николай I с большой тревогой взирал на происходившее в Европе. Он отлично понимал, какую опасность представляет революционный пожар. Когда он в апреле 1849 года был в Москве, получено было им сведение о раскрытии заговора Петрашевского. Зараза проникла и в Россию. В то время Государь еще не собирался вмешиваться в австрийские дела. Получая уже призывы о помощи из Вены, Царь 13 апреля писал из Москвы Императрице, что хотя австрийцам и хочется тушить пожар чужими руками, но он этого делать не намерен.

Взгляд Государя на тамошние события резко изменился по получении известий, что общее начальство над соединившимися на Тиссе венгерско-польскими отрядами вверено ген. Дембин-

скому, видному, как и Бем, участнику восстания 1831 года. Русский посланник в Вене гр. П. И. Медем сообщал об этом 27 апреля министру иностранных дел гр. Нессельроде, как и о том, что революционное движение захватило и Галицию, где можно с часу на час ожидать появления польского отряда Бема. Беспорядки могли перекинуться в юго-западный край и Литву, населенные в значительной мере поляками. В Вильне 400 поляков пытались уже захватить арсенал. Перед взором Имп. Николая вырисовывалась картина польского восстания 1831 года.

Полученное им письмо от имп. Франца-Иосифа утверждало его в этом опасении. Тот по оставлении 25 апреля Будапешта революционными войсками и выяснившейся угрозе Вене со стороны последних писал 1 мая, что под знамена Кошута собрались смутьяны всех стран, в особенности вечные заговорщики — поляки. Каждый успех повстанцев приветствуется в других странах революционерами как предварение их будущего триумфа. Высказывая уверенность, что Государь сумеет правильно оценить истинный смысл венгерских событий, Франц-Иосиф надеялся, что с помощью Божией славному их братству по оружию предназначено еще раз спасти современное человечество от уничтожения людьми, «которые под красивым именем прогресса подготавливают возвращение к новому и ужасному варварству».

Как видно из письма Государя к Государыне от 21 мая, ему не улыбалась коалиционная война. Он писал, что в данном случае не способен играть роль Имп. Александра.

4 апреля на докладе гр. Медема Государь начертал: «Мы займем Буковину и Галицию, или я не двинусь». Ему важно было обезопасить Россию с этой стороны. Вследствие этого требовал от Австрии высылки из Галиции польских эмигрантов. Государь писал кн. Паскевичу: «Не было бы благопристойно и разумно двинуть русские войска против мятежников, когда в тылу армии жили бы свободно среди наших войск изменники и эмигранты, прибывшие со всех концов Европы». Польский вопрос занимал его тогда больше всего. Как отмечает историк В. В. Назаревский, на Государя произвело благоприятное впечатление и то, что на стороне молодого императора против поляков и венгров были славянские племена.

Имп. Франц-Иосиф 21 мая прибыл в Варшаву, где в то время пребывал Государь, и лично просил об оказании ему помощи. Он произвел на Царя хорошее впечатление. Только после

этого русские войска были двинуты против венгров и сражавшихся в их рядах поляков. Граф Нессельроде называл бунт 1849 г. венгро-польским.

Отряд ген.-лейтенанта Лидерса был послан в Валахию и Трансильванию, 150 тысяч под начальством кн. Паскевича — в Венгрию и дивизия Панютина — к самой Вене. Русские и австрийские войска скоро овладели обоими берегами Дуная. Паскевич взял Дебречин, откуда бежали Кошут и революционный сейм. В начале августа Кошут убедился в провале им задуманного восстания. Он сложил с себя диктатуру и передал неединомышленному и нелюбимому им Гергею. Сам он бежал в Трансильванию к войскам Бема, который был разбит Лидерсом. На главном фронте в это время Дембинский отступил в Темешвару, надеясь дожидаться там Гергея. Революционное правительство, недовольное Дембинским, заменило его Бемом. Последний был разбит под Темешваром. Гергей, получив об этом известие, сложил 13 августа оружие русскому авангарду под командой ген. Ридигера.

В «Русской Старине» (1898) напечатаны воспоминания о венгерской кампании Федора Григорова, адъютанта гр. Ф. В. Ридигера. Последний еще до своего похода познакомился в Кракове с дядей Гергея. Тот поведал ему, что Артур Гергей и его войско монархисты и первый строго осуждает низвержение Габсбургов, желая только утверждения Прагматической санкции (переход престола по прекращению мужского потомства в женскую линию); из-за низвержения Габсбургов Гергей разошелся с Кошутом.

Первое — от 11 августа — письмо Гергея ген. Ридигеру было из Старого Арада. Он соглашался положить оружие, но только не «австрийским войскам». Окончательно о сдаче русским он сообщал 13 августа. Таковая и состоялась в тот день у замка Вилагоша, являвшегося колыбелью венгерских королей гуниадов (XV в.) и принадлежавшего графине Амальди. Ридигер оставил сабли Гергею и его офицерам. Принял его Паскевич обращением: «Здравствуйте, генерал Гергей». Тот с почтительным поклоном сказал: «Артур Гергей». Паскевич беседовал с ними в течение нескольких вечеров. Потом появился адъютант генерала бар. Гайнау и отвез Гергея в Клагенфурт. Вслед за этим прибыла принимать пленных австрийская воинская часть, командуемая ген. Монте-Нуово, сыном Марии Луизы, бывшей супруги имп. Наполеона I. Офицеры были обезоружены. Григоров отмечает лживость 9 бюллетеня бар.

Гайнау, приписывавшего все победы австрийцам. Гайнау, пишет он, спешил отомстить тем, кто не раз торжествовал над ним.

Из воспоминаний принца Александра Гессенского, брата Вел. кн. Марии Александровны, супруги Наследника Цесаревича Александра Николаевича, видно, что офицеры, участники похода, с ним беседовавшие, больше симпатизировали венгерским офицерам, чем австрийским. По тому же свидетельству, Вел. кн. Константин Николаевич, находившийся в главной квартире русских войск, был воодушевлен знакомством с Гергеем.

Начиная венгерскую кампанию, Имп. Николай в манифесте 8 мая 1849 г. подчеркивал значение этой военной операции для безопасности России. Объявлялось, что восстание, поддержанное «нашими польскими изменниками», расширяло венгерскую революцию. Император австрийский пригласил Государя помочь против общего врага. Наша армия выступила для уничтожения дерзких анархистов, которые угрожают также спокойствию русских границ.

Государь, сообщая 4/16 августа имп. Францу-Иосифу о сдаче Гергея, просил его проявить милость — «это лучшее право монархии». Он писал: «Милость заблудшим — ее просит у тебя твой друг. Зачинщики могут получить справедливое наказание, являясь причиной беды, постигшей их отечество». В другом письме он снова говорил о необходимости возможно широкой милости к побежденным. Им послан был Цесаревич Вел. кн. Александр в Вену просить императора за Гергея. Франц-Иосиф 23 августа извещал Государя, что его просьба о мягком обращении с Гергеем и другими исполнена. Гергею приказано было жить в Клагенфурте.

Тем большее негодование Государя вызвало то, что учинено было ген. Гайнау. Он 6 октября распорядился казнить ряд магнатов, генералов и офицеров. В Араде казнены были 13 генералов, сдавшихся Паскевичу. На донесении о сем 17 октября гр. Нессельроде Государь написал: «Наказание Батьяни вполне заслужено. Наказание в отношении тех, что сдался нашей армии, позор и оскорбление нам. Я этим глубоко обижен». Объяснения, следовавшие из Вены, не изменили мнения Государя. Возмущен этим был и Паскевич. Через год Варнаген фон Энзе, в 1813 г. капитан русской службы, известный немецкий писатель, одно время дипломат, записывал 28 июня в своем дневнике: «Русский Император второй раз с гневом высказался относительно казней в Араде».

Константин Грюнвальд выпустил в 1946 г. в Париже на французском языке книгу «Жизнь Николая I». В ней, не извращая

истории, он не осуждает в разных случаях действия Императора. По поводу же венгерских событий он пишет: «Мы знаем, что Царь всегда интересовался этой страной: он хотел видеть там замужем свою дочь, носил он напоказ красивую форму своего венгерского полка. Во время большого наводнения в Пеште он, со своей обычной щедростью, пришел на помощь населению (сообщение австрийского посла гр. Фикельмона кн. Меттерниху 17 апреля 1838 г.). Доводы полемистов, которые пытались в течение столетия изобразить его врагом венгерского народа — предназначенного в его уме стать добычей славян — ни на чем не основаны: венгерские историки первые удостоверяют это».

Грюнвальд ссылается на труд Дионисия фон Яноши «Русская интервенция в Венгрии в 1849 г.», напечатанный в «Ежегоднике венского венгерского исторического института» (Будапешт, 1931). Автор труда пишет: «Последовательность поведения Царя показывает с очевидностью, что он не намеревался проводить панславистскую политику, оказывая помощь Австрии. Будь он сторонником такой политики, не воздвиглась бы перед ним в данном случае оппозиция русского народа». По мнению Яноши, Государь в этом вопросе руководствовался «рыцарскими мотивами». Грюнвальд ссылается и на другие источники, в частности на документы, опубликованные в нынешней Москве, на «Красный Архив», работу Авербуха.

Примечательно, что на события в Венгрии с тревогой взирали в либеральной Англии. Там опасались распада Австрии. Лорд Пальмерстон, тогда либерал, не любивший России и по духу близкий Кошуту, потом и нашедшему приют в Англии, говорил, однако, русскому послу в Лондоне гр. Бруннову: «Кончайте скорее». Глава либерального правительства лорд Россель заявил Бруннову о своем отрицательном отношении к бунту Кошута, в котором видел социально-анархическую опасность. Герцог же Веллингтон, победитель Наполеона при Ватерлоо, советовал русскому послу действовать большими военными силами, чтобы сразу подавить беспорядки.

Император Николай, воздержавшийся от вмешательства в дела западной части Европы, сильно замутившейся, не мог в интересах России допустить распространения революционной заразы вблизи своих границ. Особенно опасно было участие в венгерской смуте вооруженных отрядов поляков. Государь оказал содействие имп. Францу-Иосифу, сражаясь с венгерско-польской армией. По окончании войны он в самый короткий срок вывел из Венгрии русские войска, не имевшие все время административного каса-

тельства к гражданскому населению. Значительная часть последнего, и не только славяне, не сочувствовали свержению Габсбургов. Гергей положил оружие в середине августа, в конце же этого месяца началось возвращение армии в Россию.

* * *

В 1848 г. Пулковскую обсерваторию впервые посетила группа американских ученых. Принята она была «по-царски» и, вернувшись, опубликовала в «Норд Америкэн Ревю» свои впечатления и подробное описание обсерватории. В статье, между прочим, сообщалось, что за девять лет существования Пулковской обсерватории, двадцать астрономов из других стран прошли там двухгодичный курс астрономической практики под руководством Струве. Это сообщение положило начало паломничеству американских астрономов в Пулково.

* * *

Слухи о надвигавшемся разрыве России с Турцией возбудили горцев Кавказа. Шамиль и Магомет-Эминь объявили горским старшинам о полученных от султана фирманах. Всем мусульманам повелевалось восстать против общего врага — России. Говорилось о скором прибытии турецких войск в Грузию и Кабарду и о необходимости решительно действовать против русских, якобы ослабленных отправкой значительной части войск на турецкие границы. Но прежние неудачи сильно ослабили сопротивляемость горцев и подчинить их себе Шамиль мог только жестокими наказаниями. Без успеха оказался набег на Лезгинскую линию. Генерал Козловский разбил Магомет-Эминя со скопищем кубанских горцев. Начавшаяся война с Турцией заставила русских держаться преимущественно оборонительных действий. Вместе с тем расчистка лесов и истребление у противника средств продовольствия продолжались, правда, в более ограниченных размерах. В 1854 г. начальник турецкой анатолийской армии вступил в сношения с Шамилем, приглашая его двинуться на соединение с ним со стороны Дагестана. В конце июня Шамиль вторгнулся в Кахетию. Горцы успели разорить богатое селение Цинондаль, захватить в плен семейство его владетеля и разграбить несколько церквей. Приближение русских отрядов заставило их обратиться в бегство. Шамилю не удалось овладеть мирным аулом Истису.

Как известно, происходящее укрепление России на Кавказе и на персидской границе очень беспокоили Англию, недовольную и нашей успешной политикой в Средней Азии и в Китае. На Кавказ присылались английские агенты, там настраивавшие горцев против России, снабжавшие их оружием. Главный враг России, министр иностранных дел лорд Пальмерстон во время Восточной войны так изложил свои давнишние мечты английскому послу в Вашингтоне: «Для меня идеальная цель войны заключается в следующем: Аландские острова и Финляндию возвратить Швеции; ядро польского королевства восстановить как барьер между Германией и Россией; Валахию и Молдавию отдать Австрии; Крым, Черкесия и Грузия отрываются от России; Крым и Грузию передать Турции. Черкесия становится независимой, либо подчиняется суверенитету султана».

В связи с высказанными «чаяниями» Пальмерстона необходимо отметить, что Имп. Николай I не был враждебен Англии и с самого начала своего царствования пытался сговориться с нею (соглашение в Петербурге 26 марта 1826 г. с герцогом Веллингтоном по греческому вопросу). В 1840 г. Государь отказался от преимущественных прав в Турции, особенно беспокоивших Англию. Когда в пятидесятых годах он счел Оттоманскую империю «больным человеком», близящимся к кончине, о разделе ее владений мыслил только в порядке соглашения заинтересованных в этом держав, причем видное место отводил доле Англии в наследстве. Но Англию пугала сама Российская Империя, столь усилившаяся при Имп. Николае I.

Сокровенно враждебную политику против России проводила Австрия, столь многим ей обязанная и недавно мощно поддержанная во время венгерского восстания. Тогда в письме молодого имп. Франца-Иосифа, привезенном в мае 1849 г. в Варшаву генерал-принцем Лобковиц, говорилось, что он с детства привык видеть в Государе защитника монархических принципов, наиболее искреннего и верного друга своей семьи. Еще в 1850 г. Государь поддержал Австрию в ее споре с Пруссией из-за Гессена. На самом же деле, как скоро выяснилось, Габсбургская монархия ревниво относилась к усилению влияния России на Балканах и все время держала камень за пазухой, ожидая случая бросить его в свою союзницу.

В пятидесятых годах подготовлялся заговор против России, в котором принимал участие с юных лет связанный с Англией принц Луи-Наполеон, ставший затем французским императором

в итоге революции. Наполеон III недружелюбно относился к Имп. Николаю I, не пожелавшему именовать его, как других государей, «братом», и думал, по примеру своего великого дяди, приобрести популярность удачными войнами. Главным же двигательным началом была, конечно, Англия.

Имп. Наполеон I 1—2 апреля 1811 г. писал королю Виртембергскому: «Война будет. Она будет вопреки мне, вопреки Имп. Александру, вопреки благу Франции и России. Я уже часто бывал в подобном положении, и опыт прошедшего раскрывает мне будущее. Все это сцена из оперы, а действующие машины в руках англичан». Через 40 лет история повторилась.

Против России была либеральная Европа, в которой все больше ростков давали ядовитые семена «великой» французской революции. В царствование Имп. Николая I в Зап. Европе бушевали в 1830 и 1848 гг. революционные бури. Первая из них способствовала восстанию в Польше. В 1848 г. Карл Маркс опубликовал свой коммунистический манифест, положивший начало тем потрясениям и ужасам, от которых страдает весь мир.

Императора Николая I давно беспокоил вопрос о Святых Местах в связи с домогательствами католиков. Еще в 1839 г. он говорил флигель-адъютанту графу А. А. Ржевускому, отправляемому им к султану Абдул-Меджиду и египетскому паше Мехмед-Али: «...Конечно, охрана Св. Мест должна была бы нам принадлежать безраздельно, или, по крайней мере, мы должны были иметь там более широкие права, чем латиняне. Это покровительство христианам французов смешно. В Турции и в Сирии больше православных, чем католиков, и наследие Восточных Императоров не принадлежит французам».

Обострил вопрос имп. Наполеон III. Нуждаясь в поддержке разных кругов во Франции, в частности католических, он стал требовать от султана расширения прав католиков в Св. Местах. Последние получили ключи от храма Воскресения, принадлежавшие ранее православным грекам. Когда в 1853 г. Турция в этом отказала, то русскими войсками заняты были подчиненные Порте Молдавия и Валахия, «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России». Султан обратился с протестом к другим державам. Представители Англии, Франции, Австрии и Пруссии, собравшиеся в Вене, отправили в Петербург ноту, которую Государь принял во внимание. Английским послом в Константинополе с 1842 г. был Стратфорд-Редклиф, лич-

но ненавидевший Имп. Николая I, не пожелавшего видеть его в 1833 г. послом в Петербурге. Он все время вел подкопную работу, в данное же время предложил Турции разные изменения в указанной ноте, с какими Государь не согласился. Турция предложила России в 15-дневный срок очистить княжества, и когда это не последовало, объявила 14 сентября 1853 г. войну России. 27 октября французский и английский флот вошли в Босфор. 20 октября Россия объявила войну Турции.

18 ноября вице-адмирал П. С. Нахимов, подкрепленный эскадрой контр-адмирала Новосильцева, разгромил турецкий флот в Синопской гавани. Имп. Николай писал в рескрипте Нахимову: «Победа под Синопом являет вновь, что черноморский флот наш достойно выполняет свое назначение. С искренней радостью поручаю сказать храбрым морякам нашим, что я благодарю их за подвиги, совершенные для славы и для чести русского флота. Я с удовольствием вижу, что Чесма не забывается в нашем флоте и что правнуки достойны своих прадедов». Государь еще отдельно писал Нахимову: «Истреблением турецкой эскадры при Синопе вы украсили летопись русского флота новой победой, которая навсегда останется памятной в морской истории. Статут военного ордена св. великомученика и победоносца Георгия указывает награду за ваш подвиг. Исполняя с истинной радостью постановление статута, жалуем вас кавалером св. Георгия второй степени большого креста». Нахимов скромно ответил: «Михаил Петрович Лазарев — вот кто сделал все-с», — разумея под этим блестящее состояние черноморского флота, до которого довел его этот выдающийся адмирал.

Синопская победа еще более растравила враждебное к нам чувство западных держав. Английский парламент и газеты заговорили, что Россию следует отбросить за Урал. 22 декабря англо-французский флот без объявления нам войны вступил в Черное море. На наш запрос о побуждениях к этому из Лондона и Парижа последовали ответы, что делается это для прикрытия турецкого флота и прекращения свободного плавания русского флота. Имп. Николай отозвал наших послов из Парижа и Лондона. Наполеон же послал Государю дерзкое письмо и посмел напечатать его в газетах раньше, чем оно дошло по адресу. В нем он требовал очищения Дунайских княжеств и заключал угрозой за поражение турецкого флота. Государь в ответном письме от 4/16 января 1854 г. высказался так: «Когда ваше величество, не довольствуясь быть зрителем или даже посредником, пожелали быть вооруженным пособником врагов моих,

тогда было бы прямее и достойнее вас предварить меня о том откровенно, объявив мне войну. Я не отступаю ни пред какою угрозою. Доверяю Богу и моему праву, и Россия, ручаюсь в том, явится в 1854 г. такую же, какою была в 1812 году».

9 февраля 1854 г. Россия объявила войну Англии и Франции. 28 марта последовало объявление того же этими государствами, войну вызвавших, но желавших, чтобы вызов исходил не от них. 26 января 1855 г. войну России объявило королевство Сардиния.

Предательством оказалось поведение Австрии, императору которой Государь так доверял. Он ожидал в острое время переговоров давления Австрии и Пруссии на султана. Позднее Царь рассчитывал на их благожелательный нейтралитет. В Вене же камень уже вытаскивался из-за пазухи. Князю А. Ф. Орлову, посланному туда в начале 1854 г., осмелились задать вопрос — сможет ли Государь дать обещание не интересоваться впредь судьбой славян. Решительный отрицательный ответ Государя повлек за собой открытие Австрией своих карт. «Позволишь ли ты себе, апостольский император, интересы турок сделать своими? Допустит ли это твоя совесть? Произойди это, Россия одна под сенью святого Креста пойдет к своему святому назначению. Если же ты будешь поддерживать дело турок и пойдешь против меня под знаком полумесяца, то это приведет к отцеубийственной войне...» Государь укорил его в этом письме, сказав, что его славный дед (имп. Франц I) так не поступил бы. Те же мысли, напоминанием о том, как недавно еще Россия, жертвуя кровию своих сынов, спасала его от взбунтовавшихся подданных, излагал Государь в письме к Францу-Иосифу от 18 февраля/1 марта 1854 г.

Прусский король Фридрих Вильгельм IV, брат Имп. Александры Феодоровны, некоторое время колебался. 20 же апреля 1854 г. Пруссия заключила в Вене договор с Австрией, и обе державы потребовали очищения Россией Молдавии и Валахии. Княжества были очищены и заняты турецкими и австрийскими войсками. 2 декабря 1854 г. Австрия заключила союз с Англией и Францией.

Естественное негодование Имп. Николая I вызвало поведение Пруссии, своим существованием во время господства в Европе Наполеона I обязанной России и ею окончательно освобожденной от его гнета. Но там приобрели значение те силы, о планах которых писал Бисмарк, говоря о положении в Европе в середине прошлого столетия: «В этой обстановке наша либеральная партия вела курьезную двойную игру. Я вспоминаю объемистый

меморандум, циркулировавший среди этих господ и которым они, между прочим, и меня старались привлечь на свою сторону. В нем указывалась цель, к которой якобы должна стремиться Пруссия, как авангард Европы, а именно: расчленение России, отторжение от нее прибалтийских стран, с Петербургом включительно, в пользу Швеции и Пруссии, а также восстановление Польши в ее максимальных границах, остаток же России должен был быть расколот на Великороссию и Украину (независимо от того, что большая часть последней уже включалась в Речь Посполитую!). И такими детскими утопиями тешились эти в других отношениях далеко не глупые головы Бетмановской партии, разыгрывая из себя государственных мужей и считая возможным третировать в будущей Европе 60-миллионную великорусскую массу, как мертвое тело, без риска сделать из нее естественного союзника любого врага Пруссии»... «И такие-то политики не только сами себя почитали мудрыми мужами, но и восхвалялись, как таковые всей либеральной печатью»...

8 апреля 1854 г. союзный флот в числе 28 судов бомбардировал впервые Одессу, повторив бомбардировку через два дня, в Страстную субботу. Неудачной оказалась попытка высадиться. Жителей города ободрял своими проповедями знаменитый владыка Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский.

Государь все силы свои отдавал борьбе с врагами. Известные историки признают правильность советов и приказаний, которые он давал фельдмаршалу Паскевичу, адмиралу кн. Меншикову, кн. Горчакову и др. Историк-публицист П. Бартенев, отмечая большое знание Государем инженерного дела, пишет: «Слышно, что даже знаменитые редуты, давшие возможность Севастополю так долго сопротивляться, возведены не только по его указаниям, но и по его собственным чертежам».

В биографическом очерке Н. Шильдера: «Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность» (С.-Пб., 1885) приведены некоторые письма Государя, относящиеся ко времени Восточной войны.

Государю, которого Шильдер именует творцом самостоятельного развития русского Инженерного корпуса, пришлось близко познакомиться с Тотлебенем, тогда капитаном, летом 1853 г. в лагере под Петергофом. Тотлебен руководил там практическими работами. Государь нередко посещал лагерь своих гвардейских саперов и следил за ходом занятий. Однажды он давал указания, каким об-

разом нужно продолжать занятие атакованного наружного укрепления крепостного форта. Тотлебен, не смущаясь, не согласился с высказанным им и объяснил, как он намерен решить рассматриваемый вопрос. Присутствовавшие были поражены его смелостью, Государь же внимательно выслушал и согласился с ним.

Граф Тотлебен в начале 1854 г. был вызван в главную квартиру Дунайской армии и исполнял поручения ген.-адъютанта Шильдера и, после его ранения, заведывал там всеми работами. Позднее был отправлен в Севастополь.

После снятия нашими войсками осады Силистрии Государь предугадал, где противники нанесут удар. 27 июня он писал главнокомандующему кн. Паскевичу: «Теперь в ожидании будет ли попытка на Крым; спокоен буду, когда гроза минует»... 3 июля писал ему же: «Очень думаю, что попытка на Крым сбудется».

Паскевич опасался ослабления сил на всей западной границе и не соглашался на отправление оттуда подкреплений в Крым. Кн. А. С. Меншиков, командуя войсками в Крыму, просил князя М. Д. Горчакова, командовавшего на юго-западном фронте, двинуть к Перекопу 16 дивизию, что тот и исполнил. На донесении об этом Горчакова Государь ответил ему 1 июля: «Нельзя благоразумнее поступить, ни распорядиться, как ты это сделал. Искренно благодарю тебя». Паскевичу, высказавшему неудовольствие распоряжением Горчакова, Государь ответил: «...Сохранение Крыма, обеспечение Севастополя и фронта для нас первейшая важность; если будем так несчастливы, что лишимся их, на долю России ощущать будет этот тяжкий удар. Отвратить его, елико возможно, предмет наиважнейший».

Все увеличившееся враждебное поведение Австрии побудило Государя двинуть в Гродно и Белосток гвардию. 28 августа он извещал Паскевича о начинающемся ее выступлении. 1/13 сентября Император писал ему, что когда сосредоточится гвардия, «тогда мы поговорим с Австрией посерьезнее; пора ей отдать отчет в своих мерзостях. А ты приведи все в порядок, устройство и готовься к ноябрю, ежели Богу угодно будет, чтобы мы рассчитались с Австрией». В письме от 2 сентября говорилось: «...Скоро наступит время, где пора нам будет требовать отчета от Австрии за все ее коварства». 4 декабря Государь писал Горчакову: «Коварство Австрии превзошло все, что адская иезуитская школа когда-либо изобретала. Но Господь их горько за это накажет. Будем ждать нашей поры».

Император Николай I не дожид до этого времени. Предательство Австрии в отношении России дало возможность Франции разбить ее в 1859 г. и Пруссии в 1866 г. Россия этому не препятствовала.

Кн. Имеретинский в записках «старого преображенца» описывает прощание Государя 6 сентября 1854 г. в Гатчине с полком, выступавшим в Белосток: «На его лице светлела улыбка, стесненная выражением перемогавшейся грусти. Когда Император начал говорить, видно было, что избыток чувств пошатнул даже эту, богатырскую натуру, и слезы чуть не прервали речи. „Смотрите, молодцы, служите у меня по-преображенски, если дойдет до дела, — слышите ли вы, — то мне вам больше ничего не нужно говорить, как одни слова: помните, что вы Преображенцы. Господь с вами!“ С последним словом голос прервался от слез. Государь перекрестил полк широким крестом, быстро повернул лошадь и отъехал... Он плакал. Полк единодушно грянул „ура“. Солдаты крепились, и у многих руки, мимоходом, шмыгали по глазу обшлагом» («Русская Старина», 1884).

Фрейлина Тютчева писала в своем дневнике во время войны: «Стоя очень близко от него в церкви, я была поражена происшедшей в нем за последнее время переменой. Вид у него подавленный; страдание избороздило морщинами его лицо. Но никогда он не был так красив: надменное и жестокое выражение смягчилось; крайняя бледность, особенно выделяющая изумительную правильность черт его лица, придает ему вид античной мраморной статуи. При виде того, с каким страдальческим и сосредоточенным видом он молился, нельзя не испытывать почитательного и скорбного сочувствия к этой высоте величия и могущества, униженной и поверженной ниц пред Богом». Она же отмечает, что, когда в Гатчину пришло известие о частичном успехе русского оружия в Севастополе, Император «бросился на колени перед образами и разрыдался».

После поражения 8 сентября под Альмой, Государь писал 17 сентября кн. Горчакову. «Буди воля Божия; роптать не буду и покоряюсь Святой Его воле...» 27 сентября он писал кн. Меншикову: «Благодарю всех за усердие, скажи нашим молодцам морякам, что я на них надеюсь на суше, как и на море. Никому не унывать, надеяться на милосердие Божие, помнить, что мы, русские, защищаем родной край и веру нашу и предаться с покорностью воле Божией! Да хранит тебя и нас всех Господь; молитвы мои за вас и за ваше правое дело, а душа и все мысли с вами!» 30 сентября он

писал: «...Не унывать никому, повторяю я, доказать каждому, что мы те же русские, которые отстояли Россию в 1812 г.». Французский главнокомандующий маршал Сент-Арно, получив известие о затоплении русского флота, воскликнул: «Это начало Москвы!»

Государь отправил в Севастополь своих младших сыновей Николая и Михаила. Первый, по прибытии в крепость, обнял Тотлебена, сказав: «Государь приказал мне Вас поцеловать».

Государь, желая Меншикову победы, писал 23 сентября: «Мое душевное настроение не стану описывать, оно схоже с горячкой. Одно меня подкрепляет — слепая вера в Промысл Всевышнего, Которому смиренно покоряюсь. Буди воля Его».

Письмо от 31 октября, после неудачного Инкерманского боя: «Не унывать... Скажи вновь всем, что Я ими доволен и благодарю за прямой русский дух, который, надеюсь, никогда в них не изменится. Пасть с честью, но не сдаваться и не бросать». — Письмо от 23 ноября 1854 г.: «Хотелось бы к вам лететь и делить участь общую, а не здесь томиться беспрестанными тревогами всех родов».

На азиатском фронте в 1853 г. кн. Андроников 14 ноября 1853 г. разбил турок под Ахалцыхом и 19 ноября кн. Бебутов разбил главную турецкую армию под Баш-Кадыкларом. В 1854 г. ген.-адъютант Н. М. Муравьев, заменивший кн. Воронцова по главному командованию войсками, 16 ноября занял сдавшуюся крепость Карс.

* * *

К началу 1855 г. русские силы под Севастополем превосходили силы союзников. Император Николай Павлович настоятельно требовал от главнокомандующего князя Меншикова решительных действий. Последний же продолжал медлить, упуская удобные для того обстоятельства нанести решительный удар противнику. В конце января в Евпатории высадился 21-тысячный турецкий корпус Омера-паши. Только тогда Меншиков, опасаясь движения турок к Перекопу или к Севастополю, решил ген. Хрулеву с отрядом в 19 тысяч атаковать Евпаторию. Попытка того овладения городом 5 февраля успеха не имела. Хрулев, потеряв около 800 человек, отступил. По получении донесения об этом Государь решил сместить кн. Меншикова.

В это время союзники получили подкрепление. Им удалось сосредоточить под Севастополем 120 000. К этому времени при-

был искусный французский инженер генерал Ниель, давший новое направление осадным работам. Они направлены были против Малахова кургана, ключа севастопольской оборонительной линии. Для противодействия этому русские выдвинулись вперед своим левым флангом и, после упорной борьбы, возвели весьма важные контр-апроши: редуты Селенгинский и Волынский, люнет Камчатский.

Тотлебен писал 3 февраля: «Если теперь наши военные инженеры не уступают иностранным, то мы обязаны этим Государю, который сам, будучи Великим Князем, стоял во главе нашего корпуса и доныне сохраняет особенное расположение к инженерному искусству. Все наши занятия в Петергофе, как оказывается теперь, принесли громадную пользу». Государь 4 февраля писал Меншикову: «Спасибо нашим молодцам саперам и минерам. Старый их товарищ радуется душевно их успехам. Непонятно мне, что французы не заложили усиленного горна, и несмотря на успех, надо быть осторожными...»

15 февраля, перед самой кончиной, Император Николай Павлович поручил Наследнику Цесаревичу Вел. кн. Александру написать письмо кн. Меншикову об увольнении его по болезненному состоянию и о назначении на его место кн. М. Д. Горчакова. Письмо это разошлось с прошением самого Меншикова об увольнении.

* * *

Во время водосвятия в день Крещения Господня 1855 года Государь простудился, но не берегся в дальнейшем. В конце января он не хотел отказать графу Клейнмихелю быть на свадьбе его дочери. Император был в конногвардейском мундире с лосинами, не согревавшими достаточно ноги. Камердинер Гримм обратил внимание Государя на сильный мороз и советовал переменить форму. Пройдя проститься к Императрице и вернувшись, Государь сказал Гримму: «Ты правду говоришь. Проходя сенями по мраморному полу, я уже почувствовал, что ногам холодно, но теперь поздно переодеваться». Возвратившись со свадьбы, он почувствовал озноб. 27 января определился грипп, свирепствовавший в то время в столице. В начале февраля появилось стеснение в груди, выявилось повреждение нижней части правого легкого. Доктора предписали сидеть дома. Вынужден был Государь прервать говение на первой неделе Великого поста. Доклады он продолжал принимать. После

доклада графа Киселева пригласил его к обеду. Тот отказался, ссылаясь на простуду. „Я кашляю, — ответил ему Император, — но жена не будет с нами: мы останемся вдвоем и можем свободно кашлять и сморкаться“. Сначала за обедом Государь был таким, как всегда, но через полчаса, по словам Киселева, он поднялся, сказав, что усталость побуждает его лечь в постель».

На следующий день, когда Киселев благоразумно высиживал дома, пока не пройдет простуда, Государь собрался ехать в Манеж напутствовать маршевые батальоны лейб-гвардии Измайловского и Егерского полков, отправляемые на театр военных действий. Врачи Мандт и в особенности Карелл протестовали. Государь спросил их:

— Если бы я был просто солдатом, обратили бы вы внимание на мою болезнь?

— Ваше Величество, — ответил Карелл, — в Вашей армии нет ни одного медика, который позволил бы солдату выписаться из госпиталя в таком положении, в каком вы находитесь и при таком морозе -23. Мой долг требует, чтобы вы не выходили еще из комнаты.

— Ты исполнил свой долг, позволь же мне исполнить мой долг.

То же сказал Мандту, добавив, что исполнит свой долг, прощаясь с солдатами, которые отбывают, «чтобы защищать нас». Уехал он в легком плаще, не внимая уговорам Наследника и прислуги. Простуда усилилась. Ночь Государь провел без сна. На следующий день — 10 февраля — он отправился на проводы гвардейских саперов, преображенцев и семеновцев; 11 февраля не смог быть на литургии Преждеосвященных Даров и лег одетым, 12-го озноб усилился.

Доктор Мандт в письме за границу к близкому ему лицу так излагает происходившее с вечера 17 февраля 1855 года:

«Между 11 и 12 часам, блаженной памяти Император отложил приобщение Св. Тайн до того времени, когда будет в состоянии встать с постели. Из этого видно, что сам он не думал, чтобы его жизни угрожала неминуемая опасность, а врач усматривал пока еще слабые признаки такой опасности в нижней части правого легкого, впрочем не теряя в этом часу ночи всякой надежды на выздоровление.

Сделав все нужные медицинские предписания, я, не раздеваясь, лег отдохнуть в постель. Доктор Карелл должен был оставаться в комнате больного, пока я не приду заменить его в 3 часа

утра; так было условлено и так постоянно делалось. В половине третьего я встал и в ту минуту, как я хотел отправиться на мой печальный пост, мне подали следующую, наскоро написанную карандашом, записку: „Умоляю вас, не теряйте времени в виду усиливающейся опасности. Настаивайте непременно на приобщении Св. Тайн. Вы не знаете, какую придают у нас этому важность и какое ужасное впечатление произвело бы на всех неисполнение этого долга. Вы иностранец, — и вся ответственность падет на вас. Вот доказательство моей признательности за ваши прошлогодние заботы. Вам говорит это дружески преданная вам А. Б.“ (Блудова. — *Н. Г.*). Войдя в прихожую, я повстречался с Великой княгиней Марией Николаевной (она провела эти часы на софе в своей комнате). Она сказала, обращаясь ко мне: „У вас должно быть все идет к лучшему, так как я давно не слыхала никакого шума“.

Я нашел доктора Карелля на своем посту, а положение высокого больного показалось мне почти не изменившимся с 12 часов ночи. Жар в теле немного слабее, дыхание было несколько менее слышным, чем в полночь. После некоторых вопросов и ответов касательно дыхания и груди (причем особенное внимание было обращено на правое легкое, совершенно согласно с тем, как оглашено в газетах) доктор Карелл ушел для того, чтобы воспользоваться в течение нескольких часов необходимым отдыхом. Было около 10-ти минут четвертого, когда я остался наедине с больным Государем в его маленькой неприютной спальне, дурно освещенной и прохладной. Со всех сторон слышалось завывание холодного северного ветра. Я недоумевал и затруднялся, как объяснить самым мягким и пощадливым образом мою цель больному, который, хотя и очень страдал, но вовсе не считал своего положения безнадежным. Так как накануне того дня вечером после последнего медицинского осмотра еще не вовсе утрачена была надежда на выздоровление, то я начал со тщательного исследования всей груди при помощи слухового рожка. Император охотно этому подчинился точно так, как с некоторого времени он вообще подчинялся всему, чего требовала медицинская наука.

В нижней части правого легкого я слышал шум, который сделался для меня таким зловещим, каким я в течение уже нескольких лет считал тот особый звук голоса, который происходит из образовавшихся каверн. Я не в состоянии описать ни этого звука, ни этого шума; но и тот и другой, доходя до моего слуха, не подчинялись моему умственному анализу, а как будто проникали

во всю мою внутренность и действовали на все мои чувствительные нервы. Они произвели на меня такое же впечатление, какое производит фальшивая нота на слух опытного музыканта. Но этот звук и этот шум уничтожили все мои сомнения и дали мне смелость приступить к решительному объяснению. Зрело обсудив, что следовало делать в моем положении, я вступил в следующий разговор с Его Величеством. Здесь я должен обратить внимание на то, что замеченный мною особый шум в нижней части правого легкого свидетельствовал о начале паралича в этом важном органе и что вместе с тем для меня угас последний луч надежды. В первую минуту я почувствовал что-то похожее на головокружение; мне показалось, что все предметы стали вертеться перед моими глазами. Но полагаю, что сознание важности данной минуты помогло мне сохранить равновесие способностей.

— Идучи сюда, я встретился с одним почтенным человеком, который просил меня положить к стопам Вашего Величества изъявление его преданности и пожелания выздороветь.

— Кто такой? — больной Император все время говорил громким и ясным голосом, с полным обладанием всеми умственными способностями.

— Это Бажанов, с которым я очень близок и почти что дружен. Стараясь приступить к делу, как можно мягче, я позволил себе это уклонение от истины. Я узнал из уст Его Высочества Государя Наследника, который сам пожелал провести эту ночь как можно ближе к больному, что названная духовная особа находилась поблизости. А то, что я сказал о моих личных отношениях к Бажанову, вполне согласно с истиной.

— Я не знал, что вы знакомы с Бажановым. Это честный и вместе с тем добрый человек. — Затем молчание, и с намерением или случайно Император не поддержал этого разговора.

— Я познакомился с Бажановым, — продолжал я, спустя минут пять, — в очень тяжелое для нас всех время, у смертного одра почившей Великой княгини Александры Николаевны. Вчера мы вспоминали об этом времени у Государыни Императрицы, и из оборота, который дан был разговору, мне было нетрудно понять, что Ее Величеству было бы очень приятно, если бы она могла вместе с Бажановым помолиться подле Вашей постели об умершей дочери и вознести к Небу мольбы о Вашем скором выздоровлении.

По выражению глаз Императора я тотчас заметил, что он понял значение слов и даже одобрил их. Он устремил на меня

свои большие, полные, блестящие и неподвижные глаза и произнес следующие простые слова, немного приподнявшись и поворотив ко мне голову.

— Скажите же мне, разве я должен умереть? — Эти слова прозвучали среди ночного уединения как голос судьбы. Они точно держались в воздухе, точно читались в устремленных на меня своеобразных больших глазах, точно будто гудели с отчетливой ясностью металлического звука в моих ушах. Три раза готово было вырваться из уст ответствование, какое можно дать на такой простой вопрос, и три раза мое горло как будто было сдавлено какой-то перевязкой: слова замирали, не издавая никакого понятного звука. Глаза больного Императора были упорно устремлены на меня. Наконец, я сделал последнее усилие и отвечал:

— Да, Ваше Величество.

Почти немедленно вслед затем Император спросил: «Что нашли вы вашим инструментом? Каверны?» — «Нет, начало паралича». — В лице больного не изменилась ни одна черта, не дрогнул ни один мускул, и пульс продолжал биться по-прежнему! Тем не менее я чувствовал, что мои слова произвели глубокое впечатление: под этим впечатлением мощный дух Императора точно старался высвободиться из-под мелочных забот и огорчений здешнего ничтожного мира. Было ясно, что в течение всей болезни это случилось в первый раз в эту минуту, которую почти можно назвать священной. Глаза Императора устремились прямо в потолок и, по крайней мере, в продолжение пяти минут оставались неподвижными; он как будто во что-то вдумывался. Затем внезапно взглянул на меня и спросил: *«Как достало у вас духу высказать мне это так решительно?»*

— Меня побудили к этому, Ваше Величество, следующие причины. Прежде всего, и главным образом, я исполняю данное мною обещание. Года полтора тому назад Вы мне однажды сказали: «Я требую, чтобы вы мне сказали правду, если б настала та минута в данном случае». К сожалению, Ваше Величество, такая минута настала. Во-вторых, я исполняю горестный долг по отношению к Монарху. Вы еще можете располагать несколькими часами жизни. Вы находитесь в полном сознании и знаете, что нет никакой надежды. Эти часы, Ваше Величество, конечно, употребите иначе, чем как употребили бы их, если бы не знали положительно, что вас ожидает; по крайней мере, так мне кажется. Наконец, я высказал Вашему Величеству правду, потому что я люблю Вас и знаю, что Вы с состоянием выслушать ее.

Больной Император спокойно внимал этим словам, которые я произнес почти без перерыва, слегка нагнувшись над его постелью. Он ничего не отвечал, но его глаза приняли кроткое выражение и долго оставались устремлены на меня. Сначала я выдержал его взгляд, но потом у меня выступили слезы и стали медленно катиться по лицу. Тогда Император протянул ко мне правую руку и произнес простые, но на века незабываемые слова: *«Благодарю Вас»*. Слово *благодарю* было произнесено с особым ударением. После того Император перевернулся на другую сторону лицом к камину и остался неподвижным.

Минут через 6 или 8 он позвал меня, назвал по имени и сказал: *«Позовите ко мне моего старшего сына»*. Я исполнил это приятное поручение, не уходя далее прихожей, и распорядился, чтобы меня известили, лишь только прибудет Его Императорское Высочество. Когда я возвратился к постели больного Императора, он сказал, обращаясь ко мне таким голосом, в котором не было заметно никакой перемены: «Не позабудьте известить остальных моих детей и моего сына Константина. Только пощадите Императрицу». — «Ваша дочь Великая Княгиня Мария Николаевна провела ночь, как я сам видел, на кожаном диване в передней комнате и находится здесь в настоящую минуту».

Вскоре прибыл Его Высочество Наследник; по его приказанию известили обо всем Императрицу; прибыл и духовник, которому я сообщил о моей попытке подготовить Императора к приобщению Св. Тайн. С той минуты, как был исполнен этот долг (в половине 5-го) и до смерти (20 минут первого) умирающий отец, за исключением минутных перерывов, видел своего старшего сына, стоявшего на коленях у его постели, и держал свою руку в его руке, чтобы облегчить эту последнюю земную борьбу настолько, насколько это позволяют законы природы. Высокий больной начал исполнять обязанности христианина; затем следовало исполнение обязанностей отца, Императора и, наконец, даже милостивого хозяина дома, так как он простился со всеми своими служителями и каждого из них осчастливил прощальным словом. Такая смерть и такое почти превышающее человеческие силы всестороннее исполнение своего долга возможны только тогда, когда и больной, и его врач отказались от всякой надежды на выздоровление, и когда эта печальная истина была высказана врачом и принята больным о одинаковой решимостью.

Я считаю долгом записать здесь еще два вопроса, с которыми умирающий монарх обратился ко мне утром того дня (между 9-ю и 11-ю часами) и которые служат доказательством того, с каким удивительным душевным спокойствием, с каким непоколебимым мужеством и силой воли он смотрел в лицо смерти. Первый из этих вопросов был следующий: *«Потеряю ли я сознание, или не задохнусь ли я!»* Из всех болезненных симптомов ни один не был так противен Императору, как потеря сознания; я знал это, потому что он не раз мне об этом говорил. Я понимал всю важность этого вопроса, который был сделан самым спокойным голосом; но внезапное рыдание помешало мне тотчас ответить, и я был вынужден отвернуться. Только несколько времени спустя я был в состоянии отвечать: *«Я надеюсь, что не случится ни того, ни другого. Все пойдет тихо и спокойно».* — *«Когда вы меня отпустите?»* — Его Величество был так добр, что повторил мне вопрос, который я сначала не расслышал. — *«Я хочу сказать, — при- совокупил Император, — когда все это кончится!»*

С тех пор, как я стал заниматься медицинской практикой, я никогда еще не видел ничего хоть сколько-нибудь похожего на такую смерть; я даже не считал возможным, чтобы сознание в точности исполненного долга, соединенное с непоколебимою твердостью воли, могло до такой степени господствовать над той роковой минутой, когда душа освобождается от своей земной оболочки, чтобы отойти к вечному покою и счастью; повторяю, я считал это невозможным, если бы я не имел несчастья дожить до того, чтобы все это увидеть».

Императрица Александра Федоровна предложила Государю причаститься. Его смущало принимать Св. Тайны лежа, не одетым. Духовник его протопресвитер Василий Бажанов говорил, что в жизни своей он наставлял многих умиравших набожных людей, но никогда не видел такой, какая у Императора Николая I, веры — торжествующей над приближающейся смертью. Другой свидетель последних часов жизни Государя высказывал мнение, что атеист, приведенный тогда в комнату Царя, стал бы верующим. По причащении Государь произнес: *«Господи, прими меня с миром».* Императрица прочла *«Отче наш»*. При произнесении ею любимых слов Государя: *«Да будет воля Твоя»*, — он произнес: *«Всегда, всегда».* Произносил он несколько раз молитву: *«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром».*

Государь отдал все распоряжения относительно погребения. Он требовал наименьших расходов на похороны. Запретил, как и подобает православное отношение к смерти, затягивать черным залу, где будет лежать его тело. Просил положить в гроб икону Божией Матери Одигитрии, которой, при крещении, благословила его Императрица Екатерина. Благословил он детей, отсутствующих крестил вдаль. Великая княгиня Ольга Николаевна, столь им любимая, почувствовала отцовское благословение у себя в Штутгарте. Вызвал ближайших друзей сподвижников. Наследнику особенно рекомендовал гр. Адлерберга, говоря: «Этот был мне дружен в течение сорока лет». Ему завещал свой портфель. О графе Орлове сказал: «Ты сам знаешь, нечего рекомендовать». — «Этот еще послужит тебе», — о князе Долгорукове. Любимую горничную Императрицы г-жу Рорберг горячо благодарил за ее уход во время последней болезни Государыни, который разделял с нею. На прощание сказал ей: «Приветствуйте от меня мой дорогой Петергоф».

Поступившие из армии донесения он приказал передавать Наследнику. Рад был благополучным сведениям о младших сыновьях, находившихся в Крыму в армии. Потом просил покинуть его на время. «Теперь мне нужно остаться одному, чтобы подготовиться к последней минуте. Я вас позову, когда наступит время».

Позднее Император вызвал несколько гренадеров, простился с ними, прося передать его прощальный привет остальным. Просил он Наследника сделать то же в отношении гвардии, армии, в особенности защитников Севастополя. «Передай им, что я в другом мире буду продолжать молиться за них». Сказанное им сыну изложено в его посмертном приказе войскам. Велел Государь отправить прощальные телеграммы в Севастополь и в Москву. Последняя депеша, отчего-то не отправленная и ставшая известной потом, гласила: «Император умирает и прощается с Москвой».

В 8 часов 20 минут духовник о. Василий Бажанов начал читать отходную. Государь слушал внимательно слова молитвы, осеняя себя временами крестным знамением. Когда священник благословил его и дал поцеловать крест, умирающий произнес: «Думаю, что я никогда сознательно не сделал зла». Он держал в своих руках руки Императрицы и Наследника и, когда не мог говорить, то прощался с ними взглядом. В 10 часов Государь потерял способность речи. Но перед самой кончиной Император заговорил снова. Он велел Цесаревичу поднять с колен Це-

саревну, так как ей это было вредно для здоровья. Одними из последних были слова, сказанные им Наследнику: «Держи все, держи все», — сопровождаемые решительным жестом. Началась агония. В дворцовой церкви заканчивалась литургия.

«Предсмертное хрипение, — писала Тютчева, — становилось все сильнее, дыхание с минуты на минуту делалось все труднее и прерывистее. Наконец, по лицу пробежала судорога, голова откинулась назад. Думали, что это конец, и крик отчаяния вырвался у присутствовавших. Но Император открыл глаза, поднял их к небу, улыбнулся, и все было кончено. При виде этой смерти, стойкой, благоговейной, нужно было думать, что Император давно предвидел ее и к ней готовился».

«...Император лежал поперек комнаты на очень простой железной кровати, — писала далее Тютчева. — Голова покоилась на зеленой кожаной подушке, а вместо одеяла на нем лежала солдатская шинель. Казалось, что смерть настигла его среди лишений военного лагеря, а не в роскоши пышного дворца. Все, что окружало его, дышало самой строгой простотой, начиная с обстановки и кончая дырявыми туфлями у подножия кровати. Руки были скрещены на груди, лицо обвязано белой повязкой. В эту минуту, когда смерть возвратила мягкость прекрасным чертам его лица, которые так сильно изменились благодаря страданиям, подточившим Императора и преждевременно сокрушившим его, — в эту минуту его лицо было красоты поистине сверхъестественной. Черты казались высеченными из белого мрамора; тем не менее, сохранился еще остаток жизни в очертаниях рта, глаз и лба, в том неземном выражении покоя и завершенности, которое, казалось, говорило: «Я знаю, я вижу, я обладаю», — в том выражении, которое бывает только у покойников и которое дает понять, что они уже далеко от нас, и что им открылась полнота истины...»

Выдающийся иерарх, архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович, ум. 1891) писал впоследствии о кончине Государя: «В 1855 г. скончался Император Николай I. Смерть его была образцом смертей христианина, Государя, человека покаяния, распорядительности, ясного сознания, невозмутимейшего мужества...»

В завещании, составленном Государем во время польского восстания в 1831 году, содержалось, в числе прочего, следующее: «Прошу Императора милостиво призреть стариков-инвалидов, у меня живших по разным местам. Желаю, чтобы они доживали

свой век на прежнем положении, разве угодно будет ему улучшить их содержание» (статья 15). «Благодарю всех меня любивших, мне служивших. Прощаю всех меня ненавидящих» (31). «Прошу всех, кого мог неумышленно огорчить, меня простить. Я был человеком со всеми слабостями, коим все люди подвержены, старался исправиться в том, что за собою худого знал. В ином успевал, в другом нет; прошу искренно меня простить» (32). «Я умираю с благодарным сердцем за все благо, которым Богу угодно было в сем преходящем мире меня наградить, с пламенной любовью к нашей славной России, которой, служил по крайнему моему разумению верой и правдой; жалею, что не мог произвести того добра, которого столь искренно желал. Сын мой меня заменит. Буду молить Бога, да благословит Он его на тяжкое поприще, на которое он вступает, и сподобит его утвердить Россию на твердом основании страха Божия, да в ей довершить внутреннее ее устройство и отдаляя всякую опасность извне. На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся во веки» (33). «Прошу всех меня любивших молиться об упокоении души моей, которую отдаю милосердному Богу, с твердой надеждой на Его благодать и предаваясь с покорностью Его воле. Аминь» (34).

В позднейшем завещании от 30 апреля 1835 года помещено было обращение к 17-летнему Наследнику Александру. Приводим извлечения из него. «Соблюдай строго, что нашей Церковью предписывается». «Ты молод, неопытен, и в тех летах, в которых страсти развиваются, но помни всегда, что ты должен быть примером благочестия и веди себя так, чтобы мог служить живым образцом». «Будь милостив и доступен ко всем несчастным, но не расточай казны выше ее способов». «Пренебрегай ругательствами и пасквилями, но бойся своей совести». «Да благословит тебя Бог всемилосердный, на Него Одного возлагай всю свою надежду. Он тебя не оставит, доколь ты к Нему обращаться будешь».

В посмертном приказе Государя войскам объявлялось: «Благодарю славную, верную гвардию, спасшую Россию в 1825 году, а равно и храбрые и верные армию и флот; молю Бога, чтобы сохранил в них навсегда те же доблести, тот же дух, коими при мне отличались; покуда дух сей сохранится, спокойствие государства и вне, и внутри обеспечено, и горе врагам его! Я их люблю, как детей своих: старался, как мог, улучшить их состояние; ежели не во всем успел, то не от недостатка желания, но оттого, что или лучшего не умел придумать; или не мог более сделать».

А. О. Смирнова, урожденная де-Россет, близкая ко Двору, не раз беседовавшая с Государем, друг Пушкина, Гоголя, Жуковского, писала 8 марта 1855 г. в Москву. «...Не стало того, на кого были устремлены с тревогой взоры всего мира, того, кто при своем последнем вздохе сделался столь великой исторической фигурой. Смерть его меня несказанно поразила христианской простотой всех его последних слов, всей его обстановкой. Подробности вам известны, я узнала их от Мандта, от Гримма, его старого камердинера, и, наконец, от Государыни и Великой Княгини Марии. Мандт сообщил мне о течении болезни (у меня самой в это время был грипп, и я лежала в постели). Я пошла посмотреть эту комнату, — скорее келью, куда в отдаленный угол своего огромного дворца он удалился, чтобы выстрадать все мучения униженной гордости своего сердца, уязвленного всякой раной каждого солдата, чтобы умереть на жесткой и узкой походной кровати, стоящей между печкой и единственным окном в этой скромной комнате. Я видела потертый коверчик, на котором он клал земные поклоны утром и вечером перед образом в очень простой серебряной ризе. Откуда этот образ, никому не известно. В гроб ему положили икону Божией Матери Одигитрии, благословение Екатерины при его рождении. Сильно поддержанное Евангелие, подарок Александра Павловича (его он, как сам мне говорил, читал каждый день, с тех пор как получил его в Москве после беседы с братом Александром у Храма Спасителя), экземпляр Фомы Кемпийского, которого он стал читать после смерти дочери, несколько семейных портретов, несколько батальных картин по стенам (он их собственноручно повесил), туалетный стол без всякого серебра, письменный стол, на нем пресс-папье, деревянный разрезательный нож и Одесская бомба: вот его комната. Он покинул свои прекрасные апартаменты для этого неудобного угла, затерянного среди местных коридоров, как бы с тем, чтобы приготовить себя для еще более тесного жилища. Эта комната находится под воздушным телефоном. Гримм, служивший при нем с ранней молодости, заливаясь слезами, говорил мне, что он после Альмы долго не спал, а только два часа проводил в сонном забытии. Он ходил, вздыхал и молился, даже громко, среди молчания ночи. Мне кажется, что он в это время именно раскрылся как человек вполне Русский».

Ф. А. Бредихин.

**Памяти императора Николая I,
основателя Николаевской (Пулковской)
главной астрономической обсерватории,
по случаю столетней годовщины со дня его рождения**

*Речь академика Ф. А. Бредихина,
произнесенная в публичном заседании Академии
29-го декабря 1896 года*

Мм. Гг.

Вся Россия знает, что в нынешнем году, 25-го июня, свершилось сто лет со дня рождения императора Николая Павловича.

Во имя просвещения в нашем отечестве, во имя науки вообще, Академия наша в сегодняшнем торжественном заседании не может не обратиться благословляющей памятью к величавой личности в Бозе почивающего Монарха.

Целый большой трактат потребовался бы для того, чтобы показать, что сделано при Николае I для просвещения России: новые уставы университетов, поставившие эти учреждения на уровень западноевропейских; стройная система преобразованных гимназий и училищ, охватившая сетью все губернские и уездные города; военные училища разных наименований и разных степеней; специальные школы и т. д.

Мой путь не лежит в эту обширную область: не мне исследовать достоинства и недостатки школ того времени, но не могу подавить вырывающегося наружу воспоминания. Полвека тому назад учились мы в пансионе при гимназии на окраине России, на берегу Черного моря, вдали от более просвещенных центров; а и теперь теплое чувство вызывают образы начальников и наставников наших того времени. При твердой дисциплине, при строгом порядке, сколько забот о нашем образовании, о развитии в нас чувства чести и долга, сколько гуманности в обращении!.. Предо мной в настоящую минуту проходят эти честные, светлые личности. Да, у нас была школа, добрая, хотя и строгая школа!

Кроме забот о школе на всех ее ступенях, великий Монарх с живым и деятельным сочувствием относился к развитию в отечестве науки вообще. На первых шагах своего царственного поприща он посетил этот скромный приют науки, показывая тем самым какое значение придает он знанию в развитии народной

мощи — нравственной и материальной. Он повелел принять меры к обогащению наших музеев, кабинетов и научных коллекций. Ныне вот уже 60 лет действующий, исправленный устав нашей Академии подписан Николаем I. Наконец, он создал при Академии два важные научные учреждения, которые скоро так разрослись, что стали почти самостоятельными: я разумею главную астрономическую и главную физическую обсерватории.

Первою из них, основанной в Пулкове, мне суждено было управлять почти пять лет, а потому в сегодняшний день мне и позволительно возобновить в памяти некоторые подробности, относящиеся к возникновению этого учреждения.

Астрономическая обсерватория при Академии, часть которой и теперь еще возвышается над зданием нашей библиотеки, была основана Петром Великим. Но эта обсерватория, помещенная среди городских зданий, притом на верху трехэтажного дома, в атмосфере, наполненной дымом городских труб и испарениями Невы, становилась со временем более и более неудовлетворяющей своей цели, по мере возрастающих требований точности астрономических наблюдений.

Вследствие этого мало-помалу созрела мысль вынести это учреждение за город и поместить его в более удобном месте. Не раз делались попытки в этом направлении, но они долго не увенчались успехом.

В 1827 г. Академия вновь возвратилась к проекту перенести обсерваторию из города в одну из его окрестностей.

Император Николай Павлович милостиво внял этой насущной научной потребности, и в 1831 г. повелел построить новую обсерваторию вблизи от своей столицы. Министру народного просвещения, князю Ливену, выражено было Высочайшее мнение, что «основание первоклассной обсерватории около столицы в высокой степени полезно и важно для ученой чести России».

Монарх, обремененный заботами правления, благосклонно снисходил до подробностей устройства нового учреждения¹. Он с живейшим вниманием лично рассматривал различные проекты построек и с удивительной проницательностью выбрал из них тот, который наиболее соответствовал назначению заведения.

¹ W. Struve. Fondation de l'observatoire central de Russie. 1856.

Нужно было, далее, найти подходящую местность. Граф Кушелев-Безбородко за несколько времени до этого пожертвовал под обсерваторию три десятины земли к северу от города. На представление министра относительно постройки здания в этой местности государь не медля отвечал: «Как? Разве Академия намерена поместить новую обсерваторию так близко от города и притом на песчаной и болотистой почве? Это совершенно неудобно. Я дам другое место. Обсерваторию следует построить на Пулковской возвышенности».

В. Я. Струве, известный учеными заслугами профессор астрономии в Дерптском университете, лично спрошенный затем по этому поводу Государем, прямо ответил, что он проезжал однажды около Пулковского холма и тогда же подумал, что тут бы следовало быть новой обсерватории. Государь пожелал, впрочем, предоставить комиссии по устройству обсерватории полную свободу в выборе удобнейшего места, и тогда только остановился на Пулкове, когда эта комиссия нашла, что все другие места вокруг Петербурга, в совокупности требуемых качеств, уступают намеченному им первоначально Пулковскому холму.

В конце 1833 года Высочайше повелено было заказать за границей инструменты для новой обсерватории и приступить к ее постройке; летом 1835 года состоялась торжественная закладка здания. Первые строки Высочайшего указа относительно сооружения обсерватории гласят так: «Желая споспешествовать успехам Астрономии в Империи Нашей, повелели Мы соорудить в окрестностях Санкт-Петербурга, на Пулковской горе, Главную Астрономическую Обсерваторию и снабдить ее полным прибором совершеннейших инструментов...»

В конце сентября 1839 года отстроенная уже и снабженная инструментами обсерватория была посещена ее державным основателем и внимательно осмотрена им до мелких подробностей.

Возникшее учреждение расширило значительно круг научной деятельности нашей Академии и отвело России почетное место в числе наций, которые наиболее содействовали успехам астрономии в текущем столетии.

Современному астроному, свидетелю необычайного расширения области звездной науки во второй половине нашего века, обсерватория, по богатству средств подобная Пулковской, быть может, грезится уже не в окрестностях Петербурга, но где-нибудь далеко от него, под небом южной России. Но не должно забывать, что во время создания Пулковской обсерватории и во всю

первую половину столетия никто из астрономов и не мечтал о возможности возникновения новой отрасли астрономии, именно астрофизики, и наблюдательная астрономия почти исчерпывалась строжайшим по возможности определением положений небесных тел, главным образом, так называемых неподвижных звезд.

В этом же отношении наша первоклассная обсерватория уже вполне оправдала надежды, возложенные на нее венценосным ее основателем, имя которого она стала носить по повелению Императора Александра II. Пулковские определения положений основных, фундаментальных звезд по точности превосходят все существующие, и во всем мире принимаются за исходную точку при исследованиях в звездной астрономии.

Не на одну Пулковскую обсерваторию обращено было внимание незабвенного Монарха: он повелел устроить обсерватории в Казани и Киеве; при нем приведена была в положение, соответствующее современному тогда состоянию науки, убогая дотоль и устаревшая обсерватория в Москве; он учетверил материальные средства обсерватории в Дерпте, во внимание к тому, что она при директоре В. Я. Струве много потрудилась для науки и внесла в нее богатый материал важных наблюдений над двойными звездами.

В областях, тесно связанных с астрономией, в геодезии и математической географии, в царствование Николая Павловича было совершено множество важных работ, и Государь всегда поощрял их, поддерживал материальными средствами и не забывал своею милостью честных тружеников науки.

Мне не предлежит касаться неблизких мне сфер знания и области искусств, но заботливость об упрочении науки в России и во благо России — достаточно видна уже из первых строк устава, данного императором Николаем I нашей Академии: «Она старается расширить пределы всякого рода полезных человечеству знаний... Она имеет попечение о распространении просвещения. Она обращает труды свои непосредственно в пользу России, распространяя познания о естественных произведениях империи» и т. д.

Император Николай Павлович не был посвящен в глубины астрономической науки, но в его отношении к знанию вообще чувствуется как бы некоторое предпочтение астрономии, какое-то внутреннее расположение к ней. Стройный порядок системы, строгое соподчинение частей целому, твердость и доказательность перехода от известного к неизвестному — и не в отвлеченной области мышления, а в приложении к конкретному, имеющемуся пред очами и необъят-

ному пространством организму вселенной — все это находило, по-видимому, сочувственные фибры в возвышенной душе Монарха, который в громадной империи своей стремился упрочить законность, стройный порядок и спокойное развитие на стезе правды и добра. В 1850 году, на отчете канцлера Нессельроде, передавая его наследнику престола, он начертал¹: «Дай Бог, чтобы удалось мне сдать тебе Россию такую, какую стремился я ее поставить: сильной, самостоятельной и добродающей — нам добро, — никому зло».

В беглом очерке, в кратких чертах я напомнил, как создалась Николаевская обсерватория в частности, насколько император Николай Павлович ценил науку вообще и как заботился об упрочении развития ее в России. Но я ощущаю некоторую неудовлетворенность: я не вымолвил того, что подсказывает мне внутреннее чувство, которое имеет свою память и свои требования.

Зрелыми юношами сошли мы со школьной скамьи на арену жизни в тот самый год, когда скончался император Николай Павлович. Несколько лет до этого прислушивались уже мы к ближайшему течению истории: события, факты, рассказы — виденное и слышанное от отцов — залегло в памяти поколения нашего и близких к нему. По случаю 100-летней годовщины все это обильно рассеяно во многих сборниках и журналах. История воспользуется этими воспоминаниями, заметками, чтобы начертать характеристику незабвенного Государя; но для этого не пришла еще пора: величая личность его не помещается еще, выражаясь астрономически, в поле нашего зрения; чрез несколько поколений вперед труд этот станет более возможным.

Историки по ремеслу, и те признают, что теперь невозможна еще даже и полная беспристрастная биография. Для нас же, вращающихся в других сферах знания, дело еще труднее. Но мы и без руководства историков были чутки ко влиянию, к обаянию высокой исторической личности: идеальные, общечеловеческие черты ее характера настраивали созвучно отзывчивые душевные струны ряда поколений, точнее сказать, нарощений и в них, в этих поколениях, слагались известные идеалы, которые для большинства, если не всех, не меркли во всю жизнь.

Помню я, и помнят, конечно, и сверстники мои, как восторгали нас передававшиеся из уст в уста сказания о проявлениях державно-рыцарской честности Монарха.

¹ Русск. Вест. 1896, июнь, с. 23.

Самодержавный властелин огромного государства поручает¹ своему послу в Париже при Карле X давать советы королю, чтобы этот точно и строго держался конституции, на соблюдение которой дал свое королевское слово.

Он признает² факт независимости Бельгии от Голландии, потому что его признал сам нидерландский король; но не желает признать Леопольда, избранного в короли Бельгии Лондонской конференцией, пока его не признает тот же нидерландский король, и устраняется совсем от конференции, считая поведение последнего двусмысленным и не прямодушным, и т. д., и т. д...

Могли ли оставаться без глубокого и небесследного действия на сердца такие проявления возвышенной честности, а подобных им были десятки и сотни, и мы привыкли твердо верить, что слово государя Николая Павловича было крепче всяких трактатов.

Помню я, не забыли, конечно, и сверстники мои, как глубоко бывали мы тронуты, когда на высоте трона нам указывалось непрестанное стремление исполнить долг. Чувство долга — это, по видимому, такое простое, обиходное, как бы разменное понятие; но пусть только каждый исполняет свой долг — и пред нами готов материал для стройного, крепкого, благоустроенного государства.

Часто окружающим говорил Государь, что долг «воспрещает ему относиться слегка даже к маловажному вопросу³ ибо, возлагая на себя корону, он дал обет посвятить все минуты своей жизни пользам государства и благу подданных». Всю жизнь, до самой кончины стремился он исполнить этот обет.

В начале 1855 года физические силы Государя ослабели и недуг⁴ вступил в борьбу с чувством долга. Февраля 9-го (за девять дней до кончины), уже больной, он решился отправиться в Манеж на смотр батальонов, отправлявшихся в Крым. Доктора Мандт и Карелль старались отклонить его от этого намерения; они убеждали его не выходить на воздух, но он, выслушав их советы, сделал вопрос:

— Если бы я был простой солдат, обратили ли бы вы внимание на мою болезнь?

— Ваше Величество, — отвечал Карелль, — в нашей армии нет ни одного медика, который позволил бы солдату выписаться из госпиталя в таком положении, в каком находитесь вы и

¹ Русск. Вести. 1896, июнь, с. 13.

² Ibidem, с. 15.

³ Русск. Вест. 1896, июль, с. 465.

⁴ Ibidem, с. 615—617.

при таком морозе (-23°); мой долг — требовать, чтобы вы не выходили еще из комнаты.

— Ты исполнил свой долг, — отвечал Государь, — дозвожь же мне исполнить мой.

Поистине трогательно живое сочувствие Государя исполнению долга, как бы маловажен он ни казался и на какой бы ступени государственной лестницы он ни совершался.

Отряд солдат шел однажды вольно и весело с ученья: «Как хорошо должно быть у них на душе, — сказал Государь, — они усердно исполнили свой долг».

Воспитание в чувстве долга целого ряда поколений, — среди которых и теперь еще не все отдельные единицы сошли в могилу, — на наших глазах блистательно проявляло свои плоды.

Наши братья и кровные наши защищали твердыни Севастополя, и история затруднится указать другие примеры, где бы тысячи и десятки тысяч людей долгие месяцы исполняли свой долг так, что пред их подвигами бледнеет классический подвиг Леонида с горстью спартанцев и т. п.... Кому неизвестно, как во имя долга умирали в захолустных ущельях и дебрях Кавказа... А что говорят летописи флота с именами Казарских, Ильиных и т. п.... А эпизод со студентами Ришельевского Лицея на Щеголевской батарее...

Воспитываясь в школе доброй, хотя и строгой, мы, скажу откровенно, побаивались Государя; мы знали, что он бывал строг, когда увлечения молодости переходили известные границы. Да и не мы одни, молодое тогда поколение, испытывали это будущее, не дающее распуститься чувство опаски, побаивались и стоящие в ту пору гораздо выше нас.

От одного почтенного, правдивого, сошедшего недавно в могилу столетнего старца, бывшего секретарем у сановника, имевшего доклад у Государя, известно мне следующее. Когда министр этот собирался с докладом, у него нередко делалось заметное нервное расстройство.

— Вам нет причины беспокоиться, — успокаивал его секретарь, — в ваших докладах все в порядке.

— Это так, — отвечал бывало министр, — но как поручиться, что в них нет какого-нибудь недосмотра, чего-нибудь недодуманного. Ведь Государь все заметит.

Все знали рыцарскую справедливость Монарха, его великодушие, но и знали все, что там, на высоте трона, «не относятся слегка даже к маловажному вопросу»... Боязнь эта была — «не за страх, а за совесть»...

Высокий пример Государя служил мощным призывом, который немолчно звучал в душе каждого из подданных и в них неусыпное око совести, склонное иногда, как известно, погрузиться в дремоту, становилось бодрее и внимательнее.

Я сказал уже, что мы вступили в жизнь в год кончины императора Николая Павловича, сходя в могилу, он, так сказать, благословил наше поколение и близкие к нему на посильное служение горячо любимому им отечеству.

С тех пор прошло сорок лет, и мы, редая в рядах, подходим к более или менее близкому уже для каждого мрачному входу в ту область, из которой нет возврата. Но и доселе не изгладились в нас впечатления восприимчивой юности.

Там, в глубоких тайниках совести, в минуты смятения ее, как бы возникает величаво-строгая тень того, чьи пронизательные очи не оставались равнодушными к тому, как нас готовили и как снаряжали в предстоявший нам жизненный путь.

В. С. Соловьев. Памяти императора Николая I

Могучий Самодержец, которого сегодня благочестиво поминает Русское царство, не был только олицетворением нашей внешней силы. Если бы он был только этим, то его слава не пережила бы Севастополя. Но за суровыми чертами грозного властителя, резко выступавшими по требованию государственной необходимости (или того, что считалось за такую необходимость), в императоре Николае Павловиче таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала, поднимавшее его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего общественного сознания, не перед одною же внешнею силой преклонился гений Пушкина и не одна грандиозность привязала к государю сердце поэта! Лучшая сторона характера и образа мыслей императора Николая I, хорошо знакомая в кругах, близких к престолу, скрывалась и доселе скрывается для большинства за подавляющим обликом державного великана. В нынешний день, когда всюду поется вечная память императору Николаю Павловичу, хорошо напомнить именно эту, менее известную, человеческую и духовную сторону его личности: земное величие проходит; для императора, потрясенного и сокрушенного внешними неудачами и внутренними разочарованиями, — блеск этого ве-

личия померк еще ранее смертного часа, — только добро и правда, связанные с высшею природой человека, достойны вечной памяти.

Когда после трагической смерти Пушкина появилось письмо Жуковского к его отцу с описанием последних дней великого поэта, одно обстоятельство могло показаться странным и загадочным, именно поручение государя: «Скажи Пушкину, что я его прощаю». К чему, собственно, относилось это прощение? И почему государь как будто брал на себя то, что принадлежит к обязанности духовника? Конечно, дуэль, будучи тяжким грехом, есть вместе с тем легкий проступок против законов государственных, но за этот проступок смерть была уже и так слишком большим искуплением. В последние годы обнародованные по этому делу документы и известия разъяснили недоумение, «к новой славе императора Николая Павловича». Сердечно полюбивший поэта, гордившийся своим Пушкиным, государь знал его необузданный характер и боялся за него. С нежною заботливостью следил он за его поступками и после первой несостоявшейся дуэли призвал его и потребовал от него *честного слова*, что в случае необходимости новой дуэли он прежде всего даст об этом знать ему, государю. Но в деле ложной чести была забыта первая обязанность честности. Если бы Пушкин исполнил данное им слово, Россия не потеряла бы своей лучшей славы, и великодушному государю не пришлось бы оплакивать вместе с гибелью поэта и свое рыцарское доверие к человеку. Было здесь что прощать, и есть в этом деле за что помянуть вечною памятью императора Николая II!

Еще более характерно его отношение к Ю. Ф. Самарину в тяжелый 1849 г., когда под впечатлением революционного движения в Европе император счел себя вынужденным усилить строгость правительственных мер. Притом дело шло не о знаменитом поэте, которым восторгалась вся Россия и которым государь должен был дорожить уже из одного патриотического чувства: дело шло о начинающем чиновнике, который тогда успел заявить себя только неумеренной ревностью к обрусению Остзейского края, вопреки видам государя и местной администрации: Самарин был обвинен в том, что он нарушил служебный долг, распространяя рукописную книгу со вверенными ему по службе секретными документами и с проповедью насильственного введения православия и русской народности в Прибалтийских губерниях. За обвиненного могло говорить только то, что государь когда-то знал его родителей. Самарин подлежал суду, но император «своею, — как он сам выразился, — дес-

потическогою властью» велел посадить его в крепость, через несколько дней послал к нему для беседы своего духовника, а затем потребовал его к себе и имел с ним наедине в высшей степени замечательный разговор. Упрекнув Самарина за формальное нарушение служебных обязанностей, государь обратился к содержанию книги: «Вы, очевидно, — сказал он, — возбуждали вражду немцев против русских, вы ссорили их, тогда как следует их сближать; вы укоряете целые сословия, которые служили верно: начиная с Палена, я мог бы высчитать до 150 генералов. *Вы хотите принуждением, силой сделать из немцев русских*, с мечом в руках, как Магомет: *но мы этого не должны именно потому, что мы — христиане*. Вы писали под влиянием страсти: я хочу думать, что она была раздражена личными неприятностями и оскорблениями. И далее: «Вы пишете: если мы не будем господами у них и т. д., т. е. если немцы не сделаются русскими, русские сделаются немцами; это писано было в каком-то бреде. *Русские не могут сделаться немцами; но мы должны любовью и кротостью привлечь к себе немцев*». В заключение государь сказал: «Теперь вы должны совершенно перемениться, служить, как вы присягали, верой и правдой, а не нападать на правительство. Мы все так должны служить; я сам служу не себе, а вам всем; *я обязан наводить заблуждающихся на путь истины*: но я никому не позволю забываться: я не должен этого по той же самой присяге, которой и я верен. Теперь это дело конченное: помиримся и обнимемся... Поезжайте теперь в Москву и успокойте ваших родителей; поезжайте завтра, если соберетесь; ступайте сейчас к министру внутренних дел и скажите ему, что я вас отпускаю»... Двадцать лет спустя Самарин писал: «Я благодарен судьбе, доставившей мне случай видеть покойного императора с глазу на глаз, слышать прямодушную речь его и унести в память из кратковременного с ним свидания образ исторического лица, неожиданно передо мной явившегося в строгой и благородной простоте своего обаятельного величия»¹.

Но наше впечатление не ограничивается этим. Кроме великодушного характера и человеческого сердца в этом «железном великане», — какое ясное и твердое понимание принципов христианской политики! «Мы этого не должны, именно потому, что мы — христиане», — вот простые слова, которыми император Николай I «опередил» и свою и нашу эпоху, вот начальная истина, которую приходится напоминать нашему обществу! В последние дни в выс-

¹ Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. VII, с. 90—96.

шей степени своевременно напомнил их нам знаменитый государственный человек, начавший свое полувековое служение в царствование Николая I. «В вопросах верования народного, — пишет К. П. Победоносцев в начале своей замечательной книги, — государственной власти необходимо заявлять свои требования и устанавливать свои правила с особливою осторожностью, чтобы не коснуться таких ощущений и духовных потребностей, к которым не допускает прикасаться самосознание народной массы. Как бы ни была громадна власть государственная, она утверждается ни на ином чем, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: подкапывается с той минуты, как начинается раздвоение этого, на вере основанного, сознания. Народ, в единении с государством, много может понести тягостей, много может уступить и отдать государственной власти. Одного только государственная власть не вправе требовать, одного не отдадут — того, в чем каждая верующая душа в отдельности и все вместе полагают основание духовного бытия своего и связывают себя с вечностью. Есть такие глубины, до которых государственная власть не может и не должна касаться, чтобы не возмутить коренных источников верования в душе у всех и каждого»¹.

Эти прекрасные слова выражают истину общего значения, особенно важную в такой стране, где — как у нас в России — народная масса разделена на многие племенные и религиозные группы и где так легко под благовидным предлогом отдаться той неразумной антихристианской ревности, которую с такою несокрушимою простотой император Николай I обличил и осудил в молодом славянофильстве. Ограждая от внешних принудительных требований и правил то, «в чем, — по превосходному выражению К. П. Победоносцева, — каждая верующая душа в отдельности и все вместе полагают основание духовного бытия и связывают себя с вечностью», — должны ли мы исключить при этом все те души, которые веруют иначе, чем мы, и не по-нашему связывают себя с вечностью, — должны ли мы признать их веру не за веру и их душу не за душу? Из-за сводов царственной гробницы звучит величавый ответ: «Нет, не должны, именно потому, что мы — христиане». Провозглашая ныне вечную память императору Николаю I, забудем ли мы лучший из его заветов!?

¹ «Московский сборник», изд. К. П. Победоносцева. М., 1896, с. 1—2.

Настоящее издание рассчитано на широкий круг читателей и впервые собирает под одной обложкой редкие и преимущественно неизвестные современному книголюбу материалы, с малоизвестных сторон показывающие своеобразие личности и особенности правления Николая I. Структура и композиция книги обусловлены задачей дать по возможности объективное, многоплановое, зафиксированное в неожиданных и новых ракурсах, с неодинаковой временной дистанции представление о жизнедеятельности царя, о государственных и общественных процессах того времени.

В первом разделе речь идет о свободе как об одной из основных ценностей человеческого бытия, православное понимание которой является фундаментом монархической государственности и объясняет главенство нравственного долженствования в сознании русского царя и его истинных подданных. Произнесенные в день рождения государя «слова» выдающихся иерархов Православной Церкви, будущего знаменитого архиепископа Таврического и Херсонского Иннокентия (Борисова) и митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), причисленного недавно к лику святых, раскрывают смысл христианского учения о духовной свободе как независимости людей от рабства низшим страстям и греховным началам своей собственной природы и их добровольном следовании евангельским заповедям. Этот религиозно-монархический смысл подчеркивает и А. С. Хомяков, когда пишет, что призвание России по отношению к другим народам — «сказать им таинство свободы», т. е. раскрыть подлинную свободу как живой плод христианского духа в противоположность ложной свободе как иному виду духовного рабства.

Второй раздел включает личные письма, мемуары, речи, манифесты Николая I, позволяющие судить о его мировоззрении и индивидуальности, устремлениях во внешней и внутренней политике, военных и строительных планах, родительских и гражданских чувствах и т. д. Читатель получает возможность услышать неповторимые интонации голоса самого императора, прояснить внутреннюю логику и стиль его мышления, оценить его понимание предназначения России в мире, высоту и значительность царских помыслов, а также неизбежные, как для любой личности, заблуждения и ошибки.

В третьем разделе приведены малодоступные дневниковые записи и воспоминания матери, жены и дочери Николая I, записанные по свежим следам его кончины, впечатления и раздумья государственного деятеля Д. Н. Блудова, писателя П. А. Вяземского, разнообразные материалы, конкретные характеристики и общие оценки правления Императора в работах историка Н. Д. Тальберга, ученого Ф. А. Бредихина, философа В. С. Соловьева. Даваемые редакциями журналов пояснения в материалах полностью сохраняются в осуществляемой публикации. Встречающиеся в них инициалы П.Б. означают имя и фамилию известного издателя «Русского Архива» Петра Бартенева.

Во всей книге орфография, пунктуация и грамматические формы в дореволюционных текстах сохраняются в первоначальном виде, за исключением исправлений букв Ъ (ять), ь (ер), І (и десятиричное).

Материалы внутри каждого раздела расположены, как правило, в хронологическом порядке, а в комментариях к ним приводятся краткие справки об отдельных лицах, непосредственно связанных с публикациями и характерно представляющих николаевскую эпоху в том или ином отношении (духовным обликом или идейной логикой, линией поведения или выразительными чертами и т. п.).

Входящие в раздел материалы печатаются по следующим изданиям:

Слово в день рождения Благочестивейшего Государя, Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссийского, сказанное в Киево-Печерской Лавре Киевской Духовной Академии Ректором Братским Архимандритом Иннокентием, июня 25 дня, 1832 года. Киев: Тип. Акад. при Киевопечерской лавре, 1834.

Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича (Говорено в Успенском соборе июня 25 дня). 1851 год // В кн.: Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. М.: Изд-во «Отчий дом», 1994, с. 274—279.

Архимандрит Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов), будущий архиепископ Херсонский (1800—1857) является одним из наиболее ярких церковных деятелей в эпоху Николая I. Еще в Киевской духовной академии он обнаружил необыкновенную даровитость, а его студенческие проповеди были отмечены знаменитым митрополитом Евгением (Болховитиновым). После окончания академии преподавал в Санкт-Петербургской духовной семинарии, возглавлял Александро-Невское духовное училище, а затем был назначен архимандритом Сергиевой пустыни. Широкому кругу читателей его имя стало известно после издания в «Христианском чтении» (1828—1830) «Последних дней земной жизни Господа нашего Иисуса Христа», где он впервые в России применил так называемый историко-археологический метод для описания событий Священной истории через отношение к ним фарисеев, учеников Христа и самого Богочеловека.

Будучи ректором Киевской духовной академии (1830—1841), когда и было составлено публикуемое в настоящей книге «Слово», архимандрит Иннокентий коренным образом изменил систему обучения, приблизив ее к современной жизни, отменил преподавание теологии на латинском языке, осуществил нововведения в общеобразовательных дисциплинах (истории, философии, литературе) и других предметах. По признанию современников, время его ректорства в Киеве составляет выдающийся период в развитии высшего богословского образования в России. Синодальный обер-прокурор, посетив в 1837 г. возглавлявшуюся им академию, нашел ее в превосходном состоянии и докладывал царю «о новом блестящем даровании красноречия духовного, достигшем полного развития» в ней. Государь даровал ректору орден св. Владимира 3-й степени.

В киевский период во всей полноте раскрылся и проповеднический дар архимандрита Иннокентия. По свидетельству митрополита Макария (М. П. Булгакова), «для слушания его слов, всегда произносившихся без пособия тетради... стекались несметные толпы: имя Иннокентия, как затмившего собою всех проповедников, когда-либо бывших в Киеве, переходило из уст в уста». Многочисленные издания его «слов» и «Седмиц» («Первая седмица Великого поста», «Страстная седмица», «Светлая седмица») с большим интересом читались и перечитывались во всех сословиях — от простых обывателей до придворных кругов. В его проповедях, как и в приводимой публикации, проявилась тонкая отзывчивость на «невидимые» немощи современного человека (душевная холодность при утонченном раздвоении ума, идейная запальчивость при невнятном осмыслении чуждых новшеств и т. п.). Во время Крымской войны он проповедовал на бастионах и в военных лагерях; образцы его духовной патриотической публицистики составили «Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского».

Не оставляя ректорства и проповедничества, Иннокентий был настоятелем Братского, затем архимандритом Михайловского монастыря, а позднее рукоположен в сан епископа Чигиринского, викария Киевской митрополии. В 1841 г. возглавил Харьковскую, а в 1848 г. Херсонскую епархию в Одессе, которой руководил до конца жизни. В области церковного управления, как и в других сферах своей деятельности, он был последовательным сторонником, а часто и инициатором необходимых преобразований, способствовал восстановлению упраздненных и открытию новых монастырей и скитов ради осуществления миссионерских задач,

заботился о сельских приходах и народных школах, усиленно боролся против раскольников и сектантов. Как епархиальный архиерей он являл собой пример для священнослужителей необыкновенной доступностью и внимательнейшим отношением к пастве, защищая простой народ в случаях произвола помещиков.

Обширные познания и энциклопедическая образованность, многообразные связи в высшем обществе и правительственных кругах, а также среди деятелей науки и литературы давали возможность Иннокентию принести много пользы и вне его непосредственных иерархических обязанностей. По поручению великого князя Константина Николаевича он написал для Морского устава главу о положении священников на флоте. Ему же принадлежит редакция законодательства о браке. Для киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова он составил записку «Об устройстве Киевского университета». Состоял в переписке с такими государственными и военными деятелями, как С. С. Уваров, А. С. Норов, П. Д. Киселев, Я. И. Ростовцев, А. С. Меншиков, И. Ф. Паскевич и др.

Иннокентий не чужд был и светской культуре, отдавая дань внимания научным и литературным вопросам в области астрономии и космографии, этнографии и нумизматики, христианских древностей и восточных религий, русского и славянского народного творчества. В 1836 г. его избрали членом Российской академии по отделению русского языка и словесности. Он был близок или хорошо знаком с Н. В. Гоголем, М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым, А. К. Толстым, А. С. Хомяковым, Н. В. Кукольниковым, А. И. Кошелевым, М. А. Максимовичем, Н. Ф. Щербиной и другими писателями, литераторами и учеными. Его проповеди, получившие европейскую известность, перепечатывались в светских газетах и журналах.

Николаевская эпоха связана и с именем митрополита Московского Филарета (1782—1867), в миру Василия Михайловича Дроздова, который соединил в себе качества церковного иерарха и ученого богослова, государственного мужа и подвижника благочестия, проповедника и поэта. Современники именовали его Митрополитом Всероссийским, «природным Патриархом» Русской Православной Церкви. В Синодальном отчете за 1867 г. писалось: «В продолжение нескольких десятилетий духовное правительство обращалось к его мудрости и опытности в делах высшего церковного управления, выслушивало его мудрое слово, пользовалось его советами и указаниями при всякой, сколько-нибудь важной мере, предпринимаемой по духовному ведомству, при обсуждении всех важнейших вопросов... Можно сказать: в течение более полувека не было ни одного церковного дела, в котором бы не принимал деятельного участия великий иерарх Московский».

После окончания Коломенской, а затем Троицкой Лаврской семинарии Филарет преподавал в последней греческий, еврейский языки и поэзию. В 1808 г. он принял монашество и был назначен инспектором и профессором философии в духовную академию Санкт-Петербурга, которую затем возглавлял с 1812 по 1819 г. За это время он приобрел большую известность не только учебно-педагогической и научной деятельностью, но и проповедями (например, «Слово на смерть Кутузова»), а также усилиями по переводу Священного Писания на русский язык.

В 1821 г. архиепископ Филарет, после того как он возглавлял епархии в Ревеле и Твери, был переведен в Москву, а в начале царствования Николая I — возведен в сан митрополита. По поручению императора Александра I он участвовал в составлении манифеста, тайно хранившегося в Успенском соборе Кремля, о назначении великого князя Николая Павловича наследником престола. Открытие архиепископом Филаретом вверенной тайны о престолонаследии и его продуманные действия в период декабристских волнений в большой степени способствовали успокоению народа.

Непрестанные и разнообразные труды наполняли всю жизнь митрополита Филарета. Он вел обширную благотворительную деятельность, входил в Московский тюремный Комитет, принимал деятельное участие в борьбе с расколом и сектантством, а также в воссоединении западнорусских униатов с Православной Церковью, в составлении манифеста об освобождении крестьян, мужественно попечительствовал о пастве в холерные эпидемии 1830—1831, 1847—1848 и 1853—1854 гг.,

постоянно покровительствовал Оптиной Пустыни, заботился о чистоте древне-церковного пения и устройении Гефсиманского скита при Троице-Сергиевой Лавре. Последняя занимала в его сознании особое место. Он любил служить в ней в день преподобного Сергия, лично возглавлял молебен перед святыми мощами до начала всенощной и читал акафист. Во время же всенощной, после первой кафизмы, выходил на амвон, садился в архиерейское кресло перед царскими вратами и раскрывал перед народом житие преподобного. О духовном значении Троице-Сергиевой Лавры говорил он в одной из проповедей: «Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятыя Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и Ангелы восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной келий, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий преподобного Сергия, который орошен дождем слез его... Дайте мне облобызать порог ее сеней, который истерт ногами святых и через который однажды переступили стопы Царицы Небесной... Ведь это все здесь: только закрыто временем или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге. Откройте мне ковчег, покажите сокровище: оно непохитимо и неистощимо; из него, без ущерба его, можно заимствовать благопотребное — безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования».

Стяжаемые плоды «благопотребного» проявлялись и в проповедях Филарета. И. Н. Корсунский писал, что его проповедническая деятельность при всей универсальности «касалась всевозможных предметов догматического, нравственного, исторического и т. д. характера, затрагивала по возможности и нужде все события того времени, как со стороны внешней политики, так и со стороны внутреннего состояния империи, Церкви и московской епархии, самонаименования жизни общественной и частной, церковной и гражданской, высшей духовной и низменной обыденной и т. д., так что нужно было удивляться, как на все это хватало слабого телом Филарета, при множестве других видов и сторон его разнообразной деятельности. Недаром... утвердилось за Филаретом Московским название «Филарета Мудрого»... Поистине он вполне заслужил имя учителя Церкви не только московской, но и русской, не только русской, но и вселенской».

Мудрость Филарета позволяла ему провидеть будущее и говорить: «Когда я смотрю на малолетних детей, я не могу остаться равнодушным от мысли, что они должны будут, бедные, вытерпеть в сию пору». О его пророческом даре можно судить и по свидетельству преподобного Амвросия Оптинского: «Запомнил я слова митрополита Филарета, который не советовал делать ризы на иконы, потому что приближается время, когда неблагонамеренные люди будут снимать ризы с икон».

Московский святитель полагал, что негативным тенденциям истории, о которых речь заходит в публикуемом настоящем издании «Слове...» в связи с понятием «внешней свободы», способна противостоять богоустановленная монархическая государственность, в своих принципах предполагающая развитие положительных начал «внутренней свободы». Поэтому он стремился сохранять чистоту и высоту этих принципов, нарушения которых со стороны государственных чиновников любого ранга отнюдь не способствовало укреплению монархии. Его прямому осуждению подвергались, например, такие «нововведения»: «Данное жандармской команде право доносить со слухов и безо всякой ответственности за ложные сведения стясняет свободу администрации и, как похожее на слово и дело, лишает подданных спокойствия». Весьма показателен и его отказ, несмотря на пожелание царя, освящать Триумфальные ворота в Москве, украшенные изображениями языческих богов. Многократно и искренне отмечая духовную мудрость самодержца, он вместе с тем не мирился с противоречившими ей решениями и действиями императора.

Филарет отстаивал внутреннюю независимость Церкви, в иерархической подчиненности и соработничестве с которой государство и получает неискаженное направление и достойное содержание своей деятельности, сопротивлялся попытками превратить ее в «ведомство православного исповедания». Он считал, что в противном случае духовная закрепощенность и бюрократические узы не пресекут, а лишь ускорят перенесение революционных процессов на русскую почву. Выводы его были не утешительны: «Кажется, уже и мы живем в предместьях Вавилона, если не в нем самом». С тем большим усердием он исполнял свой долг перед Богом в «словах и речах», в церковной и общественной деятельности. По словам о. Георгия Флоровского, «в нем поражает, прежде всего, это неусыпающее чувство ответственности, — именно эта черта делала его облик таким строгим. В этом чувстве ответственности скрещивались мотивы пастырские и богословские. О Филарете верно было замечено, что «был он епископом с утра до вечера и от вечера до утра».

Духовная строгость и ответственность митрополита Филарета проявились и в его отношениях с выдающимися писателями-современниками. Еще будучи ректором Петербургской академии, он помог Г. Д. Державину преодолеть недопонимание со стороны духовной цензуры и опубликовать стихотворение «Христос». Его известная стихотворная переписка с А. С. Пушкиным оказала свое влияние на жизнь и творчество последнего. Не без воздействия проповедей митрополита избрал Н. В. Гоголь жанр «Выбранных мест из переписки с друзьями», получивших доброжелательную критику первого. Неизгладимый образ Филарета московского запечатлелся в сознании Ф. И. Тютчева, присутствовавшего в Троице-Сергиевой Лавре на торжественном богослужении по случаю 50-летнего юбилея его архиерейского служения: «Маленький, хрупкий, сведенный к простейшему выражению своего физического существа, но с глазами полными жизни и ума, он непобедимой высшей силой господствовал над всем, что происходило вокруг него. Пред своим апофеозом он оставался совершенством простоты и естественности; казалось, что он принимает все эти почести только затем, чтобы передать их кому-то другому, чьим случайным представителем он теперь является. Это было прекрасно! Воистину то был праздник духа».

II. От первого лица

Материалы, составляющие первую часть (записки, речи и манифесты) раздела, воспроизводятся по следующим публикациям:

Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно. Рукописный Отдел Собственных Его Величества Библиотеки Зимнего Дворца. Шкаф V, полка 2, карт. 65, № 1992/а. Спб., 1906.

Сочинение В. К. Николая Павловича о Марке-Аврелии // Русская Старина, 1874, № 2, с. 252—267.

Записки Николая I // В кн.: Междуцарствие и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.—Л.: Гос. изд-во, 1926, с. 11—35.

Собственноручная записка Императора Николая 1830 года. «*Ma Confession*»¹. (Политическая исповедь Императора Николая) // В кн.: Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. Приложения. Спб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908, с. 121—123.

Речь Императора Николая Павловича римско-католическим епископам в 1844 г. // Русская Старина, 1892, № 6, с. 590—592.

Записки Имп. Николая Павловича о прусских делах // Русская Старина, 1870, № 6, с. 558—562.

¹ «Моя исповедь» (фр.).

Высочайший Манифест 14 марта 1848 г. // В кн.: Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. Приложения. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908, с. 145.

Император Николай Павлович в его речи к депутатам Санкт-Петербургского дворянства, 21 марта 1848 г. // Русская Старина, 1883, № 9, с. 593—596.

Император Николай и освобождение христианского Востока // Русская Старина, 1892, № 10, с. 37—44.

Собственноручная записка Николая I о войне с Турцией // В кн.: Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 2. Приложения. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912, с. 274—276.

Воззвание, написанное собственноручно Императором Николаем // В кн.: Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 2. Приложения. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912, с. 331.

Собственноручно написанный и исправленный Императором Николаем манифест 11 апреля 1854 г. // В кн.: Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 2. Приложения. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912, с. 242.

Письма, входящие во вторую, эпистолярную, часть раздела, публикуются по изданиям:

Письмо Великого Князя Николая Павловича к архиепископу Московскому Августину по случаю рождения Великого Князя Александра Николаевича. 1818 // Русский Архив, 1905, № 9, с. 129.

Высочайшая грамота на имя Филарета Московского // Журнал министерства народного просвещения, 1868. Ч. 137. № 1, с. 28.

Письмо императора Николая I к гр. Витгенштейну 15 декабря 1825 года // Русская Старина, 1870, № 12, с. 531.

Император Николай Павлович и Карамзин в последние его дни. Их переписка // Русский Архив, 1906, № 1, с. 122—127.

Из переписки Николая I и Константина Павловича // В кн.: Междоусобица и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М. — Л.: Гос. изд-во, 1926, с. 214—220.

Письмо императора Николая I А. Х. Бенкендорфу // Русский Архив, 1884, № 1, с. 186.

Император Николай — великому князю Михаилу Павловичу // Русская Старина, 1905, № 5, с. 225—227.

Письма императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу // В кн.: Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М.: Изд-во Моск. у-та, 1999, с. 127—154.

Приложение к письмам императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу: Инструкция и Наставление цесаревичу // В кн.: Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М.: Изд-во Моск. у-та, 1999, с. 21—26.

Письмо Императора Николая Павловича к сыну его Великому Князю Николаю Николаевичу // Русский Архив, 1896, № 3, с. 401.

Письмо Императора Николая Павловича в Палермо к дочери его Великой Княжне Ольге Николаевне // Русский Архив, 1896, № 4, с. 605—606.

В содержательную основу первой части второго раздела входят переведенные с французского языка записи Николая I о детских годах и событиях 14 декабря 1825 года, подлинники которых хранятся в фондах коллекции Библиотеки Зимнего дворца и Государственного архива Российской Федерации. «Воспоминания о младенческих

годах...» были изданы в 1906 г. в количестве лишь 50 экземпляров (факсимиле, русский текст, французский перевод) и стали библиографическим раритетом.

«Записки Николая I» составлялись в три приема — в 1831, 1835 и 1848 гг. Цесаревич Александр Николаевич рассказывал М. А. Корфу, что существовала еще одна часть (утраченная) мемуаров, где речь шла о тех днях ноября 1825 года, когда в Петербурге было получено известие о кончине Александра I. Записки царя отчасти использовались и воспроизводились в книгах М. А. Корфа «Восшествие на престол Императора Николая I» (1857), Н. К. Шильдера «Император Николай Первый: Его жизнь и царствование» (1903), П. Е. Щеголева «Николай I и декабристы» (1919), в журналах «Былое» (1907, № 10) и «Красный Архив» (1924, № 6). Однако в полном и сверенном с оригиналом виде они впервые были опубликованы в сборнике «Междоусобица и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи» (1926).

Следует подчеркнуть, что воспоминания Николая I являются источником первостепенной важности. Они отличаются живой непосредственностью, написаны, говоря его собственными словами, «от прямой души». Причем это прямодушные, естественные, ясность мысли и чувства никогда не теряются (лишь изредка приобретая оттенок риторической выпренности), а лишь по-разному выражаются, становятся резкими, гневными, сдержанными, снисходительными, сентиментальными и т. д. в зависимости от предметов или тем, ситуаций или лиц, входивших в поле зрения мемуариста.

Подобные же качества проявляются в речах, манифестах и воззваниях царя, которые (идет ли речь о политических притязаниях католических священников в России, о разложении прусской монархии, о революционных волнениях в Европе, о соперничестве держав на Ближнем Востоке, о взаимоотношениях дворянства и крестьянства в родном отечестве) проникнуты духом долга, чести, справедливости, укрепления православной веры и национального достоинства. И всегда он стремился сохранить верность незыблемым принципам, сложившимся союзам, принятым договоренностям с другими государствами (нередко получая в ответ тихую измену), оставался, говоря словами К. Н. Леонтьева, «истинно великим легитимистом», призванным «задержать на время всеобщее разложение, имя которому — революция». Наглядное тому свидетельство — переведенная с французского языка политическая исповедь Николая I, где в связи с «позорной июльской революцией» 1830 г. во Франции он говорит о «незаконных демаршах» Карла X, о «пагубной низости» закулисных действий, о «благородном пути» справедливости, сражающейся с «инфернальным началом», о недопустимости двойных стандартов и «фальшивого поведения» и т. п.

Особое впечатление на общественное мнение в России и за ее пределами произвел антиреволюционный манифест царя от 14 марта 1848 г. Согласно записи в дневнике барона М. А. Корфа, раздалось громкое, несомлаемое «ура», когда его огласили командирам и адъютантам гвардейских войск. В храмах, вслед за чтением манифеста, пелся тропарь «Спаси, Господи, люди Твоя». Наряду с возбужденными и одобрительными раздавались и более сдержанные, недоумевающие голоса. Подобное обращение к народу находили преждевременным, не вызванным непосредственными обстоятельствами, поскольку государству не угрожала прямая опасность. В Европе манифест толковался не менее разнообразно, хотя и на свой лад. Одни видели в нем гордый вызов, обращенный северным гигантом торжествующей революции, другие — лишь подтверждение политического кредо императора: «не тронь меня, я никого не трону», третьи с упованием и надеждой смотрели на Россию, которая, по словам одного из церковных иерархов, «стала непоколебимо, яко гора Сион, среди всемирных треволнений».

Материалы, относящиеся к восточной политике и началу Крымской войны, интересны стремлением царя преодолеть односторонний и нарушаемый европейскими государствами легитимизм, найти нравственную и религиозную поддержку среди православного населения угнетенных славян.

Николай I с увлечением изучал биографии самых разных правителей, и его юношеское сочинение о римском императоре-стойке Марке Аврелии свидетельствует о том, какое большое значение он придавал исторической миссии, возлагаемой Провидением на государей. Свое понимание предназначения монарха он целеустремленно доносил и до наследников.

С этой точки зрения в эпистолярной части второго раздела можно выделить письма Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу, которые как бы соединяют «внутреннее» и «внешнее», позволяют пролить свет глубоко личностного и интимного осознания главнейших вопросов, которое обычно скрыто от постороннего взора, но незримо сказывается в конкретных шагах и усилиях практической политики. Переписка царя с наследником, будущим инициатором «великих реформ», связана с семимесячным (со 2 мая по 10 декабря 1837 г.) путешествием последнего по России. В соответствующих инструкциях и указаниях отец так определял задачи сыну: «Путешествие Наследника имеет двоякую цель: узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным... Я хочу, чтобы Великий Князь совершил путешествие свое с наибольшею пользою; чтобы обозревал все, достойное примечания, с надлежащей точки, чтобы видел вещи так, как они есть, а не поэтически; поэзия в сторону, я не люблю ее там, где нужна существенность; Великий Князь должен знать Россию так, как она есть».

Составленные царем руководства, содержавшие элементы своеобразного протокола и технической регламентации, предполагали беспристрастное и непредубежденное ознакомление со всеми сословиями, профессиональными группами и категориями населения, с дворянством и купечеством, чиновничеством и военными, больными и заключенными, ссыльными и раскольниками и т. д. Призывая девятнадцатилетнего путешественника набираться полезных знаний и опыта для должного управления Россией и оказывать равновеликое внимание всему, он тем не менее ставит на первый план посещение храмов, монастырей и мест «особого Богомыслия», просит сына исполнять «все обряды с подобающим уважением к Святыне» и уповать на Божью милость — «на Него одного клади надежду».

И действительно, после напутственного молебна в Казанском Соборе Петербурга цесаревич в каждом новом городе направляется в первую очередь в храм. В его своеобразных письмах-отчетах отцу часто встречаются фразы: «сразу же в собор» или «прямо в собор». Особенно запомнились ему Ипатьевский монастырь, «столь достопамятный для нашей семьи», Донской и Даниловский монастыри в Москве, «примечательные по своим историческим воспоминаниям», которые показывал митрополит Филарет, а также подземная церковь в Киево-Печерской лавре, «в которой ты слушал литургию в 1816 году».

За семь месяцев наследник престола вместе со своими спутниками (воспитателями, наставниками, преподавателями, друзьями) проделал путь в 20 тысяч верст, посетив Великий Новгород, Тверь, Ярославль, Углич, Юрьев Польский, Кострому, Вятку, Пермь, Екатеринбург, Тобольск, Курган, Оренбург, Уральск, Казань, Симбирск, Саратов, Пензу, Тамбов, Воронеж, Тулу, Калугу, Рязань, Смоленск, Брянск, Малоярославец, Бородино, Нижний Новгород, Орел, Курск, Харьков, Николаев, Одессу, Севастополь, Геленджик, Керчь, Ялту, Екатеринослав, Киев, Полтаву, Таганрог, Москву и другие города. Не только соборы и монастыри, но железоплавильные заводы и гранитные фабрики, смиренные и воспитательные дома, артиллерийские батареи и уланские полки, больницы и госпитали, богадельни и остроги, гимназии и лицеи, пожарные команды и биржи становятся предметом пристального внимания Александра Николаевича. Он вникает в самые разные дела, находя в них то «примерный порядок», то «ветхое положение» и получив за время путешествия около шестнадцати тысяч прошений, часть из которых передавалась местным властям, другие пересылались в соответствующие министерства, а наиболее важные отправлялись на высочайшее рассмотрение. В нескольких письмах сын просил о «прошении некоторых несчастных» декабристов, которых он встретил в Ялutorовске и Кунгуре, и отец ответил благосклонным решением о смягчении их участи. «Никто не побуждал его к состраданию, — писал В. А. Жуковский о наследнике его матери, импе-

ратрице Александре Федоровне, — он сам с прелестной сыновней свободой и доверенностью высказал все Государю... Боже мой! Какими глазами будет смотреть Россия на этого милого сына царского! Какое восхищение произведет на всех этот новый союз милосердия между отцом, умевшим в свое время быть правосудно-строгим и грозным, и сыном, которого юношеский умоляющий голос так легко претворил строгость в помилование! Сколько ран будет исцелено и сколько слез и молитв благодарных прольется пред Богом за отца и сына. Вчера, выезжая в Симбирск и видя толпу народа, которая с криком бежала за коляскою наследника, я не мог не заплакать и про себя повторять: беги за ним, Россия, он стоит любви твоей».

Сопровождавший цесаревича Жуковский назвал его путешествие «венчанием с Россией», с которой будущий император Александр II сближался не только, так сказать, географически, но и исторически. В одном из писем он признается отцу в невыразимых чувствах, возникающих в его душе при виде Бородинского поля, где «столько пролито крови, с одной стороны, за спасение Царя и Отечества, и с другой — по милости одного ненасытного честолюбца». Особое его внимание привлекает и другое поле, где в свое время развернулась Полтавская битва, — «никогда сердце русское не может хладнокровно смотреть, вспомнив, что на сем месте решилась судьба нашего Отечества. Великий Петр положил этим основание великой России, которая благодаря ему сделалась тем, что она теперь есть». При входе же в Успенский собор Кремля история в сознании цесаревича соединяется с будущим, традиция — с ответственностью за собственное предназначение: «в этом священном месте» ему «придется дать обет пред Богом блюсти ему за Россию!»

Николай I мог считать выполненной поставленную перед наследником главную задачу, которую он одновременно вопросительно и призывно раскрывал перед ним через три недели после начала путешествия: «Не чувствуешь ли ты в себе новую силу подвизаться на то дело, на которое Бог тебя предназначил? Не любишь ли отныне еще сильнее нашу славную, добрую Родину, нашу матушку Россию. Люби ее нежно; люби ее с гордостью, что ей принадлежит и Родниной называть смейся». Но уже спустя два месяца сын отвечал отцу вполне утвердительно: «Я ежедневно живу и чувствую более и более всю важность путешествия, из которого я постараясь извлечь всю возможную пользу, чтобы быть впоследствии полезным нашей матушке России и тебе, милый, бесценный Папа, нашему обожаемому Государю... видя землю Русскую теперь изблизи, более и более привязываюсь к ней, считаю себя счастливым, что Богом предназначен всю жизнь ей посвятить».

Царь с большим удовлетворением и эмоциональной приподнятостью встречал подобные мысли и чувства, о чем и свидетельствуют публикуемые в настоящем издании его ответные послания наследнику. В этих письмах проявляется также хорошее знание конкретных реалий в разных сферах российской жизни, ясное понимание нехватки «благмысленных исполнителей» (сравниваемых, как и цесаревичем, с персонажами из «Ревизора»), увлеченность военными смотрами и маневрами. Характерны также даваемые сыну советы, в которых обнаруживается присущее отцу стремление соблюдать строгую справедливость, осторожность в оценках, судить о людях по имеющимся добродетелям, действительным достижениям, заслуженному уважению, а не по заинтересованному и корыстному чинопочитанию.

Будет уместным сравнить печатаемую в приложении к письмам инструкцию с той, что на следующий год была вручена цесаревичу уже для заграничного путешествия. «Прошлый 1837-й год ознаменован для тебя важным событием, любезный Саша, — писал Николай I. — Ты ознакомился с Россией, и Бог благословил твое путешествие, которое произвело везде наилучшее впечатление. Тебя увидели и провожали как свою дорогую Надежду — да будет так!

Ныне настало время другого, не менее важного дела. Ты покажешься в свет чужеземный с тою же отчасти целию, то есть узнать и запастись впечатлениями, но уже богатым знакомством с родимой стороной, и видимое будешь беспрестанно сравнивать без всякого предубеждения. Многое тебя прельстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания, и что многое, достойное уважения там, где есть, к нам приложено быть не может; мы

должны всегда сохранить нашу национальность, наш отпечаток, и горе нам, ежели от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость! — Но чувство это не должно отнюдь тебя сделать равнодушным или еще менее пренебрегающим к тому, что в каждом Государстве или краю любопытно или отличительно. Напротив, вникая, знакомясь и потом сравнивая, ты много увидишь и узнаешь полезного и часто драгоценного тебе в запас для возможного подражания.

Всегда ты должен помнить, что на тебя не только с любопытством, но даже с завистью будут глядеть. Скромность, приветливость без притворства и откровенность в твоём обращении всех к тебе хотя и нехотя расположат. Будь везде почтителен к Государям и их семействам, не оказывая малейшего различия в учтивости к тем, которые, к несчастью, не пользуются добрым мнением; ты им не судья, но посетитель, обязанный учтивостию к хозяевам. — Оказывай всегда полное уважение к церковным обрядам и, посещая церкви, всегда крестись и исполняй, что по их обрядам в обычае. — Быв со всеми приветлив, будь особенно ласков с военными, оказывай всегда войскам должное уважение предпочтительно перед прочими. — Не позволяй себе никаких политических суждений, избегай сих разговоров и вообще слушай. Рассуждай про себя и только в необходимости отвечай, и тогда всегда по совести.

Требуя от тебя, чтоб ты всегда советовался с К<нязем> Ливенѣм и Александром Александровичем¹ во всех случаях, где они сочтут нужным для тебя предупредить, и уважай их мнение. С нашими посланниками будь почтителен и не пренебрегай их советами. Где Русских встречать будешь, обходись, как дома делаешь. Неумишим помогай, но без нужды не расточай.

Молись усердно, чтоб Бог тебя подкрепил и наставил, и помни советы друга старого

папѣ Н <иколая>

Царское Село 1-го Мая 1838 г.»

Примечательно, что в новой инструкции отец как бы призывает сына оживить в сознании прошлогодний опыт и подчеркивает спасительность самобытного развития русского народа и государства. Он также предостерегает его от соблазнов и прельщений европейской цивилизации, даже достойные плоды которой не всегда годятся для отечественного употребления. И опять-таки весьма характерны советы сохранять соразмерную почтительность и осторожность, непосредственность и открытость в общении с самыми разными людьми, руководствуясь в затруднительных случаях чувством достоинства и голосом совести.

В послании царя к другому сыну, Николаю Николаевичу, также настойчиво звучит лейтмотив беззаветного служения Родине, а письмо к дочери Ольге Николаевне, чьи воспоминания публикуются в третьем разделе, проникнуто чувством неподдельного уважения к самостоятельности ее выбора в один из решающих моментов жизни.

Переписка Николая I с выдающимся историком и писателем Николаем Михайловичем Карамзиным (1766—1826) свидетельствует не только о присущей ему отзывчивости на просьбы о материальной помощи самых разных людей. Царю был близок сам дух долженствования, свойственный карамзинскому пониманию общественных процессов. «И жизнь наша и жизнь империй должна содействовать раскрытию великих способностей души человеческой; здесь все для души, все для ума и чувства; все бессмертие в их успехах!» — к таким выводам приходил автор «Истории государства Российского» в торжественной речи, произнесенной при его избрании в Российскую академию. Наиболее подходящей формой для этих целей и является происходящая из Божественного источника монархия, государственная мощь которой должна способствовать раскрытию нравственного содержания истории и одновременно, тем самым, внутренне удерж-

¹ Имеется в виду А. А. Кавелин.

живаться от обессиливания и распада. Историческая концепция Карамзина, кратко охарактеризованная во вступительной статье, была близка Николаю I, который мог по достоинству оценить честность и благородство, беспристрастность и неподкупность, объективность и глубину мысли ее поборника. Трудно судить о том, как бы складывались действительные отношения между царем и историком, если бы последнему был отпущен более длительный жизненный срок. Говоря о беседах с его предшественником, Александром I, Карамзин писал: «Я всегда был чистосердечен, он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однако же слушал их, хотя им, большею частию, и не следовало... Я не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой Гурьевской системе финансов, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о Министерстве просвещения или затмения, о необходимости иметь твердые законы, гражданские и государственные». Наверняка Николай I слушал бы столь же сочувственно и внимательно (хотя в силу своего характера не всегда кротко и терпеливо) подобные советы Карамзина, исполнению которых препятствовали бы самые разные обстоятельства и рецепты иных консультантов. В любом случае обо все подобном можно только гадать, поскольку уже весной 1826 г. историк скончался. Связанные с восстанием декабристов события разрушительно повлияли на его здоровье, о путях и средствах поправления которого и заходит речь в публикуемой переписке.

Имя графа Петра Христиановича Витгенштейна (1769—1843) великий князь Николай Павлович должен был хорошо запомнить еще со времени Отечественной войны 1812 года. Петр Христианович командовал тогда корпусом на петербургском направлении и заслужил особую благодарность и признательность петербуржцев после сражения при Чашниках, где он отрезал дорогу к северной столице маршалу Удино и разбил наголову его войска. Помощник члена репертуарной части дирекции императорских театров П. А. Корсаков сочинил стихи в честь Витгенштейна «Защитнику Петрова града», которые распевались не только в театре, но и на улицах:

Защитника Петрова града
Велит нам славить правды глас!
Его был Витгенштейн ограда,
И враг не смел идти на нас!
Хвала тебе, наш вождь, герой,
Что град Петров спасен тобой!

В 1813 г. Витгенштейн командовал русско-прусской армией, а сразу же по воцарении Николая I получил звание генерал-фельдмаршала, став в начале русско-турецкой войны 1828—1829 гг. главнокомандующим. Доверительные интонации публикуемого письма императора к военачальнику свидетельствуют о достаточно близких отношениях между ними.

Доверительные и дружеские отношения связывали царя и с А. Х. Бенкендорфом (1783—1844), что и проявляется в написанном им на французском языке послании к начальнику III отделения собственной его императорского величества канцелярии. Это послание отличает также военный и созидательный пафос, присущий устремлениям и действиям Николая I.

Послание Николая I великому князю Михаилу Павловичу (1798—1849), брату императора, главному начальнику Пажеского и Сухопутного кадетских корпусов, главнокомандующему Гвардейским и Гренадерским Корпусами, генерал-инспектору по инженерной части, интересно тем, что написано по свежим следам дуэли Пушкина с Дантесом и отличается точной нравственной оценкой тех, кто был причастен к непосредственным обстоятельствам этого события.

В переписке царя с другим братом, великим князем Константином Павловичем (1779—1831), главнокомандующим польской армией и наместником Царства Польского, важны замечания, касающиеся ретроспективных оценок всего пережитого за год после восстания декабристов, сомнений по поводу форм судопроизводства над ними, а также личных отношений между братьями.

III. Из мемуарных свидетельств и исторических осмыслений

Материалы раздела печатаются по следующим изданиям:

Из дневников Александры Федоровны // В кн.: Междуцарствие и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926, с.80—93.

Из дневников Марии Федоровны // В кн.: Междуцарствие и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.-Л.: Гос. изд.-во, 1926, с.94—103.

Сон юности: Записки дочери императора Николая, Великой княгини Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж, 1963, с. 6, 34—39, 65—93, 142—149.

Д. Н. Блудов. Завещание и последние дни императора Николая Первого // М.: Тип. Волкова, 1856.

18 августа 1855 года. Кн. Вяземского // СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1855.

Николай Тальберг. «Человек вполне русский» (Император Николай I в свете исторической правды). // В кн.: Тальберг Николай. Очерки истории Императорской России от Николая I до Царя-Мученика (Литературная учеба, 1995, №4, с. 19—142).

Ф. А. Бредихин. Памяти императора Николая I, основателя Николаевской (Пулковской) главной астрономической обсерватории, по случаю столетней годовщины со дня рождения. Речь академика Ф. А. Бредихина, произнесенная в публичном заседании Академии 29 декабря 1896 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1897.

В.С. Соловьев. Памяти императора Николая I // В кн.: Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Правда, 1989, с. 606—609.

Как уже отмечалось в начале вступительной статьи, сразу же после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. возобладали тенденциозно-классовое, превратно-укороченное истолкование жизни и деятельности Николая I, не учитывавшее не только всей полноты документов и сведений, но и перемалывавшее подлинный характер известных фактов в жерновах неадекватных схем. Реальные противоречия исторического самодержавия превращались тогда в его «ужасы», а его верховный представитель показывался «тираном», «извергом», «злодеем», «солдафоном», «барабанщиком» и т. п. Показательны в этом отношении появившиеся в 1917 г. брошюры Л. Н. Толстого «Николай Палкин (Об императоре Николае Павловиче)» и Е. Тарасова «Николаевщина (Время Николая I)», изданные Временным комитетом Государственной Думы в издательстве «Освобожденная Россия». Методологии подобных публицистических «очерков», получивших затем широкое распространение и имевших своих предшественников в лице так называемых революционных демократов XIX века, свойственен один весьма специфический прием. Его можно обозначить как технику прожектора, когда отдельные проявления личности императора или его правления (например, казенщина, формализм или приверженность армейской дисциплине) отделяются от всех остальных и исторического контекста, освещаются преувеличенно ярко, демонизируются и выдаются за целое.

По сравнению с такими работами выигрывают в правдивости труды официальной историографии, начало которой было положено книгами Н. Г. Устрялова «Историческое обозрение царствования Государя Императора Николая I» (1847) и М. А. Корфа «Восшествие на престол Императора Николая I» (1857). Через год после кончины царя была создана Комиссия по сбору материалов о его жизни и правлении, которую возглавил М. А. Корф, товарищ Пушкина по Лицею и государственный секретарь при Николае I. На основе материалов этой комиссии француз Поль Лакруа написал восемь томов биографии самодержца, один из которых был переведен на русский язык (Поль Лакруа. История жизни и царствования императора Всероссийского Николая I. Т. 1 Вып. 1—2. М., 1877—1878). В 1859 г. вышла также переводная книга графа де Пасси «Император Николай I и его царствование», изложение событий в которой заканчивается 1829 годом.

В трудах, опиравшихся на официальную точку зрения, подчеркивались достижения и оставались в тени оборотные стороны обозреваемого правления, которые искусственно обособлялись и выпячивались в либерально-демократической и революционно-классовой историографии, но которые, занимая свое естественное и соразмерное место, составляют подлинный драматизм николаевской эпохи. В разной степени подобные диспропорции видоизменялись в своих тенденциях, смягчались или усиливались во второй половине XIX — начале XX в. в статьях, брошюрах и книгах Р.М. Зотова «Исторические очерки царствования Николая I», М. П. Романова «Царствование императора Николая I», С. С. Татищева «Император Николай I и иностранные дворы: Исторические очерки», К. Н. Яроша «Император Николай Павлович: Биографический очерк», Д. П. Янковского «Личность императора Николая I и его эпоха», М. С. Лалаева «Император Николай, зиждитель русской школы: Исторический очерк», Н. А. Коргуева «Русский флот в царствование императора Николая I», А. Н. Филиппова «Император Николай I и Сперанский», Г. Василича «Восшествие на престол императора Николая I», А. Е. Зарина «Император Николай I: Его жизнь и царствование», В. Н. Сумцева «Император Николай I: Краткий исторический очерк», М. Бородкина «Венчанный рыцарь и его тернистый путь», Ю. В. Готье «Император Николай I (Опыт характеристики)», А. А. Кизеветтера «Внутренняя политика Николая Павловича», Е. В. Тарле «Самодержавие Николая I и французское общественное мнение», П. Е. Щеголева «Николай I и декабристы», М. А. Полиевктова «Николай I: Биография и обзор царствования» и др.

Среди всего многообразия существующих трудов о Николае I и его эпохе отобрана и положена в основу третьего раздела работа Н. Д. Тальберга, которая отличается фактологической полнотой и большим количеством цитируемых документов и свидетельств.

Николай Димитриевич Тальберг (1886—1967) по-своему воплощал и традиции императорской России, и их драматическую судьбу в последующей истории. Он является представителем шведского рода, чьи предки оказались в Риге во времена правления Екатерины II. Его отец, доктор уголовного права и профессор Киевского университета Св. Владимира Д. Г. Тальберг, был женат на потомственной дворянке Бессарабской губернии В. Е. Лазо (по матери историк приходился родственником известному большевистскому деятелю Сергею Лазо). После окончания Императорского училища правоведения он служил в Министерстве внутренних дел, где в 1914 г. стал чиновником особых поручений V класса, а в 1917 г. — помощником товарища министра. Вскоре революционные события заставили его подать в отставку, вступить в тайную монархическую организацию и в 1920 г. покинуть Россию. Пребывая в европейских центрах русской эмиграции (Берлине, Париже, Белграде), Тальберг оказался первым выбранным управляющим делами Высшего монархического совета, являлся членом совета Патриотического объединения и Державной комиссии, занимавшейся делами эмиграции.

После окончания в 1945 г. войны в Зальцбурге под началом Тальберга стал возводиться храм для беженцев и создана русская гимназия. В 1950 г. он переехал в США, где преподавал историю в Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле и одновременно постоянно сотрудничал в периодических изданиях Свято-Троицкого монастыря («Православной Руси», «Православной жизни», «Православном пути»), в газетах «Россия» и «Русская жизнь». Его перу принадлежат многочисленные статьи на церковные и исторические темы, нашедшие свое освещение еще в изданной в 1929 г. в Париже книге «Святая Русь». Издатель книги князь М. Н. Горчаков считал ее полезной для молодого поколения и писал: «Нашей молодежи приходится расти в те времена, когда т. н. „культурное“ человечество все более забывает „глагол, исходящий из уст Божиих“ и смысл жизни своей видит только в заботах о „хлебе“... Я хочу, чтобы молодежь поняла весь ужас замены основ христианства началами материалистической цивилизации. Я хочу, чтобы молодежь поняла красоту древней, одухотворенной Руси и сознавала, что воссоздать настоящую старую Россию можно только на основах Православия и что блага житейские будут прочны, если жизнь государства и личная жизнь будет проникнута

духовными, чистыми началами». В Джорданвилле выходят его новые книги: «Месясцелов русских святых», «Русская Православная Церковь в Северной Америке», «Муж верности и разума. К 50-летию кончины К. П. Победоносцева», «Отечественная быль» и др. «С рвением, подобным рвению древних русских летописцев, Н. Д. Тальберг, — писал о нем в газете «Россия» Г. В. Мяснев, — неутомимо, из дня в день, извлекает отовсюду: из забытых и полузабытых записок и воспоминаний, из старых книг, журналов и газет, — те кусочки правды, которые дают ему возможность беспристрастно, основываясь только на фактах, восстанавливать истинный — сияющий и светозарный — облик оклеветанной России. Без всякой шумихи, без громких и пышных слов, без грома фанфар и ложного пафоса, делает свое великое дело скоромный и благородный Н. Д. Тальберг».

В процитированных словах отмечены особенности «эмпирической» методологии историка, отличающие и публикуемую работу. «Кусочки правды», извлеченные из забытых и полузабытых записок и воспоминаний, из старых книг, журналов и газет, позволяют ему воспроизвести в реальной достоверности эпизодические картины жизни и правления Николая I с 1826 по 1855 г.

Речь академика Федора Александровича Бредихина (1831—1904) подчеркивает, какое большое значение придавал Николай I развитию отечественной науки. Действительно, в его царствование выделялись немалые финансовые средства для международных и региональных научных исследований, проведения опытов в области естествознания, уточнения географических и геодезических данных в самых удаленных уголках страны, изучения быта, языка, фольклора малых народностей (от Финляндии до Аляски), создания музеев, организации новых научных учреждений, издания научных трудов и т. д. Именно при нем были заложены основы современной структуры Академии наук, принят в 1836 г. ее новый Устав (просуществовавший почти столет), сформированы ее ведущие отделения и лаборатории, открыты Главная физическая обсерватория и Русское географическое общество. Значительное внимание царь уделял совершенствованию астрономии, в самом строе которой автор речи находит определенное соответствие с внутренней организацией его личности. Бредихин впервые в России стал заниматься астрофизикой и фотометрическим измерением звезд, проводил спектральное изучение Солнца, комет и туманностей, создал классификацию и механическую теорию кометных форм, теорию хвостов и распада комет, образования метеорных потоков. В разное время он был директором Московской, а затем Пулковской обсерватории и с полным правом мог оценить начинания императора: после открытия новой обсерватории в Пулкове Николай I повелел построить обсерваторию в Казани и Киеве, реконструировать старейшую обсерваторию в Москве, увеличить ассигнования Дерптской обсерватории.

В отличие от Тальберга и Бредихина, Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) ставит в центр не эмпирический материал, а важные элементы внутренней логики царствования Николая I, выражая при этом свое мировоззренческое отношение и концептуальное понимание исторических процессов. В посвященной со- рокалетию со дня кончины Николая I статье он отдает дань справедливости в оценке высших свойств личности царя, ставившего на первое место в монархическом государственном устройстве и в практической политике христианский идеал. Сын историка С. М. Соловьева, он в юности увлекся естествознанием и три года проучился на физико-математическом факультете Московского университета, но затем досрочно сдал экзамены на степень кандидата уже на историко-филологическом. Вскоре защита магистерской («Кризис западной философии — против позитивистов») и докторской («Критика отвлеченных начал») диссертаций открывали ему путь к блестящей карьере профессора философии. Однако после публичной речи против смертной казни народовольцев, убивших Александра II, Соловьев уходит в отставку и занимается построением своей собственной философии, в которой противоречиво пытается объединить в «великом синтезе» христианский платонизм, немецкий классический идеализм и научный эмпиризм, создать «свободную теософию», постигающую божественное начало в любых проявлениях действительности. В историософском плане он связывал свое философское твор-

чество с осуществлением христианского идеала, с теорией «Богочеловеческого процесса» спасения человечества, в котором русской монархии во главе с царем отводилась особая роль. Именно в таком контексте следует воспринимать общие положения и «скрытую» логику публикуемой статьи.

Что же касается публикуемых мемуарных свидетельств, ставших библиографической редкостью, они значимы и интересны с разных точек зрения.

Дневниковые записи матери Николая I, императрицы Марии Федоровны (1759—1828), урожденной принцессы Софии-Доротеи-Августы-Луизы Вюртембергской, а также его жены, императрицы Александры Федоровны (1798—1860), урожденной принцессы Шарлотты-Каролины Прусской, выявляют не только «внутренний», «родственный», «семейный» взгляд на обстоятельства междуцарствия и первых месяцев воцарения сына и мужа, но и не видимую постороннему взгляду интимную сторону их отношений. Эти отношения, как, впрочем, и примечательные черты придворного быта, монаршего воспитания и образования, непосредственные оценки окружающих людей, исторических и культурных событий должны привлечь читательское внимание и в воспоминаниях дочери Николая I Ольги Николаевны (1822—1892), обрученной 25 июня 1846 г. (день рождения отца) и повенчанной 1 июля 1846 г. (день рождения матери) с наследным принцем Вюртембергским Карлом-Фридрихом-Александром (вопросы выбора жениха император обсуждает с великой княжной Ольгой в публикуемом во втором разделе письме к ней от 26 декабря 1845 г.). В 1864 г. она стала королевой Вюртембергской, а в 1881—1882 гг. написала мемуары о детстве и юности, которые посвятила внучатым племянницам Эльзе и Ольге Вюртембергским. По ее завещанию они могли быть напечатаны спустя пятьдесят лет после кончины автора и вышли в свет в 1955 г. на немецком языке в Германии. Написанные по-французски воспоминания королевы Вюртембергской были опубликованы в 1963 г. в Париже и в русском переводе (всего пятьсот экземпляров), выполненном баронессой М. Б. Будберг фон Беннингсгаузен.

Государственный деятель Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864) точно, правдиво и относительно подробно освещает «последние дни» Николая I. Получив домашнее образование, он уже в пятнадцать лет поступил на службу в Московский архив Коллегии Министерства иностранных дел. Дальний родственник поэта Г. Р. Державина и двоюродный брат драматурга В. А. Озерова, он с юношеских лет интересовался литературой и находился в довольно близких отношениях с Н. М. Карамзиным, К. Н. Батюшковым, В. А. Жуковским. В 10-х годах он служил на дипломатическом поприще в Швеции и Англии, а в 1815 г. стал одним из организаторов и участников известного литературного общества «Арзамас». Будучи убежденным монархистом, он добросовестно исполнял назначенную ему роль делопроизводителя в Следственной комиссии по делу декабристов. Товарищ министра народного просвещения, министр внутренних дел, министр юстиции, главноуправляющий II отделением собственной его императорского величества канцелярии, член Государственного Совета, президент Академии наук — таковы вехи служебного пути Блудова при Николае I, который при Александре II стал председателем Государственного Совета и Кабинета Министров.

Известный поэт, критик и мемуарист Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) во второй половине своей жизни вполне разделял государственно-монархические взгляды Блудова, хотя в молодости был сторонником либеральных убеждений. Однако рост революционных настроений в Западной Европе середины XIX в., эгоцентрический индивидуализм и обмельчание личности в европейском обществе способствовали укреплению в нем консервативных воззрений. В публикуемой статье он выражает надежду и уверенность спустя шесть месяцев после кончины Николая I, что Россия вместе с новым царем продолжит его традиции, не растеряет своей державной мощи и не уступит напору настойчивых противников.

Содержание

<i>Борис Тарасов. Черты правления Николая I</i>	3
---	---

I. Духовные основы

Слово в день рождения Благочестивого государя, Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссийского, сказанное в Киево-Печерской Лавре Киевской Духовной академии ректором Братским Архимандритом Иннокентием, июня 25 дня, 1832 года	66
Митрополит Московский и Коломенский Филарет. Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича (Говорено в Успенском соборе июня 25 дня). 1851, год	73

II. От первого лица

<i>Записки, речи, манифесты</i>	80
Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно	
Сочинение В. К. Николая Павловича о Марке-Аврелии (Письмо к профессору морали Аделунгу). 1813 г.	90
Записки Николая	95
Собственноручная записка Императора Николая Павловича 1830 года. «Ma confession». (Политическая исповедь Императора Николая)	132
Речь Императора Николая Павловича римско-католическим епископам в 1844 г.	136
Записки Императора Николая Павловича о прусских делах	137
Высочайший Манифест 14 марта 1848 г.	142
Император Николай Павлович в его речи к депутатам Санкт-Петербургского дворянства, 21 марта 1848 г.	143
Император Николай и освобождение христианского Востока	146
Собственноручная записка Императора Николая I о войне с Турцией	151
Воззвание, написанное собственноручно Императором Николаем	155
Собственноручно написанный и исправленный Императором Николаем манифест 11 апреля 1854 г.	155

Письма

Письмо Великого Князя Николая Павловича к архиепископу Московскому Августину по случаю рождения Великого Князя Александра Николаевича. 1818	157
Высочайшая грамота на имя Филарета Московского	157
Письмо Императора Николая I к гр. Виттенштейну 15 декабря 1825 года	158
Император Николай Павлович и Карамзин в последние его дни. Их переписка	159
Из переписки Николая I и Константина Павловича	164

Письмо Императора Николая I А.Х. Бенкендорфу	173
Император Николай – Великому Князю Михаилу Павловичу	174
Письма императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу	176
Приложение к письмам императора Николая I к цесаревичу Алек- сандру Николаевичу	202
Инструкция и Наставление цесаревичу	202
Письмо Императора Николая Павловича к сыну его Великому Князю Николаю Николаевичу	207
Письмо Императора Николая Павловича в Палермо к дочери его Ве- ликой Княжне Ольге Николаевне	208

III. Из мемуарных свидетельств и исторических осмыслений

Из дневников Александры Федоровны	210
Из дневников Марии Федоровны	229
Сон юности: Записки дочери Императора Николая I, Великой Княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской (отрывки)	242
Д. Н. Блудов. Завещание и последние дни жизни Императора Николая Первого	285
18 августа 1855 года кн. Вяземского	307
Н. Тальберг. «Человек вполне русский» (Император Николай I в свете исторической правды)	310
Ф. А. Бредихин. Памяти императора Николая I, основателя Николаев- ской (Пулковской) главной астрономической обсерватории, по случаю столетней годовщины со дня рождения. Речь академика Ф. А. Бреди- хина, произнесенная в публичном заседании Академии 29 декабря 1896 года	452
В. С. Соловьев. Памяти императора Николая I	459
—	
<i>Примечания</i>	463

Документально-историческое издание

**НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ.
РЫЦАРЬ САМОДЕРЖАВИЯ**

Выпускающий редактор *М. Вервальд*
Младший редактор *М. Кулькова*
Художественный редактор *Л. Чернова*
Технический редактор *Н. Ремизова*
Компьютерная верстка *О. Тарвид*
Корректор *Н. Филиппова*

Подписано в печать 03.04.07.

Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,0+2,0 вкл. Тираж 2500 экз. Изд. № 05-7421. Заказ № 18056 (K-Sm).

Издательство «ОЛМА Медиа Групп»
105062, Москва, ул. Макаренко, д. 3, стр. 1

Отпечатано в ОАО «Смоленский ПК»
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1

«Благодарю всех, Меня любивших, всех, Мне служивших.
Прощаю всех, Меня несправивших.

Прошу всех, кого мог неумышленно огорчить, Меня простить. Я был человек со всеми слабостями, коим люди подвержены; старался исправиться в том, что за Собой худого знал. В ином успевал, в другом нет; прошу искренно Меня простить.

Я умираю с благодарным сердцем за все благо, которым Богу угодно было на сем преходящем мире Меня наградить; с пламенной любовью к нашей славной России, которой служил по крайнему Моему разумению верой и правдой; жалею, что не мог произвести того добра, которого столь искренно желал».

Из духовного завещания Николая I

Эпоху Николая I принято называть периодом мрачной реакции и безнадежного застоя, когда повсюду водворялись деспотический произвол, казарменный порядок и кладбищенская тишина. Так ли это на самом деле и кто он, император Николай Павлович, — укротитель революций, жандарм Европы, тюремщик декабристов, или монарх, «который ничего не требовал для себя и сражался только за принципы», «...один из благороднейших людей, одно из прекраснейших явлений в истории...»?

ОЛМА
МЕДИАГРУПП

ISBN 978-5-373-01261-4

9 785373 012614